

А.С. МЫЛЬНИКОВ

Ю.В. Иванова-Бучатская

А.А. Новик

В ЛЕСАХ СЕВЕРНОЙ ГЕРМАНИИ:
ПО СЛЕДАМ
ИСЧЕЗНУВШИХ СЛАВЯН

Полное собрание материалов
Первой Российско-германской этнологической экспедиции
в Северную Германию 2000 г.

Том I

Санкт-Петербург

«Наука»

2009

УДК 39(=16)(430)
ББК 63.5(3)
М94

Утверждено к печати Ученым советом МАЭ РАН

Рецензенты:

кандидат исторических наук *И.И. Верняев*,
кандидат исторических наук *Н.В. Ушаков*,
доктор исторических наук *Н.В. Юхнева*

Научный редактор доктор исторических наук, профессор Т.А. Бернштам

М94 Мыльников А.С., Иванова-Бучатская Ю.В., Новик А.А.
В лесах Северной Германии: По следам исчезнувших славян: Полное собрание материалов Первой Российско-германской этнологической экспедиции в Северную Германию 2000 г.: В 2 т. СПб.: Наука, 2009. Т. I. 604 с.; илл.

ISBN 978-5-02-025584-5

Книга представляет собой опубликованный источник по малоизученной в нашей стране теме — этнографии сел Германии на рубеже XX–XXI вв. Материалы, представленные в книге, — полевые дневники, записи рассказов немецких крестьян, фотографии — были собраны авторами коллективного труда в ходе уникальной совместной российско-германской этнографической экспедиции и опубликованы в аутентичном виде впервые. Книга не только знакомит читателя с многообразием культурных явлений немецкой деревни, но и посвящает в будни полевой работы, рабочий мир этнографа, показывает, как добывается материал, который позднее занимает место в архивах и музейных собраниях. Издание снабжено иллюстрациями из фонда МАЭ РАН, большая часть которых публикуется впервые.

Первый том книги посвящен правобережному Приэльбью, землям, входившим ранее в состав ГДР.

Адресовано широкому кругу читателей — этнографам, филологам-германистам, диалектологам, фольклористам, студентам-этнографам, а также всем интересующимся традиционной и современной культурой зарубежной Европы.

*На первой странице обложки — Праздник урожая. Деревня Лоозен. Мекленбург,
на четвертой — Музей под открытым небом Гросс Раден. Мекленбург.
Фотографии авторов.*

© А.С. Мыльников, Ю.В. Иванова-Бучатская,
А.А. Новик, 2009
© МАЭ РАН, 2009
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2009

ISBN 978-5-02-025584-5

ПРЕДИСЛОВИЕ

Со времени проведения нашей экспедиции на север Германии прошло восемь лет. Это немалый срок, чтобы осмыслить увиденное, обработать полученные материалы, структурировать собранное и записанное. Это немалый срок и в плане человеческой жизни. К большому сожалению, за время подготовки книги ушел из жизни вдохновитель и организатор экспедиции, выдающийся ученый и необыкновенный человек Александр Сергеевич Мыльников. Завершать работу над коллективным трудом пришлось нам, автору данных строк и ученице Александра Сергеевича Юлии Ивановой-Бучатской.

При работе над книгой нам приходилось уже ориентироваться на собственное понимание результатов экспедиции, и, к сожалению, мы не могли больше обратиться за советом, дружеским пожеланием к Александру Сергеевичу или просто спросить его мнения. Признаюсь, это было очень тяжело.

Еще в процессе подготовки нашей экспедиции мы договорились о научном сотрудничестве с блестящим этнографом, специалистом высочайшего класса в области славянской этнологии и народного христианства Татьяной Александровной Бернштам. Татьяна Александровна любезно согласилась быть редактором нашего коллективного труда. Все, кому посчастливилось знать ее в этом качестве, понимают, что лучшего научного редактора любого труда на тему славянской и европейской этнографии найти попросту нельзя. Так уж сложилось, что работа над монографией затягивалась, ушел из жизни А.С. Мыльников. Однако Татьяна Александровна не переставала интересоваться работой над отчетным трудом нашей экспедиции, всегда спрашивала о том, как продвигается работа. В итоге большущая рукопись была ей доставлена. Она приступила к ее редактированию. Высказала очень много суждений по поводу того, как надо улучшить или исправить то или иное. К большому горю, вскоре и Татьяны Александровны не стало. Так уж сложилось, что редактирование нашей монографии стало ее последней научной работой.

Очень печально было забирать из квартиры Т.А. Бернштам нашу рукопись, так щедро снабженную пометками и исправлениями. Сестра Татьяны Александровны, Ольга Михайловна Фишман, отдала аккуратно сложенную в папку с завязками рукопись, сказав: «Таня как всегда, что касалось науки, все сделала и оставила в безупречном виде».

Татьяна Александровна была смертельно больна, однако тратила свои силы и энергию на чтение большой рукописи, высказывала Юлии Ивановой-Бучатской свои идеи по поводу книги по телефону. Получив отредактированный вариант, я удивился обилию красных помет (нужно признать, что все рукописи она возвращала именно в таком виде. А потом, увидев недоуменный взгляд, говорила: «Что Вас пугает? У Вас хорошая статья. Ее надо просто немного улучшить»). В нашей монографии она исправляла в основном теоретические построения, оставляя изложение самого полевого материала практически нетронутым. Т.А. Бернштам считала, что фактологический материал, собранный в поле, непотопляем. Его интерпретация может вызвать критику и сомнения, а сам материал, донесенный до читателя, лишь заставляет работать мысль и дает неисчерпаемую возможность для научного поиска.

У монографии, как мы видим, была нелегкая издательская судьба.

Идея написания книги родилась непосредственно после проведения экспедиции в Ябельхайде и Ганноверский Вендланд. Долгий подготовительный этап, изучение архивов, систематизация источников, анализ полученных данных предварили поездку на север Германии. Нам предстояло изучать места прежнего расселения славян на правом и левом берегах Эльбы. Еще до самой экспедиции мы думали написать серию статей. Казалось, что собранный материал хорошо можно будет увязать с научными интересами каждого из участников проекта. А.С. Мыльников давно занимался вопросами этнической памяти и разработкой теории имагологии в сфере этнологии. Меня интересовали вопросы сохранения традиционных ремесел и промыслов в условиях усиления интеграционных процессов в Европе и наступления глобализации. Равно мне были интересны и моменты, связанные с сохранением, бытованием и развитием традиционного костюма в новых условиях в регионе. Ю.В. Иванова избрала для себя тему региональных особенностей крестьянского дома и славянских рудиментов в календарной обрядности.

Обоснований экспедиции было написано так много и для стольких инстанций, что для знакомства со всей научно-организационной кухней необходимо было бы написать обширную главу. Целью экспедиции было изучение территории расселения полабских славян на севере Германии. Экспедицию в этот регион отправлять было необходимо. Полевые исследования к 2000 г. здесь не проводились уже практически полвека. Следов славян здесь не искали с 1950-х годов. Хотя этнографический, этнолингвистический, археологический и прочий материал, по предварительным наблюдениям, лежал буквально на поверхности.

С самого начала мы определились с методикой проведения экспедиции. Основой работы должны были стать интервью с крестьянами — хранителями традиций в регионе. Мыслилось, что, приходя в дом, мы будем за-

давать вопросы по интересующим нас темам. Все так и происходило, как показывают представленные в книге материалы. Однако было одно важное НО — богатейший пласт материалов, которые трудно было отнести к одной из выбранных исследовательских тем. Жизнь людей многообразна. И никогда ни один исследователь не может заранее знать, какой материал ему удастся записать. Мы можем предполагать, догадываться, прогнозировать возможность получения тех или иных данных, но жизнь посылает нам подарки в виде находок, материалов и сведений, которые зачастую трудно переоценить. В Германии мы столкнулись с совершенно необъятным пластом сведений на самые разные темы. То, что наши немецкие коллеги были не очень уверены в самой возможности проведения полевой работы в Германии, понятно. «Как можно планировать экспедицию в Германию? Ведь немцы — это не папуасы. Их нельзя изучать как туземцев», — слышали мы возражения. Оказалось, что работать в поле в Германии не только нужно, но и можно, даже с большим успехом. Немцы дружелюбны, открыты, гостеприимны и готовы — самое важное — отвечать на вопросы ученых практически по всем темам.

Главная особенность специфики полевой работы в Германии — необходимость установления контакта с информантом еще до прихода в его дом. Вам необязательно знакомиться с ним заранее визуально. Достаточно быть рекомендованным. Желательно, чтобы рекомендация исходила от авторитетного лица (пастор или бургомистр очень подходят для таких целей). И у вас уже не будет проблем при работе с листами-опросниками, анкетами, расспросами на самые неожиданные темы.

С первого дня работы в немецких деревнях и городах стало ясно, что массив материала, который выплывает при нашей работе, явно перекрывает те темы, которыми мы изначально ограничили круг своих научных изысканий. В этих условиях пришлось менять тактику. Александр Сергеевич стал подробнейшим образом расспрашивать немецких информантов о праздниках и традициях, сохраняющихся в той или иной местности. Стало совершенно очевидным, что нам важен не только пласт славянской культуры (дошедшей до нашего времени или не сохранившейся в силу разных причин). Жизнь и быт людей, к которым мы приходили домой или которых мы встречали в кирхе или на сельском празднике, для научного исследования важны не в меньшей степени.

Юлия Валерьевна то и дело натыкалась на рассказы о знахарях и магических практиках и, само собой разумеется, стала собирать подобные сведения, а также представления о знающих людях в самых широких слоях немецкого общества. Иногда удавалось пообщаться с практикующими знахарями. Мы видели воочию, как люди, разъезжающие на «Мерседесах», работающие на компьютерах, сверяющие свои бумаги и документы с данными

в Интернете, вдруг начинали шептать заклинания и рассказывать, как с них снимали порчу или недомогание. Естественно, здесь приходилось перекалифицироваться в плане научных интересов и с упоением фиксировать новый полевой материал.

Традиционная тема народного жилища и местной архитектуры также приобретала новые ракурсы. Экспедиция давала шансы взглянуть по-новому не только на крыши из камыша или черепицы, на использование традиционного двора-сеней и т. п. важные для этнографии вещи. Неожиданным образом всплывали кажущиеся прежде второстепенными вопросы выбора цвета кафеля для ванной комнаты или набора необходимых предметов интерьера для обустройства гостиной. Имеет ли все это связь со славянской традицией или с младшей демонологией? Как трактовать тот факт, что в первом же немецком доме, в котором нам довелось работать, скатерть украшали славянские, конкретнее белорусские, орнаменты, а хозяева весьма верноподданно рассказывали о семье герцогов Мекленбургских («бывших наших правителей»)?

Как я мог обойти вниманием использование восточных ковров ручной работы в украшении интерьера и сосредоточиться только на немецких вышивках и кружеве? И стоило ли изучать традиционные для Вендланда чепцы и не обращать внимания на предпочтения в выборе тканей для занавесок и обивки современных диванов? А как поступить с особенностями национального этикета? Ведь задачи ученого, исследующего определенный регион, заключаются не только в сборе крупиц, способных пролить свет на тонкости этнопсихологии (какое мудреное слово!), но и в попытке хотя бы приблизительно описать, что и почему влияет, например, на выбор росписи фарфора и особенности дизайна столовых приборов. Не буду говорить сейчас о сложнейшем комплексе поведенческих установок и стереотипов. При всем разнообразии литературы о Германии я так и не видел ни у нас в отечестве, ни за рубежом книги об особенностях этноэтикета. (Признаюсь, разве только маленькую брошюрку, склонную скорее к иронии, чем к предложению советов.) А ведь не нужно быть знатоком галантных манер и особенностей стиля, чтобы увидеть, что немцы ведут себя совершенно по-особенному и во время представления, и во время приема гостей, и в часы досуга. Это неисчерпаемый клад для специалистов!

В ходе работы экспедиции мы приняли решение фиксировать буквально весь материал, относящийся к жизни изучаемого региона. Мы не вторгались в область археологии и другие сферы, требующие специальной профессиональной подготовки. Но археологические данные, которые лежали на поверхности и непосредственно касались наших задач, мы пытались аккуратно фиксировать.

Схема нашей работы была следующей. Мы приходили в дома к информантам. Знакомились. А далее озвучивали определенный набор вопросов, который помогал сориентироваться в том, на что нужно сделать акцент в работе с данным информантом. Разумеется, не следовало спрашивать убежденную сединою хозяйку городского дома о тонкостях ремесла кузнецов в прошлом, а юного студента — об излюбленных мотивах ришелье в рукоделии мекленбургских женщин (хотя опыт полевой работы говорит о самых невероятных возможностях и случайных попаданиях при сборе фактов). Тем не менее вопросы были строго направлены на выявление компетенции того или иного информанта. А затем нить разговора — свободной беседы — позволяла получить определенную информацию, которой обладал наш собеседник.

Так уж вышло, что самым распространенным был следующий сценарий интервью. Александр Сергеевич представлял нашу экспедицию и ее участников. Далее следовали традиционные вопросы, касающиеся славянского прошлого этих мест, а затем — широкий круг вопросов, призванных осветить тему традиционной культуры и ее составляющих. Юлия Валерьевна обычно подхватывала разговор и уводила его в сторону своих научных интересов, широта которых увеличивалась по мере работы экспедиции. Я тем временем фиксировал особенности жилого дома, предметы быта, обстановку, наличие предметов традиционной культуры, предметы искусства, предпочтения хозяев в плане украшений, домашней одежды, приема гостей и т.д. Порой приходилось вести многочасовые беседы. За это время я успевал буквально переписать все видимое имущество наших собеседников. Это позволило мне впоследствии шутить, что я могу работать в федеральной налоговой службе Германии — вряд ли кто еще так хорошо знает, сколько в каком доме хрустальных ваз и резных дубовых горок с фарфоровыми статуэтками. Шутки шутками, но проводимая практически в каждом доме работа по фиксации культуры быта и устройства жизненного пространства помогла создать удивительно подробную картину жизни немецкого крестьянства на рубеже XX–XXI вв. Этнография повседневного быта, которую мы пытаемся воссоздать в музеях, опять методически страдает. В поисках прошлого мы зачастую забываем о настоящем. И вместе с настоящим безвозвратно уходит часть истории, которую будет просто невозможно восстановить.

В конце беседы с информантами мы переходили обычно на вопросы по поводу сохранения традиционных ремесел и промыслов, о бытовании народной одежды, ее праздничных вариантах. Зачастую случалось так, что в домах некоторых информантов эти темы становились основными с самого начала. Убежденные ценители старины пытались сохранять в своих домах предметы старинной утвари, бабушкины наряды, мебель ремесленного производства и т.д. А некоторые пытались и пытаются создавать костюмы

и объекты украшения интерьера, используя в качестве образца вещи из бабушкиного сундука или чулана. В таких случаях сами информанты становились ведущими интервью. Их не надо было упрашивать отвечать на вопросы. Они охотно делились знаниями и показывали то, что хранилось у них в домах.

Записи велись на разных носителях. Как правило, мы одновременно делали пометки в полевых дневниках. Практически все разговоры с информантами записывались на магнитофонную ленту. Наиболее интересные информанты, объекты, предметы быта, жилище и т.д. фиксировались на фотоплёнку. Интересные сюжеты снимались на видеокамеру. Все это позволило создать необычайно большой и богатый по диапазону корпус полевых материалов.

Особое место среди материалов экспедиции заняли предметы традиционной культуры Мекленбурга и Ганноверского Вендланда, которые нам удалось получить в дар для Кунсткамеры. Это совершенно уникальная и удивительная история, которая стоит отдельного рассказа. Когда мы только собирались осуществлять наши полевые исследования и еще только заявляли наши планы, находилось немало скептиков, сомневающихся в успехе проекта. Однако работа в поле, знакомство с самыми разными людьми, беседы с крестьянами, поездки к чиновникам различного уровня, поддержание связей с немецкой прессой позволили не только записать на аудио- и запечатлеть на фото- и видеоплёнку обширный полевой материал, но и настолько войти в доверие к местным людям и заставить их поверить в высокие цели и задачи нашей экспедиции, что мы смогли получить в дар от жителей деревень региона многочисленные предметы традиционного быта, относящиеся к XIX–XX столетиям. Самому старому предмету, нижней женской рубахе с монограммой владелицы, уже более 170 лет.

Однако дело не в том, сколько раритетов смогла добыть экспедиция для европейских коллекций МАЭ РАН. Основное достижение совместной Первой Российской-германской экспедиции заключается в установлении доверительных, дружеских отношений с людьми, которые как раз и представляют объект исследования, ведь именно люди изучаемого региона — носители знаний и представлений о славянском прошлом Вендланда и Ябельхайде. Важно то, что в ходе экспедиции отношения информант–исследователь складывались в человеческом ключе. Нам удалось донести до наших информантов важность миссии экспедиции (очень хочу, но порой не могу избежать высокопарности). Было трогательно наблюдать, как люди, возможно, никогда не слышавшие прежде о Готторпском глобусе, но выслушавшие практически лекцию профессора Мыльникова об истории сего чуда, начинали понимать, что старейшему российскому музею просто необходимо помочь в собирании предметов традиционной культуры Северной Германии,

так как это не просто обогатит фонды музейного собрания (важность этого и так становилась для них очевидной), но и поможет донести для потомков те предметы, которые характеризуют жизнь людей, близких им, в настоящем или которые бытовали в эпоху их бабушек и прабабушек.

В итоге нами было собрано двадцать разнообразных по тематике предметов традиционной культуры, которые вошли в собрание МАЭ РАН. Среди привезенного из экспедиции была стопка полевых дневников, 23 аудиокассеты, 10 видеокассет, 600 фотографий. Все это научное богатство было обработано и стало частью фондов музея. Я уже не говорю об огромном количестве книг, брошюр, альбомов, монографий и рукописей, изданных на немецком языке и нижненемецком диалекте и имеющих непосредственное отношение к теме исследования. Ко всему этому стоит прибавить сотни страниц копированных архивов, материалов краеведов, документов самых разных эпох. Огромный архив экспедиции, собранный отделом европеистики МАЭ, стал по-настоящему уникальным. Его обработка заняла много лет — в целом аж восемь! И не все, понятно, стало предметом детального изучения в силу ограниченности времени.

После возвращения из Германии в ноябре 2000 г. мы приняли решение писать не просто серию статей и публиковать материалы полевых изысканий в немецких и российских изданиях, а готовить коллективную монографию. Темы интересов были распределены еще задолго до самой поездки. Однако оказалось, что материал значительно обширнее, чем мы могли предполагать. Поэтому круг тем для написания статей был существенным образом расширен.

Мы приступили к работе. Но спустя около года после завершения экспедиции Александр Сергеевич Мыльников предложил коренным образом изменить суть коллективной монографии и опубликовать непосредственно полевые материалы. Наше видение процессов в Мекленбурге и Ганноверском Вендланде — результат научных изысканий и анализа полевых материалов — может быть всегда поставлен под сомнение разными узкими специалистами. Не всегда можно учесть интересы и подходы археологов, не полностью можно познакомиться с данными исторических архивов, собраниями краеведов и т.д. Все это в конечном итоге может поставить под сомнение целый ряд заключительных выводов и итогов в большой монографии, претендующей на комплексность охвата материалов по изучению большого региона. Свои изыскания в плане научного осмысления результатов экспедиции мы оставляем для статей и серий публикаций, а итоговую книгу делаем исключительно в виде публикации полевых материалов. И материалы эти будут всегда непотопляемыми, так как они фиксируют конкретные сведения, собранные в ходе полевой работы.

После решения опубликовать книгу такой, какой ее видит читатель, прошло более семи лет. И мы сделали все так, как запланировал еще Александр Сергеевич Мильников. Трудности, с которыми мы столкнулись, очевидны. Не только завершить работу, но и осмыслить основной массив необходимо было уже без ее вдохновителя и важнейшего соавтора. Более того, полевые записи А.С. Мильникова остались практически не обработанными. Расшифровывать полевые дневники Александра Сергеевича пришлось Юлии Валерьевне. Работа, честно скажу, не из легких, учитывая непростой почерк и сложнейшую систему помет и записей, которые были характерны для черновиков А.С. Мильникова. В значительной степени эта монография стала возможной благодаря вдохновенному труду Ю.В. Ивановой-Бучатской. Вряд ли в совместных монографиях принято благодарить научных соавторов — ведь любая коллективная монография является совместным трудом. Но в данном случае это просто необходимо сделать. Юлия Валерьевна героически справилась с трудностями подготовки этого издания.

При подготовке книги неоценимую поддержку нам оказали Игорь Иванович Верняев (заместитель декана по науке исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета) и Никита Вадимович Ушаков (заведующий лабораторией аудио-, фото- и видеоматериалов МАЭ РАН), которые сразу одобрили идею книги и поддержали мудрым советом и рекомендациями. Неоценимый вклад в идейное содержание книги внесла Татьяна Александровна Бернштам, которая не только обсуждала концепцию работы с самого начала подготовки экспедиции, но и стала научным редактором коллективной монографии.

Окрыленные поддержкой коллег и единомышленников, мы с большим энтузиазмом писали эту книгу. За время ее подготовки вышла научная монография и немало статей по теме славяно-германского культурного синтеза на севере Германии, опубликованных нами в различных изданиях как у нас в отечестве, так и за рубежом. На основе материалов экспедиции была написана и защищена кандидатская диссертация. И не только сугубо научные издания стали полигоном для освещения результатов экспедиции. Особую часть публикаций составили блоки в научно-популярных изданиях, специализирующихся на темах национального и делового этикета, истории регионов мира и археологии, путешествий и туризма. Большой интерес к нашей экспедиции проявили и петербургские газеты, и петербургское радио.

Все это напоминало обстановку в самой Германии, когда с нами с нескрываемым энтузиазмом встречались журналисты из различных изданий. «Работа на публику» не просто тешила наше тщеславие — контакты со СМИ помогли в осуществлении планов экспедиции и в решении ее задач. Освещение работы в немецких газетах открывало в буквальном смысле двери домов немецких крестьян и распахивало калитки в усадьбы аристократов.

После того как выходил очередной номер местной газеты с информацией о нашей экспедиции, количество информантов, готовых побеседовать с нами и поделиться своим прошлым и настоящим, увеличивалось многократно. (Как человек, работающий в музее, не могу не добавить, что и вещи для музея дарились более щедро.)

Сотрудничество с прессой было по своей продуктивности равнозначно связям с местными пасторами. Рекомендация местных священников давала возможность откровенно беседовать с самыми закрытыми и не склонными к разговорам по душам местными жителями.

Совершенно особым результатом работы экспедиции стали выставки, которые осуществила за последние годы Кунсткамера в плане демонстрации привезенных из разных уголков мира новых коллекций. Так, в 2001–2002 гг. на суд публики была представлена выставка «Далекое близкое. Новые европейские коллекции Кунсткамеры». На ней были продемонстрированы замечательные вещи, привезенные сотрудниками отдела европеистики МАЭ из экспедиций последних лет. Большая витрина была посвящена изысканиям в Северной Германии. Традиционные предметы народного быта и праздничной культуры Германии, оказавшейся такой незнакомой нашему соотечественнику, вызвали неподдельный интерес у публики.

В 2005–2006 гг. в рамках проекта Кунсткамеры «Экспедиции продолжают» была развернута экспозиция «Plattes Land: Символы Северной Германии», также ставшая значительным событием не только в жизни Музея антропологии и этнографии, но и в культурной жизни Петербурга. Выставка предметов традиционного быта, снабженная обширным фоторядом и короткими видеороликами, сделанными на основе экспедиционных съемок, практически на год привлекла внимание людей, не равнодушных к самобытной культуре севера Германии. Изюминкой экспозиции стала демонстрация материалов и архивов экспедиции в виде полевых дневников, записей, тетрадей и карт участников проекта.

В музейной практике редкое явление, когда привезенные этнографические экспонаты становятся предметом сразу нескольких выставочных проектов в течение буквально нескольких лет. Здесь нужно выразить сердечную благодарность руководству МАЭ РАН за поддержку и самое добросердечное участие в наших музейных начинаниях.

Видеоматериалы, снятые в ходе экспедиции, стали первым видеоархивом МАЭ. Видеокассеты, их DVD-копии и оцифрованные сюжеты, равно как и видеопись отснятого материала, послужили примером для последующей систематизации видеоматериалов и их архивации в музейной практике не только Кунсткамеры, но и других учреждений науки и культуры.

Результаты экспедиции 2000 г. находят отражение в публикации полевых материалов. Однако значение и роль экспедиции в судьбах участников по-

левых исследований, равно как и в жизни людей, так или иначе связанных с ее проведением, оценивать пока рано. Так, совсем недавно мне пришлось быть научным руководителем экспедиции «Славянский ход 2008», которая проходила в Западной Сибири. Данный исследовательский проект является частью грандиозного по задумке плана возрождения традиционной культуры старожильческого русского населения и коренных народов обских угров на берегах Оби и Иртыша.

Юбилейная, десятая по счету, экспедиция ставила среди прочих и задачи сохранения традиционных занятий и художественных промыслов. В этом контексте опыт работы в Германии был исключительно полезен. Ведь те подходы, которые известны в этой стране, и тот апробированный на протяжении многих лет опыт поддержки традиционных занятий, ремесел и сохранения родных говоров представляет замечательный источник и пример для подражания во многих регионах мира. Чтобы перенести этот опыт на другой регион, достаточно определить местную специфику и просчитать локальные условия. В наш век информации подобные эксперименты не должны быть чем-то невероятно сложным и пугающим. Как ни странно, именно отсутствие информации порой и тормозит прогресс в разных сферах человеческой жизни.

Во время работы в Германии нам приходилось посещать деревни, которые вошли в федеральную программу «Деревня с будущим» («Dorf mit Zukunft»). В каждой федеральной земле был выбран населенный пункт, возродить который стали на федеральном уровне. На отпущенные деньги в этих деревнях стали возводить объекты социального и культурного назначения. Деревни были включены в маршруты, рекомендованные для туристов (а в Германии, как хорошо известно, исключительно хорошо налажен местный туризм — немцы любят ездить по своей стране). Гостиницы, рестораны и кафе, построенные при поддержке федеральных и земельных властей, должны в будущем обеспечить хорошее экономическое будущее этих деревень. Важнейшей составляющей программы стало возведение объектов культуры. Возможно, они даже более значимы для возрождения деревень. Так, в деревне Глаизин (Glaisin) в Мекленбурге был создан дом творчества, в котором стали проводиться занятия по вышиванию, ткачеству, вязанию и т. д. Местные женщины с удовольствием стали посещать подобные самообъединенные кружки и учиться друг у друга тем или иным навыкам и умениям. Проведение досуга в деревне стало интересным. Более того, то, что стали изготавливать женщины деревни, они смогли продавать на ярмарках и в магазинах сувениров, которые посещают туристы из всех уголков Германии.

К вопросу сохранения традиционных ремесел и рукоделия добавились курсы по изучению местного диалекта (Plattdeutsch), который постепенно угасал под воздействием общенемецких СМИ в силу сложившихся стерео-

типов и приоритетов современной жизни. Однако вместе с осознанием ценности собственной локальной культуры в области традиций, обычаев, навыков и промыслов пришло и осмысление роли родного языка. Чтобы сохранить будущее своей деревни, необходимо оставить новым поколениями весь комплекс традиционно-бытовой и духовной культуры, включая язык, устное народное творчество, художественные ремесла и промыслы, установки на восприятие прекрасного и т.д. Более того, необходимо оставить для будущих поколений и созданные на диалекте литературные произведения. Ведь мало того, что их удалось издать, важно, чтобы новые поколения могли их и читать. И не только читать, но и получать удовольствие от чтения.

Во всем этом сложном комплексе сохранения культурного наследия региона важную роль играют федеральные и земельные программы. Однако немаловажный фактор — человеческий. Ведь в конечном итоге все это делается ради человека. Без заинтересованности местного населения и осознания им значимости и ценности местной культуры нельзя построить будущее в отдельно взятом населенном пункте или районе. Лишь понимание того, что сохранение традиций и культурно-исторического контекста жизни и ландшафта местности в значительной мере зависит от ее жителей, может привести к продолжению жизни села и небольшого города еще на многие поколения вперед. И тогда молодежь перестанет уезжать в большие города (главная проблема во всех регионах мира), а будущее ее малой родины будет обеспечено.

Еще один замечательный пример — существование союзов безработных женщин. В городе Дёмитц нам удалось побывать в таком союзе и посмотреть, как он работает. Эта социальная программа рассчитана на поддержку семей и одновременно на сохранение традиционных ремесел и промыслов. В общих чертах сама идея может быть охарактеризована следующим образом. Любая женщина, оставшаяся без работы, имеет право обратиться за помощью в союз. И союз предоставляет ей возможность учиться и работу сроком на один год. В течение этого года женщина осваивает в союзе навыки ткачихи, вышивальщицы, вязальщицы и т.п. За время учебы и одновременно работы она получает зарплату, примерно в два раза превышающую ее пособие по безработице (на момент проведения экспедиции эти суммы равнялись приблизительно 1000 и 500 маркам). Предметы, которые женщина изготавливает, продаются на местных и земельных ярмарках, в магазинчиках и киосках при местных музеях и информационных центрах. Деньги поступают в бюджет союза, который содержит здание, покупает оборудование и все необходимые материалы. После года учебы и работы в союзе, как предполагается, женщина осваивает ремесленные навыки и может трудиться самостоятельно, предлагая свои изделия на ярмарках и торжищах, обеспечивая себе и своей семье определенный доход, а обществу — преемственность в плане сохранения ре-

месел и рукоделия. Она должна уйти из союза, освободив тем самым место очередной безработной. Приоритетов ни у кого нет, а потому все расстанется с союзом с сожалением, но без обид. Нам была предоставлена возможность посмотреть самим, как выглядит это социальное учреждение. Понятно, что такой опыт возможен лишь в развитых и богатых странах, а также в регионах с высоким уровнем экономического развития.

Когда меня пригласили в Югру поделиться знанием европейского опыта, я с огромным энтузиазмом попытался передать то, что было увидено и зафиксировано нами на севере Германии. Ханты-Мансийский автономный округ, располагающий в достаточной степени необходимыми ресурсами, должен учитывать накопленный немецкий опыт, и в этом плане работа нашей экспедиции имеет практическую значимость и ценность. Ведь то, что пытаются сделать руководители региона и наши коллеги в сфере сохранения культурного потенциала ХМАО, имеет аналоги в изучаемом районе Мекленбурга и Ганноверского Вендланда.

Работа над материалами экспедиции с выходом этой книги, разумеется, не завершается. Наша коллективная монография — лишь определенный этап в изучении и анализе тех полевых записей, которые были сделаны в 2000 г. После той длительной работы в поле, продолжавшейся более двух месяцев, нам представилась великолепная возможность бывать на севере Германии и наблюдать процессы, происходящие в деревнях и городах. С того времени жизнь внесла существенные коррективы. Приведу лишь один пример. Германия, как деятельный и ключевой член Европейского Союза, перешла на евро. Это, казалось бы, технически-организационное мероприятие стало причиной коренной ломки сложившихся стереотипов и качества жизни людей, что в очередной раз подчеркнуло степень влияния наступающих глобализационных процессов. Немецкая глубинка все больше и больше становится втянутой в мировую экономику. И слияние с мировыми процессами не проходит мирно и гладко. Очень многие люди противятся нивелированию стереотипов и унификации культуры. На этом фоне возрождается интерес к истокам собственной этнической и локальной культуры, повышается уровень местного и национального самосознания. Как следствие, происходит откат у определенной части населения от «генеральной» линии развития общества потребления и услуг.

Человечество стоит на пороге новой революции — перехода от экономики услуг к экономике впечатлений. Накопленные знания о природе человека, его устремлениях и системе ценностей являются безусловным капиталом приходящей системы. И в этом плане опыт изучения традиционной культуры региона Северной Германии может стать очень ценным, так как нам удалось запечатлеть состояние перехода XX столетия в XXI век.

Предлагая на суд читателей нашу книгу, нельзя не выразить благодарность людям, без которых ее выход в свет, равно как и проведение и успешная работа самой экспедиции, были бы совершенно невозможны.

Во-первых, это коллектив нашего дорогого учреждения, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Благодаря поддержке наших коллег и самой возможности работать в столь славном научном и музейном учреждении мы смогли осуществить этот непростой проект.

Во-вторых, немецкие коллеги, представляющие различные научные и музейные организации Германии.

В-третьих, наши замечательные информанты, без терпения, усердия и щедрой безвозмездной помощи которых было бы невозможно само проведение нашей экспедиции. Как правило, это были замечательные люди, жизнь некоторых из них могла бы послужить сюжетом для захватывающего романа или, во всяком случае, нескудной повести.

В-четвертых, немецкие и наши российские дипломаты, которые внесли посильный вклад не только в силу своих должностных обязанностей, но и из большого желания помочь научному и музейному проекту, видя в нем исключительную значимость и перспективность.

В-пятых, наши учителя, которые смогли привить нам любовь не только к научным штудиям, но и к работе в поле, с простыми людьми. Они научили нас не только использовать их знания и опыт, получая нужную информацию, но и сопереживать, вникать в их трудности и откликаться как на радости, так и на горести и беды. Лишь в искреннем желании понять и принять любого информанта наши учителя видели цель работы ученого-полевика.

В-шестых, наши замечательные коллеги — ученые, профессионалы в различных областях, будь то архивное дело или теория костюма, фольклористика или литературоведение, археология или антропология. Представляя различные научные учреждения нашего отечества или зарубежья, они всегда готовы были поделиться своими знаниями, опытом и любыми сведениями, способными пролить свет на тот или иной неясный нам факт или явление.

В-седьмых, государственные, муниципальные и сельские служащие всех известных званий и санов. Мы благодарны чиновникам, которые выделили нам грант на проведение экспедиции и всячески старались помочь в ходе ее проведения. Это не только высокое начальство федеральных фондов и программ, но и бургомистры, директора департаментов и заведующие всевозможными отделами и подразделениями разных рангов земельного, районного и деревенского уровней, которые помогали, чем могли.

В-восьмых, служители культа. Особую благодарность хотелось бы высказать пасторам и духовным лицам, чей авторитет в Северной Германии

непререкаем и очевиден. Благодаря духовным пастырям наша работа с информантами была хорошо планируемой и эффективной.

В-девятых, представители прессы, как отечественной, так и немецкой. Все журналисты, как пишущие для прессы, так и работающие для радио и телевидения, оказали нам самую действенную помощь в распространении знаний о целях и задачах нашей работы. Без их бойкого пера и задушевных интонаций в радиоэфире наше общение с людьми и доступ к самым потаенным кладезям информации были бы не столь оперативны.

В-десятых, наши родные, близкие и друзья, которые помогали не только поддержкой духовной, выражавшейся в одобрении или критике наших идей и умозаключений, но и реальной, когда заходила речь об организации выставок, интервью, технической обработке и оцифровке материалов, помощи с транспортом и т.д.

Всем этим людям самая глубокая благодарность и признательность!

Александр Новик

Предвидя неизбежную критику в адрес авторов, осмелившихся опубликовать экспедиционные материалы в таком полном виде и с такой временной задержкой, хотелось бы привести существенные, на наш взгляд, оговорки.

Полевой экспедиционный материал можно зафиксировать и сохранить как минимум в трех видах. Во-первых, в электронных копиях рукописных полевых дневников и текстовых расшифровок аудиозаписей, оригиналы которых хранятся в архиве. Во-вторых, в содержательных отчетах, где полевой материал отреферирован и изложен в сжатом виде, без малозначительных подробностей. В-третьих, в виде опубликованных выдержек из отчетов. Нужно отметить, что как содержательный отчет, так и публикация — это некоторый анализ материала, который допускает комментарии, т.е. теоретические выводы. Научная статья, где используются как собственные, так и собранные другими учеными и почерпнутые из архивов полевые материалы, уже есть форма интерпретации походного материала.

В конце XIX — начале XX в. в российской этнографии архивировали полевые материалы в форме содержательных отчетов, а также публиковали сами материалы. На основе последних создавались научные исследования, либо они использовались для теоретических построений. Век двадцатый изменил отношение к источнику: приоритетным стал его анализ и теоретическая интерпретация. В результате масса архивных полевых материалов осталась неиспользованной.

Именно поэтому мы решили публиковать материалы для введения их в научный оборот. Они приведены практически без изменений, за исключением небольшой литературной обработки. В ходе экспедиции мне было удобнее вести записи на немецком языке, чтобы не задумываться над переводом тех или иных реалий. Чтобы облегчить читателю восприятие текста, при подготовке монографии дневники были переведены на русский язык.

Публикация всех собранных нами полевых материалов подобным образом в ближайшее время после окончания экспедиции была невозможна из-за большого объема. Помимо подготовки книги нужно было успеть в срок защитить диссертацию, а также осуществить необходимую рутинную работу по составлению отчетов для фонда ДФГ, переводу этих отчетов на немецкий язык; должным образом зарегистрировать, передать на ответственное хранение и подробно описать привезенные предметы и фотографии, упорядочить архив экспедиции. Самой долгой и нудной работой, выпавшей на мою долю, была расшифровка кассет с записями интервью: здесь частое использование нашими информантами нижненемецкого диалекта усложнялось еще и порой плохим качеством, а также нерегулируемой скоростью записи, которая случилась вследствие того, что у нас просто-напросто сели батарейки в диктофоне, и никто не заметил этого вовремя. Расшифровка аудиозаписей продлилась четыре года и в объеме составила 32 авторских листа! Вкупе с непредвиденными горестными событиями, уже упомянутыми Александром Новиком, эти обстоятельства затянули подготовку монографии на долгие восемь лет.

Поскольку в нашей стране этнографические экспедиции в Западную Европу редки, а наша экспедиция была уникальной, мы сочли необходимым опубликовать в несокращенном виде тексты полевых дневников всех участников. Часто в ходе работы с одним информантом запись производилась всеми тремя собирателями, и каждый вносил в нее разные детали: мы с Александром Сергеевичем фиксировали важные моменты беседы, и в этом смысле дублировали аудиозапись, Александр Александрович составлял подробнейшую опись того, что мы видели глазами — интерьер, внешность, одежду, посуду и т.п. При этом А.С. Мыльников делал акцент в записи на родословной и происхождении, на моментах, связанных с самосознанием, историей региона или же хозяйственно-учетной стороной, я — на календарной и семейной обрядности. Чтобы читатель мог сопоставить эти записи с аутентичным источником — аудиозаписью интервью — мы сочли нужным также привести полные расшифровки аудиозаписей. Поэтому материал в монографии концентрируется вокруг одного дня и информантов, с которыми в этот день работали собиратели.

Для удобства пользования материалом текстовые расшифровки аудиозаписей помещены не в Приложениях, а сразу после полевых заметок со-

ответствующего дня. Мы надеемся, что таким образом нам удалось максимально избежать огромного количества ссылок и «технологической» перегрузки текста номерами интервью и страниц.

Общение с информантами во время экспедиции происходило на верхненемецком литературном языке, частично на нижненемецком диалекте, поэтому все аудиозаписи и их текстовые расшифровки в целях сохранения аутентичности источника приведены авторами на языке оригинала и не переводились на русский.

В Приложения вынесены полные описания фото- и видеоматериала, а также вещевой коллекции, привезенной из экспедиции. Кроме того, мы сочли уместным опубликовать только небольшую часть фотографий, которые максимально освещают все рабочие моменты экспедиции. Основной массив фотографий приложен на DVD.

Все материалы, собранные в ходе экспедиции, составляют ныне коллекции фонда Европы Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (вещевая коллекция № 7182, иллюстративная коллекция № И-2197, аудиокolleкция № А-2, видеокolleкция № В-1); дневники участников экспедиции в рукописном виде хранятся в архиве МАЭ РАН (Иванова Ю.В. Мекленбург — Вендланд 2000. Полевой дневник. Архив МАЭ РАН, К-1. Оп. 2. № 1730; Новик А.А. Экспедиция в Мекленбург и Ганноверский Вендланд. Архив МАЭ РАН, К-1. Оп. 2. Мыльников А.С. Домашний архив С.А. Мыльникова).

Юлия Иванова-Бучатская

ИЗ ПРЕДЫСТОРИИ ЭКСПЕДИЦИИ: ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Воскресным утром 10 сентября 2000 г. в берлинском аэропорту «Шёнефельд» приземлился самолет санкт-петербургской авиакомпании «Пулково». Среди его пассажиров находились научные сотрудники отдела европеистики Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук — участники первой в истории этнографической науки совместной Российско-немецкой этнографической экспедиции: ее руководитель доктор исторических наук, профессор Александр Сергеевич Мыльников и его молодые коллеги — кандидат исторических наук Александр Александрович Новик и младший научный сотрудник Юлия Валерьевна Иванова. Цель участников экспедиции заключалась в проведении полевых этнографических исследований в Северной Германии.

Северная Германия была избрана не случайно. В эпоху волнообразного Великого переселения народов вандалские группы восточногерманских племен в IV в. н.э. двинулись на Запад, а на опустевших территориях приблизительно с конца V — начала VI вв. стали расселяться шедшие с востока славянские племена. Обобщенно их принято называть полабскими славянами, поскольку в основном они оседали в междуречье Одера и Эльбы, по реке Заале до Лужицы (Лаузица), отчасти — в Левобережье Эльбы и других областях Германии. Примерно с X–XI вв. наметилось обратное движение германского этноса на восток (1). При этом военно-политическая экспансия германских феодалов, использовавших тактику насильственной христианизации языческого славянского населения, сочеталась с массовой крестьянской колонизацией германцев. Постепенно эти сложные и драматические процессы привели в XII–XIII вв. к ассимиляции подавляющей части полабских славян (по-немецки «вендов») в составе формировавшегося немецкого этноса. Это имело для этнической истории немцев большое значение. «Ассимиляционные процессы, которые сочетались с переходом к развитому феодальному обществу, — отмечал авторитетный немецкий исследователь Иоахим Херрман, — привели с XII–XIII вв. к возникновению новых этнических групп немецкого народа с различным, но сильным участием славянских крестьян, ремесленников и жителей городов» (2).

Впрочем, происходило это в разных частях Германии асинхронно и полностью не завершилось до сих пор: достаточно сослаться на сохранение небольшой части южного полабского этнического массива — лужицких сербов (по-немецки «сорбы») в районах Котбуса и Баутцена / Будышина (по имеющимся оценкам, ныне около 50–60 тысяч человек). Но и на Севере Германии

полабские славяне исчезли не вдруг и не сразу. Анализ письменных и других источников показывает, что это был достаточно длительный период. Дольше всего славянское («вендское») население со своим языком и обычаями удерживалось до конца XVII в. в юго-западной части (Ябельхайде) герцогства Мекленбург (ныне федеральная земля Мекленбург-Передняя Померания), и до первой половины XVIII в. в Ганноверском Вендланде (ныне федеральная земля Нижняя Саксония). В этих районах, лежащих по правому и левому берегам реки Эльба (Лаба), нам и предстояло в течение более двух месяцев провести этнографические исследования.

Этнографическая часть проекта, исходные цели и задачи которого были сформулированы еще в 1980 г. Вольфгангом Фритце (3), а затем развиты Клаусом Цернаком, Винфридом Эберхардом, Кристианом Любке и другими немецкими учеными (4), получила реализацию в 2000 г. Новым стимулом воплощения фундаментального междисциплинарного исследования стало учреждение в Лейпциге Центра общественных наук по истории и культуре Восточно-Центральной Европы (Geisteswissenschaftliches Zentrum Geschichte und Kultur Ostmitteleuropas, сокращенно — GWZO). Основанный в октябре 1995 г. Федеральной землей Саксония Центр с начала 1996 г. приступил к работе. «Ядром Восточно-Центральной Европы, — поясняет директор Центра В. Эберхард, — являются польские, чешские и венгерские земли в их исторически менявшемся составе, интересные прежде всего для компаративного подхода исследовательского проекта. Но к ним относятся также расположенные восточнее Эльбы и Заале немецкие исторические области с их славяно-немецкими переплетениями, т.е. “*Germania Slavica*”»(5). Содержание и место «*Germania Slavica*» в системе научной деятельности лейпцигского Центра было рассмотрено в статье К. Любке (6), в то время куратора этого проекта, а с октября 2007 г. директора Центра. В рамках проекта «*Germania Slavica*» нам и предстояло осуществить задуманную работу. Но для определения ее объема, направленности, методики и выбора мест полевых исследований потребовалось несколько лет подготовки.

Примечания

1. Tetzner F. Die Slawen in Deutschland. Beiträge zur Volkskunde. Braunschweig, 1902; Die Slawen in Deutschland. Ein Handbuch. Neubearbeitung. Hrsg. von J. Herrmann. Berlin, 1985.

2. Herrmann J. Die Nordwestslawen und ihr Anteil an der Geschichte deutschen Volkes. Berlin, 1973. S. 29.

3. Fritze W. *Germania Slavica*. Zielsetzung und Arbeitsprogramm einer interdisziplinären Arbeitsgruppe // *Germania Slavica*. Hrsg. von W.H. Fritze. Berlin, 1980. Bd.1. S. 11–40.

4. Forschungsschwerpunkt Geschichte und Kultur Ostmitteleuropas. Kommissarische Leiter K. Zernack, W. Eberhard. Berlin, s.D.

5. Eberhard W. Vorwort // Struktur und Wandel im Früh- und Hochmittelalter. Eine Bestandsaufnahme aktueller Forschungen zur *Germania Slavica*. Hrsg. von Chr. Lübke. Stuttgart, 1998. S. 7.

6. Lübke Chr. Einführung: *Germania — Slavica — Forschung im Geisteswissenschaftliche n Zentrum Geschichte und Kultur Ostmitteleuropas e. V.: Die Germania Slavica als Bestandteil Ostmitteleuropa // Struktur und Wandel... S. 9–16.*

ОТ ЗАМЫСЛА К РЕАЛИЗАЦИИ

Идея проведения этнографической экспедиции на территории Северной Германии для поисков славянских следов, в основном между реками Эльба и Одер, принадлежала А.С. Мыльникову. Ее возникновение в самом начале 1990-х годов было связано с его научными интересами (1), легшими в основу коллективной разработки проблемы генезиса этнического самосознания у славянских народов (2).

Дело в том, что вопросы истории и культуры проживавших на территории Северной Германии западнославянских (полабских) племен от рубежа V–VI вв. и до их ассимиляции давно стали предметом изучения археологов, историков, лингвистов, фольклористов, а также краеведов, прежде всего немецких. Но в отличие от этнографически хорошо изученных серболужицан (сорбов) этнографическое изучение северополабских славян и процессов их германизации за редкими исключениями ограничивалось Средневековьем. Между тем этот процесс был более длительным, т.к. оставил существенный след в немецкой этнической истории. Возникал вопрос: какой?

Получить на него ответ представлялось заманчивым, для чего совершенно необходим был помимо письменных источников и современный живой материал, собранный «в поле». Уже тогда было ясно, что это, в свою очередь, позволило бы рассмотреть и осмыслить механизм вхождения ассимилированного славянского населения в немецкий этнос и соответственно его культурного наследия — в современную немецкую народную культуру. Конечно, поначалу многие стороны будущей полевой работы оставались в полнейшем тумане. И прежде всего в части организации (круг участников) и осуществления (финансирование) задуманной экспедиции.

Во избежание понятийной путаницы мы решили пояснить, что в русском языке одно из значений слова «экспедиция» — «поездка, поход группы лиц, отряда с каким-либо специальным заданием, например, научная экспедиция» (3). По-немецки этот термин воспринимается несколько иначе, с учетом пространственного критерия — «поездка куда-то далеко, по большей части в незнакомую местность» (например, на Южный полюс). В кругах немецких коллег в нашем случае употреблялся термин «Exkursion», которым в немецкой этнографической науке обычно обозначают полевые студенческие практики, а также собственно экскурсии в деревни. На наш взгляд, корректным для перевода на немецкий язык русского понятия «экспедиция» яви-

лось бы слово «Forschungsreise», то есть «исследовательское путешествие», «поездка с исследовательскими целями» (4).

В экспедиционном архиве (далее — ЭА) частично сохранилась переписка, связанная с ходом реализации задуманного проекта. Об этом в первой половине 1990-х годов А.С. Мыльников, будучи в то время директором Кунсткамеры, говорил несколько раз в Отделении истории РАН в Москве. 23 октября 1992 г. он направил письмо Председателю Федеральной телерадиовещательной службы «Россия» Б.А. Курковой, в котором извещал о намерении Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого провести в 1993 г. этнографическую экспедицию в Северную Германию и предлагал включить в состав экспедиции телевизионную съемочную группу (ЭА, № 1, л. 1). Сказать по правде, подобные предложения отклика с российской стороны ни тогда, ни позднее не получили. Но зато ими заинтересовалась немецкая сторона. Тогда же, в конце 1992 и в 1993 гг., письма с кратким обоснованием идеи экспедиции были направлены депутату Ландтага земли Шлезвиг-Гольштейн проф. Эккехарду Клогу, директору Балтийской академии в Травемюнде доктору Дитмару Альбрехту, директору Шлезвиг-Гольштейнского музея под открытым небом доктору Карлу Ингверу Иохансену. Со всеми ними А.С. Мыльников был к тому времени знаком и, находясь в научных командировках в Германии, делился планами этнографического обследования районов Северной Германии, где прежде проживали славяне. Поначалу речь в основном шла об острове Рюген, Ганноверском Вендланде и отчасти о Восточном Гольштейне. Положительная ответная реакция с немецкой стороны и стала, по сути дела, началом реальной подготовительной работы.

7 января 1994 г. в ответном письме из Балтийской академии в Травемюнде руководитель соответствующего направления доктор Йорг Хакманн писал: «Глубокоуважаемый господин профессор Мыльников, ваш проект поездки (Exkursion) на Рюген и в Вендланд для исследования славянских культурных реликтов я передал в начале ноября господину Цернаку, который сказал мне, что он вполне усматривает возможность финансирования такой поездки и охотно готов этому содействовать». Далее Хакманн советовал непосредственно списаться с Цернаком (ЭА, № 1, л. 5).

Совет был тем более уместен, что А.С. Мыльников давно знал работы профессора Клауса Цернака, одного из виднейших немецких историков. А неоднократно встречаясь с Цернаком на многих научных конференциях, Мыльников имел возможность и лично познакомиться с этим обаятельным и отзывчивым человеком.

Поблагодарив Йорга Хакмана за столь обнадеживающий ответ и не откладывая дела в долгий ящик, 12 января 1994 г. А.С. Мыльников направил профессору Клаусу Цернаку факс с кратким изложением проекта совмест-

ной Российско-немецкой этнографической экспедиции для проведения полевой исследовательской работы.

Почти одновременно с этой перепиской пришел датированный 11 января 1994 г. ответ и от Карла Ингвера Иохансена. Он, в частности, посоветовал связаться с доктором Карлом Ковалевским из города Люхов (Вендланд), поскольку тот, по словам автора письма, будучи активным сторонником развития культурных контактов между европейским Западом и Востоком, мог бы явиться «связным (Verbindungsman) и советчиком» в нашем деле (ЭА, № 1, л. 8).

Совет Иохансена оказался не только полезным, но и своевременным. Ибо вскоре с Карлом Ковалевским и его вендландскими коллегами удалось установить дружественные личные и исключительно плодотворные деловые контакты. Но сперва в Кунсткамеру летом 1995 г. поступило письмо из Люхова на бланке «Общества по поддержанию круглых деревень в Ганноверском Вендланде», подписанное окружным архивариусом Вольфгангом Юрриесом (ЭА. № 2, л. 1–2). Правда, речь в письме шла не об экспедиции, а о поиске утраченного оригинала записок, автором которых был Иоганн Парум Шульце (1677–1740) — славянский самоучка и сельский староста, оставивший хронику событий с описанием обычаев местных вендов и их вымиравшего языка (5). Дело в том, что последним, кто видел и исследовал оригинал рукописи Шульце, был известный русский славист А. Ф. Гильфердинг, издавший текст записок в книге «Памятники наречия залабских древлян и глинян» в Санкт-Петербурге (1856). У вендландских коллег возникло предположение, не оказался ли оригинал рукописи Парум Шульце в России. В качестве консультанта и был приглашен А.С. Мыльников.

В ноябре 1995 г. в деревне Любельн, где располагается местный этнографический музей, состоялся коллоквиум с участием А.С. Мыльникова и видных немецких полабистов — профессора Дитриха Герхардта и доктора Вальтера Кестнера (6). Несмотря на краткость пребывания гостя из Кунсткамеры, удалось обсудить и некоторые вопросы будущей полевой работы, что было предварительно оговорено в переписке с В. Юрриесом и К. Ковалевским (ЭА, № 2, л. 5–6). Целесообразность такой работы немецкие коллеги полностью поддержали.

Будущее сотрудничество было закреплено 3 ноября того же года Протоколом о намерениях, подписанным с немецкой стороны В. Юрриесом, а с российской А.С. Мыльниковым (ЭА, № 2, л. 8). Протокол был утвержден Правлением «Общества по поддержанию круглых деревень в Ганноверском Вендланде» (3 ноября 1995 г.) и Ученым советом Кунсткамеры (21 марта 1996 г.) (ЭА, № 2, л. 9). Этим был сделан еще один шаг к реализации идеи этнографических исследований в области славянского культурного наследия в Северной Германии.

В 1996 г. в Кунсткамеру поступило письмо от руководителя проекта «Germania Slavica» профессора Кристиана Любке. Оно начиналось словами: «Господин профессор Цернак из Вольного Университета Берлина передал мне Ваш набросок исследовательского проекта к этнографической части Germania Slavica («Элементы традиционной культуры полабских славян в немецкой народной культуре») с просьбой рассмотреть, существует ли возможность в рамках нашего Центра поддержать планируемые Вами исследования» (ЭА, № 1, л. 10). Далее Любке сообщал о заинтересованности руководимой им междисциплинарной программы в предлагаемой нами этнографической работе и просил ответить на ряд конкретных уточняющих вопросов. Отвечая на эти вопросы, А.С. Мыльников поблагодарил за проявленное внимание к идее этнографического полевого исследования и предложил обсудить возможное сотрудничество при личной встрече (ЭА. № 1. л. 13). Она состоялась в мае во время пребывания директора Кунсткамеры на торжественном открытии в Халле международной выставки, посвященной русскому академику Георгу Вильгельму Стеллеру / Штеллеру (1709–1746) и его экспедиции в Сибирь.

После этой встречи письменный обмен мнениями в 1996 и 1997 гг. продолжался (ЭА, № 1, л. 14, 15, 17–21, 23). Тогда же установился и контакт с Институтом славистики одного из старейших немецких университетов в северно-германском городе Грайфсвальд. Директор этого Института профессор Манфред Нимайер не только с пониманием отнесся к идее экспедиции, но и создал условия для стажировки Ю.В. Ивановой, одной из ее будущих участниц. К тому времени в Историческом институте того же Университета стал работать и профессор К. Любке. Такое удачное совпадение в немалой степени способствовало успеху общего дела.

Ключевым явилось адресованное А.С. Мыльникову письмо К. Любке от 21 мая 1997 г. В нем сообщалось, что Научный совет лейпцигского Центра решил, во-первых, принять «проект исследования славянских реликтов в земле Мекленбург-Передняя Померания и, возможно, в Вендланде», включив его в проект «Germania Slavica», и, во-вторых, обратиться в Немецкий исследовательский фонд (Deutsche Forschungsgemeinschaft, сокращенно — DFG) с просьбой о финансовой поддержке. «Если DFG этот проект поддержит, — говорилось в письме далее, — Вы должны будете в будущем году приехать в Германию, с тем чтобы в первую очередь произвести необходимые источниковедческие разыскания, а равным образом определить конкретно возможные места для полевых исследований» (ЭА, № 1, л. 17). Естественно, с нашей стороны ничего иного, кроме согласия с таким планом, быть не могло. В обстановке приятных ожиданий наступил 1998 г., когда вопрос об экспедиции был не только решен окончательно, но и наконец-то приобрел вполне практический характер.

Об этом свидетельствовало февральское письмо директора лейпцигского Центра профессора Винфрида Эберхарда, которым А.С. Мыльников официально приглашался в Германию на два месяца в качестве гостя Центра для разысканий в библиотеках и музеях, встреч с немецкими этнографами и славистами, в том числе в Мекленбурге, с целью окончательной научной и организационной подготовки задуманных полевых исследований в рамках проекта «Germania Slavica». Такая поездка, состоявшаяся с 6 апреля по 6 июня, способствовала определению проблематики, методики и, что очень существенно, маршрута российско-немецкой этнологической экспедиции.

Примечания

1. *Мыльников А.С.* Картина славянского мира: Взгляд из Восточной Европы. Т. 1. СПб., 1996; Т. 2. СПб., 1999; *Мыльников А.С.* Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания. XVIII–XIX вв. СПб., 1997.

2. См., напр., серию, подготовленную Институтом славяноведения РАН: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья / Отв. ред. В.Д. Королук, Г.Г. Литаврин. М., 1982; *Акимова О.А. и др.* Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989; Этническое самосознание славян в XV столетии / Отв. ред. Г.Г. Литаврин, Б.Н. Флоря. М., 1995.

3. Словарь иностранных слов. 18-е изд. М., 1989. С. 588.

4. Langenscheidts Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Hrsg. von D. Götz, G. Haensch, H. Wellmann. Berlin etc., 1997. S. 309.

5. *Сурин А.Е.* Полабский язык. Минск, 1987.

6. *Beyer Ch.* Wo ist die Parum-Schultze-Chronik? // Elbe Jeetzel Zeitung, 1995. 14. November; *Лазарева Т.Г.* Да здравствует земля славян! // Вечерний Петербург. 1996. 17 мая.

ТОЧКИ ОТСЧЕТА

При работе в поле, как и в любом исследовании, необходимо определить отправные положения, которые можно назвать точками отсчета. В нашем случае к ним относились, во-первых, общие принципы подхода, т.е. вопросы методологии; во-вторых, оценка объема и уровня информационной обеспеченности, т.е. вопросы источниковедения и историографии; в-третьих, система конкретных научно-организационных действий, т.е. вопросы методики. Эти точки отсчета и были положены в основу научного обоснования, организации, выбора места и времени проведения полевой этнологической работы в Северной Германии.

I. Вопросы методологии. В центре внимания экспедиции находилась проблематика этнической истории. Принимая во внимание междисциплинарность проекта «*Germania Slavica*», частью которого эта деятельность являлась, предусматривалось привлечение междисциплинарных данных — истории, археологии, лингвистики, демографии, социологии, экологии и психологии. При этом исходными были следующие постулаты:

1. Этнические миграции и смешения составляют одну из универсальных этнокультурных закономерностей. Поэтому не существует так называемых этнически «чистых» народов, представления о которых суть проявления либо невежества, либо расистского мифотворчества.

2. Напротив, мировая этническая история является вечным движением, в ходе которого определенные этносы возникают, функционируют и прекращают свое самостоятельное бытие, а их представители, меняя этническую ориентацию, включаются в новые этнические общности.

3. При этом этнические культуры не исчезают полностью и бесследно, но в том или ином объеме и виде входят в культурные системы этносов-преемников.

4. Вследствие миграций и смешений на одной и той же территории в разные исторические эпохи могли проживать различные народы, оставляя память о себе в виде тех или иных материальных или духовных реликтов.

5. Отсюда следует, что этнокультурные традиции, носителями которых являются люди, могут иметь как моноэтнический, так и полиэтнический характер, а в их трансляции участвуют не только этнические, но и территориальные факторы.

6. Целеполагающей сердцевиной этнических процессов выступает этническое самосознание, показателями которого являются самоназвание

(экзо- и эндоэтнонимы), самоотнесение (этническая идентификация) и самоутверждение (этнический менталитет); каждый из них, генерируясь необязательно синхронно, на стадии зрелости этноса образует взаимосвязанную этнопсихологическую систему.

7. Язык, будучи важнейшим коммуникативным средством, играет роль одного из определителей этнического самосознания лишь в совокупности с другими элементами этничности, объективирующимися через различные материальные и духовные формы человеческой культурной деятельности. Опыт показывает, что именно эта деятельность, а не обязательно только язык, способна объективировать угасающее самосознание ассимилируемой этнической общности.

II. Вопросы источниковедения и историографии. Разумеется, обе эти вспомогательные исторические дисциплины имеют свой предмет рассмотрения. Но все же в нашем случае возникает ряд вопросов эвристического характера, имеющих вполне практическое значение. Самый важный — как корректно размежевать «источники» и «историографию»? Поясним на примере. Скажем, изданные в XVI в. книги мекленбургцев Альберта Кранца (ум. 1517) или Маршалка Туриуса (ум. 1526). Как сочинения, стоявшие по сути дела у истоков изучения этнической истории полабских славян в Германии, они, безусловно, должны рассматриваться как часть историографии темы. Однако авторы этих сочинений, наряду с использованием письменных источников, выявленных к тому времени, сообщали и о современных им данных, почерпнутых из личной осведомленности о сохранении в некоторых областях Мекленбургского герцогства славянских насельников с их языком и традиционными обычаями. Эти свидетельства современников для понимания сложных процессов славяно-немецкого этнокультурного синтеза в Северной Германии раннего Нового времени сами по себе являются первичными источниками. То же относится и к последующим свидетельствам немецких авторов, в которых история расселения северогерманских вендов сочеталась с фиксацией сохранения здесь их убывающих остатков вплоть до XVII–XVIII вв., а позднее с размышлениями о топонимических и других славянских реликтах (1). Очевидно, что при таком подходе история изучения этой группы полабских славян неразрывно переплеталась с источниковыми данными по этнической истории Северной Германии в Новое время. Иными словами, собственно историографические аспекты, отражавшие историю изучения вопроса, одновременно оказывались включенными в сферу источниковедения.

Не совсем традиционная ситуация заставила избрать такую методику, которая оптимально обеспечила бы получение результатов. А это означало, что источниковедение и историографию интересующей проблемы следовало рассматривать комплексно, как некую общую

базу информационного обеспечения грядущего полевого этнологического исследования. На подготовительной стадии камеральных разысканий, независимо от формальной классификации («источниковедение» и/или «историография»), следовало организовать своего рода «банк данных», в который вошли бы носители нужной информации.

К числу таковых после тщательного изучения репертуара немецкой (с особым вниманием к региональной) печати, были избраны — для XVI–XVIII вв. труды справочно-энциклопедического характера, а для последующего времени — научно-краеведческая периодика. Критерий такой избирательности был простым: именно в подобных изданиях, с одной стороны, аккумулировался опыт предшествующих разработок, а с другой стороны, фиксировались материалы текущих изучений и наблюдений, относившихся к интересовавшим нас аспектам эволюции проблематики славяно-немецкого этнокультурного синтеза. Одновременно такой подход давал возможность проследить динамику накопления эмпирического материала (2).

Показательны, например, сдвиги в словниках таких авторитетных немецких энциклопедий первой половины XVIII в., как «Allgemeines historisches Lexikon» (Leipzig, hrsg. v. J. F. Buddeus, 1709–1730. Aufl. 1–3) и «Großes vollständiges Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Künste» (Leipzig; Halle, hrsg. v. J. H. Zedler, 1732–1750). Если, скажем, в первом издании «Лексикона» Будея (1709) по интересующей нас проблематике была лишь одна статья о полабских славянах («Wenden»), то в двух последующих изданиях к ней добавились статьи об ободритах («Obotriti») и луижичских сербах («Sorben»). Эти статьи вошли затем в «Лексикон» Цедлера с добавлением статьи о дrevянах Вендланда. Приведем ее текст: «Дравен, определенная местность в Люнебургском герцогстве между Данненбергом, Ульценом и Люховым, и между здешними реками Ильменау и Етце, жители которой являются остатками тамошних древних ободритов-вендов, которые еще и поныне говорят на славянском и вендском языке, а также придерживаются многих языческих и суеверных дел» (Т. 7. С. 1411). Если отвлечься от некоторых неточностей и возможных опечаток (вроде славянского **и** (?) вендского языка), то приведенная статья важна известием о сохранении в Вендланде первой половины XVIII в. остатков славянского населения. В названных «Лексиконах» можно найти сведения о вендских поселениях, крепостях, князьях, а также о Радегасте, Свантовите и других персонажах языческого пантеона полабских славян.

В XIX в. эта проблематика из «большой» историографии перешла в руки краеведов. Для Мекленбурга ведущее место в освещении вендской темы заняло Общество мекленбургской истории и древностей, начавшее с 1836 г. регулярно выпускать «Ежегодники» («Jahrbücher des Vereins für mecklenburgische Geschichte und Alterthumskunde»), издание которых прекратилось во

время второй мировой войны. На протяжении нескольких десятилетий душой разработки темы мекленбургских (и соседних с ними) славян был Кристиан Фридрих Лиш (1801–1883). Благодаря его инициативе и при личном активном участии на страницах «Ежегодников» были рассмотрены, а во многих случаях впервые серьезно поставлены такие вопросы, как длительность сохранения в Мекленбурге и Вендланде языка, обычаев и элементов фольклора древян; отражение славянского наследия в мекленбургской ономастике; адаптация материальных и духовных традиций ассимилировавшихся полабов в современной авторам «Ежегодников» немецкой народной культуре.

Проблематика эта, существенная сама по себе, сочеталась с первых же томов «Ежегодника» с рассмотрением ряда вопросов северогерманской этнокультурной истории. Так, уже в 1837 г. была опубликована статья пастора Мюссая из Хансдорфа (Pastor Müssäus zu Hansdorf) «О низших сословиях в равнинных частях герцогства Мекленбург-Шверин». Автор отмечал, что представители высших сословий в больших и малых городах носят одежду иностранного покроя, в то время как сельские жители Западного Мекленбурга пользуются традиционным костюмом, сохранившим черты своеобразия с точки зрения как внешних форм, так и применяемого материала, который крестьяне либо покупают в городах, либо изготавливают сами (3). То, что интерес к особенностям местной культуры не был случайным, достаточно ясно сформулировал сам Лиш. Отметив, что вопрос о названиях древнейших поселений как отражении их истории «в нашем Отечестве обсуждается больше, нежели какое-нибудь другое историческое событие», Лиш пояснял: «Каждый стремится прежде всего с помощью исторических событий оживить землю, на которой живет и трудится» (4). Насколько убедительным оказалось такое объяснение, подтверждает статья некоего Р. Асмуса из города с характерным славянским названием Тетеров, опубликованная в журнале «Мекленбург» в 1929 г. Описав некоторые примеры отражения следов поселений и культуры древних славян в топонимике Тетерова и округи, автор замечал: «Удивительно, что, несмотря на массивную переработку последних следов вендского населения вследствие обратного германского движения на эти земли в XII–XIII вв., в отдельных местах смогли сохраниться достойные упоминания вендские традиции» (5). Суждение, подобное приведенному, в XIX — начале XX в. не были чем-то исключительным. О многих славянских вкраплениях в планировку деревень, орудия труда, одежду, аграрную и семейную обрядность, фольклор и другие материальные и духовные формы народной культуры Мекленбурга (отчасти и соседних с ним Вендланда и Бранденбурга) писали не только ученые, но и любители-краеведы.

Новую страницу в истории изучения славянского наследия в северогерманской народной культуре открыл Ханс Витте (Hans Witte). Выступая

26 апреля 1904 г. в Шверине с докладом «Остатки вендского населения в Западном Мекленбурге», Витте отмечал: «Вопрос о том, каким образом венды, населявшие всю нашу страну, полностью бесследно и, как представляется на первый взгляд, внезапно могли из Мекленбурга исчезнуть, зачастую противоречит научному и понятному объяснению» (6). Обращая внимание прежде всего на ономастику, Витте в серии последующих работ показал, что местное славянское население не исчезало и не разбегалось в непонятном направлении, как до него часто считалось, а, оставаясь в местах своего расселения, постепенно германизировалось, превращаясь по языку, культуре и образу жизни в немцев (7). Несмотря на известную политизацию его выводов в конце 1920 — начале 1930-х годов, именно Витте принадлежала заслуга первому взглянуть на проблему северогерманских вендов с точки зрения эволюции немецкого этноса. Именно такой подход Витте применил в фундаментальной «Мекленбургской истории» (1909–1913) (8), которую, заметим, в переработанном и дополненном по новейшим данным виде опубликовал в 1968 г. Манфред Хаманн (9).

Примечательно, что, опубликовав упомянутую статью Витте, издатель журнала Арним Тилле высказал глубокую мысль о том, что история колонизации и германизации восточных земель Германии «еще нуждается в изучении» и потому должна рассматриваться в рамках языковых границ от XII до XIX в. (10). О необходимости серьезной научной разработки немецко-полабского этнокультурного синтеза писал в 1916 г. (!) немецкий этнограф Отто Лауффер (11). Можно сказать, что перспективная идея этнологического подхода к истории и культуре северополабских славян, причем не только в древности, но и вплоть до XX в., уже тогда носилась в умах ряда немецких ученых, будучи в разные годы так или иначе затронутой Рихардом Воссидло и Райнхардом Олешом (12). К сожалению, в полной мере она не только не была реализована, но отчасти и забыта.

Тем не менее, мы не могли не учитывать современного состояния изученности в немецкой науке общей картины немецко-славянских (полабских) взаимосвязей и их культурных последствий начиная с раннего Средневековья (13). С этим сочетался и вопрос о культурной преемственности в условиях протекавшего на протяжении многих столетий процесса ассимиляции славянских племен в Северной Германии. Тем более что этот вопрос в немецкой этнографической науке все же ставился. «Славянское, нижненемецкое, верхненемецкое, — писал, например, в 1988 г. немецкий этнограф Ульрих Бенцин, — влились в мекленбургскую народную культуру, причем не только в языковой сфере. Их содержание касается иноэтнических моментов, особенностей внутриэтнических компонентов и общих национальных элементов, которые оказывали свое влияние в ходе исторического развития». В качестве одного из вероятных примеров на-

звана адаптация в мекленбургской деревне мотыги (Haken) определенного вида — орудия труда, применявшегося некогда в сельскохозяйственной деятельности ассимилированных полабских славян (14). В этой связи для подготовки полевой работы в Ябельхайде значительный интерес представляли результаты этнографической экспедиции 1956 г., проведенной здесь лейпцигским Государственным музеем этнографии. Хотя задачи, сходной с нашей, перед участниками той экспедиции не стояли, собранные тогда сельскохозяйственные орудия и предметы крестьянского быта, в основном XIX — начала XX в., позволяли сделать некоторые наблюдения, касавшиеся перемен в современном культурном ландшафте Ябельхайде (15).

При подготовке будущей экспедиции мы опирались на многие гипотезы, наблюдения и выводы наших предшественников. Но здесь возникали вопросы методики полевой работы, которые перед ними просто не стояли.

III. Вопросы методики. Выбор той или иной методики любого, в том числе и полевого этнографического, исследования зависит от намеченных целей и задач. В нашем случае, как отмечено выше, речь шла о выявлении места и значимости славянского наследия в немецкой народной культуре: Где? Когда? Каково?

Ответ на первых два вопроса был сформулирован на основе предварительного ознакомления с немецкой этнической историей в той мере, в какой в ней прослеживается славянский (полабский) элемент. При этом соблюдался ряд ограничений.

Во-первых, это должна быть территория, на которой процесс германизации славянского населения сопоставительно с другими частями Германии протекал более замедленными темпами при возможно минимизированном воздействии массовых миграций периодов Тридцатилетней войны XVII в. и двух мировых войн XX в.

Во-вторых, возможность документированного определения динамики массовой смены в это время этнокультурной ориентации проживавшего здесь населения.

В-третьих, наличие не только достоверной письменной фиксации этнокультурных особенностей обследуемой территории, но и живых следов немецко-славянского этнокультурного синтеза в исторической памяти местного коренного населения.

По результатам предварительных исследований, этим условиям как раз и отвечали два упоминавшиеся выше региона Северной Германии: Ябельхайде и Вендланд. Забегая вперед, можно констатировать правильность намеченного выбора в целом, хотя его нельзя считать исчерпывающим: не менее плодотворными могли бы оказаться полевые исследования в Восточном Гольштейне, Люнебургской пустоши и ряде примыкающих территорий.

Что же касается третьего вопроса о том, какое место занимает (и занимает ли вообще) славянское наследие в северогерманской народной культуре, то ответ на него мог быть дан лишь по результатам экспедиции, чему и была подчинена принятая нами методика.

Во-первых, наша методика базировалась на традициях русской полевой этнографической практики, одним из определяющих элементов которой является вживание исследователя в изучаемую среду и установление на этой основе доверительных отношений с информантами. Такой подход проявился и в тактике общения с населением, и в организации быта экспедиции.

Во-вторых, уже в начале подготовительной работы мы решительно отказались от распространенного в социологических науках метода структурированного интервью, когда опрос осуществляется устно или письменно по анкете, содержащей вопросы и несколько вариантов ответа на выбор. Мы исходили из того, что приемлемый при тестировании и для получения статистических данных такой метод в полевом исследовании едва ли способен привести к выявлению объективных результатов, поскольку заведомо ограничивает информанта и фактически навязывает ему желательный (к тому же зачастую априорно, а потому нередко ошибочно сформулированный) ответ. Поэтому нами был избран метод свободного глубинного интервью, в ходе которого информант может неожиданно сообщить сведения, о которых ни исследователь, ни он сам поначалу не думал. Таково свойство человеческой памяти, для которой характерно выстраивание ассоциативного ряда. «Ассоциативная связь представлений, — подчеркивал выдающийся российский психолог Л.С. Выготский, — подчеркивал выдающийся российский психолог Л.С. Выготский, — в том и заключается, что одно представление вызывает другое, которое с ним связано по смежности или времени» (16). Вызвать в памяти информанта связь дополнительных представлений «по смежности или времени» — задача интервьюера, достижимая с трудом и, увы, далеко не всегда.

Впрочем, глубинное интервью не означает спонтанной и бессистемной беседы. Наоборот, интервьюер при подготовке к беседе должен по возможности составить представление о психологическом типе информанта (возраст, пол, социальное положение, род занятий и профессиональных интересов, интеллектуальный уровень, характер и так далее). И, разумеется, определить круг вопросов, которые желательно выяснить. Последнее особенно важно при более или менее массовых опросах с целью последующего сопоставительного и критического анализа их результатов.

С этой целью в 1997 г. научный сотрудник МАЭ РАН М.А. Рубцова подготовила методическую разработку, построенную на основе полевого опыта российских этнографов. Эта разработка включала более 300 вопросов, касавшихся общей характеристики обследуемого региона, населения и рода его занятий, особенностей традиционной культуры. Этот документ, носив-

ший примерный характер, являлся своего рода желательной программой-максимум (ЭА, № 4). Но, поскольку сразу всего охватить было невозможно, а с чего-то приходилось начинать, было решено ограничиться вопросами этнокультурного самосознания, степени и характера осведомленности о вендах, истории деревень и края, а также такими традиционными материальными и духовными формами деревенской культуры, как жилище, одежда и праздничные обычаи. Впрочем, как читатели увидят далее, в ходе экспедиции удалось получить интересные данные, о которых поначалу ее участники и не помышляли. Это, впрочем, лишний раз подтверждает правильность избранного методического подхода.

Что же касается бытовой стороны дела, то был применен радиальный принцип: участники экспедиции совершали заранее намеченные выезды в окружающие деревни, базируясь стационарно. В Ябельхайде такой станцией была деревня Лаупин (Laurin), дом владельца автомастерской Фолкера Туттаса (Volker Tuttas); в Вендланде — деревня Баузен у Кленце (Bausen bei Clenze), дом крестьянина-пенсионера, художника-графика Херрманна Шульце (Herrmann Schulze). Необходимо подчеркнуть, что значительную помощь в определении круга информантов оказали местные протестантские пасторы, которые были заранее предупреждены лейпцигским Центром о нашем приезде и целях экспедиции.

Так идея полевого исследования мест бывшего расселения северополабских славян, ставших немцами, возникнув в начале 1990-х годов в Санкт-Петербурге, получив в последующие годы реальную поддержку со стороны немецких коллег, медленно, но уверенно прошла путь от замысла до реализации. Предыстория экспедиции завершилась 10 сентября 2000 г. С этого времени она стала фактом истории этнографической науки.

Примечания

1. *Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века. СПб., 1996. [далее: Т. 1]. С. 108–113; *Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI — начала XVIII века. СПб., 1999. С. 36–37. [далее: Т. 2].

2. Этот подход был разработан и реализован в статье: *Мыльников А.С.* Полабские славяне в научной мысли Германии конца XVII — первой половины XVIII в.: К вопросу о генезисе банка информации // *Letopis. Jahresschrift des Instituts für sorbische Volksforschung*, 1990. R. «B». № 37. S. 16–22.

3. Müßäus zu Hansdorf. Über die niedern Stände auf dem flachen Lande in Mecklenburg — Schwerin // *Jahrbücher*. 1837. Bd. 2. S. 107–108.

4. *Lisch G.C.F.* Die Burg Dobin und die Döpe bei Hohenß Bicheln *Jahrbücher*. 1840. Bd. 5. S. 123.

5. *Asmus R.* Spuren wendischer Siedlung und wendischen Kultes in der Flurnamen der Feldmark Teterow und ihrer nächsten Umgebung. Ein Beitrag zur Kultur- und Zeitgeschichte des letzten wendischen Volkstums im östlichen Mecklenburg // *Mecklenburg*. 1929. 1. S. 5.

6. *Witte H.* Wendische Bevölkerungsreste im westlichen Mecklenburg // Deutsche Geschichtsblätter. Monatsschrift zur Förderung der landesgeschichtlichen Forschung. 1904. Bd. 5. S. 219.
7. *Witte H.* Slawische Reste in Mecklenburg und an der Niederelbe // Der Ostdeutsche Volksboden. Hrsg. von W. Volz. Breslau, 1926. S. 192–205; *Witte H.* Von Mecklenburgischen Geschichte und Volksart. Rostock, 1931–1932.
8. *Witte H.* Mecklenburgische Geschichte. Wismar, 1909. Bd. 1. S. 7–23.
9. *Hamann M.* Mecklenburgische Geschichte... Auf dem Grund von Hans Witte neu bearbeitet. Köln; Graz, 1968.
10. *Tille A.* Nachwort // Deutsche Geschichtsblätter. 1904. Bd. 5. № 1. S. 235.
11. *Lauffer O.* Niederdeutsche Volkskunde. Leipzig, 1917. S. 15.
12. Например: *Wossidlo R.* Erntebräuche in Mecklenburg. Naumburg, 1928. S. 4; *Schwebe J.* Volksglaube und Volksbrauch im Hannoverschen Wendland. Köln; Gratz, 1960. S. 1–2; *Olesch R.* Zum Drawenopolabischen im Hannoverschen Wendland // Wendland und Altmark in historischer und sprachwissenschaftlicher Sicht. Lüneburg, 1992. S. 102.
13. Анализ современной немецкой историографии темы показывает, что, хотя преимущественное внимание обращено на период раннего Средневековья, ряд работ (включая отдельные работы первой половины XX в.) посвящен общим проблемам темы, отчасти включая и более широкий хронологический охват, затрагивающий и области Северной Германии: *Engel F.* Deutsche und Slawische Einflüsse in der Dobbertiner Kulturlandschaft & Siedlungsgeographie und Wirtschaftliche Entwicklung eines mecklenburgischen Sandgebietes. Kiel, 1934; *Engel F.* Beiträge zur Siedlungsgeschichte und Historischen Landeskunde Mecklenburg, Pommern, Niedersachsen. Köln; Wien, 1970; *Gause F.* Deutsch-Slawische Schicksalsgemeinschaft: Abriß einer Geschichte Ostdeutschlands und seinen Nachbarländer. 3. Aufl. Würzburg, 1967; *Herrmann J.* Germanen und Slawen in Mitteleuropa: Zur Neugestaltung der ethnischen Verhältnisse zu Beginn des Mittelalters. Berlin, 1984; Slawen und Deutsche im südlichen Ostseeraum vom 11. bis 16. Jahrhundert. Neumünster, 1995; Zur slawischen Besiedlung zwischen Elbe und Oder. Beiträge für Wissenschaft und Kultur. Neumünster, 1994. Bd. 1; Wendland und Altmark in historischer und sprachwissenschaftlichen Sicht. Beiträge. Lüneburg, 1992; Struktur und Wandel im Früh- und Hochmittelalter. Eine Bestand saufname aktueller Forschungen zur Germania Slavica. Hrsg. von Chr. Lübke. Stuttgart, 1998; *Hardt M.* Das „slawische Dorf“ und seine kolonisationszeitliche Umformung nach schriftlichen und historisch-geographischen Quellen // Siedlungsforschung. Archeologie. Geschichte. Geographie. 1999. Bd. 17.
14. Mecklenburgische Volkskunde / Hrsg. von U. Bentzien, S. Neumann. Rostock, 1988. S. 10, 16.
15. *Kupfer Chr.* Bericht über eine Sammelreise in Südwesten Mecklenburgs (Jabelheide) // Jahrbücher des Museums für Völkerkunde zu Leipzig. Berlin, 1956. Bd. 15. S. 118–138. В настоящее время собранная коллекция хранится в Музее города Хагенов (Hagenow).
16. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений. М., 1982. Т. 2. Проблемы общей психологии. С. 395.

ИЗ ПОЛЕВЫХ НАБЛЮДЕНИЙ

ЧАСТЬ I. ПРАВОБЕРЕЖНОЕ ПОЛАБЬЕ

11–13 сентября

Из дневника Мыльников

Прибыли поездом в Лейпциг, где находится наша штаб-квартира по проекту «Germania Slavica». Были заняты оформлением необходимых документов, уточнением рабочих моментов экспедиции, знакомились с новейшей литературой, отсутствующей в Санкт-Петербурге (с литературой до 1998 г. я детально ознакомился в Германии, находясь там в командировке для обоснования программы и методики экспедиции). Обсуждали конкретные вопросы с куратором программы проф. Кристианом Любке. В качестве шофера нам выделен вечный студент Грайфсвальдского университета Хайко Бекман и бывшая выпускница Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, ныне проживающая в Нюрнберге, Мария Гринфельдт (я знал ее по госэкзаменам и рекомендовал для участия в экспедиции, далее буду называть Машей).

Весь двухмесячный срок полевой работы будет поделен на два этапа: *Jabelheide* (юго-западная область Мекленбурга, лежащая на правом берегу Эльбы/Лабы) и *Wendland* (симметричная область на левом берегу, когда-то входила в курфюршество Ганновер, ныне в составе федеральной земли Нижняя Саксония).

Фотодневник

- F-1. В-1 Лейпциг. Старая ратуша.
- F-1. В-2 Лейпциг. Пешеходная зона и кафе за старой ратушей.
- F-1. В-3 Лейпциг. Современная застройка в старом городе.
- F-1. В-4 Лейпциг. Могила Й.-С. Баха в Соборе св. Томаса.
- F-1. В-5 Лейпциг. Алтарь собора св. Томаса.
- F-1. В-6 Лейпциг. Пешеходные зоны старого города.
- F-1. В-7 Лейпциг. Пешеходные зоны старого города.
- F-1. В-8 Лейпциг. Участники экспедиции А.С. Мыльников, А.А. Новик и М. Гринфельдт в здании вокзала.

14 сентября, четверг

Из дневника Ивановой

В 14.08 мы прибываем на поезде в Людвигслуст — административный центр одноименного округа, и довольно долгое время ждем на вокзале приезда нашего второго «помощника» Хайко Бекмана, который уже должен был быть здесь вместе с авто, на котором предстояло разъезжать по селам. Но его нет... Нет его полчаса, нет час. Немецкая пунктуальность... Но вот появился темно-зеленый «Ниссан Примера», и нас везут в деревню Лаупин, что примерно в 20 км от Людвигслуста. Здесь Бекман присмотрел для нашей группы квартиру у семьи Туттас.

Из дневника Мыльников

Утром выехали в *Ludwigslust*, ближе к местам нашей будущей работы; открыли на мое имя счет в *Deutsche Bank* и поехали на выданной нам экспедиционной машине в деревню *Laupin*, где в доме хозяина автомастерской Туттаса (**Volker Tuttas**) для нас был снят второй этаж его дома, где при ГДР располагалась гостиница и ресторан. Это стало нашей базой временного пребывания в Ябельхайде. Поскольку нами был выбран радиальный принцип организации полевой работы, на первом этапе Ябельхайд будет местом нашего длительного базирования. Бытовые условия городского типа: туалетная комната с ванной, кухня с водогреем, микроволновкой, холодильником, посудомоечной машиной, электроплитой; у хозяина телефон, которым (за наш счет) разрешено пользоваться. Оплата жилья составляет за всех вместе DM 50 в сутки, тогда как в Лейпциге каждый платил DM 60 в сутки. Первый этаж занимают две сестры **Падэ**, переселенцы из Восточной Пруссии. Наметили маршруты начального обследования местности. Лаупин — типичная немецкая глубинка, рядом лес — запретная зона, принадлежащая армии. Деревня когда-то была славянской, прослеживаются элементы круглой планировки, деформированной последующей застройкой. Несколько домов старые, фахверки XVII века. Остальные — кирпичные, крыты черепицей. Заборы металлические, есть штaketник.

Фотодневник

F-1. В-9 Лаупин. Участники экспедиции А.С. Мыльников, А.А. Новик и Ю.В. Иванова в квартире экспедиции.

15 сентября, пятница

Из дневника Мыльникова

С утра поехали в деревню (здесь нет различий в терминах «деревня» и «село») *Alt-Jabel*. В нашем понимании это село, т.к. здесь расположены церковь и дом пастора (в округе господствует лютеранство). О нашем предстоящем прибытии по указанию Любке были оповещены все пасторы с просьбой оказывать нам содействие. Как показало дальнейшее, это нам очень помогало, поскольку в сельской местности священники авторитетны, и к ним прислушивается население. Мы начали с альт-ябельского *pfarrerra Тутгаса*. Он и наш хозяин просто однофамильцы, видимо с латышскими или литовскими корнями предков; но по забавному стечению обстоятельств их жены, местные уроженки — сестры. Пастор — человек доброжелательный, он среднего возраста, в семье несколько детей. Рядом с его домом находятся остатки славянского оборонительного вала, старинная церковь (еще католических времен), в ангарном помещении расположен небольшой краеведческий музей, с которым нас сразу же познакомили. Об этом музее существует брошюра, в которой говорится и о славянском прошлом деревни. Как я предполагал (а потому и стал расспрашивать), в немецких деревнях сохранились любители старины — грамотные селяне — «летописцы», нечто вроде чешских «письмаков». Один из них **Willi Klamann**. К нему нас привел пастор, хозяйка приготовила бутерброды, показывала семейные фото. Супруги — пенсионеры (размер пенсий каждого из них DM 1100), трое их взрослых детей работают в разных городах. Сам Кламман принадлежит к социальной категории крестьян-земельных собственников (Вауег). Отойдя от дел, несколько лет тому назад стал вести сельскую хронику; им составлены выписки по истории *Лаупина*, в основном по материалам архива церковной общины, хранящегося в пасторском доме. Кламман показал машинописные подборки из церковных ведомостей и других печатных и рукописных источников. Тутгас любезно предоставил возможность ознакомиться с архивом общины и сделать ксерокопии заинтересовавших нас документов. Я попросил рассказать о происхождении его фамилии. По его словам, мать — немка из *Магдебурга*, отец — латыш из *Калининградской области (Восточная Пруссия)*, по первой специальности — электрик. Прихожан около 900 человек, но более или менее регулярно церковь посещают не более 30 %. Затем мы посетили бургомистра **Бранда**. Он много говорил о прошлом и настоящем деревни. Поскольку территория Ябельхайде прежде входила в состав ГДР, Бранд сказал, что теперь стало лучше, но не надо отбрасывать того хорошего, что было в ГДР.

Из дневника Новика

Сегодня первый по-настоящему экспедиционный день. Мы на машине приехали в деревню Альт Ябель (Alt Jabel). Название села созвучно с русским словом «яблоко». Наше посещение Альт Ябель началось с музея, который славится на всю округу.

Несколько раз менялось название этого села. Возникло оно на месте славянского городища, окруженного высоким валом и частоколом. Остатки вала присутствуют до сих пор. По-немецки остатки окружения городища называются *Венденваль* (Wendenwall) — «вендский вал». Все поддерживается в отличном состоянии. Имеются таблички, в которых отмечается, что на этом месте жили «наши славянские предшественники». Через крепостной вал мы направились к зданию музея в традиционном стиле. Этот местный краеведческий музей расположен в помещении, которое еще в начале 1950-х годов служило свинарником. В музее собраны самые разнообразные вещи, связанные с жизнью и бытом местных жителей. Это, к примеру, плита 1910 г. для приготовления пищи, и бутылки, и утюги, и даже современные банки из пластмассы с различными приправами. Музей поддерживается очень хорошо. Его официальное название «Dat lütt Museum» («Маленький музей» — на местном диалекте).

В музее есть витрины, в которых выставлены церковная утварь и предметы, связанные с образованием и книжностью. Но основную часть составляют «этнографические» вещи. В витринах современная удачная подсветка. Все поддерживается в аккуратном виде.

Любезно встретившая нас женщина познакомила с местным пастором герром Туттасом, который уделил нам много внимания и отвел к старожилам. Господин Туттас предложил посетить дом семьи Кламаннов. По его мнению, эта семья давно проживает в селе и может рассказать много интересного.

В сопровождении пастора мы пришли в частный дом. Хозяйка любезно пригласила нас войти внутрь. Состоялось первое знакомство. Хозяина дома зовут Вилли Кламанн, его жену — Ингрид Кламанн (Willi & Ingrid Klamann).

Их адрес: Str. des Aufbaus 7, 19303 Alt Jabel.

Хозяева живут в старом доме. В оформлении много эклектики. К примеру, старая кафельная плитка на стенах соседствует с новыми обоями современного дизайна, которые наклеены выше ее по периметру стен.

Первое, что бросилось в глаза, это скатерть-клеенка на кухонном столе. По белому полю клеенки нанесен орнамент из геометрических фигур красного и коричневого цветов славянского типа. Такие скатерти часто встречаются в домах польских и белорусских крестьян. При всем разнообразии, которое можно обнаружить в магазине, крестьяне почему-то часто выбира-

ют такую расцветку скатертей. Это кодифицированная память традиций или простое совпадение?

Двери в доме Кламаннов старые, покрашенные давно и уже кое-где облупившиеся. Зато наружная дверь весьма солидна. У местных крестьян и в старину богатая наружная дверь и ворота считались признаком достатка.

В помещении кухни новая деревянная мебель. Очень удобный кухонный уголок: просторный стол и добротные стулья с мягкой обивкой. Добротная кухонная мебель из натурального дерева. Но рядом стоит и старая мебель: вешалка с навешенными в беспорядке вещами, старая плита, полка под посуду и т.д. На полке выставлены старые фарфоровые блюда.

Интересная черта оформления интерьера: под потолком посередине комнаты висит люстра, а затем еще над кухонным уголком (который и стоит в углу) — абажур. Получается, что в совершенно правильной формы комнате две люстры.

Хозяйка сразу же предложила нам выпить сок и минеральную воду. Выключила с помощью пульта музыкальный центр и выразила готовность ответить на все вопросы. Уже после беседы хозяйка нарезала различные бутерброды: с паштетом, сыром, ветчиной, колбасой копченой и сырокопченой. Бутерброды предлагались большие, и их было много.

Дом хозяев горел и был перестроен.

Беседа велась на самые разные темы. У семейной пары трое детей: два сына и дочь. Лишь один сын живет в этом же селе. Другие дети уехали в город: Берлин и Шверин. Хозяйка показала книгу герцога Мекленбургского о его жизни. Вспомнила об Александре, матери герцога. Историю своих аристократов они знают.

А хозяин дома вспомнил, что ведет хронику своего села. Он принес толстую папку, в которой очень аккуратно (каждый лист в полиэтиленовом конверте) собирает все сведения о родных местах. Это исторические хроники о строительстве церкви и т.п. сведения. Важно, что здесь даже крестьяне могут иметь подробные сведения о родных местах и являются краеведами.

Вилли Кламанн показал нам фото первой автомашины в Альт Ябель — это была машина торговца.

Нам показали дом и двор. Двор дома очень красивый и аккуратный. Много цветов. По красной кирпичной стене тянутся лианами розы с весьма большими бутонами. Мы сфотографировали интерьер дома.

Пастор Туттас, который привел нас в дом Кламаннов, в момент нашей беседы с хозяевами ушел, чтобы затем принести каких-нибудь продуктов, как он сказал. Но позже перезвонил и сказал, что готовит обед для нас в своем доме.

После посещения семьи Кламаннов мы отправились в дом пастора. Он квартирует в доме рядом с церковью. У пастора Туттаса жена и трое детей. Дом очень просторный. Все комнаты большие.

Нас радушно встретили и пригласили на кухню. Кухня — большая комната приблизительно 20 кв. м., совершенно квадратная по форме. Мебель сборная: часть белая, часть деревянная (древесина покрыта либо белой краской либо лаком). В помещении стоит горка, в которой выставлена красивая посуда. У хозяев хороший и дорогой фарфоровый сервиз фирмы «Kahla» (производства еще ГДР). По белоснежному фону фарфора идет синий кобальтовый орнамент. Такая посуда, как мы выяснили, весьма популярна в здешних местах.

Нам предложили еду в кухне. Для этого был сервирован круглый обеденный стол в углу. В углу кухни его обычное место. Нам предложили отобедать. Подали отварную мелкую картошку (Salzkartoffeln) с зеленью и варенные яйца в соусе из петрушки (Petersileneier). Все продукты из домашнего хозяйства пастора (возможно, мы не спросили о картошке). А так, яйца и зелень точно собственного производства.

Хозяева с нами за стол не сели, так как поели до нас. К столу была подана минеральная вода.

После трапезы нам предложили выпить кофе в гостиной. Для этого был накрыт столик. К кофе предложили сливки в сливочнике.

Мы смогли осмотреть дом. У пастора очень большой дом. Герр Туттас имеет собственный кабинет. Ремонт во всех помещениях не самый лучший. Двери в доме старые. Но жилище пастора имеет много интересных вещей. В гостиной старинный сервант с канделябром, у стены стоит пианино в стиле модерн.

Была открыта дверь в спальню. И мы увидели две старинные деревянные кровати с чрезвычайно высокими спинками из резного дерева. Эти кровати нас потрясли. Мы не думали, что на таких еще спят (и они не стали лишь экспонатами музеев городского и сельского быта прошлых эпох).

После показа дома пастор дал нам церковные архивные документы, что-бы мы выбрали то, что нас интересует и что нужно скопировать.

У пастора 900 прихожан из разных сел. Но постоянно в церковь ходит человек 300.

В селе Альт Ябель есть старая церковь святого Михаила — Michaeliskirche. К настоящему времени эта церковь разрушилась. Она была построена еще в XIII в. В ее фундамент вложили жертвенный камень, оставшийся от славян. Этот камень имеет сверху полукруглую выемку. Церковь долго достраивали. У нее была деревянная колокольня. К началу XX в. церковь полностью разрушилась, и в 1908 г. была открыта новая евангелическая церковь рядом с руинами прежней. Рядом со старой церковью находятся остатки старого кладбища. А за новой кирхой расположено новое кладбище. За стенами кладбища есть свалка, что несколько возвращает к жизни.

В этом же квартале села находится и музей, в котором собраны самые разнообразные вещи. А во дворе музея (который одновременно является и

двором дома пастора) на цепь привязан кобель, который бродит у своей будки и смотрит за порядком.

Все дома в деревне Альт Ябель выстроены из красного кирпича. Такой кирпич называется здесь *бакитайн* (Backstein).

В селе много цветов. Есть памятник погибшим в мировой войне.

Из дневника Ивановой

Это наш первый рабочий день в экспедиции. Начинается первая фото-пленка, начинается и полевой дневник. Первое, что мы посетили в Ябельхайде, была деревня Альт Ябель и дом пастора Кристофа Тутгаса. В его дворе находится маленький деревенский музей «Dat lütt Museum». Правда, добрались мы до него не совсем традиционно, т.е. не по дороге, а через кладбище, каменную изгородь и остатки вендского крепостного вала. Вал представляет собой поросшее травой возвышение, а на информационном стенде, прикрепленном здесь же, читаем: «Этот вендский вал был насыпан нашими славянскими предками около 1000 лет назад как защитное сооружение. Отсюда открывался вид на южную окраину Ябеля (топоним славянский, значит “Яблочное место”). Сосновые леса еще не были посажены в то время, и можно было обозревать всю округу до Келлерберга и даже далее. С севера защита обеспечивалась болотистой местностью, о чем свидетельствуют многочисленные славянские топонимы: Tewswoos — “глубокое болото”, Hohenwoos — “высокое болото”, Woosmer — “болотистое место”. Западная часть вендского вала была скрыта при строительстве новой церкви в 1907 г. Распоряжением об охране исторических и археологических памятников от 01.08.1964 г. вендский крепостной вал был причислен к охраняемым объектам».

Итак, музей. Он создавался на базе предметов, подаренных жителями деревень Ябельхайде и служивших в их быту. Здесь собрано и выставлено большое количество утвари, мебели и документов по истории деревни. А вот некоторые интересные рецепты домашних колбас от Фриды Воейховски из Тевсвооса, которые заботливо собрали и передали в музей:

Колбаса Mettwurst

10 фунтов (1 немецкий Pfund = 500 г, следовательно, 5 кг) сырого мяса, ½ столовой ложки селитры, 3 ст.л. сахара, 10 ст.л. соли, 1 ст. л. без горки черного молотого перца.

Колбаса от мамы Хоски

На 1 фунт сырого мяса берут 10 г соли, 1 ½ г черного перца, 1 ½ г сахара. На 10 фунтов мяса — 4 г селитры, семена горчицы, коньяк или ром. Все составляющие хорошенько вымесить, перемешать, при этом руки должны остаться в белом жиру.

Ливерная колбаса Leberwurst

Брюшину и печень отварить, очистить и измельчить до однородной массы. Добавить белый перец, соль, лук и немного бульона, перемешать.

Кровяная колбаса Blutwurst

Сало нарезать кубиками, кровь, немного бульона, соль, перец, добавить немного гвоздичного перца, корицы около 2 пакетиков, сахар. Немного муки развести в бульоне и ввести в массу.

Колбаса из легкого Lungenwurst

Отварить говяжье и свиное легкое, добавить лук, семена горчицы, соль, перец, немного бульона.

Presskopf — вкуснейший зельц в форме шара

Мясо, нарезанное кубиками, хрящи, сало, лук, перец, соль и немного тмина.

Колбасы варят и коптят, и для каждого сорта есть свои правила приготовления:

Ливерную варят при 70°C 45–50 минут, а коптят от 7 до 8 дней, кровяную — при 80°C полтора часа, столько же дней коптят, Presskopf — при 80°C 2,5 часа. Колбасу из легкого нужно только подержать в горячей воде, и коптить всего 4–5 дней. Наиболее долго готовят Mettwurst: сперва ее подвешивают и дают выстояться, а затем 3–4 недели коптят в коптильной камере.

Мы осматриваем музей, ведем беседу с пастором Туттасом, и один из первых вопросов — о самосознании. «Кто Вы, пастор Туттас, кем себя считаете?» Пастор отвечает на этот вопрос: «Я — мекленбуржец (в отличие от саксонца, например)». Другое важное деление для него — на «осси» и «весси». «Мы здесь в Мекленбурге — “осси”, а там, в Вендланде — это “весси”». *(Здесь имеется в виду деление немцев на восточных и западных, которое стало особенно актуальным после объединения Германии.)*

Пастор обращает наше внимание на то, что в этой местности дольше всего сохранялось славянское население — по источникам, до XVII века. Единственным напоминанием о славянах в Альт Ябеле он считает скрещенные головы петухов, которые венчают коньки крыш некоторых домов в деревне. В отличие, скажем, от конских голов, которые характерны для Нижней Саксонии *(на самом деле они также распространены в Мекленбурге, Гольштейне и даже Ютландии)*.

Далее мы подходим к деревенской церкви. Это церковь евангелической общины Альт Ябель, куда входит еще ряд деревень — Тевсвоос, Ной Ябель и Филанк. Каждое воскресенье здесь проходят воскресные службы, и начинаются они в 10 утра. Рядом с церковью, построенной довольно поздно — лишь в XIX в. — нам показали руины старой Михаелискирхе, в стену которой, по легенде, был вмурован славянский жертвенный камень.

В 12 часов после предварительного звонка пастора мы идем в дом к первым информантам — это семья Кламанн из Альт Ябеля. Нас пригласили в

дом, мы расположились за столом в кухне. Кухня — это первое помещение в доме, она следует за просторной прихожей. Интерьер традиционный немецкий: маленькая печь, облицованная керамической плиткой, на стене висит вышитое полотенце с изречением «Fünf sind eingeladen, zehn sind gekommen. Giess Wasser zur Suppe — Heiss alle willkommen!» Довольно распространенный предмет в старых немецких домах. На деревянной полке две тарелки, одна из них также с изречением, несколько безделушек, например любимая в Северной Германии керамическая утка с голубым бантом.

Из спальни появляется хозяин дома Вилли Кламманн — после обеда он отдыхал. Кламанны — крестьяне, раньше они держали лошадей, уток, кур и коров. Теперь живности в доме нет, остался только сад и огород. Вилли интересуется историей и обычаями Ябельхайде и своей родной деревни, собирает вырезки из газет и журналов, записывает устные предания. Вот сейчас он с гордостью рассказывает одно местное предание: Великая Герцогиня Мекленбургская Александра была здесь, посетила церковь Альт Ябель и приняла участие в церемонии освящения храма. Здесь же приняли крещение ее дети.

Господин Кламманн собирает краеведческую информацию из местных газет. «Kirchenzeitung», например, сохранил еще его отец.

Альт Ябель основан в 1191 г. выходцами из Эльдены, а во время празднования 800-летия деревни был спор, так как нашли первое строение, датированное только 1291 г. По легенде, деревня носит славянское название, поскольку здесь росло яблоневое дерево. Сперва называлась Ябель, а Альт Ябель стало, когда была основана новая деревня рядом и ее назвали Ной Ябель. Крепостное право здесь было.

Нас угощают минеральной водой и бутербродами с кровяной колбасой, здесь она необычная, с корицей. Так делают домашнюю кровяную колбасу в Северной Германии.

Вилли Кламманн раньше делал сам колбасу после забоя скота, когда устраивали праздник забоя скота *шлахтфест* — зимой, незадолго до Рождества. Это был важный день, в семье Кламманнов его праздновали вместе с семьей невестки — сестры Вилли. Забивали свинью, делали колбасы, перед этим свинина должна вылежаться. Коров держали только кооперативы, простому человеку было слишком дорого. Раньше Кламанны имели 7 коров, затем землю сдали в аренду, и остались только 2 лошади. В огороде у хозяев растет картофель, морковь, горох, капуста белокочанная и зеленая. Зеленую капусту держат до Рождества, срезают к Рождеству или Празднику забоя скота.

В регионе занимаются скотоводством, земледелием и лесничеством. Детей обучают этим профессиям игровым способом. Здесь известна поговорка: *Wohnen in der Stadt, Speisekammer auf dem Lande* (Жилье в городе, кладовая — в деревне).

Спросили о местной одежде. Раньше традиционный костюм изготавливали в Гревесмюлен, этот костюм был особенно популярен в Мекленбурге. Нагрудное одеяние *мидер* изготавливали из черного бархата и зашнуровывали.

Далее был обед в доме пастора Туттаса. На обед, к которому хозяева не были готовы (в смысле — к гостям на обед), подали отварную картошку (*Salzkartoffeln*) и подливу из отварных яиц с петрушкой *Petersilieeneier*. Яйца свежие, от куриц тещи пастора Туттаса, как и мята к чаю. У пастора уютно и шумно — трое детей и собака.

В 15.30 намечен разговор с бургомистром Ябельхайде господином Отто Брандтом (*Tewswoos, Am Berg, 9*). Разговор ничего интересного не дал.

Фотодневник

F-1. В-12 Альт Ябель. «*Nahnenköpfe*». Скрещенные головы петухов на коньке крыши в преданиях местного населения, по рассказам пастора Туттаса, считаются одним из рудиментов славянской культуры в регионе.

F-1. В-13 Альт Ябель. Музей «*Dat lütt Museum*»

F-1. В-14 Альт Ябель. Нижне немецкий дом-двор на участке пастора Туттаса. Сейчас используется как дом для собраний членов общины.

F-1. В-15 Евангелическая церковь деревни и прихода Альт Ябель (Альт Ябель, Ной Ябель, Филанк, Тевсвоос). Построена в XIX в.

F-1. В-16 Альт Ябель. Руины католической церкви св. Михаила *Michaeliskirche*.

F-1. В-17 Альт Ябель. Руины церкви св. Михаила. По легенде, это половина славянского жертвенного камня, вмурованного в стену церкви при ее постройке на месте славянского капища.

F-1. В-19 Альт Ябель. Фигуры, украшающие сад летом и осенью. Зимой на их место ставят гномов и рождественского деда *Weihnachtsmann*, а в Пасху — пасхального зайца *Osterhase*. Никакого смысла фигуры не имеют, их наличие зависит от желания и фантазии хозяина двора.

F-1. В-20 Альт Ябель. Оригинальный дом с головами петухов. Владелец дома — гамбуржец. Дом пока не заселен, хозяин предпочел сохранить оригинальное оформление конька крыши. Дом обычно показывают гостям как пример сохранения славянских рудиментов в местности наряду с *Wendewall* около пасторского двора.

F-1. В-21 Альт Ябель. *Straße des Aufbaus*. Улица имени строительства новой жизни — напоминание об эпохе ГДР.

F-1. В-22 Альт Ябель. *Straße des Aufbaus*. Символ региона Ябельхайде — яблоня.

F-1. В-23 Альт Ябель. Семья Кламанн.

F-1. В-24 Альт Ябель. Фрау Кламанн держит в руках полотенце-рушник из дмотканого полотна, принадлежавший матери мужа, Вилли Кламанна.

F-1. В-25 Альт Ябель. Дом Кламаннов.

16 сентября, суббота

Из дневника Мыльников

Весь день дождит, поэтому, согласно бессмертной формуле г-на Ястржембского, «работаем с документами». Просматривал архивные папки Туттаса. В одной из находящихся в них статей сказано: когда епископ Ратцебурга во второй половине XII в. простер свои руки на западные и юго-западные части Мекленбурга, впервые появились письменные источники о вендской местности (в дальнейшем иногда буду упоминать термин «венды», которым по-немецки называли славян, особенно на территории Германии). В примечании указано, что Jabel по-славянски значит яблоко, потому и весь интересующий нас регион именуется Jabelheide, т.е. Земля яблок, Яблочный край. Надо сказать, что в этом году урожай яблок выдался на славу: яблони увешены красными плодами, масса упавших яблок валяется на земле, по дорогам — повсюду. Правда, по другим данным выходит, что Jabel — слово кельтское. Возможно, и то и другое его происхождение. В той же статье дан перечень поселений, входящих в пределы зоны, именуемой Ябельхайде: Warlow, Bresegard, Groß und Klein Krams, Kuhstorf, Krenzlin, Kummer, Göhlen, Leußow, Loosen, Lübbendorf, Probst Jezar, Lübtheen, Hohen Woos, Tews Woos, Vielank, Jabel, Bandekow, Benz, Volzrade, Jessenitz, Trebs, Ramm, Quast, Belsch, Redefin. Я подчеркнул деревни, где мы вместе или я один в ближайшие дни побывали. Альтернативное название этой территории (они почти совпадают) *Griese Gegend*, т.е. песчаная местность. Как объясняли нам, Grise= Graue= серое. Местность лежит в междуречьи Sude и Elde. В тех же папках статьи о старинном колоколе церкви Архангела Михаила в Альт Ябель (папка «Kirche und Heimat»). Христианская церковь была сооружена около 1250 г. монахами-цистерцианцами из Эльдены около Wenden Wall, где находилось языческое капище. Процесс христианизации и колонизации шел параллельно, и этот маленький пример лишь подтверждает бытовавшую практику. Новый колокол был отлит в 1936 г. с надписью: «*Jesus Christus gestern und heute und derselbe auch in Ewigkeit*». В 1942 г. (т.е. во время войны) колокол был взят на переплавку в металл. Примечательно: одновременно языческий вал уничтожен не был, как это случилось бы у нас в свое время. Судя по этнографическим атласам, в Северной Германии почти все храмы посвящены одному святому — апостолу Петру, тогда как в Южной Германии — разным святым. Чем это объяснить — сказать не могу, но отметить надо. Кстати, скрещенные лошадиные головы на коньках крыш сельских домов считаются славянским наследием, а на шпицах церквей зачастую вместо крестов изображение петуха (символ апостола Петра). Что касается храмов во имя св. Михаила, то в прошлом мне доводилось видеть

кое-где в Северной Германии раннесредневековые церкви с двумя алтарями. Западный алтарь был фальшивым, его сооружали для защиты от демонов, ибо они приходят с Запада. Какое великолепное клише могло бы появиться в годы холодной войны, знай наши публицисты об этом!

Из дневника Ивановой

Сегодня по плану обработка архивных материалов, полученных в доме пастора Туттаса.

В регион Гризе Гегенд (названном так из-за серой почвы) были отнесены венды в ходе немецкой крестьянской колонизации XII в. Немецким крестьянам песчаная местность показалась землей нищеты, скорби и пустыни, в которой живет целый сонм демонов.

Здесь сохранились остатки славянского населения, а исследователи вновь и вновь с воодушевлением изучают несметные богатства устных преданий. Местные сказания о гибели поселений и ландшафтов, похоже, есть зеркальное отображение заката славянства, которое здесь некогда спокойно жило своей жизнью (2).

Евангелическая церковь Альт Ябель имеет свой собственный архив, где собраны статьи по истории прихода и церкви, о службах и членах общины. Мы получили 5 папок с материалами, которые тематически упорядочены.

1 папка «Общие вопросы. Церковь и родина. Михаелискирхе. Новая церковь».

2 папка «Археология».

3 папка «Гризе Гегенд. Обрядность. Устное творчество. Объединение меценатов».

4 папка «Легенды, языческие суеверия. Процессы против ведьм».

5 папка «Топонимы».

Деревенские жители помогают в краеведческой работе, сборе материалов, как и Вилли Кламани, который значительно пополнил собрание топонимов Альт Ябеля. Все документы в архиве рукописные (машинописные, компьютерный набор, копии).

Затем мы обследовали нашу деревню Лаупин, осмотрели дома, улицы, дворы.

Фотодневник

F-1. В-26 Лаупин. Старый дом. Ludwigsluster Str., 13. На стороне, обращенной к центру деревни, располагались жилые помещения, что нехарактерно для крестьянского дома-двора. Более приподнятый вальм крыши (Halbwalmdach), появившийся в строительстве с XVI в., позволял проявить

фантазию строителя в оформлении фасада фахверкового дома. Здесь мы видим резные подпорки порога (Kehlung der Knaggen) и простое оформление стоек (Fussbänder).

F-1. В-27 Лаупин. Старый отреставрированный дом по улице Ludwigs-luster Str.

F-1. В-28 Лаупин. Крестьянский дом. Ludwigs-luster Str., 5. На поперечной балке ворот надпись: WER GOTT VERTRAUWET DER HAT WOL GEBAUWET IM HIMEL UND AVE ERDEN HANS LÜTH F UND CATRINA WINKEN DEN 6 MAIUS ANNO 1687 (Кто уважает Бога, тот построил хороший дом. На земле яко же на небеси. Ханс Лют и Катарина Винкен 6 мая в году 1687).

17 сентября, воскресенье

Из дневника Новика

Вчера, 16.09. в субботу, почти целый день шел дождь. Поэтому мы никуда не поехали, а остались дома и вели записи. Такой перерыв в полевой работе полезен для науки.

А сегодня мы отправились в село Конов (Сопов) в кирху на богослужение. Село Конов — явный славянский топоним. Таковым он воспринимается и местным населением. Конов — классическая круглая деревня. Посередине в более поздние времена была построена церковь. В кирхе богослужение вел пастор Вебер. Мы знали его имя заранее. Так как необходимо было познакомиться с местными жителями и договориться об интервью, то мы выбрали путь знакомства с местными с помощью пастора; в здешних местах, вне всякого сомнения, весьма авторитетный человек. Служба начиналась в 10 часов утра. Многие приехали заранее. Большинство людей на машинах. Несколько молодых семей было с детьми. Пастор Клаус Вебер встречал прибывших на службу у порога кирхи. Все проходили в помещение церкви и рассаживались по местам. Мы познакомились с пастором. Он вежливо пригласил нас послушать службу.

Служба длилась всего 1 час. В России, Белоруссии и на Украине лютеран часто называют в народе штундистами — от немецкого слова «Stunde» («час»), намекая тем самым на продолжительность их богослужения.

В кирхе было прохладно, и одна заботливая прихожанка предложила нам подушки, чтобы было тепло сидеть. Мы, конечно, вызвали любопытство у прихожан, но они старались не подавать вида. В конце службы пастор представил нас прихожанам, объяснил, кто мы такие и зачем приехали в эти края, что нам нужно и какие у нас цели. Попросил прихожан оказывать нам всяческое содействие в проведении экспедиции; приглашать нас в дома и рассказывать о том, что они знают о всяких славянских древностях. Такое представление оказалось весьма необходимым и полезным, так как уже сразу после службы одна женщина предложила нам приехать к ней домой и поговорить на интересующие нас темы. Да и остальные прихожане не остались равнодушными. И уж, конечно, дома они рассказали своим домашним о нашем приезде, так что в самый короткий срок о нашей экспедиции стало известно во всей округе. В дальнейшем мы уже не были здесь непонятными и нежданными гостями.

Пастор Вебер после службы пригласил нас побеседовать. Во время разговора подарил нам богослужебную книгу, с помощью которой он ведет службу. Книга эта издана лютеранским советом земли Мекленбург-Передняя Померания. Практически все пасторы в этих местах ведут службу с по-

мощью таких богослужебных книг. В книге есть цитаты из сочинений Льва Толстого и Федора Достоевского, из хасидского наследия и т.д.

После разговора пастор вышел проводить нас. Также после службы он выходил из кирхи, чтобы попрощаться с прихожанами и пожать каждому руку. Такое тесное общение священника и паствы, а также вежливость весьма импонируют. После службы каждый желающий оставлял в кирхе деньги. Это была небольшая сумма в 1, 2 или несколько марок. Можно и вообще не оставлять, но это не принято.

Уезжая из села Конов, мы были удовлетворены тем, что у нас завязались новые знакомства и мы уже можем смело отправляться по адресам, по которым нас ждут.

Из дневника Ивановой

Мы приехали в Конов на воскресную службу, познакомились с пастором Вебером и его супругой, тоже пастором.

В 10 часов начинается служба в церкви Конова. Мы берем себе Gesangbücher, мягкие подстилки, занимаем места и поем вместе с прихожанами. Сегодня присутствовало 29 членов общины. Служба проходит так: пастор произносит приветствие общине. Под звуки органа община и пастор поют псалом 450. Несколько слов проповеди, затем поется следующий псалом 365. Молитва (Laŕet uns beten) вместе с пастором и пение следующего псалма 125. Проповедь о различии людей на примере истории Каина и Авеля. Затем поют псалмы 394 и 389. Заканчивается служба обращением к прихожанам, пастор приветствует нашу делегацию из Санкт-Петербурга, знакомит с общиной и объявляет о следующих службах на этой неделе. Поется псалом 420, и затем пастор объявляет о кончине женщины, члена общины Конова, призывает помолиться об упокоении ее души. Служба заканчивается молитвой Vater unser. Снова звонят в колокола, и община выходит из церкви, приносят пожертвования у выхода, прощаются с пастором за руку — все прихожане, конечно, лично знакомы с ним.

Господин пастор Вебер пригласил нашу экспедицию в помещение общинного дома Gemeindehaus и показал различные материалы по истории Конова, в том числе аэрофотоснимок деревни, на котором хорошо видно, что это рундлинг, пространство которого организовано так, что в самом центре находится церковь, а улицы деревни с дворами расходятся от центра в форме лучей. Площадь в центре называется Kirchenplatz. Эта форма не типична для местности Ябельхайде, по словам пастора, но несколько круглых деревень здесь все же имеется.

Сейчас деревню уже нельзя назвать круглой, в последние десятилетия ее расстроили, и образовалось много улиц, придавших ей вид уличной де-

ревни. Но ядро ее по-прежнему остается рундлингом. Дома в деревне современные с газонами, имеется добровольная пожарная дружина, находится она рядом с церковью на Кирхенплатц. Многие имеют домашнее хозяйство — на Кирхенплатц нам встретился петух и несколько свободно разгуливающих куриц. Почти в каждом дворе лает собака. Вдоль дороги растут дикие растения — терновник, шиповник, черная бузина и каштаны.

Из дневника Мыльникова

С утра погода хмурая, с дождливой перспективой. Но сегодня выходной, а значит, прихожане пойдут в церковь. Это удачный повод завязать какие-то знакомства. Поэтому приблизительно к 10 часам поехали в деревню/село с прозрачным славянским названием *Conow*. Перед началом богослужения познакомимся с пастором, стоявшим у входа в храм. Зовут пастора **Klaus Weber**. Он любезно пригласил нас присутствовать на службе, которая длилась один час. Общение пастора с прихожанами, я бы сказал, интерактивно: он обращался к отдельным лицам, какой-то девочке сделал шутовское замечание, вызвавшее смех, несколько пацанов куда-то понесли зажженные свечи, а один прихожанин обошел паству на предмет денежных пожертвований. По окончании богослужения пастор пригласил нас к себе. Я шутовски заметил, что в отличие от православия у лютеран богослужение намного короче, что, наверное, свидетельствует о деловитости прихожан. Вебер с улыбкой ответил, что для местного сельского населения и это много. Он показал нам фотоаэро съемки деревни, подчеркнув, что исходно как славянское поселение она имела круглую форму (по-немецки обычно такой тип деревни называется Rundling). В центре стоит церковь (некогда могло быть священное дерево или не менее священное колодец/пруд), а по кругу фасадами к ней построены дома. Пастор обещал подарить нам это фото, что вскоре и осуществил, мы увезли это фото с собой. Я мог наблюдать в Вендланде, когда был там в 1995 г., кирпичные дома, повторяющие внешний облик фахверка. Но в отличие от Вендланда эта деревня уличного типа, хотя элементы круглой деревни прослеживаются. Вебер объясняет различия полувековым обособлением Ябельхайде и Вендланда: после возникновения ГДР общение населения через Эльбу, по которой установилась строго охраняемая граница с ФРГ, стало невозможным. Вообще надо проследить, сохранился ли в этих местах тип Rundling, чтобы выявить общность архетипа. С этой целью я набросал ряд вопросов, на которые в дальнейшем будем обращать внимание. Пока я писал это и «работал с документами», Юля и Маша пошли по грибы в соседний лес и менее, чем через час, притащили два мешка белых, подберезовиков и маслят. Местные жители в грибах разбираются плохо, и лишь редкие смельча-

ки их собирают. Играет ли здесь какую-то роль традиция либо иные более современные факторы, не знаю.

Фотодневник

F-1. В-30 Конов. Лютеранская церковь Конова стоит на площади, которая называется Церковной (Kirchenplatz) и является центром круглой деревни-рундлинга. Пастором в 2000 г. был Клаус Вебер.

F-1. В-31 Конов. Улица Göhrener Weg. Не все улицы и дороги Германии идеальны...

F-1. В-32 Гребс. Деревянный сарай.

Из дневника Мыльников

Чтобы осуществить, как ныне говорят, информационное обеспечение экспедиции, мы договорились поехать в редакцию местной окружной газеты «Ludwigsluster Tageblatt», выходящей в Людвигслусте. Мне очень понравилось, как здесь в просторечии именуют этот город: *Люлю*. Для краткости буду делать то же. Так вот, в редакции, выслушав рассказ о целях и задачах экспедиции, нас быстро поняли, записали и обещали напечатать в ближайших номерах (что было выполнено и существенно помогло нам в последующей работе с информантами). Позднее я невольно сравнивал профессионализм и понимание «скуса» темы немецкими и питерскими газетчиками. Явный ноль в наш адрес!

Dienstag, 17. Oktober 2000

LUDWIGSLUSTER TAGEBLATT

Eine Strohuppe aus Loosen für das älteste Museum Russlands

Wissenschaftlerteam um Prof. Dr. Aleksandr Myl'nikov aus St. Petersburg dankt für Hilfe

Laupin • Um 600 nach Christi waren slawische Gruppen aus den Gebieten östlich der Oder nach Westen vordringend und in Mecklenburg-Vorpommern auf ein weitgehend menschenleeres Land getroffen.

Sie ließen sich nieder, gründeten Siedlungen und Dörfer, deren Mittelpunkt nicht selten, wie z.B. die slawische Siedlung in Groß Raden bei Sternberg, bestete, oder Burg von Wilkendorf. Wo von den früheren Lebensformen der Slawen nicht allzuviel zu wissen, so finden sich ab dem 8. Jahrhundert Zeugnisse und Urkunden, die uns etwas mehr aussagen lassen über sie.

Was ist heute noch zu finden aus der Zeit der Slawen und Wenden (das war früher die zusammenfassende Bezeichnung für die den Westslawen zugehörige Gruppe der Elbe und Ostslawen) im heutigen Gebiet der Insel Rügen und die Wendlands (Landschaft östlich der Lüritzer Bucht zwischen Elbe und Fereze)?

Ganz typisch waren die Rundlingsdörfer

Gibt es heute noch Spuren von deren Sitten und Bräuten, Holzzerre oder in Stein gehauene Zettungen an Häusern und Gebäuden in den Dörfern?

Stolz in Lebenskultur in jeder Land und bei den Wenden sind noch heute tiefste Lebensweise, Bräute und Sitten zu finden!

Dieses und vielen anderen völkerverbindlichen Fragen wird in den vergangen vier Wochen des Historikern von Russ-

lands ältesten Museum aus St. Petersburg in unseren Landkreisen nachgegangen (wie hatten darüber am 20. September informiert).

Nach dem Vorwort des Leiters der Abteilung für europäische Völkerverbindungen im Museum in St. Petersburg Prof. Dr. Aleksandr S. Myl'nikov waren die Forschungen, die jetzt jenseits der Elbe im Wendland begonnen werden, außerordentlich erfolgreich.

Obwohl noch längst nicht abgeschlossen ist, so der Ethnologen, fanden sie z.B. Traditionen auswendlicher Zeit an Gebäuden und Fresken wieder. Mit Erstaunen hätten sie auch festgestellt, dass in einigen Dörfern ganz einfache Leute auch heute noch Traditionen der Völkerzeit pflegen. Auch in Westslawland gibt es solche "Wunder", die unsere kleinen und sogenannten heilige Wissenschaften geben.

Ganz typisch für die soziale Dörfer der Slawen waren deren Rundlingsdörfer, die das Forschungsteam in einigen Dörfern noch wiederfand. Die Wissenschaftler nannten als Beispiele die Orte Laupin, Coppen, Holtenow, Al Krenitz, Veldack und Loosen. Jedes, zuzüglich ein beheiztes Brunnen oder ein Baum, waren typisch für die wendlichen Rundlingsdörfer.

In Loosen erinnerte noch heute der Tisch an dessen Dorfbestimmung, an dem die Tiere, wenn sie von der Weide kamen, sich erst einmal festlegen und ausschlafen durften.

Mit großem Interesse und sehr dankbar nahmen die Völkerkundler während ihrer Forschungszeit im Landkreis an Dorf und Entdeckung teil. Von einem geschicktesten Entwerfer aus Loosen kam auch eine Strohuppe, die Familie Trampe den Wissenschaftlern schenkte und die sie mit in ihre Heimat nahmen.

Sie wird mit vielen anderen, für die Wissenschaft interessanten Geschichten von Familien aus dieser Gegend bekommen, die das Museum in St. Petersburg im 1. Halbjahr des nächsten Jahres eröffnen will. Sie beschäftigt sich mit der Mecklenburger Völkerverbindungen und soll natürlich insbesondere die slawischen Einflüsse deutlich machen.

Diese Ausstellung durch ihre Erzählungen, Erinnerungen und Geschichte berichten haben – und dafür möchte sich das Wissenschaftlerteam auf diesem Weg herzlich bedanken – die Familie Trampe aus Loosen, Ina und Ulrich Eilers aus Haltenow, Gertrude und Alfred Großmann aus Al Juchelkerber und Lidia Sorbitt; Hans-Joachim Böttcher aus Al Krenitz, Ursula Kraupe aus Loosen, Familie Laß aus Loosen, Wera Fester und Karin Wiedow sowie Familie Reichold aus Gläsin.

Handovere von Reimersdahl

Затем наш путь пошел на *Росток*, заняв на авто часа два. Я познакомился с нынешним директором Воссидло-Архива доктором Шмиттом (**Christoph Schmitt**) еще в 1998 г. Сейчас Архив стал Институтом этнографии в рамках Ростокского университета. Мне хотелось посмотреть здесь кое-какую этнографическую литературу. Важно было и то, что года полтора назад по моей просьбе Шмитт написал небольшую средства для приглашения Юли в связи с написанием ею кандидатской диссертации. Встретили нас превосходно, кофе—чаем с домашним пирогом. После длительного перерыва, с гэдэровских времен, снова встретился с бывшим директором Воссидло-Архива про-

фессором **Siegfried Neumann** (он уже на пенсии). После рабочего разговора нам организовали экскурсию по новому зданию, которое получил Архив. Здесь предусматриваются условия не только для научной работы сотрудников, но и для проведения семинарских занятий со студентами. Есть и необходимая техника. Нам удалось ознакомиться с фотоматериалами коллекции К. Баумгартена, покойного этнографа из ГДР, занимавшегося в 1950–1960-е годы типологией деревень. Мы отобрали и скопировали фото интересовавших нас деревень из округа Люлю. В основном эти фото были выполнены в 1956–1958 годах, но есть фото 1975 и даже 1930 г. Они в дальнейшем мы использовали их для диахронической идентификации построек и выяснения их судьбы сегодня, поскольку некоторые сильно перестроены или снесены: *Alt Krenzlin, Bresegard, Kummer, Leussow, Loosen, Ramm, Vielank, Warlow*. Попутно отмечу любопытные топонимические следы бывшего славянского (лютичи!) присутствия в Ost Holstein: *Lütjenberg, Lutjenbrode*. Или: озеро *Schwentine*. Западнее Шверина (Зверин) и южнее Гадебуша: *Radegast, Lüttow, Lübbehen, Lübbendorf, Lüblow, Lütow*. Названия, оканчивающиеся на *OW, произносятся как *OU или *AU.

Из дневника Ивановой

Приехал Хайко Бекманн.

В 10 утра встреча в редакции газеты «Ludwigsluster Tageblatt». Едем в Людвигслуст. Мы побеседовали с редактором газеты Ханнелорой ван Раймерсдааль, рассказали о наших планах, об экспедиции. Призвали местное население подарить вещи в музей для редкой экспозиции. Газета планирует выпустить статью о нас в среду–четверг.

Далее мы едем в Росток в Воссидло-Архив на встречу с Кристофом Шмиттом.

В 12.15 мы в Росток на Шиллер-Платц, в гостеприимном здании Института этнографии, где меня так хорошо принимали в прошлом году. Здесь наша цель — просмотреть старые фотографии крестьянских домов Ябельхайде из фотоархива Карла Баумгартена, видного восточнонемецкого исследователя деревенского жилища. Фотографии, которые нам удалось обнаружить и скопировать, относятся к 1956–1958 гг., т. е. времени последней этнографической экспе-

LUDWIGSLUSTER TAGI

Auf den Spuren slawischer Kultur

Petersburger Museologen in Alt Jabel

Alt Jabel • Im Landkreis und vor allem in der Labeler Heide sowie im benachbarten Wendland sind zur Zeit Wissenschaftler des Museums für Anthropologie und Ethnologie aus dem russischen St. Petersburg auf den Spuren slawischer Kultur unterwegs.

Für den Alt Jabeler Pastor Christoph Tattas ist deren Vorhaben, nach mehr als 800 Jahren slawischer Besiedlung noch auf Spuren dieser Kultur zu stoßen, eine sehr spannende Sache. Er sieht schon heute den Forschungsergebnissen des dreiköpfigen Teams des ältesten Museums Russlands mit großem Interesse entgegen.

Dass Professor Dr. Sc. Aleksandr S. Mylnikov sowie Dr. Alexander Nosik und die Doktorantin Julia Ivanowa berechtigte Hoffnungen haben, auch in der heutigen deutschen Volkskultur dieser Region noch auf Relikte slawischer Herkunft zu stoßen, ist gar nicht so unwahrscheinlich. Das fanden die Museologen schon wenige Tage nach ihrer

Ankunft bestätigt, als sie z. B. in Alt Jabel auf Bauernhäuser stießen, die Ostart der Pferdkeple die für die slawische Architektur typischen Hahnenköpfe auf dem Dachfirst tragen.

Professor Mylnikov und seinem Forschungsteam liegt aber auch sehr daran, in der Labeler Region mit Familien, die seit Jahrhunderten hier verwurzelt sind, Kontakt aufzunehmen und mit deren Hilfe z. B. Volksbräute, Geschichten und Gegenstände zu finden, in denen bis heute slawisches Kulturgut bewahrt blieb.

Über die Kirchengemeinde Alt Jabel, Friedensstraße 15, Telefon 0 387 59/2 02 34 ist eine Kontaktaufnahme möglich.

Die Forschungen der Petersburger Museologen sind Bestandteil des gemeinsamen Projekts „Germania-Slawika“ des Geisteswissenschaftlichen Zentrums für Kultur und Geschichte Ost-Mitteleuropas in Leipzig.
Hannelore van Roemersdaal

Auf Spurensuche: Professor Mylnikov (r.) und sein Team in Begleitung von Mitarbeitern der Uni Greifswald. Foto: Meier

диции в этот регион. Речь идет об 11 деревнях, которые объединяют понятием Ябельхайде. Это Альт Кренцлин, Брезегард, Гросс Крамс, Кусторф, Куммер, Лейссов, Лоозен, Рамм, Филанк, Варен. Не упомянут в архиве почему-то Лаупин, одна из старейших и интереснейших деревень Ябельхайде, а также Альт Ябель, негласный центр региона.

Кроме того, порылись в библиотеке архива, выписали нужную библиографию по теме, попили кофе в приятной атмосфере знакомых ученых, позвонили в Ленинград и отбыли обратно в Лаупин.

Из дневника Новика

Сегодня у нас была поездка в Росток. В этом городе расположен архив Рихарда Воссидло. Воссидло в первой половине XX в. собирал полевые материалы на севере Германии. Им был собран значительнейший архив, представляющий большой интерес для нашей экспедиции. Ныне архиву Р. Воссидло придан статус части философского факультета Университета Росток под названием Института этнографии.

Росток — красивый город со множеством замечательных особняков. Много памятников старинной архитектуры. Ехали в Росток мы частично по обычной дороге, частично же — по автобану со скоростью 150 км/ч. Автобан, который шел от Шверина, очень хороший, совсем новый, построенный в последние годы. Те автобаны, которые были проложены прежде, уступают современным, несмотря на то что их стремятся модернизировать. Совершенно новые дорожные сооружения превосходят прежние образцы.

В Архиве Р. Воссидло мы провели практически целый день. Архив замечательно устроен. Все собранное Воссидло хранится в деревянных ящичках. Архив, который составлялся в 1920–1930 гг., еще не разобран. Постепенно ведется его публикация. Воссидло записал огромное количество материалов в деревнях. Это бесценные сведения для лингвистов, этнографов и историков. Краеведы и диалектологи могут вообще сделать здесь сенсационные открытия. К сожалению, архив мало используется в научном плане.

Здесь также собрана значительная библиотека, в которой можно найти редчайшие издания прошлых лет. Оставалось лишь сожалеть, что мы располагаем весьма ограниченным временем для работы в Росток.

Директор архива господин Шмидт предложил нам попить кофе с пирогом, который испекла к нашему приезду его жена. Мы были тронуты такой заботой. Такой он, немецкий этикет.

19 сентября, вторник

Из дневника Мыльников

Ночью чистейшее полнолуние, с утра ясная солнечная погода, в плаше жарко. Сегодня намечено посетить два адреса в деревне *Hohenwoos*. Едучи по дороге в направлении деревни, сперва заворачиваем к хозяину керамического производства — его зовут **Fritz Döscher**. Свое дело он начинал, по его выражению, с нуля, когда около 1988 г. в ГДР было разрешено иметь частные предприятия до 10 работников. Сейчас кроме членов семьи в производстве участвуют несколько наемных рабочих. В одном из помещений ангарного типа, где поначалу было керамическое производство, Дёшер устроил музей, часть экспонатов которого (керамические изделия) можно купить. Мы осмотрели эту выставку–продажу, нам подарили лошадиное изображение конька дома для Кунсткамеры, а также я купил две писанки из Вендланда (по DM 11 каждая) для своей коллекции крашенных яиц. Все равно это со временем перейдет в МАЭ. Купленные мною писанки изготовлены художницей **Frähmke** из **Rebensdorf**. Кто она, сколько ей лет, где ее деревня — всего этого я не знаю, а добиться ответа у продавца не смог. В 1995 г. я интересовался вендландскими писанками и говорил об этом с очаровательной, ныне, увы, покойной, супружеской парой стариков: мужа и жены Кулке. Профессор Кулке — это особая тема, касаться которой здесь не могу. Скажу лишь, что по выходе на пенсию профессор Брауншвейгского технического университета переехал в Вендланд и фактически открыл его для нынешнего массового туризма. Его жена — художница. Она тогда подарила одну из своих писанок. Говорили, что в давние времена здешние крестьяне (венды, с середины XVIII в. ставшие немцами) жили бедно и трудно и традиции расписывать яйца у них не сложились. Нынешние образцы — для туристов. Правда, в некоторой степени учитывается *опыт серболужицких писанок*.

Из дневника Новика

Мы приехали в деревню Хоэнвоос (*Hohenwoos*). Эта деревня расположена рядом с нашей деревней Лаупин (*Laupin*). Расстояние между домом, в котором мы живем в Лаупине, и Хоэнвоосом вполне можно преодолеть пешком. Однако здесь это совсем не принято. Мы приехали на машине.

Целью нашего приезда было посещение предприятия Фрица Дёшера (*Fritz Döscher*). Владение господина Дёшера находится в стороне от села. Оно представляет собой значительный земельный участок с расположенными на нем постройками. При въезде в него стоит указатель «Гончарный

двор» («Törferhof»). За красивыми воротами в деревенском стиле расположен огромный двор, поросший травой. Этот двор служит одновременно стоянкой для машин приехавших к хозяину.

Господин Дёшер нас радушно встретил. Вначале показал свои владения. Пространная поляна двора по периметру обставлена различными постройками. Самая красивая — старинный дом фахверкового типа, совсем недавно аккуратно отремонтированный. Этот дом принадлежал отцу Франца Дёшера. Также отцу принадлежало гончарное производство. Во время ГДР предприятие было национализировано. После объединения Германии в начале 1990-х годов Дёшер вступил в права на восстановленную собственность своего отца. Он сумел вернуть себе землю и предприятие. Его гончарное производство — большая мастерская. В ней работает сам хозяин, его жена и члены семьи. Также он нанимает двух работников. Выпускает различную продукцию, которую продает в принадлежащем ему магазине.

Мы смогли посмотреть, как идет работа в мастерской. Женщина сидела за большим столом и раскрашивала вылепленные из глины фигурки. В мастерской работают с красной глиной. На полках стоит масса готовой и полуготовой продукции. Некоторые изделия сохнут, другие ждут кисти мастера, а третьи вообще готовы к продаже. Помещение мастерской весьма просторно, здесь много света благодаря большим окнам. Мастерская хорошо оборудована. Удобные электрические лампы, разнообразное оборудование.

В том же здании, где разместилось производство, находится небольшое кафе. Все это — собственность Дёшера. Здесь можно заказать себе кофе и *кухен* (Kuchen) — разнообразную выпечку, столь популярную в Германии. Кафе очень уютное и чистое.

Магазин, в котором продаются изделия гончара, расположен в очень большом доме напротив. Это одноэтажное строение имеет весьма вытянутую форму. Одно крыло здания занимает магазин. Хозяин с гордостью показал нам свое детище. Большое торговое пространство разделено стеллажами, на которых выставлены многочисленные гончарные изделия. Здесь продается огромное количество всякой всячины: керамические гуси, утки, кошечки, собачки с подобострастными мордами, лягушки на ночном горшке и прочий кич, столь популярный среди домохозяек. Конечно, это способно придать некоторый уют дому, однако уровень многих изделий вызывает явное недоумение. Скажем, как украсит вашу кухню испражняющаяся жаба? Винить гончара в этом нельзя. Почти все его вещи неоригинальны. Подобные изделия шаблонны и тиражируются разными мастерскими в различных регионах Германии. Они популярны, следовательно, их охотно покупают, а значит, это прибыльно. Мастер старается удовлетворить покупательский спрос. Не более. Допустим, он станет делать совершенные вещи и попытается воспитать вкус у рядового покупателя. Где гарантия, что он не разорит-

ся? Данная проблема пока неразрешима. И это не вопрос гончара Дёшера. Это основной вопрос и современного искусства, и создателей сувениров, и любой рекламной продукции. Сталкиваясь с этой проблемой столь близко в разных уголках мира, я просто воочию наблюдаю терзания многих мастеров. Бывает, что на изделие гончар тратит не один день, но изделие это (самое замечательное и совершенное) никто не хочет покупать даже очень дешево. А вот какую-то ерунду, на которую и времени тратить не надо, и фантазии прилагать никакой не следует, раскупают на ура и по большим ценам. Часто такие вещи люди видят у знакомых, родственников, любимых. И хотят иметь их у себя дома. Кто кого должен просвещать, мастер потребителя или потребитель мастера, вопрос философский, однако эти терзания вряд ли в ближайшее время можно будет разрешить. Просто и здесь, в немецкой глубинке, такие вопросы встают весьма остро.

Но в лавке Дёшера можно встретить не только кич. Мастер подарил для нашего музея (Петербургской Кунсткамеры) керамическую фигурку конских голов. Такими головами местные крестьяне украшали и продолжают украшать крыши домов. Это замечательный подарок, символизирующий традиционную культуру Мекленбурга.

В лавке продаются различные изделия, не только производства Дёшера. Здесь можно найти поделки на любой вкус и кошелек. Поделки выполнены в народном стиле. Любой желающий купить что-нибудь памятное о Мекленбурге не уедет без сувенира. В местных домах мы также видели подобные изделия. Если, скажем, далеко не в каждом русском доме вы найдете матрешку, то гусей Дёшера в домах местных жителей вы скорее всего встретите.

А.С. Мыльников купил для своей коллекции два пасхальных яйца, типичных для здешних мест. Это выпущенные куриные яйца, раскрашенные в традиционной манере. Они стоили по 11 марок за штуку. Сам хозяин сказал, что это большая цена. Но декор безупречен, и работа великолепна.

Выйдя из лавки в коридор, вы можете попасть через него в огромное помещение, предназначение которого не сразу станет ясно. В этом большом зале выставлены предметы мебели и интерьера разных эпох. Хозяин коллекционирует различные предметы прошлого. Со временем у него собрался целый музей городского и сельского быта. По периметру огромного зала расставлены старинные диваны, кресла, кровати, стулья, столы, шкафы, секретеры, напольные часы и прочий антиквариат средней руки. Шедевров нет, однако виден интерес хозяина к прошлому и его забота к сохранению наследия. На стенах висят картины, многие из которых копии известных работ. Так, к примеру, есть копия картины Перова «Охотники на привале», оригинал которой выставлен в Москве в Третьяковской галерее. Уровень исполнения картин очень разный. Есть и интересные полотна, а есть и просто халтура. Зато все работы выполнены явно давно, и уже поэтому заслужива-

ют внимания. На стенах висит множество старинных фотографий в рамках и без оных. Фотографии — важнейший этнографический источник, еще мало разработанный в науке. На фотографиях XIX–XX вв. можно увидеть интереснейшие типажи, чей облик донесли до нас старые мастера. Художественная фотография — высокое искусство. Фотографии минувшего — это и искусство, и бесценные свидетельства давно ушедшего времени. На старинных фотографиях можно увидеть наряды, обстановку, интерьеры, характерные для севера Германии прошлых полутора столетий.

Есть в коллекции Дёшера и фотографии правителей Германии, распространенные прежде весьма широко. Такая эклектика вначале вызвала у нас недоумение, однако затем стало очевидно, что подобный срез целого пласта жизни немецкого общества порой оказывается незаслуженно забытым. Собрания подобных краеведов могут значительно помочь в научных исследованиях.

Коллекция Дёшера насчитывает также значительное количество старинных часов, подсвечников, образцов вышивки и художественных тканей. Собранные вещи аккуратно скомпонованы по эпохам и стилям. Скажем, мебель в стиле Бидермайер собрана в одном уголке. И над этой мебелью висит картина, на которой люди изображены в схожей обстановке и одеты в наряды стиля Бидермайер. Такая забота о единстве стиля и аккуратность подкупают.

Собрание старинных вещей занимает весь периметр этого большого зала. Некоторые предметы выставлены в центре зала, где располагаются островками. Все же остальное пространство занимают столики и стулья современной работы. Помещение любительского музея изредка становится огромным рестораном, и тогда старинные вещи становятся роскошной декорацией важных торжеств. Во владениях Дёшера собираются сельские ярмарки, проводимые очень редко. Также здесь устраивают многолюдные мероприятия с застольем. Просторный зал и достаточное количество мебели позволяют накрыть столы для нескольких сотен человек. Иногда в гончарный двор приезжают автобусы с туристами. По предварительной договоренности для них устраивают торжественный обед или ужин. Условия обслуживать большое количество гостей это позволяют.

Ресторан–музей Дёшера — явление интересное. В округе это самое просторное заведение. По правую руку от него стоит дом, превращенный хозяином в гостиницу, скорее даже в гостевой дом — Gasthaus. Этот фахверковый дом был построен давно. Теперь его бережно восстановили, а комнаты в нем сдают заезжим путешественникам. Мы даже узнали, что здесь планировали снять жильё для нас. Однако оно оказалось достаточно дорогим.

Всего у Дёшера насчитывается несколько коммерческих проектов: гончарное производство, кафе, ресторан, гостевой дом. Он владеет также тор-

говлей Second hand. Деньги к деньгам, как говорится. Восстановив право собственности своего отца на имущество, Дёшер так и называет свое предприятие: Vaters ehemaliges Betrieb.

Наша встреча была продолжена в кафе, в том самом здании, где располагается мастерская. Хозяин угостил нас кофе и пирогом. Угощать гостей — неперенное правило местных жителей. С нами пришел познакомиться сын хозяина Ханс Хайнрих (Hans Heinrich). Подросток — деревенский розовощекий блондин с пышной шевелюрой, типичный отпрыск зажиточного бюргера. У отца с сыном хорошие отношения, что сразу бросается в глаза. Отец пошутил, представляя нам сына: «Ганс Генрих» (Gans по-немецки «гусь»).

Разговор с Дёшером шел на разные темы. Он, конечно, очень рад объединению Германии и возможности получить обратно свою собственность. Человек доволен жизнью. По его мнению, бывшую ГДР от других стран социалистического лагеря, отличает то, что она была присоединена к большой и богатой ФРГ, где сильны законы. Если бы ГДР стала независимой страной и начала бы проводить собственные реформы, то в ней, как и в других восточноевропейских странах, процветали бы мафия и беспорядок. У хозяина гончарного производства оптимистический взгляд на жизнь.

Лишь обсудив жизненные проблемы, мы перешли к интересующей нас теме славянских реликтов. Фриц Дёшер прекрасно знает, что на этих землях прежде проживали славяне. Да и современных жителей Ябельхайде он считает в значительной степени их потомками. Однако судьба распорядилась так, что все они стали жителями Германии и немцами. Но прошлое забывать нельзя, и родной край изучать просто необходимо.

Мы уезжали из Töpferhof-Hohenwoos, договорившись, что сюда еще приедем. Хозяин пригласил нас на ярмарку, которая должна будет собраться здесь через несколько недель.

Из дневника Ивановой

Хайко Бекманн уехал, мне водить машину запретили, а наша Маша не умеет. Утром едем с ней тренироваться, кажется, она меня лучше понимает, чем Бешу (*так мы называли между собой Хайко*). Но за рулем все же еще я.

12.00 отправляемся на встречу с гончаром Дёшером на его хутор в Хознвоос.

Вещи, которые господин Дёшер собирает для своего музея — старая мебель, одежда, предметы утвари, больше не нужны их владельцам. Их приносят люди из соседних деревень, и Дёшер говорит: «Ну тогда оставьте их здесь, если не хотите выкидывать» — и с радостью принимает для своего музея. Так возник маленький музей на территории Новой гончарни, в кото-

рой трудится Фритц Дёшер. В музее все можно потрогать руками — вещи повседневного деревенского быта, некоторые совсем старые, антикварные шкафы, мебель, крестильные платья девочек и мальчиков, старая посуда военного времени, изразцовая печь, шлемы, каски, пожарные ведра, утварь. Здесь же проводятся праздники, стоят столики и стулья. Музей бесплатный, открывает его хозяин каждую первую субботу месяца, когда в его гончарне проходят крестьянские ярмарки и съезжаются гости из разных регионов. На ярмарке продаются овощи, фрукты из садов Ябельхайде, вещи и керамика. Нас, конечно, тоже пригласили на следующую ярмарку, которая в этом году пройдет 7 октября.

Фритц Дёшер родился в 1941 г. Говорит, что пережил американцев, англичан, французов и русских. Его отец тоже был гончаром. Специально он не учился, просто перенял у отца дело. В шутку Фритц называет это VEB, то есть «Vaters ehemaliger Betrieb» (Бывшее предприятие отца) (*В ГДР аббревиатура VEB означала «Volkseigener Betrieb», т.е. «народное предприятие»*). В 1972 г. гончарня была приватизирована. Фритц с женой стали хозяевами, и у них была идея, но впридачу к ней пять проблем: не было глины, глазури, гончарного круга, печи для обжига и главное — понятия, как вести дело. Но до объединения Германии в 1990 г. им все же удалось открыть дело, они сами изготовили гончарный круг, все принадлежало VEB (*в прямом значении*). Сейчас проблем с этим у гончаров нет — можно покупать сырье — глину — в готовом виде. После «Венде» распределения продукции и централизованного сбыта больше не было, нужно было продавать продукцию. Но кому и где? В это время многие предприятия обанкротились и закрылись.

Но Фритц с семьей открыли магазин «Секонд Хенд», и он стал приносить им ежемесячный доход в 20 тысяч марок! Одну проблему они решили, а именно — проблему денег. Теперь можно было купить автомобиль. На нем Дёшер мог возить свою продукцию в те регионы и деревни, где не было ничего подобного — в Любек, Гамбург и т.д. — и продавать ее на ярмарках.

На фотографиях, сделанных мною в этот день, запечатлен магазин гончарной продукции Дёшера. Керамические изделия, выставленные на полках лавки, очень типичны для Германии в целом. Это вещи, называемые в обиходе Schnick-Schnack, т. е. предметы, не несущие никакой функции, не приходящие в быту, а служащие все больше для украшения помещения, двора, лестницы. Именно они отражают как нельзя лучше внутренний мир немца, особенность его менталитета — это душевность, стремление создать осязаемый уют в доме. Это, кстати, я и переняла от них.

Дом Дёшера был построен его отцом в 1938 г. Надписи на фронтонной балке фахверкового фасада «Gott möge schützen dieses Haus und die darin gehen

ein und aus» (Господи, защити этот дом и всех, кто входит в него и выходит) имела особенное значение во время господства национал-социалистов.

Господин Дёшер подарил для Кунсткамеры керамическую фигурку. Это модель скрещенных конских голов, которыми обычно оформляют коньки крыш мекленбургских домов. При этом он рассказал историю, которая, по его мнению, объясняет значение этих фигур. Фигуры коней возникли из рунических знаков, которые первоначально означали защиту от злых духов. Каждый дом имеет под коньком треугольное отверстие, через которое влетают летучие мыши и совы, как и духи. Для того чтобы совы и мыши могли влетать, а духи оставались за пределами жилища человека, к верхней части фронтона прикрепляли скрещенные головы лошадей.

Во дворе Дешера стоит хлебная печь, здесь по сей день пекут хлеб. В печь помещается до 80 килограммов хлеба за один заход. Печь построена заново из старого камня традиционным способом. Вверху над дверцей выведено изречение готическим шрифтом «Altes Brot ist nicht hart — gar kein Brot, das ist hart» (Старый хлеб не жёсток, без хлеба — вот это жестоко).

Из дневника Мыльников

Наш второй адрес — живущая в той же деревне (в почтовом адресе добавлено название деревни *Tewswoos*) семья: **Ina** и **Erich Ehlers**. Они местные: она родилась в 1921 г., он — в 1916 г. Оба пенсионеры, муж получает пенсию в размере DM 1400, жена — DM 600. Мы удивились скромным размерам, но старик сказал, что ниже всего оплачиваются сельские жители, поэтому крестьянским делом занимаются немногие, а остальные жители работают на производстве вплоть до Гамбурга. Наши собеседники подрабатывают тем, что содержат корову, дающую ежедневно 24 литра молока, которое они сдают в молочный кооператив (я давно по рассказам немецких крестьян знаю, что переработка молочных продуктов в ФРГ монополизирована, все взято на учет и индивидуальная продажа хозяевами на рынках не практикуется). Их взрослые дети со своими семьями живут в разных местах, иногда навещают. Всеми текущими делами занимается Ина, поскольку Эрих полупарализован (ноги, передвигается с большим трудом). Хозяйка — симпатичная радушная старушка с добрым кругловатым лицом, ходит, ловко помогая себе костылем. Дом Элерсов старый, двухэтажный, крыша тростниковая, последний раз крылась в 1995 г. и, как говорит хозяйка, простоит еще лет 200. Дом постепенно достраивался — картина характерная. Так, типичное для здешних традиционных построек помещение хозяйственного назначения Diele переоборудовано под хозяйственную комнату–кладовую, уборную; сделан ход на второй этаж. При доме небольшой сад и огородик. Выращивают картофель и капусту для собственных нужд. Раньше выращивали спаржу — любимый продукт в

Германии, но теперь эта трудоемкая культура не под силу. Помогает кузина. Стоило для скота переоборудовано под дом для дочери, одна из пристроек — под гараж. Мы пока впервые столкнулись с селянами, знающими родословную с XVII в. По материнской линии Ина Элерс вендка, ее родовая фамилия *Körke*, о чем она рассказывала с удовольствием и показала огромный лист родословной, начинается с 1655 г., когда упомянут Андреас Кёпке, уроженец Alt Jabel. Впервые увидел пресловутый нацистский Ahnenpaß, которым подтверждалась или, наоборот, ставилась под сомнение арийская чистота владельца. В предисловии содержится указание: «Гражданином может быть лишь тот, кто является Volksgenosse» (не берусь переводить, но смысл ясен). Основные анкетные вопросы по поколениям: Фамилия, Имя, Год рождения, То же о родителях, Исповедание, День крещения и регистрации в государственном ведомстве, Номера документов и др. О существовании подобного документа мне рассказывал весной 1998 г. заведующий Этнографическим отделением Университета им. Гумбольдтов проф. Кашуба. По его словам, эти «паспорта» нацисты не хранили, а после регистрации возвращали на руки владельцам, которые после войны их выкидывали или уничтожали; поэтому эти экзотические приметы страшной поры редки. Но Ина Элерс, далекая от подобной дури, воспринимает свой Ahnenpaß просто как записную книжку и добросовестно пополняет ее записями о своих детях и внуках, рожденных после 1945 г. по сие время. Забавный пример разумного крестьянского практицизма — а почему бы нет? С разрешения хозяев мы записали часть беседы на ленту, в том числе о местных обычаях, суевериях. Им было приятно, что ученые из Петербурга приехали сюда для изучения жизни в немецких деревнях и ознакомления с их бытом и традициями. Одним из проявлений доброго отношения стал подарок для МАЭ — женская рубашка под платье, изготовленная из домотканого материала в 1840-х годах. Это был фактически первый трофей, хотя поначалу мы не ожидали таких подношений и не планировали их собирание. Подарок оказался неожиданным, стихийным и трогательным. На прощание Юля сфотографировала супругов у дверей их дома, мы тепло попрощались с ними, а сами отправились осмотреть деревню. Это Rundling. В центре деревни сооружен памятник жертвам двух мировых войн (подобные памятники можно видеть и в других деревнях, в том числе в Лаупине). К сожалению, дело было под вечер, резко похолодало, поднялся порывистый ветер, и пришлось ограничиться лишь осмотром центральной части; Саша и Юля сделали много видеofотоснимков (вот такое длинное слово!). Много собак, в сетчатом вольере стоял пони. Произошла забавная сценка: к нам приближался большой ротвейлер, Саша сказал, что вообще боится собак, пес же, обнюхав меня, решил составить нам компанию. Наконец это увидела его хозяйка, выбежала из дома и несколькими могучими ударами ногой принудила пса вернуться. Била она его классно!

Из дневника Новика

После посещения хозяйства Дёшера мы отправились в деревню Хоэнвоос, на окраине которой и расположены владения гончара. Мы хотели попасть в дом семьи Элерсов (Ehlers). О ней нам рассказал пастор Туттас. По его словам, Элерсы способны рассказать многое о старине, и нам это будет интересно. Мы подъехали к старому дому, который поддерживается в очень хорошем состоянии. Нас встретили старики. Хозяин родился в 1916 г., его жена — в 1921 г.

Узнав о целях нашей экспедиции, Элерсы с пониманием кивнули. Они нам сразу же сказали, что они из славян, что у них даже родословная есть, из которой явствует, что их предки были славянами. Такая удача нас порадовала. То, что в этом регионе Германии сохраняется славянское самосознание, для меня было, честно говоря, открытием. То, что было известно из книг, стало подтверждаться и в полевой работе.

Хозяева пригласили нас за стол, и госпожа Элерс принесла документы, представляющие семейный архив. Самым интересным был большой рулон бумаги, в котором были записаны все родственники. Составлена генеалогия очень подробно. Такой интерес к своим корням характерен для Мекленбурга. Среди родных много людей с фамилиями явно славянского происхождения. Так, фамилия матери хозяйки Кёпке (Körke) явно славянская. Даже если это не так, важно то, что сами Элерсы воспринимают ее как славянскую.

Среди крестьян в последнее время стало популярным заказывать свои родословные в архивах. Это стоит весьма недорого. И подобные услуги охотно оказывают работники различных служб. Составленная в Гамбурге родословная называется «Die Ahnen-Tafel Körke» («Родословная таблица семьи Кёпке»). Составлена она Оскаром Штрутцем в августе 1990 г., о чем имеется соответствующая запись: «Fertiggestellt Ende August 1990 von Oscar Strutz, Hamburg». Родословная хозяйки весьма интересна. Мы можем проследить ее до XVI столетия. Иногда для крестьянских семей составляют родословные и до XV столетия, но это бывает крайне редко. Наиболее распространены, как выясняется, сведения после XVII в. Тридцатилетняя война унесла не только множество жизней, но и архивные материалы. Кажется странным, но о Тридцатилетней войне часто вспоминают местные крестьяне. Предания о ее жертвах и разрушениях живы здесь до сих пор, хотя с тех пор прошло уже более 350 лет.

Составленные специально по заказу в земельных архивах родословные могут многое рассказать о местных жителях. Нужно учитывать этот вид источников, который прежде как-то не брался в расчет. Во-первых, крестьяне не интересовались столь активно своим прошлым. Во-вторых, изучались генеалогии аристократов. В последнее время, особенно в последнее десяти-

летие, интерес к своим предкам и прошлому проснулся у многих жителей. И практически в любой семье вам могут либо показать родословную, либо рассказать о своих предках долгую историю.

Во времена нацистов у людей также были книги родословных. Их печатали типографским способом, и каждый должен был вносить в них сведения о своих предках. Таким способом пытались вычислить всех евреев и прочих «неарийцев». Элерсы хранят такую книжицу. «Родословная» («Ahnenpaß»), как значится на обложке, аккуратно заполнена чернильной ручкой. Элерсы и после войны продолжали вносить в книжку записи. Они заносили в нее имена и своих потомков. Вообще, порядок — великая сила.

В книге есть следующая запись: «Dieser Ahnenpaß ist begutachtet von der Reichsstelle für Sippenforschung im Reichs — und Preuß. Ministerium des Innern und von vielen Dienststellen der NSDAP. Zum Dienstgebrauch empfohlen. Zentralverlag der NSDAP. Franz Eher Nachf., München».

Значит это следующее: «Данный родословный паспорт одобрен Имперской службой по изучению родословных Имперского и Прусского министерства внутренних дел и многочисленными подразделениями НСРПГ. Рекомендован для служебного использования. Центральное издательство НСРПГ. Франц Эхер, Мюнхен».

То, что при нацистах пытались выяснить этническую и религиозную принадлежность, было понятно. Но местные крестьяне как-то не особо скрывали, что у них славянские корни. Быть не чистым арийцем считалось плохо, однако это было не столь смертельно опасным, как в том случае, если бы вы были евреем.

В семейном архиве хранятся старые фотографии и различные бумаги. Хозяйева показали нам похоронку, пришедшую с Восточного фронта в годы второй мировой войны. Погиб дядя хозяйки — брат отца. Смерть настигла его в 21-й день рождения, 14 января 1944 г. Похоронка пришла в Хоэнвоос и была подписана местными властями 28 февраля 1944 г. Элерсы показали нам бережно хранимую похоронку как семейную реликвию. Они прекрасно понимали, что дядя был убит русскими солдатами, однако у нас они искали сочувствия, а не злорадства, хорошо понимая, что войну мы, как и они, воспринимаем как обоюдное горе для наших народов и стран, а не бездумное противостояние.

Разговор с Элерсами зашел о славянах. Они хорошо знают, что прежде эти места были заселены славянскими племенами. Но к настоящему моменту по-славянски уже никто не говорит. Да и на веку их ближайших предков уже не говорили. Вспомнить какое-нибудь необычное слово, не немецкое, они не могли. Зато у них есть старые вещи, и они с готовностью согласились нам их показать.

Старик, хозяин дома, парализован. Он сидит в инвалидном кресле. Его жена также ходит с помощью двух костылей. Она приспособила офисное

кресло на колесиках для передвижения по дому. В этом кресле она легко ездит в разные комнаты. В нем она сидела, принимая нас. Чтобы показать старые вещи, хозяйке понадобилась помощь. Юлия Иванова отправилась вместе с ней на второй этаж. Там у хозяйки убран в шкаф старинный свадебный наряд. О нем нам рассказывал пастор Туттас, и вообще этот наряд считается чуть ли не местной реликвией.

Пока дамы доставали костюм и прочие этнографические редкости, мы продолжили беседу с хозяином дома. Господин Элерс и его жена получают на двоих пенсию 2000 марок. Пенсия хозяина, как он сказал, 14 сотен. Немецкие крестьяне, как мы заметили, любят считать сотнями. Госпожа Элерс раньше работала на производстве, у нее также пенсия выше, чем у большинства других крестьян. Хозяин рассказал нам много интересного, несмотря на свой, надо сказать, весьма преклонный возраст. Беседу с ним мы записывали, как и предыдущий разговор, на диктофон.

Пока мы разговаривали с хозяином, вернулись наши дамы. Госпожа Элерс принесла женскую рубашу. Ее выполнила собственноручно тетка хозяйки, которую звали Минна Шульц. На рубаше имеется монограмма инициалов: «Minna Schult». Монограмма вышита красной нитью по белому полю рубашки. Изготовили рубашку в 1840-е годы. Такая нательная рубашка носилась крестьянками под верхней одеждой. Госпожа Элерс решила подарить эту рубашку нашему музею — Кунсткамере.

Также госпожа Элерс показала нам хранящееся у нее верхнее распашное одеяние из черной шелковой ткани. Принадлежало одеяние бабушке хозяйки по отцовской линии. Бабушку звали Фридерика Шульц (Friederike Schult). Умерла она 26 ноября 1919 г. Такую одежду носили еще во времена ее молодости. И она была неременным атрибутом костюма мекленбургских женщин. Такое одеяние нам не подарили, и было неудобно просить его для нашего музея. Одеяние застегивалось спереди на единственный металлический крючок, пришитый сверху. Госпожа Элерс разрешила нам сфотографировать этот элемент костюма. Даже вынесла специально для съемки вешалку–плечики.

В доме много старых вещей. За долгую совместную жизнь хозяева обросли скарбом. Дети разъехались, и, как говорят Элерсы, вряд ли когда-нибудь заинтересуются старинными вещами. После смерти хозяев эти вещи за ненадобностью выкинут и никогда больше о них не вспомнят. А ведь за этими вещами стоит не одна эпоха.

Хозяйка предложила нам кофе. Для этого был накрыт стол в кухне, служащей одновременно столовой. Стол был накрыт весьма аккуратно, несмотря на физическую немощь хозяйки. Правила хорошего тона здесь стараются соблюдать. Фарфор к столу подали очень приличный, его, очевидно, достают по торжественным случаям. Нам было неудобно принимать угощение ввиду

больших трудностей, с которыми передвигалась хозяйка. Однако обидеть ее, отказавшись от угощения, мы не могли. Госпожа Элерс приготовила к столу печенье. Были поданы неизменные сливки. Сливки подают к любому сладкому столу. Они непременно присутствуют не только в частных домах, но и в учреждениях общепита. В любых кафе и ресторанах сливки и сахар к кофе подаются бесплатно, в отличие от нашего отечества. Более того, вас не осудят, если вы возьмете не одну порцию сливок.

После кофе мы пошли осмотреть дом Элерсов. Расположенный в круглой деревне, старинный дом полностью соответствует духу легендарного прошлого. Дом крыт камышом. Камыш по-немецки называется *шилф* (Schilf), камышовая крыша соответственно *шилфдах* (Schilfdach). Такая крыша является самой дорогой из возможных. Раньше крестьяне в силу своей бедности настилали крышу из камыша. Им были недоступны черепичные крыши, которые нужно было покупать у ремесленников. А вот пойти на болото или к берегу озера можно было свободно, там нарезали камыш, достигший необходимой зрелости, затем его подсушивали и укладывали на крышу. В этом процессе могли помогать все члены семьи, крыша в таком случае обходилась дешево, не требуя практически никаких затрат, кроме физических. Даже если не могли покрыть крышу сами, то приглашали кого-нибудь из односельчан, поднаторевших в подобном мастерстве. Были и бродячие мастера, для которых выполнение камышовых крыш служило отхожим промыслом. В любом случае камышовая крыша обходилась крестьянской семье дешевле, чем покупка черепицы. Поэтому бедные крестьянские дома были видны издалека — их выдавала крыша.

В наше время все коренным образом изменилось. Превыше всего ценится ручной труд. Самые дорогие изделия в Германии не те, которые сделаны на фабрике или заводе, а те, над созданием которых долго трудились человеческие руки. Чтобы накрыть камышом крышу, необходимо усердно потрудиться. Надо нарезать вручную камыш, затем его отсортировать, просушить, уложить на крыше. Этим занимается узкий круг специалистов. И за свой труд они берут приличные деньги. Крыша дома средних размеров обходится где-то в 20 тысяч марок. Все остальные виды покрытия крыш существенно дешевле. Так, уступают в цене крыши из черепицы, кровельного железа, шифера, металлочерепицы и прочих материалов. Тем не менее камышовые крыши чрезвычайно популярны в изучаемой области. Чем можно объяснить такое предпочтение местных жителей? Все дело в приверженности традициям. Среди местных крестьян красивым и престижным считается иметь дом в традиционном стиле. Он не только соответствует духу и облику села, но и отвечает запросам жителей. Если раньше престижным и соответственно лучшим считалось все «городское», и к «городскому» тянулись все, то в последнее время наблюдается переосмысление многих ценностей.

Люди обращаются к истокам собственной традиционной культуры. То, что бытовало еще в эпоху бабушек и прабабушек, начинает считаться красивым и оригинальным. И это бабушкино существенно отличается от суррогата современного высокотехнологического производства и унифицированной нивелированной культуры.

Камышовая крыша, помимо того что она символ прежнего крестьянского быта, стала в настоящее время и показателем высоких доходов хозяев, а это уже в свою очередь определенный фактор престижа, вызывающий известную цепную реакцию. Обустроить дом в традиционном стиле стало престижным занятием, и к этому стремятся многие. Подчас такое увлечение вызывает недоумение и критику у многих городских жителей, которые считают такие дома в «народном духе» китчем. Однако тенденция обустроить внешний вид дома «под старину» и оснастить жилище предметами утвари прошлых лет весьма сильна.

Камышовая крыша при условии тщательного ухода и ремонта может простоять до 100 лет. К примеру, черепицу нужно менять где-то через каждые 40 лет. Но не фактор цены или долговечности влияет теперь на выбор многих домовладельцев. Ими руководит в первую очередь желание подчеркнуть свою привязанность к местным традициям. Камышовая крыша красива в эстетическом плане. Она, словно шляпка белого гриба, прикрывает сказочную избушку. Камышовое покрытие низко нависает над стенами дома, и человеку высокого роста нужно обходить подобную крышу, чтобы не провести рыцарский турнир между плотно уложенным камышом и собственной головой. Камыш укладывают аккуратными вязанками в вертикальном направлении сверху вниз. От мастерства подгонки зависит то, насколько долго простоит крыша. Чем меньше будет расстояние между отдельными прутьями, тем меньше шансов у влаги и снега подточить крепость крыши. Главный враг камыша — влага и время. Их влияние можно уменьшить заботливой укладкой камыша одного к другому. Тщательная подгонка и правильный срез лишних прутьев гарантируют качество крыши. Все лишнее мастера заботливо срезают, и крыша представляет собой аккуратно подстриженный стог камыша. Когда я любовался мастерской работой ее создателей, меня не оставляла мысль: «А можно ли у нас в отечестве сделать такую крышу? Прошли бы мимо такой красоты наши хулиганы, не потянулась бы у них рука с зажигалкой или спичкой к сухому камышу, даже не по злобе, а ради пустого любопытства — а что будет?».

Хозяевам дома было весьма приятно, что мы любуемся их жилищем. Мы обошли дом, посмотрели палисадник и сад. Здесь много цветов и зелени. Хозяйка вынесла для фотографирования свои старинные наряды. Фото съемку мы провели у дома, на солнечном свете. Потом вернулись в хозяйские покои.

В доме хороший ремонт. Потолки обшиты евродоской. Старинный крестьянский дом оборудован по последнему слову техники. С особой заботой отремонтирована ванная комната. В ней есть унитаз, биде, ванна, душевая кабина. В ванне устроено кожаное кресло для мытья инвалидов (ведь хозяин дома парализован). В ванной комнате много разных приспособлений для пожилых и больных людей. Помещение ванной большое. Интересно и оформление этой комнаты. Весь интерьер выдержан в бежевых тонах. Бежевая кафельная плитка, бежевые плинтуса, бежевые шкафчики и т.д. В Германии я не первый раз наблюдаю такие ваннные комнаты. При всем разнообразии кафеля и аксессуаров для ваннных комнат, немцы почему-то, отдадут предпочтение таким тонам и цветам материалов и оборудования. Такая же ванная комната была у меня в гостинице в Лейпциге, подобные комнаты мы часто встречаем в местных домах.

Обстановка дома Элерсов весьма эклектична. Видно, что пожилые хозяйева заботливо хранят старые вещи, с которыми связаны разные периоды их жизни. Рядом со старой мебелью можно увидеть новые вещи, также рядом с новой обстановкой встречается старинная утварь. В гостиной, хорошо отремонтированной, стоит допотопная магнитола «Oberon». На круглом столе, стоящем посередине комнаты, лежит вязаная кружевная скатерть белого цвета. Немцы любят такие рукодельные вещи.

В серванте мы увидели пару фарфоровых чашек с блюдцами с памятными надписями. Эти чашки Элерсам подарили ко дню серебряной свадьбы дети. Чашки объемные, немаленькие. Выполнены из тонкого белого фарфора. На чашках серебряной краской нанесена надпись — поздравительный текст ко дню 25-летия совместной жизни. Это традиция в Германии — дарить подобную чайную пару к подобной знаменательной дате. Элерсы сказали нам, что сожалеют, что после их смерти никому это будет не нужно и чашки выбросят как хлам. Ведь молодежь, сказали они, не дорожит подобными реликвиями. В дальнейшем мы встречали такие подарочные наборы во многих немецких семьях.

Старики вышли провожать нас к порогу, они были очень довольны, что к ним пришли с расспросами. Визит оставил очень приятные воспоминания.

Из дневника Ивановой

В 14.10 мы двинулись от гончара по проселочной дороге в деревню Хонвоос. Дорога пролегает через лес и поля, и на окраине поля стоят первые дома этой маленькой деревушки, затерянной в сосновых лесах Яблоневои пустоши. Мы приглашены в дом к госпоже Элерс. Дом Элерсов традиционный мекленбургский, с массивными синими воротами на фасаде и огромной камышовой крышей. Это нижненемецкий дом-двор. Супруги Элерс пожи-

лые, Эриху Элерсу 87 лет, он находится постоянно в кресле полулежа из-за больных ног, а ходит очень тяжело, опираясь на две трости. Ина Элерс родом из Хоэнвооса, ее мать носила фамилию Кёпке, и сама хозяйка подтверждает, что эта фамилия славянского происхождения. Ее предки были родом тоже из этой деревни, и дом, в котором мы сейчас сидим, принадлежал им, здесь же жили родители Ины. Господин Эрих Элерс женился на Ине и въехал сюда в 1947 г., 28 ноября.

Супруги сохранили в своем архиве старый документ эпохи национал-социалистов «Ahnenpass» с орлом Рейха, где нужно было указать всех родственников и предков и по материнской, и по отцовской линии, чтобы доказать чистоту своего «арийского происхождения». Правда, Элерсы используют паспорт предков в качестве своеобразной генеалогической таблицы и вписывают туда всех своих родственников. Их дочь живет в Филанке. Ина показывает нам генеалогическую таблицу рода Кёпке, которую составил ее родственник из Гамбурга Оскар Штрутц в 1990 г. Его жена тоже урожденная Кёпке. Дед Ины по фамилии Кёпке родился в Хоэнвоосе 22 января 1846 г.

Эрих сообщает, что крыша их дома была реставрирована в 1995 г. и конские головы на фронте изготовлены заново, но сарай напротив их дома до сих пор сохраняет первоначальный облик с 1711 г.

Цель нашего визита (помимо интервью) — осмотреть и сфотографировать оригинальный свадебный наряд матери Ины. Наряд состоит из верхнего одеяния и юбки, изготовлен был около 1862 г., по словам Ины, поскольку мать ее родилась в 1842 г. Наряд выполнен вручную из черной ткани, но кем он был сделан, неизвестно. Тогда невеста на свадьбу надевала черное платье и белый шлейф.

До 1975 г. семья Элерс держала свой скот, у них были лошади, коровы, свиньи, гуси. Затем пришло время ЛПП (сельскохозяйственных кооперативов), и они отобрали последних коров. Пять лет назад дом был перестроен, на месте традиционного помещения двора диле соорудили современную ванную комнату. Раньше ванной и туалета в крестьянском доме не было. В доме сейчас четыре жилых помещения — три жилых теплых комнаты и кухня, а также три входа, и только один используется как главный вход.

Второй дополнительный вход с боковой стороны дома используется редко, только когда фрау Элерс выходит кормить собаку или забирать газеты. Ворота *диле* на фасаде ныне не используются. На чердаке дома три нежилые комнаты-кладовки, где составлена старая мебель матери — зеркало в раме, сундук. Там же нам показали коптильную камеру, где коптили колбасы после дня забоя скота. Позднее, после перестройки дома, печную трубу убрали.

Рядом с двором Элерсов находится земельный участок внучки Ины и Эриха размером $\frac{1}{2}$ га и небольшой дом. Дом выходит фасадом на площадь в

центре поселения — это ядро круглой деревни, которая несколько не изменилась по прошествии веков. Все осталось практически в первоначальном виде, новых улиц не строилось. В центре бывшей круглой деревни Хоэнвоос расположена площадь со сквером и памятник жертвам двух мировых войн. Из центра, вокруг которого расположены крестьянские дворы, ведут четыре дороги в направлении деревень Альт Ябель, Тевсвоос, гончарни Дёшера и деревенской таверны «Альте Шуле», где мы частенько пропадали вечерами с нашим Бешей.

Часть фахверка над главным входом *диле* называлась Zwiebogen или Swiepbogen.

Отверстие в печи, куда помещают колбасы для копчения, называют здесь Dehme (*если я правильно поняла, и в виду не имелась Därte, кишки, в которые набивали колбасы*).

Госпожа Элерс дарит нам для будущей выставки в Кунсткамере женскую нижнюю рубаху середины XIX в. Это первый ценный предмет, полученный нами в дар во время этой экспедиции. По оценке Ины, рубаха была изготовлена в 1840-е годах. Рубаха сшита из льняного домотканого полотна, которое сама изготовила тетка Ины Минна Шульц. На груди, прямо под вырезом как раз имеется монограмма MS, которую вышила молодая Минна на рубахе, предназначавшейся ей в приданое. «Единственная купленная вещь на рубахе — это пуговица», — с гордостью за свой дар сообщает Ина.

Раньше все жители деревни были крупными крестьянами — об этом говорит и форма деревни, т. е. отсутствие позднейшего строительства домов малоземельных крестьян — *бюднеров* и *хойслеров*. Сейчас крестьян не осталось, люди не занимаются сельским хозяйством. На участке Элерсов — большой луг, сад с цветниками, по-настоящему аккуратно, как и подобает быть в Германии, а также огород. Выращивают в этом огороде капусту кольраби, клубнику, лук-порей, любисток, который здесь называют «травой магги», петрушку да ревень. Участок Элерсов довольно большой — ½ га.

Вот и закончился еще один экспедиционный день, снята пленка, интервью записано на кассету.

Рашифровка записи беседы с супругами Иной и Эрихом Элерсами

I n a E h l e r s : Das ist ja schon alles umgebaut. Es ist ja hinten noch ein Strohdachhaus, das steht aber leer. Da ist eigentlich nix drin gemacht. Der Besitzer, der — weiß nicht, wo der steckt — der will das verkaufen, das steht leer. Und die drüben — haben Sie vielleicht auch gesehen — das war auch ein altes Haus. Und das hat er abgerissen und es steht nun jetzt im Bau. So holzverbannt is er, aber der is... geht auch schon paar Jahre... kommt auch nicht weiter.

I v a n o v a : Haben Sie das alte Haus hier, das Fachwerkhaus gemeint?

I n a E h l e r s : Ja, das hier, woher Sie auch gekommen sind, nä? Das Fachwerkhaus.

I v a n o v a : Wir sind gerade aus dem Wald gekommen.

I n a E h l e r s : Ja. Und das ist ja auch das Neue aufgebaut und dieses alte Gebäude bisher hat er verkauft auch, der ist ausgestorben als er verkauft hat, ist ja weggezogen und das war ja der... einer von ä... drüben... der... wir hatten immer drüben gesagt, von Dannenberg. Ob er ausbauen wollte, das weiß ich nicht, aber es geht nicht vorwärts.

I v a n o v a : Und wie alt ist das Haus ungefähr?

I n a E h l e r s : na ja... So eine Balkentür, noch Balken drin, also es ist auch über 200 Jahre gewesen.

M y l ' n i k o v : Und es gehörte immer einer Familie oder?

I n a E h l e r s : Einer Familie.

M y l ' n i k o v : Und wie ist die Familie, wie ist ihr Name?

I n a E h l e r s : Ja, jetzt heißt er Ratsche, und früher war das Gebert. Und der Gebert ist ausgestorben — die Frauen immer, die hatten eine Tochter — und die hat das verkauft an den Ratsche. Das ist ein Malermeister. Aber der wohnt in... der wohnt hier, aber hat seine Arbeitstelle in Dannenberg.

M y l ' n i k o v : Und sagen Sie, Sie sind hier geboren, aber Ihre Vorfahren kamen auch aus diesen Dorf oder?

I n a E h l e r s : Meine Mutter ja. Meine Mutter stammt hier auch 'raus.

M y l ' n i k o v : Also, bestimmte Teil von Ihre Vorfahren sind hier lang und ständig, viele Jahre sogar viele Jahrhunderten gelebt?

E r i c h E h l e r s : Ja. Wir haben noch seit 1646... sind wir erwähnt.

I n a E h l e r s : ... aus Hamburg. Und der hat denn gefragt, er sucht Erbenhof Köpke. Meine Mutter, sie war eine Köpke

M y l ' n i k o v : Das ist slawische Name.

I n a E h l e r s : Köpke? Ja. Und dann hat er uns dies ja alles geschickt. Da hat er alles aufgenommen, die Vorfahren so. Es ist aber von Köpke, von meiner Mutter Seite ist das, nä? Und das geht zurück bis...

M y l ' n i k o v : Und was ist das? Eine Genealogie?

I n a E h l e r s : Nein, das sind all die Ahnen, Ahnentafel.

M y l ' n i k o v : Aha... Erlauben Sie bitte schön... «Abschnitt einer Kopie aus einem Kirchenbuch im Domarchiv zu Ratzeburg».

I n a E h l e r s : Er hat ja alles immer aufgeschrieben. Von... habe ich ja noch Ahnenpass beigelegt. Es ist aber... ich habe jetzt die Enkel zuerst eingetragen. Das ist unser Enkelsohn ist das, den habe ich eingetragen, dann habe ich die Eltern, hier Großeltern und Urgroßeltern geht alles weiter. Aber das ist ja denn... von alten Seiten ist es. Die Tochter hat ja geheiratet und wohnt in Vielank, hat einen Mann dort. Das ist mein Vater. Das sind die Eltern von meinem Vater.

M y l ' n i k o v : Und das ist 1789.

I n a E h l e r s : Das ist die Schwester vom Vater mit 'm Mann. Und das ist auch eine Schwester vom Vater. Und das ist 'n Bruder vom Vater mit 'r Frau. Das ist auch ein Bruder vom Vater und hier... das sind meine Großeltern und viel Geschwister drauf. Aber mein Vater, der war der Jüngste. Der ist '83 geboren. Und der ist nicht mehr drauf. Und die beiden Mädchen, die waren schon 18 und 19 Jahre alt, wie der Vater geboren ist.

M y l ' n i k o v : Sehr viele Auszüge aus 18. Jahrhundert.

I n a E h l e r s : Das ist schon wieder... die Väter und Kinder von denen. Das ist das Elternhaus von meinem Vater. Und auch noch 'ne Schwester von dem Vater. Und das ist eine Sterbeurkunde.

M y l ' n i k o v : «... aus Kirchengemeinde Conow 1744. die Eltern des Kindes Hans-Johann Betzke.»

I n a E h l e r s : Das hatten wir noch in der Schule, das ist alles noch in Deutsch geschrieben. Ich weiß nicht, ob sie das lesen könnten. Das andere ist lateinisch, dies ist Deutsch, nä? Wir haben in der Schule erst Deutsch, dann Sutelin, und dann Latein und alles sowas... haben wir so gelernt.

M y l ' n i k o v : Und sagen Sie, wer hat diese Auszüge gemacht? Ihr Verwandter aus Hamburg?

I n a E h l e r s : Ja. Aus Hamburg. Er kam hier und der wollte den Erbhof Köpke suchen. Und dann war mein Mann da vorne und der sagte: «Ja, müssen Sie hier 'reinkommen. Das ist hier bei uns». Denn der Erbhof Köpke das war meine Mutter... war Köpke. Und sagte er: «Seiner Frau der Vater der hieß Köpke und der stammt aus diesem Haus 'raus, aber weil er nicht der Erstgeborene war, hat er den Hof nicht gekriegt. Mein Großvater, der war der Erstgeborene und der hat denn diesen Hof gekriegt. Und ich habe ja auch 'raugesucht überall... so...

M y l ' n i k o v : Ja. Hier ist ein Auszug aus den 1726. Also Name des Kindes: Asmus Hans-Peter. Name der Eltern: Ties Köpke, Frienzieste Grunt. Das sind die Kinder... Und aus... Asmus Grunt, Hans-Peter Janke, Elisabeth Dortie, Klein Sorgen. Wohn- und Geborenort Jabel.

I n a E h l e r s : Ja. Sie gehören ja zu Alt Jabel, zur Kirche.

M y l' n i k o v : Ja. Und noch früher geht es: Auszug aus Jahre 1734. Kind: Karl-Hans und Abel Elisabeth. Eltern des Kindes: Levin Hans, Katrin Elisabeth Warnke... mich interessiert die Chronologie.

I n a E h l e r s : Die Hochzeitstracht. Jetzt, vorige Woche, am 11. September. Da waren wir eingeladen nach Vielank. Sie wohnt in Vielank. Das hat unsere Enkeltochter, der haben wir das vererbt und die hat sich das ausgebaut. Und nun sagt sie immer: «Essen tun wir im Schweinestall, und Wohnstube ha'm wir im Kuhstall.» Und das war 'ne Katetür, wenn man da 'reinkam, da war 'ne, wie nennt man das... so 'ne runde... Heini, wie nennt sich das... Nie...da stand so 'n Eisen-... ä... drauf, da war ja kein Schornstein drauf, und dann wurde's da drauf gekocht. Swiepbogen! Swiepbogen hiess das. Und oben denn waren dann... wurde geräuchert. Da ha'm wir 'ne Stube, da war 'n Lehmofen drin, dahinten war so 'ne Einsprung, und da war so ein Bett und das nannten sie Alkofen. Da haben sie drin geschlafen. Und dann haben wir das abgerissen und das umgebaut zum Viehhaus. Mein Vater hat das gemacht, das... '35 hat er das gebaut und umgebaut. Ja, nun hat das die Enkeltochter, die...wir wohnten ja hier, sie sagte, sie wollte das nicht, «Wir machen das drüben». Dann haben wir das getrennt. Wo die Fichten hier längs stehen, das gehört ihr, und das Andere — das gehört nun uns und die Scheune gehört uns auch noch. Uns — auch nicht mehr, wir haben das der Tochter verschreiben lassen, aber wir haben solange hier Wohnrecht, solange wir leben.

I v a n o v a : Und wurde das Strohdach renoviert?

I n a E h l e r s : Ja. Das haben wir renoviert, vor drei oder vier Jahren ist das nun her, nä?

E r i c h E h l e r s : 1995 war das.

I v a n o v a : Und die Pferdeköppe da oben, auch neugemacht?

E r i c h E h l e r s : Auch neugemacht.

I v a n o v a : Und das Dach von der Scheune ist alt.

E r i c h E h l e r s : Dies ist alt. Die Scheune ist gebaut 18...

I n a E h l e r s : Nie, 1711. Steht ja dran.

I v a n o v a : 1711?! Die Scheune da drüben? Ja. Alles klar.

I n a E h l e r s : Und da haben wir bloß noch hier eine Seite mit Stroh. Und die Andere ist wieder mit Asbestplatten... ist ja vorne schon wieder ein Loch drin.

I v a n o v a : Inr Haus ist ja ein normales Hallenhaus mit der Diele und so...

I n a E h l e r s : Das war ja auch alles umgebaut worden.

E r i c h E h l e r s : Dieses Haus, hier die Dielenbohle ist natur noch und hier die Küche und diese Stube auch, das ist neugemacht. Und eingezogen worden und ist ja höher geworden. Also wollen wir ma' sagen, diese Breite hier war wohl 'ne kleine, schmale Wohnung. Die Stallungen — die waren nicht so hoch, aber Diele war seitdem... da standen Pferde, Kühe...

I n a E h l e r s : Kühe, Pferde, war ja alles drin. Hier im Haus. Nachdem wir das Viehhaus gebaut, sind die alle ´rausgekommen. Wo die Pferde waren, da vorne, und da haben wir nachdem den Hühnerstall gemacht. Aber jetzt haben wir auch keine Hühner mehr.

Meine Mutter ist ´ne geborene Köpke, die ist ... gestorben, mein Bruder ist gefallen und wir hatten auch keinen Sohn — ich hatte eine Frühgeburt, das wäre ein Sohn gewesen — aber in diesem Haus ist kein Sohn groß geworden. Alles immer Mädchen. Und die hatten die Namen immer verändert, nä? Meine Mutter war noch eine Köpke, ich war schon ´ne Schult und dann nu wieder ´ne Ehlers. Und die Tochter, die ist Meike und ihre Tochter, die heißt nun Lemke. Die hier drüben... dies übernommen hat. Und die hat jetzt einen Sohn, einen Kleinen. Das ist ´n Urenkel. Er wird drei im Februar.

I v a n o v a : Wieviele Enkel haben Sie?

I n a E h l e r s : Drei. Und einen Urenkel. Das die da unter der Uhr hängt, das ist die Jüngste Enkeltochter, und die ist... Säuglingsschwester hat die gelernt und hat ´ne Stelle in Ludwigslust. Und die geht nach Lüneburg am 1. Oktober, als Säuglingsschwester da im Krankenhaus. Und das ist das kleine Pastell da oben von der Enkeltochter, der da oben hängt. Hier, das hat die Enkeltochter gemalt.

E r i c h E h l e r s : Das war der Giebel zur Strasse.

I n a E h l e r s : Zur Strasse, da wo Sie ´reingekommen sind. Das waren alles Holzbalken, das haben wir ausgemauert.

M y l ´ n i k o v : Was war verbrannt?

I n a E h l e r s : Nie, da war nix verbrannt. Da war nur alles ausgebessert und dann haben wir den Giebel neugemacht. Das hat noch der Schwiegervater...

E r i c h E h l e r s : Wie ich hier ´reingekommen bin, hier ´rein, vor dem Giebel früher hatte man einen grossen Eichenbaum, dann kam der Gummibaum und die waren immer breiter und die Tür war zu klein. Dann wurden die weggenommen und dann wurde die grosse Tür ´reingetan.

I n a E h l e r s : Hier kam ja alles Korn ´rein, haben wir hier alles gelagert, wie wir ja noch gewirtschaftet haben, haben wir hier alles zusammengezogen.

I v a n o v a : Haben Sie früher Vieh gehabt? Welches?

I n a E h l e r s : Wir hatten 2–3 Pferde, und acht Milchkühe und dann Fersen noch und Kälber, Schweine, drei Zuchtziege hatten wir. Schafe hatten wir.

I v a n o v a : Es wurde geschlachtet, nä? Und Schlachtfeste gab es auch? Und wie wurden sie durchgeführt, die Schlachtfeste?

I n a E h l e r s : Ja. Das haben wir alleine, es wurde kein Dorf eingeladen. Hier hat jeder für sich geschlachtet. Zusammengefeiert haben wir keinen Schlachtfest.

I v a n o v a : Nur mit der Familie?

I n a E h l e r s : Nur mit der Familie.

I v a n o v a : Und wie? Könnten Sie es beschreiben irgendwie, damit wir uns vorstellen können?

I n a E h l e r s : Ja. Am Tag vorher wurde alles vorbereitet, Äpfel geschält, und und dann geschlachtet wurde, und dann haben wir die Därme saubergemacht, das Schwein wurde abgehautet, dann wurden die Lungen rausgenommen und dann wurde das zerteilt. Und dann wurden Schinken und dann die Schenkel so... das wurde ja eingesalzen und geräuchert und Stück Rippen auch noch so... und das Andere — das wurde denn gekocht und dann haben wir Mettwurst und die Leberwurst, Blutwurst, Presskopf, alles gemacht. Haben wir ja selbst geräuchert auch.

M y l ' n i k o v : Und macht man jetzt diese Würste oder nicht?

I n a E h l e r s : Die Tochter — ja, die in Vielank.

M y l ' n i k o v : Für sich, nicht für Verkauf?

I n a E h l e r s : Nein, nein. Die Tochter, die da in Vielank, die arbeitet ja bei der Viehwirtschaft, ein Stall... sie macht... einen Bullen zieht sie auf. Da haben sie viel Bullen da und dann kriegen sie zu Weihnachten ein halber Schwein geschenkt, sie kriegen kein Geld, aber sie kriegen halber Schwein geschenkt. Und dann kaufen sie sich immer ein Schwein dazu und das schlachten sie. Und dann machen sie selbst die Wurst. Und bei dem Onkel, der da neben wohnt, da räuchern sie.

M y l ' n i k o v : Sagen sie bitte schön, und wo machen sie Wurst und wo räuchern sie. In ein Ofen hier, in ihrem Haus oder?

I n a E h l e r s : Wir haben immer hier im Haus da oben... drüben geräuchert. Aber die bringt — sie haben da kein Räucherhaus in Vielank, wo die Tochter ist — aber der Onkel, der hat 'n Räucherhaus. Und bei ihm räuchern sie ihre Schinken und Wurst und das...

M y l ' n i k o v : Noch jetzt?

I n a E h l e r s : Noch jetzt, ja.

M y l ' n i k o v : Und sagen sie, wie nennt man diese, ich weiss nicht, wie man sagt, diese lange solche Loch, wohin man rohe Wurst legt um sie zu räuchern.

I n a E h l e r s : Därme, in Därme stopfen sie das. Und die Därme haben wir auch gehabt, so. Denn jetzt zugebunden und denn oben auch...

E r i c h E h l e r s : Die Wurstmaschine wurde so gedreht, geht die Därme 'rein.

I n a E h l e r s : Wurstmaschine?

M y l ' n i k o v : und das hängt es, ja?

I n a E h l e r s : Ja. Aber das wird ja erst angerührt auch alles: Pfeffer, Salz und so... das Mett. Für die Mettwurst sagen Sie ja, das geht ja alles... Gehacktes.

M y l ' n i k o v : Und sagen Sie bitte, solche Wort spricht für Sie etwas oder nicht: Spitschka? Ich hab' gehört, dass in norddeutsche, alte norddeutsche Häuser diese Teil, wohin man rohe Wurst legt, nannte Spitschka. Haben nicht gehört, nein?

I n a E h l e r s : Nein...

M y l ' n i k o v : Aha... Wahrscheinlich, es ist nördlicher. Das hat man in Kiel gesagt.

I n a E h l e r s : Ja?

M y l ' n i k o v : Ja, in Kiel. Ich war da im Freilichtmuseum.

I n a E h l e r s : Das ist schon wieder ein anderer Landesteil...

M y l ' n i k o v : Und solche Wort: Pomös. Sagt Ihnen etwas? Es ist Erhebung. Erhebung in alter Bauerngebäude.

I n a E h l e r s : Wir hatten immer oben... ist das immer in den Räucherhäusern. Die haben keinen Schornstein, dann haben sie da ja... in der Diele wurde denn so gekocht der Qualm, der zog nach oben zu der Decke...

E r i c h E h l e r s : ...und der Rauch zog dann durch das Rohrdach wieder weg.

I n a E h l e r s : Oben war ja da, in der Diele war ja ein Urloch drin...

M y l ' n i k o v : Aber nicht Pomös, nein? Das ist auch in Norddeutschland, da in Kiel, und wahrscheinlich ist das schon Holstein und so. Ja-ja.

I n a E h l e r s : Ja. Dann wurde das Schwatzsauer gekocht vom Blut mit Backpflaumen und so...

M y l ' n i k o v : Blutwurst?

I n a E h l e r s : Blutwurst auch. Da kommen auch die Pfefferkörner... das muss dann gekocht werden und feingeschnitten und dann...

M y l ' n i k o v : Und macht man, nu vielleicht nicht heute, vielleicht früher, vielleicht erinnern Sie, sogenannte rote Grütze?

I n a E h l e r s : Ja. Rote Grütze und weiße Grütze. Rote Grütze — da kommt ja das Blut zwischen, und bei der weißen Grütze — da kommt ja nur die Grütze und Fleischbrühe wird die ja weichgekocht und dann gesalzt und Pepper und alles so 'n Zeug angerührt und haben wir das immer gebraten denn nachher. Wurde in die große Schüssel an dem Tag und in der Pfanne zu einer Mahlzeit so gebraten.

M y l ' n i k o v : Also das macht man aus Fleisch?

I n a E h l e r s : Das macht man jetzt auch noch immer. Ja.

M y l ' n i k o v : Und in Holstein, gibt es auch rote Grütze, aber man macht es aus Obst und Früchte.

I n a E h l e r s : Ja. Das kochen hier ja auch, aber das ist ja Fruchtgrütze. Fruchtgrütze, das wird ja mit Gries und so gekocht. Und das essen wir dann als Nachtisch, so zum Mittag, die Fruchtgrütze, so nä?

I v a n o v a : Macht man hier die Blutwurst oder die Rotwurst auch mit Zimt?

I n a E h l e r s : Ja, Zimt, ein bisschen Zucker drin, Salz, nä? Und Pepper.

I v a n o v a : Schmeckt nicht so wie in Thüringen. Ich hab' mal in Thüringen die Rotwurst gegessen — ganz anders.

I n a E h l e r s : Die schmeckt anders.

M y l ' n i k o v : Und sagen Sie, wenn man Schweinwurst macht, legt dorthin auch Rindfleisch?

I n a E h l e r s : Ja. Wir hatten denn voriges Jahr, da hatte die Tochter, die hatte ein Kalb — das ist hier... wir haben hier die Weide und die Vielanker die haben noch drei Pferde und die haben sie jetzt weggeholt. Wir hatten ja dies Jahr hier die drei Pferde und voriges Jahr da hatten wir hier ein Rind und das haben sie mitgeschlachtet... da, mit den Schweinen zusammen. Haben sie dann die Wurst und das Fleisch und so eingefrohren und alles so...

M y l ' n i k o v : Ich verstehe so, dass Pferdefleisch brauchen Sie nicht?

I n a E h l e r s : Nie, Pferdefleisch haben wir nicht gegessen. Haben wir nicht gegessen, obgleich das Pferd das sauberste Tier ist, nä?

M y l ' n i k o v : Und bleibt noch diese alte Tradition in Essen oder schon kommen verschiedene neue?

I n a E h l e r s : Junge haben schon viel Neues. Wir sind noch mit dem Alten... so gewandert, aber die Jungen — die haben schon viel Neues hier drüben, die Enkeltochter so... Wir hatten früher viel so mit Eintopf und...

I v a n o v a : Bleibt diese alte deutsche Tradition, dass am Samstag man Eintopf isst, dann...

I n a E h l e r s : Nie... am Sonntag kein Eintopf...

I v a n o v a : Am Samstag.

I n a E h l e r s : Am Samstag schon, aber am Sonntag — nie. Und nicht weit von Loosen, da haben sie bei Hitler, da mussten sie immer Geld geben und denn am Sonntag und dann hatten wir Eintopf, sollten wir ja einsparen das Geld und dann geben. Und dann sagt mein Vater zu meiner Mutter: Du kannst ja auch ein Eintopf kochen am Sonntag. «Ja», — sagt die, — «und wenn der Besuch kommt?» «Dann müssen sie das auch essen», — sagt er. Und dann kam auch Besuch und da war meine Mutter ärgerlich, dass mein Vater sie dazu gezwungen hat, Eintopf zu kochen, nä?

M y l ' n i k o v : Und was legt man hier in Eintopf?

I n a E h l e r s : In Eintopf?

M y l ' n i k o v : Ja, woraus macht man es?

I n a E h l e r s : Oh, Gemüsebohnen und Wurzel und Colrabi und auch Erbsen und Kohleintopf und dann war ein Stück Fleisch 'reingekommen. Aber ich esse nicht, so fett mache ich nicht.

I v a n o v a : Kein Bockwurst?

I n a E h l e r s : Bockwurst kann man dazu essen, ja. Aber wir essen... machen kleines Stück Fleisch damit 'rein und dann essen wir ein Tag mit Bockwurst und ein Tag ein kleines Stück Fleisch. Wir kochen immer so 'ne Rippe angeräuchert.

M y l ' n i k o v : Und brauchen Sie so allgemein zwei Speisen, z.B. zuerst Suppe, dann etwas Hartes...

I n a E h l e r s : Ja, das ja.

I v a n o v a : Isst man hier Suppe zum Frühstück?

I n a E h l e r s : Nein.

I v a n o v a : Was wird zum Frühstück gegessen?

I n a E h l e r s : Oh... wir essen zum Frühstück eigentlich gar nix.

I v a n o v a : Gar nix?

I n a E h l e r s : Morgens trinken wir eine Tasse Kaffee, ein Stück Brot mit Marmelade und Butter, Honig so oder Salami, gekochtes Ei. Und dann am Mittag dann auch Brot. Abendbrot essen wir dann eine Wurstscheibe, Käse und auch noch ein Ei oder so...

M y l ' n i k o v : Und wo machen Sie Lebensmittelankauf? Muss man fahren oder haben Sie ein Laden?

I n a E h l e r s : Hier im Dorf ist kein Laden mehr. Früher hatten wir hier drei Läden und nun sind ja auch nicht mehr viel Leute hier, ich glaub' es sind bloß 61 Einwohner hier im Dorf.

M y l ' n i k o v : Oder in Lulu?

I n a E h l e r s : Nie! Kann man in Tewswos.

E r i c h E h l e r s : Oder kommt einer am Samstag um halb elf von Vielank mit Fahrzeug vor der Tür, gehe ich hin und einkaufe — alles mit.

M y l ' n i k o v : Wann ist? Am Samstag?

I n a E h l e r s : Samstag.

E r i c h E h l e r s : Samstag. Er fährt noch im ganzen Kreis, die ganze Woche. Mit dem Auto.

I n a E h l e r s : Und Brot bringt uns hier... hier an der «Alten Schule» — da ist ja keine Schule, haben wir auch nicht mehr, und es heißt jetzt noch «Alte Schule» und da hat eine Frau 'ne Gaststätte aufgemacht. Und hier hatte sie erst einen Laden, aber das hat sich nicht gelohnt hier, und nu bringt sie uns immer die Milch — sie fährt ja einkaufen und dann bringt uns die Milch mit und dann Selterswasser und Brot. Und das am Donnerstag, jeden Donnerstag.

M y l ' n i k o v : Jeden Donnerstag?

I n a E h l e r s : Ja. Und dann --- ich das Brot --- und krieg' bloß einmal Brot in der Woche, so friert es ein. Und dann ist er auch pünktlich... morgen... heute ist Mittwoch, nie, Dienstag. Donnerstag bringt sie uns wieder frisches Brot mit.

I v a n o v a : Kochen Sie selbst?

I n a E h l e r s : Ich koch' noch selbst.

I v a n o v a : ...kaufen nicht die... die Fertigprodukte?

I n a E h l e r s : Nie... sie lassen uns nichts bringen. Solange ich noch kann, das ist ja schon recht schwer, aber für uns beide krieg' ich das noch fertig.

M y l ' n i k o v : Haben Sie hier eigene Hühner, Enten?

I n a E h l e r s : Hatten wir immer, wir haben nix mehr.

M y l ' n i k o v : Und früher hatten Sie?

I n a E h l e r s : Ja, früher hatte wir alles!

M y l ' n i k o v : Und andere Leute in diesem Dorf machen es oder nicht?

I n a E h l e r s : Die --- drüben, die haben noch Hühner und dann fährt er immer nach Ludwigslust und verkauft die Eier. Aber sonst hat nun hier keiner mehr. Und Kühe und so... die Kühe hat sie, die die Gaststätte da macht. Sie hat ja Pferde und... und sonst züchtet sie auch Schweine und — ich hab´ das noch nicht gesehen --- nun sagte sie neulich, dass sie die Ziege hätte und ich sag´, sie hole sich dann von uns die Kartoffelschalen und den Abfall und füttert das Vieh dann auch...

M y l ´ n i k o v : Und haben Sie, z.B., wie ich verstand, auch oder jetzt oder früher die Kühe auch, ja? Aber nur für sich, nicht für Verkauf? Ich meine Milch...

I n a E h l e r s : Doch. Die Milch, die ging zur Molkerei.

M y l ´ n i k o v : Aha, geben Sie Molkerei.

I n a E h l e r s : Ja. Und dann haben wir etwas Magermilch zurückgekriegt und dann kriegten wir auch Butter. Haben wir bestellt und dann schickten sie auch die Butter mit und die Milch kriegten sie ja bezahlt.

M y l ´ n i k o v : Und wieviel Liter gibt Kuh?

I n a E h l e r s : Das verschieden.

M y l ´ n i k o v : Aber so, während Jahr?

I n a E h l e r s : Im Jahr? Bei uns sie hatten immer bis 24 Liter am Tag.

M y l ´ n i k o v : Vierundzwanzig?

I n a E h l e r s : Ja, aber jetzt sind sie ja höher, wie man in der Zeitung liest, sie haben jetzt viel höher ihr Milchquantum jetzt. Sie kriegen wohl mehr Kraft oder... unsere sind ja bloß Eigene,.. dass wir so erzeugt haben, ich weiss es nicht...

M y l ´ n i k o v : Und Herr Pfarrer erzählte, dass Sie haben auch alten Tracht. Ich weiß nicht, über ein...

I n a E h l e r s : Ja. Noch von meiner Großmutter. Väterlicherseits ist es. Da hab´ ich noch das Brautzeug.

M y l ´ n i k o v : Kann man es sehen?

I n a E h l e r s : Ja, da hätte ich aber Bein... schwer ´raufzukommen. Ich kann mal´s versuchen.

M y l ´ n i k o v : Nein, wenn es schwer ist...

I v a n o v a : Sollen wir mit hochkommen?

M y l ´ n i k o v : Welche Zeit ist es? Wahrscheinlich, Ende 19. Jahrhundert.

I n a E h l e r s : Es steht ja drin in diesem Buch, wann die geheiratet haben. Schult, mit Schult von Poltz. Hier, das kann ich Ihnen vererben.

M y l ´ n i k o v : Oh... Danke schön.

I n a E h l e r s : Das könnten Sie als Museumsstück brauchen.

M y l ´ n i k o v : Und wer hat es gemacht?

I n a E h l e r s : Die Tante.

M y l ´ n i k o v : Ihre Tante, und wann?

I n a E h l e r s : Von meinem Vater die Schwester.

M y l ' n i k o v : Wann, wann war es?
 I n a E h l e r s : Um achtzehnhundert ´rum. 1840 so.
 M y l ' n i k o v : 1840?
 I n a E h l e r s : Ja.
 I v a n o v a : Und was ist das?
 I n a E h l e r s : Das ist ein Hemd.
 I v a n o v a : Ein Nachthemd oder?
 I n a E h l e r s : Nie, sie haben früher solche Hemde getragen. Das ist selbstgewebt. Selbstgewebt.
 M y l ' n i k o v : Können Sie mich fotografieren.
 I n a E h l e r s : Das ist Leinen.
 I v a n o v a : Selbstgewebt und selbstgestickt?
 I n a E h l e r s : Das hat sie gestickt. Schult steht ja drin, Minna Schult.
 M y l ' n i k o v : Das müssen wir alles notieren um nicht vergessen.
 I v a n o v a : Das wird aufgenommen.
 I n a E h l e r s : Haben Sie es gefunden? Noch nicht. Das sind die Eltern, hier.
 I v a n o v a : Und Knopf? Ein gekaufter Knopf, oder?
 I n a E h l e r s : Ja, der Knopf ist wohl gekauft. Oder die Spitze hat sie selbst gehäkelt.
 I v a n o v a : Das ist Spitze... Und selbstgestickt auch? Und selbstgewebt? Nur der Knopf ist gekauft.
 M y l ' n i k o v : Also, haben Sie es alles notiert? Ja, wer hat es gemacht...

{Beim Kaffe-Trinken.}

M y l ' n i k o v : In Mitteldeutschland gibt es gute Erde. Schwarze Erde und große Getreide.

I n a E h l e r s : Zisterziensen, die kamen ja von Eldena und die haben denn die alten Kirchenruine — wenn Sie die da gesehen haben — die haben denn die Kirche auch gebaut. Diese andere wurde auch erst 1919–20 ist dann gebaut.

E r i c h E h l e r s : 1908.

I v a n o v a : Frau Ehlers, könnten Sie bitte unseren Kollegen auch die Geschichte über die Aberglauben wiederholen?

I n a E h l e r s : Ah, so? Ich sagte gerade hier... Wir hatten früher doch selbst Kühe und so... Und hier unsere Nachbarin, die dann... Meine Eltern, wenn die verweist sind, dann hat die immer Kühe gemolken. Und dann kam sie hier und dann sagt sie: «Ja, nun fährt ihr wieder weg? Ich hab´ bloß... Ich mache eure Wirtschaft so gerne, aber wegen der einen Kuh, die noch so schlägt beim Melken — dann haben sie die unter einen Baum gezogen und dann haben sie die von hinten... so gemolken. Und dann sagt sie: «Du kannst doch mal bei anderen Rad ausleihen und... In der Heide... da wohnt ein Wunderdoktor, der hieß Komaus, und da

brauchte man die Haare so mitnehmen oder so, und dann hat er denn gesagt, was denn Vieh fällt oder so... Und da ist mein Vater hingefahren. «Ja, — hat er gesagt, — hat er eigentlich gar keine Sprechstunde, «ich will nach Schwerin fahren: da kommt Hitler» — damals war Hitler an die Macht gekommen — «du kannst mitkommen» — hat er meinem Vater gesagt. «Nie, ich hab' keine Zeit», — hat mein Vater gesagt. Nun ist er wieder zurückgefahren. Dann hat er gesagt: «Du, lass nix ausleihen aus deinem Haus.» «Ja, das geht nicht», — hat mein Vater gesagt. «Ja, hast du denn Geschäft?» «Ja», — hat mein Vater gesagt. Das war ja gar nicht wahr, sie hatten ja die Bauernstelle. «Ja, wer zuerst kommt, und bei dir was ausleihen will, der gönnt dir das nicht, das ist deine Hexe». Und dann sass mein Vater so am Tisch beim Essen und kam die Frau Holter. «Ah, — sagt sie, — ja, ich möchte das Waschbrett leihen.» «Ja, — hat mein Vater gesagt, — das kannst du haben.» Und dann sagt er: «So. Du hast immer gesagt, ich soll nach — Rad ausleihen, aber nu kann ich dir das sagen: ich war heute bei Komaus und weißt du, was der gesagt hat? Der erste, der kommt will was leihen, der gönnt mir nix, das ist meine Hexe. Und das bist du.» Mein Vater hat so gesagt. «Ja, — hat sie gesagt, — so ist das». So wohl ist nun meine Schwester an meinem Vater die Hexe gewohnt.

M y l' n i k o v : Hexe?

I n a E h l e r s : Hexe. So haben wir immer gesagt so. Die Hexen, die gönnen nix, die machen dann sowas Ungutes.

M y l' n i k o v : Und gibt es hier bei Ihnen oder vielleicht früher war solche Aberglaube, dass wenn der Ochs plötzlich stirbt, nicht wenn er geschlagen wird, zum Beispiel, ein Baum fällt oder so, so sagt man, das ist schlechtes Zeichen.

I n a E h l e r s : Ja, vielleicht auch... aber bi uns hie im Dorp eigentlich nicht.

M y l' n i k o v : Aber davon haben nicht gehört?

I n a E h l e r s : Gehört haben wir auch. Aber so Aberglauben war hier eigentlich nicht. Im Dorp nicht.

M y l' n i k o v : Und was trinkt man hier am meistenteils, Wein, Bier oder?

I n a E h l e r s : Bier.

M y l' n i k o v : Bier, ja? Und wo bekommt man Bier, macht man selbst zuhause oder kauft man?

I n a E h l e r s : Nie, hier bei Nata.

E r i c h E h l e r s : Hier, die Bierschenke, flaschenweise.

{*затись прервана*}

{*конец интервью*}

Фотодневник

F-1. В-33. Хоэнвоос. Гончарня Фритца Дёшера. Частный музей предметов быта. Старый буфет.

F-1. В-34 Хоэнвоос. Гончарня Фритца Дёшера. Частный музей предметов быта. Старая мебель и утварь из крестьянских домов.

F-1. В-35 Хоэнвоос. Гончарня Фритца Дёшера. Частный музей предметов быта. Старый буфет.

F-1. В-36 Хоэнвоос. Гончарня Фритца Дёшера. Частный музей предметов быта. Детские крестильные платя. Они были одинаковы для девочек и мальчиков и передавались из поколения в поколение.

F-1. В-37 Хоэнвоос. Частный музей предметов быта. Сосуд для масла, деревянное пожарное ведро. Такое ведро каждый крестьянин должен был иметь на дворе.

F-2. В-1–2 Хоэнвоос. Лавка, где продается керамика производства гончарни Дёшера.

F-2. В-3 Хоэнвоос. Деталь оформления двора гончарни.

F-2. В-5 Хоэнвоос. Жилой дом гончара.

F-2. В-6 Хоэнвоос. Фритц Дёшер, потомственный гончар.

F-2. В-7 Гончарня Дёшера. Хлебная печь.

F-2. В-9 Фритц Дёшер с младшим сыном Хансом-Хайнрихом.

F-2. В-10 Фрау Дёшер за доработкой горшков.

F-2. В-11 Роспись керамических изделий в гончарне Дёшера.

F-2. В-12 Хоэнвоос. Дом семьи Элерс, информантов экспедиции. Старый нижненемецкий дом–двор мекленбургского типа с сохраненной внутренней планировкой. На фасаде такого дома — *Dielentor* — ворота главного помещения старого крестьянского дома — *diele* (сени) и две малые двери — вход в хлевы, крыша соломенная, конек оформлен традиционно для Мекленбурга — это скрепленные конские головы *Mularen, Perdekörpe*.

F-2. В-15 Хоэнвоос. Дом Элерсов. Старинный туалетный столик на чердаке. С хозяйкой дома беседует Мария Гринфельдт.

F-2. В-16 Хоэнвоос. Дом Элерсов. Бывший хлев для лошадей.

F-2. В-17 Хоэнвоос. Дом Элерсов. Старые сени — *Diele, «Tenne»*, как называет их сама хозяйка.

F-2. В-19 Хоэнвоос. Дом Элерсов. Бывшее помещение коровьего хлева и остатки соломы, хранившейся под крышей в диле.

F-2. В-20 Хоэнвоос. В доме Элерсов до сих пор хранится большое количество старой одежды, в том числе этот ценный предмет — свадебный костюм матери Ины Элерс (Кёрке, род. в 1842 г.) — сер. XIX в., ок. 1862 г. Верхняя часть свадебного костюма является оригинальной, сохранившейся в былом виде. Ручная работа. Автор неизвестен. До начала XX в. невеста

надевала черное платье или костюм и белый шлейф. Позже в моду вошли белые платья современного образца. Вид спереди.

F-2. В-21 Хоэнвоос. Дом Элерсов. Верхняя часть свадебного костюма XIX в. Вид сзади.

F-2. В-22 Хоэнвоос. Дом Элерсов. Свадебный костюм Кёрке. Юбка. Эта часть комплекса не сохранилась и была сделана позже из ткани фабричного производства.

F-2. В-23–24 Хоэнвоос. Семья Элерсов у входа в дом.

F-2. В-26 Хоэнвоос. Старый дом нижненемецкого (мекленбургского) типа начала XVIII в. (1711). Фасад. Наиболее характерный тип постройки для этой местности — межбалочные пространства *Gefächer* заполнены рудным камнем, который называется у местных *Klump* (*Raseneisenstein*). Раньше из него выплавляли железо, но такой способ выплавки металла был непродуктивен и поэтому вскоре дешевый камень, который достаточно легко добыть — он залегает неглубоко в земле, — стали использовать для строительства. На фасаде традиционно въезд в *диле*; крыша крыта соломой, и конек украшен скрещенными головами коней.

F-2. В-27 Дом из Хоэнвоос. Задняя сторона. На эту сторону, обращенную внутрь двора, выходили окна жилой части дома (*Wohnungen*).

F-2. В-28 Дом из Хоэнвоос. Вид справа.

F-2. В-29 Хоэнвоос. Деревенская площадь. Хоэнвоос по плану является круглой деревней (*Rundling*), в центре которой обычно находится некая доминанта. В данном случае — это луг с высаженными дубами и памятник жертвам обеих мировых войн. Это характерный тип мекленбургского *рундлинга*: площадь не образует замкнутого пространства, от нее отходят лучами четыре улицы–выезды из деревни.

20 сентября, среда

Из дневника Мыльников

Прекрасное осеннее солнечное утро. Накануне вечером приехала из *Мальхова* **Beatrix Schmidt**. Ее прислал **Хардт**, помощник Любке, в качестве шофера, поскольку водительские возможности Маши пока сомнительны. Но прислал всего на один день, практически она нам не нужна, и завтра, к ее радости, она вернется к себе. Ее приезд все же был интересен в другом отношении, ибо она — директор Музея быта ГДР, основанного в 1999 г. по инициативе мальховского бургомистра. Музеем город предоставил бывший кинотеатр, благо он располагался в заброшенном здании, которое намечалось сломать. Сейчас в Музее около четырех тысяч экспонатов. Шмидт рассказала о своей деятельности, подарила нам буклет с описанием этого необычного музея. Само его существование примечательно, учитывая, что федеральная земля Мекленбург — Передняя Померания входила в состав ГДР. Поскольку же немцы уважают свое прошлое, и возникла мысль музейно закрепить память об исчезнувшем государстве. Добавлю, что все по тем же причинам они помнят и о славянских предках доброй трети немецкого этноса. После непродолжительной беседы с мальховской гостьей мы поехали в *Alt Jabel* к пастору **Тутгасу**. Там получили ксерокопии отобранных материалов архива. В 12 часов вся Германия обедает. Пригласили и нас. На обед подали вареный картофель, спаржу, тушеную свинину, соусы (без них нет немецкой кухни!), пиво, компот. Перечисляю, чтобы получить представление о сельском рационе, т.к. в городах собственно немецкая кухня уступила место итальянской, экзотической и прочей. За едой был дельный разговор, в ходе которого пастор назвал несколько возможных информантов. Первыми в списке были местные жители **Gertrud** и **Alfred Grobmann**. Они не только супруги, но и сверстники: им по 88 лет. Сперва разговор шел на общие темы, затем перешли к истории и современности. Нашу беседу с разрешения хозяев мы записали на магнитофон. Потом Гертруд стала говорить нам всякие хорошие слова. Про меня она сказала, что «такого симпатичного русского она еще не видела», Юля усилила экспансию, итогом которой стала кружевная салфетка — подарок для МАЭ. Она была связана крючком в 1940 г. Я сказал, что только такой недоумок, как Гитлер, мог пойти войной на СССР, но теперь Калининградскую область Россия никогда не отдаст, ибо это зона ее стратегических интересов. Старики полностью согласились, явно искренне. Мы трогательно попрощались на крыльце, и Юля на память их сфотографировала. Мне было интересно здесь побывать еще и потому, что смог наблюдать интерьер крестьянского дома,

который более смахивает на городскую квартиру. Не только бытовая техника, но и телефон — обычная принадлежность в деревенских домах.

В Лаупине вечером Юля с Машей обнаружили заброшенный дом (конечно, кому-то он принадлежит). Это фахверк с соломенной крышей, год постройки 1651. Сняли план и копию надписи (украшать фронтоны различными максимами — характерная черта немецких старинных домов). Подводим итоги первому «улову» для фондов МАЭ: модель лошадиных голов, женская рубашка 1840-х годов, салфетка 1940 г. В Людвигслюстском приложении к региональной Шверинской газете опубликована статья о нас: «Санкт-Петербургские музеологи ищут следы славянской культуры». День прошел удачно.

Из дневника Ивановой

Встали в 9 утра. К нам прислали на помощь Беатрикс Шмидт, дабы она нас возила на машине, но Мыльникову не захотелось иметь лишние уши и глаза, поэтому фрау Шмидт была отослана восвояси. За завтраком она рассказала, что служит директором Музея ГДР в Мальхове. Музей основал, кстати, ее папа.

Около 11 часов мы поехали к пастору Туттасу, но забыли захватить с собой папки с архивными материалами. Mist!

В 12 часов по-немецки был обед у пастора. На этот раз мы были приглашены, и хозяйева тщательно подготовились. Обед состоял из самых типичных северонемецких блюд, а именно: изумительно нежная свинина, отварная картошка, красная капуста, спаржа и соус от кассельской свинины, а также компот из груш. На севере Германии популярны такие дикие сочетания тяжелой мясной пищи со сладкими соусами или гарнирами. Подали также столовую минеральную воду и мекленбургское пиво, в чем, в общем, тоже не было ничего особенного — все как всегда и везде в Германии.

Около двух (14.00) пастор позвонил нашим следующим информантам и договорился о нашей встрече. Нас любезно пригласили к Гроссманнам, одним из старейших жителей Альт Ябеля. Они живут на улице Штрассе дер Югенд, 15. Альфреду Гроссманну 88 лет, его жене Гертруд — тоже 88. Он родом из Восточной Пруссии, она — из Ябельхайде, из города Дёмитц. Супруги живут в кирпичном доме, одноэтажном, с продольной планировкой интерьера. Мы сидим в большой жилой теплой комнате *вонштубе*, где на стенах висят картины–вышивки, сделанные руками хозяйки. Между дверей висит домотканый коврик, выполненный тоже Гертруд. На креслах — трогательные вязанные крючком салфетки–подлокотники. Напоминают виденные мною подобные вещи в Тюрингии: два прямоугольных подлокотника и

круглый подголовник на спинке. Все подушки, покрывала и салфетки в доме вязала сама Гертруд в молодые годы. Она подарила нашему музею салфетку ручной работы, связанную примерно в 1940-е годы, и обещала посмотреть еще вещи.

Разговор с супругами Гроссмани записан на магнитную ленту, рассказ о былых временах, сказаниях, происхождении их семьи. Альфред Гроссмани был школьным учителем и интересовался историей края.

Затем мы распрощались с хозяевами и заехали к пастору за копиями из архива — их специальные люди изготовили пока для нас. Пастор был занят уроками с детьми, скоро подготовка к конфирмации.

В Лаупине мы с Машей осмотрели старый нежилой дом и списали надпись на фронтовой балке: GLORIA IN EXCELSIS DEO DER HERE BE HODT DEIN VSGANG VND INGANG VAN NV BET IN EWIGKEIDT AMEN ERTMAN IANKE ENGEL IANKEN ANNO 1651 GEN 3 MAIVS.

Оказалось, что дом стоит пустой, как и дом рядом, кажется, давно покинут хозяевами. Со стороны двора находится въезд в *диле* — большие ворота, справа от них дверь, которая ведет в бывший хлев. Все двери не заперты, мы их легко открыли и заглянули внутрь. Остатки соломы, деревянное колесо, сельскохозяйственные орудия лежат в беспорядке. Мы открыли дверь в воротах и вошли в *диле*. Там стоит громадная мукомольная машина времен ГДР с соответствующей надписью на боку. За ней в беспорядке валяются другие орудия труда. Мы нашли бывшую жилую гостиную с сохранившимся старым шкафом и одним стулом. Похоже, что дом в последнее время служил сараем или хлевом, или и тем, и другим. На фасаде прикреплен табличка с характерными синими треугольниками — знак охраняемого памятника старины. Все покрыто пылью и паутиной. В бывшей гостиной потолок обрушился и местами лежит на полу. Мы обнаружили здесь огромное количество всяких хозяйственных мелочей — прищепок, кружку, проволоку, веревки, гвозди, приспособления для подвешивания свиных туш при разделке и т.п.

Прямо на месте я составила план дома.

Stall = хлев, стойла

Stube = теплая жилая комната

Abstellraum = кладовка

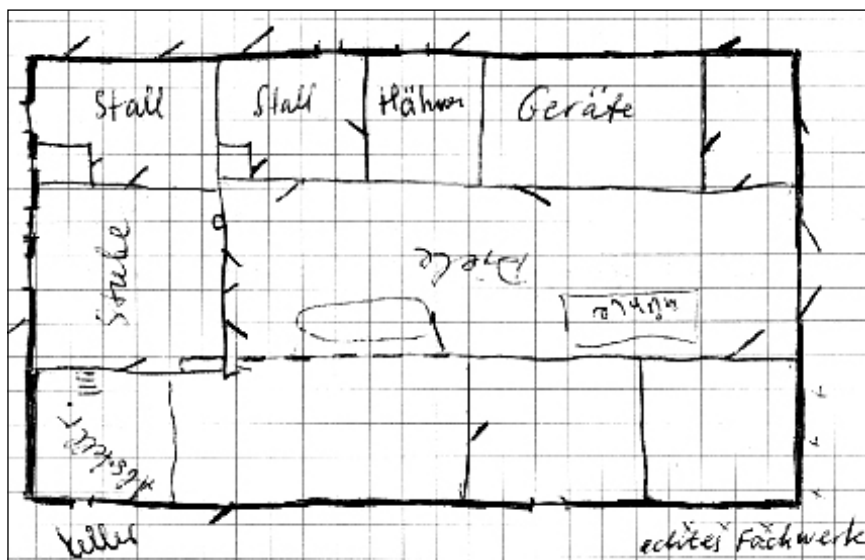
Keller = подвал

Hühner = курятник

Geräte = сельскохозяйственные орудия

Diele = диле, внутренний двор

Mühle = мельница

Набрали в чужих садах груш, слив и яблок, пошли домой и записали день в дневник.

Из дневника Новика

Сегодня мы были приглашены на обед в дом пастора Туттаса. В этом доме мы уже были. А сегодня нас пригласили на официальный обед. Время было назначено на 12 часов дня. Приглашая, пастор сказал, что угощение будет состоять уже не только из вареных яиц, как в прошлый раз. Это было и признанием того, что жена пастора не успела подготовиться к нашему визиту в первый наш приход, и желанием компенсировать подобную, по мнению господина Туттаса, неловкость. Вообще-то в Германии не принято хвалиться и обещать богатый стол. Это может смутить приглашенных. Но люди есть люди, и в Германии человеческие слабости не чужды никому.

Ровно к 12 часам мы подъехали к дому пастора в деревне Альт Ябель. Нас радушно встретили. 12 часов дня — традиционное время обеда в Германии. Обычно все обедают здесь в промежуток с 12 до 14 часов. Это происходит и в крупных городах, и в маленьких поселениях, и в крошечных деревнях. Время ужина может отличаться (в мегаполисах ужинают позже, чем в провинции). А вот время обеда одинаковое практически для всех немцев.

В гости мы отправились, прихватив гостинцы. Мы решили подарить семье пастора матрешку, привезенную из России. В магазине купили бутылку божоле. Нас уже ждали. Хозяйка накрыла стол в столовой. Под нее приспо-

соблена большая вытянутая комната с окнами в сад. Был накрыт большой длинный стол. По обе стороны стола расставлены стулья. Стол был накрыт белой скатертью. Сверху была расставлена посуда — хозяйский фарфоровый сервиз «Kahla» с кобальтовой росписью. Хозяину понравилась матрешка, он сразу узнал этот известный русский сувенир. Тут же пастор показал матрешку своему сыну, светловолосому мальчугану. Бутылку французского вина, которую мы принесли, хозяин поставил на прилавок (полубуфет), находящийся в столовой. Эта бутылка распечатана не была. Считается, что это подарок хозяевам, и его совсем не обязательно предлагать гостям. Таковы особенности немецкого этикета. В России скорее всего признаком хорошего тона сочли бы распечатать принесенную бутылку и угостить всех присутствующих, ведь дарящий, возможно, также желает отведать принесенный напиток.

На столе были следующие блюда: запеченная свинина, горячая спаржа в масле, горячая красная капуста, отварной картофель, соус.

В доме пастора помимо его жены и детей, находились двое мужчин, также приглашенных на обед. Последние были здесь по каким-то делам, строили что-то в хозяйстве Туттаса. Их пригласили пообедать.

Почти ровно в 12 часов все сели за стол. Перед обедом пастор прочитал молитву. За трапезой говорили мало. Обед прошел очень чинно. Хозяйка хлопотала и пыталась всем угодить. Приготовленной еды было много. Видов блюд было мало, но количество еды было значительным. В Германии не принято удивлять количеством разносолов. Здесь не принято нарезать массу салатов или поражать разнообразием закусок. Зато приготовленного, пусть даже одного блюда, должно хватить на всех гостей, и все должны наесться.

Часто немецкая хозяйка к приходу гостей готовит один вид салата, горячее, какой-то соус и печет пирог к сладкому столу. Но готовит все это она в больших количествах.

Супруга пастора постаралась. Мясо было очень вкусным. Парное мясо — одно из самых дорогих блюд в Германии. Также недешево стоит спаржа. В данном случае хозяйка купила консервированную спаржу в банках и приготовила ее. Предпочитают же немцы, конечно, свежую спаржу. И любят ее готовить разными способами.

После обеда мы пили кофе, беседовали на разные темы. Пастор Туттас подарил нам книгу «Laupin. 500 Jahre. Geschichte zur Chronik unseres Ortes von Nasso Hoffmann. Grabow, o./J». В этой брошюре изложена история села Лаупин, в котором мы живем.

Поблагодарив хозяев, мы уехали в другой дом, так как у нас была назначена встреча. Пастор Туттас вызвался нас сопроводить.

Мы приехали в дом семьи Гроссманнов в селе Альт Ябель. Хозяев зовут Альфред и Гертруд (Alfred und Gertrud Großmann).

Их адрес: Straße der Jugend, 1519303 Alt Jabel.

Это весьма почтенная семейная пара. Гроссманны — очень пожилые люди. Живут в доме вдвоем. Дом прекрасно отремонтирован. Приехали мы сюда по предварительной договоренности. Нас радушно встретили. Пригласили пройти в дом. На столе стояла бутылка итальянского шампанского «Asti». Хозяину непременно хотелось нас угостить. Он сразу же предложил нам выпить за встречу. Хозяйка подала бокалы, Альфред разлил игристое вино и предложил тост за наш визит в их дом. Такой прием необычен для Германии. Традиционно к столу подают кофе. Даже званый обед может обойтись без спиртного. А здесь мы приехали в дом к людям, с которыми еще не были знакомы, и нам уже сразу предложили отметить встречу.

В доме Гроссманнов весьма аккуратно. Начало нашей беседы было почти светским — речь шла на разные темы. Здесь же присутствовал пастор Туттас, который нас сопровождал. Затем мы стали задавать интересующие нас вопросы. Хозяева с удовольствием готовы были говорить о славянском прошлом Ябельхайде. Пастор Туттас, увидев, что разговор у нас пошел на профессиональные темы, отклонялся и пошел домой.

В гостиной Гроссманнов много рукодельных салфеток. Их делала сама хозяйка дома. Особенно необычны были салфетки на подлокотниках кресел. Связаны они так, что узор посередине салфетки представляет собой множество плотных колечек, равномерно распределенных по полю. Я прежде не встречал такого орнамента. Хозяйка была довольна, что ее рукоделие произвело впечатление. Он вызвалась показать нам все свои салфетки и сделала предложение подарить нам что-нибудь для петербургского музея. Мы с благодарностью приняли подарок. Однако хозяйка подарила нам не редкий образец вязания, а салфетку попроще. Такие изделия очень часто встречаются в местных домах.

Немецкие хозяйки любят украшать дома вязаными и вышитыми салфетками, на стены любят вешать вышитые крестиком либо гладью картины. Рукоделие занимает значительную часть досуга жительниц Германии. Интересно, что мужчины с почтением относятся к женским занятиям. Они уважают их труд. Немецкие женщины любят делать интерьер своего дома уютным и теплым. И в таком деле как нельзя лучше могут помочь вещи, выполненные своими руками. В наше время, когда жизнь и быт людей на разных континентах становятся унифицированными, многие люди стремятся как-то выделиться из этой однородной массы. Возможно, приверженность немецких домохозяек к традиционным ценностям, выраженная в любви к рукоделию, является реакцией на такую унификацию культуры.

В разных домах мы встречали массу рукодельных вещей. Даже если хозяйка сама не умеет вязать или вышивать (либо у нее нет на это времени), она покупает такие изделия в магазине или на сельской ярмарке. И у нее в доме также по-домашнему уютно и хорошо. При этом немцы используют рукодельные вещи в убранстве интерьера смело, не глядя на стиль и дизайн жилища. Если в доме выполнен совсем новый ремонт и куплена полностью новая обстановка, хозяева не задумываются, а смело украшают дом старыми салфетками, которые вязала еще их мать или бабушка. В других странах, к примеру во Франции или России, вы вряд ли встретите в убранстве жилья столько предметов рукоделия. В России это немодно. У нас считают это несколько мещанским. Сомнительно, чтобы где-нибудь в России в новой квартире, обставленной современной мебелью, с ремонтом на «европейский» лад вы увидели бы вязаные салфетки на подлокотниках кресел либо вышитую крестиком скатерть на только что купленном столе. Французы, высоко ценя ручную работу, с удовольствием сервируют праздничный стол льняными салфетками и скатертью с ришелье, выполненными в традициях народного искусства. Но они вряд ли станут стелить такие салфетки на новую мебель. Немцы же любят рукоделие самозабвенно, они не считают, что можно нарушить стиль, используя бабушкино вязанье. Старые вещи придают стиль и традиционность. И это весьма ценится. Конечно, нельзя говорить обобщенно обо всей стране. Можно встретить множество домов, в которых не будет вообще ни одной салфетки или чего-либо другого рукодельного. Интерьер молодежного жилища будет свободен от таких элементов. Меньше рукодельных вещей в городских квартирах и домах (горожанки вообще часто работают, и у них на рукоделие не остается времени). Зато приверженность вышитым и вязаным предметам в деревнях очень устойчива. И в целом Германия, как сельская, так и городская, любит предметы женского труда, и изделия рукодельниц пользуются здесь большой популярностью.

Дом Гроссманнов — тому наглядный пример. Здесь чисто и уютно. А интерьер заботливо украшен изделиями умелых рук хозяйки.

Расшифровка записи беседы с супругами Альфредом и Гертруд Гроссманн

G r o s s m a n n : Ich bin eigentlich bin ich aus Westpreußen aus Elbingen, ich habe hier meine Frau kennen gelernt als Mecklenburgerin. Wir sind ja schon fünfzig Jahre verheiratet. Meine Frau sagt, dass ich hier gearbeitet habe, aber eigentlich war ich hier als Soldat, ich bin, 1939 wurde ich eingezogen, ist eine Übung und sie hat fünf Jahre gedauert.

M y l ' n i k o v : Einunddreissig?

T u t t a s : Neununddreissig.

G r o s s m a n n : Ostpreußen, Littauen, Lettland, Estland bis zum Teil der Ostsee. Kennen Sie Riga? Da waren ja früher auch Deutsche in Riga.

M y l ' n i k o v : Und waren Sie auch bis Leningrader Gebiet oder nein?

G r o s s m a n n : Nein, vor Leningrader Gebiet. Wo die Düna mündet, wie heißt...

M y l ' n i k o v : Daugavpils.

G r o s s m a n n : Ja, da war ich. Da kam ich, wurde krank, dann zog ich wieder nach Deutschland.

M y l ' n i k o v : Da waren Sie Schullehrer, ja?

G r o s s m a n n : Nein, nein, ich war erst Bankkaufmann, Bankangestellte. Bitte schön, ein Schluck auf zur Begrüßung, bitte schön.

N o v i k : Gesundheit!

T u t t a s : Herr Grossmann, und Sie?

G r o s s m a n n : Ja, ich hatte, war schon...

T u t t a s : Ja, Sie haben sich nicht mitgerechnet, deshalb nehmen Sie das mal... Soll ich ein Glas holen? Herr Grossmann?

G e r t r u d G r o s s m a n n : Wir sind schon 88 Jahre alt.

I v a n o v a : Alle beide?

G e r t r u d G r o s s m a n n : Ich bin im November, mein Mann ist im März geboren.

M y l ' n i k o v : Nu, das ist eine schöne Datum, also bis Hundert Jahre sind nur zwölf Jahre geblieben.

G e r t r u d G r o s s m a n n : Ist nicht schön, ist nicht schön. Nein. Man hat viel zu kämpfen.

M y l ' n i k o v : Nu, das ist verständlich, ja.

G e r t r u d G r o s s m a n n : Das ist schön, wenn man noch alles mit dem Leben kann, bloß kann man nicht mehr. Ist nicht mehr so schön.

M y l ' n i k o v : Sie sind hier geboren, ja? Nein?

G e r t r u d G r o s s m a n n : Ich bin in Dömitz geboren.

G r o s s m a n n : In Dömitz, an dem Elbeufer, Fritz Reuter in der Festung war. Ich bin in Westpreußen geboren. Westpreußen... da haben sie jetzt, die Polen die

Tuso ausgegraben. Haben Sie gehört davon? Die war da unter der Erde und lange Zeit wusste man nicht, wo es liegt. Dann haben die es hier gefunden.

M y l ' n i k o v : Also, Sie kamen aus Westpreußen.

G r o s s m a n n : Da war ich Landwirt, dann war ich Lehrer hier. Neulehrer, Junglehrer, nich? Erst hab´ ich Fernstudium gemacht, dann kam ich hier, meine Frau kennen gelernt und hängen geblieben in der Griesen Gegend.

T u t t a s : Und das ist gut so.

M y l ' n i k o v : Man hat mir gesagt, dass Sie hatten immer ein Interesse an die Geschichte von diese Gegend, ja?

G r o s s m a n n : Ja-ja, sehr viel, ja-ja.

M y l ' n i k o v : Wie meinen Sie, weil Sie waren in Westpreußen geboren, ja, da waren Sie in Baltische Länder, da waren Sie in Dömitz. Wie meinen Sie, kann man hier irgendeine slawische Spuren in deutsche Kultur finden, was diese Teil Deutschland macht ein Unterschied mit anderen Länder, z.B. Brandenburg oder da Hannover u.s.w. Wie meinen Sie, gibt solche Möglichkeit?

G r o s s m a n n : Ja. Hab´ ich eben hier wohl einen Vorfahrer, der wohnt in Ludwigslust. Der hat die Chronik geschrieben von Laupin, Laupin also von der Zeit der Wenden. Die Wenden, so hießen früher die Slawen.

M y l ' n i k o v : Das ist ganz egal, ja. Deutsch sagt man «Wenden», ja.

G r o s s m a n n : Jawohl. Obodriten. Und die haben hier in der Nähe von Leussow, zwischen Leussow und Grebs den Wendenwall — haben Sie schon gehört davon?

M y l ' n i k o v : Wir werden da am Morgen sein.

G r o s s m a n n : Sehr interessant ist ja der Wendenwall und da weiß man, dass die Wenden hier gelebt haben. Wir haben auch viele Dörfer, die hießen früher Wendisch Weningen u.s.w.

M y l ' n i k o v : Aber diese Wenden wurden später Deutsche?

G r o s s m a n n : Richtig so.

M y l ' n i k o v : Sie waren so verwandelt in Deutsche. Gibt es in Ihrem Dorf solche Familien, die wendische Wurzeln haben oder nicht?

G r o s s m a n n : Kann ich leider nicht sagen. Denn das Haus, das Sie gesehen haben — Köpke ist das, ja? Hat anstelle der Pferdeköpfe die Hänenköpfe. Da mussten Wenden diesen Grund haben, früher.

M y l ' n i k o v : Aber die deutschen Bauern machen es auch so.

G r o s s m a n n : Richtig, ja-ja.

M y l ' n i k o v : Und für andere Teile Deutschland ist es nicht typisch oder ist? Ich meine diese Köpfe, die auf dem Dach sind.

G r o s s m a n n : Nein-nein, aber andere Sache: wir haben zum Beispiel, meine Heimat Ostpreußen, das sind die Kugeln, ja. Die kugelische --- an den Mast um den Dümpel, Kugeldümpel geschnitzt. Und hier in Mecklenburg ist auch irgendwie mit solchen Merkmalen, dass sie sowas hier haben... Denn viele Sachen

habe ich gesehen, verschiedene Bräuche sind heute noch üblich, dass soweit--- Wissen Sie, was das bedeutet?

M y l ' n i k o v : Einige haben wir gesehen, aber...

G r o s s m a n n : Als sie kommen hier vorbei von der Kirche, nach der Trauung und da steht auf vier Seiten von der Strasse und dann zieht einer Schuhe über die Strasse. Und dann muss der Bräutigam, der muss dann Schluck geben.

M y l ' n i k o v : Sagen Sie, spricht für Sie etwas das Wort «Pes»? PES, nein? Slawisch es ist «Hund». Ich frage es, weil man hat mir erzählt noch im Jahre 77, dass... Das war ein Zahnarzt, welcher da wohnte nicht weit von Lüneburg. Er fuhr mit Auto durch das Dorf Wendisch Evern und fing an ein Hund zu bellen, und der Wirt kam heraus und schrie: «Kusch, Pes!». Weil er das wusste, er hat gefragt: «Warum sagen Sie an Hund «Pes»? Ja, PES. Er sagt, er weiß nicht. Da kam seine Frau und sagte: «Wie weiß du nicht? Dein Vater und Großvater hat alle Hunde «Pes» genannt!» Es ist interessant, also, da waren die Wenden, welche schon Deutsche wurden, aber einige Wörter haben sie erhalten. Also hier für Sie spricht es nichts.

G r o s s m a n n : Ich bin ja kein Mecklenburger, nich? Meine Frau ist, die ist hier geboren.

T u t t a s : Das ist eine Ureinwohnerin. Darf ich das mitnehmen?

G r o s s m a n n : Neie, das wollte ich nur zeigen...

T u t t a s : 'tschuldigung. Dann kuck' ich das einmal durch, nä?

G e r t r u d G r o s s m a n n : Kommen Sie vorbei und rufen Sie an?

T u t t a s : Niece!!

M y l ' n i k o v : Und Frau Grossmann, für Sie das Wort «Pes» bedeutet etwas oder? Haben nicht gehört, nein? Also wahrscheinlich da, in diesen Gegenden an Lüneburg war es noch geblieben und hier ist schon verloren. Kann sein, ja.

G r o s s m a n n : Unser berühmtester Sprachforscher ist ja der Professor Wossidlo. Haben Sie auch gehört schon? Ich hab' ja viel Bücher von ihm, und er hat hier in der Gegend 'rum die Dörfer, auch hierher... und notierte alles, was er gehört, was man hier erzählen konnte... er hat dann über Tausend Briefe geschrieben. Und auch Veröffentlichung hier bekannt gegeben hat. Sehr interessant ist, was er... Ich kann... ich kann ja nicht richtig plattdeutsch, aber hier war an dem Ende des Dorfes so ein Börnkühl — Börn- ist etwas bekanntes, Börn, die Kühle werden getränkt. Hier der Börn, Börn, also Börn.

M y l ' n i k o v : Das weiß ich nicht.

G r o s s m a n n : Man kann viel schwerer mit Kühen fahren als mit Pferden. Und alle Bauern hier — gab's in Alt Jabel Bauern, Büdner, Häusler und Tagelöhner. Bauern hier hatten bis 20 Ha, Büdner hatten 10–11 Ha, und die Häusler, die hatten sogenanntes Kompitensland und sie fuhren mit Heuwagen, mit den Kühen zum Heuen. Das war am frühen Morgens an der Rögniz, da waren die Wiesen, wo heute alles trockenes Land ist, und als ich hierher kam, war

alles Sumpfland. Da musste das Heu gemäht werden, und dann wurde es drauf gezept, dann wurde es aufgeladen und dann fuhren sie mit den Kühen abends trocken... und diese Häusler die haben dann — die Frauen mussten das andere machen, und sie haben dann gearbeitet, gebetet und dann wieder arbeiten, ja? Früher war anders wie heute. Heute können sie spazieren gehen, früher musste man überall arbeiten. Und wenn sie hier mit den Kühen fuhren, und die Kühe hatten Saufgier und sie haben es gemerkt, dann los in die Kuhle, ja? Waren nicht zu halten, nich? Da gibt es auch eine Anekdote von Wossidlo, da kommt einer gefahren mit den Kühen und sah hier paar Jungen spielen in der Mulde, im Dreck, Schlamm.

Ist ja vieles passiert. Ich sagte jetzt von dem Lauben da nich? Haben Sie in den Ruinen gesehen, den Opferstein. Es war hier früher der Glaube, dass sie den Gott Donar verehrten und so weiter, und die Wenden, sie hatten dann diesen Stein zerschlagen und an der Hälfte von dem Stein wurde dann geworfen und die andere Hälfte wurde eingemauert. Und diese eine Hälfte einmal sagte es ist so gewesen, dass sie gesagt haben, das Blut, den die besprängt worden, der Wendengott wäre stärker als der Christengott. Donar reicht stärker als der Christengott. Als die Wenden bekehrt wurden, hat man hier den Stein zerschlagen und hat gesagt: der Christengott ist stärker, es kommt ja niemand, wenn der Stein zerschlagen wurde. Er ist eingemauert, nich?

М у л њ и к о в : Nein, ich weiß, dass überhaupt sehr viele Sagen mit Wenden verbunden sind.

Г р о с с м а н н : Richtig, ja-ja.

М у л њ и к о в : Hier auch, in Brandenburg und weiter, diese östliche Teil von Deutschland am meistens. Und haben Sie auch in Wendland gelebt, oder gearbeitet oder... nein?

Г р о с с м а н н : Nein, nein. Ich habe 1946

Г р о с с м а н н : Alt Jabel gehört zu Vielank, nich?

М у л њ и к о в : Da waren wir noch nicht, aber wir fahren dort. Auf nächste Woche. Ich meine das Dorf Vielank.

Г р о с с м а н н : Ja-ja, ja-ja. Wir hatten hier, eigentlich ist Alt Jabel der Mittelpunkt, sagen wir mal, das Dorf der Griesen Gegend. Da war die erste Kirche und 1908 wurde die Kirche neugebaut. Und der Großherzog war hier zur Einweihung. Hier wurden drei Kinder... vier Kinder getauft und die Kinder erhielten die Jungen den Namen vom Großherzog und die Mädchen von der Großherzogin, ja? Und dann war hier alles Landweg wie hier kam ein Füssner beim Sonnenwetter und beim Regenwetter nicht kam. Und da waren die Steine schon angetragen — Pflastersteine — und da haben die Jabeler gesagt: «Nein, wir wollen keine feste Straßen. Wenn wir die Kühe hier... dann laufen sich unsere Kühe die Hufe wund, nich? Und dann wurden die Steine direkt nach

Vielank und dann wurde Vielank das Hauptdorf. Jabel — Jabloko, wissen Sie? Apfelbaumort. Und hier die anderen Orte alle mit — ow: Grabow, Buchow... Wendische Bezeichnung...

M y l' n i k o v : Von wem haben Sie gehört es? Oder haben Sie gelesen?

G r o s s m a n n : Das hat mein Vorgänger, der erst hier war, erzählt. Der war nicht nur Lehrer, der war Kantor, der hatte die Post, der hatte Bienen, der hatte Landwirtschaft, hat alles nebenbei... Und der wusste viel erzählen, oft viel beauftragte, ja? alle sechs Wochen rumgehen und dann sagen, ob hier ein Kalb geboren ist oder was, alles Lebensbeschäftigungen. Dann hat er mir das alles schon damals erzählt.

M y l' n i k o v : Und sagen Sie, als Sie noch jung waren, aber schon hier lebten, waren damals, in damalige Zeiten die Leute im Dorf, welche solche Chronik führten. Wenn sie bemerken, z.B.: In diesem Jahr war sehr große Hitze oder Krankheiten oder hat man ein Haus gebaut und so weiter? Solche Type, haben sie früher gesehen, waren solche Leute?

G r o s s m a n n : Hat so was der Bürgermeister aufgeschrieben?

G e r t r u d G r o s s m a n n : Bürgermeister hat ja auch kein Geld, da wurde nicht so viel gemacht.

M y l' n i k o v : In einigen Dörfern gibt's oder früher waren Leute, die für sich selbst solche Chronik haben geschrieben, was damals passiert.

G e r t r u d G r o s s m a n n : Aber wir haben ja ein ganz armes Dorf, kein grosses Dorf ist es gewesen, aber es lebt sich gut in Alt Jabel. Bei armen Leuten ist immer besser, wie bei reichen.

G r o s s m a n n : Es wurde zum großen Teil alles mündlich überliefert, nicht? Also, der Eine erzählt, der Andere... wir hatten ja kein Fernsehen, kein Radio, wir saßen abends beim Ofenfeuer so beisammen und der Opa hat ja Besen gebunden, die Strohbesen gebunden, und dann wurde... wir hatten kein Strom... das Dorf, das liegt hier ungefähr drei Kilometer mitten im Walde, wo jetzt der große Schießplatz ist, ja? Denn geht ja am Dorfrand vorbei von Probst Jesar, das liegt im Kreis Hagenow, Lübben... bis nach Loosen geht der Schießplatz. Erst war es Rote Armee, dann war es Volksarmee... die vorher! Also, erst war es bei Adolf Hitler die Wehrmacht, dann kam nachher die Volksarmee, dann kam die Rote Armee und jetzt ist Bundeswehr. Und da führte ein... ein sogenannter Totenweg, der führte von Belsch — Belsch ist ein Dorf, es sollte eine große Stadt gewesen sein.

Mein Vorgänger, der hier tätig war, war dort auch Lehrer, der hat noch Urnenscherben gesammelt — von großen Funden, von der Stadt damals — und da hat der Urnen hierher gebracht, und dann kam der Krieg, da wurden die Scherben aussortiert und wurden weggebracht nach einem anderen Dorf, damit sie nicht kaputt gemacht wurden. Und da war der Krieg vorbei, wissen Sie, und dann wenn hier ein Polterabend ist — vor der Heirat, dann wird gepoltert: da holen sich die

Kinder diese Scherben und haben sie... bei jeder Scherbe Bonbon gekriegt, und haben sie noch die Scherben kaputt geworfen, haben dann noch mehr gemacht, noch mehr Bonbon gekriegt.

Und diese... es ist auch eine alte Tatsache, dass hier in Jabel einmal im Jahr großer Markt gehalten wurde. Da kamen dann alle diese...viele mit den Marktsachen und da stand am Ende, wo Sie reingefahren sind hier, aus der Talgelände, da stand ein Schandpfahl. Und wenn dann einer von denen die anderen Leute betrug, übervorteilt, dann wurde er an den Schandpfahl gebunden, angebunden und da gingen andere vorbei und haben ihn gespuckt, und dann musste er stehen bleiben am Schandpfahl.

G e r t r u d G r o s s m a n n : Das ist aber schon vor Hundert Jahren gewesen.

G r o s s m a n n : Ja-ja. Das war damals üblich.

Und dann noch von einigem, was damals als ich tätig bin, es gab früher Aberglauben, dass einer «püsetet». Weiß jemand, was «püsten» bedeutet? Das ist «besprechen», also es kann sogar ein Arzt kommen, hier von Hagenow und der bespricht. Die Frau hatte die Gürtelrose, ja? Und die Gürtelrose oder Angelrose ist 'ne Hautkrankheit, nä? Und diese Frau Talg ist vor paar Jahren gestorben. Sie hat diese besprochen, also sie hat durch ihr Gebet, oder... weggemacht.

G e r t r u d G r o s s m a n n : Durch den Glauben.

G r o s s m a n n : Ja, die Gürtelrose ist doch weggegangen. Da haben die Leute daran geglaubt, man kam sogar von weit her zu ihr und sie nahm alle, die daran geglaubt hatten, sie hatte fünf-sechs Zeuge, die sie besprechen konnte.

M y l ' n i k o v : Und interessant, viele Leute sind jetzt in die Gemeinde?

G r o s s m a n n : Hier in unserem Dorf? Einhundertvierundsechzig. Alt Jabel. Ungefähr. Es schwankt immer: jetzt sind einige gestorben, und kommen dann... aber wenig Neugeburte nä? Wir haben jetzt neun Kinder zur Einschulung von der ganzen Gemeinde Tewswos. Ist es bekannt, was die einzelnen Namen bedeuten, nich? Tewswos — «tiefer Ort», Lübtheen — «Lindenort», Woosmer — «Sumpfort», nich? Denn ist so Bezeichnungen. Woosmer ist ja der Sumpfort.

G e r t r u d G r o s s m a n n : Vielank ist noch einer...Hohenwoos...

M y l ' n i k o v : Ja, einige Dörfer haben wir schon besucht, von einige Dörfer haben wir Foto in Wossidlo-Archiv bekommen. Und das werden wir alles vergleichen und forschen und fahren in diese Dörfer um zu sehen, welche Veränderungen sind.

G r o s s m a n n : Ja. Hier ist die Chronik von dem Dorf Laupin, diese ist von «Lipa»...

{die Aufnahme wird unterbrochen}

{Ende des Interviews}

Фотодневник

F-2. В-31 Альт Ябель. Семья Альфреда Гроссмана и профессор Мыльников перед входом в дом.

F-2. В-32 Альт Ябель. Альфред и Гертруд Гроссманн.

F-2. В-33 Альт Ябель. Альфред и Гертруд Гроссманн.

F-2. В-34–35 Лаупин. Крестьянский дом по Ludwigscluster str. 13 (*гужа* IV) (1651 г.). Традиционно в крестьянском доме–дворе на фасаде были ворота, и именно этой хозяйственной частью дом был обычно обращен в центр круглой деревни. В этом же доме ворота располагаются на задней стороне и выходят в сторону поля.

F-2. В-36 Лаупин. Старый крестьянский дом *гужа* IV. Бывший хлев.

F-2. В-37 Лаупин. Подпорочные конструкции фахверка.

21 сентября, четверг

Из дневника Мыльников

Утро снова ясное и солнечное. Сегодня у нас несколько идей. Сперва едем в деревню *Grebs* для встречи с супругами **Marga** и **Hans-Ulrich Böttcher**. Он бывший школьный учитель, ныне пенсионер и археолог-любитель. В доме у него маленький музей, причем, как он с гордостью сообщил, все экспонаты, добытые в раскопках, зарегистрированы в шверинском музее. По его мнению, городище Менкендорф в пойме реки Rößnitz — это, вероятно, Smeldino-Connoburg, разрушенный ободритским князем Thraska. Хозяин решил, что мы археологи, и разложил в прихожей несколько соответствующих публикаций. Тем не менее он ответил на многие наши этнографические вопросы и, в частности, показал орудие для копки картофеля Hacken, выполненное в металле, но воспроизводящее деревянное орудие, происхождение коего связывают со славянской эпохой (копать можно не только картофель). Показал и цеп для обмолота зерна, сделанный из деревянных частей, скрепленных кожей. Хотел нам подарить, но после внутренней борьбы, отказался, и мы ограничились тем, что Юля сфотографировала его у входа в дом с желанным, но нам не доступным цепом в руках.

После этой деревни наш путь лежал в деревню *Leussow* для заранее договоренной встречи с супругами **Herbert** и **Edda Suerbier**. Они пенсионеры, во времена ГДР он был директором Госхоза (Landwirtschaft). Беседа наша началась с этимологии: я заинтересовался происхождением его фамилии, поскольку, строго говоря, при правильном написании она означает «кислое пиво». Он сказал, что в разное время в документах писали и так, и этак. Вообще в местных актах она фиксируется по-разному: в одних — с 1672 г., в других — с 1693 г. Откуда его предки, он не знает, возможно, пришли в годы Тридцатилетней войны. Замечу, что память среди населения о ней не менее значима, чем о двух последних мировых войнах. Впрочем, свою фамилию он находил и в других актах, в том числе — и относящихся к деревне Конов, но родня это или однофамильцы — он не знает. Во всяком случае, сам он и его ближайшие предки — местные уроженцы. По материнской линии — **Bülow**, что делает вероятным его вендское происхождение. Как и в случае с **Köpke** генеалогия не уходит глубже XVII в. Год своего рождения он, кажется, не назвал. Жена 1941 года рождения. Я стал расспрашивать о характере здешнего сельского хозяйства, поскольку интересно было связать это с нашей темой. Он сказал, что предки занимались овощеводством и принадлежат к категории *Büdner*, т.е. крестьян с небольшим земельным наделом (от 3 до 7 га), в отличие от «*хойслеров*», не имеющих земли кроме небольшого приусадебного участка. В Мекленбурге крестьяне получили землю

в собственность в 1870 г., до этого ее верховным собственником считался великий герцог. Собственно крестьяне (Bauer) имеют 40–45 га. В малых хозяйствах 3–4 лошади, 5 коров, 20 свиней. Для рентабельности надо иметь не менее 100 га, 60 коров и т.п. Зуэрбир сказал так: «Сейчас в деревне нет крестьян, за исключением членов Genossenschaft». Меня это заинтересовало с точки зрения понимания по-русски немецкого термина «крестьянин», поскольку в словарях это передается как «Bauer». В здешних местах (и с этим мы встречались неоднократно) работников коллективных сельских хозяйств (созданных в ГДР и сокращенно называвшихся LPG) крестьянами *не считают*. Судя по полученной нами информации, «бауэр» = «гроссбауэр», а обобщающее слово, которым называют крестьян в русском смысле независимо от размера и формы собственности — это Landwirt, т.е. сельский хозяин. В Мекленбурге, где во времена ГДР в 1960-е годы была проведена коллективизация (но, как и в других бывших соцстранах, *без национализации земли*), коллективные хозяйства под измененными названиями сохраняются, причем их члены в основном держатся за эту форму. Причина: малоземельность, которая не позволяет рентабельно вести индивидуальное хозяйство. Выходят в индивидуальное плавание лишь те, кто сумел накопить деньги в ГДР. Так, один из таких купил себе 1000 га сельхозземли. Дома в этой деревне построены в основном в 1930-е годы, поэтому давних традиционных построек почти не сохранилось. По словам информанта, было выгоднее строить новые, поскольку имелась страховка от пожара: старые дома сторели либо разбирались для разных нужд. Когда в фахверках наполнение конструкций изнашивалось, смесь глины с соломой заменяли кирпичом, не меняя общей деревянной конструкции дома, либо с самого начала заново строили его в кирпиче. Мои подробные расспросы по близким ему сюжетам настолько увлекли хозяина, что он куда-то вышел и принес нам в подарок для МАЭ небольшую льнотеребилку (деревянная доска с вбитыми в нее большими железными гвоздями начала XX в.). Я записал, как это сооружение называется: «*Gerät für die Reinigung und kletten der Faserlein*». Его жена Эдда принесла еще в подарок МАЭ полотенце из льна, сделанное в 1920-е годы его матерью Эльзой Бюлов, по мужу Else Prosch, и кусок ею же собственноручно изготовленной льняной ткани. По уже появившейся у нас практике, хозяевам была дана расписка о получении дара для МАЭ.

На 17 часов намечена встреча еще с одним собеседником — это пастор **Moritz**. Он учился на теологическом факультете в Лейпциге и рассказал о некоторых случаях. В ГДР встречи с советскими военными ограничивались, но их жены негласно крестили у лютеранских пасторов детей. Сегодня пасторы имеют влияние на население, но в деревне Лейссов из 900 прихожан регулярно ходит в церковь лишь около 30 человек. Зато на Рождество церковь забита до отказа.

Из дневника Ивановой

Начинается третья пленка F-3.

В 10 00. прием у семьи Бётхер в деревне Гребс. С ними мы познакомились на службе в Конове, и Марга Бетхер пригласила нас побеседовать.

Супруги Бётхер живут в кирпичном доме, левый флигель которого был школой. В этой школе Ханс-Ульрих Бётхер работал всю жизнь наставником. В прихожей Бётхеров стоит стеллаж с керамикой и бронзой из раскопок славянских захоронений и городищ в районе Гребса и Менкендорфа, в которых самолично участвовал господин Бётхер. Коллекция является депозитом Музея древней и древнейшей истории, и после смерти хозяина переедет в музей. На стенах прихожей и просторной гостиной висят акварели с видами Гребса и окрестностей, выполненные фрау Бётхер. По словам хозяйки, рисовать — это ее хобби. Одна из акварелей — знаменитый синий сарай «Блауе шойне» на острове Хиддензее на Рюгене.

После беседы, записанной на диктофон, нам предложили кофе и закуски. Кроме кофе с молоком подали колбасу *меттвурст* из Ябельхайде, копченую шинку, сыр и свежий мягкий сыр с зеленым перцем-горошком, балтийские сельди в томатном соусе, ржаной хлеб со злаками и масло. Особенным блюдом было маринованное мясо в желе. Это крупные куски свинины, замаринованные в соусе и затем сваренные в нем. Соус состоит из воды, уксуса, добавляют лук, лавровый лист и пряности. После варки в бульон добавляют желатин, так что соус превращается в аппетитное прозрачное желе.

Зельц «*Пресскопф*» в том виде, в каком его подали нам, делают из спресованных вместе в пузырье хрящей и желеобразующих частей свиной туши и пряностей.

Фрау Магра Бётхер была одета в синий в клетку сарафан в народном стиле, которое называют в Германии *дирндль*, и белую блузку. Она сама сшила свой наряд и говорит, что такую одежду носит довольно часто, например сегодня, в холодную погоду, и если она куда-то идет. Она сама шьет себе одежду, покррой платьев — ее фантазия, а в ее гардеробе имеется 11 подобных платьев в народном стиле.

Затем принесли еще кофе, и к кофе мы с удовольствием попробовали мед с пасеки господина Бётхера, которую он позже показал нам. Сейчас осталось только 6–7 ульев, а раньше было 32. Ульи стоят рядами друг на друге, образуя этажи, покрашены веселыми яркими красками — зеленым, желтым, красным, частично находятся в крытом сарае. На дворе стоит ящик для плавления воска с сот. Господин Ханс-Ульрих Бётхер производит мед, воск и прополис. Пчеловодством он занимается с 1960-х годов, раньше он и понятия не имел об этом занятии.

Супруги Бётхер показали нам старый цеп для льна, он уже немного подломан и поврежден червем, да и рукоять отломана, тем не менее Бётхеры ни за что не согласились расстаться с ним в пользу нашего музея. Ну и ладно.

У Ханса-Ульриха собрана богатая библиотека по древнейшей и ранней истории, археологии и славянским древностям.

Из дневника Новика

Мы приехали в деревню Гребс (Grebs). Она находится по соседству с нашим Лаупином. Приехали по приглашению семьи Бётхер (Bötcher). С хозяйкой познакомились в кирхе на богослужении. Она послушала совет пастора всячески помогать нашей экспедиции и подошла в конце службы с предложением встретиться. Сказала тогда, что рада будет принять нас у себя дома. Мы позвонили ей позже по телефону и обговорили день и время нашего визита. Такая схема знакомства и визитов самая благопристойная в Германии.

Хозяйку зовут Маргой (Marga). Она 1929 г.р. Происходит из Восточной Пруссии. Здесь, на севере Германии, мы часто встречаемся с выходцами из Восточной Пруссии. После Великой Отечественной войны тысячи немцев были переселены с обжитых мест в разные немецкие регионы. Значительная часть переселенцев попала в современную землю Мекленбург — Передняя Померания. Возможно, немецким властям казалось, что восточно-прусское население, занимавшееся по большей части сельским хозяйством, менее болезненно вольется в традиционно сельскохозяйственные области севера страны. Возможно, таким образом уплотняли наименее заселенные районы Германии.

Мужа любезно пригласившей нас хозяйки зовут Ганс-Ульрих (Hans-Ulrich). Он также 1929 г.р. Марга и Ганс-Ульрих Бётхеры — пенсионеры. До выхода на пенсию Ганс Ульрих работал *шультмайстером* (Schulmeister) — школьным методистом. Многие годы он интересуется историей родного края и археологией. Самостоятельно предпринимал раскопки в округе. Эти раскопки он вел с разрешения властей в столице земли — городе Шверине. Все, что ему удалось обнаружить, он зарегистрировал в столичном историческом музее. Обнаруженные предметы состоят на учете в шверинском музее, однако временно могут находиться в доме Бётхера. Такая традиция сохраняется в Германии. Интересующийся археологией и историей человек имеет право предпринимать раскопки на своей земле либо в округе, раз уж у властей нет средств и возможностей организовать археологическую экспедицию самостоятельно и полностью профессионально. Однако все обнаруженное во время раскопок необходимо поставить на баланс центрального научного учреждения. Артефактам присваиваются инвентарные номера,

и они не только зарегистрированы как предметы музейных фондов, но и находятся в научном обороте. Пока жив нашедший их человек, они могут оставаться в его доме, ведь победитель в борьбе за древности должен осязаемо чувствовать свой успех. После смерти краеведа-археолога экспонаты его семейного музея передаются в фонды общественного музея.

В доме Бётхеров хранится много вещей, раскопанных вездесущим хозяином в ближайшей округе за многие годы неутомимых поисков. В просторной прихожей дома стоит большой шкаф, в котором аккуратно расставлены сосуды, извлеченные из-под земли на окраине села. Есть совершенно прекрасно сохранившиеся сосуды, сосуды со сколами, расколотые горшки. Осколки многочисленных сосудов также аккуратно собраны и сгруппированы. Все это археологическое богатство собрано в шкафу красного цвета с незастекленными полками. Под каждым экспонатом домашнего музея растелена бумажная зеленая салфетка.

Среди сосудов хозяин выделил чашу для сожжения останков (!). Чашу украшает узор — вмятины от человеческих пальцев. Также в витрине выставлены останки человеческих костей. Много старинных монет и прочих археологических предметов.

В просторной гостиной дома, куда нас пригласили, стоит сервант, в котором также хранятся археологические древности — сосуды, чаши и проч. В серванте собранные предметы хранятся за стеклом. Это особый предмет гордости хозяина.

Беседа с Гансом-Ульрихом и его женой была исключительно познавательной. Муж и жена внимательно следят за всеми публикациями, которые касаются их родного края. В доме хранится большое количество книг и брошюр, посвященных местным населенным пунктам. Различные публикации собраны в специальную папку. О том, что в здешних местах проживали славяне, Бётхеры знают не только по книгам. Это известно всем местным жителям. Да и жители сами, по мнению Бётхеров, являются потомками славянского населения. Ганс-Ульрих всю жизнь пытается доказать многовековое пребывание славян на здешних землях своими раскопками. Там, где находились поселения славян, возникли позднее нынешние поселения. Возможно, они были перенесены несколько в сторону. Его домашний музей — тому яркое подтверждение.

Нас не интересовали археологические древности — это предмет изучения профессионалов. Мы могли только учитывать полученные во время раскопок предметы и принимать во внимание комментарии специалистов, подтверждавшие или опровергавшие наши предположения. Что касается представлений местных жителей о древних насельниках края и бытующих в здешних местах легендах, то это полностью интересовало нас и входило в экспедиционные планы.

Госпожа Бётхер пишет картины и рисует открытки. Ее произведения висят в рамках на стенах дома. Призвание рисовать она открыла в себе по-настоящему лишь в последнее время, после выхода на пенсию. Свои произведения охотно дарит близким родственникам.

С нами хозяева были откровенны. Рассказали, сколько получают пенсии, на что уходят деньги.

По случаю нашего прихода хозяйка накрыла стол. Подали четыре бутылки разных напитков: минеральную воду (Mineralwasser), «Фанту» («Лесные ягоды») и др. К столу предлагались холодные закуски: копченое мясо, колбаса сырокопченая, сыр твердый, сыр творожный с приправой, рыба консервированная в томатном соусе, мед с собственной пасеки. Хозяйка внимательно следила за столом и, когда чего-нибудь становилось мало на тарелках, спешила на кухню и дорезала еще. Такое щедрое угощение нечасто встречается в немецких домах. Как правило, в любом доме угощают. Но чаще всего это угощение ограничивается кофе, сливками, различной сладкой выпечкой.

После угощения хозяин пригласил нас на собственную пасеку, расположенную за стеной дома. Пчелы живут в ульях, поставленных рядом друг с другом. Пчеловодство — хобби хозяина, которое приносит все же кое-какую прибыль. Бётхеры уже не покупают мед. Угощают им своих детей и близких. Нам перед отъездом также вручили банку душистого меда.

Ганс-Ульрих предложил одеть профессиональные головные уборы с сетками и посмотреть ульи. Я с готовностью согласился. Побывать на немецкой пасеке для этнографа интересно. Хозяин с гордостью показал свои уголья. Они мало чем отличаются от пасек в России или, скажем, на Украине. Основа всего дела — ручной труд и забота о пчелах. Пчелы, по словам Бётхера, собственного хозяина не знают, ориентируются лишь по своим семьям и ульям. Пчел и здесь подкармливают сахаром в трудные для них времена. Без этого, как говорит хозяин, не обойтись.

В прошлом местное славянское население также занималось бортничеством. Это занятие считалось традиционным у славян. Славяне жили оседло и развивали пчеловодство наравне с овцеводством, рыболовством и другими занятиями, обеспечивавшими им существование. В торговых обменах с соседями продукция пчеловодства играла одну из важнейших ролей. То, что пчеловодство в районах прежнего расселения славян развито до сих пор, можно считать их опосредованным влиянием. Традиции территории бываюют весьма сильными.

Мы уехали от семьи Бётхеров, договорившись, что приедем еще. Утомлять информантов очень длинными беседами нехорошо.

Из дневника Ивановой

В 14 часов нас ждал господин Зуербир в Лейссове, о встрече с ним мы тоже заранее договаривались по телефону. Мы прибыли заранее, и пришлось 10 минут гулять по деревне — должна же быть пунктуальность!

Дом Зуербигов раньше был тоже нижненемецким домом–двором, в 1970-е годы он был перестроен. Возраст дома хозяева определили в 100 лет, крыша того же возраста. Из помещения *diele* сделали огромную гостиную, а на месте ворот теперь располагается роскошный эркер с зимним садом и журнальным столиком. В доме четыре комнаты и кухня, оформленная современно и в то же время традиционно. Хозяйка дома, Эдда Зуербир (1941 г.р.), составляет букеты и плетет венки из сухих цветов и трав из собственного сада; ими украшен весь дом Зуербигов. Рассказывает, что, когда была больна и было много свободного времени, делала эти композиции. Один из углов кухни — тот, где раньше стояла печь, разобранная во время перестройки дома, оформлен вазами с сухими букетами, а на полках выставлена керамическая посуда для специй и пряностей — из наследства прошлого века.

Герберт Зуербир ведет генеалогические тетради своей семьи, рода Зуербигов и прослеживает свою фамилию в соседних деревнях. Показывает нам свои изыскания: двое Зуербигов — в списке жертв второй мировой войны на стене церкви Лейссова.

Супруги Зуербир напоили нас чаем за длинным столом с белоснежной скатертью и передали в дар Кунсткамере три ценные вещи: льночесалку, которую Герберт назвал «прибор для выпрямления и очистки льняных волокон», потому что не мог вспомнить правильное название. Правда сказал, что эта вещь относится ко времени первой мировой войны и в детстве он сам видел, как на ней работают. Затем Эдда принесла с чердака рулон льняного домотканого полотна, который лежал там со времен молодости свекрови, сдула с него пыль и отрезала нам в качестве образца кусок ткани. А из комода в комнате вынула роскошное льняное полотенце с монограммой EP — Эльзе Прош. Так звали мать Герберта, она сама пряла, ткала и готовила себе приданое. Это полотенце тоже было сделано в качестве приданого.

Господин Зуербир местный, родом из Лейссова. У Эдды и Герберта двое сыновей, но они давно взрослые и покинули родительский дом, теперь супруги коротают свой век с таксой Докси.

В 17.00 мы попрощались с гостеприимным домом Зуербигов и отправились к пастору Моритцу. Он живет тоже в Лейссове в подворье пастора и отвечает за дела прихода Лейссов. Пастор Моритц красивый мужчина с дьявольским взором (как сказал пронцательный А.С. Мьльников). Сладко улыбаясь, он показал нам евангелическую церковь Лейссова, рассказал ее исто-

рию. Сейчас церковь реставрируют и для посетителей она закрыта, а службы и проповеди проходят в помещении общинного дома в подворье пастора.

Вечером прибыли в Лаупин и посмотрели, нельзя ли чего забрать из нашего старого дома *гужы* IV, нашли корзину, две части весов, поврежденных жучком, катушку с веревкой из пеньки и металлические ржавые щипцы. Решили пока не брать. Зато снова набрали яблок и груш в чужом саду.

Из дневника Новика

Мы приехали в д. Лёйссов (Leussow). Деревня Лёйссов находится рядом с нашей деревней Лаупин. Через Лёйссов мы проезжаем буквально по несколько раз на день, так как он находится на пути в большинство интересующих нас населенных пунктов.

У нас есть договоренность с семьей Зуербир (Suerbier).

Мы приехали немного раньше назначенного времени, чтобы не опоздать, поэтому у нас была возможность осмотреть село. Село очень большое и богатое. Все дома отремонтированы. Здесь нельзя увидеть заброшенный дом или еще не восстановленную усадьбу (а такое в Мекленбурге встречается). В селе очень большая кирха.

Ровно в назначенное время мы подошли к дому Зуербиров. Хозяин вышел встретить нас на улицу. Его жена ожидала дома. Нас пригласили пройти в дом. Дом очень большой. Он вытянут вдоль улицы. Главным входом служит дверь посередине фасада. От калитки ограды до этой входной двери тропинки нет — нужно идти по аккуратному газону с зеленой травой. Газон и все зеленые насаждения вокруг дома удивительно ухожены. Этот дом обратил на себя внимание еще тогда, когда мы просто гуляли по селу, выжидая назначенное время. Дом большой, и у него есть и другой вход — сбоку, куда ведет от тротуара вымощенная дорожка. Немецкие дома отличаются ухоженностью. Немцы умеют устраивать палисадники, разбивать газоны, прокладывать дорожки. То, что в дом нужно входить по газону, а не по дорожке — скорее исключение. Это не совсем по-немецки, хотя кое-где такое увидеть на севере Германии можно. Здесь популярны многие британские установления и привычки.

Дом Зуербиров построен из красного кирпича. В доме новые окна — белые стеклопакеты. Внутри окна украшают короткие тюлевые занавески. Глядя в окно, вы можете любоваться цветами, которые высажены в вазонах, стоящих снаружи дома на подоконниках. Такая продуманность мелочей — особенная черта немецкого быта и организации домашнего хозяйства. Здесь принято любоваться мелочами. Все призвано радовать взор.

Хозяйский дом в очень хорошем состоянии. Заботливая рука коснулась всего. Просторные покои обставлены с хорошим вкусом.

Нам сразу предложили кофе, однако мы предложили вначале поговорить, а потом выпить кофе с хозяевами.

Наш разговор был продолжен в гостиной. Ее убранство стоит отдельного разговора. Пол гостиной полностью устелен пушистым ковровым покрытием. Подобные покрытия вошли в моду в этом регионе Германии относительно недавно — не более 10 лет назад. Вместе с объединением ГДР и ФРГ в восточных областях появились западные товары, технологии, распространились стандарты строительства и комфорта. Ковровые покрытия часто встречаются в крестьянских домах Мекленбурга, однако они не заменили еще прежние деревянные, паркетные полы и линолеум.

Потолок комнаты обшит деревянными (точнее, фанерными) квадратами. Такое здесь встречается часто. Двери также деревянные. А в соседнюю комнату ведет арка без дверей.

Из гостиной на кухню пробито окно в стене. Это сделано для удобства хозяйки — так легче передать для гостей угощение и проще убрать грязную посуду. Это окно закрыто на две деревянные дверки. Их открывают лишь в случае необходимости.

На стенах гостиной много картин. На видном месте висят старинные часы с маятником. В комнате стоит очень большой угловой диван, что удобно для беседы. На диване много подушек с кружевными наволочками. Все это ручная вязка. Немецкие хозяйки любят украшать свое жилище трудами рукоделия. Все, что сделано руками, здесь исключительно ценится. Немцы не стесняются использовать вязаные, плетеные, вышитые изделия в интерьере с современной мебелью и обстановкой. То, что традиционно, хорошо в любом случае — это девиз многих немецких семей.

Главным украшением гостиной Зуербиров являются три вазы художественного цветного стекла, стоящие на подоконнике. Здесь же много живых цветов. Растения в горшках и вазах во множестве украшают и другие комнаты дома. Такой зеленый наряд — традиционное украшение немецкого жилища.

Из мебели в гостиной обращает на себя внимание стенка. На ее полках много книг. На стенке стоят керамические вазы. Есть секретер — вотчина хозяйки. На секретере стоит глобус, рядом с которым деревянная фигурка филина. Филин и здесь — символ знаний и мудрости.

Хозяина зовут Герберт Зуербир (Herbert Suerbier). Он 1936 г.р. Его жену зовут Эдда (Edda) (!). Она 1941 г.р. Фамилия Зуербир «говорящая». Дословно она означает «кислое пиво».

Наш разговор заходит о сельском хозяйстве — теме наиболее популярной в крестьянской среде. Герберт Зуербир охотно рассказывает о всех преобразованиях и реформах в деревне в последние годы. И рассказывает не только о родном селе, но и о Мекленбурге в целом. Видно, что тема его волнует по-настоящему.

Хозяин раньше вел хозяйство. У него было 5 коров, 3–4 лошади, 2 быка, 20 свиней и т.д. Одним словом, маленькая ферма. В доме хранится папка с завещаниями и документами на хозяйство. В этой папке есть сведения об имуществе семьи начиная с 1808 г. Во время ГДР эти сведения и земельная собственность учитывались.

Так, во времена социализма крестьяне реально получали две зарплаты: одну — за труд в кооперативе и вторую — ренту за землю, которую они передали в коллективное хозяйство. За 1 гектар земли, переданный кооперативу, крестьянин получал 25 марок ГДР ренты. Чем больше надел земли был у крестьянской семьи в капиталистический период, тем больше денег получали наследники и в эпоху социализма. Полной конфискации земель и грабежа крестьян, как, скажем, в Советском Союзе, здесь не было.

После объединения Западной и Восточной Германии полного развала кооперативов не произошло. Реформы в разных регионах бывшей ГДР происходили по-разному. Так, в некоторых местах крестьяне, владевшие прежде землей, забрали свои пай и вышли из кооперативов. Здесь коллективные сельскохозяйственные предприятия развалились. В других местах работники кооперативов решили продолжать трудиться сообща, так как не видели выхода в труде на маленьких земельных наделах. Чтобы выжить в экономических условиях сегодняшнего дня, крестьянину в Германии нужно иметь около 100 гектаров земли. Меньшие площади для одного фермерского хозяйства не будут рентабельными. Схожая картина и в животноводстве. Если в хозяйстве менее, скажем, 100 коров, то вести хозяйство не выгодно. Поэтому крестьянам, имеющим земли меньшей площади, выгоднее скооперироваться либо отдать землю в аренду. Во многих кооперативах члены коллективного хозяйства решили не расформировываться, а продолжать работу, но уже в условиях рынка. Многим таким хозяйствам на территории бывшей ГДР удалось выжить и даже благополучно существовать. Сдерживающим фактором, затормозившим развал кооперативов, служили слухи о том, что при развале коллективных хозяйств на земли смогут претендовать юнкеры, владевшие землей прежде. Чтобы не допустить возможную передачу земельных угодий в руки крупных владельцев, крестьяне согласны были продолжать жить и работать в условиях коллективного использования земли. Слухи эти не были оправданы, однако крестьянская солидарность и перестраховка — вещь серьезная. Кооперативы на немецкой земле сохранились.

Часто встречающаяся картина — передача земли в аренду фермерам. Так, к примеру, крестьянская семья вернула себе в собственность 15–20 гектаров земли. Заниматься ее обработкой самостоятельно не очень выгодно. Лучше передать ее арендатору, который получает земельные участки у других крестьян. Набрав таким образом гектаров около 100 либо больше, арендатор уже может с выгодой для себя вести обработку земли. Потраченные

расходные материалы, техника и прочее смогут окупиться. В этом регионе Германии подобных хозяйств встречается много.

С Гербертом Зуербиром мы уточнили также терминологию. *Бауэр* (Bauer) — по-немецки обозначает «крестьянин», но не просто крестьянин, а собственник земли. Любой труженик сельского хозяйства по-немецки называется *ландвирт* (Landwirt). Есть еще достаточно большое количество слов, обозначающих безземельного крестьянина, малоземельного крестьянина, поденщика и т.д. Однако в современном немецком языке *бауэр* продолжает обозначать крестьянина-собственника земли. Поэтому во многих деревнях местные жители и говорят, что у них в селе нет ни одного *бауэра*. Это не значит, что все люди работают в городе и лишь живут в селе. Просто в этом селе нет ни одного значительного владельца земли, ведущего самостоятельное хозяйство. Зато может быть много людей, владеющих земельными наделами и сдающих их арендаторам, либо самих фермеров, ведущих хозяйство на арендованных землях.

В нашей отечественной исторической науке также бывают грубые неточности либо простое непонимание немецких реалий. Возьмем даже классический пример с Крестьянской войной в Германии в начале XVI в. Тогда на путь борьбы с феодалами встали не обездоленные массы крестьян (крестьян в русском понимании — бесправных и неимущих). В Германии за свое достойное место в обществе вели борьбу зажиточные крестьяне — *бауэры*. Они владели земельными наделами порой в 15–20 гектаров, обширными домами, держали поденщиков и батрачек. В обществе они представляли реальную силу. К тому же у них были деньги и собственность. Однако социальная иерархия того времени, ставившая на вершущку лишь представителей церкви, аристократии и постепенно набиравшей силу буржуазии, не учитывала вовсе крестьянскую зажиточную прослойку. Крестьянская война в Германии — это была борьба богатых крестьян-собственников за достойное место в сословном феодальном обществе. Непонимание в России различия между крестьянином-собственником и крестьянином-крепостным часто приводит к ошибочным выводам в наших исторических исследованиях и даже учебниках по истории.

В нынешней Германии сельское население отлично знает, кто собственник земли, а кто лишь арендатор.

Информатор рассказал много о реформах в области сельского хозяйства. Так, во времена ГДР средний надой от коровы был 3–4 тысячи литров в год. Теперь в фермерских либо кооперативных хозяйствах он составляет 6 тысяч литров. Это даже там, где животные содержатся в тех же помещениях. Если сравнить с нашим отечеством, то надой в Ленинградской области нынче составляет с одной коровы 7–8 тысяч литров. Но поголовье коров сейчас равно состоянию на 1954 г.

Наша беседа проходила за журнальным столиком, на котором лежала бежевая салфетка. Салфетка покрыта ручной вышивкой с растительным узором и обшита кружевами.

Спустя некоторое время нас пригласили выпить кофе за высокий овальный стол на гнутых ножках. Стол покрыт бежевой скатертью с вышивкой и мережками. Немецкие хозяйки внимательно следят за тем, чтобы столовое белье в их доме было однотипным и хорошо сочеталось с посудой.

Кофе подали в фарфоровом сервизе производства ГДР. Сервиз с яркой кобальтовой росписью. Печенье хозяйка принесла в хрустальной вазе, привезенной ею еще в советские времена из Эстонии. Вазу фрау Зуербир высоко ценит и использует в торжественных случаях. Нам предложили на выбор и кофе, и чай. Чай был заварен в современном китайском чайнике с тростниковой ручкой. К кофе традиционно предложили сливки.

Чайник и кофейник подали к столу на деревянном подносе с резьбой ручной работы.

После кофе у нас представилась возможность осмотреть дом Зуербиров. Та комната, которая соединена с гостиной арочным проемом, также выполняет функцию парадной комнаты для отдыха и приема гостей. Из нее выходит патио — зимний сад. Эта часть дома с трех сторон имеет стеклянные стенки, вдоль которых стоят вазоны с цветами и всякой растительностью. Здесь же можно посидеть в кресле и отдохнуть. Зимний сад небольшой, но исключительно эффектный. Он и обращает на себя внимание с улицы, и служит украшением внутри дома. Зимний сад можно отгородить от остальной комнаты двойной стеклянной дверью. Полы в патио и прилегающей комнате покрыты деревянными досками, покрытыми лаком. В патио на полу лежит круглый ковер. На нем стоит журнальный столик и два кресла. Здесь среди горшков с цветами можно не только читать и беседовать, но и наблюдать за всей улицей. На просторных окнах зимнего сада висят короткие белые тюлевые занавески, не мешающие растениям купаться в солнечном свете. Цветы, растущие в зимнем саду, имеют через чистые окна свои продолжения в вазонах на улице. Сразу сложно разобрать, что растет в патио, а что — в палисаднике снаружи дома.

В комнате, имеющей выход в зимний сад, также стоит «стенка». Получается, что в этой комнате и в соседней гостиной стоят похожие современные «стенки». На полках мебельного модуля много хрустальной и фарфоровой посуды. Посуда дорогая и роскошная. Видно, с какой любовью и знанием дела ее собирала хозяйка. В доме большое количество изделий из хрусталя. Встречаются вещи из цветного хрусталя. В целом такое поклонение хрустально редко встречается в немецких домах. Это не характерно для немцев. Тем не менее иногда можно встретить любителей кристалльных граней, и тогда их дома можно сравнить с музеем хрусталя. Дом Зуербиров к подобным отнести, правда, нельзя, но сильное приближение уже наблюдается.

Таким же необычным украшением является рукодельный ковер, висящий в гостиной на стене над диваном. Подобное для немецкого интерьера в целом не характерно.

В доме большая кухня. Она со вкусом обставлена. Совершенно новый деревянный кухонный гарнитур. Даже холодильник отделан деревом, чтобы не отличался от шкафов цветом и дизайном. На стене кухни висит огромная полка, на которой выставлены баночки для круп и приправ — перца, риса и проч. Банки керамические, покрыты белой глазурью с синим кобальтовым рисунком. Хозяйка рассказала, что они достались ей от матери. В немецких домах умеют сохранять традиционные вещи.

В доме помимо живых растений много сухих цветов и венков. Такие букеты и композиции делает сама хозяйка.

В большом помещении кухни один угол отведен под напольные вазы с засушенными цветами. Хобби хозяйки имеет выход в украшении дома.

Пол кухни каменный. Здесь же, в помещении кухни, стоит корзина с подстилкой, в которой спит хозяйская собака. Собак в немецких деревнях много, однако они так научены, что не докучают окружающим.

В доме устроена современная туалетная комната с мраморным умывальным шкафом. Есть все удобства.

Осмотр дома длился недолго, и мы вскоре вернулись в гостиную обсудить еще разные проблемы. Наш разговор зашел о современном строительстве и ремонте. Информант рассказал, что все дома на его улице были перестроены или построены заново в последние годы, т. е. после объединения ГДР и ФРГ. Появилась возможность покупать новые материалы, и все постарались построить и обустроить жилище на новый лад. Однако учитывали традиции в строительстве. Мы специально спросили, почему при строительстве кладут ряд кирпича, а затем пускают деревянную прокладку. Герберт Зуербир ответил, что прототипом для современных домов все равно остаются фахверковые конструкции. Когда-то фахверковые дома отлично выдерживали наводнения. Поток воды вымывал из деревянного каркаса глину и солому, а сама конструкция оставалась. Ее не представляло труда вновь заполнить глиной, в избытке встречающейся в северных районах Германии. Потом такой тип строительства сохранялся и при возведении зданий из камня и кирпича. Традиция возведения построек из комбинированных материалов надолго вошла в практику. В настоящее время постройки фахверкового типа не имеют той практической функции защиты от капризов окружающей среды. Целиком кирпичный дом также не сможет устоять против определенного наводнения, как и кирпичный с деревянными прокладками. Однако по традиции местным жителям желательно возвести дом с деревянными балками. Это напоминает добрые старые времена, к которым в Германии относятся с великим почтением. Люди пытаются возвести дом, даже внешне напоми-

нающий старинную постройку. В такой преемственности традиций видится основательность и добротность.

«Старое строительство очень заразительно», — подытожил информант.

Сам информант очень ухоженный и весь довольный жизнью полный человек. Людей такой комплекции в немецкой глубинке много.

Хозяева решили подарить для нашего музея несколько вещей. Мы им объясняли, что работаем в старейшем музее России, что проводим этнографические исследования. Зуербиры охотно предложили передать в наш музей кое-какие вещи, чтобы люди в России смогли познакомиться с традиционной культурой Мекленбурга воочию.

Хозяин принес с чердака гребень для чесания льна. Местного немецкого названия для этого орудия тканья он не знает. Хозяйка также не знает, как это может называться по-немецки. Общими усилиями придумали название, которое объясняет, что это такое: *Gerät für Reinigung und Glätten von Flachsfasern* (прибор для чистки и разглаживания волокон льна).

Гребень сделан еще до первой мировой войны. Им активно пользовались в семье.

Информант сообщил, что в городе Дёмитц (Dömitz), находящемся недалеко отсюда, есть музей, в котором выставлены все приспособления для обработки льна. Есть там и ткацкий станок (*Webstuhl*), и образцы изделий. Там есть и подобный гребень. По мнению информанта, там, в музее, наверняка знают, как называется этот инструмент. Хозяин посоветовал нам туда поехать и все получше разузнать. В моей полевой практике я уже не первый раз сталкиваюсь с информантами, которые чего-то не помнят и советуют выснить это либо в научном издании, либо в официальном учреждении.

Семья Зуербир подарила нам также кусок льняной ткани. Рулон домо-тканины у них хранится с давних времен. Этот лен ткала мать хозяина в 1920-е годы. При нас рулон извлекли из шкафа, отмогали кусок и отрезали для нашего музея.

Также нам было подарено полотенце из льняной ткани. Это полотенце сделала мать хозяина, которую звали Эльзой, а девичья фамилия у нее была Прош (*Else Prosch*). Она сама спряла нити, затем соткала полотнище и сшила полотенце. На полотенце вышила красными нитями свою монограмму. Полотенце такое называется *хандтук* (*Handtuch*).

Эти подарки Зуербиров стали важным вкладом в наши этнографические приобретения. Мы написали хозяевам расписку, что получили в дар для Кунсткамеры такие-то вещи. В Германии любят порядок, и подобные шаги подтверждают местным жителям то, что мы стараемся не для себя, а для общественного блага. Хотя, конечно, такая бумага ничего не стоит, и подобные «документы» можно штамповать в больших количествах. Однако немцы доверчивы, и, по-моему, у них не может возникнуть подозрений, что мы, к примеру, обманываем или как-то жульничаем, ведь у нас есть официальные

бумаги, рекомендации и самые честные заверения. Здесь скорее принято верить незнакомому человеку, чем ему не доверять. Это существенно отличает менталитет русских и немцев. Мы обязательно пришем Зуербирам благодарственное письмо из Петербурга, из нашего музея, а их вещи станут достойным экспонатом наших выставок. Но люди изначально доброжелательно настроены и рады помочь в нашей работе.

Речь с хозяином зашла о продолжительности жизни в наших странах. По словам господина Зуербира, продолжительность жизни у мужчин в Германии 78 лет, а у женщин 82 года.

Немцы очень удивляются, услышав нашу российскую печальную статистику.

У Зуербиров мы работали все втроем, записывая на диктофон и в полевые тетради. С информантами можно было продолжать работать и далее, но нас ждал еще один визит.

Хозяева проводили нас до калитки и любезно распрощались.

Их адрес: Herbert Suerbier Friedenstr., 14.19288 Leussow, BRD.

Отправляемся к местному пастору. Его фамилия Моритц (Moritz).

В селе очень большая кирха. Она стоит в лесах, и здесь ведутся строительные работы.

Пастор нас любезно принял, с пониманием выслушал наши задачи и цели, обещал помогать, чем может.

Кирха в селе Лёйссов была построена в XVIII в. До этого здесь была маленькая церковь. А потом построили величественную кирху из кирпича. Кирха размерами и роскошью убранства отличается от церквей в соседних селах. Однако эту кирху построили без фундамента, прямо на песке. В то время провели расчеты и решили, что она будет стоять хорошо и так. Однако уже в XX в., точнее в 1960-е годы, в округе производили мелиорацию земель. Работы привели к сдвигам земельных пластов. Купол кирхи дал расщелину по диагонали. Сейчас ведут ремонтные работы, пытаются стянуть купол. Ремонт обойдется в 1 миллион немецких марок. Деньги выделяют земельные власти. Самой общине такой ремонт было бы не поднять. В восстановлении церковных зданий помогает и центральное правительство. Государство щедро тратит деньги на духовные нужды.

В кирхе есть два придела, две памятные доски жертвам мировых войн — первой и второй. А рядом с кирхой стоит памятник погибшим за фатерланд солдатам. Рядом с выбитыми фамилиями стоят годы прогремевшей войны: 1914–1918.

Пастор Моритц — очень энергичный и толковый человек. Заручившись его поддержкой, мы завершили наш экспедиционный день.

Сегодня мы нанесли три запланированных визита в двух селах и параллельно осмотрели сами населенные пункты. У нас осталась масса записанного материала и вещи, полученные в дар музею.

Расшифровка записи беседы с супругами Хансом-Ульрихом и Маргой Бётхер

B ö t c h e r : Wir sind auch siebzig und jetzt geht ja auch alles verloren: es gibt Fernsehen und früher wurde es immer noch abends erzählt. Von Früher, wenn ich so denke, die Alten haben abends so von Früher erzählt.

M y l ' n i k o v : Und jetzt statt diese Erzählungen hören Sie Television.

B ö t c h e r : Am Weihnachten? Ja, aber das ist sicher noch... noch wendischen Ursprungs «Julklapp». Also, «Jul» muss irgendwie... ja, «Jul». Also das zu Weihnachten in der Vorweihnachtszeit, denn packte man so 'ne... Leute, die gerne vor allem bei den jungen Leuten, bei den Mädchen, so packte man so ein Packet und irgendwie eine ganz Kleinigkeit reintat — Schokolade oder... auch ganz klein, und dann wurde viel Papier rumgebunden und immer wieder, so geschnürt ist es so ein Packet war. Und dann wurde abends so die Tür ausgerissen, die Haustür und dann wurde 's 'reingeschmissen und man sagte: «Julklapp». Also «Jul» muss irgendwie mit Slawisch zu tun haben. Das haben wir noch gemacht Vor Weihnachten. Das haben wir noch gemacht, also das muss irgendwie... «Jul» muss... etwas ähnliches...

M y l ' n i k o v : Julia — das ist Vorname, ist nicht mit diesem Brauch verbunden. Der Vorname ist Julia.

B ö t c h e r : Nie, nie. Ich hab' so was ähnliches im Slawischen muss es mit «Jul» — haben wir immer gesagt, slawisches Brauch irgendwie so. Auch da wurde hier noch — wir haben es noch gemacht.

M y l ' n i k o v : Also, so in welche Jahre wurde es?

B ö t c h e r : Bis 50 bestimmt.

M y l ' n i k o v : Vor Krieg oder nach Krieg?

B ö t c h e r : Nach dem Krieg noch gemacht.

M y l ' n i k o v : Nu bis welche Jahre?

B ö t c h e r : Bis 50. Das haben wir noch gemacht. Aber da war ich nicht hier, da war ich fünfzig Kilometer weiter, also, dort wo ich hierher gekommen bin. Aber da haben wir noch gemacht.

M a r g a B ö t c h e r : Aber da war 's auch nichts: kein Fernsehen, keine Zeitung, und man erfuhr mehr von den anderen, von überall etwas, was jeder noch wusste.

B ö t c h e r : Das war damals noch üblich gewesen.

M y l ' n i k o v : Und da es war so scherzlich, ich verstehe? Etwas Kleines hat man gepackt?

B ö t c h e r : Ja-ja, ja-ja.

I v a n o v a : Und welche Flurnamen kennen Sie hier auf dem Dorfe?

B ö t c h e r : Swantewit gibt's bei Karenz noch hier.

I v a n o v a : Ist es weit von hier? Und was ist mit dem Namen bezeichnet?

B ö t c h e r : Nee. Zwei Kilometer. Das muss irgendwie ein Acker, bloß Acker sein. Es gibt noch einen slawischen Ortsnamen. Ich komme nicht auf den Namen...

M y l ' n i k o v : Und alle diese Pakete sie bringen vor Weihnachten, hat man es bloß gegeben oder hat man irgend ein Lied gesungen?

B ö t c h e r : Nee. 'Rein und dass man nicht gesehen wurde.

M y l ' n i k o v : A, so, wirft man ja?

B ö t c h e r : Ja. So in die Küche meistens oder vielleicht in die Stube. Die Küche oder Flur.

M y l ' n i k o v : Aber welche Sachen legt man in diesen Packet? Das ganz egal oder bestimmte?

B ö t c h e r : Nein, manchmal auch tolle Sachen, aber so paar Bonbons oder... Darein klappt ja auch nicht viel. Damals gab's ja nicht viel.

M y l ' n i k o v : Muss man heimlich machen?

B ö t c h e r : Ja. Oft war es auch schon bei allen Mädchen oder Jungs vielleicht ein bisschen Geld so dass bei dem macht...

M y l ' n i k o v : Und interessant, gibt es oder früher war es solche, nu wie kann man sagen, lokale Selbstbewusstsein. In Wendland ist es stark noch heute. Und hier war es so auch, nein?

B ö t c h e r : Tja... Die Dörfer die hatten alle ein bißchen... war das anders als heute sowieso. Aber nun ob es soweit war... das weiß ich auch nicht.

M y l ' n i k o v : Nu, zum Beispiel, manchmal gibt's so, manchmal nicht: ich kann sagen, in Russland es gibt solche Gefühl bestimmt bei die Leute aus Petersburg, ja, oder Leningrad... dass, und wenn ich komme — früher auch — in ganz verschiedene Teile damaliger Sowjetunion und wenn ich sagte, dass ich aus Leningrad bin, so hat ich immer solche gute Empfang bekommen, das ist wirklich so.

A l l e : Ja-ja, ja-ja, bis jetzt ist es so, ja-ja.

M y l ' n i k o v : Das ist wie ein solcher Parol, kann man sagen. Und die Leute machen allen und ja! Leningrad, berühmte Stadt! Moskau in diesem Sinn liebt man nicht. Nu es ist ganz klar, weil die Regierungsstadt ist, ja. Und mit Leningrad und jetzt Petersburg, viele Leute sagen nicht Petersburg, Leningrad noch heute. Es gibt solche Sachen, z.B. Blockade: niemand sagt: Petersburger Blockade, niemand es versteht, ja? Kein Peterburg war da.

B ö t c h e r : So bei uns sagt man Stalingrad, man sagt hier auch nicht Wolgograd, weiß man heute gar nicht, was das ist. Aber Stalingrad weiß jeder.

M y l ' n i k o v : Ja, in Frankreich gibt's zum Beispiel Stalingrader Boulevard. Man kann nicht sagen: Wolgograder Boulevard. Niemand wird verstehen. Und solche Vorstellung, zum Beispiel, ich bin aus Jabelheide, sagt man?

B ö t c h e r : Nee. Sie haben diesen Ausdruck nicht... Jabeler Land nicht.

M y l ' n i k o v : Wendland wissen alle in Deutschland und der Mensch kann sagen: ich bin aus Wendland. Er wird nicht sein Dorf nennen, aber aus Wendland.

B ö t c h e r : Wendland ist drüben, auf der anderen Seite der Elbe. Das ist hier nicht so.

M y l ' n i k o v : Aber in einige Broschüre habe ich gelesen, dass... war so geschrieben: Wendland an beide Ufer Elbe. Also, diesen Teil kann man auch Wendland nennen.

B ö t c h e r : Ja-ja, es war... es ist ja auch ein... die Elbe war eigentlich nicht Grenze hier zwischen Mecklenburg und Niedersachsen. Es waren hier einige Dörfer, die nach drüben gehörten, also die... nach 45 waren sie besetzt.

M y l ' n i k o v : Nu ja, die Zone...

B ö t c h e r : Ja-ja, aber es gehörte ein Teil...also es war so nach dem Abkommen, so dass die hier in Mecklenburg kriegten. Aber es gehörte ein Teil diesseits der Elbe, gehörte eigentlich zu Niedersachsen. Aber das hatten wir damals trotzdem im Besitz, weil dazwischen die Elbe war. Und das gehört sowieso zum Wendland.

M y l ' n i k o v : Nu ja, im Mittelalter war es eine Teil, die an Graf von Dannenberg gehörte. Obwohl Dannenberg ist an andere Ufer.

B ö t c h e r : Hier, Grebs gehörte auch zu Dannenberg. Das ist hier noch das Wappen von... von Dannenberg, aber hier... hier Tannen und Berg hier, das Wappen.

M y l ' n i k o v : A, ja, obwohl er war Dannen-, Buchstabe «d».

B ö t c h e r : Ja, im Plattdeutschen sagen wir auch Dannen, also für Bäume Tannen im plattdeutschen wir sprachen bloß plattdeutsch, verstehen Sie, ne? Plattdeutsch, also wir haben bloß, wir auf dem Dorf bloß mit 'm Lehrer hochdeutsch gesprochen. In der Schule vor dem man lernt, hat man plattdeutsch gesprochen. Aber das ist nun... die Jugend spricht das nicht mehr.

M y l ' n i k o v : Wie spricht man hier in gewöhnliche Leben, in Ihrem Dorf und nebenbei, Plattdeutsch oder Hochdeutsch?

M a r g a B ö t c h e r : So, jetzt Hochdeutsch.

B ö t c h e r : So, wie meine Mutter noch lebte, die ist ja nun vor Jahren tot, wi' ham' bloß plattdeutsch gesprochen noch. Ich spreche auch noch vollkommen plattdeutsch. Aber die Kinder sprechen das auch nicht mehr. Nur ab 45, vorher gab's noch gar nicht.

I v a n o v a : Aber sprechen Sie hochdeutsch?

B ö t c h e r : Ja. Bloß ab 45 bloß dann kommen die Kinder, ich weiß nicht, wie das funktioniert hat. Aber 45. Da waren diese viele... die ganze Umsiedlung von Flüchtlingen...

M y l ' n i k o v : Ja, solche Mischungen.

B ö t c h e r : Ja, waren sie alle hier. Und sie sprachen alle hochdeutsch. Sie kommen hier alle aus Schlesien, Ostpreußen, Pommern, die sprachen alle hochdeutsch. Und in jedem Bauernhof waren ja... in jedem Bauernhof waren sie, es war so voll. Und die haben hochdeutsch gesprochen und die Kinder haben

mit denen... und seitdem hat sich das Hochdeutsche eingebürgert und auch die Bauern, die wollen auch, ihre Kinder sollen nun alle hoch 'raus. Sie sollen alle Schule, geschult sein und nun studiert, nun meinten sie, wissen Sie, nur, wenn sie hochdeutsch sprechen, damit sie in der Schule leicht... obwohl das meiner Meinung nach bloßer Quatsch ist. Wir haben auch bloß zuhause platt gesprochen und haben in der Schule auch hoch gesprochen, wie das funktioniert hat, kann ich mich gar nicht erklären.

M y l ' n i k o v : Wie wird plattdeutsch Milch?

B ö t c h e r : Mi.

M y l ' n i k o v : Und Brot?

B ö t c h e r : Mich? Was haben Sie gesagt, Milch?

M y l ' n i k o v : Ja, Milch.

B ö t c h e r : Melk. So bisschen wie im Englischen, nä?

M y l ' n i k o v : Und Hahn? Zum Beispiel Hahn?

B ö t c h e r : Hah, Hoh.

I v a n o v a : Und Pferd?

B ö t c h e r : Perd.

B ö t c h e r : Ja, aber heute die paar, die das noch können, sind die Arbeitsgemeinschaften, wo in den Schulen das noch geübt wird.

M a r g a B ö t c h e r : Die haben die Schule, vielleicht sind sie noch Schüler und dann ein Lehrer und die machen am Nachmittag dann noch Unterricht und üben Platt. Plattdeutsche Sprache, damit sie ein bisschen können und das wird dann eine Abwechslung mit den Großen. Etwas Besonderes.

B ö t c h e r : Bei uns im ganzen Dorf hat kein Mensch hochdeutsch gesprochen. Und trotzdem hat es in der Schule funktioniert, dass wir dem Lehrer nicht plattdeutsch geantwortet oder plattdeutsch geschrieben haben. Ne, das hat funktioniert.

I v a n o v a : eine schöne Tracht haben Sie an, haben Sie selbst genäht?

M a r g a : Ja, alles selbst. Das ist schön wahr. Heute ist ein bisschen kalt, aber ich habe lang an und...

M y l ' n i k o v : ich habe vergessen, wie habt ihr meine Frage geantwortet, als ich fragte, ob es hier viele Bauern gibt.

B ö t c h e r : Ach, so... also hier die Stelle war so bei 30 Ha und die sind gewesen bei 10 Bauern...

M y l ' n i k o v : Und alle anderer, die arbeiteten in die Betriebe?

B ö t c h e r : Ja, hier... hier war eine Ziegelei, die anderen waren die Häusler und sie hatten kein Land, die Häusler. Und es gab einst noch die Büdner, sie hatten nicht viel, aber 5–6 Ha, hatten sie dann gekauft. Ja, das waren die Büdner. Und es gab noch irgendwie aus dem Polnischen so Kosse...

M a r g a : «Kos» ist Ziege.

B ö t c h e r : Ne, ne.

М y l ' n i k o v : Kofe?

N o v i k : Kosse.

М y l ' n i k o v : Was meinen Sie?

B ö t c h e r : Das ist auch... das Wort gab's auch für Büdner.

М y l ' n i k o v : A, das nennt man auch Gras?

I v a n o v a : Это бедного крестьянина так называли.

B ö t c h e r : Ne. Also, so hieß entweder in einigen Orten, hieß so Büdner, und in einigen hieß er Kosse, bei uns, wo ich da war, da war ein Bauer, in Mecklenburg der war Bauer, und zum Unterschied zu dem anderen, sagt man: Kosse. In Mecklenburg, also «der hat nicht so viel». Der steht auch in Büchern mit «Kosse». Also, das es nicht bloß so... Ne, ne, hier kenne ich das nicht so, wo ich herkam, war die LPG ja schon. Also bei uns im Doft da war ein kleines Dorf. Da waren wohl 8 oder... 8 Bauern und dann waren 4 Büdner. Also meine Mutter, die waren auch Büdner, die waren 6 Ha. Und die Bauern hatten bei uns bei 40 Ha.

M a r g a : Wie schreibst du «Kose»?

B ö t c h e r : «o», -ss- und «e».

M a r g a : -ss-? «Kosse». Kose ist doch Ziege, nä?

B ö t c h e r : «Kosse» aber heißt hier Kosse, so.

I v a n o v a : Hier wird so gesprochen? Ne, nä?

M a r g a : Hier heißt es für Deutsch «Ziege». Und polnisch war «Kosa»? Wie sagt ihr, ich weiß nicht?

{затись прервана}

{конец Стороны А}

{Сторона В}

{Окончание}

B ö t c h e r : Von den, die hier waren früher sind ganz wenige. Und die sind schon so, dass sie nicht mehr, die gar nicht mehr 'rausgehen, so.

М y l ' n i k o v : Wissen Sie, ich kann sagen, dass als Georg II. es war ein englischer König, den Jahr hab 'ich vergessen, in Mitte 18. Jahrhunderts kam in Hannover er hat Interesse an wendische Lieder und Sache, und sie haben irgendwo eine alte-alte Frau gefunden, eine Wendin, die fast ganzen Tag hat das erzählt und sagte die Lieder, sie verstanden nichts, aber es war für sie exotisch. Also da war eine Frau, die es wusste. Und wenn wir zwei Frauen finden, es ist schon sehr gut.

B ö t c h e r : Ja-ja, aber hier solche alten Frauen sind ja gar nicht mehr. Eine die noch ist, die ist bei achtzig die ist auch schon krank, und eine zweite, die war neunzig, die eine wusste... also sehr gut Bescheid, nä? Aber sie sind nun ausgestorben.

М y l ' n i k o v : Und in Ihrem Dorf hier gibt solche vielleicht oder alter Herr oder alte Frau, die Legenden wissen?

B ö t c h e r : Hier?...Also, die alten, die sind alle ausgestorben. Man muss sich richtig Gedanke machen. Ich hab' mich so... Vorgeschichte vorbereitet.

M y l' n i k o v : Das macht nichts, deswegen sprechen wir...Es wurde sehr schön.

B ö t c h e r : Es gibt viele Stellen, auch ein...wo ist es...

M y l' n i k o v : Ist es ein Gerät?

B ö t c h e r : Nee, ein Flurstück.

M y l' n i k o v : A, ein Flörname, Flurname?

B ö t c h e r : Ja...Vit...der Name ist wendisch.

M y l' n i k o v : Wo ist es, ist es ein Fluss?

B ö t c h e r : Nein. Grundstück, also Flurname.

M y l' n i k o v : A-a, da ist Erde! Vit.

B ö t c h e r : Vit, ist slawisch, bloß waren sie immer denn Wladislawek, weil ich auch bei der Ur- und Frühgeschichte die untersuchen die ostslawischen Stücke. Dann hat man mich mal gefragt, wo ist so 'n Stück wie Zit... Die polnischen und die slawischen sind so wellenartig. Die, die Urnen, die Keramik.

M y l' n i k o v : Und wo liegt Vit?

B ö t c h e r : Hier in Grebs ist nicht das Stück, aber in Leussow. Das ist so 'n...so 'n Flurname. Aber Cit ist vielleicht ein bisschen anders.

M y l' n i k o v : nein, ich will fragen, ob es bestimmte Ort, bestimmte Teil Land ist...

B ö t c h e r : Ja, das ist sicher, wo die früher die Wenden gewohnt haben und die Deutschen haben meistens daneben gebaut oder so muss ja sein. Dies ist von diesem... das ist hier zwei Kilometer weiter...Dieser hier. Und das war 56... Was steht hier?

B ö t c h e r : Der hält sich länger, so wie Blutwurst und das... die Mettwurst, die konnte man das ganze Jahr über aufheben, nä? Wir trinken aber kein Zucker!

{зaпись прервана}

{конец интервью}

Расшифровка записи беседы с супругами Эдой и Хербертом Зуербир

S u e r b i e r : ... so dass die Familienaufzeichnungen von Leussow 1672 datiert ist. Ja, jetzt wird's geschrieben s u e r, ja nun muss ich dazu sagen: früher wurde's sehr unterschiedlich geschrieben ä... je nach dem wie es in der deutschen Sprache für richtig galt... Hier zuerst wurde es angefangen die ersten Suerbier s u r und dann b geschrieben. Also s u e r b i e r. So stand es in Leussow-Urkundebuch. Verwandte oder der eine Bruder oder der eine von uns hat später die [...] aus Nachbardorf geheiratet. So hat der Pastor geschrieben: s u a r-. S u a r- ja, und dann -bier. Picher, das nächste Kirchspiel hier, ist auch einer hingeheiratet und hat der Pastor geschrieben: Sauerbeer, s a u e r und dann — beer. Also jeder hat es unterschiedlich geschrieben.

M y l' n i k o v : Ab welchem Jahr steht es in Urkunden? Ab 16...

S u e r b i e r : 1672 beginnt sie in Leussow und in Conow... da beginnt's 1694. Also das Kirchenbuch... dann nach dem Dreißigjährigen Krieg es war ja damals die ganze Ecke noch... In Conow beginnt 1693.

M y l' n i k o v : Und in diesem Dorf? Ab '72?

S u e r b i e r : 1672.

M y l' n i k o v : Aber was bedeutet es, dass früher Ihre Vorfahrer lebten hier nicht, oder bloß vordem war nicht aufgenommen?

S u e r b i e r : Ja. Nein, wahrscheinlich vorher sicher nicht. Ich hab'... also es tauchten hier im ersten Tätenbuch von Leussow in den 1680-er drei mit dem Namen Suerbier auf. Einmal ein Johann Suerbier, ein Hinrich Suerbier und ein Adolf Suerbier. Drei Stück.

M y l' n i k o v : In welchem Dorf ist es?

S u e r b i e r : Hier. Tauchten hier auch. Aber dann hab' ich nachbekommen, in der... es gibt ja auch die Steuerakten, die schon vorher existierten und da tritt der Name Suerbier hier in Leussow. Die ersten Steuerakten sind vom 1632. Und da tritt der Name Suerbier auf. Und der eine Suerbier ist nach Picher weggeheiratet und in dem Kirchenbuch von 1694 hat der geheiratet, da steht drin also... Date, Johann, ist ein Johann Suerbier ist dahingeheiratet, da steht drin Johann Suerbier selig, das bedeutet, er war schon verstorben. Und Bülow, es ist ganz schlecht zu lesen, Bühle ist hier ein Nachbarort von hier. Ich hab's versucht auch in Bülow diese Steuerakten nachzusehen, ob der Name Suerbier dort tritt. Die Namen Reimer, Gurke zuerst, Reimer, Gurke, Stolte, Mölle — das sind die ältesten Namen.

M y l' n i k o v : Und haben Sie ein solchen Stammbaum?

S u e r b i e r : Ich bin dabei. Ich kann

Das sind die drei Suerbiers, das ist ist Johann Suerbier, der musste vor 1672 schon gestorben sein, sonst in Göhle, wo der gelebt hatte, sollte er in Kirchenbuch schon eingetragen sein als gestorben. Da hab' ich nun auf Grund dieses Datums, wie alt er gestorben ist, mit 78 ist er gestorben. Da muss man ein bisschen

vorsichtig : damals nicht festgehalten wurde also zwei-drei Jahre so ganz genau weiss ich es auch nicht, habe ich nämlich festgestellt zwischen einem Kirchspiel zum anderen da steht es bei 70 Jahren gestorben, geboren... die genauen Daten als er getraut wurde... und gestorben. Das ist die Frau, die Kinder...die einzelnen Linien...Die verschiedenen Linien, die da...

M y l ' n i k o v : Und alle diese Leute hatten schon deutsche Namen? Oder waren noch slawische?

S u e r b i e r : In der Regel hatten sie alle so christliche Namen: Johann, Christian, Joachim — aus der Bibel, die Namen aus der Bibel... Die Frauen alle Katharina, Charlotte und Elisabeth, also Namen wesentlich aus der Bibel.

M y l ' n i k o v : Aber manchmal gibt es einige Vornamen...

S u e r b i e r : Tja, was... der slawischen Ursprungs... Wenn Sie hier gehen mit Johann los, und die hieß Dorothea Korp — aus Korp nach Karow entstanden hier... Hans-Joachim... Kathrin, Dorothea, Hans-Jürgen, noch Joachim, Maria — Maria sind viele — alle, würde ich sagen, Namen an...Maria, Berthold...die Kinder. Da hat man teilweise die Namen Klin oder Lis die hat man dann gekürzt aus den Namen heraus und so zieht sich das zu fast immer denselben Namen über Hundert oder zweihundert-dreihundert Jahre. Nachher, als der Kaiser Wilhelm denn hier kam, kam Wilhelm und sowas auch...

M y l ' n i k o v : Wie ist Vorname Ihrer Frau?

S u e r b i e r : Edda, e d d a. Ihre Eltern bestreiten es zwar, aber sie wissen, sie ist 1941 geboren und in hier Deutschland gab's denn den Marschall Hermann Göring. Und seine Tochter ist auch Edda. Wahrscheinlich in dieser Zeit geboren und das ist dann so, wie als Kaiser Wilhelm war oder oder irgendwie immer so bestimmte... wie heute Künstlernamen irgendwie hier in Mode kommen, so ist dieser Name eben. Der Edda oder der Name Etta angeblich soll aus dem Germanischen kommen. Ob das stimmt, weiß ich nicht. Ich kann so sagen, weil ich so gehört habe, ihre Eltern behaupten nicht, aber hier im Ort noch drei Frauen aus dem Alter auch Edda heißen. So ist es ein Mode-Name gewesen.

So, das will ich jetzt zusammenstellen, die sind hier auch noch die ganzen Nachkommen — hier sind die alle drin, die von der mütterlicherseits von Bülow... das ist von meiner Mutter, von meiner Großmutter...

M y l ' n i k o v : Bülow?... Das muss slawisch sein.

S u e r b i e r : Ja? Die Bülows Geschichte ist so, die war hier in der Gegend sehr stark vertreten. Zwar erste vier als Schäfer bis etwa 1850–70 so ungefähr. Und die Bülows überall... Und der Vater wieder von der mütterlicherseits...

M y l ' n i k o v : Ich bitte um Entschuldigung, Below oder -i-?

S u e r b i e r : -ü-. B ü l o w. Also da kann ich nicht so weit zurückverfolgen, wer bei den Suerbiers der einfache ist, weil denn ab 1600 die hier... nicht in diesem Gebäude hier um die Ecke, ich muss dazu sagen dies ist ja eine Büdnerlei, wissen Sie was man darunter versteht? So'ne kleine Landwirtschaft von 8 bis 10

Ha, die so 1770 hier ... und vorher gab's also Hauswirte, also, die hatten grössere Betriebe, dann sind ja Kleinbüdnereien gab's 17, von diesen Hauswirten, die von Bauern gesteuert waren, die so etwa 40 bis 45 Ha für ihre Zwecke hatten, einschließlich Wald musste dazu sein...da gab's 13. Dann gab's noch die ganze Reihe ... eine ganz kleine Landwirtschaft, wo der Mann woanders gearbeitet hat und die Frau ein bisschen Landwirtschaft führte — die sind aber erst... die Häuslereien entstanden na ja... 1860 ungefähr... Vorher war Leussow praktisch als Hufendorf oder Angerdorf und diese Ecke gehörte zur Kirche.

M y l' n i k o v : Sagen Sie bitte, diese 40–41 Ha es war Pacht oder Eigentum?

S u e r b i e r : Ja, eigentlich hat ja früher das ganze Land dem Großherzog gehört. Und als Erbbauer sind sie erst gewonnen so 1870 also dass es ihr Eigentum war, vorher gehörte das eigentlich einem Ortpächter vom Großherzog.

M y l' n i k o v : 1870? Nach Vereinigung?

S u e r b i e r : Ja, 1870. Was für eine Vereinigung meinen Sie?

M y l' n i k o v : Deutschlands.

S u e r b i e r : Ja! Reich, Großreich war denn...aber... ja-ja. Ist eine schon bloß ... Geschichte seit 1860, aber hier in Leussow hat sich ja... die Flecken mussten neu vermessen und verteilt werden, also hat sich das bis 50 oder 70...

M y l' n i k o v : Und am meistens womit beschäftigten sich die Bauern: war es Viehzucht, Ackerbau oder... was?

S u e r b i e r : Ja, in Leussow war etwa von diesen 45 Ha war ungefähr 15 Ha Wald, also 15 Ha — Wald, grüne Fläche, echte Grünland bis zu 30 Ha... das war Ackerbau in Leussow. Und die die Viehwirtschaft erstens die Rinder, aber auch der Kartoffelbau war sehr stark hier auch bewiesen...und es wurden Schweine gemästet. Aber diese Geschichte mit der Schweinemast ich würde ja sagen erst im 20. Jahrhundert begann. Nach 1900–1920 erst verstärkt. Früher hat man ja hier Waldbetrieb, die Schweine wurden alle 'raus ja, und diese ... waren da in Waldbetriebe. Aber es war so ein bisschen anders. Und als der Kartoffelbau sich verstärkt eingesetzt hat, sind ja eigentlich leichtere Standorte, die in dieser Ecke... sonst ist Mecklenburg ja eigentlich Landgüter und so... Auf diesem leichteren Standort schlechtere Böden vertreten waren und war man der Meinung, das lohnt sich nicht den Bauern ä... zu... na ja, Bauern legen oder so... Deshalb haben sich hier auf diesem leichteren Standort diese bäuerliche Wirtschaft erhalten.

M y l' n i k o v : Sagen Sie, wann war hier in dieser Gegend Leibeigenschaft abgelegt?

S u e r b i e r : Die letzten Leibeigenen waren hier... die waren immer in bestimmten Verhältnis standen diese Bauern hier in dieser Ecke, sie standen immer in bestimmten Verhältnis zu Großherzog. Also aber so direkt wie auf den Gütern die hatten ja, die Bauern hier hatten ja immer wenigstens schon eigene Wirtschaft: ihm gehörten zwar Land nicht aber sie hatten eigene Wirtschaft.

M y l ' n i k o v : Und auf den Gütern?

S u e r b i e r : Auf den Gütern hatten sie gar nichts. Höchstens eine Bude. Sie mussten nur arbeiten.

M y l ' n i k o v : Die waren auch schon... Leibeigene? Bis bestimmte Zeit. Ich weiß, dass z.B. in Preußen Leibeigenschaft war ich glaube in 1807 abgelegt.

S u e r b i e r : Ja, hier ist das erst später, in Mecklenburg hat man 50 Jahre später so 1860 oder so hier... Sie sind ja praktisch solange bis 1860 als es losgegangen war bis hier in Leussow 70 eigene Bauern wurden. Die das Land bewirbeln konnten. Solange waren sie in bestimmten... Leibeigene oder Abhängige vom Großherzog. Denn hier so 'ne es... wenn... sie waren in bestimmten Verhältnissen... sind auch die Betriebe immer in Generation weiter vererbt. Auch Forsten. Das war ja bei den Leibeigenen oder so aber hier war der Großherzog oder die Ämter waren bemüht, die Familien auf den Betrieben oder auf der Wirtschaft zu vereinigen. Und deshalb wurden auch die Betriebe, die Wirtschaften damals so von Generation zu Generation ver... vererbt nicht, aber man hat dann einen Antrag gestellt beim Amt oder beim Großherzoglichen Amt, und die haben dann zum größten Teil immer entschieden, also der Sohn kann den Betrieb oder die Wirtschaft weiter führen. Sie waren so interessiert, die Leute so zu erhalten. Denn auf den Gütern war es anders.

M y l ' n i k o v : Und zwischen Ihren Vorfahren waren Leibeigene?

S u e r b i e r : Ja, ich verstehe nun die Frage nicht ganz richtig. Die waren ja auch, die sind hier 1660 hiergekommen irgendwie, haben hier einen von diesen wirtschaftlichen Wüstland oder Brachland in Bewirtschaftung übernommen. Haben dafür die Steuer an das Amt Grabow beim Großherzog bezahlt praktisch und so war von Generation zu Generation weitergegangen. Bei den Vorfahren war ein eigener Betrieb. Dieses Haus wo wir jetzt sind das hat einer von den Brüdern dort übernommen, der... hier war ja bloß 8 bis 10 Ha hier bewirtschaftet und der war ja ein Schneider. Also diese Kleinbetriebe die konnten bei der Landwirtschaft alleine nicht... sondern es waren meistens so noch Handwerker. Hier der eine der war ... der eine war Tischler, dieser war Schneider. Und so hatten sie erst Kleinbetriebe... fünf von jeder Sorte und jeder hatte seinen Handwerk.

M y l ' n i k o v : Ich frage deswegen, dass vor 140 Jahre mein Großvater war ein Leibeigene. Als er noch klein war.

S u e r b i e r : Diese Leute hier, die im...im... die direkt... hier war ja keine Güter...der Guts...ä... dem Großherzog direkt unterstanden die haben sich im Prinzip nicht aus direkten Leibeigenen...

M y l ' n i k o v : Nu, ich meine, dass die Rechte, bestimmte Rechte konnte nicht

S u e r b i e r : Ja-ja, doch, das konnten sie. Soweit ich weiß, ja. Auf den Gütern war das anders, auf den Gütern war das teilweise anders, aber, weil dort die Güter, da hatte ja der Gutsherr auch die Gerechtigkeiten. Das war ja hier

anders. Es waren die Ämter und es war so ein Amtsrichter oder so, die dann bei dem Großherzog....

M y l' n i k o v : Hier meinen Sie in Leussow?

S u e r b i e r : In Leussow. Ja, alle hier der Herzog oder der Großherzog der war ja der grösste Eigentümer hier von Leibeigenen. Und diese Ländereien drauf oder Leussow und alle Orte unserer Ecke hier — ja, diese Boden gehörten praktisch ja alle dem Großherzog, nicht? Einem Gutsbesitzer.

M y l' n i k o v : Na ja. Und die Gerichte waren ä... sie gehörten auch die Gerichte dem Herzog?

S u e r b i e r : Ja, dem Herzog. Der Groß-... das war ja Mecklenburg oder des Gebietes dem Großherzog waren ja Ämter unterteilt...

M y l' n i k o v : Nu ja.

S u e r b i e r : ...und die Verwaltungsämter. Und hier Leussow diese Ecke gehörte zu Grabow, zu Hagenow. Ludwigslust als Kreis ist ja später entstanden.

M y l' n i k o v : Ja, und in die Güter wahrscheinlich in diese frühere Zeit die Gerichte gehörten an den Gutsbesitzer?

S u e r b i e r : Ja.

M y l' n i k o v : Ja, das ist normal, das war überall in Russland und in Mitteleuropa.

S u e r b i e r : Ja, es war überall so. Aber hier... hier war die Gerichtsbarkeit also die Leute unterstanden dem Großherzog, weil hier keine Güter waren. Der war der oberste Chef.

M y l' n i k o v : Nu ja, das war schon administrative System.

S u e r b i e r : In gewisser Hinsicht waren es auch Leibeigene des Großherzogs, die hatten aber ... Rechte als die anderen. Weil sie ja im... sie brauchten ja praktisch die Leibeigenen so mussten vorher oder erst mussten sie ja ä...sowas alles leisten für ä... Und hier brauchte man ja groß für die Gemeinde also für das Territorium bestimmte Dienste leisten. Brückenbau oder Straßen in Stand setzten.

M y l' n i k o v : Na ja, ja-ja. Und sagen Sie bitte, welche Professionen waren bei Ihren Vorfahren am meistenteils, diese Schaf..., was machten sie, mit Schafen etwas oder Kühe oder was? Ihre Vorfahren und ihre Professionen.

S u e r b i e r : Ja... Na ja, das ist ja schwer zu sagen. Ist ja Kleinbetrieb, die hatten 4–5 Kühe, 2 Pferde so zwei Pferde, auch manchmal drei Pferde, bis vier Pferde, 5–6 Kühe, Milchkühe, geht das Jungvieh dazu und dann hatten sie so 2–3... die Sauen, sagen wir, ja? Die Zuchtsauen, mit denen ... auch Schweine. Also bis zu 15–20 Schweinen.

M y l' n i k o v : 25, ja?... Und Pferde sagen Sie, 3–4?

S u e r b i e r : Ja, drei-vier Pferde.

M y l' n i k o v : Fünf Kuh, ja?

S u e r b i e r : Aber das waren die grösseren Betriebe, die Klein...die hatten immer weniger. Sehen Sie, das sind so ein Büdnerbrief. Sind die Flächen.

M y l ' n i k o v : Also, 13 und ä... R?

S u e r b i e r : ...Quadratruten heißt es, Quadratruten...

M y l ' n i k o v : Also, zu Haus und Haus und Hausplatz, also das sind 160 Ruten, ja? Quadratruten, so ä... Garten — 545 ä... Acker...was ist Acker?

S u e r b i e r : Acker ist bestellt, was unter dem Pflug ist praktisch. Gepflügt und bestellt.

M y l ' n i k o v : A, Acker, Acker! Ja!

S u e r b i e r : Und alles Grünland ist Wiesen und Weiden. So dass... das sind immer so...dies ist zum Beispiel von 1835. Das sind teilweise Testamente, also die von einer Generation zur nächsten geschrieben wurden. Der erste geht von 1808 glaube ich, und hier ist aufgeführt... eine... 1800. Ist ja von dem einen zu dem anderen übergegangen.

M y l ' n i k o v : Und wie war es in DDR-Zeit? War es gültig oder nicht?

S u e r b i e r : Na ja, diese Leute, die hier waren ja... die sind dann zum Amt nach Grabow gegangen und ... Damit waren auch gleichzeitig hier... so teilweise so'n Siegel mit drauf gewesen.

M y l ' n i k o v : Und später war hier schon Genossenschaften?

S u e r b i e r : Zu dieser Zeit wurden... waren ja so... die Rinder wurden gemeinschaftet bei den Betrieben, die Schafen auch und die Schweine auch. Es waren bestimmte ... angestellt und gab's ä... bestimmte Flächen wurden dann als Gemeinschaftsflächen ausgenützt. Und waren zugeteilt, also da konnten die gemeinschaftlichen Kuhherde, so durfte man ä... jeder eine oder zwei Kühe ä... durfte dort geweidet werden.

M y l ' n i k o v : Herde blieben Eigentum?

S u e r b i e r : Das Vieh war Eigentum.

M y l ' n i k o v : Und haben es solche Dokumenten alle Bewohner von Dorf oder bloß Sie, weil Sie ein Interesse dazu haben?

S u e r b i e r : Ja, ich hab' dann... nee, viele haben sowas nicht. Ich hab' Glück, dass sie bei uns irgendwie nicht verloren gegangen sind. Gehabt hat jeder sowas, aber... durch die Brände ist es auch teilweise verloren. Einige haben sich darum nicht gekümmert und haben's weggeschmissen. Es... aber es liegen Abschriften im Archiv in Schwerin. Alles, was damals urkundlich gemacht wurde, ist auch ins Archiv gekommen. Also wenn Sie sowas bestimmtes suchen, also Urkunden, so sind sie auch in Schwerin, im Landeshauptarchiv zu finden.

M y l ' n i k o v : Und wie viele Leute in Ihrem Dorf sind wirklich heute Bauern?

S u e r b i e r : Keiner.

M y l ' n i k o v : Keiner. Und was tun diese...was tut diese Bevölkerung? Arbeitet in andere Städte, an der Betriebe oder was?

S u e r b i e r : Die Flächen sind ä... es gibt noch eine so Nachfolgebetrieb, die ehemalige LPG. Die Genossenschaft, ein Betrieb, der die Hälfte der Flächen

hier bewirtschaftet. Etwa 300 Ha. Und die anderen Flächen sind an zwei Privatwirtschaften übergeben. Leussow ist keine... Es ist ja recht schwierig, unter den Bedingungen die Landwirtschaft anzubauen.

M y l ' n i k o v : Und sagen Sie, diese neue Häuser, die hier stehe, die wiederholen solche Typ, welche vordem war oder sind sie schon ganz neu?

S u e r b i e r : Ja, diese Häuser, die so wie dies, das ist so ja nach Anfang 1933–34... Sind fast alle, fast alle Häuser, die hier so etwas in der Ecke sind und hier drunter — die sind alle zu dieser Zeit gebaut worden. Es war ja immer so, in dieser Ecke vorher, ich weiß nicht, Sie sind in Laupin schon gewesen?

W i r : Wir wohnen dort!

S u e r b i e r : Und da ist so ein altes... altes schönes Haus, also... Und solche Häuser waren hier auch bis in den 20-er Jahren. Man sagt dann immer, oder man erzählt hier, zu diesem Zeitpunkt war es recht günstig, solche Häuser zu bauen. Sie waren gut versichert, feuerversichert und einer hat sein Haus angebrannt, angesteckt, ist aber 'rausgekommen und die Strohdachhäuser, wenn ein bisschen es kam, der Wind auf, dann ist gewiss nicht ein abgebrannt, sondern fünf-sechs Stück. Und so sind hier in dieser ganzen Ecke die ganzen alten Häuser verschwunden. Teilweise... wohnen sie aber... ich kenne auch ein paar Häuser, die nicht alle abgebrannt, teilweise wohnen sie dann auch noch, es sind neue Häuser gebaut worden und diese alten Häuser wurden dann als Wirtschaftsgebäude benutzt. Das heißt als Stall oder Scheune.

M y l ' n i k o v : Sind sie aus Holz, diese alte Gebäude?

S u e r b i e r : Die waren aus... aus Fachwerk, mit Strohdach oder Schilf und waren dann mit ä... na, wie soll ich sagen, mit so 'n, es war so geflochtenes zwischen den Balken, waren solche kleinen Ständer und die waren mit Holz geflochten und dann mit Lehm, mit Lehm ausgeschmiert praktisch.

I v a n o v a : Was wissen Sie von dem Haus in Laupin, von dem alten?

S u e r b i e r : Dies ist altes Ding, das... ich weiß, ich kenne die Besitzer noch, die da drin, denen es gehört hat, die sind gestorben. Zu langer Zeit...

I v a n o v a : Wie hießen sie? Die Besitzer?

S u e r b i e r : Der Besitzer hieß Hans Lüth. Der ist schon lange gestorben...

Es gibt ja noch, wenn Sie noch irgendsowas sehen wollen, wie das früher die Häuser waren, waren Sie schon in Schwerin? In den...

I v a n o v a : Freilichtmuseum Schwerin-Mueß?

S u e r b i e r : Freilichtmuseum, ja? Ja.

M y l ' n i k o v : Nicht alle, aber ich und Frau Ivanova. Sagen Sie bitte schön, wie kann man erklären: ich habe viele Häuser gesehen, die in Technik Fachwerk gemacht sind, aber aus Ziegelstein. Da steht Ziegel, da Holz, da wieder Ziegel. Warum ist es so, Holz kann nicht so lange stehen, wie Ziegel, ja? Warum macht man zwischen diesen Wänden, welche aus Ziegel gemacht sind hölzerne solche Bretter?

S u e r b i e r : Nee, es ist anders. Ursprung dieser Häuser war in Fachwerk gebaut, man hat denn teilweise den Lehm-...ä...-dinge ´rausgehaut und neu mit Ziegelsteinen ausgemauert, diese Fachwerke.

M y l ´ n i k o v : Ach, so, alte Konstruktion, aber anstatt Lehm legt man Ziegel.

S u e r b i e r : Ja, alte Konstruktion. Und auch noch anders: man hat in jüngeren Zeit denn noch Fachwerkhäuser neu gebaut und gleich mit Ziegel ausgemauert. Denn diese Häuser... na ja, diese hier sind wohl Hundert Jahre alt, aber ... stand ja auch ein altes Strodachhaus...Andere Häuser hat ja gar nicht.... Meist immer mit ´ner langen Diele, ohne Schornstein, als Rauchhaus...

I v a n o v a : Wurde das alte Haus in Laupin in der letzten Zeit als Scheune gebraucht oder war das ein Wohnhaus?

S u e r b i e r : Da wohnen, glaube ich, immer noch Leute drin, solange ich es weiß. Da wohnen jetzt auch noch.

I v a n o v a : Nee, die alte Scheune meine ich. In der Ludwigsuster Straße in Laupin, altes Haus, das 1651 gebaut wurde. Das steht auf der Fassade.

S u e r b i e r : Ja. Da wohnt keiner mehr drin?

I v a n o v a : Nee. Da ist alles verstaubt und mit Spinnweben bedeckt, wir waren neulich dort. Da steht noch nur ein alter Schrank, ein alter Stuhl und die Decke ist...also liegt da unten auf dem Fußboden.

S u e r b i e r : Das so genau weiß ich es auch nicht, aber meiner Meinung nach, bis vor 10 Jahren waren die Leuten noch drin.

I v a n o v a : Und zu den DDR-Zeiten?

S u e r b i e r : Da waren zwei ältere Frauen oder so? Ich... genau weiß ich es nicht, aber wenn man im Nachbarort ist, dann ist man auch nicht so genau über alles informiert. Ich hab´ mich auch nicht so dafür interessiert.

M y l ´ n i k o v : Und wer waren Sie, als Sie arbeiteten?

S u e r b i e r : Ich hab´ die Genossenschaft geleitet, die Landwirtschafts-genossenschaft.

M y l ´ n i k o v : Sie waren Leiter? Das ist interessant, weil ich stelle schlecht vor, wie war es damals in DDR-Zeit? Hat man...ich weiß in Tschechoslowakei war so: also die Leute bekamen Geld einerseits soviel, soviel sie arbeiteten und andererseits für ihre Erde, wer gab Erde in Genossenschaft, die bekamen, nu so ist gewisse Rente kann man sagen...

S u e r b i e r : Na ja, hier war es eigentlich auch so, hier wurden praktisch ausgerechnet auch Stundenlöhne bezahlt, also Lohn, bekam man auch Lohn und am Jahresende gab es auch für die eigenen Brachboden also der Boden ist ja nicht eigen, der ist ja Eigentum der LPG. Sie konnte ihn auch verkaufen, aber wurden praktisch vererbt, aber praktisch..... es wurden Grundstücke gebaut als Grundstücke. Sie haben dann hier so die Genossenschaften 25 Mark pro Hektar als Rente bekommen.

M y l ' n i k o v : Mich interessieren zwei Momente: wie viel Milch bekommen damals oder heute pro Jahr von eine Kuh?

S u e r b i e r : Ja, so, so zu DDR-Zeiten oder zu unseren Zeiten haben wir immer gesagt, die Kuh musste so bei 4000 Liter Milch geben. Und heute kaufe ich Kuh, die 6000 gibt.

M y l ' n i k o v : Es wundert mich, weil ich dachte, dass hier macht man mehr. In Leningrader Gebiet ist so mittelbar 7 Tausend.

S u e r b i e r : Ja, ja, ist auch schon über... praktisch ja...ich hab bei den 6 Tausend und und unter 6 auch nicht. Es gibt ja in der Regel wie die auch jetzt schon so: 6800 oder 7000 im Durchschnitt. Aber es gibt ja eben Kühe die neun Tausend oder achttausend geben. Und es gibt auch paar... bloß alle Kühe in der Regel, die unter 6000 Liter geben, die im Bestand nicht mehr gehalten werden.

M y l ' n i k o v : Einige Wirtschaften schon ä... Wirtschaften bekommen bis zehn...Tausend.

S u e r b i e r : Ja, das sind, das gibt's hier auch, aber das sind meistens Zuchtbetriebe, die so spezialisiert sind auf dem, ä... was ich gesagt hab'. Und aber sehen Sie mal, ob ein Betrieb bekommt höher als der andere Betrieb. Sie haben meistens ein sehr schneller Umschlag, d.h. die Kühe werden groß zwei Jahre. Die müssen dann die Reproduktion...das heißt....

M y l ' n i k o v : Ach so, nur drei Jahre. Und dann gehen sie nach... nach Fleisch?

S u e r b i e r : Drei Jahre werden sie gemolken.

M y l ' n i k o v : Wissen Sie, ich erinnere jetzt solch ein Witz aus sowjetischer Zeit über die Getreide: wie viel Zentner pro Hektar bekamen Sie damals und heute, zum Beispiel, ich weiß nicht, Brot, ä... diese Hafer oder...

S u e r b i e r : Roggen oder Weizen?

M y l ' n i k o v : Ja, Weizen und so weiter?

S u e r b i e r : Ja, Weizen wurde hier... leider nicht so viel Weizen angebaut.

M y l ' n i k o v : Hier ist schlechte...Sand, ja?

S u e r b i e r : Roggen...ä... Hauptfrucht war hier... die kleinen Flächen wurden mit Weizen und Gerste besät, aber überwiegenden Teil... also die ausgesuchten Flächen, die besseren Böden mit Weizen und Gerste und so Durchschnitt also mit Roggen... Ja wenn wenn... damals viel war denn war's so 35 bis 40.

M y l ' n i k o v : Das ist Doppelzentner?

S u e r b i e r : Doppelzentner.

M y l ' n i k o v : Ja, das ist normal für solche... Heute auch dasselbe?

S u e r b i e r : Nee! Heute ist mehr. Über fünfzig.

M y l ' n i k o v : Warum? Weil man braucht neue Technik und neue Technologien?

S u e r b i e r : Teilweise neue Sorten, neue Sorten, der Düngeraufwand ist höher, Chemieaufwand...

M y l' n i k o v : Und ich habe in Mitteldeutschland, ich meine...

S u e r b i e r : ...jetzt ist 70–80 dz {deutsche Zentner} oder mehr.

M y l' n i k o v : ...dort neben Braunschweig ich habe eine große... mit zwei Großbauern gesprochen: mehr als Hundert. Hundertzwanzig sogar.

S u e r b i e r : Ja. In der...in der ä... Braunschweiger Ecke dort der Boden... das ist aber nicht zu vergleichen.

M y l' n i k o v : Da ist schwarze Erde. In Ostholstein, in Ostholstein, habe ich auch gesprochen, er sagte mir, nicht mehr als Hundert, aber etwa achtzig.

S u e r b i e r : Ja, die Sumpfböden hier in Mecklenburg auch zu achtzig so wie Schleswig-Holstein, und hier die Ende — die sind so 50 bis 55 sind die leichteren Standorte...

M y l' n i k o v : Und auch Zuckerrübe.

S u e r b i e r : Ja, Zuckerrüben is... ist hier eigentlich gar nicht Gebiet, sondern...

M y l' n i k o v : Nein, ich meine dort in Ostholstein.

S u e r b i e r : Ja, da war Zuckerrübe... all ' raus...da kenne ich mich nicht so aus... weiß ich nicht Bescheid. Ich weiß Kartoffel, das wir auch hier 300 dz hier Ernte 350...so heute man 450 oder so ernten muss, aber die Zuckerrübe glaube ich nicht...

M y l' n i k o v : Sagen Sie bitte, in Genossenschaften haben Sie diese... Spargel gepflanzt?

S u e r b i e r : Ja, in... in Vielank... ja, in Vielank hier da war auch den Spargel, aber in Vielank hier, in Alt Jabel, ich weiß nicht, ob Sie in dieser Ecke waren da, dort ist der Spargel und dann in LPG Ludwigslust, die LPG Lüblow und so... die hatten auch Spargel. Es gab Betriebe. Auch Genossenschaften.

M y l' n i k o v : Ach, Genossenschaften, ja? Interessant. In Russland war es anders, war Spargel vor der Revolution, noch in zwanzigste Jahre, aber als sie Kolchosen bauten, war es, weiß ich nicht warum, aber war...

{ЗaписЬ прервана}

S u e r b i e r : Es war so... die so die Fasern hatte, die war so ein bisschen krumm und so und man diese glatten Fasern wollte man ja zum Spinnen haben. Und dazu ist das Zeug. Man hat dann erst durchgezogen, diese 'aufgehaut und durchgezogen.

M y l' n i k o v : Und also da war früher andere noch Gerät?

S u e r b i e r : Nein, nein. Nur so.

M y l' n i k o v : Nur das. Und wie macht man es, ich hab' nicht voll verstanden? Also, man nimmt Lein, ja?

I v a n o v a : Flachs.

S u e r b i e r : Flachs. Erst... Flachs wird ja gesät... angebaut. Gerupft, also 'rausgezogen und in so 'ne kleine Bunde...

I v a n o v a : Leinen ist nur Stoff, ne?

S u e r b i e r : Ja, Leinen ist Stoff. Musste man so 'ne...

F r a u S u e r b i e r : Handtuch oder so...

N o v i k : Все равно, был еще гребень к этому...но это и так. Мужчины не занимались льном, они не знают, была еще такая, такой же гребень с ручкой.

S u e r b i e r : ...dass man glatte Fasern hatte... Der Faserlein ist ja außen mit so 'ne Hacke genommen werden und dat hat man erst... dat bricht, hat man in den Boden gebracht. Und dann hat man so 'ne Brechmaschine, nee, Maschine ist das auch nicht, mit der Hand — es war so 'n so 'n... Balken und Bock und das war so ausgerollt, dass man zwei scharfe Kanten hatte und in der Mitte so eben. Das hat man immer so durchgezogen und immer so 'runter. So. Aber dann war ja irgendwie krumm oder so, oder kraus und dann hat man die glatten Fasern hat man hier 'raufgehaut und durchgezogen.

I v a n o v a : Mit der Hand?

S u e r b i e r : Mit der Hand. Alles mit der Hand.

I v a n o v a : Haben Sie selbst beobachtet?

S u e r b i e r : Ja, nach '45... das hat meine Mutter noch gemacht.

N o v i k ; I v a n o v a : Sehr schön, sehr schön!

S u e r b i e r : ...selbstgewebt auch.

M y l ' n i k o v : Sie brauchte diese Gerät auch? Nein?

N o v i k : Ja, ja.

S u e r b i e r : Dieses Leinen, Leinen, wie soll ich noch so 'n , nee so 'n alten... den hat meine Mutter denn erst auch selbst gewebt...

I v a n o v a : Und selbst gestickt?..

M y l ' n i k o v : Monogramm. Wie nennt diese Gerät? Wie kann man es nennen?

S u e r b i e r : Ich weiß es nicht... Ich hab ja auch fünfzig Jahre nicht, ich hab' ja auch nicht damit zu tun gehabt. Nach 1945, nach dem Krieg...

M y l ' n i k o v : Bitte schön, Frau Suerbier, wie nennt sich das, Ihr Mann hat vergessen?

F r a u S u e r b i e r : Ich weiß es nicht! Ich bin noch jünger.

M y l ' n i k o v : Aber man kann es beschreiben. «Ein Gerät für...» Wozu, wie es beschreiben?

S u e r b i e r : Ja, für...für die, für die...Faser... nee. Für die... für Reinigung der Fasern irgendwie?

I v a n o v a : Für die Reinigung der Fasern?

S u e r b i e r : Und und Glätten, Glätten wollen wir sagen erst...dass die Fasern grade wurden so...

M y l ' n i k o v : Für die Reinigung...

S u e r b i e r : ...und Glätten der Fasern. Fasernleinen. Es gibt ja Ölleinen und Fasernleinen. Dass die Fasern so grade sind...

M y l ' n i k o v : Woraus besteht es, aus Ihrem Dorf oder ?
 S u e r b i e r : Das haben sie früher selbst hergestellt.
 M y l ' n i k o v : So, ungefähr in welchem Jahr konnte es gemacht? Wahr-
 scheinlich nach dem Krieg?
 S u e r b i e r : Nee, dies ist alt. Dies ist alt, dies ist vorm Ersten Weltkrieg.
 M y l ' n i k o v : So Anfang 20-ster? Es ist sehr guter Geschenk.
 I v a n o v a : Wofür sind die Löcher hier?
 M y l ' n i k o v : Und ä...
 S u e r b i e r : ... an die Wand, an die Wand...
 M y l ' n i k o v : ...и это Handtuch тоже, да?
 N o v i k : Handtuch? Nein.
 M y l ' n i k o v : Nein?
 S u e r b i e r : Das ist Handtuch, ja, das ist Handtuch.
 N o v i k : Handtuch — это полотенце. Handtuch, ja?
 S u e r b i e r : Das ist so für Sie beide, alles selbst, alles selbstgesponnen, also
 mit'm Spinnrad, und dann nachher gewebt.
 I v a n o v a : Gewebt auch selbst?
 S u e r b i e r : Ja... Und dann wurde das gebleicht und dann wurde so 'n Roll
 Leinen. Irgendwie für Säcke und so... die hat man ja alle, alle selbst...
 M y l ' n i k o v : Können Sie vielleicht uns ein Stück abmachen?
 F r a u S u e r b i e r : Ja! Gerne, gerne.
 M y l ' n i k o v : Wie ein Muster.
 F r a u S u e r b i e r : Wollt ihr auch ein Handtuch mitnehmen?
 I v a n o v a : Ja, gerne!
 N o v i k : Ja?! Gern!!
 M y l ' n i k o v : Wer hat es gemacht?
 S u e r b i e r : Das hat meine Mutter gemacht. 19... so 1920 ungefähr. So in
 den 20-er.
 F r a u S u e r b i e r : ... mit dem... EP, steht das.
 S u e r b i e r : Else Prosch.
 I v a n o v a : Else Prosch?
 N o v i k : Else Prosch?
 M y l ' n i k o v : Wie schreibt es? Else Prosch?
 S u e r b i e r : Ja, das ist Muttername von... der ist Mädchenname von meiner
 Mutter. Hä-hä...
 M y l ' n i k o v : In zwanzigste Jahren, ja?
 G r i n f e l d : Hat sie es gestickt, noch als sie nicht geheiratet war oder?
 S u e r b i e r : Ja. Es war als Aussteuer, verstehen Sie? Wenn man geheiratet
 hat, musste man so was mitbringen in die Ehe.
 I v a n o v a : Hat man damals selbst die Aussteuer vorbereitet?
 S u e r b i e r : Ja. Ja. Es war ja in den 20-er.

M y l' n i k o v : Und diese Leinenwand, was jetzt Ihre Frau zeigte, es war von Ihrer Mutter?

S u e r b i e r : Ja. Gesponnen, und solche Sachen haben sie alles gemacht so früher.

N o v i k : Нити сама сделала, да?

S u e r b i e r : Ja-ja, es hat irgendwie Decke bekommen,... aber schön... Aber so alles gemacht, ja...

N o v i k : Spinnen — это «прясть»?

I v a n o v a : Угу. А Weben это «ткать».

{die Aufnahme wird unterbrochen}

{Ende des Interviews}

Фотодневник

F-3. В-1 Гребс. Дом Бётхеров. Шкаф в прихожей дома, где выставлены находки в раскопках около деревни Гребс. Хозяин дома участвовал неоднократно в раскопках славянских городищ в регионе.

F-3. В-2 Гребс. Марга Бётхер в народном платье перед входной дверью.

F-3. В-4–5 Гребс. Пасека Ханса-Ульриха.

F-3. В-7 Лёйссов. Херберт и Эдда Зуербир в эркере своего дома. Дом Зуербиров находится в части деревни, называемой Büdnerdorf, бывшая Büdnergei с поперечным въездом в сени (Querdiele). Эркер с зимним садом. Построен на месте бывшего въезда в *dille*. Это один из примеров современного переоборудования старых крестьянских домов.

F-3. В-8 Лёйссов. Дом Зуербиров. Фрагмент оформления интерьера кухни. На стенном стеллаже — старинная фарфоровая кухонная посуда из наследства. Букеты и композиции выполнены самой хозяйкой.

F-3. В-10 Лёйссов. Евангелическая церковь прихода Лёйссов. Вид внутреннего убранства.

F-3. В-13 Лаупин. Фрагмент кладки фахверка на доме № 13. Хорошо виден старый способ заполнения межбалочных пространств: плетение из прутьев заполняют глиняной смесью.

22 сентября, пятница

Из дневника Мыльников

Утро туманное, утро седое: именно так сегодня. Едем к 10 часам в деревню *Alt Kaliß*, где нас ожидает **Hans-Joachim Bötefür**. Ему под 80 лет. В прошлом старший школьный инспектор (*Schulmeister*), сейчас на пенсии, но продолжает свои увлечения прошлым этих мест. У него имеется большая, собранная им краеведческая коллекция, кроме того, он серьезно интересуется этнографией и славянской генеалогией. Открытый, интеллигентный человек высокого роста. Войдя в его дом, я почувствовал себя в привычной обстановке: повсюду книжные стеллажи и полки, масса литературы лежит на стульях и столах, в коридоре и соседней комнате экспозиции по истории, ботанике, геологии, в углу кабинета стоит ксерокс. Круг его научных интересов широк, но приоритетно направлен на территорию округа *Maliß*, ранее входивший в округа *Dömitz* и *Eldena*. Беседа с ним записана на магнитоленте. (Небольшое отступление: поначалу мы решались записывать интервью лишь с предварительно полученного разрешения. Однако, когда молва о нас распространилась по деревням, информанты не просто охотно соглашались, но в ряде случаев даже просили записывать беседу на магнитофоне.) Возвращаясь к встрече с Бётефюром, отмечу интересную деталь. У Юли разболелся палец, о чем она ему между прочим сказала. Он взял ее за руку и проделал какие-то процедуры (?). Сказал, что в его роду были знахари (*Wissende*), т.е. народные целители. Есть они и теперь, но адреса и имена он дать отказался, поскольку об этом с посторонними говорить не принято. Бётефюр пояснил, что речь идет о т.н. белой магии, владение которой передается по цепочке от мужчины к женщине, от нее снова к мужчине и т.д. В этом отличие от злой (черной) магии. Для нас эта информация открыла совершенно неожиданный аспект полевой деятельности, о существовании которого мы не задумывались. Юля этим основательно заинтересовалась, и впредь мы стали задавать вопросы и о народном врачевании. В какой мере оно восходит корнями к наследию вендской традиционной культуры — говорить пока преждевременно: одним из условий ответа на этот вопрос должно быть сравнительное рассмотрение этноисторической ситуации в разных землях Германии. Во всяком случае, объяснять феномен *Wissende* лишь плотностью учреждений местного здравоохранения едва ли убедительно. Под конец беседы хозяин подарил нам с правом цитирования часть его *неопубликованного* труда «*Die alten Orts- und Familiennamen zu den Dörfern des Amtes Malliß*». Я специально попросил высказать мнение о связи между культурой и климатом — он этим тоже занимается и обещал выслать материал. Мы договорились, что еще раз встретимся с ним.

Уже состоявшиеся беседы плюс мои прошлые наблюдения по Вендланду (1995) позволяют сделать примечание для развития этнографического изучения в дальнейшем. Это касается специфики этнического самосознания в Северной Германии. Очевидно, что жители Вендланда (и не только коренные, но и пришлые) выделяют себя именно по территориальному признаку. В Ябельхайде подобное не ощущается, хотя раза два–три я слышал в разговорах, как Ябельхайде причисляют к Вендланду, воспринимая обе территории как просто левый и правый берега Эльбы. Изредка такое мелькает и в краеведческой литературе. Но чаще в последние десятилетия, особенно в туристических целях, для обозначения территории Ябельхайде употребляют термин *Griese Land / Gegend*, хотя, строго говоря, полного совпадения границ того и другого обозначения нет. В любом случае здесь видится проявление локального (территориального) самосознания. В какой мере в него включаются славянские рудименты? Обычное население, занятое повседневными делами, об этом вообще не думает. Но кое-кто своим вендским происхождением (если это коренные уроженцы) интересуется. Таких все же мало, а если и есть, то чаще всего они принадлежат к местной интеллигенции. Многие жители уходят на заработки и на жительство в города, порывая связь с прежними местами рождения и проживания. События войн (выделяются 30-летняя, объединение Германии 1870 г., вторая мировая с массовым переселением немцев из Калининградской области) вели к межэтническому и внутриэтническому (разные немецкие земли, диалекты) *смешению*. Все это, усиленное объединением Западной и Восточной Германии (*Wende*), ведет к новой интеграции немецкоязычного населения, в состав которого постепенно вливается потомство выходцев из третьего мира, легально и не очень обосновавшихся в Германии. Эти мысли надо будет развить в дальнейшем.

Из дневника Ивановой

В 10 утра мы уже у господина Ханса-Йоахима Бётефюра в Калиссе. Это деревня в нескольких километрах от Ной Калисса. А господин Бётефюр — местный краевед, коллекционер, управляющий местным краеведческим музеем. У Бётефюра большой дом, где кроме собственно квартиры расположены залы музея с его естественно — научными и геологическими коллекциями. Было очень приятно общаться с Хансом-Йоахимом, он был конкретен, эрудирован, краток и предельно вежлив. Но это была не та немецкая необходимая вежливость, за которой может стоять все, что угодно — вплоть до недовольства или даже раздражения собеседником. Напротив, чувствовалось невероятное дружелюбие и искренность друга.

Ханс-Йоахим Бётефюр в последнее время увлекся климатологией и особенно историей местности Гризе Гегенд — славянским происхождением

микротопонимики и т.д. Поделился с Александром Сергеевичем своими соображениями по поводу обусловленности культурных типов и совпадению государственных границ с границами климатических зон и тектоническими разломами и прочими геологическими особенностями регионов.

В 12 часов мы снова в Лаупине. Сегодня же мой день рождения, между прочим! И мне 25 лет. У Бётефюра мы были без Саши Новика — он готовил дома для меня праздничный стол. Мы позвали на обед пастора Туттаса, который успел стать нашим добрым другом, с семьей. Но пришли не все, а только сам пастор Туттас да его сынишка, который все время молчал и стеснялся. Пастор вручил мне трогательный букет осенних цветов из своего сада, конфеты и церковный календарь с дарственной надписью. Простенько и приятно. Через полтора часа молчаливого поедания приготовленного Сашей обеда гости ушли (у пастора много дел в пятницу), а мы едем в Лулу! Искать мне подарок, бродить по улицам, встречать с поезда Хайко.

В подарок себе я купила фотоальбом «Мекленбург–Передняя Померания» и огромное количество разных свечей. Позвонила родителям, поздравила их со своим днем рождения, как положено, и после возвращения домой выпили по стаканчику самогона из Белоруссии.

Из дневника Новика

Сегодня мы отмечали день рождения Юли Ивановой. По этому случаю я провел весь день дома у плиты. Мои коллеги выезжали сегодня по экспедиционным делам.

На день рождения мы пригласили пастора Туттаса с семьей. Он с радостью принял приглашение. Было видно, что ему интересно посетить наш дом и отметить праздник.

Все угощение было на мне. Я сделал следующий стол. Приготовил курицу на протвене в духовом шкафу. Курицу обложилчищенным картофелем. Когда блюдо запеклось, получилось вполне презентабельно и вкусно. Сделал один салат, но в достаточном количестве. Предложили к столу сметки, которые привезли из России. Я испек пирог — традиционную шарлотку с яблоками и корицей.

В столовой накрыли большой овальной формы стол. Расставили посуду — тарелки, бокалы, салфетки. Посередине стола поставили вазу с цветами. Сервировка — наша сильная сторона. Этой козырной картой мы сражаем немецких гостей. Стол смотрится очень эффектно.

Ровно в назначенное время приехал пастор Туттас. Он приехал с сыном. Другие члены семьи не приехали. Пастор сказал, что они не могут. В руках у сынишки был большой букет цветов. Пастор сказал, что они нарвали его в собственном саду. Цветы осенние и разноцветные. Букет обернут в краси-

вую цветную бумагу. Мы его поставили на видное место, выразив восхищение красотой цветов.

Недолгий разговор на общие темы, а затем мы предлагаем сесть за стол. Пастор выражает восхищение красивой сервировкой. Читает молитву за столом, и мы приступаем к трапезе. Идея с курицей и картофелем пастору чрезвычайно пришлась по вкусу. Он сказал, что это здорово и чрезвычайно просто. Сметки были с интересом попробованы.

Из напитков мы предложили вина, сок, а также привезенный из Петербурга белорусский самогон, настоянный на лечебных травах. Самогон был крепостью приблизительно 60 °С, но вкус имел отменный. Напиток немецкому гостю понравился. Я отмечаю не в первый раз, что иностранцам нравятся всякие домашние эксперименты.

Речь зашла о самогоноварении. В Германии в прошлом также изготавливали в домашних условиях алкогольные напитки. Особо массово их начинали производить во времена экономических кризисов и в военное лихолетье. Однако государство, пытаясь защитить свои интересы, всячески боролось с самогоноварением. И политика эта менялась в зависимости от потребностей времени. Если в начале XX в. многие крестьянские семьи изготавливали в своих хозяйствах шнапс для домашнего потребления, то в суровые годы, последовавшие за первой мировой войной, государство вело борьбу с самогонщиками, чтобы обеспечить налоговые сборы за продажу алкоголя. После второй мировой войны также была вспышка приготовления горячительных напитков в домашних условиях. И власти уже ГДР стали бороться с самогоноварением. А затем люди стали жить экономически лучше, потребности в производстве дешевого напитка для собственного потребления отпали. Немцы перестали делать шнапс в домашних условиях. Законопослушным немцам не надо было уже нарушать и закон. Да и государство спустя годы уже не преследовало за изготовление спиртного. Так, домашнее изготовление крепких алкогольных напитков не возродилось.

Беседа за столом была самой непринужденной. Приготовленного салата было много. В Германии не принята большая смена разносолов, поэтому наше угощение было весьма в немецком духе. Мы обратили внимание, что нашему немецкому другу очень трудно есть курицу с помощью ножа и вилки. Это уж дело привычки — ничего не поделаешь! Пастор посмотрел на нас, как мы ловко управляемся с курицей с помощью приборов, а затем отложил свой нож и вилку в сторону и взялся за курицу рукой. Это к вопросу этикета. Далеко не все даже образованные немцы владеют столовыми приборами, но не смущаются, а ведут себя естественно и непосредственно.

Пирог с яблоками вызвал восторг у гостей, и это было приятно.

Прием завершился на веселой ноте. Мы расстались с гостями в самом лучшем расположении духа.

Расшифровка записи беседы с краеведом Хансом-Йоахимом Бёте- фюром

B o t e f u r : ...das ist nicht so wichtig. Hier vielleicht noch mal speziell aus Conow, aus dem Ort, aber nach Zuhlsdorff {*ein bekannter Namenforscher im sudwestlichen Mecklenburg, Autor des «Zuhlsdorffschen» Flurnamenatlases*} ergänzt also, von Lisch und einige andere... von einem aus dem Nachbardorf.

M y l' n i k o v : Vor zwei Jahren ich habe alle Bänder dieser mecklenburgischen Altentümer weiter durchgesehen, ja. Alle, voll.

B o t e f u r : Von Lisch, uhu... ja.

M y l' n i k o v : In Berliner Bibliothek, und Witt und Lisch habe ich auch.

B o t e f u r : Kennen Sie. Ja, Witt ist ganz gut, an? Oder Witte.

M y l' n i k o v : Witte.

B o t e f u r : Witte, ja, ja. Aber der Witt, den ich hier zitiere, das ist nicht Witte. Das ist ein Bauer aus dem Nachbarort, hier, Witt, ist ja 1996 und Witt ist Witte ist ja aus {19}20-er Jahren. So, dies sind nochmals die Namen aus Conow und der interessant wäre für Sie vielleicht, welche slawischen Namen verschwinden im Laufe der dreihundert Jahre.

M y l' n i k o v : Ja, das ist wichtig.

B o t e f u r : Das können Sie anfangs diese aufbewahren. Mal sehen...

M y l' n i k o v : Ja, ja, ja.

B o t e f u r : So, die sind nochmals wieder slawische, dazu weil sie doch ersagten, auch diese Migration ja, während des Krieges oder während der letzten Kriegsjahre, wo die Deutschen aus den Ostgebieten hier eingesiedelt wurden,...

M y l' n i k o v : Ja...

B o t e f u r : ... die habe ich hier miterfasst, aber nur für den Ort Conow. Weil mich das wieder interessierte, weil aus dieser Gruppe eine ganze Reihe von Bergarbeitern gekommen sind. Aus dem Schlesiern. Deshalb finden Sie hier diese slawischen Namen auf.

M y l' n i k o v : Ich denke über diese Name immer.

B o t e f u r : Ja, Sie denken immer.

M y l' n i k o v : Das kann man, sehen Sie, «z» wie «c» und wie «s» auch lesen. Weil bei Slawen braucht man diese Buchstabe für «ze» nicht für «c». «C» ist normale «c» und «z» wird wie «ze», nicht «cet» sondern «zet».

B o t e f u r : Ja, ja-ja. Das ist von Lauer. Das ist 'n Volkskundler aus Schleswig-Holsteinischen. Habe ich aber auch hier, konnte ich Ihnen auch kopieren. So... hier wäre auch noch mal... sind einige so ganz unmögliche Namen, also, die schwer zu erklären sind, die habe ich aufgeführt, aber das können Sie alles lesen, müssen wir jetzt gar nicht alles hindurch...

M y l' n i k o v : Ja, das werden wir bestimmt lesen.

B o t e f u r : Ja, das sind noch slawische Namen, Zunamen: Bullup, Bussaker, Buskuhl, Brot. Ich habe doch noch zusammengestellt zum Teil nach Zuhlsdorff

oder nach dem Trautmann {ein berühmter Namenforscher der 1940–50-er Jahre, Autor der Ortsnamensammlungen von Mecklenburg, Ostholstein und Vorpommern}. Also, das ist nur ein Extrakt aus diesen ganzen Arbeiten, aber das ist eben ein Manuskript, ich musste das erstmal beiseite hacken, weil ich mich mit ganz anderen Dingen beschäftigen musste, es geht bei uns im Moment also um diesen Geburtstag 100 Jahre Bergverwaltung, das ist ja die...

M y l' n i k o v : Und sagen Sie, oder schreiben Sie besser, wie können wir zitieren diese Materialien, weil ich will gewiss Ihre Name...

B o t e f u r : Das können Sie zitieren, ja, das können Sie zitieren, das ist... aber wie gesagt, das ist 'n Arbeitstitel, das ist ja nicht publiziert, na? Sie müssen dann schreiben: unveröffentlichtes Manuskript.

M y l' n i k o v : Ja. Ja-ja-ja, aber wollen wir so machen: schreiben Sie mir hier in meinem Büchlein, hier, bloß, aber только bitte schon so deutlich.

B o t e f u r : Ja, ich gebe mir Muhe. Können Sie lesen?

M y l' n i k o v : Ja, ja.

B o t e f u r : Hier, alten Ort und Familienname. Also, Ort, also, Dorfname. Nicht Flurname, Familienname, ne?

{Abbruch der Aufnahme, das Interview ist aber nicht zu Ende}

Und das sind aber sehr viele slawische Namen dabei.

M y l' n i k o v : Hier schreiben Sie bis 1900. Aber interessant, in 20. Jahrhundert bleiben irgendeine slawische Namen? Oder schon nicht?

B o t e f u r : Bis 1900, ja. Dies ist nur die Liste, die ich also, eine Erfassungsliste, das ist erstmal ein Arbeitspapier. Ich will das jetzt aufgliedern — an einem Beispiel kann man das hier schon sehen — dass man die Jahrhunderte erst durchgeht, dass man sehen kann — meinetwegen, Bussacker, nich, der alte, hat sich erhalten in welchen Dörfern bis wann. Also Bussacker gibt es hier bis heute noch, also, der ist durchlaufig.

M y l' n i k o v : Das ist wichtig.

B o t e f u r : Ja, das wollen wir machen.

M y l' n i k o v : Und am Anfang 20-sten...

B o t e f u r : Nun mal kann ich alles am Anfang machen, das baut sich ja erst mit der Zeit auf.

M y l' n i k o v : Nein, ich bin... so bloß, einverstanden, ich denke auch so. Also, im Anfang 20. Jahrhundert war irgendwo in Deutschland, in Süddeutschland eine Arbeit Witte herausgegeben, «Slawische Reste» {es wird das Buch «Slawische Bevölkerungsreste im südwestlichen Mecklenburg», Stuttgart, 1905, gemeint.} und da war Herausgeber Tille, der schrieb so, dass... diese Karte und seine Arbeitszeit, dass man muss die Geschichte der Wenden in Deutschland bis Ende 19. Jahrhundert verlangen. Ich habe in Begründung unseren Plan als wir das aus DFG {Deutsche Forschungsgemeinschaft} bekamen, so dazu geschrieben, dass heute können wir sagen: es muss bis Ende 20. Jahrhundert verlangen.

B o t e f u r : Bis zur Gegenwart.

M y l' n i k o v : Ja. Deswegen, deswegen...

B o t e f u r : Bis zur Gegenwart. Ja, ja, das ist auch geplant. Nur, ja, wir haben so ein Begriff dafür, man den zweiten Schritt nicht vor dem ersten tun. Nich? Es muss dann immer suxessive sein.

M y l' n i k o v : Ja.

B o t e f u r : Ich wollte Ihnen nur noch mal zeigen, wie so ein Steuerregister aussieht. Das ist mal eine... ach, ich hab' noch sowas, konnte ich Ihnen geben — eine Festschrift zum Geburtstag von Karenz. Das ist das Dorf, wo ich Ihnen erzahlte, wo der alte Wanzka, der Wendenkonig begraben sein soll.

M y l' n i k o v : A, ja. Haben Sie nicht ein Exemplar?

B o t e f u r : Ja, ich hab', schenke ich Ihnen das. So, das ist etwas verkleinert, das Original ist etwas grosser, nich? So, das musste ich 'rein. Karnzen. Also, das sind die Schilling, nich, und die Pfennige, die man als Steuern bezahlen musste, dann, wie das mal umgerechnet, dann kommt daraus 0,5 %. Die sind also veranlagt worden, hier der Klaus Lemicke, nich, sein Gut geschätzt auf 32 Gulden, davon gibt er (so heisst es in der Übersetzung hier) drei Schilling und drei Pfennig. Also umgerechnet gibt es etwa ein Wert von 0,5 %, das ist aber wenig gewesen, das er da bezahlen musste. Und das sind jetzt diese slawischen Namen, sind die **Lemicke, Streul, Juche, Pandecke**, bei Geiste bin ich mir nicht sicher, aber **Pa-bel** auf alle Falle der Vorname, Martin Schroder, das ist also Deutsche, Hinrich Syte, da haben wir schon diese Geschichte mit dem Salz, Peter Niemann, das ist eindeutig deutsch, na? **Buchin** ist wieder vollig slawisch, aber ein'n deutschen Vornamen hat er — Achim, der ja auch durchläuft durch das ganze Mittelalter, ist 'n Heiligename, ne? Wegene ist wohl deutsch, und noch mal Wegene {*uberreicht die Kopie vom Steuerregister*}.

M y l' n i k o v : Schonen Dank!

B o t e f u r : Bitte!

M y l' n i k o v : Wissen Sie,...

B o t e f u r : So, sind wir soweit durch, das ist da haben wir mal 'n Übersicht, das überhaupt vor...

M y l' n i k o v : Herr Boterfur, ich bitte Sie, schreiben Sie, dass Sie es fur unsere Expedition schenken. Nu, bloß, an Erinnerung. Bitte schon.

B o t e f u r : Sie haben mehr davon.

I v a n o v a : Wir sammeln die Inschriften.

B o t e f u r : Wo soll ich das 'reinschreiben? In das Heft oder auf dem Zettel?

I v a n o v a : Ja, hier oben...

M y l' n i k o v : Ja, nein, wahrscheinlich, hier besser.

B o t e f u r : Hier, uhu... {*Abbruch der Aufnahme*}. Ne, das ware aber die erste Seite... und dann können wir gleich weiter machen, und zwar als Vorlauf

schon für... wenn Sie nachher ins Wendland gehen, da würde ich Ihnen empfehlen, jemanden aufzusuchen, der so reist, Axel Kahrs ist ein lieber Kollege vom Gymnasium in Luchow.

M y l' n i k o v : Uhu, ein Moment. Axel Kaas...

B o t e f u r : Kahrs, ja k, a, h, r, s. Haben Sie schon Adressen für das Wendland?

M y l' n i k o v : Ja, ja.

B o t e f u r : Ja.

M y l' n i k o v : Nu, nicht viel, aber ich kenne einige Leute.

B o t e f u r : Ja, kennen Sie Schwebe? In Diahren?

M y l' n i k o v : Schwebe? Wo ist er? Ich habe sein Buch sehr hoch geschätzt...

B o t e f u r : Ganz toll, ne? Fantastisch ist das.

M y l' n i k o v : ...aber wo, ich weiß nicht sein Biographie, lebt er?

B o t e f u r : Ja, ja. Kennen wir uns.

M y l' n i k o v : Nu, das ist!... A, nein, nein, ich habe noch... Ich war so entzückt, dass ich habe nicht Adress geschrieben.

B o t e f u r : Ja, viel kann ich nicht helfen, aber ein bisschen...

M y l' n i k o v : *{hustet}* Also, Ort und Jahr. Wo ist es herausgegeben? A, nein, nein, das muss ich unter Titel...

B o t e f u r : Wir machen das als Kopie.

M y l' n i k o v : A, danke schon!

B o t e f u r : Der läuft...*{Abbruch der Aufnahme}*. Der nannte Goethische Braulied, also, unser großer Goethe hat sich ja mit allem möglichen beschäftigt, und der hat ja auch eine Aufzeichnung von Herder verwendet, um ein Singspiel zu machen für den Hof in Weimar. Und eine Grundlage dafür ist ein wendisches Hochzeitslied. Das ist toll.

M y l' n i k o v : A, das, glaube ich, war bei Parum Schulze geschrieben.

B o t e f u r : Ja. Bei Parum Schulze ist das Lied. Dann brauchen Sie nicht zu haben.

M y l' n i k o v : Den Text habe ich.

B o t e f u r : Ja, dann ist gut. Denn können wir wiederum sparen. Aber das Buch...

M y l' n i k o v : Aber ich wusste nicht, dass Goethe hat den Text...

B o t e f u r : Ja, ja. Ja. Wenn Sie das, das können sie auch noch bekommen bei Axel Kahrs. Ich bin sicher, dass er noch einen Exemplar hat oder in der Bucherei. Und wenn Sie es nicht bekommen, ja... Sie wollen dann hier nochmal kommen, zu uns, dann machen ich Ihnen von diesem 'ne Kopie.

M y l' n i k o v : A, uns sagen Sie, Herr Axel Kahrs...

B o t e f u r : In Luchow wohnt er.

M y l' n i k o v : A, in Luchow.

B o t e f u r : Ja, in Luchow.
 M y l ' n i k o v : A, da werden wir kommen.
 B o t e f u r : Ja.
 M y l ' n i k o v : Wo wohnt Schwebe?
 B o t e f u r : In Diahren. In der Nahe von Clenze.
 M y l ' n i k o v : A, da war ich nicht.
 B o t e f u r : Nee, das ist hinter Lubeln noch.
 M y l ' n i k o v : Also, mit ihm müssen wir bestimmt zusammentreten.
 B o t e f u r : Ja. Ich wollte auch ein Termin machen, aber keine Zeit, keine Zeit. Ich muss mit 100 in Rente gehen. Ich bin schon weit über 70. Ah, ich hab' keine Zeit.
 M y l ' n i k o v : Also, Kahrs lebt in Lubeln?
 B o t e f u r : Nee. Ja, Kahrs lebt in Luchow. Er ist am... Gymnasium.
 M y l ' n i k o v : A, in Luchow. Ja. Und Schwebe?
 B o t e f u r : In Diahren.
 M y l ' n i k o v : Diarin? Di-a-rin?
 B o t e f u r : Ja... Diahren mit «h».
 M y l ' n i k o v : Diarinen?
 B o t e f u r : Nee. Diah-ren. Joahim Schwebe, Diahren. Di, a, h, r, e, n. Ja, genau. Mit «e». Das ist tolles Buch, fantastisch.
 M y l ' n i k o v : Ah, ja.
 B o t e f u r : Kennen Sie doch.
 M y l ' n i k o v : Da habe ich Kopie gemacht wir brauchen das Buch. Kaufen konnte ich schon nicht.
 B o t e f u r : Ne, das ist in Geschäfte nicht.
 M y l ' n i k o v : Ich suchte ja, ich suchte in Antiquariat, aber es war... da habe ich in Berliner Bibliothek fast... nicht alles, Beilage habe ich nicht gemacht, aber den Grundtext habe ich kopiert.
 B o t e f u r : Ja, also, das kann man nicht hoch einschätzen, es 'st ja 'ne auf Deutsch gesagt, bei uns, ja eine Saurarbeit hier.
 M y l ' n i k o v : Und hat er später noch etwas geschrieben, nein?
 B o t e f u r : Kann ich nicht sagen, ich hab'ja eben auch nur das Geschenk hier, und keine Zeit mich mit ihm zu beschäftigen, weil ich das erstmal wieder weglegen musste, ich musste erst anderes machen. Zwischendurch kam wieder Botanik, das musste erstmal wieder fertig, Flächen und Boden.
 I v a n o v a : Die Kollegen aus dem Wossidlo-Archiv sagten mir, dass er nichts mehr geschrieben hatte, das ist sein erstes und einziges Buch.
 B o t e f u r : Aber es ist... ganz was tolles, na?
 M y l ' n i k o v : Ja. Also, das ist alles sehr wichtig, und Schwebe ist für mich Entdeckung. Es war irgendeine irrealische Buch, welche schöne Buch geschrieben hat, und er wohnt in der... nicht weit in Wendland, das ist wunderbar, ja...

B o t e f u r : Ja. So, im Moment wurde ich aber noch was...

M y l ' n i k o v : Und über Klimatologie wollte ich fragen.

B o t e f u r : Ja, alles schon hier. Das können wir abhacken hier, na? Mit den Pferdekopfen?

M y l ' n i k o v : Ja, Pferdekopfen.

B o t e f u r : Das wissen Sie. Sagt Ihnen der Name Baumgarten {*Karl Baumgarten, ein ostdeutscher Dorf- und Hausbaukundler*} etwas?

M y l ' n i k o v : Ja, ja., natürlich. Sagt.

I v a n o v a : Uhu.

B o t e f u r : Schon. So, dann... wenn Sie die Ecke nochmal beackern hier von Domitz in Richtung Neuhau, das gehört ja mit zum... zur Griesen Gegend, obwohl es von der Verwaltung hier jetzt ja schon zu... zu Niedersachsen gehört. Aber da kommt zwei Begriffe von Weningen. Sagt Ihnen der Name etwas?

M y l ' n i k o v : Nein.

B o t e f u r : Es ist ein Begriff für ein... eine Landbezeichnung im 12. Jahrhundert, weil diese Kolonisationsphase im Höhepunkt hat mit Heinrich dem Lowen, da gibt es aber das Land Weningen und das heißt sich im Originaltext aber nicht Weningen, sondern Waningen. Lande Waningen. Und da gibt es einen slawischen Ort — Wendisch Weningen, heißt seit der Nazi-Zeit Ruteberg.

M y l ' n i k o v : A, das hat man nu... uns erzählt. In Nazi-Zeit?

B o t e f u r : Ja, in Nazi-Zeit.

M y l ' n i k o v : Was ist Ruteberg?

B o t e f u r : Ruteberg ist nur der Synonym für diesen alten slawischen Ort Wendisch Weningen.

M y l ' n i k o v : Ja, aber Ruteberg?

B o t e f u r : Ruteberg ist eigentlich 'ne Erhöhung, das ist zu einer glanzialen Tonscholle durch das Eis abgeschliffen, und «ruten» heißt von «ausreißen». Also, Ruteberg. Es gibt aber 'ne andere Version, die «Rute» von «Reiter», von «Ritter», «Reiter» ableitet. Aber es ist im Moment nicht so wichtig. Daneben gibt's aber noch einen Ort Weningen, einen Deutschen, der nennt sich nicht Deutch Weningen, sondern Jungherr- Weningen. Das ist eine Gutsgründung. Also, falls Ihnen der Name irgendwie mal unterlaufen sollte, Weningen, musste man sich auch damit beschäftigen, aber keine Zeit.

M y l ' n i k o v : Ja. In welcher Richtung ist es?

B o t e f u r : Ja, sprachlich und was gibt es da noch an slawischen Resten.

M y l ' n i k o v : Wissen Sie, ich habe folgende Frage, vielleicht können Sie uns beraten. In das Buch «Mecklenburgische Volkskunde» da ganz kurz, aber doch etwas geschrieben ist, über slawische Vorfahren, die hier waren und so weiter.

B o t e f u r : Ja. Welches meinen Sie jetzt?

M y l ' n i k o v : Ja. Das. Die nennt so: «Mecklenburgische...»

I v a n o v a : Von Baumgarten und Bentzien. *{Karl Baumgarten und Ulrich Bentzien. Beide Volkskundler aus der DDR waren die Herausgeber des Sammelbandes «Mecklenburgische Volkskunde»}*

B o t e f u r : Wie? Ah, Bentzien, ja.

M y l ' n i k o v : Baumgarten, Neumann *{Dr. Siegfried Neumann, ein Mitarbeiter des Wossidlo-Archivs, ebenso einer der Autoren des Sammelbandes. Nun ist zum Professor geworden}* und dann... Ja. Da ist gesagt, dass zum Beispiel hölzerne Hacken die Bauer brauchen ist... kommt aus slawischer Zeit.

B o t e f u r : Ja.

M y l ' n i k o v : Und hier habe ich solche Frage: ich verstehe, dass heute braucht man das nicht. Aber für museale Ziele es wurde sehr wichtig, wenn wir diesen Hacken bekommen konnten, um unseren Besuchern zu zeigen, dass es ist ein Ursprung von Slawen und so weiter.

B o t e f u r : Ja, ja.

M y l ' n i k o v : Wie meinen Sie, ist es möglich, den...

B o t e f u r : Nein, nein. Sehen Sie, ich bin ja seit 1954 hier, und bin seit dieser Zeit auf der Suche nach einem wendischen Hacken.

M y l ' n i k o v : Ach so! Wir sind Konkurrenten. *{es wird gelacht}*.

B o t e f u r : Ich hab' kein'n gefunden und meine Kollegen auch nicht. Dafür habe ich aber zwei Angelpflüge, auch uralt, aber Eisenpflüge, aber ein Schar hab' ich noch... ja, aus Met... voll Holz, aber nur das Schar ist aus Eisen gefunden hier, im Nachbardorf...

M y l ' n i k o v : Kann man fotografieren, ja?

B o t e f u r : Ja, ich hab' sie verschenkt, weil ich damals noch kein Museum hatte vor fünfzig Jahren. *{Als Heimatkundler hat Herr Botefur ein kleines Museum bei sich zu Hause. Die Exposition machen die geologische, botanische und teilweise ethnologische Abteilungen aus}*.

M y l ' n i k o v : Ah, ja.

B o t e f u r : Habe ich erst nach der Wende gemacht — an das Museum in Domitz. Mein Kollege, der Vater von dem jetzigen Leiter, mit dem hab' ich zusammengearbeitet, und alles was ich irgendwie fand, das gehörte zum Museumsbeirat, habe ich ihm gegeben für sein Museum. Stehen da immer noch.

M y l ' n i k o v : Können Sie uns per Telefon vorstellen. Ich möchte gerne am Montag nach Domitz fahren. Ich kenne da niemanden...

B o t e f u r : Nee?!

M y l ' n i k o v : Nein. Aber wenn Sie konnten telefonieren...

B o t e f u r : Ja, ja.

M y l ' n i k o v : ...es wurde ausgezeichnet. Meine Name haben Sie.

B o t e f u r : Ja, ja. Ja. Und Ihre Kollegin, oder Sie schreiben schon mal den Namen auf: Scharnweber, Jürgen Scharnweber — das ist der Leiter des Museums.

M y l ' n i k o v : Scharnweber...

B o t e f u r : Scharnweber, ja. Und ich such bei ihm am Montag.

M y l ' n i k o v : Ja. Ich kann nicht genau sagen...

B o t e f u r : Denn normalerweise ist ja Montag das Museum geschlossen.

M y l ' n i k o v : Geschlossen?

B o t e f u r : Ja, montags sind Museen geschlossen.

M y l ' n i k o v : A, dann...

I v a n o v a : Wie heißt das Museum?

B o t e f u r : Das heißt a... Fritz-Reuter-Museum. Fritz-Reuter-Museum...
{*Fritz Reuter, der berühmte mecklenburgische Schriftsteller, Heimatkundler und Patriot. Geboren in Stavenhagen, Mecklenburg-Strelitz. Als Revolutioner war er einige Jahre in Gefangnishaft in Domitzer Festung*}. Das ist auch die Festung in Domitz, die alte Festung.

M y l ' n i k o v : Domitz ist auch rein slawische Name.

B o t e f u r : Ja, ja. Domovitz. So, nun müssen wir dann mal weiter machen, bitte, Klimatologie. A-am... An dieser Karte können Sie sehen, die... das Klimagebiet sich im Tal der Elbe bis in Richtung Hamburg, Hamburg ist ja, ein Teil von Hamburg schon Bucht zieht. Und ein Hert Damman — wenn Sie wollen, kann ich Ihnen auch eine Kopie davon machen...

M y l ' n i k o v : Ja. Das mochte ich bitten.

B o t e f u r : Ne? aber das ware natürlich schoner, wenn Sie Originalwerk von ihm mal lesen konnten. Vielleicht hat Axel Kahrs das, das ware möglich. Das ist also ein Region, wo sich das subozeanische, das subkontinentale Klima, das ist eine Klimagrenze. Davon sprachen Sie ja schon.

M y l ' n i k o v : Und wie ging hier Linia Saxonica?

B o t e f u r : Das ist diese Linia Saxonica. Das ist auch das alte Limes Saxonicos aus dieser Karls-Zeit, aber nun die Ursache dafür, das ist wichtig, das muss ja die Zusammenhänge sehen — die Ursache, dass das Tal hier, also, das ostlich subkontinental ist, das hängt mit dieser Reliefenergie, also, mit den Hohen an der Luneburger Heide zusammen, das also mal Staubmorenen, die bis über 100 Meter ansteigen, so dass die vorwiegenden westlichen Witterungsströmungen hier zum Tal abfallen, also im Leh sind, und auf der Lehseite regnet's eben weniger und es erwärmt sich schneller. Dafür haben wir bei Winter auch Kaltluftlagen, so dass sich hier auch unter Feuchtigkeit im Tal häufig Nebel lagen will. Wir haben mal 70 Nebel im Tal, das ist schon für diese Gegend ziemlich... ziemlich viel.

M y l ' n i k o v : Wie nennt der Aufsatz?

B o t e f u r : Das ist ein Beitrag zur Witterungsgeschichte des Raumes Luneburg.

M y l ' n i k o v : Ja, ja... erlauben Sie..

B o t e f u r : Soll ich Ihnen den ganzen Blatt kopieren?

M y l ' n i k o v : Ist es möglich?

B o t e f u r : Ja, aber nicht jetzt. Aber Sie kommen ja wieder. Dann mache ich Ihnen das.

M y l ' n i k o v : «Wann ich kumm', wann ich kumm'!»

B o t e f u r : Ja. «wann ich wiederkomm'...» So, das ist nun mal gesagt, weil Sie mich fragten. Es ist tatsächlich eine Klimagrenze, die aber zu unterscheiden ist von der Witterung. Das Klima ist ja ein... ein abstrakter Begriff. Aber die Witterung ist etwas konkretes. Nich? und die Witterung verschiebt sich hier, aber das interessante, dass an diesem Klima werden diese Verschiebungen standig vorkommen. Je nach Witterungsrichtung, ob Ost oder West, ist es subozeanisch oder subkontinental.

M y l ' n i k o v : Vielleicht werden Sie mir nicht glauben, aber eigentlich Sie sind erster Mensch, der auf mein Antwort geant... nein, auf meine Frage Antwort gegeben hat.

B o t e f u r : Ja?! Oh, Gott! Das freut mich sehr.

M y l ' n i k o v : Das ist wirklich. {*hustet und lacht*}.

B o t e f u r : Das freut mich ja sehr. Gut! Also, mache ich Ihnen eine Kopie davon.

M y l ' n i k o v : Komisch, muss man hierherkommen, um diese Antwort zu bekommen, ja.

B o t e f u r : Ja. Denn muss man natürlich das auch ein bisschen untersetzen, botanisch untersetzen, man kann nicht einfach sagen, das ist subozeanisch oder subkontinental, man muss das auch ein bisschen belegen und begründen können. Ich hab' Ihnen dazu mal... ja, zwei Beispiele 'rausgesucht. Das erste Beispiel war eine Pflanze, die einen wunderhubschen Namen hat, auf Deutsch sagen wir dazu Kleines Liebesgras. Der botanische Name ist Eragrostes, fruher haben wir gesagt Minor und jetzt in der Nomenklatur ist es ein bisschen geandert und man nennt es jetzt Poioides, aber Sie können ruhig Minor sagen, weil das so schon passt zu «klein». Kleines Liebesgras gehört zu den Bostgrasern und ist ein Einwanderer, ein Neophyt. Und zwar sind die letzten Erkenntnisse aus den {19}60-er Jahren bei uns, dass in großer Haufigkeit immer an Bahnhofen auf. Und die letzte Weißheit zur Zeit ist diese Einwanderer, diese Neophyten, das ist nur ein Beispiel, dies Eragrostes, es gibt auch noch andere, wird zuruckgefuhr auf die großen Getreidetransporte aus Sudrussland. Und mit diesen Getreidetransporten — das ist ja nicht gereinigt, das Getreide — sind also Samen mit hierher gekommen und beim Verlagen und Umlagen und beim Reinigen der... ja... Waggons ist das mit 'rausgekommen. Und nicht jede Pflanze hat jetzt den richtigen Boden dafür, aber weil die ja Steppenpflanzen sind, haben die hier diesen trockenen Sandboden den idealen Nahrboden gefunden.

M y l ' n i k o v : Was meinen Sie unter den Begriff «Sudliche Russland»? Heute ist es...

B o t e f u r : Ja, ja, Ukraine sagen wir, eigentlich ist es nicht Russland, aber die haben es... ja, das.. Ich hatte Sowjetunion sagen, aber die gibt's ja auch nicht

mehr. Also, aus dem Sud-... aus dem Getreideanbau. Nehmen wir an. Und so hat mein Kollege, Herr Henke das auch dargestellt. Also falls das von Interesse sein sollte, kann man das natürlich auch kopieren.

M y l' n i k o v : Das ist auch interessant, weil es sei, dass alles so eng verbunden ist...

B o t e f u r : Denken Sie an einem Begriff «Synopsis». Man muss das...

M y l' n i k o v : Sinopsis. Ja, ja.

B o t e f u r : ...im Zusammenhang schauen. So, ich hab' aber noch das notiert. Ich habe auch die Literatur Ihnen geschrieben. Vollständig, wie sich das gehört, wo Sie das finden. Ne? dass es ein Einwanderer ist.

M y l' n i k o v : Ja, danke schön.

B o t e f u r : ... da die Standorte häufig Bahnhöfe oder Abstellgleise sind, nimmt man an eine Einwanderung mit den Gütertransporten aus dem ehemaligen UdSSR. Oh, sogar richtig! Oh!

M y l' n i k o v : Oh, Sie haben recht.

B o t e f u r : Aber es gibt noch andere Vermutungen, die finden sich auch hier, ich mache Ihnen eine Kopie davon. Aber jetzt nicht. So, nun zu diesen Untersetzten mit anderen Beispielen noch. Wenn wir sagen, das ist ein Einwanderer aus dem kontinentalen Bereich oder aus dem subkontinentalen, da haben wir einen ganz tollen Herren hier, der heisst Ellenberg. Sagt Ihnen der Name nichts?

M y l' n i k o v : Nein.

B o t e f u r : Botaniker von dem Herren, und der hat das alles untersucht nach Zeigewerten. Also bestimmte Pflanzen sind an bestimmte Böden gebunden, kommen aus bestimmten Gegenden kontinentalen Klima. Und das nennt man dann die Kontinentalitätszahlen von 1 bis 8. Und nun hat *Eragrostes* also, unser Beispiel hier, nich, diese Kontinentalitätszahl 5. Mann nennt das Intermedier also, schwach subozeanisch bis schwach subkontinental, passt genau in das südliche Gebiet der Ud{SSR}, der ehemaligen UdSSR, der Ukraine. Und ein zweites Beispiel wäre das sogenannte *Ulix europeos*. Weiß nicht, wie weit Sie botanisch interessiert sind, wir sagen dazu auf Deutsch, das ist der Stechginster. Und dann noch zwei, die dazu gehören, in ihrer Gemeinschaft. Der Stechginster, der hat aber die Kontinentalitätszahl 1, das heißt, also, gar nicht kontinental — das extrem kontinental wäre die letzte Zahl 8, der höchste Wert — und da haben wir noch einen Ginster, der *Genister anglika*, auf Deutsch der Englische Ginster hat auch die Kontinentalitätszahl 1, also ozeanisch, wenig kontinental. Dann haben wir ein' dritten Ginster, sage ich Ihnen gleich den Standort, *Genister pilosa*, das ist der Berate Ginster, der hat die Kontinentalitätszahl 4, ist also in der Mitte etwa, ne? Also, das ist der Beweis, wir haben einen Standort, wo diese drei Arten an einer Stelle vorkommen. Und das ist der Beweis dafür, für das, was wir erst gesagt haben: hier in diesem Gebiet ist ein Übergangsklima zwischen dem ozeanischen und dem kontinentalen. Es ist so günstig, das sich beide, oder die Vertreter beider

Klimagebiete ansiedeln können. Leider, wenn's extrem kalt ist, im Winter, dann friert der ozeanische, der Genister anglika, ein bisschen zurück, und vor allen Dingen dieser große, mit den langen Dornen, der Stechginster. Aber aus der Saht kommt er immer wieder.

Und Stichwort, der alte Wanzebergkönig, Stichwort Karenz der Ort — haben Sie gespeichert, ne? — und da oben ist eine riesige Heidelandschaft, da kommen diese drei zusammen. Das ist südexponiert, das ist also trocken und extrem warm. Also, ideale Klima für wärmeliebende Pflanzen, kontinental sowie ozeanisch. Und am Grebniz auch, also, die Feuchtigkeit reicht auch aus. So, das wäre die Untersetzung zu diesem Thema Klimatologie.

M y l' n i k o v : Es ist wirklich sehr wichtig, wissen Sie, ersten mal habe ich es verstanden, als ich in Kontakt mit einem Kollege aus ganz ander Gebiet kam, also, aus Geologie. '... es geht so, es gibt so genannte tektonische Brüche...

{*Abbruch der Aufnahme*}

M y l' n i k o v : Ja, kann man schon sprechen.

B o t e f u r : Kann man sprechen, ja? Ich greife noch mal diesen Begriff von dem Synopsis, von dieser Zusammenschau. Ich hab' noch einiges vorbereitet aus ja... der... aus dem Bereich Sprachwissenschaft, die jetzt hineinbrach in diese Bevölkerungsmigration, also, die Wanderbewegung slawischer Völker hierher. Und /... hier in der Jabeler Heide, wir sagen ja dazu: Griese Gegend. Ich komm' dann nachher noch mal auf den Begriff «gries» aus dem Slawischen «gries» 'Sand' zurück. Im althochdeutschen ist es ja auch «gries».

M y l' n i k o v : Das ist Wand?

I v a n o v a : Sand.

B o t e f u r : Sand. Sandkies, also, der grobe Sand. Und deshalb heißt diese Region auch «Griese Gegend», und ich hab' mich vor Jahren beschäftigt mit den alten Orts- und Familiennamen hier in den Dörfern des Amtes, musste aber inzwischen wieder anderes Thema bearbeiten, so dass das Material erstmal liegt, also, noch nicht publiziert ist. Ich hab' Ihnen daraus mal einige Seiten kopiert, die eventuell für Sie ja- '... sprachwissenschaftlich...

M y l' n i k o v : Oh, danke. Ja, das ist wirklich interessant.

B o t e f u r : Hier. Brauchen wir ja dann nicht... /... Ja, ich hatte eben vom Bergbau gesagt, von dem Salzbergbau. Und da kommt ja ein Dokument vor aus einem Nonnenkloster in Eldena. Waren sie schon in Eldena?

M y l' n i k o v : Nicht, aber wir wissen es.

B o t e f u r : Aber Sie wissen das, von dem Nonnenkloster. Und in dieser Klostergemeinde gab es einen Probst. Der hieß Werner Gizewitz. Das ist ja slawisch, nei? Von Cevic. Und das könnte vielleicht von Interesse sein, diese... die slawische Besiedlung nicht nur Bauern waren, also, Landwirte, sondern auch Leute in höheren Positionen, die schon christlich geworden waren und auch in der alten christlichen Verwaltung — denn das ist ja eine Art von — eine Bedeutung hatten.

Wenn sie in einem Dokument erwähnt sind. Ich hab' das Dokument mal kopiert. Diese Urkunden, von denen ich hier sprach, die liegen alle im Original im Hauptarchiv in Schwerin, Mecklenburgisches Hauptarchiv Schwerin.

М y l' n i k o v : Ist diese Signatur begegnet? Nein?

B o t e f u r : Ja, die ist da.

М y l' n i k o v : Und sagen Sie, wenn wir zum Beispiel es zitieren, vielleicht ist es besser, dass wir können zitieren das Archiv, weiter Ihre Name...

B o t e f u r : Ja, ja. Archiv, Regionalmuseum. Ich gebe Ihnen noch meine Karte. Also, das ist das... das ist das Dokument. Und das ist jetzt die Beschreibung dazu, dass also diese Gizewitze hier eine Funktion hatte und er kam vom deutschen Orden aus dem Kreis Lauenburg. Und damit haben Sie wieder die beiden Seiten westlich und östlich der Elbe...

М y l' n i k o v : Ja, ja, ja.

B o t e f u r : Die Elbe ist ja keine Trennungsgebiet.

М y l' n i k o v : In Lauenburg war ich.

B o t e f u r : Aha...

М y l' n i k o v : Es war eine Sitzung da vor einigen Jahren, ich war da Teilnehmer.

B o t e f u r : Uhu, gut. So, der Ort, wo dieser deutsche Orden war, Zewitze, heute heißt es Zewitz. Das ist also jetzt noch ein kleines Dorf in der Nähe von Lauenburg. Im Landkreis Lauenburg. So, das wäre das erste, was ich Ihnen sagen könnte von der sprachwissenschaftlichen Seite, das also, die Slawen nicht nur Bauern waren in den unteren Schichten, früher wie allgemein formuliert worden, sondern auch in höhere Position aufrückten. Halte ich also für bedeutsam.

М y l' n i k o v : Wissen Sie, in ein Urkunde aus Brandenburg, es war von, ich glaube, Anfang 13. Jahrhundert, habe ich einmal sehr interessante Sache gelesen: da war eine Dorfbeschreibung, ja, und Name nu, zum Beispiel, Johann, ich weiß nicht, welche, aber zum Beispiel, Johann, und weiter: ehemaliger Slawe.

B o t e f u r : Ja. Ja, ja. Und wir haben auch hier solche Beispiele, wo die Slawen dann deutsche Namen angenommen haben, aber die nicht von Personennamen abgeleitet sind, sondern von Berufsnamen. So, dass zum Beispiel hier ein... eine Person allerdings in diesem Fall kein, keiner slawischen Herkunft, sondern deutscher Herkunft, ein Saße — das deutet schon auf den Sachsen hin — einen neuen Namen bekommt, weil er hier an der Saline arbeitet: Sülter. In der Urkunde heisst es dann: Saße genannt Sülter. Also, diese Namenswechslung. Aber das berührt uns nur ja so am Rande hier.

М y l' n i k o v : Nu, wie zum Beispiel, ein Bauer, der Chronik führt der Wendland, Parum Schulze.

B o t e f u r : ja. Genau, das ist zum Beispiel. Ja... das sind aber immer nur Seiten aus dem Manuskript, ich hab' nicht das ganze Manuskript...

М y l' n i k o v : Oh, das ist Zwerin {alte Namensform von Schwerin}.

B o t e f u r : Zwerin, ja. Und da haben wir noch Wanzeburg, das ist ja, das ist die Hochfläche, wenn Sie jetzt von hier aus nach Maliß fahren. Waren Sie schon in Maliß? Aber Sie waren in Leussow. Gut, und da müssen Sie über diese Hochfläche, Sie waren in Conow, ne? und wenn Sie in Conow sind, das ist die alte Kirchgemeinde, die erste Kirchgemeinde im frühen Mittelalter, im 12. Jahrhundert, die nach der Klostergründung Eldena hier gegründet war, weil es war zu viele Dörfer, die konnten vom Kloster nicht erfasst werden, und da wurde diese Kirchgemeinde in Conow gegründet. Und dieser Ort und noch acht, die liegen auf dieser Hochfläche und die wurde schon zu Zeiten Karls des Großen, also 800, als von Slawen noch nicht so die Rede war, war ja die erste Christianisierungswelle, ja, da wurde sie schon Wanzeberg genannt. Also, es ist der Begriff Wanzeberg...

M y l' n i k o v : Aber warum Wanze?

B o t e f u r : Ja, ich sag' gleich. Ist nur ein Begriff aus der Verwaltung, es ist also kein Lokalbegriff für eine geomorphologische Erscheinung, also, für einen Berg, sondern ist ein Verwaltungsbegriff. Sie finden diese Bezeichnung Wanzeberg auch nicht in einem geographischen Atlas. Also, er stammt aus dem Bereich der Verwaltung. Und war wohl so wie eine Bezeichnung für eine grössere Verwaltungseinheit in dieser Gegend. Und der.. das Wort Wanzeberg besteht aus zwei Gruppen: der letzte Teil Burg ist deutsch, und der erste Teil Wanzki, müssen Sie wissen als Slawist, bedeutet soviel wie 'eng' nach Miklosic {*Miklošic*} und nach Trautmann. Es gibt aber eine andere Auslegung, wo Wanzki bezeichnet wird als eine Sattelförmige Erhebung. Und hier haben wir schon den ersten Hinweis auch auf eine Verbindung von der Verwaltung zum geomorphologischen Begriff. Also, der wandelt sich ja, die Begriffserweiterung ist ja das. Also, wenn Sie — es wird ja Ihnen im Gespräche sicher dieser Begriff begegnen von Leuten, Wanzeberg, dann sollten Sie das jetzt speichern, sagen wir ja, wie im Computer, dass es also slawisch ist. Wanzki oder Wanzeke. Und da gibt es eine ganz hübsche Auslegung, so eine volksetymologische Deutung, die denn auch in die Welt der Sagen 'reinspielt, hier alt ist, nach der Frage: «Tja... was ist denn nun mit dem Wort Wanzeberg?» erzählen die Leute hier: «Ja, da ist der letzte — passt mal auf — Wendenkönig begraben. Und vor Jahren habe ich mich mit Leuten hier unterhalten, ich sag': «Was ist da nun mit dieser Sage?» — «Ja, — und dann sprechen sie alle platt — aber ich sag' das erstmal auf Hochdeutsch, damit Sie es besser verstehen — das sei also der letzte König der Wenden gewesen, die Burg habe gelegen oben in der Nähe von Karenz — das ist ein kleiner Ort in der Nähe von Conow — und da habe man ihn begraben. Und die Leute schildern diese... dieses Begräbnis, diesen Zug, ja so anschaulich, als seien sie dabei gewesen. Das ist so typisch für die Sagenwelt, das wird so erzählt, so plastisch als hätten die Leute das wirklich vor Augen gehabt. Das ist nur die Phantasie.

M y l' n i k o v : Ah, wahrscheinlich, sollen wir dort hinfahren? Um selbst zu sehen.

B o t e f u r : Ja, können Sie machen. Aber ich kann Ihnen noch die Stelle zeigen, wo man meint, er sei dort begraben.

M y l' n i k o v : Ja, das ist interessant.

B o t e f u r : Nu kommt das interessanteste. Passen Sie auf. Ein bisschen weiter — das Dorf haben Sie sicherlich besucht, das heißt Grebs — ist auch slawisch, ne, Grepest.

I v a n o v a : Wir waren dort gerade gestern.

B o t e f u r : Waren Sie gestern, ja. Da noch in der Nähe von Grebs gibt es eine Anhöhe, und da ist eine große Kiessandgrube. Und auf dieser Kiessandgrube haben wir in den {19}60-er Jahren — 1967 oder 69, nun weiß ich das nicht mehr genau — ein riesiges Grab ausgegraben. Und was haben wir darin gefunden? Einen goldenen Fingerring, eine wunderschöne Bronzegürtel, Dose, Sie kennen das? Und wir haben darin noch die Reste einer Schminke gefunden und von ihm — in Anführungszeichen «König», in Anführungszeichen — seine Rasiermesser bronzene Rasiermesser und noch allerhand andere Beigaben. Also hat sich ja... dies geschehen, dass da irgendein großer wendischer Fürst begraben sein soll, erhalten. Aber diese Grabungsfunde sind nicht slawisch, sondern die sind früher, aus der jüngeren Bronzezeit. Und das ist für mich wieder interessant, wie lange sich so ein Phänomen in der Sprache und in der Vorstellung der Leute hält. Also, über die jüngere Bronzezeit hinein bis in die germanische Vorzeit, in die slawische Zeit ja — bis heute. Das sind 3000 Jahre, hat sich diese Ereignis, dass da jemand begraben liegt, erhalten.

M y l' n i k o v : Ja, das ist wirklich sehr interessant.

B o t e f u r : Und so immer in der neuen Form überliefert.

M y l' n i k o v : Ja, ja, ja.

I v a n o v a : Wer erzählt die Sage? Leben noch die Menschen?

B o t e f u r : Es erzählen die Leute, ja, die leben noch, ja. Und es gibt — ich muss jetzt was einschieben, weil das jetzt passt — wir haben ein für Mecklenburg bedeutenden Sagensammler und Forscher.

M y l' n i k o v : Ah, Wossidlo?!

B o t e f u r : Wossidlo, wissen Sie? Wossidlo und sein Nachfolger Teuchert hat das bearbeitet und — ist Ihnen auch ein Begriff, Teuchert? Und weil sie... ja. Mit erzählten, Sie hätten die Hähne aufgefunden hier, die Hähne...

M y l' n i k o v : A, ja, ja.

B o t e f u r : — habe ich das mal 'rausgesucht, ne? das ist ja das werden deuten hier als den Hahn. Nun ist das interessante: die Formulierung Hahn dafür kommt hier überhaupt nicht vor. Hier sind das immer nur Pferdeköpfe, von Con, das Pferd, Conow. Ja, Con, aber nicht Hahn. Hahn, wie hiess es auch slawisch?

I v a n o v a : Petuh. Kurica.

B o t e f u r : Gurica... Hier wir für Auerhahn ein uralter Flurname getreten — Kues.

I v a n o v a : Teterow.

B o t e f u r : Kues. Kurica. Ja.

I v a n o v a : Kurica. Ja.

B o t e f u r : Die Verkürzung Kurica zu Kues. Kues. Manchmal schreibt man es hier k, u, e, s, manchmal kommt auch bei der Schreibweise erst r noch dazwischen, weil es ja Kurc.

M y l ' n i k o v : Kur. In altslawischen konnte man wenn '... Kurica so Huhn, also sie, ja?

B o t e f u r : Ja.

M y l ' n i k o v : Und wenn er, so ist es Kur. K, u, r.

B o t e f u r : Sie ist ja feminin, und er dann ist ja Kur.

M y l ' n i k o v : Das ist er.

B o t e f u r : Ja, ja.

M y l ' n i k o v : Und Kurica das ist sie.

B o t e f u r : Ja, ist klar.

M y l ' n i k o v : Kur. Do kur v tmutarakan.

B o t e f u r : Also, das hab' ich noch mal 'rausgesucht, das kennen Sie aber.

M y l ' n i k o v : ja, das kennen wir. Haben Sie solche Kopie gemacht, nein?

B o t e f u r : Mach' ich.

M y l ' n i k o v : Ja, danke schön. Es ist sehr gut.

{die Aufnahme wird unterbrochen}

B o t e f u r : Da habe ich noch eine ganze Reihe slawischer Namen, die heute ja existieren, die aber alle slawische Siedlungen sind. Ne? Das können Sie nochmals durchkucken, und ich freue mich besonders, weil ich Slawisten hier am Tisch habe, die eventuell noch Korrekturen anbringen konnten, falls das falsch sein sollte, denn Sie wissen das ja aus Ihrer Arbeit, die Auslegung von Miklosic und teilweise auch von Trautmann sind ja... nicht überholt, aber doch mit Vorsicht zu genießen. Wenn Sie mal bitte kucken...

M y l ' n i k o v : Manchmal hat mal alles als Slawen angezählt, und in Wirklichkeit es war nicht mit Slawen verbunden, aber ahnelte bloß. Danke schon {für die Kopie}. Also, welcher Band ist es?

B o t e f u r : Ja, ich schreib' das auf.

M y l ' n i k o v : Aha...

B o t e f u r : Wir kürzen es erstmal ab, nich? Sie wissen das ja, wer das ist. Band 4. Was war es? Band 4, KM.

M y l ' n i k o v : Ein Moment, um richtig sein bibliographisch, muss man noch folgendes Elemente.

B o t e f u r : Ich mach' Ihnen den Titel, kopiere Ihnen den Titel, das wird schneller. Und haben Sie den Original.

M y l ' n i k o v : Man muss immer, wo es gedruckt, Jahr, und so weiter, ja. Wissen Sie, vor der Akademie der Wissenschaften habe ich zwanzig Jahre in unserer

grosste alte Bibliothek gearbeitet, Saltikov-Schtschedrin-Bibliothek, deswegen diese Regel sind für mich wie ein heiliger Schrift.

B o t e f u r : Ja. Das ist schon richtig so. Das wird reichen so haben wir noch die Spalte, ne?

M y l ' n i k o v : Ja.

B o t e f u r : Die Spalte müssen Sie noch aufschreiben. So, nun ist nicht mehr im Kopf. 1277. Doch! Korrekt!

M y l ' n i k o v : Hier ist meine Visitenkarte, zuerst habe ich nicht gegeben.

B o t e f u r : Ja! Danke.

M y l ' n i k o v : Sagen Sie, wie klingt es plattdeutsch, das sie sagten, hier war ein König begraben?

B o t e f u r : Wie das auf plattdeutsch klingt? Ja. Das a... die Leute erzählen so: Hier in Wanzeberg ist der letzte Wendenkönig begraben worden. Wagen, die Kunst im Kellerberg, dort heb'n sei hem herbringt. Aber die Lu durften sich nicht umkucken. Denn bliewen sei tot. Ich sag' das erstmal auf Hochdeutsch. Es gibt eine Regel, wenn man eine Hochpersonlichkeit beerdigt, dann muss man rückwärts gehen, man darf also nicht den Toten...

I v a n o v a : Nicht umkucken.

B o t e f u r : Die kennt das alles.

I v a n o v a : Ja.

B o t e f u r : So, dann machen wir mal schnell weiter hier. Haben Sie mal gekuckt, ob das korrekt ist?

I v a n o v a : Nicht alles. Manche Wörter verstehen ich gar nicht.

B o t e f u r : ... Millgosch von Millegast, ein Personennamen.

I v a n o v a : Kann sein.

B o t e f u r : Das kann sein. Und Malleke: malek, malan — 'klein'.

M y l ' n i k o v : Ja, ja.

B o t e f u r : Nicht? Malenkij 'kleiner'. Das ist klar. Gora 'Berg' ist auch klar. Cun für Pferdeort, für Conow. Nie, das ist -o- noch zu -u-. Karenz 'Ort des Karnas'. Da sind wir gar nicht so sicher, aber es heißt hier Karn kleine Gestalt. Das ist für Sie zum Mitnehmen.

M y l ' n i k o v : Liebe ist klar.

B o t e f u r : Ja, Lipa 'die Linde'.

M y l ' n i k o v : Gritel...

B o t e f u r : Gritel ja, das ist auch noch eine Frage immer von Grotle 'Strudel, Schlund' hat jemand hier das gedeutet. Ich weiß nicht, ob das sich auf Trautmann bezieht, ich hab' leider nur den ersten Originalband, den zweiten Band von Trautmann habe ich nicht, und Miklosic sagt darüber nichts. Kann man da nichts wissen. Also, kennen Sie das Wort Grotle? Nicht.

M y l ' n i k o v : Uhm... Grotle...

B o t e f u r : Wie nennt man denn bei Ihnen, also ein Wasserstrudel? Wie heißt der Ort?

М y l' n i k o v : Водопад.

I v a n o v a : Nee. Wasserstrudel...

B o t e f u r : Das konnte von der Morphologie her stimmen, Grotel ist also ein Ort, der liegt an einem alten Flussarm, der sehr meandriert. Da gibt es solche schlummernde Dinge.

М y l' n i k o v : Омут.

B o t e f u r : Omut. Hat aber Klang nicht... gar nicht mit Grotel zu tun. Also, auch Grotel wäre fraglich. a... Ferklas. Das ist ein alter Ort, 'Ort des Ferks'.

М y l' n i k o v : Vielleicht der Toponimik?

B o t e f u r : Aber es gibt eine andere Deutung, so wie ich das sehe: Ferklas liegt am Rande eines... ist jetzt eine Wüstung, aber dieser Ort war früher größer als dieser Ort Kaliß hier, und lag am Rand eines Großwaldes. Das ist die Originalkarte, eine Kopie natürlich der Originalkarte 1565 von Tillemann Steller. Steller war der Geograph, der Baumeister, der Vermessungsingenieur, das war, wie wir sagen, ein Ollraummen. Der konnte alles, war der große Mann, der diese Karte gemacht hat. Und kucken Sie mal, das sind...

М y l' n i k o v : Opus dedicatum.

B o t e f u r : Das sind diese großen Urwälder, das ist hier Kaliß, das sind wir jetzt, und das ist dieser Sumpfgrenzwald, hier zu diesem Sandgebiet und hier zur Elbe-Niederung, das ist die Elbe, die Labe. Und das ist der Ort Ferklas. Der liegt also am Rande dieses großen Sumpfwaldes. Und nun kucken Sie mal meine Auslegung — ich bin also kein Sprachwissenschaftler, ich bin nur ein kleiner Dorfschulmeister — ja, da heißt es *frch* oder *vrch*. Und wollte ich von Ihnen wissen, ob das sprachwissenschaftlich... Virch 'hoch'...

М y l' n i k o v : Ja, hoch, ja.

B o t e f u r : Ja, dann stimmt das.

М y l' n i k o v : In allen slawischen Sprachen 'hoch'.

B o t e f u r : *vrch*, ja, kein -i-, *vrch*. Und *las* ist 'der Wald'.

М y l' n i k o v : *Les*, *las* das ist lechitische Gruppe Sprachen. Also Polen, Sorben und diese polabische Slawen.

B o t e f u r : Wenn man das aber jetzt bindet: *verchlas* konnte es ja schon wörtlich übersetzt heißen: oberhalb des Sumpfwaldes liegend.

М y l' n i k o v : Kann sein.

B o t e f u r : Am Rande. Geomorphologisch stimmt das auch, das liegt also höher etwas auf 20 Meter NN, also, Normalen Null der Höhe des Meeresspiegel.

М y l' n i k o v : Kann sein, kann sein.

B o t e f u r : Ne, das scheint mir günstiger zu sein, als das abzuleiten von der Person.

М y l' n i k o v : Ja, ich glaube, das ist logisch so.

B o t e f u r : Ja, denn es ist so bisschen die Tendenz, hier bei unseren Forschern, sie leiten das gerne von Namen ab.

I v a n o v a : Ja, das ist unerklarlich und viel leichter.

B o t e f u r : Ne? ja, ja. Das geht schneller, als diese... deshalb sage ich erst, immer von dem Synopsis, ich sehe es immer im Zusammenhang, nicht nur in einer Sprachwissenschaft oder die Personennamen, sonder auch das Umfeld, die Geographie gehört dazu.

M y l' n i k o v : Nein, das ist richtig und ich will sagen, man muss noch stellen, dass überhaupt solche Name existierte.

B o t e f u r : Ja, ja-ja.

M y l' n i k o v : Es klingt jedenfalls nicht slawisch. Verch, solche Name kann nicht sein.

B o t e f u r : So, bei Kalib das ist ja hier wurde immer ubersetzt mit 'Sumpfort', *kalnica*. Sumpf... ja... da habe ich eine andere Deutung gelesen — ich weiß aber nicht, das ist nun schon funfzig Jahre her, ich hab' mir damals nicht alles so korrekt notiert, die Quellen, — 'eine vom Pflug noch unberuhrte Statte'.

M y l' n i k o v : Ich habe schon heute mit Frau Ivanova gesprochen, nicht weit von Petersburg gewiss damals existierte, gibt's eine Siedlung, sie lag im Rahmen Novgoroder Lander, nu, Novgoroder Republik, Kalisce.

B o t e f u r : Ja, uhu.

M y l' n i k o v : Kalisce. Es war an Rande Finnischen Meerbusen. Kalisce.

B o t e f u r : Ja, bitte, ja. Und nun sage ich Ihnen noch was, das kann man hier nahmlieh noch wunderschon auf der alten Karte von Steller sehen, das — pardon! Der Professor ist wichtiger {wendet die Karte erst zu Ivanova, dann zum Professor}

{Alle lachen}

Ja, das ist dieser Sumpfwald, und hier ist unser Ort. Und dieser Sumpfwald, der liegt wesentlich tiefer, als diese etwas hoher liegenden Sandflachen. Hier haben unsere Kaliber Bauern nie geackert. Das war nie Ackerboden, sondern ihren Acker haben sie hier, in diesem Gebiet gehabt, weil die Elbe damals noch nicht so eingedeicht war, wir haben standig an dem Hochwasser gelitten hier. Selbst hier im Wald war es zu feucht, so dass sie im Wald die Ackerstucke auch meliorieren mussten durch Graber.

M y l' n i k o v : Und heute?

B o t e f u r : Und heute nach der stark Melioration ist der Grundwasserspiegel auf ein Meter dreißig gesunken, 1,30. So dass wir hier hinten, ist es alles trocken. Und dann ist der Wald gerodelt, aber schon im 16. Jahrhundert, also Ende dieser Kartenzeit hier, und war dann als Wiese genutzt. Aber nie als Acker. Als Acker konnte man ihn erst nutzen nach dem 1973! 1973 ja diese großen Kanale gebaut worden hier, dann wurde das trocken. Also das kann stimmen. Bei allem stimmen mit Kalisce.

M y l' n i k o v : Erlauben Sie bitte schon, wollen wir hier auch diese Benennung diktieren.

B o t e f u r : Ja, lesen Sie vor.
M y l ' n i k o v : «Die Tafel der Messtabe die in die fur Besch...»
B o t e f u r : Oder soll ich lesen?
M y l ' n i k o v : Besser ja.
B o t e f u r : «Die Tafel der Messtabelle, die in diese Beschreibung sind ge-
braucht worden».
M y l ' n i k o v : Und das ist auch.
B o t e f u r : Das sind die Masse.
M y l ' n i k o v : Ja, aber das ist wichtig. «... dedicatum illustrissime princi-
pia».
B o t e f u r : ad domino Johann Alberto Docci oder Ducci Megaburgensis Das
ist der Begriff fur Mecklenburg. Megaburgensis, «Hochburg».
M y l ' n i k o v : Ein Buch von Krenz «Megapolitana». Anfang 16. Jahrhundert.
B o t e f u r : Von Krenz?
M y l ' n i k o v : Von Krenz. Nicht Kranz, sondern Krenz. Ah! Kranz!
B o t e f u r : Kranz, ja. Ja, ja, das ist 'n anderer.
M y l ' n i k o v : Und also, weiter...
B o t e f u r : ..«commiti Swerini, domino Rostiki» also «Herr von Schwerin,
Herr von Rostock und Stargard». Stargard gehorte ja zu Mecklenburg...
I v a n o v a : Strelitz.
B o t e f u r : Ja, sie weiß ja das, Mecklenburg-Strelitz. Ja. Waren Sie schon in
Strelitz? ja, na?
I v a n o v a : In Burg Stargard auch.
B o t e f u r : In Burg Stargard auch.
M y l ' n i k o v : Jahr 1665. Und das ist wahrscheinlich zweite Publikation.
B o t e f u r : Ja... ja, die Karte von Steller, das Original liegt auch im Landes-
hauptarchiv, der Mann hat, also der hat nur gespruht vor Arbeitseifer. Aber die
erste Zeichnung von ihm ist dann im Laufe der 200 Jahre sehr schlecht geworden,
und die ist dann 1765 von Schuhmacher nochmal kopiert. Ne, so dass dies eigent-
lich, ja... das zweite Stuck ist.
M y l ' n i k o v : Es ist, im Original ist es Gravure?
B o t e f u r : Nein, es ist eine Zeichnung.
M y l ' n i k o v : Ach, Zeichnung.
B o t e f u r : Zeichnung, ja.
I v a n o v a : Ist kein Kupferstich?
B o t e f u r : Bitte?
I v a n o v a : Ist kein Kupferstich?
B o t e f u r : Ich hab' Sie nicht verstanden.
I v a n o v a : Ist kein Kupferstich?
B o t e f u r : Nein, nein. Nein, nein. Das ist alles handgezeichnet. Ganz toll
original ist in Wirklichkeit farbig. Ne, das ist ja bunt angelegt, ich habe nur von

diesem großen Ding noch kein... keine Vergrosserung, wir haben es erstmal auf schwarz-weiß gemacht. Damit ich's überhaupt habe. Denn das Landeshauptarchiv gibt das nicht gerne aus der Hand. Ich hab' das auch nur bekommen, weil unser Filius, unser Sohn auf dem Landesamt in Schwerin bei der Denkmalpflege Photograph ist. Und der hat es fotografiert...

М y l' n i k o v : Ah, nu ja.

B o t e f u r : So, wollen wir ma' weiter machen. Sonst sind wir heute Abend noch hier. Wir konnten es aber auch kurzen: Sie bekommen das alles mit. Und wenn Sie dann etwas finden, wo Sie — darum mochte ich Sie bitten — Zweifel haben oder schon eine Korrektur anbringen können, ware ich Ihnen sehr verbunden, wenn Sie uns dann informieren. Weil das ja für uns ganz, ganz wichtig ist.

М y l' n i k o v : Vielleicht können wir nochmal kommen, bis Mitte Oktober sind wir hier, und später fahren nach Wendland, vielleicht in diese Zeit, wenn es möglich ist, uns zusammensehen, und da, wenn irgendeine Ideen kommen...

B o t e f u r : Ja, ja. Das ist ja prima. Ich hab' nämlich noch ein ja... eine Geschichte, wo ich auch nicht so durch sehe, was auch ein Zweifel ist. Ich sagte erst ja schon mal so diesen Begriff: volksetymologische Umdeutung. Ich weiß nicht, wie man in Ihrem Sprachgebrauch nennt...

М y l' n i k o v : Народная этимология.

B o t e f u r : Aber den gibt es, den Begriff?

М y l' n i k o v : Ja, ja. Gibt.

B o t e f u r : Ja, dieses Verlieren des eigentlichen Inhaltes, dass er dann volksetymologisch während der Verdeutschung umgedeutet wird. Das kennen Sie? So, ich komme hier noch auf ein ganz wichtigen Begriff, aber erst lassen wir uns bei Rattenfort machen. So, und das klingt natürlich deutsch, der erste Teil nach diesen Tieren. Nach den Ratten.

М y l' n i k o v : Ratten was ist das?

И в а н о в а : Крыса.

М y l' n i k o v : А, просто крыса.

B o t e f u r : Der zweite Teil *-fort* wird gedeutet als '*Furt*'. Das ist schon mal richtig, aber Ratten als Tiername zu deuten. Und nun schauen Sie mal meine Deutung. Erstmal von meinem Kollegen Thede, ist aber nun schon verstorben. Man muss immer auch die Sprachweise und die Schreibweise alterer Dokumente 'ranziehen, und das älteste, was wir kennen, ist von 1438, da heisst es *Rodenfuort*. 1531 *Radenfort* und Ulle Thede meint, es bedeutet 'zum roten Pferd'. Also, er deutet *Fort* nicht als *furt*, sondern als *Pferd*.

М y l' n i k o v : Ja, und ich erinnere jetzt andere Name: Groß Raden.

B o t e f u r : Ja.

М y l' n i k o v : Ich habe mit Herrmann gesprochen, er meint, das ist dasselbe, wie 'Burg, Grad'. Aber es geht nicht, ich glaube, weil mehr, denke ich, richtiger kann man es diese Abgottername Radegast und Redegast. Und das, was Sie sagen,

fort es war doch ein heiliger Tier in altslawische Religion. Also, alle Ende kommen zusammen.

B o t e f u r : So, und nun meine Deutung, ja, so ähnlich wie Trautmann auch schreibt, Trautmann übersetzt das als ‘Bachübergang’: *fior* ‘Übergang’ und ‘Bach’ aus dem slawischen *rac*.

M y l’ n i k o v : *Ручей*.

B o t e f u r : *ruci*. ich muss es mit -t- dazwischen schreiben, ne?

M y l’ n i k o v : Ja, und -j- am Ende. Ich kann russisch schreiben.

B o t e f u r : Ja. Ein bisschen Russisch kann ich auch noch, aber viel habe ich nicht gelernt. *Schtschi i kascha pischtscha nascha*. So, gut.

M y l’ n i k o v : So, oder so.

B o t e f u r : So ist richtig, ja, gut. So hab’ ich es übersetzt und leite das ab von diesem Begriff ‘Bach’. Der trifft zu für den Ort. Heute ist der Bach allerdings trocken, es ist ein Trockental, aber ursprünglich war es dort, und da musste man natürlich ‘ruber. Und das war doch verständlich. Und so ähnlich ist es ja in Groß Raden auch, nich? Da ist ja auch unten Wasser, und wenn man nun auf diesen Insel kommen wollte, musste man über das Wasser, über diesen Bach.

M y l’ n i k o v : Ich mochte, um meine Kollegen auch dorthin fahren, es ist sehr interessant.

B o t e f u r : Ja, das ist interessant.

M y l’ n i k o v : Prachtvoll organisiert.

B o t e f u r : Ja, ja. Dann hier mit Schlesen. Da sagen wir Schlesien wohl auf Deutsch, aber das...

M y l’ n i k o v : das ist das Wort *zelezo*, ‘Eisen’.

B o t e f u r : Ja. Genau, das habe ich auch so geschrieben. *zelezo*, ‘Eisen’. Aber hier ist immer diese Umdeutung aus dem Slawischen in den Klang der deutschen, der hochdeutschen Sprache.

M y l’ n i k o v : Ich bitte um Entschuldigung, *ruda*, ja, *raten*, *ruda*.

B o t e f u r : Ja, ja, Raseneisenstein, *ruda*. Ja, ja.

M y l’ n i k o v : Und Raden, Groß Raden kann auch damit verbunden sein.

B o t e f u r : Kann auch. Aber ich weiß im Moment nicht, ob das Raseneisen-erz für Raden zutrifft, es liegt ja höher als hier. Aber bei uns sind alle Wiesen hier, alle Niederungen mit Raseneisenstein.

M y l’ n i k o v : Ja, ich glaube, dort auch. Weil die Walder, die rund herum stehen, sind höher: hier ist Wasser und solche Halbinsel und da konnten sie es machen.

B o t e f u r : Na ja, Sie kucken das mal durch. Das ist klar, *Gora* ‘der Berg’. So, das andere sind deutsche Kolonien, da haben wir auch die Gründungsdaten, es ist also, eindeutig.

M y l’ n i k o v : Aber wissen Sie, ich habe gestern bei jemanden, wo wir waren, eine solche Schema gesehen, und es wunderte mir einige Siedlungen, die

nach -ow beenden, sind wie deutsche gezeigt. Где мы видели вчера эту схему? {Die Frage an Ivanova}.

I v a n o v a : Bei Suerbier.

M y l ' n i k o v : Bitte?

I v a n o v a : Bei Suerbier. In Leussow.

M y l ' n i k o v : Und da war es deutsche quadratt und slawische rund. Und drei, wie Gadow, ich glaube, Gadow, zeigt wie deutsche Siedlungen. Ich wunderte. Die Benennung ist rein slawisch. Gadow, es ist auch sehr verständlich, einfach, es ist Schlange, *gad* 'Schlange'. Ja, das ist schwer zu sagen. Überhaupt das ist sehr interessant.

B o t e f u r : Das können Sie sicher gerne mitnehmen. Das letzte Beispiel jetzt, was für mich wieder sehr wichtig ist, wonach Sie gerne fragen mochten, wieder ein Beispiel dieser volksetymologischen Umdeutung, wir haben hier, da sind Sie sicher 'ruberfahren, wenn Sie von Neu Kaliß, von Heidorf kamen, über diesen Muhlenkomplex, durch diese großen, die sind auf beiden Seiten diese großen Gebäude, dahinter ist dann der Fluss, die Elde, die Neue Elde, dann kommt die Eisenbahnlinie, ne? diese drei Punkte. Und dieser Teil zwischen Eisenbahn und im Dorf, wo die Ampelkreuzung ist Heidorf, dieser Komplex dazwischen mit der Muhle und dem Wasser nennt sich heute auf Deutsch *Findenwirunshier* — Sie können das auch lesen. Und dazu gibt es eine hubsche Geschichte, wie das so ist bei solchen Namen, die man nicht versteht, das sind zwei Mullerburschen, die gehen auf Wanderschaft und treffen sich nun nach vielen Jahren hier an dieser Stelle. Fassen sich um und sagen: «Finden wir uns hier, und hier gründen wir eine Muhle». So das ist die Geschichte, es gibt Varianten davon. Die sind auch ganz hubsch zu erzählen. Und das glauben die Leute hier, so sei das entstanden, es gibt aber Urkunde, die das korrigieren und sagen: das ist ein alter slawischer Ort, zumindest eine Siedlungsstelle und das slawische Wort nimmt sogar unser Heimatdichter Fritz Reuter noch auf in seiner Geschichte als er aus der Domitzer Festung 1840 entlassen wird. Und da sagt er auf Plattdeutsch: Und ik komm awer de Fenziersche Moehl. *Fenzier*; das ist slawisch, Fenzier und bedeutet soviel nach Balow und Trautmann eine Stelle an der man Fischreusen aufstellt. So, nun frag' ich Sie, was ist in Ihrer Sprache *fenzier* oder *finzier*? Kennen Sie das?

M y l ' n i k o v : Muss man denken. Gleich kann ich nicht sagen.

B o t e f u r : Wie heißt Fischreue vielleicht? Dass das 'ne sprachliche Ähnlichkeit wäre, ne?

M y l ' n i k o v : Muss man denken, so schnell kann man nicht antworten. Hier können auch verschiedene Veränderungen sein... *fenzier*..

B o t e f u r : *Fenzier*. Also, es gibt solchen Begriff in Schleswig-Holstein gibt es auch noch. Und es gibt ihn auch an einigen anderen Stellen. Balow, ich weiß nicht, vielleicht kennen Sie ihn?

I v a n o v a : Hans Balow?

B o t e f u r : Ja. Auch ein bisschen umstritten, ne? Aber sozusagen, ganz brauchbar. Also, *fenzier*; sollten Sie sich mal...

M y l' n i k o v : Muss man denken.

B o t e f u r : Ja. Ich hab' das hier geschrieben, damit Sie das ja... wissen. {*Telefonanruf, Abbruch der Aufnahme*}.

B o t e f u r : Also, dafür mochten Sie sich bitte mal interessieren, wurde uns gefallen, wenn Sie da was rausfinden.

M y l' n i k o v : Ah, *fenzier*.

B o t e f u r : Ja. Was ist das, *fenzier*?

M y l' n i k o v : Das muss man denken.

B o t e f u r : Ja, das muss man denken, gut. Von den 22 Ortsnamen sind 17 slawischer und 5 deutscher Grundung. Die haben wir hier oben. ah... hier {*faltet die Karte auf*} ja aufgeführt, ne? Das ist hier nur aus unserer Region hier, aus diesem Amtsbereich. Ja, es hat sich jemand intensiv mit den Flur- und Ortsnamen beschäftigt. Sagt Ihnen der Name Zuhlsdorff etwas?

I v a n o v a : Nie.

B o t e f u r : Nie. Ich gebe Ihnen mal ein Zettel. Der wird Ihnen, wenn Sie hier jetzt arbeiten, bestimmt begegnen. Wer schreibt? Sie. {*murmelt und macht Krach*}

M y l' n i k o v : Und auch wo der wendische König begraben war?

B o t e f u r : Ja, Karenz, ja, ja. Kellerberg. Das ist ein vom Beruf ein Schneider, ist schon verstorben vor paar Jahren, Zuhlsdorff und der hat sein ganzes Leben als Hobby beschäftigt mit den Ortsnamen und den Flurnamen von Sudwestmecklenburg. Und weil Sie sich nun für die Griese Gegend und für Sudwestmecklenburg interessieren, ist das für Sie eventuell eine wichtige Quelle, der hat nämlich die Karten dazu, und hat dazu auch den Text. Und dann alles aufgelistet, die Flurnamen und dazu immer die Personennamen, die in dem Ort gelebt haben. Und sehr frühe Angaben, also, 14.-s, 15.-s, 16.-18. Jahrhundert. Der Mann wäre für Sie eventuell von Interesse.

M y l' n i k o v : Das ist bestimmt interessant.

B o t e f u r : Nicht? Das ist bestimmt eine umfangreiche Arbeit.

M y l' n i k o v : Wie konnten wir vielleicht eine Kopie bekommen?

I v a n o v a : Vier Kopien haben wir vom Pastor Tuttas bekommen.

M y l' n i k o v : Haben wir?

I v a n o v a : Ja, Ja, ja.

B o t e f u r : Ja, also, falls Ihnen was fehlt, kriegen Sie das von mir, ich kopiere Ihnen das. Machen wir das.

I v a n o v a : Ja, die Karten scheinen mir bekannt zu sein.

B o t e f u r : So, Zuhlsdorff mit Doppel-F, Flurnamen.

M y l' n i k o v : Aber überhaupt warum denken Sie, dass es slawisch ist?
Fenzier...

B o t e f u r : Ja, das schreibt Balow, schreibt das.

M y l ' n i k o v : Uhu... Ach so, ja?

B o t e f u r : Uhu...

M y l ' n i k o v : Manchmal ist eine Mischung. Sehen Sie, zum Beispiel Novgorod in Russland steht an See Ilmenj...

B o t e f u r : Ja, Ilmen-See.

M y l ' n i k o v : Und hier gibt's Ilmenau. Warum ist es? Zufällig oder nicht, oder von Kelten ist es so, oder von frühere Bevölkerung. Ist schwer zu sagen. Aber etwas ähnliche gibt's hier. *Finzier*...

B o t e f u r : Ich kuck' noch mal... Ach nee, das ist nicht Balow. Würden wir hier weiter jetzt. *Finzier* kucken wir mal nach. Hier habe ich jetzt die Personennamen aufgeführt, die in dem Amt vom Gebiet aufkommen.

M y l ' n i k o v : Bitte schon, welche Amt, wie nennt?

B o t e f u r : Maliß.

M y l ' n i k o v : Ah, Maliß.

B o t e f u r : Alt Maliß ist ja ein neues Amt. Ist ja erst nach der Wende, nach der Wiedervereinigung gegründet, und die Orte des heutigen Amtes Maliß gehörten früher zu dem Amt Domitz oder zum Amt Eldena. Hier über den Berg liegt die Amtsgrenze.

M y l ' n i k o v : Domitz oder?

B o t e f u r : Und Eldena. Domitz und Eldena. Und nach

M y l ' n i k o v : Ellena?

B o t e f u r : Eldena, e, l, d, e, na. So, hier habe ich die ma' aufgeschrieben und da sehen Sie schon, überall wo ich die roten Punkte gemacht habe, slawisch.

M y l ' n i k o v : Ja, ja. Das ist klar, ja. *Ludke* kann auch slawisch sein.

B o t e f u r : Ja, ja. Kann.

M y l ' n i k o v : Kann. *Lud* das ist überhaupt Leute.

B o t e f u r : Uhu, ja. Aber das ist ähnlich eindeutig, deswegen habe ich das auch nicht vermerkt. Ich hatte ein Fragezeichen machen können, ne? So ähnlich ist es auch bei... habe ich hier oben... Brunnecke, habe ich nicht drauf?... Hier, Brunnik, nich? Aus dem Slawischen *brunik*, *brunike*. Konnte ja auch als slawisch gedeutet werden, hier habe ich erstmal aufs deutsch gesetzt, Brunning.

M y l ' n i k o v : Sehr viel gewiss relativ ist, z.B. meine Cousine, ihre Vorname Inga, Vatername Germanovna und Name Karlson. Und sie ist Russe. {*lacht*}. Aus Schweden ist sie.

B o t e f u r : Aus Schweden. Aber ich denke, dass Ihnen sicher etliche Namen bekannt vorkommen, dass es slawisch ist. Ja, das ist also dann im Moment nicht so interessant, hier habe ich noch mal die Zahlen... {*Abbruch der Aufnahme*}.

{*Ende des Interviews*}

23 сентября, суббота

Из дневника Ивановой

Встали мы рано — в 8.30 и выехали около 9. Путь наш лежал в славный город Ленцен, который раньше был в Мекленбурге, но границы изменялись многократно, и вот теперь он принадлежит земле Бранденбург. Там нас ожидала встреча с неким господином Грюнебергом, который был столь любезен, что даже соблаговолил принять пожилого профессора из России с его экспедицией и ответить на несколько вопросов. Кто-то нам посоветовал его как много всего знающего. Ровно в 10 мы были у дома Грюнеберга, сам он появился на десять минут позже, и покуда его не было, мы стояли на улице. Жена не пустила в дом. Нам не предложили даже чашки кофе. Некоторые скажут: это по-немецки, но нет, не по-немецки. Зато это был, пожалуй, самый богатый дом, в котором нам довелось доселе побывать в этих местах. Хозяин коллекционирует антиквариат: старинная мебель, фарфор, часы, картины, хрусталь... и владеет собственной типографией. Беседа с Грюнебергом записана на диктофон, он особо ничем не смог нам помочь, «обнадежив» тем, что мы вряд ли что найдем здесь, пожалуй, только в Ябельхайде, да и то маловероятно...

Обстановка дома Грюнебергов, действительно, очень богата: мы сидим за роскошным старинным столом, в центре которого стоит хрустальная посуда из Чехословакии. Старинное резное фортепьяно, каминные часы, полка антикварных книг. Кофе нам не предложили. Точнее, предложили, но как-то кусок в горло не полез бы — так хорошо предложили. Хозяин показал типографию, старинные станки и современные, образцы печатного слова. Нам выделили час времени, и он уже истек.

В 12 мы уже были в Лейссове с фотоаппаратом и архивными фотографиями. Подошли к пожилому селянину, спросили совета, но он оказался глухим. Затем на одной из боковых улиц нам повстречалось семейство, мать которого знала то, что нам надо о старых домах. Она сообщила, что большинство домов, сфотографированных в 1950-е годы, были снесены или сожжены. Остался в деревне только один сарай, который выглядит относительно новым. Двое других встреченных нами жителей, которые знали еще больше, сказали, что сохранились только одна хлебная печь на улице Хауптштрассе да тот самый сарай. Все старые фахверковые дома и дома из рудного камня *кдунп* были снесены владельцами в 1970-е годы. На их месте сами крестьяне или же их дети построили современные комфортабельные кирпичные дома, где не было уже места сараю и хлеву.

В 12.30 приехали в Лоозен, соседнее село. Оба дома, зафиксированные на фото из архива Воссидло, снесены в разные годы: один в середине 1960-х (1963), другой простоял до 1989–1990. Сейчас в деревне сохранились всего два относительно старых дома, которые были восстановлены после пожара. Это кирпичные постройки XIX в. на месте старых фахверковых зданий. Деревня Лоозен круглая в плане, т. е. тоже *рундлинг*, как и многие здесь. В центре находится пожарный водоем, довольно глубокий, от него лучами расходятся четыре улицы. На плане Шметгау (1770-е годы) хорошо прослеживается *рундлинг*.

Знакомимся с жителями, которых видим в одном из дворов, это семья Лют, они все очень приветливы, зовут нас завтра на праздник урожая. Молодая женщина, Анетте Лют, охотно отвечает на наши вопросы, рассказывает о домах. Между собой в семье Лют говорят на *платтдойч*. Их мать, пожилая женщина, много знает о деревне, приглашает зайти как-нибудь в гости и побеседовать. Мы с радостью принимаем приглашение. Нам объясняют, как проехать к хронисту-любителю фрау Кристель Бернхард, которая «все знает» о деревне, хотя сама не из местных.

Из дневника Мыльников

Погода та же, но без утреннего тумана. Едем в *Lenzen*, где нас ждет **Georg Grüneberg**. В настоящее время этот небольшой город административно входит в землю Бранденбург, но в ГДР был отнесен к земле Мекленбург. Когда мы подъехали к его дому, хозяин отсутствовал, пришлось ждать на улице, причем его жена с большим подозрением следила за нами. Такого приема мы в Ябельхайде (а потом в Вендланде) не встречали, что дало нам повод порассуждать о различии гостеприимства в городе и деревне. Впрочем, обобщать не надо. Сейчас Грюнеберг — хозяин издательства с типографией. Показал несколько собственных сочинений по исторической демографии, в том числе монографию «*Die Prignitz und ihre städtische Bevölkerung im 17. Jahrhundert*», но попытки подарить не предпринял. Зато поделился некоторыми соображениями. По его словам, сейчас население сильно перемешалось. Отсчет для него опять-таки — 30-летняя война, затем индустриализация XIX в., военные и послевоенные массовые перемещения. Если раньше он мог по употребляемому человеком диалекту немецкого языка определить, откуда тот, то теперь это почти невозможно. Опять-таки по его словам, его отец по заданию Академии наук ГДР опрашивал местное население на предмет знания ими хотя бы отдельных вендских слов. Я не понял, какова судьба отчета о проделанной отцом Грюнеберга работе, если, конечно, он был написан (?). В целом беседа оказалась бессистемной. Попрошавшись с хозяином после того как он продемонстрировал свою типографию,

мы вновь вернулись в наши края и совершили объезд части деревень, по которым имели фото из коллекции Баумгартена.

В уже знакомой нам *Leussow* нашли и идентифицировали только два объекта: жилой дом и *Backofen*, которая сейчас используется как улей для пчел. Остальные постройки либо сгорели, либо разрушены, и на их месте построены новые дома. Из расспросов жителей на улицах выяснилось, что современную перепланировку старых домов, особенно фахверков, делать нет смысла, проще строить заново.

Далее мы в деревне *Loosen* у **Christel Bernhardt**. Беседа с ней записана моим портативным магнитофоном, разумеется, с ее согласия. Что касается деревни Лоозен, в которую нам предстоит наведываться не единожды, то это *Rundling*, подобно деревням *Alt Krenzlin* и *Klein Krams*. Из названных деревень в *Loosen* этот тип сохранился лучше всего. Информантка считает его славянским по происхождению. Вообще на этот счет существуют несколько версий, но для нас важно не исследование того, как было, а констатация того, *как это явление ныне оценивается местным населением*. Впрочем, Бернхардт сопровождала свои рассуждения показом иллюстраций ряда деревень округи. Картина та же, о какой мы уже знаем: на одной фотографии показан фахверк (1935), а на другой — дом, выстроенный на месте снесенного (1950). Для меня самым интересным показалась иная информация: адрес жителя той же деревни Вальтера Зеланда, будто бы знающего рассказы о вендах. Надо с ним связаться. Попутное наблюдение: на карте Мекленбурга западнее *Wanzlitz* есть место, названное *Sibirien* (*Flürnamen. Atlas des südlichen Südwestmecklenburg. Berlin, 1970. Tl. 2. Karte 3*). Я вспомнил, как еще в 1979 г. в Кельне мне рассказывали, что правый берег Рейна местные шутники окрестили «Сибирью» — вообще, этим термином называли нечто отдаленное, мало известное (сравни: «Испанская деревня» или «Чешская деревня» — последнее понятие вошло даже в знаменитый немецкий Лексикон XVIII в. Цедлера).

Из дневника Новика

Сегодня мы приехали в город Ленцен (Lenzen). Это уже земля Бранденбург (Brandenburg).

В Ленцен мы приехали для встречи с Георгом Грюнебергом (Georg Grüneberg). Господин Грюнеберг — известный краевед. Он занимается историей родного края и много пишет о славянских древностях в Германии. У него есть собственная типография, а потому он имеет возможность публиковать свои опусы. О Грюнеберге нам рассказывали разные люди, и мы созвонились с ним, назначили встречу на сегодняшний день.

Территориально Ленцен находится недалеко от нашего села. Однако это другая земля. Бранденбург существенно отличается от Мекленбурга.

Совершенно другие дома, ландшафты, украшения палисадников, цветники и проч. Даже люди, как оказалось, совершенно другие. Все-таки Бранденбург — земля, которая со всех сторон окружает федеральную столицу — Берлин. А это накладывает отпечаток. Здесь все уже суетятся, зарабатывают деньги и демонстрируют амбиции.

Наша встреча была назначена на 10 часов утра. Нас пригласили заранее, а потому мы надеялись на самую любезную встречу. Приехали мы раньше, чтобы ни в коем случае не опоздать. Покатались на машине и осмотрели окрестности. Затем без 5 минут до назначенной встречи подъехали к дому Грюнеберга. Позвонили в звонок. Из дома вышла хозяйка и сказала, что ее мужа нет дома и нам нужно подождать. Было неправильно звонить раньше, даже и на 5 минут.

В дом нас хозяйка не пригласила, и мы остались ждать на улице. Это вполне в немецком стиле, но некоторая неловкость все же чувствовалась. Во-первых, нас пригласили, а мы не ворвались неожиданно. Во-вторых, мы представляли экспедицию, а не представляли собой банальных визитеров. Даже наш водитель Хайко Бекманн (Heiko Beckmann) был несколько смущен нелюбезностью хозяйки.

Мы подождали в машине. Ровно в 10 часов к дому примчался автомобиль хозяина. Он стал извиняться за задержку и любезно пригласил в дом.

Наш разговор начался еще во дворе. Все были представлены друг другу. И вопросы о сохранении традиций и славянских древностях начали обсуждаться еще на ступеньках дома. Мы прошли через прихожую и ряд помещений в гостиную. Здесь сразу многое бросилось в глаза. Дом Грюнеберга — первый по-настоящему богатый для меня дом в Германии. Он очень просторный и хорошо обставленный. То, что его хозяин интересуется историей и этнографией, видно по обстановке. В прихожей гостей встречает старинный сундук, прекрасно вписавшийся в новый интерьер. Очень много старинных вещей. Видно, что хозяин изо всех сил старается создать богатую обстановку приличной городской усадьбы, обставленной старинной мебелью и антиквариатом. Однако не все подлинный антиквариат, многие вещи сделаны в наши дни, но выполнены в стилях прошлых эпох.

Комната, где проходил наш разговор, скорее походит на столовую, чем на гостиную. Посередине помещения стоит старинный стол на гнутых ножках, вокруг которого шесть стульев. Стол покрыт старой скатертью с шитьем ручной работы. Подобные скатерти часто встречаются в немецких домах. Они всегда стоили весьма дорого, и немецкие хозяйки с удовольствием выставляют их напоказ, если они есть в их доме. На столе стоит большой прямоугольный хрустальный поднос, на котором красуется хрустальный сосуд с крышкой и тремя ножками. Это хрустальная посуда чешского производства наших дней (марка «Bohemia»).

Потолок комнаты отделан деревянными панелями. Под потолком висит новая люстра под старину. Видно, что хозяева старались изо всех сил поддерживать единство стиля.

В небольшой по площади комнате собрано много мебели и предметов украшения интерьера. Здесь стоит старинное пианино с подсвечниками. Над ним на стене висят старинные часы с маятником и старинный барометр в том же стиле с богатым резным растительным орнаментом. В комнате стоит комод — невысокий шкаф с застекленными полками, на которых размещены книги. На комод выставляются подлинная антикварная керосиновая лампа и многочисленные фарфоровые фигурки. Над комодом висит большая картина.

В комнате находятся также старинный секретер, прилавок (другое название — полубуфет), старинное кресло, большой старинный шкаф. На прилавке — помпезная ваза чешского производства.

Паркетный пол застелен двумя современными коврами. Они лежат рядом друг с другом. Такой способ украшать пол весьма часто встречается не только в Германии, но и в других европейских странах. В России такое встречается редко. Раньше вообще на пол не стелили двух одинаковых ковров, а старались подобрать ковер больше размером. Теперь иногда встречается, но все равно крайне редко. В Германии обычное явление, когда на пол покупают пару одинаковых ковров и кладут рядом. Таким образом покрывают большое пространство пола и не тратятся на дорогие большие ковры. Кроме того два маленьких ковра легче чистить, чем один большой, как и легче мыть пол под ними. Да и выглядит это, на немецкий взгляд, вполне rispetабельно и красиво.

На стенах комнаты много старинных фотографий, есть карта в раме, миниатюра (похожая на камею).

В комнате стоит (либо выполненный под старину).старинный телефонный аппарат На небольшом столике — бронзовые с позолотой часы.

На окнах висят короткие белые тюлевые занавески и такие же короткие малиновые бархатные портьеры. Короткие занавески часто встречаются в немецких домах.

Господин Грюнеберг немного говорит по-русски. Это приятно. Однако вся беседа идет по-немецки. Он считается крупным знатоком края и ведет себя несколько заносчиво. Предлагает задавать любые вопросы, а он нас просветит по всем интересующим темам. В полевой работе и с подобным приходится сталкиваться. Хозяин показывает различные книги, изданные по истории края.

За время беседы он так и не предложил нам хотя бы чашку кофе, несмотря на то что мы приглашены, а не свалились как снег на голову. В его доме ожидают прихода гостей. Жена Грюнеберга вся в хозяйских заботах. Она не упустила случая зайти несколько раз в комнату и напомнить мужу,

не забыл ли он о предстоящем визите. Весь дом был заполнен ароматами с кухни. Жена всюю жарила мясо. Видно, что в немецких домах устраивают солидные приемы гостей.

Хозяин предложил показать нам собственную типографию. Она располагается в здании, построенном рядом с домом. Мы прошли через дом. Еще раз отметили, что он хорошо обставлен. В соседней комнате увидели красивую мягкую мебель белого цвета в современном стиле. Не все, видно, хозяева, могут подобрать под старину. Однако такая эклектика не портила впечатления об убранстве дома.

Здание, где располагается семейное предприятие хозяина, весьма просторно. Оно одноэтажное, но занимает большую площадь. В типографии несколько помещений. Здесь стоит новый компьютер, множество всякой техники и станков. Видно, что хозяину здесь удобно работать. Рядом с современным оборудованием увидели привычные старинные вещи. В типографии у Грюнеберга висят старинные часы и барометр — точь-в-точь такие, как и в жилом доме.

Здание типографии отделяет от жилого дома палисадник. К крыльцу типографии ведет узкая тропинка. Вокруг посажены удивительной красоты цветы. Все очень аккуратно. Каждый цветок заботливо ухожен, вокруг него все выполото, а почва взрыхлена. Александр Сергеевич не совсем рассчитал с тропинкой и проложил след по идиллическому цветнику. Когда мы увидели плоды невнимания к маршруту следования по узким лабиринтам немецкого двора, нас разобрал смех. И остановиться от хохота мы были не в состоянии.

Мы расспросились с господином Грюнебергом и отправились в Мекленбург. Мы многого ожидали от этой встречи. Но вывод из нынешней поездки был один — самые интересные результаты приносит работа с информантами — простыми крестьянами, живущими в родной среде и продолжающими традиции родного края. Краеведы замечательны тем, что у них можно получить наводки на информантов и интересные сведения, но, как правило, они в своих штудиях пытаются подтвердить или опровергнуть какую-либо одну идею, осенившую их давно, и не жалеют ни сил ни времени на поиски своей правды. И очень часто за листьями они не видят леса. А себя считают великими знатоками, приблизиться к которым никто не может.

Переезжая из Бранденбурга в Мекленбург, я еще раз отметил, что Мекленбург мне нравится значительно больше. Дома из красного кирпича, дорожки, вымощенные коричневыми плитками, коричневые ограды, черепичные крыши, шпили церквей как-то стали мне родными. В Бранденбурге много светлых домов, неаккуратных фахверковых зданий, много домов из бетонных плит и зданий, оштукатуренных «под шубу». Все это не радует глаз. Такая эклектика и пестрота не создает впечатления гармонии, которое безусловно возникает в Мекленбурге.

После поездки к Грюнебергу мы решили впредь изучать старые районы Мекленбурга и Ганноверского Вендланда, оставив более широкую географию прежнего расселения славян на последующие экспедиции.

Мы сегодня не остановились на посещении Бранденбурга, а продолжили работу в селе Лоозен (Loosen). Это типичная круглая деревня. Посередине вырыт пруд. Пруд был в селе всегда (по воспоминаниям старожилов). Сейчас пруд обложен бетоном. Так надежнее — не уйдет вода. Бетоном пруд вымостили в последние годы, уже после *Wende* (Wende) — объединения Восточной и Западной Германии. *Wende* — дословно означает «поворот».

Но бетоном в некоторых селах обкладывали пруды и раньше.

В Лоозене много красивых домов. Все село очень ухоженное. Дома большие, выстроены из красного кирпича, имеют черепичные крыши.

Дороги покрыты отличным асфальтом. От круглой площади с прудом посередине отходит старая дорога, вымощенная булыжником.

В селе раньше было две *Gastwirtschaft* (*Gastwirtschaft*). *Gastwirtschaft* — гостиница, постоялый двор. Здесь могли остановиться на ночлег и поужинать заезжие гости. Сейчас из гостиниц не осталось ни одной.

Магазина в селе нет. Два раза в неделю приезжает автолавка с самыми необходимыми продуктами: мясом, рыбой и т.д. В Германии в маленьких деревнях очень часто не бывает собственного магазина. Все местные жители (за редким исключением) имеют автомобиль и ездят за товарами и необходимыми продуктами в город. Когда возникает нужда в чем-то, едут опять-таки в ближайший город или соседнюю деревню, в которой есть магазин. Запланированные покупки делают в автолавке, приезжающей редко, но доставляющей все необходимое. Среди основных продуктов, покупаемых в автолавке, — хлеб. У владельца автолавки можно заказать и интересующие вас продукты — вам их обязательно доставят. Как правило, наценки на продукты в таких автолавках весьма значительные. Цены отличаются от цен в городском супермаркете. Однако ехать в город за небольшим количеством продуктов обойдется дороже, чем купить с большой наценкой в автолавке — ведь бензин в стране очень дорогой.

В селе Лаупин, в котором мы остановились, живут две сестры, у которых вообще нет машины. Они все продукты покупают в автолавке. И им достаточно делать покупки два раза в неделю.

Мы сегодня приглашены в дом Бернхардтов (Bernhardt). Нас попросили войти внутрь. Во дворе дома бегал огромный сенбернар без привязи. Нам сказали, чтобы мы его не боялись, так как хозяева выкормили его с рук.

Хозяйка предложила пройти на террасу. Терраса устроена на возвышении рядом с домом и сообщается с ним специальной дверью с боковой стороны. Терраса окружена деревянным парапетом со множеством подвешен-

ных цветочных ящиков. Пол отделан плитками, а по периметру на нем стоят горшки с цветами. Получается полная идиллия.

Посередине террасы стоит круглый стол, покрытый скатертью. Вокруг него расставлены четыре белых пластмассовых шезлонга с мягкими подушками. Хозяйка вынесла из дома еще два кресла, чтобы всем хватило места.

Над террасой устроен занавес — особая маркиза, которую можно выдвинуть от солнца или дождя.

Это прекрасное место для беседы. Подобные террасы в здешних местах нам больше не встречались. Бывает, что местные жители устраивают столики и кресла во дворе рядом с домом, однако они не занимают столь много места, и в обустройстве площадки их хозяева особо не переутруждаются. Возможно, на севере Германии долгим посиделкам на улице не способствует климат, хотя он здесь и мягкий. Да и традиции обустройства подобных мест отдыха здесь нет. Дом Бернхардтов — пример проникновения инноваций в устройстве жилища.

Хозяйка много лет занимается сбором сведений о родном крае. У нее накопилось много материалов, которыми она рада поделиться. Хозяйка вынесла большую папку с документами и картами. Все материалы аккуратно запечатаны в целлофан. И все это подшито в папке. Собранные бумаги разложены строго по темам и датам — словно в архиве.

Речь идет о славянском прошлом края. Хозяйка говорит о том, что прежде в этих местах жили славяне, но нынче о них сохранились лишь воспоминания и легенды, да еще славянская топонимика свидетельствует об их присутствии на здешней земле.

Нам было интересно посмотреть фотографии в хозяйском альбоме. На фотографиях видели детей в костюмах и украшениях начала XX в. Девочки Анна и Фрида Кооп (Anna & Frieda Кооп) на снимке приблизительно 1918 г. изображены в длинных темных платьях. Платья застегнуты по косой от левого плеча к низу. Такие же платья носили и взрослые женщины. На обеих девочках бусы поверх платья. На маленькой девочке бусы в три ряда. На старшей поверх платья надет также и крест.

В альбоме есть фото мальчиков из деревни Лёйссов (Leussow), которые плетут корзины. Звали мальчиков Герхард и Артур Гайстер (Gerhard & Arthur Geister). За плетением корзин их сняли в 1934 г. Прежде плетение было распространенным местным промыслом. Фото принадлежало Вольфгангу Зеландту (Wolfgang Sehlandt). У госпожи Бернхардт лишь копия фотографии. Известно, что оба мальчика уже умерли.

Работа с краеведами подтверждает, что местные жители все без исключения знают о пребывании в здешних краях значительного славянского населения. А многие жители и себя считают потомками этого населения.

Расшифровка записи беседы с Георгом Грюнебергом

G r u n e b e r g : Ja, das ist eigentlich etwas anderes, aber vielleicht gibt es doch einige Zusammenhänge. Ich beschäftige mich mit der Bevölkerungsbewegung, mit der Bevölkerungsentwicklung vor dem 18. Jahrhundert, also speziell eigentlich die ältesten Aufzeichnungen über die Familiennamen hier in diesem... in der Westprignitz bis zum Jahre 1750 etwa.

M y l ' n i k o v : Oh, das ist interessant. 1750, 18. Jahrhundert.

G r u n e b e r g : Ja. Richtig. Und die ersten Familiennamen dann die am Rande natürlich auch etwas slawische Familiennamen, aber eigentlich mehr die weit der Aufzeichnung der Familiennamen, das beginnt ja erst mit den Steuerregistern, also in Mecklenburg 1469 mit der Kaiser Peter, hier in der Prignitz sind ja die Aufzeichnungen etwas jünger 1400... Ende vierzehnhundert-fünzehnhundert {14. — 15. Jh.}, aber das grob hier die Nachweis bei oben 1544–1600. Und dann die Bevölkerungsbewegung anhand von Steuerlisten, wo man also feststellen kann, besonders im Dreißigjährigen Krieg und auch natürlich auch die Pestjahre, woher ist die Bevölkerung gekommen, die nach diesen großen Pestjahren gekommen ist, ist sie aus der Region, sind es Fremdzugänger und woher kommt diese Bevölkerung. Also speziell die Bevölkerungsgeschichte in der Mark Brandenburg und dann speziell eigentlich den Ort in der Westmark Brandenburg. Das ist eigentlich mein Spezialgebiet.

M y l ' n i k o v : Sagen Sie, wer sind Sie nach Beruf, ist es Ihre...

G r u n e b e r g : Mein Beruf ist eine Druckerei. Also ich habe Schurfsetzer und betreibe eine Druckerei.

M y l ' n i k o v : Also, sind Sie mit Buchwesen auch verbunden.

G r u n e b e r g : Richtig.

M y l ' n i k o v : ich bin auch teils.

G r u n e b e r g : Ja?

M y l ' n i k o v : Ja. Weil ich habe viel Arbeiten über die Geschichte der Buchwesen und mein Name steht in der Enzyklopädie für Buchwesen, ja. {lacht}. Sagen Sie, bitte, solche Frage, es war solche... davon waren verschiedene Meinungen, aber eine von diesen Meinungen früher es ist Anfang 20. Jahrhundert, so dass bis Dreißigjährigen Krieg am meisten Teil war hier die slawische Bevölkerung und — nein, ich verstehe, aber — nach dieser Krieg solche Mischung kam und so weiter. Ich zwar glaube, dass es nicht so, aber trotzdem kann man einige Etappen nennen, weil z.B. nach Urkunden wenn wir sehen, z.B. in Mecklenburg Marschalk in 18. Jahrhundert hat geschrieben, dass einige Dörfer waren auch wendisch, weiter in Jabelheide bis Ende 17. Jahrhundert zeigen die Urkunden, und in Wendland, wohin wir später fahren, ich glaube bis Mitte 18. Jahrhundert und sogar einige solche Blicke waren auch später, z.B. in {19}77 habe ich in Lüneburg, da war eine Sitzung, mit einem Zahnarzt zusammengetreten, er war

so wie Liebhaber, es war sein Hobby, also diese slawische Reste zu untersuchen und finden. Und er erzählte mir, dass als er Kind war, sie hat solche Hausfrau, die mit ihm beschäftigte, und sie konnte noch einige wendische Wörter sagen und deswegen hatte er von Kindheit an eine Interesse, obwohl er reiner Deutsche war, ja? Stimmt es, ja? Kann man heute etwas finden? Ich habe den Aufsatz gelesen, hier war die Expedition von Leipziger — damals Leipziger Wissenschaftler, die in Jabelheide haben verschiedene Sachen von Bauern gesammelt und die Autorin von diesem Aufsatz schreibte, dass noch damals, also 50 Jahre vor dem, konnte man hören, dass in einigen Dörfern bleiben Leute, die ein wenige Wörter wissen, oder haben gehört, dass ihre Vorfahren das wussten. Ich weiß nicht, ob es heute finden kann, wahrscheinlich, schon nicht.

G r u n e b e r g : Schwerer.

M y l ' n i k o v : Aber doch, ja?

G r u n e b e r g : Es wird schwerer, viel schwerer, mit diesen slawischen Sprachresten haben sich natürlich schon viele Wissenschaftler beschäftigt, mein Vater auch, aber er lebt nun nicht mehr. Dann muss ich erst geistig recherchieren. Die Meinungen gehen natürlich oft auseinander, ganz insbesondere bei Flurnamenbezeichnungen, bei Flüssen, bei Ortsnamen... da gibt... gab's auch manchmal schon ein Übereifer mit diesen slawischen Bevölkerungsresten und manche sind eindeutig deutsche Flurbezeichnungen, auch slawischen Ursprungs durchgeführt, das denn sie alles wissen und denn die alles kennen.

M y l ' n i k o v : Frau Ivanova beschäftigt damit.

G r u n e b e r g : Ah... Ja, das ist also wirklich ein Problem, wo also die Meinung der Wissenschaftler also... oft auseinander geht. Es gibt natürlich immer eindeutige Dinge, aber es gibt auch... Beispiele, wo also eindeutig deutsche Sachen auf slawischen Ursprung zurückführen. Die... was ich also auf jedem Fall sagen kann, die... also ich rede mal über diese Region Lenzen.

M y l ' n i k o v : Ja, ja.

G r u n e b e r g : Das also die... slawische Bevölkerung neben der deutschen Bevölkerung gelebt hat und vermutlich sich auch weit langsam vermischt hat. Es gab andererseits natürlich vorbereitet ging die slawische Bevölkerung, wie sie ja wissen, und es gibt ja noch 1500 und auch etwas später noch, der also Bürger einer Stadt hier werden wollte, musste also schwören, dass er nicht von Pfeifern, also von Musikanten, Fischern oder von Wenden abstammt. Die wollten also in der Handwerkerschaft in den Gilden möglichst Deutsche haben und da war eine Herkunft, eine slawische Herkunft etwas negatives. Also, nicht dass es trotz haben die Leute sicher vermischt und irgendwann ist dann nachher nicht mehr zu erkennen, was slawischen Ursprungs ist. Mit den Sprachresten kann ich Ihnen auf jedem Fall, falls Sie noch nicht wissen, es gibt im Dannenberger Stadtarchiv also auf der anderen Seite eine Dame, die pflegt heute noch Volkstanz und Gesang, glaube ich. Und sie haben also slawische, sie hat das von ihrer Großmutter, es

gehörte ihrer Großmutter, sie pflegen dort slawische Tänze und slawische Lieder, es gibt also aktuell wenn man sich kümmert, Reste.

M y l' n i k o v : In Dannenberg, ja?

G r u n e b e r g : Richtig.

M y l' n i k o v : Ja, wir werden da sein.

G r u n e b e r g : Ja, das kann ich Ihnen noch die Telefonnummer und die Adresse noch überreichen.

M y l' n i k o v : Ja, das wurde schön, ja. Das wurde schön.

G r u n e b e r g : Gut, fragen Sie weiter.

M y l' n i k o v : Weiter? Wer fragt weiter?

I v a n o v a : Sie fragen weiter. {zu Myl'nikov}.

M y l' n i k o v : Wissen Sie, da frage ich weiter... {lacht}.

G r u n e b e r g : Also, mit der... mit der... zum Beispiel also Archäologie das ist ja ohnehin das Thema, was mit Sicherheit wissenschaftlich weit abgeschlossen ist, denke ich mal, da ist ja erkennbar, was slawischen Schar ist, und was nicht, und das ist auch kein Thema. Und will ich — ich weiß auch nicht, Sie bemühen sich um Reste, die noch erkennbar sind, oder wollen Sie auch aus der Geschichte etwas...?

M y l' n i k o v : Nein, nein, nein.

G r u n e b e r g : Nein.

M y l' n i k o v : Solche kann ich sagen, «lebendige Reste».

G r u n e b e r g : Ah! Gut, ja. Gut. Also kann man, dann die anderen Sachen mit der Architektur, Hausbau, da kann man natürlich schon immer mal was finden, was die alles gemacht haben, die Ausgrabungen von dem Professor Schuchhard, war immer mal da. Oder hier Baumgarten, kennen Sie natürlich auch alles. Also müssen Sie... fragen Sie mich doch um die spezielle Reste, ja. {lacht}

M y l' n i k o v : Nein, wissen Sie, ich glaube, es wurde für uns interessant, wenn es möglich ist — ich weiß nicht — irgendeine Familie finden, die slawische Wurzel hat und selbst Interesse an diese Probleme hat, vielleicht kennen sie irgendeine Erzählungen auch, Geschichte der Familie — diese Problemen da.

G r u n e b e r g : Das ist wohl doch in dieser Region zu spät. {lacht}. Würde ich mal sagen.

M y l' n i k o v : Nu ja...

G r u n e b e r g : Es gibt ja viele Theorien über die Besiedlung besonders hier in der Elbe-Region, also wir wissen, wo die slawischen Besiedlungsplätze waren, das ist ja bei den Frühgeschichtlern bekannt, die nächste Problematik in dieser Region ist die Einteichung der Elbe, also wann begann man in Teiche zu ziehen und also festere Siedlungsplätze zu schaffen. Das wird nach positiven Meinungen der Wissenschaftler um 1100–1200 gewesen sein, ob in diesem Zusammenhang auch Holländer mithierherkamen, ist nicht belegt, aber eventuell zu vermuten. Ich denke, dass die slawischen Bevölkerungsreste doch in der

Region zu finden sind, aus der Sie jetzt kommen. Also die Griese Gegend, ist Buch von Witte...

M y l' n i k o v : Ja, das wissen wir.

G r u n e b e r g : Natürlich wissen Sie das. Also ich denke, dass in der Region die Chancen grösser sind, als hier in einer Stadt, zum Beispiel, insbesondere hat ja auch die städtische Bevölkerung ohnehin eine andere Struktur, als die ländliche.

M y l' n i k o v : Na ja.

G r u n e b e r g : Also, ich denke, dass die Suche in einer ländlichen Region, die etwas isolierter war, zum Beispiel, als Wendland, wo Sie noch hinwollen, oder die Griese Gegend, sind Ihre Chancen besser.

M y l' n i k o v : Und also es diese Beispiele, die uns interessieren, meinen Sie, dass hier schon kann man nicht finden, ja?

G r u n e b e r g : Ja.

M y l' n i k o v : Na ja.

G r u n e b e r g : Das wäre... das wäre zu... Also lebendige slawische Reste werden Sie ja nicht... Also, gut, Sie sind natürlich Spezialist, Sie sehen es vielleicht einigen mit anderen Augen oder tiefer oder wie auch immer, aber ich denke, Sie werden es nicht finden.

M y l' n i k o v : Nu ja...

G r u n e b e r g : Insbesondere kam ja nun auch nicht nur nach dem Dreißigjährigen Krieg, die erste Verfremdung, die erste große Verfremdung mit der Industrialisierung kam eine zweite und mit dem... nach dem zweiten Weltkrieg kam dann die dritte. Denn die Umsiedler und das vermischt sich so sehr... Als ich Kind war und fuhr mit dem Zug von Berlin nach Schwerin, wusste ich genau, kann man hören, wo steigen Leute aus dem Zug, weil man weiß, die Sprache ändert sich in der Region, man weiß auch die Dörfer, wo sie hingehört, das war akustisch noch zu hören, aber das hören Sie heute schon nicht mehr. Also in den letzten dreißig Jahren hat sich das so verfremdet.

M y l' n i k o v : Und waren Sie hier geboren?

G r u n e b e r g : Ja.

M y l' n i k o v : Aber Sie stammen aus deutsche Familie, ja? Oder ist es...

G r u n e b e r g : Soweit ich es nachweisen kann, also die Namen ab 1600, darin erkenne ich eigentlich, gut, ich... so Spezialist bin ich nicht, ob die Familiennamen dabei sind, die möglicherweise noch slawischen Ursprungs sind, da vermag ich nicht zu entscheiden. Also nicht bewusst. Also es ist... auch in der Familie, in der Geschichte der Familie nicht bewusst.

M y l' n i k o v : Nu ja. Wie meinen Sie, meine liebe Kollegen?

I v a n o v a : Dann sind wir richtig, dass wir genau in Griesen Gegend etwas ausfindig zu machen wünschen.

G r u n e b e r g : Ja. Sicher gibt's natürlich dort diese Probleme wie hier, dass sich die Bevölkerung eben insbesondere auch nach dem zweiten Weltkrieg

verändert hat, die Bevölkerungsstruktur, während man zwischen 1600 und 1800 noch über Jahrhunderte oft mal dieselben Familien verfolgen kann, hat sich das also im 20. Jahrhundert extrem verändert. Durch die Landflucht einmal in die Städte, wo es Arbeit gab, überhaupt mit Ende der Leibeigenschaft hat sich schon alles verändert, weil die Leute dann mobiler wohnten und ihre Wohnplätze geändert hatten. Aber bis dahin, während also den Zeitraum oder 1550 und 1808 lassen sich natürlich über die Jahrhunderte dieselben Familiennamen in den Orten feststellen. Es ist natürlich oft so, dass wenn man sie kennt. Also wenn Sie jetzt einen Familiennamen Pfund, zum Beispiel sagen, oder Ferklas, dann kann man identifizieren, dass diese Leute aus der Region nördlich Dömitz, also man kann sie auch an eng... an ein enges Gebiet begrenzen oder Forje, das sind die Familiennamen, die speziell in dieser Region vorkommen. Heute natürlich hat man sich verbreitet auch woanders, aber es gibt natürlich spezielle Namen, die auch speziell, wie Kahl, zum Ort gehören, aber es ist schon schwer. Aber es gibt die noch.

B e c k m a n n : Es wäre mal interessant zu schauen, weil diese Familien, die Nachweise schon seit Jahrhunderten in dieser Region ansässig sind, was... wie sich da das Bewusstsein entwickelt hat oder was für ... heute da ist, ob dieses Bewusstsein, dass schon Jahrhunderte da sein... überhaupt vorhanden ist oder?

G r u n e b e r g : Das ist schon vorhanden.

B e c k m a n n : Ist vorhanden? Ja?

G r u n e b e r g : Natürlich. Das ist schon bei den... es geht ja, hier in der Prignitz war früher ein Herr mit Besitz und Stand. Und wenn eine Familie seit dreihundert Jahren ansässig ist, dann wissen sie das auch gut und sind darauf auch stolz. Und in Südwestmecklenburg, dort soll sicher ähnlich sein, obwohl natürlich die Struktur etwas anders ist, die Leute waren ja länger arm, die Bauernstand ist ja sehr spät, aber das ist ja auch... Gut, aber das interessiert sie auch? Es interessieren sie auch keine Gehöftsakte, sie wollen ja nicht wissen, sondern sie wollen ja an die jetzigen Bevölkerung noch etwas entdecken, das ist möglich. Ich wünsche Ihnen viel Glück! *{lacht}*. Ja.

M y l ' n i k o v : Nu, ich glaube, dass hier kann man unsere Gespräch beenden, ja...

{die Aufnahme wird unterbrochen}

{Ende des Interviews}

Расшифровка записи беседы с Кристель Бернхард.

B e r n h a r d : Also ich schreibe ja an der Ortschronik. Ich schreibe an der Ortschronik allerdings für die gesamte Gemeinde Alt Krenzlin, dazu gehören fünf Ortsteile. Ne? Klein Krams, Loosen, Alt Krenzlin, Neu Krenzlin und Krenzliner Hütte. Wobei Krenzliner Hütter der jüngste Ort ist. Der hat mit der Slawenfor-

schung eigentlich nichts zu tun. Der ist entstanden durch eine Glashütte, die dort gebaut wurde und die ist dann 1779 eingegangen und da wurden die Glasmacherwohnungen, die 1748 gebaut wurden, dann verkauft zu Büdnereichen. Loosen ist urkundlich erwähnt als der älteste Ort. Aber die urkundliche Erwähnung sagt nichts über die Entstehung des Orts aus. Der Dorfkern — haben Sie bestimmt schon gesehen am Dorfteich, das ist der alte Dorfkern, der ist schon sehr alt. Das zeigt diese Rundlingsform. Und der ist noch am besten erhalten von allen Dörfer, die da haben. Es gibt so einen alten Dorfkern in Alt Krenzlin und es gibt so ein Dorfkern in Klein Krams. Aber der Loosener ist am besten erhalten, da fehlt nur... fehlen zwei Häuser. Und ansonsten stehen die Häuser natürlich alle neugebaut, und weiter nach vorne gebaut worden, die wurden dann praktisch in die Garten vorgebaut zur Straße, die lagen früher viel weiter hinten. Ich hab' da auch noch alte Karten. Ich kann Ihnen das zeigen. Das mal... ausgesehen hat. Wenn sie das interessiert.

M y l' n i k o v : Ja, gewiss.

B e r n h a r d : Und ansonsten weiß ich nicht sehr viel über diese slawischen Sachen, deswegen interessiert es mich ja auch, ich denke, ich kann von Ihnen einiges erfahren. Loosen gehörte noch zum Rand der Jabeler Heide. Aber die anderen Dörfer nicht mehr. Das war nur Loosen liegt am Rand der Jabeler Heide, ist auch so erwähnt. Aber die anderen Dörfer nicht. Sonst von früher es gibt aus der Steinzeitfunde hier, das werden Sie wissen, bestimmt, und solche alten Funde aber, die die Besiedlung eigentlich direkt ist, das kann ich Ihnen nicht sagen. Eins ist in Klein Krams wurde... waren einmal Ausgrabungen in den 70-er Jahren, Ende der 60-er — Anfang der 70-er Jahre, und da wurde ein altes slawisches Haus ausgegraben.

M y l' n i k o v : Hier, ja, in Loosen?

B e r n h a r d : In Klein Krams. Nachbarort. Und diese Unterlagen... muss ich mal sehen, muss ich mir 'raussuchen, dann kann ich Ihnen vielleicht was sagen, der hat da bestimmt viel Ahnung gemacht. Der hat diese Ausgrabungen damals geleitet und ich selber bin auch dazu gekommen und da weiter nachzuforschen mit fünf Dörfern zu viel ist.

M y l' n i k o v : Sagen Sie, und welche Dorf ist Rundling, oder war Rundling? Loosen?

B e r n h a r d : Rundling war Loosen.

M y l' n i k o v : Ja.

B e r n h a r d : Alt Krenzlin...

M y l' n i k o v : Auch?

B e r n h a r d : Alt Krenzlin auch, war auch ein Rundling... und Klein Krams.

M y l' n i k o v : Loosen, Klein Krenzlin, Klein...?

B e r n h a r d : Krams mit «k».

M y l' n i k o v : Kam?

B e r n h a r d : Krams.

M y l' n i k o v : Ah, Kram. Ja, ja.

B e r n h a r d : K, r, a, m, s.

M y l' n i k o v : Ja, ja, ich verstand.

B e r n h a r d : ja. Das sind alte Rundlingsdörfer.

M y l' n i k o v : Und die bleiben auch heute wie Rundlingsdörfer, also die Planierung bleibt alte?

B e r n h a r d : Nein. Also Klein Krams ist sehr aufgelöst dadurch, dass sehr viele Höfe weggerissen worden. Loosen ist am besterhaltenste Rundlingsdorf. Alt Krenzlin kann man auch noch ganz gut erkennen.

M y l' n i k o v : aber es sind doch ein wenig später, etwa um 13. Jh.

B e r n h a r d : ja, das ist die Ersterwähnung. Die Ersterwähnung hat aber nichts mit der Entstehung der Dörfer zu tun. Das ist das erste Mal, das diese Dörfer in Urkunden erwähnt worden. Und — muss ma' rechnen — das war 1353 wurde Loosen das erste Mal erwähnt. Und zwei D-Form da war alles noch hier gewesen, dass diese halbe Dik- der halbe Teich, das war, hiess Dik. Teich war Dik — dass der halbe Dik verkauft wurde von Loosen. Und dadurch wurde diese Ersterwähnung genannt und da sind für uns eben einfach Entstehungsdatum, hat aber nichts mit der ursprünglichen Gründung zu tun, weil ja früher noch keine Schriftform vorhanden war. Und von der Überlieferung her ist mir bis jetzt noch nichts gelingen, vier Jahre, seitdem ich daran arbeite... Wobei ja Loosen in verschiedenen Schreibweisen gibt, das soll auch ein slawischer Name sein. Weil mit der Namenforschung habe ich noch nicht betrieben, dass es das was noch kommt.

B e c k m a n n : Interessanter jedenfalls wäre ja für Sie noch tatsächlich das Wossidlo-Archiv da in Rostock.

B e r n h a r d : Ja. Das ist... finde ich ganz interessant jedenfalls, aber...

{ die Aufnahme wird unterbrochen }

B e r n h a r d : {In der Gegend} da ist nicht sehr viel gemacht.

I v a n o v a : Das Haus ist am Teich 2? {besichtigt ein Foto}

B e r n h a r d : Ja, am Dorfteich 2.

I v a n o v a : Und wurde 1881 abgebrannt?

B e r n h a r d : Ja, steht auch dran. War abgebrannt und wurde auf dem alten Fundament wieder aufgebaut. Mach Sitz! Setzt dich hin! {es kommt der Hund von Bernhard}.

I v a n o v a : Ist das das andere Haus, weiter die Straße 'runter 1814, glaube ich?

B e c k m a n n : Die Richtung, ja. Hier, da gibt's ja noch dann Dik unter. Und hier da müsste das Haus sein. 1814 habe ich da.

I v a n o v a : Vom Dorfteich ‘runter. Steht nämlich drauf. Ein altes Hallenhaus.

B e r n h a r d : Das ist die Hufe 6 gewesen. Das ist auch 1889. Das ist schwer, da ist die Buchstabe ‘runtergefallen, das ist etwas kaputt. Und dadurch ist das schwer, aber ich kann sie noch mal anrufen. Ich frag’ sie noch mal. Ja? Noch mal, die weiss es ganz genau. *{lacht}*

{die Aufnahme wird unterbrochen}

B e r n h a r d : ...zwei Geschichten, einmal Penz Göttel, da sollte eine goldene Wiege in dem Berg gewesen sein, die hab’ ich aufgeschrieben. Und einmal ist der Gendarmmer Stein, es ist aber schon 1917 gewesen, da ist dann von Zigeunern ein Gendarm erschlagen worden, erschossen worden und denn irgendwie wurden dann gefunden und ‘n Stein gesetzt, das ist jetzt zum Sperrgebiet, der Stein steht noch. Ist zwar zusammengefallen bis hin, aber der Stein an sich steht noch. Und ansonsten habe ich noch alt auf Platt einige Geschichten von dem Lehrer, der hier in Loosen gewohnt hat und ich kann’s ja Ihnen mal zeigen, wenn Sie das interessiert. Ich hol’ es. *{lacht}*. Möchten Sie noch was? Möchten Sie Fotos mal sehen?

I v a n o v a : Wenn Sie’s haben, ja.

{die Aufnahme wird unterbrochen}

B e r n h a r d : Da haben... da wurde ja praktisch von den jungen Leuten Maien geschlagen zu Pfingsten, da wurde ‘ne Hütte gebaut und die gingen dann ‘rum und jagen praktisch den Winter aus, sagten einen besonderen Spruch dazu, Moment... *{sucht ziemlich lange nach dem Spruch in Papieren}* ...am wie gesagt und sammelten Geld oder Eier und so weiter und dann wurde das nachher verfasst. Und das soll praktisch auf Hirten zurück, ein Brauch der Hirten sein.

B e c k m a n n : Und bis wann war dieser Brauch durchgeführt?

B e r n h a r d : Der Brauch wurde nochmals 1980 aufgelebt von den Kindern. Es waren aber früher nur die Hirten, also nur männliche und jetzt hier mit den Kindern da gehen auch die Mädchen mit und so weiter. Das wurde nochmals gemacht, das ist hier so aus dieser Zeit um 1880 dann beim Bau der Pfingstlaube. Und auch... Das ist hier nochmals die Geschichte, die Kortschak dann aufgeschrieben hat, wie die Geschichte sich erhalten hat. Was das alles für Brauch hier ma’ gibt. Das ist das nämlich, womit ich im Moment nicht beschäftigt habe, deshalb habe ich das nicht im Kopf.

M y l’ n i k o v : Bleibt irgendwo Rauchhaus?

B e r n h a r d : Nein. Das gehören dazu einige der Geschichten

{die Aufnahme wird unterbrochen}

{Ende des Interviews}

Фотодневник

F-3. В-14 Лёйссов. Сарай на улице Мира, 17 (Friedenstrasse, 17). Желтый крест на въездных воротах — знак протеста против строительства могильника радиоактивных отходов в Горлебене (Вендланд). Основная масса таких знаков протеста находится в Вендланде.

F-3. В-15 Лёйссов. Ludwigsluster Strasse. Хлебная печь в одном из частных дворов. Раньше хлебные печи были в каждом дворе, в них пекли хлеб и пироги, запекали мясо. Разводить такой большой огонь в доме с соломенной крышей было опасно. Из-за пожароопасности место огня выносили за пределы дома. Печи использовались до начала XX в., теперь многие печи снесены, но изредка можно видеть их в саду.

F-3. В-16 Лёйссов. Ludwigsluster Strasse. Хлебная печь и ульи.

F-3. В-17 Лоозен. Старый дом в «крестьянской деревне» в центре *рундлинга*. Am Dorfteich 5.

F-3. В-18 Лоозен. Деревенский пруд в центре площади круглой деревни.

F-3. В-19 Лоозен. Am Dorfteich 2. Дом и хлев были восстановлены в 1881 г. и топились по-черному. Сейчас находятся под охраной памятников округа Людвигслуст. Владелец: Херта Шмидт.

24 сентября, воскресенье

Из дневника Мыльникова

Суббота и воскресенье для нас самые рабочие дни именно потому, что наши потенциальные информанты отдыхают или, во всяком случае, не заняты большими работами по дому. Это Германия, а потому все упорядочено и четко. Погода антициклонная: солнечно и сухо. Но сегодняшний рабочий (для нас!) день особенный: в деревне *Лоозен* в 10 утра начинается сельский праздник урожая. На таком нам бывать не приходилось. Происходило все примерно так. В назначенное время на одной из улиц собралось 14 повозок, «запряженных» в тракторы. В повозках сидели и стояли участники соответствующих хозяйств, частью это были разные семьи, живущие в одном доме. Повозки были украшены ветвями (преимущественно березы), люди были празднично одеты, на многих женщинах народные платья (был ли крой традиционным или измышленным — сказать не берусь). На головах у женщин накрахмаленные традиционного типа белые матерчатые чепцы, которые прежде надевали во время полевых работ для защиты от солнца. Весь караван сделал круг почета по деревне и направился к стоящему за ее пределами большому ангару, где празднество собственно и происходило. В обычных условиях это складское помещение для хранения картофеля. Мы двигались к эпицентру веселья пешком. Поскольку пешеходы и повозки пересекали некую линию, считающуюся границей деревни, там стояла молодца, одетая в праздничный народный (или псевдонародный?) костюм (блуза, юбка, на шее платочек) и приветствовала гостей рюмочкой крепкого вина. Нас тоже. Когда вся «конная», т.е. тракторная, и пешеходная процессия вошла в ангар и расселась по заранее расставленным длинным дощатым столам, около 11 часов заиграл духовой оркестр пожарных. Играли старинные вальсы и польки Штрауса, марши и, конечно, повсеместно любимую немцами мелодию «Марианны». Я попытался записать фрагменты музыки на магнитофон, а по окончании подошел поблагодарить оркестрантов, поскольку они играли весьма профессионально. В двух ларьках продавали пиво, спиртные напитки, жареные колбаски, а также тушеную свинину с капустой, но этого блюда было мало и до нас оно не дошло. Когда в публике стало известно, кто мы и откуда, нас приветствовали, подходили, угощали. В том числе с нами познакомился **Вольфганг Хеннинг**, представившийся как инженер, живущий и работающий в Гамбурге, но на выходные дни приезжающий в *Лоозен*, где имеет громадный старинный дом. Несколько квартир в нем он сдает жильцам. Кроме того, ему принадлежит 7 га леса и земли. Сперва он подсел ко мне, завел речь об истории русско-немецких связей. Соглашался, когда я в который раз изложил свой взгляд на их стабилизирующую роль в Европе.

Вскоре в общий разговор включились Юля и Саша. По окончании праздника он пригласил нас к своему дому, где нам подарили несколько небольших кукол из соломы, которыми была украшена повозка. Юле удалось спроворить громадное соломенное чучело мужика, украшавшее передок трактора. Чучело было в костюме с сорочкой, а на ногах красовались вполне приличные, хотя и ношенные, штиблеты. Роль причинного места, высунутого из брюк наружу, выполняла морковь. Своеобразный карнавальный символ труда и плодородия! Перед тем как расстаться, Хеннинг пригласил нас поужинать в придорожном ресторане. Тем и завершилось наше трудовое воскресенье.

Из дневника Ивановой

Сегодня праздник урожая в Лоозене, но сначала у Хайко день рождения, и я дарю ему рыжий букет из осенних цветов и рябины, который вязала вчера весь вечер. Он так трогательно благодарил — не ожидал, наверное.

Праздник начался в 10 утра с праздничной процессии восьми украшенных тракторов по улицам деревни, посмотреть на которую вышли все жители деревни. Процессию составили машины самых разных лет сборки: от 1950-х до современных. Каждый трактор с прицепом богато украшен зеленью, осенними цветами и плодами — початками кукурузы, картофелем, яблоками, тыквами, злаками и соломенными куклами. К нескольким тракторам привязаны антропоморфные чучела, уродливые, с выступающими фаллосами, которыми служат крупные корнеплоды. Процессия движется в направлении деревни Альт Кренцлин, а затем они двинутся в маленькое и сравнительно новое поселение Кренцлинер Хютте. Трактора гудят, женщины и дети приветствуют участников поезда, машут им. Между Лоозеном и Кренцлинер Хютте процессия останавливается, и женщины наливают каждому встречающему и желающему шнапса. Это старинный обычай местных жителей: здесь раньше была граница угодий обеих деревень, и когда молодежь шла на танцы из Лоозена в Альт Кренцлин, то всегда останавливались здесь на границе, выпивали и танцевали парами. В этот раз тоже танцевали: госпожа Анетте Лют, наша вчерашняя знакомая из Лоозена, кружится с молодым человеком из деревни, кто-то рядом играет на гармонии. А мы выпиваем по рюмочке «Гольд Кроне». После долгой паузы, которую нам, к сожалению, не удалось заснять на видео (аккумулятор не зарядили), наш поезд двинулся дальше.

После процессии тракторов участники праздника собираются для праздничной трапезы и танцев. В Кренцлинер Хютте находится ангар, выстроенный для хранения картофеля, но традиционно используемый упомянутыми тремя деревнями для сходок или деревенских праздников. Перед въездом в ангар установлены две куклы из снопов соломы, оформленные в виде мужика и бабы с плакатом, приглашающим принять участие в празднике.

Праздничный поезд прибыл из Альт Кренцлина и остановился перед ангаром. Теперь это 14 тракторов, украшенных плодами, цветами, злаками и соломенными куклами. Украшения для праздничного поезда изготавливают, по традиции, только молодые люди, неженатые или же молодожены. Соломенные куклы делают дети.

В ангаре оборудована сцена, украшенная зеленью, и танцплощадка. Украшение зала составляют бумажные и электрические гирлянды, а также неприменный атрибут урожайной обрядности — корона урожая. Она состоит из злаков и лент в цветах земли Мекленбург — красном, синем и желтом. Гости и участники праздника размещаются за длинными деревянными столами, принесенными в ангар на время праздника, за столами находятся палатки–бары, где можно заказать пиво, шнапс и традиционную для деревенских праздников еду: колбаски, сосиски, картофельный салат, хлебцы и т.д. Для праздников урожая община традиционно приглашает пожарный духовой оркестр. Он играет громкую радостную музыку, на сцене танцуют пары, после трех глотков шнапса танцуем и мы с Сашей.

Через некоторое время на танцплощадке выступают участники самодеятельности общины Лоозена, одетые по случаю праздника в стилизованные национальные костюмы — пестрые юбки, белые фартуки и белые головные уборы крестьянок у женщин, черные брюки и белые сорочки у мужчин. Выступления группы называются здесь «Trachtentanz» (букв. «танцы в народных костюмах»). Танцующие образуют круг, танцуют, хлопают в такт музыке. Кульминацией выступления ансамбля является гимн Мекленбурга, который танцуют так: все участники становятся в хоровод, поворачиваясь при этом лицом к залу, и берут друг друга под руки, и хоровод движется плавно то вправо, то влево. После этого ансамбль уходит со сцены, и танцплощадка переходит в распоряжение танцующих пар.

Традиция праздников урожая старая, и жители помнят ее еще в нашем веке — в 1930-е и 1950-е годы. Потом, после коллективизации, «настали другие времена», и времени на праздники не было, тогда традиция постепенно угасла и лишь в последние пять–шесть лет возродилась вновь.

Было много выпито и съедено, многие гости, пошатываясь, пробирались сквозь пространство. Мы ели жареные колбаски *братвурст* и пили шнапс и пиво. К нам за стол подсел мужчина средних лет и представился: Вольфганг Хеннинг из Гамбурга. В Лоозене у него свой дом, который он назвал «meine Datscha».

Вольфганг подносил нам один стакан шнапса за другим, болтал со мной и под конец пригласил нас к себе. Мы договорились, что заедем к нему на чашку кофе, а затем поедем в его лес за грибами.

Во дворе Хеннинга стояла повозка, с которой еще не снято было праздничное украшение и соломенные куклы. Мы аккуратно срезали несколько

морковей, картофелин и початков кукурузы и упаковали в мешок (в хозяйстве сгодится все). Потом еще в качестве дара музею нам разрешили срезать трех соломенных кукол, которых делали деревенские дети за день до праздника. После бокала портвейна, чашки кофе и беседы с совсем нетрезвыми квартирантами Вольфганга поехали, наконец, в лес. Лес недалеко от Лоозена весь частный — Вольфгангу Хеннингу принадлежат 7 га. Весь поход за грибами был слегка нереальный и странный: на мне была цивильная, вполне городская одежда, включая замшевую обувь, в которой я никогда не хожу в лес. Каждый раз, когда я видела светлый бок или шляпу гриба в чаще (а чаще в искусственных лесах непролазная в буквальном смысле) и выползала на свет божий, то сотни сосновых иголок осыпались мне за ворот. Набрала ведро грибов, господин Хеннинг не смог не оценить моих талантов. Сам-то он спяну видел меньше и всё червивые. После этого замечательного похода за грибами в собственный лес мы отправились в Лейссов в деревенский ресторанчик «Landeskrug», где долгий обед из дичи плавно перетек в долгий ужин...

Из дневника Новика

Сегодня важный день для нашей экспедиции. Округа отмечает праздник урожая — Erntefest. В конце сентября — начале октября такой праздник отмечают во всех уголках Германии. Местом проведения праздника является деревня Лоозен (Loosen). В ней соберутся местные жители из близлежащих сел, чтобы отметить сбор урожая.

Когда мы приехали в Ябельхайде, то видели на обочинах дорог соломенные чучела с указанием даты проведения праздника. Местные жители также приглашали нас принять в нем участие. Посмотреть, как современные немцы отмечают традиционный сельский праздник, было очень интересно.

В деревню Лоозен мы приехали к 10 часам утра. Приехали заранее, чтобы не пропустить что-нибудь интересное. Однако процессия тракторов, полностью готовая к отправке, уже стояла на сельской улице. Вереница сельскохозяйственных машин была украшена самыми обычными продуктами крестьянского труда: луком, яблоками, кукурузой, тыквами, кабачками, картофелем, снопами злаков. В это овощное, фруктовое и хлебное богатство были добавлены полевые цветы и разноцветные ленты земельного флага Мекленбурга — красный, синий, желтый.

В праздничной процессии принимают участие трактора и техника разных крестьянских хозяйств. Их владельцы пытаются украсить свои машины как можно более изысканно. Самые простые варианты — привязывают к машинам снопы ржи, пшеницы, вязанки лука, яблок. Некоторые семьи украшают свои трактора соломенными куклами, гирляндами цветов. На капоте одного трактора было привязано соломенное чучело, наряженное в современную

мужскую одежду. На нем были брюки, куртка, кожаные туфли. Ширинка была расстегнута, и из нее торчала огромная кормовая морковка, обтянутая презервативом. Этот трактор вызывал восторг у окружающих. Можно было бы объяснить появление такого чучела в праздничной процессии самой идеей дня урожая — ведь люди прославляют плодородие земли. А детородный орган — символ восполнения и плодородия, продолжения жизни. Однако здесь не обязательно искать корни в фаллическом культе предков. Просто на подобном празднике местные жители сочли возможным таким образом пошутить. Хотя на другом празднике подобное чучело скорее всего и не появилось бы.

В процессии участвуют трактора разных лет и разных фирм. В основном все машины не новые. Преклонным возрастом техники подчеркивается древность традиции дня урожая. Хотя, понятно, самый старый трактор все равно не старше начала XX в. К тракторам прикреплены прицепы, в которых едут домочадцы. В прицепах устроены скамейки, на которых сидят женщины, мужчины, дети. Прицепы также украшены знаками, овощами и фруктами. Женщины постарались надеть традиционные костюмы. У кого их нет, нарядились в новоделы, имитирующие бабушкины платья.

Процессия двинулась с места до того, как я успел настроить видеокамеру для съемки. Как нам объяснили местные жители, трактора двинулись по соседним деревням, чтобы к ним примкнули и соседи. Завидев процессию, из дворов выезжают другие крестьяне, желающие принять участие в празднике. С момента сбора первых тракторов на улице в деревне Лоозен до окончательного формирования процессии может пройти пара часов. Объехав округу, трактора собираются на месте первоначального сбора.

Выждав определенное время, вся процессия под звуки сигналов и радостные возгласы участников отправляется к месту проведения праздника. В Лоозене таким местом служит старое овощехранилище. В прошлом, еще в начале XX столетия, местом для отмечаемого праздника служило *диле* (*Diele*) — просторные сени-двор в доме саксонского типа. Теперь участников праздника очень много, они вряд ли смогут вписаться даже в самое просторное *диле*. Поэтому выбирают большое общественное здание, в котором есть просторное помещение. В Лоозене таким зданием является бывшее овощехранилище, принадлежавшее местному сельскохозяйственному кооперативу. Просторное помещение, в котором прежде хранили картофель и морковь, превращается в зал для коллективного праздника. Это помещение уже не служит для хранения урожая. Да и сам кооператив приказал долго жить.

В тех деревнях, где нет подходящего помещения для многолюдных праздников, обходятся следующим образом. Сельские жители заказывают обслуживание в городе. Тогда из ближайшего городка привозят огромную палатку-шатер. Ее устанавливают, а в ней расставляют столы и стулья, устраивают эстраду для оркестра. В Лоозене такой необходимости нет, а по-

тому эта деревня становится центром праздничных мероприятий для всей округи.

Когда мимо нас проезжала процессия тракторов, украшенных по случаю праздника, я снимал все происходящее на камеру, а Юлия фотографировала. Люди, сидевшие за рулем техники и в прицепах, радостно кричали и махали нам руками. Позже выяснилось, что все подумали, что мы съемочная бригада телевидения из Берлина. Но когда узнали, что мы из России и интересуемся местными традициями, отношение к нам не изменилось. На празднике нас продолжали радостно принимать и приветствовать.

Процессия двинулась в сторону овощехранилища, и все прибывшие на праздник люди потянулись за ней. Впереди ехали трактора, везущие ликующий народ. Среди вереницы машин встречались и сельскохозяйственные мотоблоки, и другие виды техники. После наряженных машин ехали автомобили с местными жителями. Каждый желающий попасть на праздник пристраивался к колонне. Вереница выстроилась на многие сотни метров. Мы поспешили пристроиться к другим авто. Путь занял недолгое время. Овощехранилище расположено недалеко от края деревни. Посередине пути процессия неожиданно остановилась. Люди вышли из автомобилей и слезли с прицепов тракторов, достали из сумок бутылки с алкогольными напитками и стаканы и стали разливать и угощать друг друга. Такая остановка обязательна в праздник урожая. Называется она просто — *тринкпаузе* (Trinkpause — «перерыв для выпивки»). Мы также вышли их машины. К нам подошла знакомая из Лоозена и предложила выпить в честь праздника. Мы охотно согласились. Она налила каждому из нас в одноразовые стаканчики вайнбранда из большой бутылки. Мы осушили стаканчики и поблагодарили гостеприимную немку. Закусок не предлагали. Все вокруг также немного выпивали и радостно приветствовали друг друга и поздравляли с праздником. *Тринкпаузе* длилась недолго. В скорости все расселись по своим автомобилям и прицепах и направились к месту проведения праздника.

Женщины, которые принимали участие в празднике, по большей части были одеты в традиционные наряды, вернее, их одежда была стилизована под костюмы бабушек. На большинстве женщин были белые чепцы из хлопчатобумажной ткани. Такие чепцы традиционно имели каркас из тростника. Теперь хозяйки шьют современные чепцы, используя покупную хлопчатобумажную ткань и вставляя в качестве каркаса пластмассовые прутья. Головной убор — основная деталь традиционного костюма в местном понимании. На некоторых женщинах вообще вся одежда была современной, и лишь чепец показывал их верность местным традициям. Было по-осеннему тепло, поэтому большинство людей было в плащах и куртках. Вся верхняя одежда была современной. Поэтому белоснежные старинные чепцы особенно контрастировали с остальной одеждой.

Процессия двинулась дальше. Ее продвижение сопровождалось радостными возгласами и гудками. Очень быстро мы подъехали к зданию овощехранилища. Здесь нас ожидала большая толпа людей, приехавших до нас. Все радостно кричали и приветствовали участников тракторной процессии. Среди толпы было очень много детей. Ребятишкам подобные мероприятия в радость. Автомобили были припаркованы хозяевами здесь же, рядом с овощехранилищем. А трактора и другая сельскохозяйственная техника дали круг почета по большой бетонированной площадке перед овощехранилищем. Каждый трактор толпа приветствовала радостными возгласами. Чем оригинальнее была украшена машина, тем более восторженными были возгласы. После объезда по кругу трактора поставили на прикол. Водители и пассажиры отправились в помещение овощехранилища. Здесь уже было много народа.

Помещение, которое местные жители называют *халле* (Halle), т.е. «зал», было украшено разноцветными флагами и лентами. По периметру были натянуты провода, на которых было множество треугольных флажков. Флаги чередовались с разноцветными электрическими лампочками. Именно они и давали освещение. Это создавало праздничную атмосферу в достаточно мрачном помещении овощехранилища.

Один угол занимал оркестр. Музыканты были в форме, как и полагается пожарным, военным и проч. оркестрантам. Форма нашего оркестра была синего цвета. Несколько торговых стоек предлагали пиво и всевозможные закуски. Здесь же были установлены столы и скамейки, где можно было посидеть и перекусить. Рядом с оркестром была просторная танцевальная площадка. На ней все время праздника находилось множество танцующего народа.

Мы решили купить себе какое-нибудь угощение и присоединиться к местным жителям. Остановились на пиве. В Германии больше всего пьют пиво. На народных гуляньях пиво — полноправный хозяин. Здесь можно купить и шнапс (38 °), и водку, и коньяк. Но большинство людей предпочитает пиво. Здесь же на гриле готовили колбаски. Мы решили, что должны на немецком празднике пить и есть немецкие напитки и закуски. Купив колбасок, пышущих жаром, и светлого пива, мы сели за стол. Многие люди вокруг нас ели излюбленное в Мекленбурге блюдо — жареную свинину с тушеной капустой. В дни народных гуляний немецкая кухня делается самой популярной. Если в обычный день немец охотно съест пиццу или гамбургер, то в сельский праздник он обязательно купит себе то, что ел еще его дед или прадед.

В помещении собралось несколько сотен человек народа. Многие приехали не только из близлежащих деревень, но и из города. Посмотреть на праздник урожая в селе — дело интересное. Обслуживали прибывших частные выездные кафе и рестораны. В Германии умеют наладить обслужива-

ние и торговлю. За столиками сидели люди разных возрастов. Большинство из них ели колбаски и запивали пивом.

Оркестр играл различные мелодии. Люди танцевали. Особенность немецкой музыки в том, что на наш слух даже любовные песни и их мелодии кажутся похожими на военные марши. К немецким праздникам нужно привыкнуть. Люди, которые танцуют парные танцы под музыку, напоминающую военный марш, кажутся странными. Надо привыкнуть и узнать Германию, прежде чем понять ее и полюбить. Мы записали некоторые мелодии на диктофон. Традиционная мелодия на всех сельских праздниках в Германии — «Rosemunde». Под мелодию этой песни нацистские войска входили в Париж. Это было весьма символично. Войска СС, чеканя шаг, маршировали по Елисейским полям не под звуки военного марша, а под звуки народной песни.

Было много коллективных танцев. Было видно, с каким удовольствием люди танцуют под игривые ритмы крестьянских мелодий. Мужчины становились в одну шеренгу, женщины — в другую. Под ритмичную музыку танцующие совершали самые разнообразные движения. Почти все женщины, танцующие эти коллективные танцы, были в традиционных костюмах. На них были длинные юбки, белоснежные блузки с длинными рукавами, белые фартуки и белые чепцы. Такие чепцы в Мекленбурге были рабочим вариантом головного убора. Еще в 1920-е годы местные женщины в подобных чепцах отправлялись жать пшеницу и рожь, косить и сушить сено. Парадный вариант чепца был цветным, имел нарядные ленты. В наши дни, когда вернулся интерес к прошлому предков, именно рабочий вариант чепца стал восприниматься местными жителями как традиционный. Во-первых, многие люди помнили, что носили их матери. Во-вторых, в семьях сохранялись такие чепцы. Нарядные чепцы, вышедшие из употребления раньше рабочих белых, почти не сохранились в сундуках у местных женщин. Да и живущие ныне люди практически не помнят, как они выглядели. Поэтому традиционным женским головным убором здесь считают белый чепец.

Вторая по значимости деталь женского традиционного костюма — фартук. Прежде фартук был неперенным атрибутом женской одежды. Передники шили из дорогих тканей, оправданно полагая, что на них обращают внимание в первую очередь. Белые фартуки из хлопчатобумажной ткани носили дома, а также надевали на работу. Теперь в Ябельхайде именно рабочий и повседневный некогда вариант фартука считается традиционным. Белый фартук местные жительницы одевают по праздникам. С этой деталью костюма произошла такая же трансформация в функциональной сфере, как и с чепцом. Белоснежные чепец и фартук стали яркими маркерами региональной принадлежности. Именно они характеризуют теперь женский традиционный костюм Мекленбурга.

Мужчины, танцующие коллективные танцы, также были одеты «по старинке». На них были белоснежные сорочки современного пошива, черные брюки, черные носки, черные туфли. Других нарядов на мужчинах не было. К танцующим народные танцы выходили и люди, одетые в современные костюмы. Со временем на площадке оказалось много смешанных пар, участники которых были одеты кто в традиционную одежду, а кто в современный костюм. Мы отметили, что почти все местные жители хорошо танцуют. Пожилые дамы и кавалеры прекрасно чувствовали себя на танцплощадке.

Все собравшиеся хотя бы визуально знали друг друга. Совсем неизвестных людей здесь практически не было. Даже приехавшие из города гости имели скорее всего местные корни. А потому их знали. На нас обратили внимание, однако никто не пялился. Немцы деликатны в подобных случаях.

Танцы менялись. Мы также выходили на танцплощадку. Однако танцевать, как это делают местные жители, у нас не получалось. Нужна тренировка. Мы пытались подстроиться под местный темп, однако выбивались из рядов танцующих. Местные бабушки бросали на нас удивленные взгляды. После нескольких танцев мы уже приспособились под местную музыку и темп выписывать нужные фигуры.

Вскоре к нам стали подходить люди и знакомиться. Был один старик — ветеран войны, инвалид. Он родился в Венгрии, воевал на Восточном фронте, был ранен. С большой теплотой отнесся к нам. Это очень странно, но люди, воевавшие во время второй мировой войны в рядах вермахта против Советского Союза, с большой симпатией относятся к выходцам из Союза сейчас. Я встречал таких людей не только к Германии, но и в бывшей Югославии. Старики-ветераны, воевавшие на Восточном фронте, со слезами вешались на грудь, рассказывая, как они любят Россию, и как жаль, что наши страны враждовали и воевали, а не сотрудничали и дружили. И все в один голос высказывают большую симпатию к нашей стране. Среди других граждан Германии вряд ли можно найти такие теплые чувства к России.

У меня разрядились батареи видеокамеры, и я не мог снимать праздник, поэтому настроение порядком испортилось. В какой-то момент за наш столик подсел мужчина лет 36. Зовут его Вольфганг Хеннинг. Он стал нас угощать. Угощал очень щедро. Это не совсем по-немецки. Мы выпили и шнапс, и пиво. Рассказали, что интересуемся славянскими древностями в здешних местах. Он пообещал познакомить нас со своими соседями, которые будут нам чрезвычайно полезны. Здесь, на празднике, очень подходящие условия для заведения новых знакомств. И этим нужно пользоваться.

Мы сидели в зале овощехранилища до тех пор, пока оркестр не попрощался с публикой и не ушел с импровизированной эстрады. Музыканты сказали, что рады будут встрече с гостями праздника в следующий раз.

Веселье на дне урожая продолжалось. Снаружи овощехранилища люди также веселились. В основном здесь шел праздник для детей. Приехавший из города фургон привез огромный батут и разные игрушки. Дети с удовольствием подпрыгивали на батуте. Что меня поразило больше всего, так это порядок, царивший за оградой батута. Дети, за которых заплатили родители, оставшись без их опеки, не галдели, а внимательно слушали пожилого немца, хозяина аттракциона. По его команде они строились в шеренгу, по его же команде подпрыгивали и выдвигали всякие фигуры. Мужчина стоял у автомобиля и отдавал резкие команды в микрофон. Дети ждали его разрешения и лишь тогда делали прыжки. У нас в России такое невозможно. Да и не только в России. Здесь же дети не предавались безудержному веселью и полной свободе, а даже дурачились под руководством взрослого и по его команде.

Рядом с овощехранилищем была налажена торговля игрушками, прохладительными напитками, мороженым, всяческими сладостями.

Что я отметил, устроители не позаботились о туалете. Обычно в Германии везде хорошо продумывают бытовую сторону. Меня это особенно не касалось, но местные старались найти где-нибудь туалет.

Веселье продолжалось довольно долго. Некоторые мужчины очень прилично набрались. В овощехранилище даже возникла драка, что бывает крайне редко на немецких праздниках. Праздник урожая бывает раз в год, а потому многие расслабились по полной. То, что много немцев было совершенно пьяных и их водили под руки, было для нас необычным. В зале было много подростков. Они также принимали участие в веселье.

Ничего славянского на празднике нам обнаружить не удалось. Подобным образом немцы отмечают этот праздник во всех уголках Германии. Конечно, везде есть местная специфика. Здесь, в Ябельхайде, это были традиционные наряды, да еще убежденность местных жителей в том, что прежде их родной край населяли славяне.

Перед тем как уйти с праздника, мы посмотрели отъезд участников процессии тракторов. Украшенных сельскохозяйственных машин было 14. Местные жители смело садились в прицепы тракторов, хотя все видели, что их водители порядком выпили. В Германии это разрешено законом, однако вряд ли они соблюдали дозволенные пределы содержания алкоголя в крови. Именно наш знакомый Вольфганг был водителем трактора, капот которого украшало огромное чучело с фаллосом из морковки. Мы стали махать руками участникам процессии, и все люди нас радостно поддерживали.

Наш новый знакомый Вольфганг Хеннинг предложил нам после праздника отправиться к нему в гости. Это не совсем принято в Германии. Мы отдавали себе отчет в том, что причина, видно, не только в том, что мы сумели его настолько обаять за пару часов знакомства. Однако нам нужны связи и

новые информанты, и пренебрегать какими-либо предложениями мы просто не имеем права. Мы с радостью отправились в новый дом.

У Вольфганга есть дом в деревне Лоозен. Туда нам и предстояло отправиться.

Праздник урожая близился к концу, многие гости стали уже расходиться. Мы поехали в деревню Лоозен, уже не боясь, что пропустим что-нибудь интересное.

Вольфганг Хеннинг родился в городе Целле (Celle). Это земля Нижняя Саксония. Сейчас он живет и работает в Гамбурге. Он инженер. Хорошо зарабатывает, по его словам. Несколько лет назад купил в селе Лоозен старинный крестьянский дом. Хочет сделать из него загородную резиденцию. Когда мы приехали к его дому, то сразу же узнали постройку. Она привлекла наше внимание еще во время наших предыдущих прогулок по Лоозену. Дом представляет собой классический образец жилища зажиточного крестьянина саксонского типа, дом сложен из красного кирпича. Крыша из красной черепицы. Дом огромный. Вольфганг Хеннинг разделил старинный дом на несколько частей. Одну часть оставил для собственного жилища, а три другие части сдал под наемное жилье. В нем живут молодые семьи.

Свою часть дома Вольфганг еще не отремонтировал до конца. Его жилье расположено на втором этаже. Вход туда с первого этажа, и этот сектор дома на первом этаже очень маленький. Так как ремонт долгий и еще не предвидится завершения, то Вольфганг устроил для себя туалет на улице. Это первый случай в Германии, когда я вижу туалет не в доме, а во дворе. Это обыкновенная будка, сложенная, правда, из кирпича, в которой стоит фаянсовый унитаз. Помещение побелено внутри. В нем имеется маленькое окно, прикрытое тюлевой занавеской. Водоснабжения и слива, конечно, нет. Все как в российской провинции. Паук в этом туалете сплел паутину. Дверь закрывается на обыкновенный крючок. Интересная деталь — стульчак и крышка унитаза сделаны из дуба. Это дорого, но немцы не жалеют денег на благоустройство собственного жилища. А дерево они любят особенно. Если есть возможность оборудовать дом чем-нибудь деревянным, то они непременно постараются это сделать. Деревянные вещи — сугубо в немецком вкусе.

Дом окружает просторная площадка с газоном и различными насаждениями. Во дворе стоит уютная беседка со столом и креслами. Мы весьма удобно расположились для беседы. Наши расспросы о славянах были собеседнику понятны, однако он не местный житель, и все его знания по данной теме почерпнуты из книг. Вольфганг дал нам адреса местных старожилов, которые помогут в нашей работе.

Хозяин принес угощение из дома и всячески пытался нам понравиться. Надо отдать должное, ему это удалось. Пили мы портвейн и кофе. Для это-

го хозяин сервировал стол хрустальными рюмками и баварским фарфором. В Баварии развитое фарфоровое производство. Сервизы тамошней работы весьма оригинальны. У них изощренно роскошный дизайн. Посуду в основном выпускают под старину — с завитками, кружевными рельефами. Под стать форме и роспись — с золотыми завитками, полихромным замысловатым рисунком.

Ведя беседы с нашими информантами, мы никогда не забывали не только об интересах нашей экспедиции, но и об интересах нашего музея. Увидев, что во дворе дома стоит трактор, принимавший участие в праздничной процессии, мы отправились его осмотреть. Трактор был украшен злаками, луком, яблоками. Кое-что с него уже сняли, но большая часть украшений сохранилась. Это был не тот трактор, на котором ездил Вольфганг Хеннинг. Это был трактор его квартирантов. Наше внимание привлекли соломенные куклы, привязанные к кузову прицепа. Мы попросили подарить их для нашего музея. Хозяйка этой машины сказала, что куклы — труд ее дочери, и нужно спросить у нее разрешение. Девочка любезно согласилась подарить их для нашего музея. Мы срезали куклы, а заодно и кукурузу, которая украшала прицеп. В нашем хозяйстве она не пропадет. А немецкие владельцы могут ее просто выбросить.

Во время нашей беседы разговор зашел о грибах. Информант сказал, что все жители Германии делятся на любителей грибов и их противников. Многие отправляются в леса в поисках даров природы. Другие же максимум, что позволяют себе, так это купить шампиньоны в расфасовке в супермаркете. Оказалось, что у Вольфганга есть свой участок леса. Он вместе с сельским домом приобрел 7 гектаров леса в окрестностях Лоозена. Поехать в его лес за грибами он предложил прямо сейчас не откладывая. Мы не стали возражать и решили посмотреть лесные уголья нового знакомого.

Мы сели в его автомобиль и поехали в лес. Каждому из нас Вольфганг выдал по пластмассовому ведру и ножу. Лес оказался очень большим. Вольфгангу принадлежит лишь его часть. Деревья посажены очень густо. Весь этот лес представляет собой искусственные посадки. Лес сажали где-то в XIX в. По немецкому законодательству любой гражданин имеет право прийти в частный лес, гулять там, собирать грибы, ягоды и проч. Хозяин леса не имеет права противиться этому вторжению в его частную собственность. В чужом лесу нельзя только рубить дрова и наносить любой другой вред. Если кто-то пожелает разбить палатку или устроить ночлег в частном лесу, он должен спросить разрешения у хозяина.

Мы не очень долго гуляли по лесу. Я не очень хотел собирать грибы в лесу, в котором не особенно ориентируюсь. К тому же грибы, которые там росли, мне были тоже не все знакомы. Сам Вольфганг и Юлия насобирали большое количество грибов. Вольфганг собирал все грибы, не особо рас-

сматривая, червивые они или нет. Насладившись тишиной леса, прихватив собранные грибы, мы отправились опять к нему домой.

Дома Вольфганг поделил грибы, отдав часть нам. Среди собранных лесных трофеев было много горкушек, волнушек, сыроежек. Благородных в нашем понимании грибов было мало. Местные леса отличаются от наших российских. Однако в местных деревнях прямо на центральной площади можно найти белые грибы, подберезовики, маслята и т.д. Малая часть населения интересуется грибами.

После возвращения из леса Вольфганг предложил нам поужинать в ресторане. Мы отправились на машине в сельский ресторанчик. Ресторан есть далеко не в каждом селе. Он есть в соседнем Лейссове. Держит его семья средних лет. В ресторан чаще заходят выпить бокал пива. Реже сюда приходят поужинать. Хозяйева хорошо знают Вольфганга. Они радушно пригласили нас пройти внутрь.

Оформлен ресторан в охотничьем стиле. Над заведением висит вывеска с надписью «Gastwirtschaft», т.е. «гостиница». Однако гостиница здесь не сохранилась. Остался работать лишь ресторан. Оформление в охотничьем стиле. Это значит, что вся мебель в нем деревянная, а на стенах висят рога косуль, оленей и проч. охотничьи трофеи. Мы удобно расположились вокруг стола. Нам принесли меню. Выбор блюд исключительно богатый не только для сельского ресторана, но даже и для городского. Я выбрал мясо косули. Оно было для меня в диковинку. Оказалось, что у косули очень темное волокнистое мясо, совсем нежирное. Приготовили его очень вкусно. Заказали мы по одному горячему блюду, но принесли нам множество разных тарелок. Мое жаркое из косули занимало одну огромную тарелку. На ней были разные овощи и лук. А вот картофеля в качестве гарнира к мясу принесли целый отдельный горшок. Кто-то из нас попросил свеклы в качестве гарнира. Ее принесли также огромную тарелку, так что хватило всем. Мы заказали также говядину с кровью. И это блюдо было очень вкусным. Мы убедились, что порции в немецких ресторанах очень большие. Позже это наблюдение всегда подтверждалось.

В качестве напитков к нашим блюдам мы выбрали шнапс и ликер «Jägermeister». Это отличные крепкие напитки для дружеского ужина с дичью и овощами. Кухня в Мекленбурге отменная. И готовить здесь умеют.

Посетителей кроме нас в двух залах ресторана, не было. Очевидно, его содержание — не особо прибыльное дело.

В ресторане нам понравились пивные бокалы. Юлия сказала об этом Хеннингу. Он попросил хозяина ресторана вернуть нам в подарок пару штук, а их стоимость включить в счет. Так мне достался стеклянный бокал на ножке, из которого немцы в Северной Германии чаще всего пьют пиво.

Мы попрощались с новым знакомым, договорившись о новых встречах.

Фотодневник

F-3. В-20 Лоозен. 24 сентября 2000 г. Начало праздника урожая. Процессия украшенных тракторов отправляется с одной из улиц Лоозена.

F-3. В-21 Лоозен. Праздник урожая. 24 сентябрь 2000 г. Самая старая повозка в процессии. В телеге, украшенной злаками, сидят женщины из общины в традиционных крестьянских головных уборах «Flunkerhut».

F-3. В-22 Лоозен. Праздник урожая. Трактор, украшенный початками кукурузы, злаками, зеленью, цветами и плодами и флажками и лентами в цветах земли Мекленбург: желтом, синем, красном.

F-3. В-23 Лоозен. Праздник урожая. Пример оформления трактора семьей Трампе и Хеннинг: к капоту привязано чучело — антропоморфная фигура в рабочей одежде хозяина, набитой соломой, с огромным корнеплодом-фаллосом.

F-3. В-24 Лоозен. Праздник урожая. Телега и трактор украшены злаками и зеленью.

F-3. В-25 Лоозен. Праздник урожая. Процессия украшенных тракторов движется с площади Лоозена в направлении деревни Альт Кренцлин.

F-3. В-26 Лоозен. Праздник урожая. Трактор семей Трампе и Хеннинг.

F-3. В-27–28 Лоозен. Праздник урожая. Трактор и телега, украшенные зеленью и фигурами в крестьянской одежде — переднике и чепце.

F-3. В-29 Анетте Лют в головном уборе крестьянки. Это место — бывшая граница угодий деревень Лоозен и Альт Кренцлин — Jaach.

F-3. В-30 Кренцлинер Хютте. Праздник урожая. Чучело — элемент оформления трактора из деревни Альт Кренцлин.

F-3. В-31 Кренцлинер Хютте. Праздник урожая. Здесь около большого картофельного ангара конечный пункт праздника. Сюда прибывают все трактора участников и гости праздника.

F-3. В-32 Кренцлинер Хютте. Один из самых старых тракторов. В процессии участвуют машины самых различных лет выпуска — даже самые старые, почти уникальные, малые трактора выпуска 1950-х годов.

F-3. В-33 Кренцлинер Хютте. Ангар, где проходил праздник. На переднем плане сцена с танцующими парами, над сценой корона урожая, непрерывный атрибут праздника. Она выполнена из злаков и украшена лентами в цветах земли Мекленбург. На заднем плане оборудованная и украшенная зеленью сцена, где размещался приглашенный для праздника духовой пожарный оркестр.

F-3. В-34–35 Кренцлинер Хютте. Trachtentanzen. Танцует ансамбль народной самодеятельности общины Лоозена, Альт Кренцлина, Кляйн Крамс Аусбау и Кренцлинер Хютте.

F-3. В-36 Кренцлинер Хютте. «Trachtentanzen». Ансамбль исполняет гимн Мекленбурга.

25 сентября, понедельник

Из дневника Мыльников

Мы вновь в *Лоозене*, где ожидаем встречи с двумя возможными информантами. Один из них — **Walter Sehlandt**, о котором нам позавчера говорила Бернхардт. Он родился в 1934 г., его предки, по-видимому, переселившиеся сюда из Дании, в Лоозене упоминаются с 1530 г. На главный занимавший меня вопрос, есть ли в деревне семьи вендского происхождения, он ответить не смог: не знает. Зато он обогатил меня сведениями о роли разного написания окончаний фамилий на «д» и «дт» (Например, Шмид или Шмидт). По его словам, различие принципиально важно и имело касательство к праву наследования недвижимости: да, если фамилия оканчивается на *dt, нет, если только на *d. Поскольку фамилия его отца в документах была ошибочно написана с окончанием на *d, тот через суд восстановил написание через *dt. (Попутная заметка: ростокский Шмитт объяснял, что окончание его фамилии на *tt означает принадлежность носителя к католичеству.) Дом информанта новый, построен в 1960 г. на месте снесенного старого (т.е. подтверждается то, что нам говорили в других деревнях). Зашла речь и об экономическом положении крестьян. Иметь менее 100 га нерентабельно. В *рундлингах* дома в центре принадлежали только *бауэрам*, т.е. крестьянам-собственникам больших наделов. У большей части хозяев здесь до 28 га, но еще чаще по 6–7 га. Старинный *Наскен* давно не употребляется, хотя многие старые орудия он помнит. Теперь все механизировано. Выводимые культуры: картофель и зерно.

После этой встречи — **Anneliese Möller**, которую нам вчера рекомендовал гамбургский знакомец. Но, видимо, его имя на нее впечатления не произвело, она встретила нас неприветливо и вела разговор через забор. Сказала, что знает мало и вообще занята. Юле удалось ее немного разговорить. Причина такой встречи, видимо, в том, что Хеннинга считают чужаком, а история приучила селян к подозрительности. Наш водитель, грайфсвальдский студент **Beckmann**, сказал, что при нацистах крестьянам дали землю в полную собственность и в Мекленбург направлялись большие инвестиции, поэтому у них якобы сохраняется ностальгическая память о тех временах. Не знаю, так ли это? На всех последних выборах народ этой федеральной земли голосует за наследницу коммунистов — ПДС, и только в этой немецкой земле ее представители входят в правительство.

Учитывая откат с дамой, мы вновь решили посоветоваться с пастором **Морицем** и посетили его. Он тут же созвонился с соседкой Мёллер, которую зовут **Ursula Knaape**. Нам ее называл и лоозенский гамбуржец, но

с ошибкой в написании: Кнааве. Как и Зеландт, она живет в самом центре деревни, что предметно подтверждает их социальный статус. Беседа с обоими информантами записана на ленту.

Из дневника Новика

Сегодня мы приехали в село Лоозен (Loosen). Вчерашний знакомый Вольфганг Хеннинг дал нам адреса и порекомендовал двух старушек, которые родились и прожили всю жизнь в этом селе.

Вначале мы отправились к фрау Мёллер (Möller). Эта дама была у себя во дворе. Двое рабочих покрывали крышу ее сарая чем-то вроде рубероида. Тем не менее она нас не впустила даже в свой сад, а разговаривала через забор. Это не редкость в Германии. Даже если близкий знакомый заходит неожиданно к своим друзьям, то его скорее всего не пригласят в дом (ведь хозяева не ожидали визита), а разговор будет происходить через порог или ограду двора. В случае с незнакомыми людьми, с которыми хозяева прежде не встречались и которых не представил никто из знакомых, разговор будет скорее всего происходить также через порог или забор.

В нашем случае старушка просто побоялась пускать чужих людей в дом (несмотря на то что у нее трудилось двое мужчин). Местные жители наслушались рассказов о румынской мафии (почему-то именно румынской) и боятся связываться с незнакомыми людьми.

Бабушка могла много рассказать интересного о славянском прошлом края, однако осторожность не позволяла ей идти на откровенность. Фрау Мёллер сказала, что прежде в этих местах жили славяне, очень долго население данной деревни также было славянским. Вопросы задавал Александр Сергеевич. Я снимал разговор на видеокамеру.

У фрау Мёллер огромный старинный дом с *диле*. Дом сложен из красного кирпича и имеет черепичную крышу, окружен большим садом, в котором преобладают яблони. В этом году исключительно большой урожай яблок. А в саду фрау Мёллер настоящее яблочное «бедствие». Деревья прогибаются под тяжестью ярко-красных яблок. Они висят на ветвях, а также во множестве лежат под деревьями на пышной траве. Видно, что такой урожай не особенно радует хозяйку — яблоки попросту некуда девать.

Дом окружен массивной оградой. И хозяйка живет во всем этом крестьянском богатстве одна.

Мы достаточно много времени провели у забора, разговаривая на интересующие нас темы.

Рабочие, трудившиеся у сарая, не обращали на нас видимого внимания. Снаружи у обочины стояли их автомобили. Один был новенький джип, второй легковой автомобиль. На таком транспорте удобно привозить стро-

ительные материалы и ездить по деревням. У нас джипы служат транспортным средством для совершенно другой категории граждан.

После разговора с фрау Мёллер мы отправились в другой дом, принадлежащий фрау Кнаапе (Кнааре). Этот дом находится недалеко от дома Мёллер, на круглой площади. Но нам никто не открыл дверь. У нас сложилось впечатление, что в доме есть хозяйка, но она решила не открывать дверь незнакомой компании.

Тогда мы поехали к пастору Моритцу в деревню Лёйссов (Leussow) и заручиться его поддержкой.

Пастор Моритц радушно встретил нас, с пониманием выслушал. Он позвонил некоторым людям, объяснил ситуацию и договорился о нашем визите. Пастор разрешил нам в дальнейшем действовать от его имени, представляя его рекомендацию. Мы теперь могли свободно ехать в любой дом, говорить, что нам его хозяев порекомендовал пастор Моритц, и работать по плану экспедиции. Это немаловажно в Германии. Очень даже здорово.

Пастор Моритц назначил для нас встречи на сегодняшний день.

Пользуясь тем, что у нас в запасе было время, мы поехали в село Альт Кренцлин (Alt Krenzlin). Это круглая деревня. Здесь мы сняли на видеокamerу площадь села, зафиксировали на видео и фотопленку дома. Поснимали живописные окрестности села.

После этого мы отправились в Лоозен, в котором были уже сегодня утром.

У нас была назначена встреча с Вальтером Зеландтом (Walter Sehlandt). Его дом находится на круглой площади. Дом из красного кирпича. Крыша черепичная. Дом очень большой. Фасад выходит на площадь. Когда мы подъехали к дому, хозяин ожидал нас уже на улице. Радушно пригласил в дом.

Дом Зеландта привлек наше внимание еще в предыдущие посещения Лоозена. Рядом с этим домом очень красивый палисадник. И этот палисадник отличается от остальных тем, что в нем совсем нет травы. Растут только розы. А под розами разрыхленный желтый песочек. Посажены самые разнообразные розы: желтые, белые, розовые, красные и т.д. Видно, что хозяин — опытный садовод. Рядом с домом посажены и георгины.

Хозяин дома — пожилой человек. Он рассказал почти сразу о своей родословной. Его предок был из Дании, поэтому у него такая необычная для здешних мест фамилия. Здесь, в Северной Германии и соседних странах, по фамилии можно определить, из какого места человек. Есть, конечно, фамилии, распространенные повсеместно, скажем Шмидт. Но некоторые фамилии типичны для конкретных мест. Известно, что в США есть автор многочисленных книг-интервью с американскими солдатами по вопросам секса по фамилии Зиланд. Эта фамилия одного корня с фамилией нашего информанта. Означает она приблизительно «морская земля».

Мы расселись в небольшой комнате за круглым столом, покрытым скатертью фабричного производства. В комнате стоит старый сервант, мягкий уголок, рассредоточенный по разным углам. На стенах висят картины. Стоит самая современная телевизионная и музыкальная техника. На окне задрапированные портьеры с ламбрекеном и тюлевые занавески, короткие, до подоконника.

Пол комнаты покрыт ковровым покрытием. Стены оклеены красивыми светлыми обоями. В доме деревянные двери.

Хозяин очень энергичный, обо всем рассказывает со знанием дела.

На вопрос, пользовались ли на его памяти сохой, ответил, что ею пользовались в железном веке. Сколько он себя помнит, землю пахали с помощью железного плуга.

На столе лежат газеты и журнал. Видно, что господин Зеландт читает прессу. Однако статьи о нашем пребывании в Ябельхайде в местной газете он не читал — не видел. Вообще-то публикация об экспедиции весьма полезна — она придает ее участникам вес в глазах местных жителей. Однако нужно ожидать, что не все (даже и заядлые читатели) с нею познакомятся.

Когда мы выходили, хозяин проводил нас до крыльца. Кофе он не предлагал.

Прихожая дома очень аккуратная. Из прихожей на второй этаж ведет деревянная лестница.

Ступени крыльца выполнены из камня — черной мозаики. Это не совсем обычно для Мекленбурга. Из этого же камня выполнено кашпо для цветов, стоящее здесь же, на крыльце.

Из дневника Ивановой

В 11 часов мы снова посетили Лоозен и отправились в дом 5 (Am Dorfteich, 5) с надписью на фронтоне «1894». В этом доме живет фрау Мёллер, о которой нам вчера рассказал Хеннинг. Но мы ей не позвонили предварительно, не договорились о встрече, потому что Вольфганг думал, что его авторитета достаточно. Но оказалось недостаточно, и фрау Мёллер была крайне недоверчивой, даже не впустила нас за ворота. Беседа проходила по разные стороны забора. Тем временем бригада ремонтировала крышу сарая фрау Мёллер, и она была напряжена. У нее нет детей, она ведет хозяйство одна, одна копается в огороде, и, хоть ей уже за 60, выглядит вполне браво.

Фрау Мёллер рассказала, что раньше в деревне тоже много праздновали, Праздник урожая или Пасху и Троицу, праздник Первого мая. На Первое мая на спортплощадке на окраине Лоозена сажали березу — Майское дерево, украшали ее цветными лентами, бантами и венками. Береза эта стояла до недавнего времени на той же спортплощадке.

Поскольку в дом нас так и не пустили, мы поблагодарили женщину и за эту беседу и отправились по другому адресу, где договоренность уже была.

До встречи остается час, мы гуляем по деревне, фотографирую ядро ее с пожарным водоемом, загораем на ярком осеннем солнце. Около пруда растут белые грибы (хорошо, что в Германии неохотно собирают грибы!). Собрала 11 красивых крепких белых — будет ужин!

Итак, Am Dorfteich 12. Loosen

В 13 часов мы входим в дом Вальтера Зеландта.

Пожилой, но еще весьма крепкий мужчина, Зеландт проживает в большом кирпичном доме постройки 1930-х годов, с просторными окнами, живописными вазонами с цветами на крыльце. Фамилия Зеландт в Лоозене прослеживается с 1530 г., происходят Зеландты из Дании. Ту часть деревни, где находится дом Вальтера, местные жители называют Bauerndorf, «крестьянская деревня», потому что раньше здесь располагались только дворы крупных крестьян, они образовывали ядро деревни. Другие ее части, на окраине — это были концы малоземельных *бюднеров* и безземельных *хойслеров* — *Büdnerende und Häuslerende*. Но эти части деревни не имеют здесь, в Лоозене, специального названия. Ядро деревни Лоозен (бывшего *рундлинга*), которое имеет сейчас форму подковы, образует пруд — как долго он существует на том месте, Зеландт сказать не может. Очень долго, вероятно, и был здесь выкопан как пожарный водоем, поскольку все дома в деревне имели соломенные крыши и были очень пожароопасны.

Господин Зеландт держит еще «домашний скот», как он назвал одну собаку, одну кошку, несколько куриц да двух овец. Раньше, до 1960-х годов, у него были коровы, было свое молоко, но сейчас хозяин утверждает, что это не приносит дохода и невыгодно больше — слишком много работы и мало отдачи, да и возраст не позволяет.

Беседа с Вальтером Зеландтом длиной в 45 минут записана на кассету.

Он одет аккуратно, в вельветовые брюки коричневого цвета и серый шерстяной джемпер. В доме ходит босиком. Комната, где мы сидим, покрыта светлым ковролином, так не подходящим для крестьянского дома, здесь стоит круглый стол, вокруг которого расставлены три кресла и диван. Стол покрыт белоснежной кружевной скатертью. Огромное окно гостиной выходит в палисадник перед домом, где цветут роскошные розы.

Мы медленно двигаемся к нашему следующему информанту — Урселе Кнаапе. Фрау Кнаапе живет тоже в Лоозене в доме у пруда (Am Dorfteich 6). Это одноэтажный кирпичный дом такого же типа, как и у Зеландта. Построен в 1930-е годы. Нас приглашают в лучшую комнату в доме, которая

раньше служила гостиной — *alte Stube*. Хозяйка одета по-крестьянски: на ней домашние тапочки, тренировочные штаны, свитер и сверху халат, который выглядит для нас весьма привычно — цветастый, из простой ткани. Она называет халат *Arbeitskittel*. Так одеваются многие женщины в Лоозене. «Между собой мы говорим на *платтдойч*», — сообщает фрау Кнаапе. Старая «*штубе*» квадратная по форме, здесь два больших окна, современное ковровое покрытие на полу; из мебели — два серванта, старинный и более современный, мягкий диван и три кресла; низкий журнальный столик, за которым мы сидим, покрыт кружевной салфеткой, в углу — печь, облицованная керамической плиткой. Пожалуй, первое, что бросилось в глаза из украшения комнаты — это огромное количество статуэток животных; фарфоровая и хрустальная посуда производства ГДР, но есть и более старые вещи; большой торшер и телевизор — обязательный атрибут домов пожилых крестьян. На подоконнике и на полу довольно много цветов, их красиво дополняют несколько сухих букетов. На диване разбросаны подушки-думки, но делала их не сама хозяйка — фабричного производства.

Фрау Кнаапе 63 года, она уже на пенсии. На мою вкрадчивую просьбу показать или, может быть, даже презентовать музею какие-либо старые интересные вещи из ее дома Урсула с готовностью откликнулась и тут же вытащила из старого серванта три полотенца домашнего изготовления — два льняных и одно хлопчатобумажное. Лен и хлопок на эти полотенца ткала бабушка Урсулы, Анна Кнаапе (урожденная Лют, 1876–1954). Полотенца были изготовлены около 1900 г.

В доме Кнаапе хранится старая колесная прялка, сейчас она, по словам хозяйки, заросла пылью и паутиной и просто стоит в углу, так что нам ее даже не показали. Зато показали старинную домотканую скатерть, тоже льняную и сделанную бабушкой, украшенную красной вышитой монограммой *AK* (Анна Кнаапе). Урсула рассказала, что ее бабушка умела ткать разный узор и была мастерицей, в то время как они с матерью совершенно не умели уже обращаться с ткацким станком. Хотя саму Урсулу в школе учили вышивать.

Госпожа Кнаапе показала нам старые фотографии из альбома — ее дома, дома ее родителей, видов деревни Лоозен, и на одной из них мы узнали старый сарай из камня «*клумп*», который видели и скопировали в архиве Воссидло и тщетно искали в Лоозене. Он принадлежал семье Кнаапе. Дом был построен в 1740 г., но в последние годы использовался под сарай и стоял немного позади, во дворе за теперешним домом. Раньше все постройки, в первую очередь крестьянские дома, находились дальше нынешних во дворах, а перед жилыми постройками находились хозяйственные помещения. Старый сарай был снесен хозяевами около 1990 г., сразу после объединения Германии — его сохраняли, покуда была жива мать Урсулы, ведь это был

ее отчий дом. Почему? Строение было слишком старым и ветхим, семья не имела средств для необходимой реставрации такого памятника.

Урсула много рассказывает о праздничных обычаях в давние времена в Лоозене, когда она была ребенком, затем о том, как все менялось в годы молодости. Все мы, как и всегда, записали на диктофон.

Ближе к вечеру пошел дождь, и мы с готовностью отказались от дальнейших исследований на сегодня. Поехали домой жарить грибы на ужин и записывать в дневники минувший насыщенный день.

Из дневника Новика

У ограды дома Зеландта стояла фрау Кнаапе, которая пришла встретить нас и проводить в свой дом. Он стоит на этой же площади по другую сторону пруда. Однако она пришла, чтобы мы случайно не заблудились. Мы пытались уже сегодня попасть к ней в дом. Однако она не открыла нам. А теперь с ней поговорил пастор Моритц, и она готова нас принять. Мы прошли вместе к ее дому, оставив свой автомобиль на прежнем месте.

Дом фрау Кнаапе очень аккуратный. Вокруг дома роскошный палисадник. Цветет множество роз. Складывается впечатление, что здесь живет опытнейший цветовод. Однако в этом уголке Германии так заведено у всех. Похоже, что все немцы не лишены таланта садовода. Госпожа Кнаапе бережно следит за своими зелеными питомцами. Видно, что это ее гордость. Она любезно предложила нам пройти внутрь.

Урсула Кнаапе (Ursula Knaape) живет одна. Фамилию Кнаапе мы уже успели обсудить с Зеландтом. Он выдвинул предположение, что эта фамилия, возможно, имеет голландское происхождение. Сама фрау Кнаапе сказала, что ее отец происходит из Вестфалии, и там такая фамилия распространена.

Войдя в дверь, мы попали в аккуратную прихожую. Нам не позволили разуваться, а попросили проходить так. Мы прошли в комнату и смогли осмотреться.

Нас пригласили сесть за маленький круглый столик, покрытый белой тюлевой скатертью. В комнате сохраняется печь, облицованная кафельными плитками горчичного цвета. Подобные печи раньше служили для отопления дома. Они были практически в каждом доме. Теперь жители перешли на отопление с помощью водяного котла. Фирмы устанавливают такие отопительные системы в домах и дают гарантию на 20 лет. Водяной котел подогревается электричеством (бывает, газом). Горячая вода по трубам поступает во все помещения. В помещениях на трубах есть регуляторы для установления нужной температуры. Если, к примеру, вы вообще не бываете в комнате, вы ее можете совсем не отапливать — не тратить на это деньги. Если

вы в спальню приходите только спать, то отопление можете включать в ней только на ночь. Если вы уезжаете из дома на весь день, вы также можете отключить отопление с утра, а когда вернетесь, включить его, и ваше жилище быстро нагреется. Все сделано для удобства и экономии. При этом электричество в вечернее время стоит намного дешевле, чем в дневное. Поэтому отапливать жилье выгодно во время действия льготного тарифа. Понятно, что днем работает большинство предприятий и фирм, а потому цены выше. В местных домах уже все жители, насколько мы смогли убедиться, перешли на отопление современными котельными установками. Однако печи, которыми они пользовались раньше, демонтировали отнюдь не все. Скорее в большинстве домов такие печи сохраняются — на всякий случай. Здесь берет верх крестьянская бережливость и осторожность, а также небольшая доля недоверия к новинкам — традиционная печь ведь служила верой и правдой людям на протяжении веков. Вот и у фрау Кнаапе печь красуется в углу парадной комнаты для гостей.

Пол покрыт ковровым покрытием. В доме старые двери, крытые масляной краской цвета слоновой кости. Потолок обшит досками, выкрашенными такой же краской.

В комнате стоит старый сервант, на котором много фарфоровых статуэток из бисквита. В комнате есть еще один сервант.

На диване много небольших подушек. Это характерно для немецких домов. Над диваном висит большая картина. В комнате есть термометр и барометр. Много горшков с цветами.

Разговор идет на разные интересные темы. Фрау Кнаапе говорит, что все люди в селе в семьях и между собой разговаривают на *платтдойч* (Plattdeutsch) — местном нижнегерманском диалекте. На литературном немецком говорят с чужаками, а также в официальных учреждениях в городе. С нами все стараются говорить вначале на литературном, а лишь затем переходят на *платтдойч*.

Разговор зашел на тему кухни. Хозяйка готовит сама. Полуфабрикатов покупает очень мало. Ест много картошки. Любит капусту со свиной. Это излюбленные всеми жителями Мекленбурга блюда.

Особого завтрака, характерного для здешней местности, нет. В Ябельхайде едят на завтрак то же, что и другие жители Мекленбурга и остальной Германии.

О славянском прошлом Ябельхайде фрау Кнаапе слышала с детства. Об этом здесь знают все. Но в наши дни ничего, кроме сознания и памяти людей, о славянах не напоминает. Раньше были обычаи, обряды, праздники, уходившие в славянские корни. А теперь в деревне уже ничего этого не осталось. Все ушло. Остались традиции, характерные для немцев в целом либо для определенных регионов.

В домах еще сохраняются старинные вещи. Практически каждый дом может похвастать бабушкиным рукодельем или изделиями ремесленников далекого прошлого. В доме у Урсулы Кнаапе также хранится кое-что старинное. Хозяйка показала нам скатерть, которую сшила ее бабушка. Скатерть сделана из хлопка. Она имеет рельефный узор. На скатерти вышита монограмма ее бабушки.

Фрау Кнаапе сделала для нашего музея три подарка: полотенца, выполненные в конце XIX в. Сделала эти полотенца бабушка хозяйки — Анна Кнаапе (Anna Knaape). Анна Кнаапе родилась в 1876 г., а умерла в 1954 г. Одно полотенце, подаренное нам, выполнено из хлопковой ткани, а два других из льняной. Бабушка сама ткала и хлопок, и лен для полотенец. На вопрос, а сама ли пряла бабушка пряжу, либо ткала из покупных нитей, Урсула Кнаапе ответить не смогла. В доме есть прялка. Бабушка, конечно, пряла. Но пряла ли она для этих конкретных вещей, неизвестно. Тканье — работа ее рук. Так же сделана и скатерть, которую нам показывали. Бабушка сама ткала и шила. По поводу прядения внучка уже не знает.

Подарки для музея Урсула Кнаапе аккуратно завернула в пакет и передала нам. Мы ей пообещали выслать благодарственное письмо из музея. А пока выдали расписку, что получили от нее в дар Кунсткамере такие-то вещи.

Обсудили с информанткой вопрос о снабжении деревни продуктами. Продукты сюда привозят. Это не очень удобно, но терпимо.

Фрау Кнаапе подтвердила, что под словом «Вауег» местные жители понимают исключительно «крестьянин–собственник земли, он же единоличник». Всех других называют членами кооператива, т.е. работающими на сельскохозяйственном предприятии.

Наша беседа с госпожой Кнаапе заняла много времени. Расстались мы в самом хорошем расположении духа. Хозяйка вышла проводить нас на улицу.

Расшифровка записи беседы с крестьянином Вальтером Зееландом

М y l' n i k o v : Also, ich mochte erstens fragen, sind Sie hier im Dorf geboren...

S e h l a n d t : Ja!

М y l' n i k o v : Ja, und Ihre Vorfahren auch, ja?

S e h l a n d t : Dies... also dieser Hof existiert nachweislich von 1530. Und solange in diesem Familienbesitz.

М y l' n i k o v : Also Ihre alle Vorfahren lebten hier?

S e h l a n d t : Alle hier, ja.

М y l' n i k o v : Oh, das ist sehr interessant! Wahrscheinlich, Sie wissen irgendeine Geschichte aus Ihre Familien...-geschichte oder Stammbaum oder...

S e h l a n d t : Ja! Ich hab' ein Teil davon. Das hat ma' ein Lehrer Sehlandt aus Zierzow {*ein Dorf*}, der hat den gemacht. Wir wollten uns mal treffen die ganzen Sehlandten von dieser Sippe aus — ach, das ist nix geworden: der Mann ist fruher gestorben. Ne, und das geht zuruck bis 1530.

М y l' n i k o v : 1530?

S e h l a n d t : Ja, ja.

М y l' n i k o v : Was war da in diesem Jahr? Ist das erste Erwahnung oder?

S e h l a n d t : Das ist erste Erwahnung also von Hauptarchiv von Schwerin.

М y l' n i k o v : Aha... Interessant, wissen Sie, woraus kamen Ihre Vorfahren?

S e h l a n d t : Also, ursprunglich, was ich erfahren hab' von diesem Herrn Sehlandt, so aus Lederschriften, die stammen von Danemark.

М y l' n i k o v : Aha...

S e h l a n d t : Von Danemark sollten sie ubergesiedelt sein, die wohnten erstmal in Woosmer {*ein Dorf in Jabelheide*}, na? Und denn nachher haben sie hier umgesiedelt.

М y l' n i k o v : Die Name Sehlandt uberhaupt ist relativ verbreitet.

S e h l a n d t : Der ist viel.

М y l' n i k o v : Viel, ja.

S e h l a n d t : Wir waren hier in Loosen, waren wir zur Zeit nach dem {*zweiten Welt-*} Krieg noch acht Familien Sehlandt. Wir waren noch mit keinem verwandt.

М y l' n i k o v : Ja, ja, ja.

S e h l a n d t : Also, hier sind zwei Familien, die schreiben sich genauso wie wir, buchstabenmaßig...

М y l' n i k o v : Durch «h».

S e h l a n d t : Ja, mit S, e, h, -landt mit «dt», und die anderen schreiben sich nur mit «d».

М y l' n i k o v : Aha, ah so.

S e h l a n d t : Und eine Familie schreibte {*sic!*} sogar mit zwei «e».

M y l' n i k o v : Aha. {lacht}.

S e h l a n d t : Aber verwandt sind wir mit keinem.

M y l' n i k o v : Aha. Nu ja...

I v a n o v a : Schreiben Sie sich mit «dt»?

S e h l a n d t : Ja.

M y l' n i k o v : Also, in bestimmten Sinn kann man sagen, dass Ihre Ur-Urvorfahren Wikinger waren?

S e h l a n d t : Ja, ist anzunehmen.

M y l' n i k o v : Wahrscheinlich, ja.

S e h l a n d t : Ist anzunehmen. Nach einer Flurbezeichnung hier zum Wald so, wo unsere Wiesen waren, da ist fruher mal ein... ein Seenie..., also ein Wasser gewesen. Ne? Da hat man Torf gebacken und diese sagen alles und dafür sind aber da eine... ein Flurstück hat den Namen Foxilez, ne? und nach diesem Foxilez, das ist so eine Sehfahrsiedlung. Soviel wie ich dachte.

M y l' n i k o v : Und ist interessant, dass in die Dorfmitte hier... ist eine Teich. Das ist sehr selten.

S e h l a n d t : Ja! Das ist der Feuerloschteich, das hat man damals wohl angelegt. Hier, dieses Bauerndorf, diese Hufeisenform, das war das ursprüngliche Dorf. Ne? und diese anderen Straßen da unten, denn gab's... hier gab's 18 Bauernhöfe, diese Erbpachthöfe war das fruher. Denn gab das 20 Budnerereien, die hatten eine Fläche von 4 Hektar, und dann gab es 60 Hauslerereien, die haben sich alle so nacheinander angesiedelt hier. Das waren nur noch kleine Flächen, die haben etwas Eigenlandereien gehabt, ich kann Ihnen nicht sagen, wie viel, aber das meiste waren Pachtlandereien von der Gemeinde.

M y l' n i k o v : Uhu... Und machen Sie irgend... scheiden Sie oder sammeln Sie irgendeine Materialien, wie eine Chronik von Ihrem Dorf?

S e h l a n d t : Ne, ne. Also, da reicht mein Wissen nicht zu. {lacht}.

I v a n o v a : Herr Sehlandt, sagen Sie bitte, warum heißt dieser Dorfteil «Bauerndorf»?

S e h l a n d t : Ja, weil hier diese Hufeisenform, da sind nur alle Bauern gewesen.

I v a n o v a : Und Dorf druben?

S e h l a n d t : Das waren die Budner.

I v a n o v a : Und wie heißt jetzt der Teil?

S e h l a n d t : Ja... wir haben nun alle Straßennamen gekriegt in den 70-er Jahren, ne? Aber sonst fruher hatten die den Namen «Budner». Ne? Budnerende und Hauslerende.

M y l' n i k o v : Also, kann man sagen, dass in runder Dorf, und das ist klar — fruher war er runde Dorf, also dass standen immer Bauernhäuser, ja?

S e h l a n d t : Ja, ja!

M y l' n i k o v : Immer so, ja?

S e h l a n d t : Das waren *nur* Bauernhauser. Wir sind ich hab' hier noch ein Dielenbalken, da waren fruher da vor uber dieser einfachen... bei der Tenne. Da war noch die Inschrift von dem Erbauer und wann es gebaut wurde, da habe ich noch ein Lehn, das ist hier druben — ist ehemalige... Haus N 7 war das, das alte Haus ist zusammengebrochen. Und da habe ich gesagt, alles konntet ihr mit ehemaligen Dielenbalken...

M y l ' n i k o v : Es war Fachwerk?

S e h l a n d t : Ja, teilweise Fachwerk und dann gemauert spater schon wieder, ne? Und der Balken der liegt bei uns im Hof.

B e c k m a n n : Was heißt die Inschrift drauf?

S e h l a n d t : Da heißt die Inschrift: das Haus ist damals funfzehnhundert... funfzehn... {*uberlegt, denkt nach*} wann is es gebaut?

B e c k m a n n : Wann ist es zusammengeschwollen worden oder war das Einfall?

S e h l a n d t : Das ist zusammengebrochen! Ende... Mitte der 80-er Jahre. Auf einen heiligen Sonntag...a... Sommermittag ist es zusammengefallen.

B e c k m a n n : {*затись неразборчива*}

S e h l a n d t : Ne, das ist so zusammengebrochen. Das war und das letzte, denn Ende Dreißigjahrigen Krieg, was jeder erzählt lassen hat, da ist hier eine Seite des halben Dorfes abgebrannt, das waren alle Strohdachhauser. Und das Jahr da drauf... denn haben die das Jahr da drauf aufgebaut und zwei Jahre spater ist die andere Halfte abgebrannt. Das waren alles... kann man sagen, ein typischen Bauerndorf.

I v a n o v a : Und seit wann befindet hier in der Mitte der Teich? {*Das Bauerndorfkern von Loosen macht ein Rundling aus, ein ausgesprochen rundes Dorf mit einem Feuerwehrteich in der Mitte*}

S e h l a n d t : Das kann ich Ihnen nicht sagen.

I v a n o v a : Nein? Warum?

S e h l a n d t : Denn kenn'n wir schon... kenn'... kennen meine Eltern schon. Und das hat man fruher angelegt wegen Brandschutz. Der hat kein Zufluss und steht so... Der hat nur so das...

I v a n o v a : Regenwasser drin?

S e h l a n d t : Regenwasser.

M y l ' n i k o v : Also, Ihre Stammtafel kommt Erwahnung 1530, ja?

S e h l a n d t : Uhu. Wenn Sie alles genau wissen mochten, das weiß Herr Pastor Moritz {*приходской священник церковного прихода Лёйссов, куда входит и деревня Лоозен*} auch, da ist ein Wolfgang Sehlandt in Leussow {*одна из деревень Ябельхайде*}, der betragt eine Ahnenforschung.

M y l ' n i k o v : Und wissen Sie nicht, ob in diesem Dorf sind die Familien, die so oder anders mit Wenden verbunden waren?

S e h l a n d t : Ne, das... das kann ich Ihnen nicht sagen. Das ist schon lange-lange her, ne? Das ist ja schon sehr lange her.

M y l' n i k o v : Und a... ich will wieder mal an diese Frage über Familienlegenden noch erzählen zusammen gern. Also, damit haben Sie nicht beschäftigt, nein?

S e h l a n d t : Nee, ich selber nicht. Ich hab' die... hab' die Ahnentafel liegen gehabt von Herrn Sehlandt, da von Zierzow, na? und ich hab' sie meines Wissen nach meiner Familie weitergeführt, und was nachher die Kinder damit machen, weiß nicht...

M y l' n i k o v : Habe ich richtig Ihre Name geschrieben? Eine «e», ja?

S e h l a n d t : Ein «e», nur mit «t».

M y l' n i k o v : Ach, «t», ja! Ist es überhaupt Unterschied, wenn man die Namen schreibt, oder mit Ende «d» oder «dt»?

S e h l a n d t : Urkundlich ja. Urkundlich — ja. Denn da ist ein Unterschied.

M y l' n i k o v : Aber welcher? Hat ein Sinn?

S e h l a n d t : Erbschaftsangelegenheit.

M y l' n i k o v : Wie?

S e h l a n d t : Erbschaftsangelegenheit.

M y l' n i k o v : Aha...

S e h l a n d t : Denn ich weiß es von mein'm Vater, also früher war es ja so: wenn ein Kind geboren wurde, da geht man zum Standesamt oder zum Pastor, man hat gesagt, dass es der Junge oder das Mädchen ist geboren, heißt so oder so. Und der hat den Namen geschrieben, und denn war das ja in Ordnung. Aber keiner hat daran gedacht, ob die Buchstaben vollsinnig sind. Und ich weiß das von meinem Vater, mein Großvater ist '40 gestorben an Herzinfarkt, so, nu ging die Erbschaft los. Und da war mein Vater kein Erbe, weil der sich nur mit «d» schrieb. Im Standesamt war Sehlandt mit «d» geschrieben, und das Erbschaftsgericht hat es nachher nicht anerkannt.

M y l' n i k o v : Ha, und wenn «t» das ist...

S e h l a n d t : Mit «dt» ist es angenommen, so dann haben wir uns alle, ich, meine Mutter und ich, wir haben uns auch übernommen, mit «d» geschrieben, und nachher 19... — ach, in den 40-er — die ersten Personalausweise kriegten, da ging man die Sache auch ins Tute, na? Einer schreibt sich mit «dt» und die anderen beide schreiben sich mit «d» — da stimmt ja was nicht. Und da habe ich das alles enden lassen. Nu ist es so eigentlich.

M y l' n i k o v : Aha, das ist interessant. Ich habe gehört, dass z.B. die Name Schmidt, ist sehr verbreitet...

S e h l a n d t : Ja...

M y l' n i k o v : ...und wenn es zwei «t» am Ende steht, so bedeutet es, dass es ein Katholiken sind, so hat mir ein Schmitt so erzählt.

S e h l a n d t : Kann sein. Aber sonst eigentlich sind hier in der Gegend, wusst' ich nix Katho...Katholiken. Apostolische Kirche — ja, die ist hier. Aber nu nach dem Krieg... nu sind ja katholische Kirchen eingeweiht worden.

M y l'n i k o v : Nu, hier, glaube ich, Lutheranismus ist...verbreitet, ja?
 S e h l a n d t : Ja, ja. Ist Evangelismus verbreitet.
 M y l'n i k o v : Nu ja... Aber dieser Mensch, welcher sagte mir, kam aus
 Suddeutschland.
 S e h l a n d t : Aha. Ja, sehen Sie!
 M y l'n i k o v : Ich wunderte, warum schreibt er Schmitt — zwei «t».
 S e h l a n d t : Ja, und da ist ja der im katholischen Region a... Region zu-
 hause.
 M y l'n i k o v : ja, ja, ja. Und hier ist es mit Erbschaft verbunden?
 S e h l a n d t : Ja, also, die Richtigkeit der Namenschrift ist mit Erbschaft
 verbunden.
 M y l'n i k o v : Ja. Und wenn also, ich will noch wiederholen, wenn es «d»
 ist, so hat der Mensch Rechte nicht, wie ist?
 S e h l a n d t : Ja, also, denn muss man sich von irgendwie Glauben hier besor-
 gen, oder was, die das bestätigen können, dass er der einzigste Erbe ist oder eine
 Erbgemeinschaft ist, sonst ist wohl schlecht das.
 M y l'n i k o v : Das habe ich fruher nicht gehört. Das ist interessant.
 S e h l a n d t : Ja. Nee, weil mein Vater hat es immer durchgemacht, der mus-
 ste sich Burgen besorgen, dass sie ihn anerkannt haben.
 M y l'n i k o v : Also, da muss man fordern, um Buchstab «t» steht.
 S e h l a n d t : Jawohl, da muss man gleich da wachen.
 M y l'n i k o v : wie macht man, durch Gericht, oder wie?
 S e h l a n d t : Ja, ich habe Standesamt das alles machen lassen. Gerichtlich
 war das eingetragen, mein Großvater hat Sehlandt mit «dt» geschrieben, und die
 ganzen Sehlands, wohl was ich weiß von vollerer Sippe hier aus Loosen, schrie-
 ben sich alle mit «dt». Aber damals, wie mein Vater geboren wurde, da hat man
 nicht drauf geachtet, da haben sie aber mit «d» geschrieben.
 M y l'n i k o v : Aha.
 S e h l a n d t : So, nachher bei der Überlassung, da kam die Sache ins Tute. Ne?
 M y l'n i k o v : Und jetzt schreiben Sie ihre Name mit «dt»?
 S e h l a n d t : Jetzt schreiben sich alle mit «dt». Das ist gerichtlich und kirch-
 lich, standesamtlich, alles...
 M y l'n i k o v : Also, es war nicht durch Gericht... bekommen?
 S e h l a n d t : Nein, nein. Durch Gericht ist es nicht gekommen. Durch
 Standesamt, bloß... man muss ja... man muss ja mal eine Erbschaftsangelegenheit
 gewusst unter der Kontrolle... ne, und weil die dann nicht identisch ist... dann is
 was passiert.
 M y l'n i k o v : Aber wenn z.B. ein Fehler kommt, so wie kann man es ver-
 bessern? Muss man a... mehr...
 S e h l a n d t : Man musste gleich am Standesamt aufpassen, man muss gleich
 sagen, so... so wird der Name geschrieben. Ne, anders ist ja nicht möglich.

I v a n o v a : Sind Sie ein Bauer gewesen?

S e h l a n d t : Bitte?

I v a n o v a : Sind Sie ein Bauer gewesen?

S e h l a n d t : Ja, die sind alle Bauernstelle.

I v a n o v a : Und Sie selbst?

S e h l a n d t : Die Stelle... die Grosste ist 28 Hektar und die kleinste, die ist bei 22 Hektar, aber mit... nur Ackerland und Wiese. Denn kommen noch verschiedene so zwischen 6 und 10 Hektar weiter so.

I v a n o v a : Haben Sie noch Vieh?

S e h l a n d t : Vieh? Ja, ein Huhn, zwei Katzen und zwei Schafen.

{*alle lachen*}. Und paar Huhner, weiter nix mehr.

I v a n o v a : Rind nicht?

S e h l a n d t : Nee. Lohnt sich nicht mehr.

I v a n o v a : Nee? Aber Sie haben fruher gehabt? Oder?

S e h l a n d t : Ja, natuerlich haben wir gehabt. Wir haben ja bis 1960 vollgewirtschaftet. Und da kam ja die sozialistische Fruhling, und dann wurde alles glatt gemacht.

M y l ' n i k o v : In diese Kollektivwirtschaft ja?

S e h l a n d t : Ja.

M y l ' n i k o v : Und viele Leute sind da noch heute in Genossenschaften geblieben oder nicht?

S e h l a n d t : Mm...ja, also, es arbeiten noch welche in der Genossenschaft, die haben ihr — also, wie gesagt mal nu — ein Geschäftsanteil eingezahlt. Ne? und die Betriebe sind alle verschieden. Es gibt eine GmbH und es gibt eine eingetragene Gesellschaft. Und es ist nu eine eingetragene Gesellschaft oder Betrieb geht konkurs, denn sind sie nur ihr — na, wir haben hier in dieser Betrieb hier nur die... Tausend Mark einbezahlt. Denn sind die weg. Aber ist es eine GmbH, dann haften sie fur das ganze Kapital. Ne, da kannst du bettelarm sein. Geht alles weg. Ne, da hat man... musste man damals, wie diese Agrarbetriebe sich genugt haben, da mussten sie fur aufpassen, na? dass eine GmbH war oder eine eingetragene Gesellschaft.

M y l ' n i k o v : Also, diese zwei Teilungen waren in DDR-Zeit noch, ja, oder?

S e h l a n d t : Nie, nie, in DDR-Zeit — DDR-Zeit gab's nur Sozialismus. Nie, da gab's nichts, aber jetzt.

M y l ' n i k o v : Jetzt? Aha... Na ja, ja... Und Sie... wer sind Sie nach Beruf?

S e h l a n d t : Ich?

M y l ' n i k o v : Ja.

S e h l a n d t : Ich bin Landwirt nach Beruf gewesen.

M y l ' n i k o v : Ja?

S e h l a n d t : Ich arbeite das ganze Leben schon hier auf dem Hof.

M y l' n i k o v : Jetzt sind Sie an Rente oder arbeiten Sie noch?

S e h l a n d t : Jetzt bin ich Rentner.

M y l' n i k o v : Rentner, ja. Uns jetzt über Ihr Haus: wie alt ist er?

S e h l a n d t : Dieses Haus?

M y l' n i k o v : Ihr Haus.

S e h l a n d t : Dies haben wir 1960 gebaut.

M y l' n i k o v : Ganz neu. Und was war hier vormem?

S e h l a n d t : Hier stand eine alte Scheune. Die haben wir in den 50-er Jahren abgerissen, die war baufällig, und da haben wir — '50 haben wir hier hinten Viehhaus gebaut, wo wir das Vieh unterbringen konnten und Heu und Stroh lagern konnten und dann brauchten wir diese auch nicht mehr. Oh, wir wollten ja schon früher bauen, aber das ging ja nicht im Sozialismus. Da waren wir noch Großbauer, und das ging ja nicht.

I v a n o v a : Und wo wohnten Sie früher?

S e h l a n d t : Unten haben wir ein — also, wie nennt man das... ein Wirtschaftsgebäude, da war Mensch und Tier — alles in einem Haus.

I v a n o v a : Ein Hallenhaus?

S e h l a n d t : Ja, ein Hallenhaus.

I v a n o v a : Mit 'ner Diele?

S e h l a n d t : Mit einer Diele, ja. Wenn man 'reinkam — rechts die Kühe, links — die Pferde.

I v a n o v a : Und wurde es auch bei Ihnen in der Diele gefeiert oder?

S e h l a n d t : Nee, also, das kenn' ich nicht mehr. Aber es war eingeteilt der Schornstein war das, na? Der doppelte Schornstein, mein Vater hat gefeuert. Ne, aber ich kenn' das nicht mehr. Früher gab's ja nur Rauchhäuser.

M y l' n i k o v : Und hatten Sie früher auch ein Backofen?

S e h l a n d t : Backofen hat jeder Bauer gehabt.

M y l' n i k o v : Jeder, ja?

S e h l a n d t : Jeder hat einen Backofen gehabt.

M y l' n i k o v : Aber nur Bauer?

S e h l a n d t : Na nie, Hausler haben auch welche.

M y l' n i k o v : Auch, ne?

S e h l a n d t : Nu, ja, aber nicht jeder. Wenn einer hatte besseren Stand, da konnt' er sich einen bauen lassen, na?

I v a n o v a : Sie haben also auch selbst Brot gebacken?

S e h l a n d t : Früher haben wir selber Brot gebacken, ich weiß es aber nicht mehr, zu meiner Zeit hatten wir einen Backer im Dorf, denn hat, denn wurde der Teig eingesauert und denn haben wir zum Backer gebracht und der hat das Brot abgebacken.

I v a n o v a : Und geschlachtet und gerauchert haben Sie auch?

S e h l a n d t : Geschlachtet haben wir selber. Ja.

I v a n o v a : Und wie wurde Schlachtfest durchgeführt? Erzählen Sie bitte darüber.

S e h l a n d t : Tjo... Schlachtfest da war ja fruh los, da waren nur die... Hausbewohner haben da Teil angenommen und einer der sich das traut...zugetraut hat zu schlachten. Und da ging das morgens los dabei, klein Korn vor ab, na? *{lacht}* Und dann wurde das Tier aus dem Stall geholt und dann ging dat los. Dann wurd' alles zubereitet, nachher ich weiß gar nicht — kann dat Ihnen... in den 30-er Jahren glaube ich kam dat erst mit der a...

I v a n o v a : Und wo? Auf dem Hof oder?

S e h l a n d t : Auf dem Hof wurd' das gemacht. Es wurde draußen gemacht. Ja... Und wenn alles auf der Leine hing, denn gab es schönes Frühstück, und denn war die Sache vorerst erledigt. Und abends ging Zerkleinen los, wurde anders geschnitten, Fleisch durch den Wolf gedreht und zu Wurst gemacht.

M y l ' n i k o v : Sagen Sie bitte schon, ich habe sehr viel über das Hacken gelesen, und die Bilder gesehen, aber ich habe sie in Wirklichkeit nicht gesehen.

S e h l a n d t : Was, Hacken?

M y l ' n i k o v : Hacken, ja. Hacken.

{die Pause zeigt Überraschung}

S e h l a n d t : Gewöhnlicher Hacken?

B e c k m a n n : Hackenflug.

S e h l a n d t : Ach, ein Hackenflug! Gibt's nicht mehr. Kenne ich nicht: mehr. Ja, das ist ja früher gewesen vor der Eisenzeit. *{Gelächter}*.

M y l ' n i k o v : Aber man hat geschrieben, dass zuerst war es aus Holz.

S e h l a n d t : Der war ja aus Holz, ja.

M y l ' n i k o v : Und hat man es bis welche Zeit gebraucht?

S e h l a n d t : Ich sag' ja vor der Eisenzeit, nachher, wie der Eisen kam, war ja vorbei.

M y l ' n i k o v : Nu, überhaupt, diese Hackenflug?

S e h l a n d t : Das kann ich Ihnen nicht sagen.

M y l ' n i k o v : Nach dem Krieg war es noch?

S e h l a n d t : Nein! Nein, nein, nein. Nein, nein, nein. Vor Ende... also schon vor dem Krieg. Ich bin '31 geboren. Da hatten wir ja schon... a...ne, Mehldre-
scher nicht, Dreschmaschine, Strohpresser, Selbstspinner, das war ja alles schon vorhanden. Ne?

B e c k m a n n : Alles schon mechanisiert?

S e h l a n d t : Das war schon zu der Zeit mechanisiert. Wie man sich das leisten konnte.

I v a n o v a : Nach dem Krieg wurde es... *{mechanisiert}*?

S e h l a n d t : Oh, nach dem Krieg gab's ja noch nix.

B e c k m a n n : Vor dem Krieg schon.

I v a n o v a : Vor dem Krieg?

S e h l a n d t : Vor'm Krieg, vor'm Krieg. Na ja, wieder Aufschwung in den 30-er Jahren, kann man sagen, so bis '39. Nachher war ja das nicht. Da brauchte man ja alles für die Russen, ne? Und dann nachher, nach dem Krieg, dann hat man mit dem gewirtschaftet, was man hatte. Ne, dann war Schluss. Und '60 kam der sozialistische Frühling.

I v a n o v a : Waren Sie gestern beim Erntefest?

S e h l a n d t : Au, natürlich!

I v a n o v a : Alle waren beim Erntefest, ja?

S e h l a n d t : ...

M y l ' n i k o v : Wir waren da auch.

S e h l a n d t : Sie waren auch da?!

M y l ' n i k o v : Ja, ja, ja...

S e h l a n d t : War ganz schön, na?

M y l ' n i k o v : Ja, sehr schön.

I v a n o v a : Wir haben es versucht, zu filmen, aber unsere Kamera funktionierte nicht — wir haben Pech gehabt.

S e h l a n d t :

I v a n o v a : Kennen Sie lange die Tradition {der Erntefesten}?

S e h l a n d t : Also... ja! Wir haben nach dem Krieg, in meinem jungen Jahren, da haben wir auch schon Erntefeste gefeiert, ach, gefeiert, immer die Wagen geschmückt. Und jetzt haben wir keine Zeit so. Und dann... nu kann man sagen, dat ist so... funf-sechs Jahre ist ist nun so richtig offiziell geworden, dass die Wagen schmücken und durchs Dorf fahren.

M y l ' n i k o v : War es fruher verboten oder was?

S e h l a n d t : Nein, war nicht verboten. Zeitmäßig. Die anderen Wagen, denn die jungen Leute hier geschmückt haben, das hat drei Tage gedauert!

I v a n o v a : Und wer macht die Hauben? *{es wird der Flunkerhut gemeint, der als Trachtenteil beim Erntefest von Frauen getragen wird}*

S e h l a n d t : Bitte?

I v a n o v a : Wer macht die Hauben?

S e h l a n d t : Die Hauben, das sind noch von fruher, das kenne ich noch von meiner Jugendzeit, das haben die Frauen auf dem Feld getragen für die Sonne.

I v a n o v a : Hier? Für die Sonne... haben sie alle getragen?

S e h l a n d t : Alle. Alle.

I v a n o v a : Alle.

S e h l a n d t : Für die Sonne haben sie die getragen.

I v a n o v a : Und jetzt machen sie selbst?

S e h l a n d t : Nee, das sind noch alles... starke Reserve gewesen.

I v a n o v a : Ach so!

S e h l a n d t : Ja, ja, die haben noch überall so 'rumgelegt, na? Ja, nach dem Krieg sind noch viele getragen worden hier. Die älteren Frauen haben immer getragen.

M y l' n i k o v : Aber braucht man jetzt diese...?

S e h l a n d t : Ach, mann...

M y l' n i k o v : Na ja...

S e h l a n d t : Alle die jungen Leute gehen damit nicht mehr los.

M y l' n i k o v : Nein, wahrend Feldarbeit braucht man?

S e h l a n d t : Das ist ja keine Arbeit im Feld! Das macht ja alles die Technik. Ja, ich hab' hier in der LPG gearbeitet zu meiner Zeit, waren wir 130 Angestellte da — die Feldwirtschaft und Viehwirtschaft. Und heut' sind in der Feldwirtschaft noch 11 Mann, und in der Viehwirtschaft kann ich Ihnen leider nicht genau Zahl sagen, aber viel wird es auch nich' mehr. Das ist, als damals automatisiert, dass es lauft.

M y l' n i k o v : Welche Produktion machen jetzt diese Genossenschaften?

S e h l a n d t : Die... Getreide, Olsaten, Kartoffel und Feldfutter. Mais. *{hustet}* Das ist immer so, kann man sagen, nach den Bodenbeschaffenheiten, na? Aber wächst hier sich auch vieles nach.

B e c k m a n n : Die Bodenwertzahl ist nicht so...

S e h l a n d t : Die Bodenwertzahl ist hier, in Loosen, dat kann ich Ihnen genau sagen, die liegt 27. Punkt-punkt.

B e c k m a n n : Wie kommt das, dass es waren hier, also... waldarm. Wie konnte das privatisiert worden?

S e h l a n d t : Ist auch viel. Das hängt mit den Boden zusammen. Wir haben fruher wie die Bauernstellen fruher, also ich kann das... da kann ich das nur erzahan, was mir erzählt worden ist, da hat jeder gepflügt und getan worden ist denn. Und 18... war das 1830 oder 1840, da ging die Verkopplung los. Also das ist denn so, dass die die Eigentum gekriegt haben. Das waren alles Schläge so bei fünf und halben (5,5) Hektar groß. Die Bauern. Da mussten sie die Kegel aufschaukeln, na? Jede Seite von jedem vergraben, unten Boden hinab, und die, die waren so hoch aufgeschauelt...

B e c k m a n n : Wie eine Welle.

S e h l a n d t : Jawohl. Die mussten mit Welle begrenzen. Das waren die Grenzen, weil hier ist nix vermessen worden. Hier in unserer Region finden Sie keine Grenzsteine. Ne? *{hustet}* Dann hatte jeder Bauer, hatte vier... *{неразборчиво}*. So, und was nun zu schlecht war, das haben sie mit Wald befest... Deshalb kommt der hohe Waldbestand. Wohl diese niedrigen... da musste nur, denn weil Sie schon davon gehort haben, die Jabeler Heide... da ist das für unsere Region hier.

B e c k m a n n : Ja-ja, das ist, Loosen ist doch zu Jabeler Heide...

S e h l a n d t : Ja, ja-ja. Und das zieht sich ja durch dieser Wald bis... nach Lubtheen *{eine kleine Stadt im sudwestlichen Mecklenburg, Kr. Ludwigslust (ehem. Kr. Hagenow)}*.

B e c k m a n n : Ein verlassener Dorf ist ja auch Ramm *{vier Hauser im Sperrgebiet der Bundeswehr. Dieses kleine Dorf wurde an der Stelle eines großen}*

gebaut, das im 16. Jh. wegen der Bodenverwüstung von den Dorfbewohnern verlassen und untergegangen war}.

S e h l a n d t : Ja, Ramm, ja. Ramm existiert noch.

B e c k m a n n : Aber es gibt auch noch ein untergegangenes Dorf.

S e h l a n d t : Ja.

B e c k m a n n : Gibt's auch noch die Sage...

S e h l a n d t : Da gibt's eine Sage von, und ich kann Ihnen erzählen, ich meinen ersten Schuljahren sind die alteren Klassen dahin gewesen zu Ausgrabung. Und die haben auch noch Feuerstelle gefunden und sowat. Nachher war die Sache vorbei. Denn kam der Krieg und denn war ja alles erloschen, ne? Das hat... der Rammer Bull hat es zugewahlt, hat man erzählt. Er hat sich losgerissen und der hat es zum Versoll, aber durch einen Sturm a... aber... mit Sand verweht. Das hat man immer so, fruher die Sage gesagt, hat der Rammer Bull hat das zugekratzt.

B e c k m a n n : Warum hat er das gemacht? Also, ich meine...

S e h l a n d t : Weil er wutend war {lacht}, hat sich losgerissen und war wutend! Wahnsinn, nur eine Sage ist das! Ne?

M y l ' n i k o v : Nu ja, die Sagen über verschwundene... Städte...

S e h l a n d t : Ja, die... die ist so untergegangen.

I v a n o v a : Mit Vielank {ein Dorf in Jabelheide} ist auch etwas verbunden? Oder was? {Es wird der Kirchversunk gemeint — ein Ort unweit Vielank, mit dem eine Sage über die untergegangene Kirche verbunden ist}

S e h l a n d t : Vielank? Da kann ich mir keinen Urteil erlauben.

I v a n o v a : Nee?

S e h l a n d t : Das liegt schon bisschen weiter weg hin. Denn aber ein... ein Ort Quast {ein untergegangenes Dorf an der Stelle des heutigen Sperrgebiets der Bundeswehr}, da...

I v a n o v a : Quast, uhu...

S e h l a n d t : Da waren neun Hauser und da wurden elf Spitzburg. {lacht} Haben wir immer gesagt, ne, da waren elf Hauser. Und das lag direkt hier in der Schießbahn drin. Und das ist damals zu Erichs {Erich Hohmecker, Generalsekretar der SEPD} Zeiten, zu DDR-Zeiten wurde es ausgesiedelt. Wegen der Schießerei da.

B e c k m a n n : Ist es immer noch großes Übungsgebiet oder?

S e h l a n d t : Wie? Heut' hat man den ruhigen Tag.

B e c k m a n n : Sonst schießt man immer?

S e h l a n d t : Da waren vor so vor vierzehn Tagen waren die Engländer hier, die hatten noch schöne Apparate drin, da hatten noch ma' die Türen gezittert.

B e c k m a n n : Oh, denn haben sie scharf geschossen?

S e h l a n d t : Da hat man scharf geschossen.

I v a n o v a : Was ist dort jetzt in Quast?

S e h l a n d t : Das'st gar nix mehr.

I v a n o v a : Gar nix mehr?

S e h l a n d t : Da steht... stand nur noch eine Forstscheune.

I v a n o v a : Gibt es aber auf der Karte.

S e h l a n d t : Aber Karte! Quast ist eine... a...pfui... geologischer... Punkt ist das. Ne? also, von da aus geht irgendwie die Vermessung.

M y l ' n i k o v : In Flur... in Karten von Flurnamen Mecklenburg habe ich eine solche sehr für mich sonderbare Wort gefunden, ein Teil irgendwo in Südwest-Mecklenburg nennt Siberien. Ja, ja.

S e h l a n d t : Ist wohl ohne ein Begriff. Hier gab es mehrere Flurnamen. Jeder Bauer hatte seinen Flurnamen. Das war selten, dass zwei-drei Kopplungen einen Flurname, jeder hatte so seinen eigenen Flurnamen erfunden.

B e c k m a n n : Also, da kann ich vielleicht etwas dazu sagen, zu solchen Flurnamen wie zum Beispiel Sibirien oder... oder Paradies gibt's oder... und zu Heiliges Land und solche — das sind so... so spaßhafte Namen, die man sozusagen aus... dass die meisten sogar sind die jüngsten Namen, die...

S e h l a n d t : Und der Struktur nach hier hat man die beurteilt, ne? So stelle ich mir das vor.

B e c k m a n n : Ja, ja, genau, genau.

S e h l a n d t : Nach der Bodenstruktur hat man hier das früher...

B e c k m a n n : Da gibt es auch ich kenne als Holzwiese, da hat sich ein Großes Meer aufgetaucht oder was, so, solche ist. Das sind so aber relativ junge Flurnamen.

S e h l a n d t : Hier hat man jemals erzählt, gleich in dem Dorf, da war ein Wiesengelände, da hat man zu gesagt:... Oh, manno-mann! Nu, geht da nicht los, komm' ma' wieder zusammen. Oh, oh, oh! Nun ist er weg. Der Name ist mir entfallen nun! Da ging aber ein Rinnsel durch, ein kleiner Graben, und früher die Bauern hatten hier ja, wenn man so die Überlassung kriegt so, ich hab's hier noch die... die... diese von der Erbpachtgeschichte, haben wir die ganze Überlassung gekriegt von einer Familie bis zur anderen. Die haben früher fünf-sechs Pferde und noch sieben Pferde gehabt. Früher. Früher hatten sie genug. Aber Kuhe höchstens sechs-sieben, mehr Kuhe hatten sie nicht, und dann hatten sie schönen Schwung Hühner, paar Schweine, dass sie leugen konnten, nun mehr hatten die Leute früher. Na, und da...Stromten hat der Flurname geheißen. Da ging der Rinnsel durch. Und das war früher die Pferdewiese. Da haben die Bauern ihre Pferde hergebracht.

B e c k m a n n : Und das sind Stromten oder was?

S e h l a n d t : Hier war... Stromten hat es geheißen.

B e c k m a n n : Ja, Stromchen.

S e h l a n d t : Stromchen, ne? Und unsere Wiesen da unten war der Stick, hat sich das genannt, weil das früher ein Teich war. Da stand alles unter Wasser. Wir haben hier in Loosen, die Bauern haben noch Wiesen in Niendorf {*ein Dorf an der Rognitz, 2 km entfernt von Laupin*} gekriegt. Dat es auch damals bei der Verkopp-

lung, 1830 auch passiert, weil hier in Loosen die Koppeln hatten kein Grunland genug, und Niendorf hatte zu viel. Und dann hatte jeder Bauer so einen halben Hektar Grunland gekriegt. Dies aber ein Eigentum, ist im Grundbuch dran.

B e c k m a n n : Ist, Herr Sehlandt, trocken gelegt worden?

S e h l a n d t : Also: in meiner Kindheit hat man da noch Torf gestochen. Eine... eine Ende. Und das andere hat man also, Jahr fur Jahr da sind sie ach... achtzehnhundert und... schon mal angefangen mit Ubersand.

B e c k m a n n : Gibt's ein Moor oder was?

S e h l a n d t : Ein Moor gibt's ja auch. Ein Weißes Moor.

I v a n o v a : Warum weißes?

S e h l a n d t : Bitte?

I v a n o v a : Warum ein weißes Moor?

S e h l a n d t : Ja, also, der Name ist... weiß ich nicht, woher der kommt. Das ist ein Forstgebiet gewesen, und da haben dann die Hauslereien — unten da hatten die ja keine Eigenlanderei — und das waren Torf, das heißt der Forst, das hat der Torf gebacken. Und dann haben die Hausler sich eben gemacht zu einer Wiese und das hat prima funktioniert. Bis 1948-1949-1950 hatten sie hier der Rauchentorf. Der hat hier Tausende von Hektar in drei Jahren schier gemacht. Und da ging ja Wald denn weg. So, nu da war die Verdunstung nicht da, und da ist das ganze Wasser auf diese Parzelle aufgegangen. Und so wurde geendet. Und da hat man... in den 1970-er Jahren — ach, diese, ist schon die dritte ... die da gelegt worden war, ... klappte einwandfrei. So, nun ist ja Wald funfzig Jahre alt, gut funfzig Jahre, ist die Verdunstung da, und da ging es Torf. In den großen Grabern noch kann man <...> gehen. Und es ließen wieder bewirtschaften. Aber so die Humusschicht drauf, die muss erst noch bearbeitet werden. Delsen (?) und... und Gras, ein zer... Gras, n? Und das ist ein Weißes Moor.

B e c k m a n n : Und gibt's... gibt's... meistens verbinden sich mit'm Moor irgendwelche interessante Geschichten oder sowas, gibt's sowas?

S e h l a n d t : Nee, nee! Von fruher auch nicht. Nee, sonst ist ma' na, dass... es Moor... dass da fruher die Kinder 'rubergeeist waren, alles unter den welchen ... Moorgras oder der... Wassermann, die da 'rein gezogen ist, und die Erzählungen gibt's ja...

I v a n o v a : Ja, es gibt?

S e h l a n d t : Ja, ja.

I v a n o v a : Kennen Sie welche?

S e h l a n d t : Ja, nun... so hat man erzählt, kleine Kinder, na? Geht hin nicht an 'en Teich, weil der Wassermann drin, der zieht denn 'rein. Ne? Um nun die Kinder abzuschrecken, na? Aber in Wendung sind doch angebrochene Mais, ne? {lacht}. Ah, da war dieser tief in der Mitte, waren Sie?

B e c k m a n n : Ja, kann man schon, als Kind kann man da schon ertrinken, ja...

S e h l a n d t : Doch! Unser Sohn hat ma' ein Madchen drausgeholt. Und das war nu Anfang der {19}80-er Jahre, n? Eis war ganz zertaut, und die spielten da drauf, die Kinder, und nachher ging er... und er war hinter der Stufe, er wollte zum Tanzvergnugen nach Belsch {*ein Dorf in Jabelheide, 2 km entfernt von Loosen, der Weg geht durch den Wald*} und dann rann da mit sei'm Sontagsanzug, hat darausgeholt.

I v a n o v a : Kennen Sie welche Geschichten mit den Geistern, mit Gespenstern?

S e h l a n d t : Ja, also... 'ch, also direkte Geschichten! Das sind so alte Fabeln sind das. Da ist nix wahres drin! {*lacht*}.

I v a n o v a : Aber Sie kennen doch welche?

S e h l a n d t : Nee, zur Zeit... kann ich Ihnen nicht sagen.

I v a n o v a : Nee, haben Sie nicht gehört?

S e h l a n d t : Ja... man erzahlt noch welche, ich sage, ich kann nicht... Weil wirklich kann nicht sagen, weil nun es sowas nicht ist, weil es nix wahres dran ist. Das sind nur Erzählungen das.

I v a n o v a : Das glaube ich, aber das ware doch interessant, was Sie horen.

S e h l a n d t : Ja, ja.

I v a n o v a : Konnten Sie was erzahlen?

S e h l a n d t : Nee, was soll ich Ihnen erzahlen? So, die einzigste Sage, die ich Ihnen erzahlt habe, das war Ramm, das der Bulle da zugekratzt hat. Das ist auch nur eine Sage.

I v a n o v a : Was ist das fur eine Sage?

S e h l a n d t : Da ist wohl fruher eine Stadt Ramm gewesen. Und die ist damals — wollen ma' hier diesen ganzen Wald, ich kann mich noch entsinnen, vor'm Krieg, wenn Sie nach Alt Jabel fuhren, von ... da waren noch Kohlereien hier im Gang. Ne, die haben Holzkohle gemacht. Und diese ganze Ecke hier, genau so wie die Luneburger Heide, da machen die Soline aus, in Luneburg, da ist auch dadurch die Luneburger Heide entstanden, weil die das alles abgeholt haben und ... auf fur die Soline. Ne? und so ist hier auch gewesen. Fur diese Kohlerei, ne? Und dadurch ist es gekommen, denn Karlsruhlach und der Nadelwelsch ist all da zugeweht. Nach den Jahren.

B e c k m a n n : Wie ist es mit dem Wald, jetzt ist es hier uberwiegend Nadelwald. War es auch fruher?

S e h l a n d t : Nur, nur... Kann ich Ihnen nicht genau sagen. Der Dorf ist zu arm.

B e c k m a n n : Hier gab es auch keine Waldweide oder was?

S e h l a n d t : Nein, nein. Ich sage auch noch nach Erzählungen nach von meinen Vorfahren, dass die Schafer im Wald gehutet haben. Ne, die Bauernschafe, ne? Jeder hatte so 10–12 Schafe, und die haben denn die Schafer im Wald gehutet.

B e c k m a n n : Weidekraut...

S e h l a n d t : Ja, Weidekraut, vor all'm aber dieses Gras. Gras... Und denn wurde auch Streu gemacht, ne, soviel Stroh hatte man ja fruher nicht. Da wurde die Streu abgeplagt, mit'm Plageisen mit dem breitesten Messer, wurde abgeschalt.

B e c k m a n n : Und aufs Feld gebracht?

S e h l a n d t : Nee! Erst in den Kuhstall. Musste erst mit Dung vermischet werden und nachher kam aufs Feld.

B e c k m a n n : Ich meine doch, wenn man es direkt aufs Feld schmeißt, dann ist es versauert.

S e h l a n d t : Ne, das versauert, ne, da hat man nur sauren Boden gehabt. Nee, nee.

I v a n o v a : Wie heißen diese einzelne Flurstucke?

S e h l a n d t : {*hustet*} Bitte?

I v a n o v a : Wie heißen diese einzelne Flurstucke?

S e h l a n d t : Au. Da kann ich Ihnen gleich ma' sagen: hier hinter dem Dorfang's an mit Schultenkamp. Und Schultenkamp das war fruher der Burgermeister. Der hatte extra nebenbei eine Bauernschwelle volle Gemeinde. Ne, und dann haben die Hausler nachher gepachtet. Er hatte ja ein Betrieb zu tun. Und denn ist das Schultenkamp. Denn gab's 'nen Schulkamp, der Schullehrer hatte auch 'ne Bauernstelle, der hat nicht gewirtschaftet, weil er keine Zeit hatte, denn, sowie in Leussow, dann gab's noch Pastorenland, Kirchenland, na? da hat der Pastor gewirtschaftet. Ne, das kann ich mir noch entsinnen, dass da fruher ein Pastor in Leussow, der hat noch gewirtschaftet. Kann ich mir als Kind noch entsinnen. Und nachher ist alles vorbei, n? Und diese Landereien von der Gemeinde, das haben die Hausler. Hat der Pastor als Pacht die gegeben... das waren die alles so Stucke, Flecke, kann man sagen dazu, von Tausend bis zwei Tausend Quadratmeter — so 'n Fleckenland das alles.

I v a n o v a : Wie heißt die Stelle dort, unterwegs von Loosen nach Krenzliner Hutte, wo gestern angehalten wurde, die Grenze, ehemalige Grenze zwischen beiden Dorfem?

S e h l a n d t : A, oh, die Grenze da, das ist die Grenze zwischen Klein Krams und Loosen... und Krenzliner Hutte. Die Parzelle hat fruher *Jaar* geheießen.

I v a n o v a : Wie?

S e h l a n d t : Jaar.

I v a n o v a : Jaar?

S e h l a n d t : Ja. Jaar einfach. «J», zwei «a», «r»- so wurd's geschrieben. Das ist der B Kuppe, das war der Jaare B.

I v a n o v a : Uhu.

S e h l a n d t : Dann nachher gleich dahinten die Mulde, das war noch Loosen, und dann nachher die Kirchengemeinde Klein Krams.

B e c k m a n n : Musste genau Jaar.

S e h l a n d t : Ja, ja! Na, Jaar, dann... Mensch weiß, wie die alle geheißten... die Wilz... Wilz noch auch Hauslerlanderei, na wie ich auch gesagt, Schulkamp, Schultenkamp, denn kam Penzkottel, war ein Flurname, denn kam der Platz, ein Flurname... {неразборчиво}; Foxilez und wie die alle geheißten haben. Ne, ich kann mir das alles noch entsinnen, heute die gibt's nich mehr.

I v a n o v a : Nein?

B e c k m a n n : Immer weil da niemand mehr musste, musste das nicht mehr...

S e h l a n d t : Ich war da mit meinem Onkel, der hat hier gewohnt, und dann war er hier nochmals in den {19}80-er Jahren, nun ist er leider schon verstorben, und da sagte er, nun wollen wir nach einem Schlach hin, da war eine kleine Wiese drin. Ich sag': «Gut, gehen wir beide hin.» Ich sag': «So, hier war die Wiese.» «Nee, nee, — sagt er, — wir müssen noch weiter». Wir waren nachher schon auf Krenzliner Landern, man sieht keine Grenze mehr. Ne, man sieht keine Grenze mehr.

B e c k m a n n : Ne, weil es alles melioriert ist und...

S e h l a n d t : ...melioriert und es waren hier keine Grenzsteine, die ganzen Knips, die Kegel, die sind weg. Ne? und ist schlecht. Wenn man wieder was, muss alles wieder neu vermessen werden.

B e c k m a n n : Irgendwie ist... ist auch mal wieder... im Wald sieht man es, häufig kann man noch die Sache ausgehen, aber auch nur, wenn dat ist so... also, wenn du den Forst durchgegangen bist, dann...

S e h l a n d t : Wo, Grenzscheider?

B e c k m a n n : Heute hab' ich doch mich noch die Grenzgraber...

S e h l a n d t : Ja, das sowieso. Grenzgraber waren immer auf den Ackerflächen war das so und in den Wald denn auch. Da gab's Grenzgraber.

B e c k m a n n : Da kann man dahinten wieder mal sehen.

S e h l a n d t : Uhu, uhu.

B e c k m a n n : Wer war denn hier der Dorfschulze?

S e h l a n d t : Tja, was ich weiß, war er ein Kinge, das war Nummer 1. Der musste nachher weg, weil er kein Nationalsozialist war, denn war hier eins namens Schmidt, der war bis zum Krieg, der wurd' nachher eingezogen; denn war wieder ein Rudolf Jalas, denn wurde er von oben nach Leussow 'raus, und dann nachher ging die Stadtrayons, wie der Sozialismus kam, da sach... da suchte nachher nur nach Vertrag alle Leute.

B e c k m a n n : A, ja.

I v a n o v a : Und gibt's hier die Flurnamen, die irgendwie mit Teufel verbunden sind?

S e h l a n d t : Mit Teufel?

I v a n o v a : Ja.

S e h l a n d t : Nee.

I v a n o v a : Keine Benennungen?

S e h l a n d t : Ne, ne, ne. Hier in Loosen wusste ich keine.

I v a n o v a : Bitte? {zu Beckmann, der inzwischen etwas sagt}.

B e c k m a n n : Duwelskamp, oder so?

S e h l a n d t : Duwelskamp nicht. Hier in Loosen nie.

I v a n o v a : Was bedeutet der Name Loosen?

S e h l a n d t : Ja, Loosen, tja, was bedeutet der Name... das wurd ja soviel verschieden geschrieben. Loosen nach den alten Akten nach wurde soviel verschieden geschrieben. Losen mit einem «o», Lohsen mit «h», Loisen mit «oi», ne, was mir ein Begriff ist, nun nachher, seit der Beurkundung, der Verkopplung achtzehnhundert und... ist es einheit... gibt es so mit zwei «o».

I v a n o v a : Was bedeutet es? Konnen Sie nicht sagen?

S e h l a n d t : Das kann ich Ihnen nicht sagen. Das sind so die Dorfernamen, ne? Das sind so die Ortsnamen.

M y l ' n i k o v : Ja... nu ich glaube, dass wir konnen Herrn Sehlandt bedanken, und wir gehen weiter.

S e h l a n d t : Tja, sucht ihr noch was hier im Dorf? Nie, na?

M y l ' n i k o v : Ja.

S e h l a n d t : Ich sah Sie morgens hier stehen, was suchen die, ich dachte: «Der... der gute Mann da, den dat Grundstuck geerbt, der ist namlich {19}25 abgehaut. Und ich dachte, dass da schon Kaufer waren, Interessanten, na? Und dann habe ich sie filmen gesehen, ich sag'... und da habe ich Herrn Moritz gefragt, ich sag': «So und so, ich hab' hier ein Auto gesehen von Vorpommern». «Ach, — sagt der, — das sind die.» «Ah, — ich sag', — nun lauft die Sache ihren rechten Gang.» Sonst hat mal hier auch schon ein Haus fur Geschäft also wat, na? Da bin ich kein Freund von.

B e c k m a n n : Man hat uns schon fur rumanische Banditten gehalten.

S e h l a n d t : ja, auch schon?

B e c k m a n n : Ja, in Leussow.

I v a n o v a : Wer hat zu diesem Fest die Wagen geschmuckt? Die Kinder, die Jugendlichen?

S e h l a n d t : Nein, die Jugendlichen.

I v a n o v a : Die Jugendlichen.

S e h l a n d t : Also, die Jungverheirateten. Die Jungverheirateten.

I v a n o v a : Gestern auch?

S e h l a n d t : Ja, natürlich.

I v a n o v a : Und wer hat die Strohpuppen gemacht?

S e h l a n d t : Das haben auch die...

I v a n o v a : Auch die?

S e h l a n d t : Wir haben hier doch eine Großgemeinde ein Dorf noch. Ein Dorf und eine Gemeinde von Tatigen. Und die machen das.

B e c k m a n n : Und diese Strohpuppchen

I v a n o v a : Und wie nennt man diese Puppen, gibt's einen besonderen Namen? Oder nicht?

S e h l a n d t : Nee, ne. Die werden so zum Erntefest aus Stroh Puppen aufgestellt und fertig.

B e c k m a n n : Wurden sie auch fruher schon aufgestellt?

S e h l a n d t : Na, bei uns hier wusste ich nicht. Die hatten sie hier diese Ball genommen dazu, diese Pressball.

B e c k m a n n : Nee, das meinen wir, wir haben jetzt a... gestern an an... an einem Wagen gesehen, so kleine Strohpuppchen.

S e h l a n d t : Na, die haben die selber gebastelt.

B e c k m a n n : und die... die gab's fruher auch schon so?

S e h l a n d t : Die haben wir auch schon. Konnte man sagen jetzt, fruher auf den Feldern ma' mal als Wirt zeugen, so 'ne Puppe gemacht. Ne?

B e c k m a n n : Ach so!

S e h l a n d t : Da haben wir die Gehause und a... Tute mit Stroh aufgestopft

I v a n o v a : Ist der Wagen auch mit solchen Puppen geschmuckt?

S e h l a n d t : Nee.

I v a n o v a : Nee. Sondern?

S e h l a n d t : Da hat nur drei Bogen und die sind mit Getreide gebunden.

B e c k m a n n : Was wir uns gerne ankucken wollen, das ware diese... dies... a... dies Dielenstück, das Holz...

S e h l a n d t : Also, wenn ich Ihnen damals zeigen konnte, der wiegt gute 200 Kilo.

B e c k m a n n : Ach, was!..

S e h l a n d t : Das ist 'n Quatsch, eigen Quatsch.

B e c k m a n n : Das ist enorm. Aber ihn kann man sehen?

S e h l a n d t : Ihn kann man sehen.

B e c k m a n n : Das ware uns interessant.

I v a n o v a : Ja.

S e h l a n d t : Dann müssen wir {посторонний шум} haben da... Der liegt oben auf dem Boden.

B e c k m a n n : Oh, ja, das...

S e h l a n d t : Ja-a! Den habe ich so... sonst ware denn ubrig gewesen. Nee, nee, dann habe ich gesagt: «Solange wie ich hier bin, bleibt der Balken hier.»

М у л њ и к о в : Herr Sehlandt, wenn wir zum Beispiel spater — vielleicht, vielleicht — irgendeine Frage haben, konnen wir an Sie anwenden?

S e h l a n d t : Tja, wenn nun Ihnen was anliegt, dass ich Ihnen was beantworten k o n n t e...

М y l' n i k o v : Ну ja, selbstverständlich.

I v a n o v a : Sie haben viele Fragen beantwortet.

М y l' n i k o v : Manchmal ja, die Fragen kommen nach Gespräch, ja.

S e h l a n d t : Ja, ja. Das...

М y l' n i k o v : Wir müssen...

{die Aufnahme wird unterbrochen}

{Ende des Interviews}

Расшифровка записи беседы с крестьянкой Урсолой Кнаапе

U r s u l a : Ich habe keine Kinder, ich bin alleine hier, die sprechen eigentlich hochdeutsch alle. Das ist noch die Generation, wo wir so um die 60-ste und bischen junger noch, das ging noch das alte Plattdeutsch, also das Plattdeutschsprechen, aber die Kinder wegen der Schule, sie haben das nicht mehr gelernt.

M y l ' n i k o v : Aber die Kinder sprechen auch?

U r s u l a : ...wenn in der Familie plattdeutsch gesprochen, aber die Kinder, die wollen das nicht mehr akzeptieren so, na ja eben... das war das Hochdeutsche mehr, weil es in der Schule auch brauchten so, na?

M y l ' n i k o v : Sagen Sie bitte schon, Sie waren hier geboren und Ihre Vorfahren auch hier waren geboren?

U r s u l a : Ja...

M y l ' n i k o v : Ab welche Jahrhundert oder, ich weiß nicht, Jahr wissen Sie über Ihre Vorfahren hier in diesem Dorf?

U r s u l a : Ja... Hier war ein altes Hallenhaus auf dem Hof, und das ist im 17. Jahrhundert gebaut worden. Und da stammen meine also Vorfahren, na?

M y l ' n i k o v : Und fruher wissen Sie nicht?

U r s u l a : Was davor war, nicht mehr.

M y l ' n i k o v : Und wahrscheinlich Ihre Vorfahren hatten eine hollandische Herkunft, nein? Ihre Name... oder Ihre Name... ich dachte das ist etwas holländisches? Zwei «a»: Knaaпе.

U r s u l a : Der Knaaпе, hat mein Vater erzählt, der stammt aus...aus... aus dem Westfälischen.

M y l ' n i k o v : Aus...?

U r s u l a : Aus Westfalen. Nicht aus Mecklenburg hier, das 'n westfälischer Name. Ja, hier ist ein bisschen seltener. Ja. Hier im Umkreis gab es den Namen ofter. Aber in Dortmund auch noch paar mal.

M y l ' n i k o v : Und interessant, gibt es im Dorf die Leute, die ihren Vorfahren mit Wenden verban... ver...

U r s u l a : Loosen ist ein altes Wendendorf. Wenden, wissen Sie, ja?

M y l ' n i k o v : Ja-ja. Gibt's hier die Leute, welche Vorfahren hier Wenden waren?

U r s u l a : Ja... auch die, die... Slawen mehr so... die Slawen.

M y l ' n i k o v : Ja, Elbslawen.

U r s u l a : Ja, das war ein Cousain vom Vater, der erzählte ofter noch davon.

M y l ' n i k o v : Aber in Ihrem Dorf gibt's solche Leute noch, nicht?

U r s u l a : Na ja, inzwischen ist es alles weiter gegangen...

B e c k m a n n : Also, gibt's solche, so wurden wir jetzt sagen, hier sind ja sozusagen, die gehörten, die ältesten Familien, wissen Sie, sozusagen, ich habe mal gehört von einem Bekannten hier, Oma hat erzählt, als sie gepachtet hat...

also diese also ollers mekelborger so, solche Familien so, die sozusagen schon immer hier gehörten?

U r s u l a : Ja, ja. Das sind vielleicht einige, aber...

B e c k m a n n : Und wenn sie sagen, wie sagen sie von sich?

U r s u l a : Nee, das weiß ich auch nicht...

M y l ' n i k o v : Und gibt es bei Ihnen die Leute, die Dorfchronik fuhren?

U r s u l a : Die Frau Bernhard, waren Sie schon bei Frau Bernhard?

I v a n o v a : Ja.

U r s u l a : Ach, da waren Sie schon?! Ja. Dann hat sie alles erzählt, was ich hier so wusste von dem Ganzen, na?

M y l ' n i k o v : Nu, wissen Sie, kann man nicht sagen, dass alles, manche Leute, jeder... einer hat seine Interesse an bestimmte Thema, ander hat Interesse an andere Thema. Deswegen ist es schwer zu sagen, dass bestimmter Mensch alles hat erzählt. Gewiss nicht alles, ja. Er erzählt das, was er weiß, was er kennt. Neben ihn kann ein anderer Mensch sein, der kennt das, was dieser Mensch nicht kennt, und umgekehrt. Es ist ganz klar.

U r s u l a : Es sind... ich bin ja nicht ganz so alt, sonst die alteren noch, die zwanzig Jahre alter sind, die wissen vielleicht noch ältere Sachen, was früher war, so. Waren Sie bei Walter Sehlandt? Der kann vielleicht besser und mehr erzählen wie ich, ich weiß gar nicht, wie der alles mitbekommt? Das macht ja nichts, was ich kann, erzähle ich Ihnen auch.

{Telefonanruf, Abbruch in der Aufnahme}

M y l ' n i k o v : Also ich fragte, dass, то есть ich sagte, dass sie sagte, Sie haben ein Haus aus 17. Jahrhundert, ja?

U r s u l a : Ja, ich habe noch Fotos, kann ich Ihnen zeigen, das lag hinten auf dem Hof.

M y l ' n i k o v : Das wollen wir fotografieren, wenn Sie erlauben.

U r s u l a : Das ist nicht mehr da, das ist abgerissen.

I v a n o v a : Wann wurde es abgerissen?

U r s u l a : Vor ein paar Jahren, '89–'87. Kann ich... Foto kann ich Ihnen zeigen.

M y l ' n i k o v : A-ah, danke.

U r s u l a : Das hat 250 Jahre gestanden. {zeigt das Foto} Das war es.

M y l ' n i k o v : 17. Jahrhundert. Wissen Sie, nicht...

I v a n o v a : {Русским коллегам} Это тот {дом}, который мы искали {по старым фотографиям из архива Воссидло в Ростове}.

M y l ' n i k o v : Искали, да? {к Кнаане} Wissen Sie nicht, Anfang oder Ende des Jahrhunderts, war das nicht geschrieben?

U r s u l a : Ja, konnte ich zurückrechnen: das ist 1987 oder 88 ist es abgerissen und 250 Jahre zurück, dann ist gebaut worden.

B e c k m a n n : Gab es auch so 'ne Bauinschrift oder?

U r s u l a : Ja.

B e c k m a n n : A ja...

U r s u l a : Die habe ich aber nicht mehr, die kann ich jetzt nicht sagen. Das war auch das Baujahr und und so 'n Spruch, ein christlicher Spruch, ich habe ihn inzwischen vergessen. {*lacht*}

I v a n o v a : Das Foto haben wir im Archiv... im Wossidlo-Archiv in Rostock gesehen...

U r s u l a : Das Bild, na? Das ist auch in Rostock, das Bild, glaube ich...

I v a n o v a : Nee, das ist in Hagenow, es stand noch bei Frau Bernhard.

U r s u l a : Ja, ach die hat es in Hagenow abkopiert. Dies konnte, was ich hatte, dies hat Frau Bernhard alles da gesandt, und hat das alles abkopieren lassen, na?

B e c k m a n n : Und das Haus, in dem wir jetzt sind, wann war es gebaut?

U r s u l a : Das ist 1901 gebaut. Das ist ein altes Foto von meinem Großvater der Großvater, wo die da noch vor 'm Haus stehen. Das ist mein Vater und der ist 1902 geboren. 1901 geboren im alten Haus noch.

B e c k m a n n : Und hier 'runter steht auch eins. Ein altes...

U r s u l a : Ja, das ist von der Nachbarschaft, das ist auch abgerissen, das war auch so 'n altes Hallenhaus. Das waren ja alles hier rings solche Hauser.

B e c k m a n n : Und das hatte praktisch später nur noch als Scheune gepflegt, dieses alte Haus?

U r s u l a : Das Wirtschaftshaus, da war Vieh drin und da war Korn und alles gelagert.

B e c k m a n n : Wohnte keiner mehr?

U r s u l a : Nein. Mein Vater ist 1902 geboren. Wurd' 1901 geboren. Der ist nun im alten Haus geboren, und 1902 dies Haus hingebaut und dann waren sie umgezogen. Dies ist noch mal... {*zeigt Fotos*}

B e c k m a n n : ist ja 'n Riesenhaus!

U r s u l a : Ja, das war ein Riesenhaus.

B e c k m a n n : Und da war auch weiter noch das Vieh und...

U r s u l a : Ja, war alles drin.

B e c k m a n n : War alles drin?

U r s u l a : Alles drin, ja. Und die Scheune, wo die Bushaltestelle ist, das ist das Elternhaus von meiner Mutter... gewesen hier. Das ist auch neugebaut worden, als dies alt geworden. Und das nun die Scheune. Hier, wo die Bushaltestelle ist, na?

B e c k m a n n : Ja, ja-ja. Gehorte das zum Bauerndorf oder?

U r s u l a : Ja, das gehorte noch zum Bauerndorf.

B e c k m a n n : A ja. Bis zur Bushaltestelle ist Bauerndorf...?

U r s u l a : Ja, das war Hufe1 und bis zur Ecke noch gesehen war Hufe 18. Das waren 18 Bauernhöfe hier. Ja.

M y l' n i k o v : Frau Knaape, sagen Sie, hier ist geschrieben: «Euer altes Haus». Wie ist richtiger: euer oder ihr?

U r s u l a : Euer.

M y l' n i k o v : Euer. In diesen Sinn...

U r s u l a : Euer, euer. Ja, das ist so zur Streitfrage in Deutsch, na? wenn man jetzt sagt, oder so auch spricht, na? Ihre... ihre ist... und euer gibt's auch. ...Ja das hat noch jemand aus Berlin besucht und hat noch mal wieder fotografiert, das ist aber sehr verfallen. Man kann es ja nicht erhalten, die kam von... das lag... das war unter Denkmalschutz, aber... meine Mutter war schon sehr krank, meine Tante und mein Vater waren verstorben, und wie kann man so was erhalten, na? Undenk, na?

B e c k m a n n : Ja, das ist ja oft.

U r s u l a : Ja, nee.

I v a n o v a : Was war das? *{zeigt auf ein Foto}*

U r s u l a : Ja, das war die, wo die Bushaltestelle da, wo die ist, da lag die alte Scheune. Das war das Elternhaus von meiner Mutter. Mein Onkel hat dann neu aufgebaut, und das war auch so 'n altes Haus. Das waren alle so Hallenhauser, die ganze Hufe hier herum, na? Ja... So haben die fruher die Hochzeit gefeiert, wenn sie das interessiert, die alte Aufnahme...

B e c k m a n n : Das wurde sehr interessant, was so an Feiern so... im Jahreszyklus so...

U r s u l a : Ja... *{lacht}*.

B e c k m a n n : ...gefeiert wurde.

{Abbruch in der Aufnahme}

I v a n o v a : Wo wird hier eingekauft?

U r s u l a : Bei Konsum. Konsum ist ein Begriff, ne? War Konsum nachher drin. Die Gaststatten sind ja beide eingegangen sozusagen, ne? Nun haben wir keine mehr. Da wurde ja Feuerwehrhaus aufgebaut und wird spitzig alle Tage jetzt da. Ja... Das war unser letztes Pferd auf dem Hof.

B e c k m a n n : Wann... wann 'st das?

U r s u l a : Na ja... mein Vater ist jetzt zwanzig Jahre tot, und das war noch paar Jahre vorher. Steht es ja gut drauf? ...Ja, ich meine, Sie konnten das... war noch ein alter Leiterwagen, das stand noch hier, und die haben schon auch Museumswert, ne? Und da kam Verwandte aus Hamburg, und hat ihn gesehen, und da sagte: den holen wir nach Hamburg ins Museumsdorf. Und hat ihn hingeholt. Fruher hat man schwer gearbeitet, na? ...Ja, so sah das Bauerndorf fruher, das ist 'n ganz altes Foto. So das Bauerndorf fruher aus, da haben die hier den Teich, da war noch nicht so alte Pflaster, und die alte Scheune, wo Sie bei Sehlandts waren, eben, die lag hier vorne noch an der StraÙe, wo der Gabel ist. So sah das fruher mal aus. Ich hab' das auch nicht mehr kennen gelernt, ja die Scheune kenne ich noch, na?

I v a n o v a : Wo lag das Haus von Sehlandt?

U r s u l a : Nee, das steht jetzt das neue. Wo erforscht ihr. Und das Haus, da stammte mein Großvater 'raus, das war hier oben...

I v a n o v a : Was war ursprünglich in der Mitte? Anstatt des Teiches?

U r s u l a : Die haben die neuen Hauser alle vorgebaut. Die lagen alle zuruck, und die Scheunen waren nach vorne.

I v a n o v a : Ich meine in der Mitte, wie lange... wie ist jetzt der Teich?

U r s u l a : Ja-ja, der Teich ist... das ist der Teich, die haben ihn so gemacht. Ja, das war... war abgesagt so... wenn es im Sommer so ausgetrocknet war, dann haben die den gesaubert, haben den so gemacht... Ja... Ja, es ist vielleicht jetzt gar nicht mehr so, na, was so war ja... *{beim Fotoanschauen}* Und so waren die Gurken und das Essen eingepackt, wenn es zur Erntezeit ging. Das ist meine Mutter noch und meine Oma, na?...

I v a n o v a : Haben Sie es auch gemacht?

U r s u l a : Ich kenn' das auch noch! Ich habe 10 Jahre in der Landwirtschaft noch gearbeitet. Und dann kamen die LPG, und dann habe ich meine Ausbildung gemacht, und hab' dann 30 Jahre in der Bank gearbeitet, ich habe nicht mehr in der Landwirtschaft nachher gearbeitet.

M y l ' n i k o v : Welche Jahr ist das? *{zeigt auf ein Foto}*

U r s u l a : Wenn ich das wusste! Leider ist das nicht aufgeschrieben.

B e c k m a n n : Was ist... ach das ist mal die Doppelhochzeit!

U r s u l a : Das ist die Doppelhochzeit gewesen. Das ist meine Oma hier. Das mussen von ihr... Verwandte gewesen sein. Mein Onkel...

I v a n o v a : Wie hatte man im Dorf eine Hochzeit gefeiert?

U r s u l a : Die haben es in der Diele gefeiert.

I v a n o v a : Ja?

U r s u l a : Da haben die Musik bestellt und Essen haben sie vorbereitet. Hier, ich hab noch ein schönes Bild vom Backofen. Ist Ihnen auch ein Begriff, na? Das wurde das Kuchen, und Brot, und Fleisch und wurde alles in diesem Backofen gebacken. Ja...

I v a n o v a : Und dann in der Diele gefeiert?

U r s u l a : In der Diele wird gefeiert, na?

I v a n o v a : Wird es getanzt oder nicht?

U r s u l a : Ja, auch.

I v a n o v a : Haben Sie selbst gesehen?

U r s u l a : Das haben wir noch nicht... Also mit dem Backen nicht mehr so, na? das war später, na?

I v a n o v a : Ich meine mit dem Feiern?

U r s u l a : Ja, das weiß ich noch. Ja... das war in den 60-er Jahren haben wir da auch noch... auch noch so gefeiert, na? Später wurd dann in der Gaststatter gefeiert oder in den Zimmern wurde aufgeräumt.

I v a n o v a : Es wurde mich interessieren, wie man in der Diele gefeiert hat?
U r s u l a : Ja, da wurde eine große Tafel gemacht, und da haben die gegessen, und getanzt, und dann wurde das ganze ausgeräumt.

I v a n o v a : Und wurde die Diele irgendwie geschmückt?

U r s u l a : Auch. Die wurde mit Grün geschmückt... ja... Wurde mit Tannengrün oder im Winter gab's ja, wenn es im Winter gefeiert wurde, gab's ja kein Tannengrün, dann haben die... gab's kein Eichenlaub, sonst im Sommer wurd' Eichenlaub genommen. Im Winter haben die mit Tannengrün mehr genommen. Ja...

i v a n o v a : Und mit Blumen auch?

U r s u l a : Ja, Blumen nicht so. Blumen hatten sie ja gar denn nicht immer.

M y l ' n i k o v : Sagen Sie, was machen sie hier die Leute, was bauen sie oder was ist es? {*Über ein Foto*}

U r s u l a : Das sind... ist Gemeindearbeit gewesen fruher, da haben sie sich hier alle zusammengetan, die Bauern, und haben den Teich saubergemacht. Diesen Teich, den hier...

M y l ' n i k o v : Alle diese Hauser, ja?

U r s u l a : Von den Hausern die alle, ja. Und die haben die Pferde angespannt, sehen Sie auch die Wagen da, und haben diesen More, was sie da 'rausgemacht haben, haben die weggefahren, na? Die waren sich sehr einig, die Leute, wenn es um Arbeit oder Gemeinschaft überhaupt ging, na? Haben alle zusammen immer eingepackt und das gemacht, na.

M y l ' n i k o v : Sagen Sie, und wie alt ist dieser Teich?

U r s u l a : Tja... ich habe ihn auch so kennen gelernt. Und meine Vorfahren sicher auch.

M y l ' n i k o v : Er war immer?

U r s u l a : Der war schon immer da. Und nu haben die, vor der Wende noch, so betoniert, und so'ne Mauer 'rumgemacht. Und nun ist sehr tief, als... wenn nun mal ein Kind 'reinfällt, das konnte ertrinken, fruher ist so flach rein. Wie Sie sehen, das war ja so eine Mulde bloß, na?

M y l ' n i k o v : Und ist er tief, ja?

U r s u l a : Sie haben ihn mehr ausgewackelt, weil sie Fundament 'rumgemacht haben, na? Also Pflasterstein haben sie dann benutzt. Sie sehen hier auch keine Splitzenhaus, es ist auch leer. Wird ja neues gebaut.

I v a n o v a : Haben Sie immer noch den Backofen?

U r s u l a : Nee. Der ist abgerissen, der fiel zusammen nachher. Können Sie die Fotos gerne mal anschauen, na? {*Beckmanns Handy klingelt*}

I v a n o v a : Wie wurde hier Weihnachten gefeiert und die Zwolften?

U r s u l a : Ja, Weihnachten haben wir auch so gefeiert, also Heiligabend dann je nach dem... in den schlechten Zeiten hatten wir ja auch noch bei der Landwirtschaft hat noch... konnte man noch mal schlachten, na? Mein Vater war in Endland und meine Mutter und beide Geschwister von meinem Vater, die ha-

ben gewirtschaftet auf dem Hof. Und ansonsten Weihnachten haben wir so gut gefeiert, wie wir konnten, na? Wir haben auch die Leute gebracht, bei den wir gewirtschaftet hatten, mit den Pflanzen, na? Dann auch zum Weihnachtsfest wurden die Leute, die dann im Sommer arbeiteten, eingeladen zu einem schönen Essen abends. Und dann wurde auf dem Schlitt getroffen, wurden dann Karten gespielt, das war echt lustig immer.

I v a n o v a : Was wurde gegessen zum Weihnachten, zum Heiligabend?

U r s u l a : Was vom Schlachten, was wir hatten.

I v a n o v a : Keine Pute wurde vorbereitet? Oder Ente?

U r s u l a : Ja. Selbst hatten wir mal Ente so... Ja, die wurd' im Backofen so gemacht. Heiligabend hab' ich immer das Schweinefilet, na, das wurde bei uns Heiligabend gegessen, mit Kartoffel und Kohl dazu, und später hab' ich immer Karpfen gegessen.

I v a n o v a : Aha, später. Erst später?

U r s u l a : Ja, später.

I v a n o v a : Es war nicht ursprünglich?

U r s u l a : Da haben wir gar keine Karpfen gekriegt, wie ich mich erinnern kann. Fisch ist hier nicht so... na?

i v a n o v a : Ja, ich weiß. Ich kenne diesen Brauch, dass man zum Heiligabend Karpfen isst...

U r s u l a : Nächsten Tag aßen wir Ente. Ja... macht man heute noch so.

I v a n o v a : Ja?

U r s u l a : Ja.

I v a n o v a : Und wird auch der Tannenbaum geschmückt, Weihnachtsbaum?

U r s u l a : Auch. Ist auch ein alter Brauch, na? ja...

I v a n o v a : Und wurde Weihnachten allgemein auf dem Dorfe gefeiert oder nur mit der Familie?

U r s u l a : Jeder feiert eigentlich Heiligabend mehr in der Familie so. Oder man geht zu Bekannten, und die Verwandtschaft lädt sich gegenseitig ein. Aber direkt Heiligabend ist jeder zu Hause. Ist jeder bei sich.

I v a n o v a : Fahrt man zu Kirche, wahrscheinlich, zum Gottesdienst?..

U r s u l a : Zum Gottesdienst Heiligabend auch, das ist auch Brauch, ist noch. Dann ist die Kirche auch voll, kann man... so viele hingehen!

I v a n o v a : Was ist mit Vermummungen, kennen Sie das, Vermummungen, Verkleidungen während der Zwölften oder Umzüge auf dem Dorfe? Machte man so oder ?

U r s u l a : Ich habe eigentlich nicht so kennen gelernt.

I v a n o v a : Früher auch nicht?

U r s u l a : Das ist... als Kinder oder so, denn haben wir Weihnachtsmann gespielt und so uns verkleidet... Ja, ich weiß nicht, ob Sie das interessiert?

I v a n o v a : Ja-ja.

U r s u l a : Und da war das ja noch, da hatten wir uns noch keine Bonbons geschickt, weil das ja schlechte Zeiten waren, na? gab's Pfeffernusse — kennen Sie, ist es ein Begriff? — Pfefferkuchen wurd' gebacken, na? Und dann bekamen die Kinder Pfefferkuchen, na? ja, machen wir auch noch.

I v a n o v a : Heidesand und Butterspitze und Weihnachtsgebäck und... das kenne ich.

U r s u l a : Ja, genau. Ja, das ist mein Großvater. *{zeigt auf ein Foto}*

I v a n o v a : Und die Spekulatius?

U r s u l a : Ja, das haben wir nicht selber gebacken. Das haben wir mehr gekauft.

I v a n o v a : Und was machte man zum Nikolaustag?

U r s u l a : Dann tut man was in der Schule.

I v a n o v a : Ja?

U r s u l a : In der Familie. Ja.

I v a n o v a : Bis jetzt?

U r s u l a : Ja, Kleinigkeiten, na? Kleine Geschenke, Süßigkeiten...

I v a n o v a : Aber die Bescherung ist üblich nur für Weihnachten oder?

U r s u l a : Am Heiligabend, ja.

I v a n o v a : Am Heiligabend. Und Silvester nicht? Oder auch?

U r s u l a : Nee! Da gibt es einen alten Brauch, «Julkapp» haben wir gesagt. Dann schmeiß irgendeiner was ins Haus oder sowas, das kenne ich aber auch nicht, ich weiß das aber von meiner alten Freundin, bei denen war das irgendwie so. Aber bei uns zu Hause war das nicht so.

I v a n o v a : In der Silvesternacht was das oder wann?

U r s u l a : Am Silvesterabend war das. Am Silvester gibt es auch Karpfen, ist auch ein Begriff. Oder Neujahr auch noch, na?

I v a n o v a : Und hat man auch Heiligedreikonige gefeiert?

U r s u l a : Nee. Das feiern wir nie. Das ist eher im katholischen Westen. Wir sind ja evangelisch. Sagen Sie, sind Sie auch evangelisch oder haben Sie anderen Glauben?

I v a n o v a : Nee, wir sind orthodox.

U r s u l a : Orthodoxen, na?

I v a n o v a : Ja. Ne, das gibt Unterschied zwischen Katholiken und Protestanten, sagen wir, ja? Wir sind ja evangelisch und die sind katholisch, na? Ja... Hat ja der Pastor Moritz sicher Ihnen schon mehr davon erzählt, wie ich!

B e c k m a n n : Und gibt es irgendwelche interessante Geschichten, wie man so mehr erzählt aus der Umgebung, sicher irgendwelche bestimmte Orten, zum Beispiel, es ist aufgefallen, als die Tour 'rubergering mit den Erntewagen... es, es...

U r s u l a : Ja! Da war die Dorfgrenze. Und da wird haltgemacht, da gibt es ersten Schluck. So geht es auf *{lacht}*.

B e c k m a n n : Also, außer der Grenze hat der Ort keine besondere Bedeutung?

U r s u l a : Na ja, die Orte waren fruher hier gemeindemaßig selbständig.

B e c k m a n n : Ja, ist klar, ist klar.

U r s u l a : Und jetzt sind 6 Dorfer eine Gemeinde, und fruher war jeder Dorf hatte seinen Burgermeister, und da war die Dorfgrenze, und... und das ist durch die LPG gekommen, weil das ganze Land zusammenkam die Grenze bestätigten den Sinn überhaupt nicht mehr, na? das wurde alles eins gemacht und dadurch hat sich die ganze Entwicklung ergeben, na? Ja...

M y l ' n i k o v : Wieviel Zimmer hat Ihr Haus?

U r s u l a : Ich hab' unten 6 Zimmer. Ja... na ja, das ist Einfamilienhaus, aber fruher waren auch die Leute, und es war auch noch Stallende, fruher waren auch die Kuhe noch mit drin, na?

B e c k m a n n : Ach, hier noch im Haus?

U r s u l a : In diesem Haus noch, ja. Gab's Kuhe, ja...

B e c k m a n n : Also waren hier im Haus und auch im alten Haus da?

U r s u l a : Das Hallenhaus war noch Wirtschaftsgebäude, da war noch Heustapel, wenn Ernte war... ja...

B e c k m a n n : Wo hat der Backofen gestand'n?

U r s u l a : Der hat bei dem Hintergarten gestanden. Ich hab' neulich grade gehört, die haben deswegen soweit weggesetzt von dem Neuen wegen Brandgefahr. Die haben ja fruher durch dieses Feuer, dies offene Feuer, dann haben die die Gluhte 'rausgemacht, weil das ja mit Feuer geheizt wurde, ja mit Gluht, na? mit Holzscheitel, ja... und dadurch sind Funken geflogen und diese Strohhäuser sind sowieso leicht entzündlich, deswegen haben sie die beiden zurückgesetzt, die Backofen. Ja... Da haben wir noch gemacht, in dem... nach dem Krieg jetzt noch, die Backobst in dem getrocknet. Ich kann noch erinnern, wie es darin gebacken wurde. Aber nachher war ein Backer im Dorf, und der... dem haben wir das Brot hingeschoben, für die ganze Familie so, für die Woche Brot, musste die ganze Woche reichen das Brot. Und das musste... backte der Backer dann fertig, wir haben nur den Teig eingesauert so, eingerührt, hingbracht und dann haben wir das abends wieder geholt, dann war das Brot fertig, na?

I v a n o v a : Kochen Sie selbst?

U r s u l a : Ich alleine oder wie meinen Sie?

I v a n o v a : Ob Sie selbst kochen oder Fertigprodukte kaufen?

U r s u l a : Ach so, nee, ich koche alleine. Ich koche normalerweise altmecklenburgische Gerichte *{lacht}*.

I v a n o v a : Ja? Was ist das?

U r s u l a : Ja... das ist denn... Grunkohl. Grunkohl mit Feinebacken, kennen Sie auch, na? *{lacht}*.

I v a n o v a : Kartoffel auch, na?

U r s u l a : Ja. Kartoffel. Wir sind Kartoffeleesser, na? Schönen Eintopf, schon Gemüse 'rein, na? Bratkartoffel, na?

I v a n o v a : Mecklenburgische Art?

U r s u l a : Ja, Speck und Zwiebel 'rein, genau! *{lacht}*. Ich meine, man kocht schon auch ein bisschen anders, aber Fertiggerichte kaufe ich auch nicht. Aus Tuten und Dosen nix, nee. Ich habe noch meine Gemüsepflanzen alleine im Garten an, Kartoffel auch. Komm' das ganze Jahr mit auf.

I v a n o v a : Was ißt man zum Frühstück? Ißt man heiß hier in Mecklenburg?

U r s u l a : Nee, das sind nee.

I v a n o v a : Nein. Und fruher?

U r s u l a : Fruher haben sie Schmalzbrot gegessen oder so dieses griesen Schmalz, mit griesen vom Schwein... Oder noch Marmelade ißt man so... Backkuchen und Marmelade und und... ganz alt ißt man... Ja, da war, da lag noch Sagenspane drin, wir haben die denn getrocknet und zum Rauchern genommen, fruher hatten wir noch Raucherbogen, da wurde Gluht 'reingetan, wurde Sagenspane 'rauf und wurde schon gerauchert, na? wenn wir geschlachtet haben, na? Na ja, das alles ein bisschen her.

I v a n o v a : Haben Sie auch Wurste gemacht?

U r s u l a : Ja, ja.

B e c k m a n n : Konnte man sagen, aus welcher Richtung ist dieses Bild aufgenommen? *{kuckt auf ein altes Hausbild}*

U r s u l a : Ja, das ist hier von meiner Tante aus genommen, hier, von dieser Richtung.

B e c k m a n n : Hier einmal 'ruber zu sehen?

U r s u l a : ...zu sehen. Das ist da, wo Sie waren bei Sehlandt. Das ist hier das war ja die Scheune vorne... da lag die Scheune hier 'rein. Ja... Und waren Sie schon in der Umgebung hier, in den Dorfern ja, oder?

I v a n o v a : Ja, in Alt Krenzlin sind wir gewesen. Krenzliner Hutte, in Leussow...

U r s u l a : Ja, gemeindemaßig gehören wir... Leussow nicht zu uns, Altkrenzliner, das gehörte... aber kirchmäßig gehören wir nach Leussow, weil da Kirche ist.

B e c k m a n n : Und die... die anderen Dorfer, also Alt Krenzlin gehören auch zu Kirchspiel?

U r s u l a : Nee. Die gehören nach Picher. Alt Krenzlin, Krenzliner Hutte und... Neu Krenzlin, war hier zur Gemeinde gehören, die gehören zur Kirche nach... nach Picher. In Picher ist 'ne große Kirche. Da waren Sie noch nicht, nee?

B e c k m a n n : Nee.

U r s u l a : Fruher gehorte auch Zukassaren nach Picher, aber dann haben Hagenow und Ludwigslust zu einem großen Kreis zusammengelegt, das ist jetzt Kreis Ludwigslust, ja? Ist das alles ein bisschen... ein bisschen geandert, na? Und ganz fruher gehorten wir mal zu Kreis Hagenow. Da war hier in Loosen war die Grenze, und Groß Krams war dann bei der Grenze. Und dann war der ganze Teil war dann Ludwigslust, und dann haben die nun wieder zum großen Kreis Ludwigslust zusammengeschlossen haben, so 'n großer Kreis, na? ja... Das wird wieder mal andern, na? Dies war und dies ist und kommt auch nicht wieder!

I v a n o v a : Pflegen Sie selbst Ihren Garten?

U r s u l a : Ja, mache ich alleine. Ja... Ja, so wird alles erzeugen. Hat man auch seine Freude dran, na? Ja...wie gesagt, meine Arbeit habe ich auch damit. Na ja, weil ich jetzt Rentnerin und zu Hause bin, sonst wenn man noch Arbeiter ware, dann ware schon schlecht, hat' man gar nicht geschafft alles, na? Ja, was kann ich noch Ihnen erzählen?

I v a n o v a : Es wurde mich interessieren, was der Name Loosen bedeutet?

U r s u l a : Das kann ich Ihnen nicht sagen, haben Sie Frau Bernhard nicht gefragt? Ne? Geht aber mal hin, weil die hat hier alles 'rausgefragt hier, aus uns allen, na? Was sie da hat, hat ihr jeder hingetragen. Und sie konnte uns, weil sie in Archiven in Schwerin und uberall gekuckt hat schon, und sie konnte uns schon von einigen Vorfahren uns mehr erzählen, wie ich eben erzählen kann.

I v a n o v a : Na nu, wir mochten selbst fragen. Das ist immer interessanter.

U r s u l a : Ach so. Ja, ja. Loosen hat sich fruher mal mit «h» geschrieben, und mit einem «o». Hat sie auch gesagt, na? Und ich hatte namlich noch so alten Loscheimer, vom Onkel Vaters Seite, von dem alten Haus, und wenn die das neue Feuerhaus gebaut, mit Frau Bernhard kam es zusammen, hier Frau Bernhard und meine Nachbar noch, ich sah den alten Loscheimer da stehen. «Mensch!, — sagt die, — was soll die neue Feuerwehr daraus?» Nun die hat ihn hinausgekauft, sauber gemacht und das stand drauf — hier ist der Knaape-Name, das war fruher Luth. Das war Frau Luth von Onkels Vater, und da stand noch «Erb», fruher waren Erbpachthofe hier, wir haben noch Pacht bezahlt, letzte Pacht fur diese Hofe. Hat meine Mutter im Krieg noch abbezahlt, als mein Vater schon im Krieg war, dann haben die das noch abbezahlt die letzte Pacht, dann wurde es erst Eigentum, waren Hofe, das waren Erbpachthofe, war kein Eigentum. Und auf diesem Eimer da steht Loosen verschieden drauf: einmal mit «h» und einmal mit zwei «o». Ja... das hat sicher aus dem Slawischen irgendwie entwickelt so... diese ganze...

B e c k m a n n : Ja, die Rechtschreibung war ja auch in der Zeit um 1900 und spater nicht so richtig festgelegt, also hat jeder mehr oder weniger so geschrieben und... Aber das war ja Luthscher Hof hier ja?

U r s u l a : Was war das?

B e c k m a n n : Das war Luth?

U r s u l a : Luth war das fruher. Ja.

B e c k m a n n : Und der Name...

U r s u l a : Knaape stammt hier 'raus. War da druben hier.

B e c k m a n n : A ja!

U r s u l a : War da druben.

I v a n o v a : Wir haben neulich eine Familie hier in Loosen kennen gelernt, Luth...

U r s u l a : Ja, das ist wieder nicht verwandt, vielleicht noch ganz-ganz fruher aber so nicht mehr, na? Nee...

I v a n o v a : Frau Knaape, haben Sie vielleicht irgendwelche alten Dinge, die wir gerne ankucken mochten? Aus der alten Scheune oder...

U r s u l a : Das ist gar nix... als die Scheune weggehabt, und das alles... ist das... Wo sollte das hin, diese Maschinen, das ist alles weg, na?

I v a n o v a : Auf dem Boden vielleicht, ich weiß nicht?

U r s u l a : Nee, da ist auch nix.

I v a n o v a : Auch nicht...

U r s u l a : Und ich hab' dann hier Heizung gebaut vor Jahren, da musste ich ein bisschen aufräumen, da ist auch alles weggekommen. Ja... Im Schuppen stand noch Maschine, die haben sie da in den Schuppen gebracht, und da wollten sie es Herr Sehlandt hat Schafe gehabt und hat hier bei mir die Schafe gehalten auf dem Hof und dann haben wir den Schuppen aufgeräumt, so ist weggekommen, na? Wird ja alles nicht mehr gebraucht, na? Wohnen Sie auch in... Sankt-Petersburg? {zu Beckmann}

B e c k m a n n : Nee, ich bin aus Greifswald.

U r s u l a : Ja, sonst Herr Pastor sagte: «fantastisch». Weil die... Sie waren gestern, na? Sagte so, schwaches Deutsch sprechen, na? {lacht} Sollt nicht beleidigt sein, so nicht, na?

B e c k m a n n : O, danke für das Kompliment!

{alle brechen ins Gelächter}

U r s u l a : Es muss auch dabei sein, na? Es ist auch... ja... Sie schreiben immer, finden Sie viel interessantes dabei, na? {die Frage an Novik, weil der tatsächlich immer etwas ins Heft schreibt: Interieur- und Kleidungsbeschreibung, das Außere der Wirtin u.s.w.}

I v a n o v a : Ja-ja...

U r s u l a {lacht}: Na ja wenn... Ich weiß nicht, ob es immer interessant ist...

B e c k m a n n : Es ist wohl interessant, aber...

{Abbruch in der Aufnahme}

{Gelächter}

U r s u l a : Da kamen die Jungen aus ganzem Dorf zusammen und was noch... und dann wurde... sonst war das zu ublich, dass die <...> mal eins bezahlen, zu Eintrittsgeld für die Musik zahlte er? und dann war das so, dann wenn Fasttag

war, dann mussten die Mädchen bezahlen. Da standen Teller mit... so auf dem Tisch und dann ging man so *{macht eine kreisformige Bewegung mit der Hand}* ging 'rum unter der Musik und dann legte jeder seine... der da 'rein, was es dachte, zu spendieren, na? Und denn kam... kam das so... der nannte sich der Holzpantoffel, der so zusammen mit... so Fahrradpantoffel, kennen Sie? Die so zusammengemacht wurden, na? Und da war ja der große Saal, da war ja... Sie kennen es vielleicht noch, na? *{zu Beckmann}* Nee, auch nicht... Und der musste dahin über den Saal, und dann wurden denn, und dann war Damenwahl, dann haben die Mädchen sich Jungen geholt zum Tanzen. Zum Walz, na? Ja... Das war immer so im Februar war das... Fast... Faslam sagten wir denn, Faslam, Faslamfeiern, na? Aber Faslam hiess es so auf Plattdeutsch, plattdeutschen Dialekt hieß so. Tja... was noch? *{Gelächter}*

I v a n o v a : Was hat man sonst gegessen während der Fastnacht, Fastzeit?

U r s u l a : Ach, nee. Essen gab's damals nix.

I v a n o v a : Nein?

U r s u l a : Essen war nicht. Wir haben immer... ich kann mich erinnern, so wurden auch gefeiert, da wurde's gegessen. Da wurde auch Polonese getanzt, und dann gab's feines Essen, ganz feines Essen. Aber hier war immer ein Koch bei uns, und der hat immer für alle, für die Hochzeiten gekocht, na? Und... kam ins Haus und hat bei den Leuten denn gekocht. Und wenn... die Gaststätte da war, dann kamen die da auch und hat denn auch da gekocht. Ja... ist denn nachher... ja, ist weggegangen. Und denn hat meine... Vaters Schwester hat denn... die dann... auf Hochzeiten hat die denn gekocht, na? *{lacht}* Ja... war ja na? Es war ja... wurde ja auch alles noch von Zuhause zusammengetragen auf Hochzeiten, n? Da brachte jede Familie, die eingeladen wurde...wurde, brachte Butter hin, brachte Butter hin und Eier hin. Und dann wurde das gekocht. Ja. Hat Kochin alles vorbereitet, na? Da war kein Konsum noch, nicht, und dann konnte man alles holen oder ja... wie das heute ist, das waren andere Zeiten, n? Ja-ja...

{Abbruch der Aufnahme}

{В этот момент происходит передача информантом в дар участникам экспедиции домотканых полотенец для музейной коллекции. Следующие далее вопросы и ответы относятся главным образом к предметам, времени изготовления, изготовителя и т.д.}

U r s u l a : *{der Satzanfang ist verloren gegangen}*...das weiß ich nicht.

B e c k m a n n : Wann... wann ist sie *{die Großmutter von Ursula, die die Handtucher gewebt hatte}* denn geboren?

U r s u l a : Im 18. Jahrhundert (*sic!*). Ist 1954 gestorben. 1876 glaube ich ist wurd' sie geboren.

M y l' n i k o v : Ende 19. Jahrhundert, wahrscheinlich.

U r s u l a : Ende... nie! Das hat sie noch im 18. Jahrhundert gewebt.

B e c k m a n n : Ende 19. Jahrhundert ist das. Achtzehnhundert und ist das 19.

U r s u l a : Nie, nix. Die ist ja 1954 gestorben.
 B e c k m a n n : Na ja, das ware 1954, das ware das 20. Jahrhundert.
 U r s u l a : Ja... aber im 18. Jahrhundert hat sie das gewebt. Da war sie sehr jung, denn sie 1876 geboren wurde.
 B e c k m a n n : Wenn sie 1876 geboren wurde, ist sie im 19. Jahrhundert geboren.
 U r s u l a : Ach so... Uhu...
 B e c k m a n n : Es ist immer so richtig...
 U r s u l a : Ja! Sie sehen es besser.
 B e c k m a n n : ...immer wenn sie sagen 19. davor...
 U r s u l a : Ja, wir sind jetzt im 20. Jahrhundert.
 B e c k m a n n : Ja, genau. Ach nie, wenn die 18 davor ist, ist das 19. Jahrhundert.
 U r s u l a : Wir sind jetzt schon im 21. Jahrhundert.
 B e c k m a n n : Wir sind im 21. Jahrhundert.
 U r s u l a : Genau, ja, ja, ja!
 I v a n o v a : Also, die Handtucher wurden am Anfang des 20. Jahrhunderts gewebt?
 B e c k m a n n : Um 1900.
 I v a n o v a : Um 1900.
 U r s u l a : Ja, konnte sein, konnte sein. Die sind wohl etwas später, das ist Baumwolle. Na? Das ist kein Leinen.
 I v a n o v a : Ja?
 U r s u l a : Ja... *{nickt bejahend zu}*. Die kratzen noch so schön, die reinigen die Haut. *{lacht}*.
 I v a n o v a : Ja.
 U r s u l a : Da brauchen Sie kein, kein... wie sagt man... so... dieses Zeug, was man da heute alles nimmt, na?
 I v a n o v a : Na ja, ich verstehe, was Sie meinen.
 U r s u l a : Ja, ach! *{lacht}*. So, die schenke ich Ihnen.
 I v a n o v a : Ja, vielen Dank. Das wird nachher alles ausgestellt.
 N o v i k : Vielen Dank!
 U r s u l a : Nehmen sie mit nach Petersburg. Vielleicht komme ich auch mal hin, na? Die Möglichkeit wäre ja jetzt, ach ich weiß nicht. Eben.
 M y l ' n i k o v : Ja... Schönen Dank, aber muss man alles hier schreiben, bemerken: also wer hat es gemacht, die Name ihrer Oma...
 I v a n o v a : Ja, wie hieß Ihre Großmutter?
 U r s u l a : Die hieß Anna Knaape, geborene Luth.
 I v a n o v a : Anna? Anna Knaape.
 U r s u l a : Ja, genau.
 M y l ' n i k o v : Ein Moment, ich möchte hier es notieren.

I v a n o v a : 1860 geboren oder wann?

U r s u l a : 1876 wurde sie geboren.

M y l ' n i k o v : Was es überhaupt ist?

U r s u l a : Aus Flachsleinen und Baumwolle gewebt. Aus Flachsleinen...

I v a n o v a : Handtucher?

U r s u l a : Handtucher, ja... Die werden, wenn die noch gewaschen werden, die werden ganz weiß nachher. Das bleicht so aus, das kennen Sie, ja...

M y l ' n i k o v : Wieviel ist da? Drei Stuck? Also das...

{die Aufnahme wird unterbrochen}

{Ende des Interviews}

Фотодневник

F-3. В-37 Лоозен. Пруд в центре круглой деревни. Адреса всех домов, расположенных вокруг площади с прудом — Am Dorfteich. По сообщениям информантов, пруд здесь был всегда. Раньше он был достаточно глубокий, и в нем можно было утонуть. Служил для пожарных целей, был водоемом для скота, кроме того, здесь плавали гуси. Сейчас пруд вычищен, берега его укреплены бетонным барьером. Составляет центр сквера, разбитого посреди деревни.

F-4. В-1 Лёйссов. Кот пастора Моритца.

F-4. В-2 Лёйссов. Двор пастора Моритца.

F-4. В-3 Альт Кренцлин. Рапсовое поле на краю деревни.

F-4. В-4 Альт Кренцлин. Старая фахверковая постройка на краю деревни у поля.

F-4. В-5 Лоозен. Информант экспедиции Вальтер Зеландт.

F-4. В-6 Лоозен. Am Dorfteich, 12. Дом Вальтера Зеландта с газоном.

F-4. В-7 Лоозен. Информантка экспедиции Урсула Кнаапе.

F-4. В-8 Лоозен. Дом Урсулы Кнаапе.

F-4. В-9 Лоозен. Сарай во дворе Урсулы Кнаапе.

26 сентября, вторник

Из дневника Новика

Сегодня мы посвятили весь день работе в библиотеке Людвигслюста (Ludwigslust). Город Людвигслюст считается нашим районным центром — это Kreisstadt в территориально-административном делении Германии. Это небольшой городок, однако здесь есть прекрасная библиотека. Она располагается на центральной улице. Улица эта представляет интересное зрелище. По обе ее стороны стоят дома из красного кирпича. Крыши домов покрыты красной черепицей. Сама улица вымощена серыми и красными булыжниками. Получается полное слияние терракотового и черепичного цветов. Вначале это кажется однообразным и неинтересным (желателен все-таки какой-то контраст), а потом к подобной архитектуре привыкаешь, и она начинает нравиться. Библиотека расположена в самом центральном квартале главной улицы города. Рядом находится почта, городское управление. Совсем близко расположен герцогский замок — главная достопримечательность города, возведенная в XVIII в. После этой герцогской резиденции на карте возник и сам начавший расти город.

Вход в библиотеку расположен с боковой стороны здания, а не со стороны фасада. Старое здание очень модернизировано. Оно снабжено современной техникой. В библиотеке нас радушно приняли, предложили помощь.

Удобные столы, стулья, отлично составленный каталог располагали к работе.

Мы смогли выписать множество книг, интересных нам в связи с нашей экспедицией. Я пытался найти также иллюстративные свидетельства бытования традиционного костюма в прошлом и настоящем, а также подтверждение развития ремесел и промыслов в Ябельхаиде.

Мною была обнаружена фотография старухи в чепце со множеством черных лент. Фото опубликовано в работе: Dettmann G. Ludwigslust. Sonderdruck der «Mecklenburgischen Monatshefte»2. Hrsg. von Johannes Gillhoff. Rostock: Carl Hinstorffs Verlag. O/J. Подобный головной чепец был характерен для пожилых женщин. Ныне мы не нашли подобных чепцов даже в крестьянских сундуках.

Фотографии ткацкого станка и прядки я нашел в работе: Gustavs, Jorinde; Dörries, Gerlinde. Traditionelle Webmuster. Ausgewählte Beispiele aus dem historischen Vorpommern. Rostock, 1988. На странице 4 есть снимок ткацкого станка, а на странице 12 — прядки. Весьма любопытно изображение женской юбки с горизонтальными разноцветными полосами красных и бежевых тонов. Такая юбка называется «*кantenрок*» (Kantenrock). Юбки с горизонтальными полосами — явление относительно редкое в европейской одежде.

В горах Северной Албании женщины сохранили *джублету* — юбку, сшитую из горизонтальных полос ткани. Эту деталь одежды относят к очень архаичному типу. Подобное одеяние встречалось и в Норвегии. Нечто подобное мы нашли и здесь, на севере Германии. Хотя это лишь приближение к подобному типу юбки.

Много интересных иллюстраций, свидетельствующих о бытовании традиционного костюма, есть в издании: Nieske, Christian. *Trachten in Mecklenburg: eine Dokumentation und Arbeitsanleitung*. Husum: Husum Druck- und Verlagsges., 1991. Так, в Мекленбурге в прошлом были популярны кашмирские шали (S. 76). Подобные шерстяные платки стояли дорого, поэтому купить их могли лишь состоятельные женщины. На странице 89 мы найдем свидетельство о бытовании турецких платков в Мекленбурге в XIX в. Понятно, что восточные элементы проникали в европейский костюм.

На странице 137 есть фото, на котором руководитель группы музыкантов изображен в цилиндре. Фото сделано в 1911 г. В то время цилиндры сохранились лишь в гардеробе представителей определенных профессий. Их уже не носили зажиточные граждане и представители социальной верхушки.

На странице 165 есть фото нагрудного платка (*Busttuch*) с вышивкой бисером или мелким жемчугом.

Известно, что в данном регионе были популярны украшения из речного жемчуга. Жемчуг добывали в Эльбе. Сохранились свидетельства, что много жемчуга было в соседнем регионе — Люнебургер Хайде (*Lüneburger Heide*) — Люнебургской пустоши. Эта местность расположена по другую сторону Эльбы. Нам еще предстоит туда отправиться. У тамошних крестьян в прошлые века было исключительно модным украшать женскую одежду шитьем из речного жемчуга. Это отличало местных жителей от жителей других немецких регионов. Если принять во внимание тот факт, что прежде население этой области было славянским, то почему бы не вспомнить особую любовь и расположенность славян к украшениям из речного жемчуга. Возьмем хотя бы, к примеру, женские головные уборы и украшения жительниц Русского Севера. В Архангельске и других местах почти обязательным украшением женщин и девушек и их костюмов был речной жемчуг. Кто может утверждать, что подобная картина распространения использования речного жемчуга в женском костюме не есть отражение двух противоположных границ расселения славян? Одна граница пролегла на северо-востоке расселения славян в Европе, а вторая граница — на северо-западе. Причем между этими полюсами расселения жемчуг то сохранялся в костюме и украшениях, то полностью уступал место вышивкам и янтарю, так как вокруг этих срединных славянских областей население было также славянским или преимущественно славянским. А вот в районе Эльбы и на Русском Севере проходила резкая граница совместного проживания с

другими народами. И здесь шитье жемчугом и украшения из него являлись яркой маркой этнической принадлежности. Что было не так важно (или важно в меньшей степени), скажем, на территории нынешней Белоруссии или Словакии, становилось исключительно важным в районах пограничья с другими народами.

Я позже разговаривал на эту тему с Элизабет Штрак (Elisabeth Strack) — ведущим специалистом по жемчугу Института геммологии в Гамбурге (Германия) (Gemmologisches Institut, Hamburg). Она сказала, что именно в районе Люнебургер Хайде очень долго сохранялся промысел речного жемчуга, а также бытовали многочисленные украшения из него. В других немецких землях также встречался подобный промысел. Однако для мест расселения славян, на мой взгляд, он был особенно характерен. Уже начиная с XIX в. добыча жемчуга начинает исчезать. Но вызвано это было не изменениями во вкусах и предпочтениях людей, а тем, что произошли глубокие изменения в экологии Европы. Речной жемчуг может зарождаться только в исключительно чистых проточных водах. Моллюски не могут выжить в загрязненной или мутной воде. В условиях индустриализации Германии произошло существенное изменение экологического состояния водоемов. Реки были загрязнены, и моллюски, в которых прежде находили жемчужины, просто-напросто исчезли в местных водоемах. Такая же печальная участь постигла и Русский Север. Здесь изменения экологии также привели к исчезновению жемчужных раковин в местных реках. То, что веками русские крестьяне добывали в огромном количестве, перестало рождаться вовсе. Если в прошлом объемы добычи речного жемчуга были столь велики, что позволяли даже крестьянам украшать свои костюмы богатейшим шитьем из него, то в XX в. моллюск с жемчужиной стал редчайшей удачей для промысловика на Русском Севере. Жемчуг уже не добывали профессионалы, а лишь изредка находили дети, плескавшиеся в местных реках с весны по осень.

Добыча речного жемчуга в Люнебургер Хайде отмечалась и в конце XX столетия. Это, наверное, самое жемчужное место современной Германии. Жемчуг здесь ловят неправильной формы и разных фантазийных расцветок.

Фотографии вышитых жемчугом изделий лишь подтверждают расположенность местных женщин к данному виду украшений.

На странице 175 указанной книги есть фото чепцов с нашитыми блестками. Подобный вид украшения головных уборов также был широко распространен в Мекленбурге. Головные уборы с блестками можно увидеть и на участниках фольклорных ансамблей. Сельские же жители во время праздников подобных уборов уже не используют. Женщины надевают белые чепцы из хлопчатобумажной ткани, которые прежде считались рабочим вариантом головного убора.

Чепец девушки могло украшать золотное шитье (S. 231). Таков девичий чепец (Mädchenhaube) XIX в. из Шёнберга (Schönberg). Этот чепец хранится в Боманн-Музее города Целле (Bomann-Museum Celle).

Для традиционного костюма Мекленбурга, сложившегося в целом к XIX в., были характерны короткие мужские штаны. К ним полагались подвязки. В указанной книге на странице 224 можно увидеть подвязки с вышитыми крестиком цветами. Это тоже весьма необычное украшение для мужской одежды.

Фотографию студента в форме и высоких сапогах–ботфортах, а также в шапочке с пером можно увидеть в издании: Ludwigsluster Wochenkalender. 1998. Bildauswahl und Texte: Hartmut Brun. Schwerin: Stock & Stein. Форма студентов долгое время отличалась от одежды других слоев населения.

Униформу музыкантов можно увидеть в книге: Müns, Heike. Tanzmusikanten in Mecklenburg. Rostock: Ostsee-Druck, 1987.

Много иллюстраций с изображениями орнаментов и образцов вышивок, шитья, ришелье собрано в книге: Gawlik, Henry; Lübeck, Karla-Kristine. Mecklenburgische Ornament-Fibel. Ornamentik der Volkskunst in Mecklenburg im 18. und 19. Jahrhundert. Rostock: Ostsee-Druck, 1988. 88 s.

В издании можно увидеть женскую ночную сорочку, сшитую из полуньяного полотна с кружевной (выполненной крючком) горловиной (S. 82).

На странице 79 представлен рельефный тканый узор льняного полотенца из Исторического музея Шверина (Historisches Museum Schwerin, Inv.-Nr. 10699 VK). Тканое на домашнем станке полотенце имеет узор в виде ячменных зерен. Соткано оно полосами.

Образцы мужских занятий можно увидеть на странице 53. Здесь представлено фото деревянного стула с подлокотниками. Многие мужчины хорошо владели в прошлом резьбой по дереву. Это занятие было распространено и у славян.

Образцы стекольного производства можно посмотреть в работе: Wendt, Ralf. Das Waldglas. Volkskundliche Sammlungen. Bauernkultur in Mecklenburg. Band IV. Schwerin, 1977.

Одежда горожан 1910 г. запечатлена в издании: Kalide, Joachim; Kramer, Heike. Ludwigslust in alten Ansichten und kurzen Texten. Reutlingen: Suum cuique, 1999. На странице 185 есть фото состоятельного жителя Людвигслюста в цилиндре. Изображенные дамы в шляпах.

Интересные наблюдения можно сделать, изучив одежду на куклах, использовавшихся при украшении рождественской елки в 1900–1930 гг.: Gawlick, Henry. Rugklaas-Kinnjes-Weihnachtsmann. Miniaturen zur Kulturgeschichte des Weihnachtsfestes in Mecklenburg. Hagenow, 1995. S. 6.

Иллюстративный материал, найденный в разных изданиях, отражает состояние промыслов и ремесел в Мекленбурге, а также бытование одежды в

прошлом. Изучая подобные источники, можно сравнить реалии прошлого с их современным состоянием. Изменились уже не только сами реалии, но и их восприятие нашими современниками. Традиционный костюм, к примеру, видится сегодняшним жителям Мекленбурга не таким, каким он был, скажем, в конце XIX или начале XX в. Традиционный костюм Мекленбурга сегодня — это некий реконструированный образ рабочей одежды 1920-х годов (времени, когда немецкая нация делала попытки сплотить народ для созидания государства под различными лозунгами, в том числе ультранационалистическими). Но именно таким его видят современные жители, и мы должны это учитывать.

Схожее положение и с ремеслами, и с домашними занятиями местных жителей. То, что прежде, скажем, еще в начале XX в., воспринималось как неперенное занятие, обеспечивавшее повседневную жизнь большинства крестьянского населения, сегодня кажется исключительно экзотическим ремеслом. Примером здесь может служить ткачество или резьба по дереву. Практически в каждом сельском доме раньше ткали полотно и мастерили мебель для собственных нужд. Теперь это кажется неслыханным мастерством, высоко ценимым потомками тех бабушек и дедушек, чьими умелыми руками были сделаны хранящиеся еще в некоторых домах предметы утвари и обихода. Все это нужно помнить и правильно оценивать при работе с информантами.

Из дневника Ивановой

В 11 часов едем в Людвигслуст — мне срочно надо в клинику к хирургу. Это частная практика доктора Герлитца, дипломированного, но без степени. После экзекуции идем в окружную библиотеку Людвигслуста и знакомимся с новыми изданиями по нашей теме и региону.

Сегодня днем получили экспонат для музея — соломенное чучело с членом — то, с праздничного трактора. Самый главный элемент его уже утрачен — сразу по окончании праздника огромный корнеплод вынули и выбросили. С чучела срезали шляпу и резиновые сапоги. Хозяйка, Ирене Трампе, сказала, что их еще использует хозяин дома Вольфганг. Но вместо них Ирене дала старые туфли — кожаные, когда-то модные. Чучело мастерили Ирене Трампе и ее восемнадцатилетняя дочь Манья. Самой Ирене сорок, она типичная крестьянка — полная, грубоватая, с грубым скрипучим голосом. Ее мужа зовут Детлеф — это ему принадлежат туфли. Маленькие соломенные куклы, срезанные нами с праздничной повозки, тоже были сделаны Маньей за день до праздника урожая. Они не считаются традиционными и не имеют никакого символического значения, по словам дарителей, в них Ирене и ее дочь вложили свои фантазии, отчасти даже фривольные. Чучело мы погрузили в багажник «Ниссана» и поехали в Людвигслуст по делам.

Из дневника Мыльников

Со вчерашнего дня погода стала меняться, и на смену антициклону пришел циклон. Решили поехать в *Люлю*, чтобы немного поработать с литературой в библиотеке. Это оказалось уместным, поскольку надо было посмотреть краеведческую литературу и путеводители, которых в наших библиотеках, естественно, нет. Посетили редакцию газеты, где нам передали первые заинтересованные читательские отклики. Посещения информантов мы на сегодня не планировали.

Фотодневник

Из фотографий А. Новика

П-2. К-19 Людвигслуст. Княжеский замок.

П-2. К-20 Людвигслуст. Торгово-пешеходная улица Ланге Штрассе. Отель и один из самых престижных ресторанов города.

П-2. К-21 Людвигслуст. Улица к вокзалу.

П-2. К-22 Людвигслуст. Здание городской ратуши.

П-2. К-23 Людвигслуст. Здание почтамта.

П-2. К-24–25 Людвигслуст. В боковой улочке старого города.

П-2. К-26 Людвигслуст. В одном из живописных дворики центра.

27 сентября, среда

Из дневника Новика

Сегодня мы ездили в г. Шверин. Шверин — столица земли Мекленбург–Передняя Померания. Шверин — бывшее славянское поселение. Называлось оно прежде Зверин — от слова «зверь». Город находится на берегу Шверинского озера. Оно чудесно, с живописными изрезанными берегами и многочисленными островками. Славяне прежде любили селиться по берегам озер либо на островках, чтобы в минуту опасности успеть спрятаться от неприятеля. На небольшом островке у нынешнего центра города расположен замок, который прежде принадлежал герцогам Мекленбургским, а теперь является одновременно и музеем, и парламентом земли Мекленбург–Передняя Померания. Это красивейшее здание много раз перестраивалось. Существовавшее еще со времен славян укрепление всегда пытались приспособить под насущные потребности времени для обороны. Замок неоднократно горел. Последний пожар, случившийся в XIX в., почти полностью уничтожил старинную постройку. Владельцы решили восстановить замок, используя последние строительные решения. Сложно определить архитектурный стиль Шверинского замка. Это эклектика, вобравшая в себя черты готики, Ренессанса и барокко. Образцом для создания замка послужил прославленный замок Шамбор во Франции, в долине Луары.

В районе Шверина много славянской топонимики. Герцоги Мекленбургские — самая древняя аристократическая династия Германии. Ни одна другая семья не может похвастать своими столь древними корнями — ни Гогенцоллерны, правившие немецким государством, ни, скажем, Ольденбургские, вошедшие в историю страны многими славными делами. Династия герцогов Мекленбургских берет начало от славянского предка — Никлота. Этот полупрозрачный славянский князь стал родоначальником старейшей немецкой династии. Потомки не забыли о своих славянских корнях. На замке в Шверине установлена конная статуя Никлота, грозно взнуздавшего резвого коня. Рядом с замком, на главной площади, куда выходят фасады Художественного музея, Оперного театра и Шверинского замка, стоит колонна с фигурой Никлота. В самом замке, в зале музея, висит огромное живописное полотно с изображением основателя династии. Но память о легендарном предке запечатлена не только в произведениях искусства. Наследница династии Мекленбургов родила несколько лет назад сына и назвала его в честь знаменитого предка, воевавшего с многочисленными врагами, Никлотом.

Замок герцогов Мекленбургских был национализирован в 1918 г. Потомки династии больше не живут в замке. Здесь устроен богатый музей, в котором собраны замечательные коллекции, основу которым положило соб-

рание герцогов. Другая часть замка занята земельным парламентом — ландтагом (Landtag). На наше предположение, что это самое красивое здание парламента в Германии, наш немецкий водитель Хайко Бекманн сказал: «Без вопросов».

Здание музея и парламента охраняют стражи порядка. Политиков подвозят к воротам роскошные лимузины. Замок стоит на небольшом островке рядом с берегом, и, чтобы попасть туда, нужно пройти по мосту, украшенному с четырех сторон грандиозными статуями.

В сегодняшний приезд в Шверин мы не пытаемся познакомиться с городом. У нас другая задача — нам назначили встречу в этнографическом музее. Это музей под открытым небом, который называется так: «Этнопарк Шверин-Мюсс. Музей этнографии Мекленбурга» (Freilichtmuseum Schwerin-Mueß. Mecklenburgisches Volkskundemuseum).

Он находится на берегу Шверинского озера. Недавно музей обнесли оградой из металлической сетки. До этого территория музея переходила в территорию деревни. И получалось так, что некоторые дома были музейными экспонатами, а в некоторых жили люди. Весь комплекс музея расположен на краю города, живописно вписавшись в изрезанные берега озера. Теперь территорию музея ограничивает забор. Но вокруг него расположились очень живописные и ухоженные дома местных жителей.

Нас пригласил директор музея господин доктор Ральф Вендт (Dr. Ralf Wendt). Доктор Вендт уже давно руководит этим музеем, и во многом музей — детище его стараний и труда. Фамилия Вендт означает «славянин». Вендами германцы называли славян. Да и теперь зачастую полабских славян называют именно так. Это слово не ушло из современного немецкого языка. Доктор Вендт подчеркивает то, что у него фамилия указывает на славянские корни, а потому ею гордится. В районе нашей экспедиции фамилия Вендт встречается часто. И эта распространенность говорит о том, что в прошлом славянский элемент в структуре населения севера Германии был значителен.

Директор музея первым делом пригласил нас в свой директорский офис на кофе. Он сказал, что мы с дороги и нас надо подкрепить. Дирекция музея располагается в двухэтажном кирпичном здании со сверкающими свежей краской окнами и дверями. Само здание старое, однако в нем провели должный ремонт. Кабинеты сотрудников располагаются на втором этаже. Нас любезно пригласили расположиться в директорском кабинете. Доктор Вендт представил нас сотрудникам своего музея. Здесь работают всего несколько человек, однако они выполняют весьма сложные задачи по поддержанию музея, его оснащению и пополнению коллекций.

Директор подготовился к нашему визиту. Нам предложили кофе в фарфоровом сервизе фирмы «Kahla». Роспись сервиза была традиционной для

этих мест — кобальтовый декор по белому фону. К кофе подали печенье и различные пирожные: со сливками и клубникой, с творогом и мандаринами, с маком, черникой и фруктами. Видно, что нас ждали.

После кофе мы пошли осматривать музей. Я снимал на видеокамеру. На обширной территории музея собраны постройки разных веков, характеризующие крестьянский быт. За дорогой, проходящей рядом с музейным заповедником, также находятся музейные владения с постройками. Именно там стоит крестьянское подворье XVII в. Это один большой дом, в котором есть разные комнаты: спальни для членов семьи, кухни и подсобные помещения для приготовления пищи и проч. В другом крестьянском доме собраны сельскохозяйственные инструменты и орудия труда. В доме восстановлены помещения с интерьерами определенных крестьянских построек: амбара, молотильни и т.д.

Жизнь крестьян в прошлом не была бедной, судя по экспонатам музея. У крестьян были деревянные кровати с резными спинками, кушетки с деревянным настилом под голову, горки под посуду, шкафы для одежды. Быт не был примитивным, как можно было бы предположить. Имеющиеся предметы говорят о том, что жизнь зажиточных крестьян в Германии в XVII в. была богаче, чем у русских крестьян после второй мировой войны.

В традиционном доме есть большая прихожая—холл—сени (одновременно и внутренний двор). Называлось это помещение *диле* (Diele). Сюда через ворота крестьянин въезжал на коне с телегой либо другим сельскохозяйственным инвентарем. Повозки могли храниться прямо в *диле*, а коней либо других домашних животных разводили по специальным помещениям, пристроенным к *диле* (рис. 1). В *диле* находилась и печь, в которой готовили. Потом, после XVII в., печи стали переносить в отдельное помещение, которое стало служить кухней. В *диле* хозяйки занимались домашними работами — взбивали масло, сеяли муку, готовили. До XVII столетия в помещении *диле* могли принимать пищу всей семьей, т.к. здесь была печь и было тепло зимой. В дальнейшем для кухни стали обустраивать отдельное помещение. Печь в *диле* обеспечивала тепло для всего дома. *Диле* строили под общей крышей для всего дома с его многочисленными помещениями. Над потолками крытых комнат устраивали хранилища сена, зерна, съестных припасов и прочего скарба семьи. Над *диле* не было специальных перекрытий, кроме непосредственно крыши. Из *диле* к чердакам дома приставляли лестницу и добирались в нужное место.

Такой огромный дом был очень хорошо приспособлен к условиям жизни на севере. Все хозяйственные помещения и жилище находились под одной крышей. В суровую зиму можно было вообще не выходить наружу. Хозяйки так и поступали. Готовить еду для семьи, доить коров и давать корм скоту можно было, не выходя за ворота собственного дома. Такой дом получил

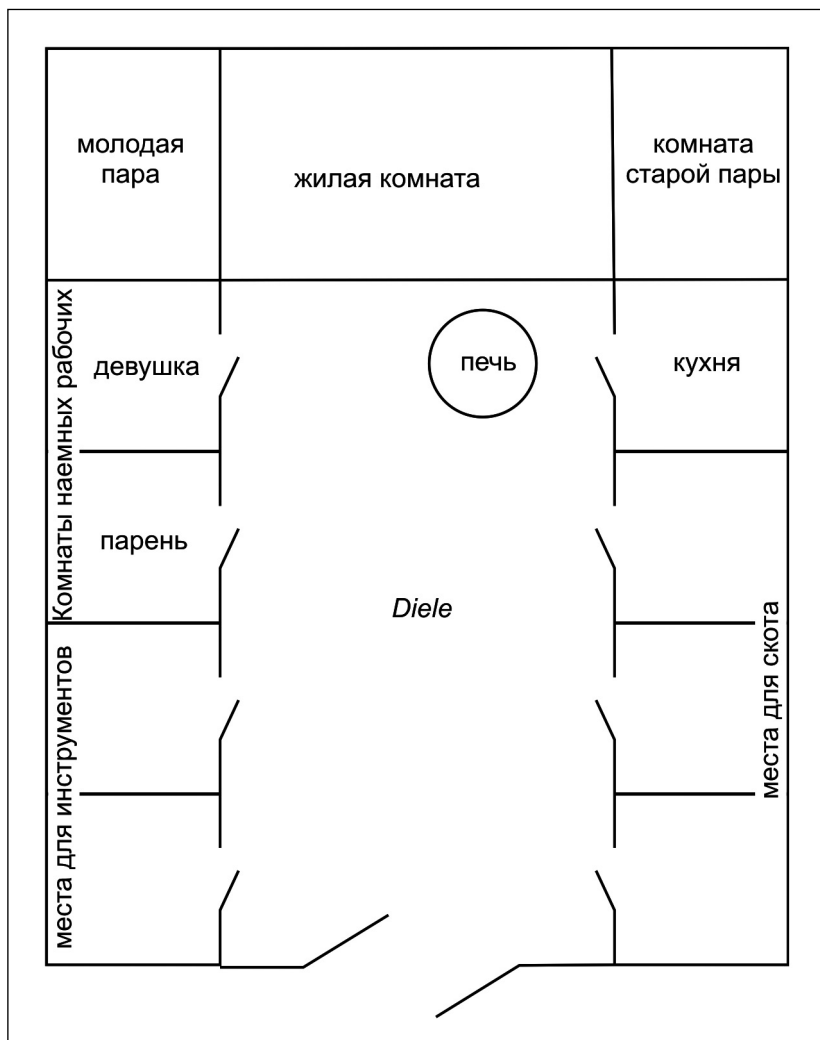

Рис. 1. План крестьянского дома XVII в. Рисунок А. Харитоновой.

название дома нижнесаксонского типа. Он был распространен не только на севере Германии, но и во многих прилегающих областях.

Построить подобный дом мог только зажиточный крестьянин, владевший значительными земельными угодьями. В доме такого хозяина жили наемные батраки — парни и девки, помогавшие вести большое хозяйство. Для наемных сельскохозяйственных рабочих в большом доме были предусмотрены отдельные комнаты.

В средние века жилое помещение было одно для семейной пары и детей. Позже взрослых семейных детей стали переселять в отдельную комнату, которую отгораживали стеной. Жилая комната, в которой прежде ели и спали, также приобрела функции исключительно помещения для коллективной трапезы и совместного проведения досуга. Здесь ели, пряли, ткали и т.д. А пожилая семейная пара селилась теперь также в комнате за перегородку.

В левой половине дома, считая от входа в *диле*, располагались комнаты для наемных рабочих, помещения для хранения инструмента и рабочего инвентаря. В правой части располагались стойла для скота (коров, свиней, овец, лошадей, домашней птицы), а также помещение кухни. Чем зажиточнее был крестьянин, тем больших размеров дом ему требовался.

После XVII в. дома стали модернизировать. Увеличивалось количество жилых комнат, так как стали меняться требования к комфорту проживания. Серьезные изменения произошли в планировке домов в XX в. Многие крестьянские семьи стали обустраивать отдельные комнаты для разных членов семьи. Жить в проходных комнатах люди уже не хотели. Для скота стали строить отдельные подсобные помещения. Дом с *диле* давал возможность постоянного контроля над домашней живностью. Теперь крестьяне могли позволить себе строить для скота отдельные помещения. *Диле* перестало играть роль важного элемента крестьянского подворья. На смену лошадям пришла трактора. Трактор уже нельзя было вместить в тесное пространство крестьянского дома. Для подобной техники требовалось специальное здание. *Диле* потеряло изначальную функцию хозяйственного помещения—двора. *Диле* во многих домах стали перестраивать в большие комнаты: кто в гостиную, кто в столовую, кто в просторный холл. Особенно активно эти помещения стали переделывать после второй мировой войны. В наши дни в каждой деревне в изучаемом регионе сохраняется не более одного-двух домов с первоначальным *диле*. Все остальные дома, построенные много десятилетий и столетий назад, уже имеют переоборудованные *диле*. Они переделаны теперь в просторные столовые и гостиные. Чаще это самая просторная комната сельского дома, в которой устанавливают большой обеденный стол со множеством стульев или кресел, а также диваны и удобные кресла для отдыха. Здесь же стоит телевизор и шкафы с книгами. В таком *диле* семья проводит большую часть свободного времени. Здесь обедают и ужинают,

смотрят телевизор и встречают гостей. Многие владельцы домов с *диле* сохранили печи. Их обложили современным кафелем, и они несут теперь исключительно «представительские» функции, подчеркивая тот факт, что дом очень старый и традиционный. Многие хозяева гордятся тем, что их старинные печи до сих пор можно использовать по прямому назначению — для обогрева жилья и приготовления пищи. Немцы вообще любят, чтобы все приспособления и весь инвентарь в доме были исправны, даже если ими вовсе не пользуются. Немецкая хозяйственность и прагматизм проявляются даже в этом.

В домах, которые перестраивают на современный лад, все комнаты претерпевают существенные изменения. *Диле* из помещения с хозяйственными функциями превращается в самое парадное помещение дома. Ворота, демонтируют и вставляют просторное окно, одновременно служащее дверью. Такое окно–дверь занимает практически все пространство стены. Прежнее *диле* оказывается хорошо освещенным. Большое окно не завешивают, как правило, занавесками, а потому, гуляя по деревне, можно наблюдать повседневную жизнь хозяев внутри дома. Считается, что добропорядочным гражданам нечего скрывать от окружающих. И потому можно видеть, как семьи обедают, отдыхают, читают книги, смотрят телевизор, музицируют в своих просторных перестроенных *диле*.

Старинный элемент традиционного жилья приобрел новую жизнь. В новых условиях просторное помещение в доме, соединяющееся с другими комнатами, нашло применение. Большинство местных жителей считают его весьма удобным, а потому не перегораживают его на малые помещения, а лишь модернизируют и ремонтируют, подгоняя под современные требования комфорта и красоты.

Крестьянский дом XVII в. в музее отлично реставрирован. Выставка быта и инвентаря хорошо оформлена. Очень живо смотрятся помещения для хозяев, прислуги, бытовые комнаты и т.д.

На территории музея под открытым небом есть домики, в которых располагаются специальные экспозиции: деревенская кузница, рыбацкий домик, крестьянский дом, открытое помещение для сельскохозяйственной техники, а также другие «аттракционы».

В музейной кузнице собрано огромное количество инструментов кузнеца и образцов изделий с подробными названиями и объяснениями. Видно, что экспозицию готовили знающие люди. Кузнечное дело в прошлом было одним из самых распространенных занятий в регионе.

Дом, в котором выставлены рыболовные снасти, воссоздан с большой заботой. Здесь можно увидеть рыболовные сети, внутри дома стоит рыбацкая лодка, есть тележка для выловленной рыбы. Экспозицию украшают многочисленные фотографии, а также чучело головы рыбы и др. экзотика. Рыбо-

ловство было характерным занятием крестьян Северной Германии. В славянские времена рыболовство обеспечивало жизнь местному населению. Почему-то так повелось, что большинство рыбаков в этих районах были славянами. Сохранились воспоминания, что даже в Берлине в XVIII в. на Шпрее удили рыбу рыбаки, разговаривавшие между собой по-славянски. Рыболовство сохранялось как традиционное занятие славянского населения. Конечно, рыбу ловили и немцы. Однако в качестве профессионального занятия на реках и озерах рыболовство было делом славян. Возможно, на это влияли навыки предков, традиционно селившихся по берегам рек и озер и добывавших немалую долю своего пропитания именно рыбным промыслом.

Крестьянский дом, не такой большой и без *диле*, как предыдущий, вмещает интересную экспозицию самых разных предметов, окружавших быт малоимущих крестьян. Помимо *бауэров* (Bauer), зажиточных крестьян-собственников земли, в Германии было несколько прослоек сельского населения. Среди них были *бюднеры* (Büdner) — крестьяне, которым выделяли небольшую площадь пахотной земли. Были также крестьяне, которым сдавали землю в аренду. Были просто наемные сельскохозяйственные рабочие — батраки. Жилища всех перечисленных крестьян отличались по размерам и по качеству строительства. Самыми богатыми были, конечно, дома *бауэров*. Затем шли дома *бюднеров*.

Представленный в музее дом принадлежал скорее семье *бюднера*. Он имеет несколько помещений. В них выставлены предметы мебели и кухонная утварь, сельскохозяйственные орудия и рабочий инструмент, необходимый в быту. В одной из комнат сделана экспозиция открыток, популярных в крестьянской среде. Открытки сгруппированы по темам: эротика, солдатская любовь, поздравления с днем рождения (одна из самых больших по количеству витрина), городская жизнь, «друг семьи» и т.д. На многих открытках есть изображения, которые можно по полному праву отнести к области «прусского юмора». К примеру, на одной открытке изображен лежащий под деревом пьяный джентльмен, храпящий с открытым ртом. К джентльмену пристроился пописать кобель бульдога, направивший струю прямо в рот уснувшему. Такая открытка весьма в духе того юмора, который мы называем «прусским». У немцев зачастую чувство юмора выходит за рамки определенных приличий. С одной стороны, Германия — страна изысканных ангелочков и румяных красавиц, а с другой — здесь часто встречаются подобные «смешилки».

Вся территория музея поросла зеленой сочной травой. Здесь можно увидеть мирно пасущихся овец. Это создает впечатление реальности жизни. Нам сопутствовала прекрасная солнечная погода. Дорожки на территории чисто убраны, везде стоят стилизованные урны. В музее можно увидеть массу огородных пугал. Пугало здесь — полноценный экспонат.

На территории музея работает кафе, которое приносит прибыль для музейных нужд. Прямо на берегу стоит коптильня, в которой готовят угрей. Их вылавливают и коптят на глазах у клиентов очень стильного кафе, примостившегося на берегу Шверинского озера.

В музее работает магазин, в котором можно купить разнообразные буклеты, открытки, сувениры и проч. радости для туристов. Работник магазина — огромный дядька, который все время моего присутствия в лавке говорил по телефону. Говорил он басом, что соответствовало его свирепому виду. В конце же разговора он сложил губы трубочкой и очень писклявым голосом сказал: «Tschüss!» Это немецкое слово, произносимое при прощании с близкими друзьями, производит на меня большое впечатление. Чем радушнее и теплее хочет попрощаться немец, с тем более комичным выражением и тем более сладким голосом он его произносит. Меня это так удивляет в немцах, что я пытаюсь зачастую уподобиться им и вношу некоторую долю иронии в это прощание. Многие из них чувствуют эту издевку. Что касается разговора по телефону, то тоже удивляться не приходится. В Германии далеко не елейны работники торговли и сервиса. Даже в России многие продавцы превзошли в красноречии и улыбчивости немецких коллег. Конечно, в частных магазинах хозяин будет в высшей степени услужлив и радушен. В других случаях все будет в рамках строгих приличий. Но часто можно нарваться и на полное безучастное отношение. Первое время это меня удивляло. Побывав в музее под открытым небом, мы поблагодарили его директора и отправились посмотреть город, за чей счет содержится этот музей.

Центр Шверина расположен совсем близко от музея. Нужно обогнуть по городским улицам озеро, и вы попадаете в исторический центр. Машину можно припарковать прямо на площади перед мостом, ведущим к замку герцогов Мекленбургских. Площадь не вымощена камнем, а засыпана крупным песком. На ней устроен большой паркинг. Такое часто встречается в Германии — на центральной площади города, где раньше торговали и проводили ярмарки, сейчас паркуют машины. И машин огромное количество. По традиции, такие площади часто не мостят, а посыпают песком и камешками. Шверин — пример подобного устройства главной площади.

Шверин — очень красивый город. Старый центр сохранен в прекрасном виде. Здесь очень много красивых домов. Есть здания XVI в. Все прекрасно реставрировано. В центре проложены удобные дорожки для пешеходов, возвышаются шпили двух церквей готической архитектуры. Город мало пострадал во время второй мировой войны. Здесь не было значительных предприятий и крупных армейских соединений. Авиация союзников не наносила массированных бомбардировок. Центр города сохранился практически не тронутым.

Припарковать машину в Шверине весьма сложно. Можно поехать на платную стоянку, выложить марок пять за небольшой промежуток времени и идти по своим делам. Однако всегда хочется сэкономить. И такое чувство возникает не только у нас. Вокруг многие машины с немецкими водителями также стараются пристроиться к тротуару, у которого нет автомата с платными квитанциями о стоянке. Набравшись терпения, можно приткнуться автомобиль к подобному бесплатному месту. Но если жаль времени или просто не везет, не остается ничего другого, как ставить машину на платную стоянку.

В Шверине много цветов. Почти каждое окно имеет ящик с разнообразными геранями, розами и прочей красотой. Это делает город чрезвычайно уютным.

Мы совершили небольшую прогулку по городу. Здесь многое напоминает о славянах. И само название города, и озеро, и династия герцогов, даже ресторан «Пушкин» создает настроение общности со славянским миром.

Из дневника Ивановой

Утром выезжаем из Лаупина, чтобы к 10 часам быть в музее-этнопарке Шверин-Мюсс. Здесь радушная встреча с директором музея, доктором Ральфом Вендтом, давним другом Мыльников, да и уже моим знакомым. Разговор происходит в дирекции, в рабочем кабинете Вендта. Нам представляют молодого, слишком обаятельного сотрудника Конрада Ванью; разговор идет о фаллическом культе на мекленбургской земле, культе плодородия и странной камней с желобками и чашечками. Сей разговор затеял профессор Мыльников, поэтому мы просто сидим и молча пьем кофе. Нам представляют книги, изданные музеем, несколько дарят.

Далее мы совершаем экскурсию по этнопарку, посещаем крестьянские дома XVIII–XIX вв, осматриваем музейный сад, временные выставки прикладного искусства. После этнопарка Шверин-Мюсс направляемся в центр Шверина, столицы федеральной земли Мекленбург-Передняя Померания. Наша цель здесь — Шверинский замок, где помимо ландтага (кстати, самого красивого в Германии, по оценкам самих немцев) имеется музей. Но сегодня ландтаг не работает, а в музей мы уже опоздали. У моста через пролив озера Шверинер Зее стоят молодые люди и девушки с анкетами и проводят опрос населения относительно привлекательности их города. Меня ловят, спрашивают (вероятно, думают, что я иностранка, живущая здесь), что больше всего не нравится в Шверине, и я отвечаю — платные парковки и бесконечный ремонт улиц и дорог, из-за которого надо совершать безумно длинные объезды. Это правда!

Из дневника Мыльников

Погода с утра пришла в себя, но к вечеру дождь и гроза. Утром выехали в Шверин для встречи с директором музея под открытым небом, с которым я познакомился в 1998 г. при разработке плана экспедиции и тогда пару раз ночевал в его квартире. Это **Ralf Wendt**. Музей я в прошлом уже обзирал, поэтому решил обратить внимание на объекты, могущими быть некими аналогами в наших поисках. Но Юля и Саша здесь впервые, и потому им надо было походить по музею более основательно. Этому способствовала теплая солнечная погода. У меня к Вендту было заготовлено несколько дел и вопросов, в том числе: нельзя ли получить фото *Hacken für Pflug*; как выглядел фаллический культ у древних германцев и славян; какие народные промыслы наиболее распространены; соотношение старых и новых календарных праздников.

Фотодневник

F-4. В-10 Шверин. Этнопарк Шверин-Мюсс. Хлебная печь. Первая половина XIX в.

F-4. В-11 Шверин-Мюсс. Домик пастуха XVIII в. Кухня с очагом.

F-4. В-12 Шверин-Мюсс. Домик пастуха XVIII в. Жилая комната с печью.

F-4. В-13 Шверин-Мюсс. Домик пастуха XVIII в. Ранее — часть дома *бюднера*. *Hirtenkaten* — жилища самых бедных слоев деревенского общества. Музей получил этот дом в достаточно старом, но не первоначальном состоянии.

F-4. В-14 Шверин-Мюсс. *Диле* в крестьянском доме—дворе нижненемецкого (мекленбургского) типа. 1650 г. Кухня с очагом была отделена от *диле* в 1840 г. из-за пожароопасности, и дом получил печную трубу. Первоначально дом топился по-черному (*das Rauchhaus*). Дым консервировал продукты, хранившиеся в доме, предохранял древесину и соломенную крышу от гниения и жучков.

F-4. В-15 Шверин-Мюсс. Дом 1650 г. Кухня с очагом.

F-4. В-16 Шверин. Замок Шверина. Теперь в замке находится музей и ландтаг земли Мекленбург-Передняя Померания. В нише башни скульптурное изображение родоначальника мекленбургской династии князя Никлота (славянина по происхождению). 1160 г.

28 сентября, четверг

Из дневника Новика

Сегодня мы приехали в г. Дёмитц (Dömitz). Этот город находится на правом берегу реки Эльбы (Elbe). Город небольшой — здесь живет 2800 человек. Это население вместе с проживающими в близлежащих деревнях.

Дёмитц — типичный немецкий городок, очень аккуратный и чистый. В центре находится большая кирха, на центральной площади расположены все общественные здания. На примыкающих улицах разместились дома горожан. Город заканчивается городским валом — дальше Эльба и бесконечные луга. Противоположная сторона города упирается в ухоженную аллею для прогулок, за которой начинаются сельскохозяйственные угодья.

Главная достопримечательность города — крепость (по-немецки Festung). Мы приехали в Дёмитц специально, чтобы побывать в этой крепости.

Первый наш визит был в дом местного пастора по фамилия Кунас (Kunas). Это литовская фамилия. Пастор первым делом рассказал о своих литовских корнях. Его предок был выходцем из Литвы, уехавшим в Германию еще в XVIII в. Предки женились на немках, но пытались сохранить родной язык. Знание передавались от отца к сыну. Пастор Кунас утверждает, что еще его прадед, дед и отец знали в какой-то степени литовский язык. Знали также польский и русский. Самого пастора отец уже не учил этим языкам. Это удивительно, что в семье знание родного языка передавались по мужской линии.

В разговоре с пастором мы пытались выяснить что-нибудь о славянах, живших здесь прежде. Пастор, конечно, знает о бывших полабских славянах, населявших берега Эльбы, но ничего нового и дельного сообщить не мог.

После посещения дома пастора мы отправились погулять по городу. Это была приятная прогулка. В городе вдоль дорог растет огромное количество шиповника. Сейчас, осенью, плоды шиповника уже созрели и в большом количестве багровеют в сочной зелено-желтой листве. В городе шиповник никто не собирает, и он так и останется на кустах до самой зимы. Плоды очень большие, намного больше, чем растут в России.

Наш путь лежал в крепость. Туда ведет с центральной площади дорожка. Из красного кирпича, вмонтированного в серую брусчатку дорожного покрытия. Заблудиться совершенно невозможно. Вы идете замысловатыми изгибами дороги и приходите в крепость. Крепость находится совсем рядом с городским центром, но она скрыта от взора туристов соседними домами и кронами деревьев. Поэтому выдумка с красной дорожкой, ведущей с площади к крепости, весьма полезна. Я в какой-то момент, занявшись виде-

осъемкой, отстал от нашей группы. Не увидев, куда они ушли, я вначале растерялся, а затем зашел в находящееся на центральной площади информационное агентство. Там мне сказали, что надо идти по дорожке и никуда не сворачивать. Так я очень быстро нагнал своих коллег.

Крепость Дёмитца представляет собой феодальное укрепление герцогов Мекленбургских на границах собственных владений с землями других германских правителей. Дёмитц расположен в стратегически важном месте на стыке трех нынешних федеральных земель: Мекленбурга–Передней Померании, Бранденбурга и Нижней Саксонии. Фортификационное значение крепость потеряла еще в XVIII в. Ныне в крепости расположен большой музей, в котором собраны этнографические, исторические и военные экспонаты.

Сама крепость представляет собой огороженное пространство на берегу Эльбы. Здесь вырыт широкий ров, который в наше время не кажется столь грозным, каким был некогда. За рвом построена мощная крепостная стена. Внутри крепости расположен ряд зданий самого разного предназначения. Так, здесь есть большое трехэтажное здание из красного кирпича, в котором прежде размещался гарнизон. Также имеются здания поменьше, которые служили помещениями для караула, кухни и т.д.

В большом здании и размещена музей. Нас здесь любезно приняли и пригласили осмотреть экспозицию. Витрины с экспонатами начинаются прямо в большом холле музея. Экспонатов много, и посмотреть есть на что.

Самая интересная экспозиция — этнографическая. Она расположена на втором этаже музея. Мы прошли в один из залов и увидели двух женщин за работой. Одна из них прядла на колесной прялке, а другая ткала на станке XVIII в. Мы быстро разговорились с этими женщинами. Оказалось, что это не просто аттракцион для туристов, хотя именно такие задачи и ставил музей. Женщины заняты конкретной работой. Музей зарплаты им не платит, но и не берет с них плату за аренду рабочего места. Они приходят сюда каждый день и занимаются рукоделием, чтобы сделать вещи на продажу. Посетителям музея интересно наблюдать за их работой. Видеть станки и орудия труда в действии интереснее, чем рассматривать их за витриной. Получается, что выгодно всем — музею, работницам и гостям музея.

Прялка, на которой работала одна из женщин, деревянная, крытая лаком, современной работы. Она уже модернизирована, а не полностью повторяет старый образец. Стоит такая прялка в магазине 300–400 долларов. Такая высокая цена потому, что это ручная работа и прялка — вещь редкого спроса, не поставленная на поток. Подобные колесные прялки мы видели во многих немецких домах. На них мастерицы прядут в основном шерсть. В наше время промышленного производства подобные орудия труда кажутся анахронизмом, однако тяга к вещам индивидуальным, в создание которых вкладывается не только умение, но и душа, стала в последние годы

весьма сильной. Прясть в домашних условиях можно и на электропрялке. Подобные орудия массово стали производить в 1960–1970-е годы. Однако с начала 1990-х мастерицы любят работать именно на колесных прялках, на которых пряли еще их бабушки и прабабушки. Среди них бытует мнение, что лучше всего создавать экологически чистые вещи ручными орудиями труда, без моторов и механизмов. Может возникнуть вопрос, какая разница, как прясть — с электрическим мотором или без, главное, чтобы был качественный результат. Тем не менее мастерицы предпочитают придерживаться всего традиционного. Если уж и вязать носки вручную, то обязательно из приготовленной собственными руками пряжи. И прясть при этом нужно так, как было заведено прежде, во времена их бабушек. Но традициям следуют не вслепую. Колесную прялку, к примеру, конструкционно улучшают. В Германии подобные прялки делают некоторые мастера. Но в большинстве случаев подобные орудия привозят из Польши. Там подобное производство на подъеме, да и прялки стоят раза в два дешевле.

Работа на ткацком станке также стала весьма популярна в современной Германии. На старинных станках ткот полотенца, скатерти, салфетки, коврики, различные декоративные ткани. Работа на ткацком станке требует особого мастерства. Прежде подобные умения и навыки передавались от матери к дочери. Сейчас многим приходится учиться ткацкому ремеслу с нуля. Многие женщины успешно осваивают подобное занятие. Другим оно вовсе не дается. Наша информантка освоила станок самостоятельно. Музейный станок в отличном состоянии, несмотря на свой возраст. Конечно, станок, случается, и ломается, но его чинят совместными усилиями с сотрудниками музея. Выполненные на станке изделия продают в музейном магазине и в различных сувенирных лавках.

Женщины, работающие в музее, рассказали нам о предприятии в г. Дёмитце, на котором трудятся исключительно женщины. Они выполняют различные рукодельные предметы. Они же дали нам адрес этого предприятия и рекомендовали его посетить. Обе дамы работали в музее от этого предприятия.

Поговорив с мастерицами, мы отправились осматривать экспозицию музея. Самая богатая коллекция — этнографическая. Здесь представлены орудия земледельца, инструменты ремесленников, домашняя утварь прошлых веков. Все экспонаты выставлены тематически. К примеру, экспозиция одного зала посвящена орудиям обработки льна. Лен много веков был основным материалом для крестьянской одежды до начала XX в. Лен давал сырье также для производства постельного и столового белья, предметов убранства интерьера: различных ковриков и т.д. Под лен отводили большие площади пахотной земли. Крестьяне умело возделывали лен, обрабатывали его, пряли и ткали, шили из него всевозможные вещи. Весь комплекс

повседневной одежды мог состоять из льна. Лен часто красили различными натуральными красителями. Постепенно лен был вытеснен хлопком, привозимым из Америки и Англии.

В экспозиции музея представлены гребни для чесания льна, льномялка, веретено для льна (оно крупнее веретена для прядения шерсти или хлопка), прялка, ткацкий станок. Все эти орудия напоминают орудия обработки льна, бытовавшие у поляков, белорусов и других славянских народов. Культура производства льна также весьма близка существовавшей у соседней славян. Такое развитие льняного производства отличает изучаемые районы Мекленбурга от других областей Германии. Между славянскими областями и местом прежнего расселения полабских славян налицо сходство в выращивании и производстве льна. Возможно, здесь сказываются схожие климатические условия Северной Германии и Польши и восточнославянского ареала. Мог также иметь место механизм сохранения традиции территории, когда немецкое население переняло культуру возделывания льна и широкое использование льняных тканей у живших в данных районах славян, имевших многовековую практику его производства.

В любом случае самым излюбленным материалом одежды лен дольше всего оставался именно в Мекленбурге. И между этой землей и славянскими областями можно провести известные параллели.

В музее представлено большое количество рушников, одежды из льняного полотна. Видно, что местные мастерицы виртуозно владели столь трудоемким делом, как обработка этой волокнистой культуры.

Много исторических экспонатов, относящихся к эпохе средневековья. Так, меня поразили туфли моряка — зеленые бархатные тапки с золотным шитьем. На каждой туфле вышит якорь, окруженный снизу венком цветов. Интерес представляет выставленная одежда, сшитая из военной униформы.

В музее показано много домашней утвари. Среди посуды выделяется мейсенский фарфор. Знаменитая фарфоровая мануфактура представлена изделиями, украшенными узором «Zwiebelmuster» («цвибельмустер» — «луковый орнамент»). Практически первое производство фарфора в Европе, возникшее в Саксонии, в городе Мейсен (Meissen), стало в начале XVIII в. выпускать посуду и предметы украшения интерьера, снискавшие славу по всему миру. Одним из самых распространенных узоров стал декор с восточными мотивами, получивший название «Zwiebelmuster». Орнамент проник в Европу из Восточной Азии. На Мейсенской мануфактуре посуда с таким узором была принята к производству в 1739 г. Такая посуда выпускается до сих пор. Рисунок первоначально составляли побеги бамбука, пионы и незабудки, а в обрамлении изделий использовались изображения персика и граната. Рисунок наносился кобальтовой краской по белому фону. Яркие синие рисунки на белоснежном фарфоре чрезвычайно импонировали ев-

ропейцам. Слава о немецкой посуде пошла по разным странам. Узор стал чрезвычайно популярным. Его стали использовать другие производители фарфора в разных уголках Европы. Чтобы сохранить свое авторское право на «цвигельмустер», Мейсенская мануфактура с 1893 г. пошла на хитрость. Ее мастера стали изображать на побегам бамбука скрещенные мечи — фирменный знак мейсенского производства. Тем самым художники ставили штамп своего предприятия прямо в узор. Конкуренты, желавшие выпускать похожую посуду, вынуждены были повторять узнаваемый штамп прославленной фабрики.

«Цвигельмустер» — европейский узор, несмотря на его восточные корни. Европейцы, не зная азиатских реалий, пересмыслили изначальный узор. Гранаты и персики воспринимались европейцами начала XVIII столетия как луковичцы. И изначальный символический рисунок приобретал все более отдаленные от оригинала очертания. Гранаты и персики почти никто не видел, а вот лук хорошо знали и на севере Европы. Поэтому и возникло название узора — «луковый». В истории фарфорового производства нет, наверное, более яркого примера приверженности традициям, как в случае с посудой, украшенной этим узором. Скоро почти 300 лет, как сервизы «Цвигельмустер» украшают серванты и горки самых разных домов. В современной Германии подобная посуда — гордость хозяев. Многие предприятия выпускают похожую посуду. Встречаются сервизы с узором из сплетенной соломки («Strohmuster»), просто кобальтовый цветочный орнамент. Однако в большинстве случаев это будет все же кобальтовый рисунок по белому фону.

По социальным пристрастиям к посуде с узором «Цвигельмустер» можно было бы провести настоящее исследование. Вначале этот узор был особенно популярен среди богатых крестьян и зажиточных бюргеров. Аристократы и буржуазия предпочитали посуду с полихромной росписью и обилием позолоченных элементов. Такая посуда была недоступна крестьянам и бюргерам. Но то, что было им доступно, очень соответствовало вкусам и предпочтениям, складывавшимся на протяжении длительного времени. Кобальтовый рисунок на белом фоне соответствовал эстетическим устремлениям, находившим выход и в народном искусстве. Посуда с узором «цвигельмустер» завоевала себе почетное место в горках зажиточных бюргеров и крестьян, а затем понадобились многие десятилетия, прежде чем она стала популярной и в буржуазной и аристократической среде. Когда в Германии интерес ко всему народному и традиционному стал всеобщим, посуда «цвигельмустер» вышла из границ крестьянского быта и заняла достойное место в аристократических столовых и гостиных. Из посуды для богатых крестьян и горожан превратилась в посуду для истинных ценителей традиций и весьма состоятельных граждан. В XX в. эта посуда получила попу-

лярность в самых разных слоях общества, но всегда оставалась атрибутом благосостояния и респектабельности, при этом сохраняя марку приверженности национальным традициям.

После воссоединения Восточной и Западной Германии Мейсенская фарфоровая мануфактура плавно перешла на рельсы рыночного хозяйства. Более того, эта фабрика была единственной в ГДР, которая не требовала модернизации. Ее продукция находит неизменный спрос как на немецком, так и на мировом рынке. Цены на продукцию Мейсенской мануфактуры очень высоки. К примеру, комбинированный сервиз с узором «цвибельmuster» стоит столько же, сколько новый «Мерседес», однако потенциальных покупателей это не отпугивает. Качество, традиции и красота гарантируют фабрике стабильный сбыт. А высокие цены лишь поддерживают репутацию первоклассного производства. Два скрещенных меча на обратной стороне тарелки и синие луковицы по ее краям — символ стабильности и приверженности традициям — чертам, столь характерным для немецкого народа в целом.

В экспозиции музея много старой мебели. Среди предметов быта интересны «денежные чулки». Это не образное выражение. Во времена хождения металлических денег монеты хранили в специальных длинных мешках. Подобная реалия называлась *гельдструмпф* (Geldstrumpf) — «денежный чулок».

Богата и нумизматическая коллекция музея. В экспозиции есть талеры XVII в. Среди них есть монеты достоинством в 1 талер, 1/3, 1/2, 2/3 талера. При этом монета в 2/3 талера бывала больше 1 талера, чеканившегося в более позднее время.

Интересная экспозиция музея — лавка колониальных товаров. Выставка занимает отдельное помещение. Здесь представлены табачные изделия, кофе, чай, спиртные напитки. Помимо образцов самих товаров выставлены предметы утвари, связанные с их употреблением.

Специальное помещение отведено под реконструированную аптеку. Здесь можно увидеть инструменты провизора, всевозможные склянки и химические реактивы.

Видное место занимают предметы, связанные с жизнью рыбаков. Здесь есть рыболовные снасти, сети, орудия лова и всевозможные хитрые приспособления. Представлены и лодки-долбенки. Мастера делали их из одного бревна. Лодки, выставленные на экспозиции, бытовали в XVIII и XIX вв. Продолжали использовать лодки-долбенки и в начале XX в. Они служили вспомогательными средствами при больших судах. Такие лодки имеют давнее происхождение. Как говорят археологические находки, у славян на Эльбе подобные плавучие средства были в ходу еще в V–XI вв. В последующие века лодки-долбенки использовались местным немецким населением. Мы можем говорить здесь о преемственности данной реалии у двух этнических

общностей. Славяне были хорошими рыбаками и строителями. Возможно, заимствование рыболовной практики и навыков заготовки рыбы шло от славян к германским племенам, постепенно ассимилировавшим славянское население.

На третьем этаже музея, на галерее, расположена большая комната с окнами на разные стороны света. Через вмонтированные бинокли можно посмотреть на три федеральные земли Германии: Мекленбург–Переднюю Померанию, Нижнюю Саксонию и Бранденбург. Этот аттракцион удачно использует уникальное расположение крепости. Окна ориентированы на три части света. Под каждым окном есть табличка с указанием земли, на которую открывается вид.

После осмотра музея мы пошли в кафе, которое работает здесь же, в крепости. Кафе очень уютное. Можно посидеть за столиком в помещении, а можно устроиться в удобных креслах во дворе, среди зелени. Чашка хорошего кофе и кусок пирога стоит 2,30 DM. Чай с кексом стоит вообще 2 DM. Это очень дешево. Посуда, на которой подали нам сладкое и кофе, была очень красива. Для пирога дали хрустальные тарелочки. Не стекло под хрусталь, а настоящий хрусталь. Это скорее редкость для Германии. Здесь в большем почете фарфор. В кафе практически не было народа. Мы несколько удивились, за счет чего может работать подобное заведение с такими минимальными ценами.

Во дворе крепости находится музейный магазин. Основной товар этого магазина — гипсовые статуэтки. Продащица сидит у открытого окна и раскрашивает готовые изделия. Белый гипс превращается в разноцветные фигурки. Ничего привлекательного в ассортименте изделий нет — котят, утят и прочий кич, раскрашенный голубой и розовой краской. Рядом с развалившимися на спине котятками на полках стояли нежно-розовые ангелочки, а один нежный ангелочек лежал на животе, томно оттопырив попку. В Германии, где все сделано с умом и на совесть, где очень аккуратно и красиво, иногда сталкиваешься с откровенной безвкусицей и вульгарщиной. Продавцов нельзя обвинить в дурных намерениях. Продают то, что покупают. А покупают то, что видят на полках. Вкус можно выработать — как хороший, так и дурной. И замкнутый круг весьма сложно разорвать. Остается только удивляться, как можно производить подобное уродство. Впрочем, это касается не только Германии, но и всего остального мира.

Мы вышли из крепости, чтобы отправиться по указанному нам двумя мастерицами адресу.

Наш путь лежал на предприятие художественных промыслов, расположенное в центре города. Адрес этого предприятия такой:

Frauenwerkstatt «Lewitzvolkskunst» PQS GmbH. Slüterplatz 6, 19303 Dömitz.

Женское предприятие «Народное искусство Левитц», как дословно переводится название фабрики, представляет собой общество с ограниченной ответственностью, созданное государственными структурами. Целью создания этого предприятия была попытка бороться с безработицей хоть какими-то средствами. На предприятие принимают работать женщин, которые не могут никуда устроиться. Условия труда следующие. Безработную женщину принимают на работу по контракту лишь на один год. Затем она должна покинуть предприятие, чтобы дать возможность потрудиться другим женщинам. Увольняют через год не всех. Особенно старательным и умелым могут продлить контракт. Данный вид предприятий, создаваемых органами социального обеспечения, появился в Мекленбурге лишь около 10 лет назад.

Женское предприятие в Дёмитце расположено в самом центре города, рядом с кирхой. Предприятие занимает не все трехэтажное здание, а лишь его часть — на втором и третьем этажах. В этом же здании находятся Красный Крест и ряд других организаций.

Мы поднялись по крутой лестнице и быстро нашли нужное нам предприятие. Женщины, которые нас встретили, были исключительно любезны и охотно согласились рассказать о своей работе. Предприятие занимает ряд помещений. Каждая комната служит небольшим цехом для определенного рода деятельности. Объединяет все производство одно — выпуск рукодельных изделий. Так, к примеру, есть помещение с ткацкими станками. Есть комната, где женщины вяжут. В третьем помещении вышивают и шьют и т.д. Все здесь заняты каким-нибудь одним видом деятельности. Женщины (а на предприятие принимают на работу исключительно женщин) обязательно должны уметь рукодельничать до поступления сюда. Принимают и тех, кто ничего не умеет. В процессе работы их должны научить (ведь цель этого заведения и обучить какой-то работе). Женщины выбирают себе занятие по душе. Кому нравится вязать, тот начинает вязать вместе с другими. Кто хочет освоить профессию ткачихи, тот садится за ткацкий стан. Кому привычнее шить или вышивать, принимается за пошив и украшение одежды и предметов интерьера. Любой женщине здесь находится работа. Кто особенно преуспевает в той либо иной области рукоделия, становится лидером данного направления деятельности предприятия.

Одно просторное помещение, куда нас проводили, занято ткацкими станками. Это большие ручные ткацкие вертикальные станки. Они сделаны по старинным образцам, но с учетом достижений современной техники. Выпускает такие станки один завод. То, что они поставлены на поток, говорит о значительном спросе на подобные изделия. То, что эти станки ручные, а не механические, и без мотора, говорит о том, что мастера в наши дни пытаются сохранить традиции производства ручных изделий по примеру бабу-

шек и прабабушек. Работают за такими станками сидя. Нам удалось долго наблюдать за работой ткачих. Мне дали возможность самому поткать. Работа сложная. Нужно уметь правильно заправить челнок, который все время норовит выскочить из станка. С этим мучаются и опытные ткачихи. Также необходимо плотно прибить нить утка бердом, иначе полотно получится не плотным, а редким. За технической стороной надо не забыть и об эстетической. Нити нужно грамотно заправлять, чтобы получился желаемый узор.

Ткацкие станки большие. Сделаны они из сосны, с минимальным количеством металлических деталей. Сиденья станка обито ковровым покрытием для удобства ткачихи. Ткут на этих станках шерстяные, льняные и хлопчатобумажные ткани. Могут ткать и смесовые ткани (когда нити утка одного вида, а нити основы другого).

Шерсть для тканья покупают у крестьян. На предприятие доставляют немытую шерсть в больших мешках. Ее здесь можно увидеть в больших количествах. Шерсть вначале прядут. При этом прядут по-разному. Могут прясть немытую шерсть. В этом случае липкие волокна легче прядутся. А могут шерсть промывать, а затем уже прясть. Женщины на предприятии предпочитают прясть немытую шерсть. Затем они стирают готовые нити. После этого готовая нить отправляется на ткацкий станок.

Прядут на предприятии, похоже, только шерстяные нити. Это умело делают сами. Остальные нити покупают готовыми.

Из шерстяных нитей мастерицы вяжут также различные изделия: носки, безрукавки, кофты и свитера. Для вязаных изделий используют в основном некрашеную шерсть. Поэтому основной ассортимент представляют изделия белого цвета. Для тканых изделий шерсть красят — в основном натуральными красителями. Для этого используют всевозможные травы и минералы. По возможности стараются не прибегать к синтетическим красителям.

Для работниц, занятых вязанием, отведено специальное просторное помещение, залитое светом. Все сидят за одним большим столом, занимаются делом и одновременно разговаривают. По всеобщему мнению, работа так идет быстрее и комфортнее, чем если бы каждая вязальщица сидела за отдельным столом. Наблюдать за работой мастериц было интересно, так как на огромном столе шевелилось большое количество разноцветных клубков, спиц, всевозможных изделий.

Никто при работе не спешит. Нормы выпуска нет. Кто сколько успеет, так и хорошо. Главное в изделиях — качество. Поэтому готовые вещи стоят дорого. Вязаные носки стоят на предприятии 25 DM, пуловер — 80 DM.

Также на предприятии шьют отдельные вещи и целые костюмы. Вся одежда ориентирована на продажу. Поэтому учитывают вкусы потребителей. Ассортимент изделий широк. Но все изготавливают по старым образцам. Современных изделий, учитывающих веяния моды, не делают. В основном

все вещи, созданные на предприятии, продаются на деревенских ярмарках и во время городских праздников. Руководство предприятия поручает своим работницам одеться по такому поводу в национальные костюмы и продавать собственную продукцию в местах, отведенных под торговлю. Изделия рассчитаны, главным образом, на покупательниц–женщин. В основном они охотно приобретают экологически чистые традиционные вещи, созданные труженицами женского предприятия. Людей при этом не отпугивает высокая цена. Понятно, что мастера работают медленно, зато качественно. Теперь люди, как нам сказали на предприятии, хотят иметь качественные вещи из экологически чистых материалов, а не носить синтетику. За это они готовы платить большие деньги.

Филиалы предприятия работают и в других городах. Подобное занятие рукоделием приносит единственный доход женщине, а порой и семье. Так как этот труд является источником существования, его можно считать профессиональным ремеслом. Можно также усмотреть обособленность, специализированность и дифференцированность такого рода деятельности. Это значит, что труд женщин не сопряжен с другими видами трудовой деятельности. Он охватывает лишь определенную сферу производства. А также внутри производства каждый занят лишь своим конкретным видом деятельности. Это позволяет говорить о профессиональном ремесле в современных условиях.

Мы можем наблюдать возрождение традиционных занятий и возврат утраченной на время организации труда.

Рабочий процесс на предприятии хорошо организован. У мастериц 36-часовая рабочая неделя. Отношения в коллективе, похоже, очень дружеские. Все владеют разными видами рукоделия. Помогают при случае друг другу. На предприятии есть кухня. Здесь готовят себе кофе и бутерброды. Сюда же приходят на перекур. В производственных помещениях не курят.

Изделия мастериц мы видели в магазине рядом с кассой музея в крепости Дёмитца. Но основное место продаж продукции все же сельские ярмарки. На таких торжищах самый большой спрос на изделия художественных промыслов.

Мы поблагодарили хозяек и отправились дальше знакомиться с городом. Посещение женского предприятия оставило приятные воспоминания. Мы стали очевидцами возрождения промыслов и ремесел в новых условиях развития мировой экономики. Традиционные ремесла, вопреки ожиданиям некоторых скептиков, не только не отмирают, но и приобретают новый импульс.

В Дёмитце строится новый торговый центр — *Kaufhaus* (Kaufhaus). Под него перестраивают старинный дом. Пока же в городе есть лишь небольшие магазины, и нет ни одного крупного универмага. В обеденное время все ма-

газины закрылись на обед. Обед здесь начинается в 12 часов и продолжается несколько часов. Зайти никуда из торговых мест мы не смогли. Немецкая провинция буквально вымирает в обеденное время. Все служащие и рабочие также отправляются на обед домой, благо дом находится недалеко от работы.

В городе протекает небольшая река. Через нее переброшен аккуратный мостик, перила которого украшены ящиками с цветами. Их вид нас впечатлил.

Городок совсем небольшой, и в скором времени мы опять вышли к городскому валу, окружающему поселение. Здесь устроена зона отдыха для горожан. В тенистой аллее поставлены металлические скамейки с гнутыми ножками. Каждая из них привязана цепью к расположенному поблизости дереву. Вероятно таким образом их пытались спасти от злодеев, которые могут их украсть. Скамейки изящные и не очень тяжелые, так что вору легко можно их унести. Однако такого радикального способа сохранить городское имущество я больше нигде в Германии не видел.

Мы ходили к Эльбе. Ее окружают просторные луга. Через Эльбу в Дёмитце несколько лет назад построили мост. Мост огромный и красивый. Он висит на тросах, прикрепленных к аркам двух пролетов. К мосту подъезжают автобусы с туристами. Из них выходят группы любопытных посмотреть на чудо строительной техники. Прежде, во времена ГДР, здесь вообще не было моста. Мост через Эльбу, соединяющий ГДР и ФРГ, располагался во многих километрах от этих мест. А сам Дёмитц был пограничной зоной со строгим пропускным режимом. Кругом были поставлены пограничные заставы. В Дёмитце располагались военные части. Власти ГДР строго смотрели, чтобы на Запад не проскользнул ни один перебежчик. Теперь Дёмитц лежит в удобном месте переправы из Мекленбурга в Нижнюю Саксонию. С другой стороны находится обширная область прежнего расселения полабских славян. Туда нам предстоит отправиться после пребывания в Ябельхайде.

Из пограничной зоны Дёмитц превратился в транзитный пункт, через который ежедневно проезжает масса легковых и грузовых машин. Часто здесь встречаются автобусы с туристами. Для Германии характерен внутренний туризм. Многие немцы охотно отправляются смотреть различные уголки своей страны. Бывает, что едут смотреть даже самые небогатые достопримечательности места. Основная часть таких туристов — пенсионеры. Они не заняты работой, у них в основной массе есть сбережения и нет больших трат, как, скажем, у молодых, которым надо выплачивать ссуду за дом или квартиру, откладывать деньги на учебу детям и т.д. Встретить подобный туристический автобус, поездка на котором не занимает много времени и денег, можно буквально повсюду. Рядом с мостом через Эльбу мы увидели много таких автобусов.

В Дёмитце я много снимал на видеокамеру. Завершили работу мы в этом городе после обеда. Решили по пути захватить еще в несколько деревень.

Вначале мы заехали в деревню Трипкау (Tripkau). Часть правого берега Эльбы, где расположена деревня, относится к земле Нижняя Саксония. Исторически она принадлежала герцогу «с того берега», как говорят местные жители. После второй мировой войны, когда граница прошла по Эльбе, территория вошла в состав Мекленбурга. Теперь, после воссоединения Западной и Восточной Германии, она опять восстановила статус нижнесаксонской земли. Деревня Трипкау поразила нас своим видом. Хотя она находится в близком соседстве с другими селами Мекленбурга, различия в строительной технике бросаются в глаза.

В селе стоит кирха, построенная в технике *фахверка* (Fachwerk). Такое каркасное строительство совсем не характерно для культовых сооружений, во всяком случае для данной области Германии. Церковь очень нарядная. Мы смогли войти внутрь, что также необычно — по будням лютеранские церкви закрыты (если только это не большой городской собор).

Внутри кирха отделана так, что можно видеть все балки и перекладины фахверкового строительства. Здесь конструктивные элементы стали деталями убранства и украшения интерьера. В церкви в свободном доступе лежали открытки. Стояла цена — 50 пфеннигов. Их нужно было опустить в церковную кассу и взять открытку. Мы пожертвовали какие-то деньги на храм и положили деньги за открытку. Никто, конечно, не следил, сколько мы положили и положили ли деньги вообще.

После посещения кирхи мы осмотрели деревню, сделали фотографии.

Из Трипкау мы отправились в Филанк (Vielank). Это большая круглая деревня. Мы много снимали здесь на видеокамеру. Дома местных жителей сложены из красного кирпича и крыты красной черепицей. Филанк требует особого изучения. Мы обязательно сюда приедем для работы с информантами.

Из дневника Ивановой

С утра снова в дорогу. Мы отправляемся в город Дёмитц, что лежит на Эльбе у бывшей границы разделения оккупационных зон. Пейзаж здесь монотонный: ровное, с виду ленивое течение Эльбы низкие заливные луга по берегам, узкая полоска искусственных возвышений для усмирения весенних паводков да полуразрушенный железнодорожный мост, некогда связывавший два берега Эльбы. Мост бомбили в сорок пятом; берега разделила не только река, но и позднее — государственная граница. Теперь, после объединения Германии, в этом месте возведен новый современный автомобильный мост, а старый с его почерневшими от огня и времени арочными пролетами служит напоминанием истории.

В 10 утра нас принял пастор Кунас в своем доме в Дёмитце. Фамилия пастора литовская, сам он рассказал о своих предках, дед его и отец еще говорили на литовском языке, но язык постепенно отмирал в их семье. На столе в комнате, где нас приняли, лежит композиция в осенних мотивах: глиняная ваза с сухой ветвью гортензии, вокруг которой разбросаны на желтой бумажной салфетке плоды тыкв и кабачков. Это символизирует приближающийся праздник урожая и Данкфест в церкви. В Дёмитце это будет в следующее воскресенье, 1 октября. Пастор рассказал, что обычно в Дёмитце через неделю после Праздника урожая, в субботу, устраивают крестьянскую ярмарку, где продают овощи, фрукты и цветы, а на следующий день, в воскресенье, в церкви служат торжественную службу — это праздник благодарения Данкфест. Этим заканчиваются крестьянские осенние праздники.

После короткой прогулки по городу с его маленькими цветочными и мелочными лавками, направляемся на встречу к директору краеведческого музея в крепости Дёмитца (Heimatmuseum Festung Dömitz) господину Шорнвеберу.

Крепость Дёмитца является уникальным и хорошо сохранившимся средневековым укреплением на берегу Эльбы. В XVIII в., крепость была перестроена, были пристроены пять бастионов и казематы.

Внешне, если взглянуть на план, крепость Дёмитца очень похожа на Петропавловскую в Петербурге. За стенами укреплений ныне находится краеведческий музей, музей-крепость и мемориальный зал Фритца Ройтера, известного в регионе писателя, мыслителя и патриота.

В краеведческом музее имеется этнографическая экспозиция, представляющая полный процесс изготовления полотна из льна и его обработки, а также образцы готовой продукции, подобные которым мы получили в дар от жителей деревень Ябельхайде. В соседнем помещении на колесной прялке и ткацком станке XVIII в. работают женщины, временно занятые на бирже труда (*в Германии их должность называют АВМ — Arbeiterbeschaffungsmassnahme — когда безработным предоставляют оплачиваемую занятость сроком на один год*). Эти женщины официально трудятся в женской мастерской города Дёмитца (Frauenwerkstatt). Для посетителей музея они демонстрируют ремесленное производство одежды. Одежда ручного производства продается в магазине-лавке при музее, вещи дорого ценятся (например, носки из овечьей шерсти — 25 DM).

После короткого разговора с мастерицами мы зашли в их мастерскую, находящуюся рядом с городской церковью, в центре. Женщины сами прядут шерсть, ткут полотно, вяжут крючком и на спицах, вышивают и шьют. Свои изделия продают и этим живут и кормят свои семьи.

Мы еще раз прогулялись по Дёмитцу. Город кончается за крепостным валом, он словно и не расширил своих границ с XVIII в.: круговая улочка с

рядом одно- и двухэтажных аккуратных домов замыкает городскую черту. За ней — луга и Эльба.

Обратный путь домой, в Ябельхайде, лежал через Нижнюю Саксонию, и в деревне Трипкау мы посетили маленькую деревенскую церковь, построенную в технике *фахверк*, что весьма необычно для клерикальной архитектуры. Крыша церкви крыта шифером, а колокольня имеет форму многоугольной башни. Евангелическо-лютеранская церковь Святой Марии была построена в 1757 г., многократно перестраивалась, в последний раз в 1998 г. Вероятно, именно в это время оформляли слишком современный и несколько безвкусный интерьер храма. Церковь находится за пределами ядра поселка.

Далее мы поехали в сторону деревни Филанк. Это бывший *рундлинг*, в центре которого, возможно, раньше находился пруд. Ныне это луг с небольшим кустарником. Сейчас я не буду уделять много внимания этой деревне, поскольку решено еще раз сюда приехать специально. А пока Александр Сергеевич делится перед камерой своими соображениями по поводу круглой формы поселения и домов Филанка. В это время Бекманн достает из широких штанин тонкие копченые колбаски, протягивает мне — и мы перекусываем.

В 16 часов традиционное время послеполуденного кофе, «*файерабенд*», т.е. конец нашего рабочего дня.

Из дневника Мыльников

Сегодня у нас разъездной день — направляемся в *Dömitz*, который нам многие рекомендовали посетить. Этот город, в центре которого старинная, много раз перестраивавшаяся крепость, лежит на правом берегу Эльбы. На левом — Вендланд. В годы холодной войны здесь по Эльбе проходила граница между ГДР и ФРГ.

Сперва едем к местному пастору по фамилии **Кунас**. Он человек пожилой. Пояснил, что его предки были лютеранами и выехали из Литвы еще в XVIII в., поскольку не хотели служить в русской армии. Его прапрадед, прадед, дед и даже отец помнили литовский язык, но сам он его не знает. Кроме того, его предки владели русским, польским, немецким языками. Фиксирую эти данные, поскольку они подтверждают процесс поколенной ассимиляции. По нашим темам ничего нового не сказал, повторив известное о массовых миграциях и переселениях, особенно после 1945 г. Полезнее оказалось посещение музея, в котором я обнаружил два «живых экспоната»: ткачиху, работавшую на старинном ткацком станке, и пряжу, изготавливавшую нить на обычной пряхке. Они сказали, что работают в *Frauenwerkstatt* и живут за счет продажи своей продукции. Музей им ничего не платит, и они

находятся здесь для увеселения посетителей, коих, впрочем, мало. Пока мы беседовали, подтянулись мои молодые коллеги. Саша заснял этих работниц на камеру, а Юля сделала несколько фото. Мы решили ближе познакомиться с организацией, в которой ткачиха и пряха состоят.

Название — *Frauenwerkstatt*, адрес — *Lewitzvolkskunst* Это трехэтажное здание, в котором расположены мастерские, где женщины вяжут, ткут, рисуют. Их нанимают на один год. Это одна из форм борьбы с безработицей, которая приняла в Германии тревожные масштабы. Сейчас в этом здании работают 20 женщин. Рабочее время в неделю составляет 36 часов. Но труд не нормирован, чтобы не снижалось качество работы. Нам показали некоторые образцы их труда, в том числе и машинного. Предметы высокого качества, но дорогие. Так, женский жакет из чистой шерсти ручной вязки стоит DM 80, носки — DM 25. Принимали нас радушно и охотно рассказывали о своих надеждах. Саша заснял многое на камеру.

Обратный путь. По дороге в деревне *Tripkau* остановились, чтобы рассмотреть красивую церковь, выстроенную в своеобразном игриво-кокетливом стиле, который условно можно назвать северонемецким сельским рококо (не знаю, применяется ли подобная терминология). Внешне выглядит как кирпичная, но в действительности сочетает в своей конструкции *фахверк* с ложным *фахверком*. Она сооружена в 1757 г., достраивалась и реставрировалась в 1864 и 1998 гг. После короткой ознакомительной остановки наш автомобиль взял курс на деревню *Vielank*. Ее славянское происхождение не исключено. Это *Rundling*, в центре которого на *Bauerding* высохший пруд, часть окружности которого выложена булыжником. Это позволяет думать о славянском происхождении деревни: пруд — это вода, следовательно, рыба, т.е. символическая связь с рыболовством, некогда типичным занятием вендов. После Лоозена это вторая, по незамутненности организации пространства, круглая деревня, до сих пор виденная нами в Ябельхайде. Сделав ряд фото и засняв на камеру круглый центр, мы вернулись в Лаупин.

Фотодневник

F-4. В-18 Крепость Дёмитц. Оборонительный вал и въездные ворота в крепость.

F-4. В-19—20 Дёмитц. Детали оформления лестницы здания краеведческого музея, который находится на территории крепости.

F-4. В-21 Дёмитц. Краеведческий музей. Этнографическая экспозиция. Ткачиха за станом. На экспозиции работают женщины из местной женской мастерской — прядут, ткут для посетителей. В магазине музея можно приобрести дорогие вещи из натуральных волокон ручной работы.

F-4. В-22 Дёмитц. Краеведческий музей. Женщина за колесной прялкой прядет овечью шерсть.

F-4. В-23 Женщина за ткацким станом.

F-4. В-24 Дёмитц. Краеведческий музей. Экспозиция, посвященная различным этапам обработки льна. Rore — инструмент для очистки стеблей льна от коробочек. Дерево. Конец XIX — начало XX в.

F-4. В-25 Дёмитц. Краеведческий музей. Экспозиция, посвященная различным этапам обработки льна. Brake (Handbrake) — льномялка ручная. С помощью этого инструмента мяли твердую верхнюю кожицу стеблей льна. Дерево. Конец XIX — начало XX в.

F-4. В-26 Дёмитц. Краеведческий музей. Экспозиция, посвященная различным этапам обработки льна. Hechel und Hechelbock — льночесалка с подставкой. Чтобы очистить льняные волокна от растительных остатков и выпрямить их, использовали этот инструмент. Лен продевали и протаскивали через металлические зубцы чесалки. Дерево, металл. Конец XIX — начало XX в.

F-4. В-27 Дёмитц. Краеведческий музей. Экспозиция, посвященная различным этапам обработки льна. Spinnrad — Колесная прялка. Дерево. Начало XX в.

F-4. В-28 Дёмитц. Краеведческий музей. Экспозиция, посвященная различным этапам обработки льна. Haspel — мотовило. На этом инструменте наматывали и распрямляли льняную пряжу. Дерево. Конец XIX — начало XX в.

F-4. В-29 Дёмитц. Краеведческий музей. Экспозиция, посвященная различным этапам обработки льна. Schwingmaschine — трепальная машина — предшествовала в процессе обработки льна мотовилу. При помощи движущихся лопастей льняная пряжа окончательно очищалась и смягчалась. Начало XX в.

F-4. В-30 Дёмитц. Женская мастерская. Webraum — ткацкое помещение. Webstuhl — ткацкий стан — завершающий этап обработки льна, создание полотна. Женщина из мастерской за работой. Женщины могут устроиться на работу в мастерскую на срок 1–2 года по контракту. По истечении контракта они вновь вынуждены искать работу, а на их место приходят другие. АВМ — так называются в Германии меры, предпринятые правительством с целью обеспечить занятостью утративших работу.

F-4. В-31 Дёмитц. Женская мастерская. Stickraum — комната вышивальщиц. Женщины за работой.

F-4. В-32–33 Дёмитц. Старые двери городских домов XVIII и XIX вв.

F-4. В-34–35 Трипкау (Нижняя Саксония). Евангелическая церковь св. Марии.

29 сентября, пятница

Из дневника Ивановой

К 10 утра снова спешим в Шверин, к доктору Ральфу Вендту. На сей раз он принимает нас дома, в центре города, прямо у Шверинского замка. Его супруга Ирмгард провожает нас в знакомую гостиную господина директора. Здесь короткая беседа, обмен мнениями и намерениями; нам дарят книгу «Мекленбургская этнография» с дарственной надписью: «Gewidmet der ethnologischen Expedition des Museums für Anthropologie und Ethnographie in St. Petersburg/Russland im Rahmen des Projektes Germania Slavica vom Mit-Autor Dr. Ralf Wendt. Schwerin, d. 29. September 2000». Отныне книга принадлежит нам троим и будет завещана Отделу! В качестве сувенира нам преподносят знаменитый «мет» — медовуху по славянским рецептам из Гросс Радена в фирменных керамических бутылках.

После посещения доктора Вендта мы как раз и направляемся в этот самый Гросс Раден.

В полдвенадцатого подъехали к озеру Штарнбергер Зее, на котором расположен этот знаменитый археолого-этнографический музей под открытым небом. Сперва мы встречаемся с руководителем музея фрау Хайке Пильц — молодой женщиной, увлеченной музейной педагогикой и идеей оживить экспозицию участием детей в реконструированной жизни славян. Затем она ведет нас из здания дирекции по лесным дорожкам, мимо загона, в котором одиноко пасутся три лося, к музейным сооружениям. Хайке с гордостью показывает на этих трех несчастных животных, сообщает, что им удалось выписать их из Скандинавии, а раньше здесь в Мекленбурге они действительно свободно жили в дикой природе! Наконец мы подходим к мостику через наполненный водой ров, переходим и через ворота в частокле попадаем в оживший мир древних полабских славян. Гросс Раден — это своеобразная модель славянского городища с поселением, восстановленная по данным археологических раскопок.

Деревянная статуя божества, стоящая в центре храма, по словам фрау Пильц, взята с модели рюгенской статуи. Вокруг воспроизведенного святилища находятся вертикальные плоские антропоморфные фигуры — это культовое символическое изображение божества, оно подобно оберегам, которые находились при въезде в греческие города. Надо отметить, что эти фигуры из Гросс Радена наряду со збручским идолом являются одними из немногих известных изображений божеств языческих славян.

В центре круглого вала после раскопок городища было обнаружено округлое углубление, которое могло быть либо колодцем (святой источник),

либо местом, где была укреплена стела — идол. Возникает мысль о сходстве «круглых деревень» и их возможной планировки с типом этого городища.

Музей Гросс Раден — не мертвое собрание вещей и построек. Он населен и живет своей жизнью. Здесь водится рыба, прогуливаются гуси, а в прудах плавают лебеди. На лугах Гросс Радена пасутся целые стада овец, которых, кстати, стригут, и вручную делают из их шерсти отличную пряжу. Вот и сегодня в последний сентябрьский день под по-настоящему жарким мекленбургским солнцем на очаге в огромных чанах варится кора дуба для окраски пряжи. К нам подходит женщина и предлагает приобрести продукцию музея: в ее корзинке всевозможные эфирные масла — лаванды, любистока, фенхеля, чесночное, укропное, масло хмеля и черного перца; ароматические букеты и саше из сухой лаванды, розы, бузины, а также полезный сок черной бузины.

Госпожа директор преподносит нам бутылки напитка «мет», который варят прямо здесь в музее по древнему славянскому рецепту, да книжку фантазий на тему славянских легенд современного автора Клауса Мартенса «Под вендским кровом» (Klaus Martens: Unter Wendischem Dach. Rostock, 2000).

Обратный путь в Ябельхайде выдался на редкость веселым. Мы явно больны. После настойчивой погони А.С. Мыльниковой за рудиментами фаллического культа на земле Ябельхайде мы в каждом предмете видим фаллический символ. Даже в моей прическе. А я и не знала, что ношу на голове фаллос! Плохи наши дела, а ведь прошел лишь один месяц. А в общем, наш улов на сегодня составил три бутылки медовухи и одна белого рейнского вина, две книги.

Вечером мы с Сашей пошли прогуляться в полях Мекленбурга. Наши наблюдения: здесь очень населено небо летающими объектами. Все пространство, которое может охватить глаз, пестреет мигающими огоньками самолетов. В России такого не увидишь. Я, наверное, нечасто оказывалась в Германии ночью в чистом поле. Нас приветствовали коровы: они здесь сразу направляются к человеку, но их тут же отпугивают электрические ограждения. Тогда коровы движутся вдоль них, прямо за нами и так сопровождают нас до конца поля. Ночь тихая, прохладная. Небо звездное. Засыпаем мы за полночь.

Из дневника Новика

Сегодня мы ездили в Гросс Раден (Groß Raden). Это музей под открытым небом в районе г. Шверина. Добраться туда можно только на машине. Ехать нужно от нашей деревни по направлению к Шверину, а затем на север. Дорога из Шверина до музея проходит по исключительно живописным

местам. Кругом холмы, поля, луга, небольшие лесочки. Леса в этих местах были высажены искусственно, и весь пейзаж спланирован. Все дело в том, что в этих районах Германии природные леса были вырублены практически полностью еще к началу XIX в. И уже тогда общество задумалось о частичном восстановлении лесных массивов. С XIX в. посаженные леса выросли и смотрятся весьма впечатляюще. Дорога от Шверина до Гросс Радена проходит по исключительно живописной местности. И сам археологический музей находится в красивейшем месте.

Прежде чем поехать в Гросс Раден, мы договорились с его директором госпожой Пильц. Нас уже ждали в музее.

Гросс Раден возник на месте старого славянского поселения, открытого немецкими археологами в 1970-х годах. Находки ученых были столь значительными, что было принято решение создать большой археологический музей. Во многом он был новаторским. Под открытым небом началось строительство грандиозного комплекса, имитирующего славянское поселение, существовавшее здесь до XI–XII вв. Гросс Раден представляет собой типичное славянское поселение севера Германии. Он расположен на небольшом острове на озере. Славяне предпочитали селиться в местах, со всех сторон окруженных водой. Это защищало их от внезапных набегов врагов.

С «большой землей» остров соединял деревянный мост, который в случае опасности перекрывали. На острове рядом с мостом был возведен так называемый мостовой дом из бревен, который прикрывал вход в славянское городище. Мостовые дома, частично или полностью стоящие на сваях, служили убежищем для охраны городища. Полностью функциональное предназначение подобных построек до сих пор не ясно. Однако такие дома возводили повсеместно. Нам доводилось встречать подобные постройки во время поездок по северу Германии. Так, на озере Мюритц (Müritz) мы видели и запечатлели на фото- и видеопленку отреставрированный старинный мостовой дом, превращенный в гостевой дом (Ferienwohnung). Этот стильный мини-отель покоится на сваях у края озера. Сделан он из неокрашенных бревен, которые потемнели. Окна и двери в постройке современные. Начинка и оснащение такого дома тоже соответствуют всем требованиям комфорта и удобства. Дом украшен ящиками с цветами и горшками с декоративными растениями. Поселиться в таком стильном доме у воды находится много желающих. В прошлом по берегам озера Мюритц также жили славяне. На озере Мюритц нет острова, и мостовой дом стоит прямо на берегу большого озера. Можно предположить, что возведение мостовых домов является продолжением славянской строительной и архитектурной традиции в этом регионе Германии. Главное, что местное население, с которым мы говорили о мостовых домах, воспринимает их как продолжение возведения традиционных славянских построек на данной территории.

Мостовой дом в Гросс Радене построен заново на том самом месте, где стоял мостовой дом во время пребывания славянского населения. Фундаментом для дома послужили деревянные сваи из дуба, которые сохранились с тех времен. То, что прохладные воды озера сберегли для нас строительные материалы старого славянского поселения, интересный факт. Бревна, сваи, строительные каркасы, которым уже более тысячи лет, как ни странно, хорошо сохранились в здешних водах и земле.

Реконструкция Гросс Радена выполнена весьма тщательно. Археологи провели масштабные раскопки. Они смогли восстановить план славянского поселения. По результатам их находок строители возвели новое поселение. От берега озера к острову ведет длинный деревянный мост на сваях. На обширной территории острова раскинулось само поселение. Оно представляет собой обширный посад, где жили и трудились люди. Отдельно располагается ремесленная зона. Здесь сосредоточены постройки, в которых располагались мастерские гончаров, обработчиков шерсти, ткачей, кузнецов и проч. Все постройки делятся на два типа. Это дома, сложенные из бревен, и дома, возведенные из плетня и обмазанные глиной.

Рядом с ремесленной зоной находится комплекс жилых домов. Они деревянные. Как правило, жилище славян представляло собой однокамерную постройку, в которой располагался очаг, служивший для обогрева помещения, а также для приготовления пищи. Все постройки возведены по определенному плану. Поселение в целом представляет собой довольно планомерную застройку территории острова.

Здесь же расположена общественная зона. В ней выделяется языческое святилище. Его археологи восстанавливали весьма тщательно. Это просторное помещение круглой формы, возведенное из вертикально установленных бревен. Полом святилища служила тщательно утрамбованная земля. В святилище ведет единственная дверь. Крыши у сооружения не было. Собиравшиеся для совместных религиозных ритуалов жители славянского городища должны были свободно общаться со своими божествами под открытым небом. Это было одним из главных правил поклонения языческим богам. Восстанавливая языческое святилище, строители вместе с археологами пошли на нарушение подлинности реконструкции. Над храмовой постройкой была возведена крыша. Крышу венчает языческий славянский символ — круг на подставке, вырезанный из деревянной доски. Круг символизирует солнце, которое обожествляли полабские славяне. Крыша была возведена с целью предохранить всю постройку от разрушительного воздействия окружающей среды. Дождь, снег, влажность и перепады температуры не пощадят бы не защищенные сверху деревянные стены. Крыша построена шатром и покоится на массивном столбе в центре. Экскурсоводы и научные сотрудники музея не скрывают от гостей Гросс Радена, что

крыша святилища нарушает главную идею самой постройки — культовый ритуал под открытым небом.

Полабские славяне были язычниками. Христианство они приняли под гнетом германских завоевателей. С началом христианизации началась постепенная ассимиляция славян немецким населением. Подчинение славянских земель германским феодалам происходило постепенно. Одним из первых начинаний новых владельцев было обращение славян-язычников в христианство. Далее следовало установление германских законов и правил. Потом происходили процессы языковой и культурной ассимиляции.

На острове имеется оборонительное сооружение. Оно находится позади жилого посада. Оборонительный комплекс представляет собой высокий насыпанный из земли вал почти круглой формы. По верху вала установлен частокол из заостренных сверху бревен. Подобные укрепления были характерны для славянских укреплений. Посередине круглой насыпи с частоколом располагается просторная площадка на уровне поверхности острова. Теперь посередине площадки, заросшей травой, установили высокий деревянный столб с изображением языческого божества. Это новодел. Археологам неизвестно, что находилось в центре оборонительного комплекса во времена славян. С внутренней стороны частокола располагается узкая дорожка, по которой было удобно пробегать обороняющимся от одного места боя к другому. Оборонительный комплекс отделен от жилого посада прорытым рвом. Он стоит на искусственном острове, отгороженном от основного острова. Когда жители славянского поселения чувствовали опасность, все от мала до велика устремлялись на земляной вал за спасительный частокол. Ворота накрепко закрывали, а все мужское население принимало участие в круговой обороне укрепления.

Враг, который совершал набег на поселение, практически не мог принять атаку незамеченным. С острова местным жителям хорошо были видны леса и поляны по берегам озера. При виде приближающегося врага били тревогу. Все население острова устремлялось из жилых домов и ремесленных мастерских в укрепленную часть острова. Если атаковала небольшая группа нападавших, оказывали сопротивление прямо у моста, ведущего на остров. Если силы противника значительно превосходили население славянского городища, то все без исключения прятались за частоколом на вершине насыпи. Враг преодолевал мост, ведущий к острову, затем через жилую зону достигал канала, отделявшего остров от той его части, где находилось оборонительное укрепление. Ему предстояло преодолеть под стрелами осажденных узкий мост, защищенный мостовым домом. И лишь в случае удачи нападавшим предстояло взбираться на высокую насыпь, защищенную частоколом. Дороги к воротам не было. Туда вела лишь узкая крутая тропинка, по которой легко было бежать людям налегке и так трудно

идти вооруженным воинам. Требовались большие силы, чтобы взять штурмом данное укрепление. У осажденных, как правило, были припасены для обороны камни, стрелы, копья. Врагов встречал шквал разящего оружия. На случай неожиданного нападения славяне держали в укреплении питьевую воду и съестные припасы. Было несколько потайных ходов, чтобы выбираться незамеченными из укрепления.

Характер славянского поселения говорит о том, что его жители готовились к обороне, а не к нападению на соседей. Века, в которые протекала жизнь в Гросс Радене, были отмечены экспансией германских соседей и круговой обороной полабских славян. Подобные городища были разбросаны по всей Северной Германии в районе Эльбы. Времени полного подчинения славянского населения германским правителям предшествовал длительный этап отстаивания своей независимости. Лишь после того как германские силы стали значительно многочисленнее и более хорошо вооруженными, им удалось сломить сопротивление славян.

Среди хозяйственных занятий местного населения преобладало овцеводство. Местные земли удобны для разведения мелкого рогатого скота. Мягкий климат и достаточная влажность обеспечивают сочные травы и растительность круглый год. Славяне разводили овец с целью получения мяса, молока, шерсти, кож и др. продуктов скотоводства. Нынешний директор музея госпожа Пильц купила на собственные средства несколько овец, и они теперь пасутся на музейных пастбищах.

Среди экспонатов музея много предметов относится к сфере овцеводства и обработки шерсти. В одном из восстановленных домов экспозиция посвящена именно занятиям по обработке шерсти. Славяне не только стригли, обрабатывали шерсть и ткали всевозможные ткани из нее. Им было хорошо известно производство войлока. Из войлока делали всевозможные покрывала, ковры, шили различные детали одежды. Как правило, войлок был белого цвета. Сырье для него давали белые овцы (именно они преобладали у славян). Чтобы нанести на войлок полихромные орнаменты, использовали всевозможные красители растительного происхождения. Судя по всему, славянам были известны и красители из минерального сырья. Однако растительные краски преобладали. Сейчас сотрудники Гросс Радена проводят большую работу по выяснению секретов окраски тканей и нетканого текстиля у полабских славян. Ученые пытаются восстановить рецепты изготовления старинных красителей. На территории музея под открытым небом установлены многочисленные чаны с разнообразными травами. На костре, как в старину, из всевозможного растительного сырья пытаются получить красители самой широкой цветовой гаммы — от бледно-сливочного до насыщено-черного. Для изготовления красителей сотрудники собирают различные травы, почки и листья деревьев и кустарников, кору, цветы и плоды.

Используя сырье в чистом виде или комбинируя его, пытаются получить красители как можно более широкой цветовой гаммы.

По всему острову клубится дым от костров, на которых в чанах кипит варево из растительного сырья и воды. Затем в краситель опускают ткань для окраски, либо краску наносят на ткань либо войлок. Показываемые в Гросс Радене образцы войлока и тканей дают представление о производстве текстиля у славян в прошлом.

В Гросс Радене археологам удалось найти лишь фрагменты костюмов старого славянского населения. Ни целого комплекса, ни сохранившихся деталей до наших дней не дошло. Поэтому перед сотрудниками музея стоит сложная задача реконструкции одежды той эпохи. Понятно, что подобная реконструкция при отсутствии артефактов может служить лишь для заполнения своеобразной лакуны при работе с экскурсантами. Но здесь важен другой факт. Пытаясь восстановить славянский костюм VII–XI вв., немецкие коллеги используют материалы по русскому костюму той же самой либо более поздней эпохи. В качестве образца берется костюм не более близких славянских соседей, как, скажем, поляков, а именно русских. С первого взгляда это может показаться парадоксальным. Ведь скорее всего костюм полабских славян мог иметь много общего с костюмом ближайших соседей. Однако рациональное зерно в таком подходе есть. Полабские славяне находились на периферии славянского мира, точнее на его крайних западных рубежах. Они жили непосредственно бок о бок со своими германскими соседями. А потому все славянское, служившее яркой маркой этнической принадлежности, судя по всему, сохранялось дольше, чем у других этнических групп славян, которые жили в славянском окружении и для которых придерживаться всего собственно этнического не являлось столь принципиальным — это не размывало их самосознания и общности, а также не грозило привести к утрате этнической идентичности. Русские, находясь на другом крае славянского мира, на его восточных рубежах, также тесно соприкасались со своими неславянскими соседями. А потому поддержание и сохранения традиций у них также могло принимать гипертрофированный вид.

Так или иначе, сотрудники Гросс Радена, желая расширить экспозицию, обращаются к русским источникам и материалам. В работе немецкие археологи и историки консультируются с польскими коллегами. Но учитывают в первую очередь работы российских ученых.

Одним из важнейших хозяйственных занятий полабских славян было рыболовство. Об этом говорят данные археологии, свидетельствуют различные источники. Славяне всегда селились рядом с крупными водоемами — реками либо озерами. Рыба и рыбопродукты служили важной статьей доходов в торговле и обмене с соседними племенами. По данным, которыми располагают сотрудники музея, германские насельники региона в меньшей

степени занимались рыбной ловлей. В целом славяне зачастую были потомственными рыболовами. Это касалось всего обширного региона Северной Германии. По воспоминаниям очевидцев, еще в XVIII в. в Берлине на реке Шпрее удили рыбу. И рыбаками, занимавшимися этим профессионально, были местные славяне.

У полабских славян был высоко развит культ речных и озерных божеств. Долго среди славян почитали морского бога, а после крещения особым почитанием отмечали апостола Петра, который, как здесь считали, покровительствовал всем рыбакам и мореплавателям. Следы такого особого почитания апостола Петра можно увидеть по многочисленным изображениям петуха. Петух считается символом Петра. И изображения петуха можно увидеть на шпилях многочисленных кирх, на украшениях фасадов домов, подворий, в многочисленной мелкой пластике, повсеместно встречающихся в Северной Германии. Для других районов страны это не столь характерно. А потому мы можем говорить о возможной связи поклонения морской и водной стихии у славян и о позднейшем развитии культе святого Петра в этом регионе.

Значительное место среди занятий занимало борничество и разведение пчел. Полабские славяне повсеместно славились этим занятием. О развитии пчеловодства в прошлом говорят и данные археологии. В музее Гросс Раден часть экспозиции также посвящена теме разведения пчел. Работники музея наладили пасеку и производство меда. Гости музея могут свободно купить мед, который собирают музейные пчелы на месте бывшего славянского поселения. Также налажен выпуск алкогольного напитка — меда. Мет (Met) продается в музейных магазинах в стандартных стеклянных и подарочных керамических бутылках. Его производят уже фабрично и по произвольно придуманному рецепту. Каким был мед у полабских славян, доподлинно неизвестно. Современный мед имеет крепость 13 °С. Это прозрачный слабоалкогольный напиток насыщенного желто-оранжевого цвета. Несмотря на высокую цену, напиток находит неизменный спрос среди посетителей музея.

Для гостей музея сотрудники предлагают разные виды отдыха. Каждый посетитель Гросс Радена может представить себя славянином X в. Любой желающий может попытаться прясть шерсть с помощью деревянной прялки и глиняного веретена. Я тоже попытался прясть, и у меня это хорошо получалось.

Под присмотром служащих музея можно попробовать свои силы в различных видах рукоделия. Прядение шерсти — одно из наиболее легких занятий. Вы берете пучок шерсти, ссучиваете нить и с помощью примитивного веретена, такого же, какие были в большом количестве найдены археологами, прядете шерстяную нить необходимой вам толщины. Вначале получается толстая нить. Затем ваше мастерство растет прямо на глазах. И вы можете добиться прядения нити необходимой толщины.

Полабские славяне были умелыми гончарами. Они умело обращались с гончарным кругом. Лепили всевозможные изделия. Одна из построек Гросс Радена знакомит нас с навыками гончарного производства. В целом развитие гончарного производства у славянских племен зависело от наличия залежей глины в районе проживания. Природные ресурсы играли в данном производстве ключевую роль.

Левый от главного входа на Гросс Раден сектор представлял собой общественную часть поселения. Здесь проводились собрания, проходили обсуждения жизненно важных для всех проблем, принимались судьбоносные решения. Сейчас работники музея устроили в данной части острова зону общепита. Как и в прошлом, здесь построена по старинному образцу печь. Это примитивная печь, в которой пекут лепешки. Здесь же установлен котел, в котором варят «славянскую» похлебку. Все желающие могут за соответствующую плату отведать блюда «славянской» кухни. Как правило, все посетители музея под открытым небом не пренебрегают случаем приобрести к исторической кухне в древнем поселении.

На острове и в округе собирают различные травы и корни. Часть из них идет на производство красителей, другая же часть используется в народной медицине. Тема целительства стала весьма популярной в последние годы в Германии. Кругом в Гросс Радене можно увидеть подвешенные в тени пучки трав и цветов. В многочисленных котлах кипят корни. Создается впечатление реально продолжающейся исторической жизни на месте бывшего славянского поселения. При этом сотрудникам музея удалось добиться впечатления не китча, созданного на потеху публики, а исторического места, научно воссозданного и заботливо развиваемого.

Район Гросс Радена — экологически чистое место. Поблизости нет никаких производств. На самом острове пахнет свежескошенной травой. На озере плавают утки, белоснежные лебеди. Буколическую картину музея под открытым небом в день нашего пребывания дополняла чудесная солнечная погода. Температура воздуха днем была + 26 °С. Когда мы отправились с острова на «большую землю», посмотрели в загоне на лосей, которых держат здесь ради туристов. У музея на балансе один лось и две лосихи, которых содержат в специально построенном вольере. Животных можно кормить. Они привыкли к людям.

После посещения музея нас приняла у себя в кабинете его директор госпожа Пильц. Она подарила нам сувениры. В их числе матерчатые сумки с изображением Гросс Радена и по бутылке меда — местного алкогольного напитка.

Завтра в Гросс Радене будет проходить большой праздник — день урожая. Сюда съедутся гости со всей земли Мекленбург–Передняя Померания, а также из других регионов. Директор музея очень приглашала нас при-

ехать. Отмечание осеннего праздника в Гросс Радене — это новая традиция, установившаяся лишь в последние годы. До этого праздник отмечали в различных деревнях. Теперь многие, в том числе официальные лица, стараются приехать на праздник именно в Гросс Раден. По мнению большинства, традиционные праздники необходимо отмечать в исторических местах с особой аурой. Гросс Раден воспринимается многими местными жителями как важнейший исторический центр северной части Германии.

Разговор у нас с директором музея зашел о бане. Археологи во время комплексных раскопок не нашли помещения бани. Никаких сведений о том, как мылись полабские славяне, нет. Скорее всего института бани, такого как у восточных славян, у полабских славян не существовало. Германцы также не строили бань, а мылись очень редко в хозяйственных либо жилых помещениях.

Весь наш визит в Гросс Раден я снимал на видео пленку.

Уезжали из музея мы ближе к вечеру. Это был интересный и насыщенный событиями день. Нам словно удалось побывать в славянском поселении, совершив поездку в прошлое, на десять веков назад.

Из дневника Мыльников

Утром ясная погода, но, судя по русским народным приметам, во второй половине дня возможен дождь. Сегодня намечено посетить историко-археологический заповедник *Gross Raden*, а по пути вновь навестить **Вендта** — что и осуществили. Когда мы были у него, он подарил книгу «Этнография Мекленбурга», изданную при его авторском участии еще в ГДР и не утратившую научной ценности. При этом он сказал: «Александр, дарю тебе эту книгу, пусть она будет в твоей библиотеке, а потом перейдет в Кунсткамеру». Я поблагодарил, но сказал, что эта книга нужна всем участникам экспедиции, а потому будет находиться в Отделе. Кроме того, он подарил кассету с записью музыки Мекленбурга. Дружески распрошавшись, мы наконец прибыли в заповедник. Я был там впервые в 1998 г. — туда меня отвез на своей машине все тот же Ральф Вендт, причем в *выходной день* (в Германии это проявление исключительного гостеприимства). Он тогда сказал, что я обязательно должен побывать в этом своеобразном музее. Теперь я говорил то же моим спутникам. Нас радушно встретила директриса **Heike Pilz**, с которой я уже был знаком. О Гросс Радене существует довольно значительная научная и туристическая литература. Музей был организован Академией наук ГДР, научный куратор — видный немецкий археолог и историк культуры академик **Joachim Herrmann**. Уникальность музея в том, что он создан на базе археологических раскопок славянского городища IX–X вв., в котором венды жили примерно до XIII в. При реконструкции укрепления и посада были исполь-

зованы и деревянные детали, обнаруженные при раскопке. Судя по данным археологов, здесь было и языческое капище. Оно реконструировано, причем в целях сохранности покрыто кровлей, хотя в языческие времена ее не было, т.к. крышей считалось небо. Саша заснял на камеру основные объекты. Хочу отметить наличие в посадке трех типов построек: мазанки (переплетенные прутья, обмазанные глиной); бревенчатые срубы (совершенно такие, которые сохранились у нас); срубные постройки в воде на бревенчатых сваях, вбитых в дно (видимо, сторожевые посты). Я задал г-же Пильц вопрос, который давно меня занимал: известны ли образцы одежды вендов и не обнаруживаются ли они в раскопках? Она подтвердила, что образцы отсутствуют, сохранились лишь кусочки древней ткани, но о ее цвете и о крое судить весьма сложно. На прощание в дирекции нам устроили скромный дружеский прием (кофе без всякого кондитерского сопровождения + в подарок керамические бутылки с надписью «Мет», т.е. медовуха, сваренная по старинным немецким рецептам). Пильц очень просила еще раз заехать к ним, что мы и обещали.

В предшествующих записях я забыл упомянуть, что в преддверии праздников урожая в разных деревнях на дорогах из свернутого в рулоны сена устанавливают своего рода огромные матрешки с подобием глаз, рта, носа и платка на голове. После проведения праздника их убирают и используют по прямому назначению. По рекомендации Вендта созвонился с пожилым шверинским профессором по имени **Horst Keiling**. Он признанный специалист по местной археологии и истории культуры, включая проблемы фаллического культа у германцев и вендов. Размышляя об увиденном ранее, я подумал о том, что шверинский замок, резиденция самой древней германской династии славянского происхождения (ее основоположником считается ободритский князь Никлот, хотя в действительности она древнее), сооружена на острове здешнего большого озера. Это пример славянской оборонительной (не наступательной!) тактики, возможно, замок возводился на месте более раннего городища. Кажется, археологические данные последних лет подтверждают это. Также до сих пор применяемые камышовые крыши считаются славянской строительной практикой.

Фотодневник

F-4. В-36 Этнопарк Гросс Раден. Восстановленные срубные дома славян. На огне варится древесная кора для окраски шерстяной пряжи.

F-4. В-37 Этнопарк Гросс Раден. На славянском подворье. Деревянные навесы — хозяйственные помещения.

F-5. В-1 Этнопарк Гросс Раден. Срубный дом № 2. Размер 5,8 × 3,4 м. Срубные дома в музее были восстановлены по материалам раскопок. Сруб считался основной техникой строительства у славянских племен.

F-5. В-2 Этнопарк Гросс Раден. Дом, где находилась мельница. Стены дома плетеные. Такая техника строительства известна с раннего средневековья.

F-5. В-3 Этнопарк Гросс Раден. Дом с плетеными стенами № 11.

F-5. В-4 Этнопарк Гросс Раден. Древнеславянский храм IX в. Вероятно, на его месте находилась не постройка, а лишь священная роща. Крыши у храма не было, строители возвели ее для лучшей сохранности помещения и защиты от дождя.

F-5. В-5 Этнопарк Гросс Раден. Улица из жилых глинобитных домов с соломенными крышами. В каждом из домов теперь находятся экспозиции, посвященные различным промыслам и домашним ремеслам славян. Соломенные крыши воссоздавались польскими мастерами. Руководство музея посчитало приглашение их символическим шагом: древнеславянскую крепость должны возродить славянские мастера.

F-5. В-6 Этнопарк Гросс Раден. Древнеславянский храм IX в. Ограда и стены храма выполнены из деревянных досок с характерным округлым завершением, которое напоминает антропоморфную фигуру. Именно такие фигуры были найдены при раскопках Гросс Радена: они — одни из немногих изображений, относящихся к древнеславянскому язычеству и считаются теперь символом этого музея-славянской крепости.

F-5. В-7 Этнопарк Гросс Раден. Вид с моста на деревню и рыбачьи сети.

F-5. В-8 Этнопарк Гросс Раден. Рыбачья ладья, восстановленная по образцу лодки, найденной Фридрихом Лампе в раскопках в деревне Ральсвик (Рюген), в озере парка.

F-5. В-9 Гросс Раден. Крепостное сооружение и фигура божества в центре круглого вала. Примерно так можно было представить себе внутреннюю часть крепостного вала. Руководитель музея сообщила, что при раскопках городища в центре площади, огороженной круглым валом, было обнаружено углубление, которое могло быть либо колодцем или источником, либо основанием подобной стелы. Несомненно лишь одно: за стенами крепости укрывались жители во время военной опасности.

F-5. В-10 Гросс Раден. Вид с крепостного вала на деревню.

F-5. В-11 Гросс Раден. В пруду музея живут лебеди, утки, гуси. Музей — не мертвая экспозиция вещей; сотрудники постарались вдохнуть жизнь в этот этнопарк: здесь пекут хлеб, пасут овец, прядут и красят шерсть, варят мед. Так устроители музея видят основу музейной педагогики.

F-5. В-12 Гросс Раден. Хлебные печи.

F-5. В-13 Гросс Раден. Основание оригинального сруба и надвратная башня.

30 сентября, суббота

Из дневника Ивановой

Отвезли Хайко Бекманна в Людвигслуст и пригласили Вольфганга Хеннинга на обед, который продлился три часа. Подавали жареные грибы, которые мы с Машей набрали в окрестных лесах накануне, запеченного цыпленка с картофелем и греческий салат. В Германии он называется «салат с паприкой». Затем от Вольфганга поступило приглашение на гриль, и мы отправились в Лоозен. Здесь было много народа — семья Трампе, с которой я сильно подружилась, несколько пожилых домочадцев и соседей. Мы до темноты беседовали, веселились, пили шнапс, пиво и вина, танцевали и объедались традиционным домашним картофельным салатом и жареным на решетке мясом во дворе Хеннинга-Трампе в Лоозене.

Рецепт картофельного салата по-домашнему, который готовят в каждой немецкой семье: картофель, отваренный в мундире, нарезанный кубиками; колбасный салат (готовый), грибы (шампиньоны), маринованные огурцы; рубленая петрушка, перец и соль. Заправка: легкий майонез и один растертый яичный желток.

Позже Вольфганг отвез коллег домой в Лаупин, и мы с ним еще долго, до четырех часов утра, у практически погасшего костра обсуждали проблемы национализма и немецкие преступления второй мировой войны. Костер, кстати, представлял собой несколько углей, сиротливо сложенных на бетонном настиле.

Дом в Лоозене (Am Dorfteich 2) принадлежит Хеннингу, сейчас он состоит из нескольких «квартир», но изначально это нижненемецкий дом-двор «*халленхаус*». Хозяйственное помещение *диле* ныне переоборудовано в сарай и одновременно гараж для трактора и машин. Этот дом полностью построен из кирпича в конце XIX в., поэтому сообразно тогдашним канонам бывшая жилая часть дома обращена на улицу — так называемый *вердерхаус*. Теперь здесь расположена квартира семьи Трампе: спальня, гостиная, кухня и ванная комната с широкой прихожей. На другой стороне дома — той, что раньше служила хлевом, — живет мать Ирене Трампе, которой сейчас уже 76 лет. Родом она не из Лоозена, переехала в эти места в молодости из области Дёмитца. Кроме этих жильцов в доме имеет квартиру гомосексуальный брат Вольфганга, но в настоящий момент он разъезжает где-то в окрестностях Гарца. В верхнем этаже, где раньше прямо под крышей располагались амбарные помещения для хранения зерна в крестьянском доме, Вольфгангу отделяют небольшие по размерам, но дорогие по обстановке апартаменты. Пока в его квартире нет современного туалета, он (и его гости — мы то есть) ходят на улицу в небольшой кирпичный домик со всеми атрибутами

российского деревенского отхожего места. Внутренние стены туалета побелены известкой, отчего сильно напоминают туалеты на Украине.

Ночевать осталась в доме Трампе, постелили в гостиной, рядом со спальней хозяев.

Из дневника Новика

Сегодня к нам в гости приехал Вольфганг Хеннинг (Wolfgang Henning). Это наш знакомый из Гамбурга, владелец дома в Лоозене. Мы пригласили его пообедать. Он приехал к 11.00 утра. Время совершенно не подходящее для визитов в России и вполне приемлемое здесь, в Германии.

Нам здесь часто приходится принимать гостей. Все с удовольствием у нас бывают. Вообще, приглашать в гости в Германии принято. Бытует мнение, что чаще люди ходят для совместных трапез куда-нибудь в ресторан или кафе. Здесь, в провинции, домашние приемы также популярны, как и в России. Готовлю для гостей я сам. Так уж разделились наши домашние обязанности. Мне все приготовления доставляют радость. В любом случае, это необременительно.

Условия в доме располагают к приемам. Хорошо оборудованная кухня, удобная столовая, все под рукой.

К визиту Вольфганга я приготовил курицу, запеченную с картофелем в духовке. Гостю наша еда понравилась. Очищенный цельный картофель, разложенный на противне вместе с курицей, запекся весьма удачно. Гость спросил, как мы это готовили, и сказал, что возьмет рецепт себе на заметку. На обед пили вино. Вино было дешевым и ординарным — в пакетах. Вольфганг его обычно никогда не пьет. В Германии велики статусные различия в потреблении напитков, как и во всех прочих сторонах жизни. Вино ему понравилось. Он сказал, что зря имел предубеждения на его счет.

После обеда он пригласил нас к себе.

Лоозен — одна из любимых наших деревень в округе. Дом у Вольфганга большой. Он купил его несколько лет назад. Старый крестьянский дом новый хозяин разделил на несколько частей. В одной части дома оставил жилище для себя. А весь остальной дом поделил на несколько секторов и сдает их теперь внаем. Так, под одной крышей живет несколько семей.

В жилой части хозяина еще продолжается ремонт. Поэтому нас внутрь не пригласили. А предложили посидеть в беседке. Беседка устроена во дворе дома, с той его стороны, где находится вход в жилье хозяина. Беседка огорожена оградой. Внутри стоят кресла с цветастыми матрасами и столик. Вокруг много зелени и цветов. Хозяин принес хорошее вино и конфеты «Niegeerkuss» («Поцелуй негра»). Подобные названия весьма в немецком вкусе. Конфеты представляют собой белое суфле в темном шоколаде. Немецкий

юмор специфичен. На стол хозяин подал дорогие хрустальные бокалы, качественный баварский фарфор. Даже одинокий мужчина следит за хозяйственной стороной жизни. То, что в России считается подчас мешанством и чему, как правило, не все придают значения, в Германии весьма обдуманно и уважается.

Мы много курили и разговаривали. Когда мы сидели в беседке, сосед, владеющий домом рядом, подошел поближе к изгороди Вольфганга и стал косить газонокосилкой траву. У соседа и Вольфганга плохие отношения. И они стараются из всех сил досадить друг другу. Сосед нарушал правила приличия не только тем, что мешал нам разговаривать. В Германии в это время вообще не принято шуметь. С 13.00 по 15.00 — обеденное и послеобеденное время. Люди могут отдыхать. И нарушать их покой считается верхом неприличия. Вольфганг в отместку стал дразнить собаку соседа, которая зашла в лае. Отношения солидных бюргеров вполне такие же, как и среди наших повздоривших соотечественников.

У Вольфганга еще не сделана ванная и туалетная комнаты. А потому туалет устроен на улице. Это был единственный случай за все время нашего пребывания в Германии, когда мы ходили в сельской местности в туалет на улице. Сооружение представляло собой будку с единственной дверью и небольшим оконцем. Внутри был поставлен унитаз. Смыть нужно было водой из ведра, которое наполняли в доме. Интересно, но стульчак унитаза был из древесины дуба. Раз уж в деревне — то надо соблюсти деревенский стиль во всем. Во многих домах в Германии я также встречал деревянные стульчаки унитазов. Дерево немцы любят и всячески используют его в оформлении интерьера. Где-нибудь в Средиземноморье встретишь такие предметы интерьера вряд ли удастся.

Мы долго беседовали. А вечером хозяин устроил шашлыки. В Германии подобные мероприятия на открытом воздухе называются *гриль*. Чтобы разжечь во дворе собственного дома костер, необходимо заранее предупредить бургомистра. Иначе пожарные, увидев с наблюдательной башни дым, срочно вышлют бригаду на тушение пожара. Правило предупреждать власти о предстоящем празднестве все соблюдают неукоснительно.

Гриль был устроен во дворе дома, с противоположной от улицы стороны. Все мероприятие Вольфганг проводил совместно с соседями. Они сообща купили продукты и спиртное. Женщины нарезали салаты. Мужчины помогали в приготовлении мяса. Сам хозяин участвовал во всем и следил за всем. Во время праздника различий между владельцем дома и его квартирантами не наблюдалось. Похоже, между ними хорошие отношения. Все друг с другом на «ты». Вместе собраться и выпить скорее в правилах.

Гриль делали из мяса, бекона, курицы. Также поджаривали на костре длинные и малые колбаски. К столу подавали картофельный салат, свежие

огурцы, помидоры, сыр, виноград. Из алкогольных напитков был шнапс (32 %), ликер «Jägermeister» (со вкусом целебных трав). Застолье было очень хорошим и веселым. Когда долго не разгорался костер, на дрова вылили немного солярки. Разгоревшиеся поленья пылали долго. Огонь поддерживали до глубокого вечера. Гриль не всегда получался удачным. Иногда мясо вовремя не снимали, и оно подугливалось.

В середине вечера все пошли танцевать. Плясали в основном народные танцы под магнитофонные записи. Веселье было бурным. Все жильцы в доме Вольфганга работают в сельском хозяйстве. Своего жилья у них нет. Поэтому они вынуждены снимать квартиры. Работают наемными рабочими в различных хозяйствах. Жизнью довольны. Присутствующие мужчины и их жены весьма полные, круглолицые. Говорят, что любят поесть. Мужчины сказали, что им и женщины нравятся полные. Иначе не интересно.

После того как все наелись, стали ради развлечения подбрасывать дрова в костер. Беседовали на разные темы. Мы уточнили некоторые рецепты. Картофельный салат, который был в большом количестве на столе, обильно заправляют крупно растертым черным перцем. Такое угощение традиционно в Мекленбурге.

Выпили все очень много. При этом напитки смешивали, а не соблюдали каких-то правил. Для всех немцев вечер был необычным, так как они впервые устраивали застолье вместе с русскими. В конце вечера пошли разговоры «по душам». Вольфганг сказал Юлии, что немцы очень виноваты перед русскими за то, что они натворили в годы второй мировой войны. Говорил искренне и даже плакал. С подобными настроениями и беседами часто сталкиваешься в современной Германии.

Уже за полночь Вольфганг отвез нас на машине домой. Юлия еще оставалась с гостями. В Германии дозволяется немного выпивать алкогольных напитков при вождении автомобиля. Однако зачастую многие эту дозу «немного» завьшают.

Совместное застолье с немецкими крестьянами нам очень понравилось. В такие моменты можно хорошо прочувствовать душу народа. Мы договорились о предстоящих интервью. Работа все же для нас здесь — главное.

Из дневника Мыльников

Около 11 часов заехал Хеннинг, мы угостили его обедом, приготовленным Сашей при Юлином участии (я перешел на собственное диетическое самообеспечение), после этого отправились к нему в *Лоозен*. Это было интересно этнографически. Сперва сидели в обязательной здесь беседке (стены из кустов или специально посаженных вокруг деревьев), пили вино (все они) и минералку (один я). Погода отменная. Тем временем квартиранты

нашего хозяина стали устанавливать буквой «Г» на бетонированной площадке у гаража (он представляет собой бывшее Diele) дощатые и прочие столы и стулья. Подали картофельный салат с кусками грильованного тут же на двух таганах мяса (Dorfbauerfleisch, свинина, курятина), салат из помидоров и огурцов, виноград, сыр. Напитки: сладкий и крепкий ликер «Jägermeister», минеральная вода. Общий разговор, шутки, тосты. Я впервые видел нормальную еду без острых приправ и добавок, мясо, не жаренное на прогорклom жире — все, что обычно бывает в городских едальнях. Под столами бродили три огромных кота, которым бросали, к их удовольствию, вкусные объедки. Постепенно темнело, и тогда мужчины решили соорудить костер — мы натаскали отовсюду сучья, поленья, мелкие дровяные отходы. Обычай устраивать открытый огонь на Пасху считается славянским. Теперь его исполнили в нашу честь. Оказывается, специального разрешения на разжигание костра не надо, но организатор обязан предупредить о затее бургомистра деревни. Один из квартирантов (он работает на верфи) представил мне свою 10-летнюю дочь, я прочитал ей стихотворение Гейне «Mein Kind, wir waren Kinder» — учили его в советской школе, чуть ли не в годы войны, здесь его не знают.

1 октября, воскресенье

Из дневника Мыльников

С утра солнечная, но ветреная погода. С 10 до 12 мы на празднике урожая в деревне *Tewswoos*. Внешне он организован, как и в деревне *Лоозен*, но участников меньше и помещение скромнее: натянут большой тент. Украшенных повозок, запряженных в трактора, не видно. Играет духовой оркестр, пьют пиво, сидя за столами на длинных скамьях. Поначалу наше появление вызвало некую настороженность: кто такие эти чужаки? Поэтому какое-то время сидим одиноко. Вскоре к нам подсел все тот же вездесущий Хеннинг, который знал, что мы сюда приедем. После этого к нам подходили многие, угощали пивом, приглашали за другие столы, расспрашивали о нашей работе. Я вышел на короткое время, чтобы осмотреть небольшую ярмарочку, расположившуюся около тента. Любопытства ради купил лотерейный билет, но, конечно, ничего не выиграл. Тем не менее на всю нашу братию купил конфет. Продавец поинтересовался, откуда мы приехали. Узнав, что из Петербурга, он бесплатно(!) угостил мороженым и с удовольствием вспоминал время, когда занимался снабжением советских войск в ГДР. Среди наших собеседников выделялся **Christian Reimer**, пригласивший нас заглянуть на днях к нему. Он в этой деревне человек значимый, поскольку является владельцем небольшого деревообрабатывающего предприятия, на котором заняты 24 рабочих. Обязательно воспользуемся приглашением.

Пока же Хеннинг пригласил нас к 14 часам к себе в *Лоозен* на чашку кофе, сказал, что придет его мать. К вечеру повез нас на *Müritzsee* — одно из мест длительного жительство вендов. Это отразилось не только в топонимике, но и в материальной сфере. Например, в Клинке и Зитове многие дома крыты камышом (*Reetdach*). В *Зитове* (*Sitow*) видел дом, стоящий в воде на сваях — как на раскопках в Гросс Радене. На обратном пути миновали *Alt-Schwerin*. Я поинтересовался, имеет ли он отношение к нынешнему Шверину? Нет, это разные, между собой происхождением не связанные города. Но наличие в названии слова *Alt* позволяет думать, что город был славянским. В ходе этой поездки я еще раз обращался к толкованию слова *Bauer*. За всю Германию не отвечаю, но в этих местах оно имеет два значения: 1) все деревенское население, занимающееся сельским хозяйством и 2) только богатые крестьяне, владельцы гуф. Домой вернулись к 22 часам.

Из дневника Ивановой

Хорошо проведенный день вчера — тяжелое утро сегодня. Помятая Ирене медленно вышла из спальни и показала мне свой бар — вчера еще он был полон, и она не могла сосчитать точно, сколько же мы выпили. Вольфганг, тоже помятый, позавтракав одним стаканом йогурта, такой же удивительно бодрый и живой, как все мы, отвозит меня в Лаупин домой. Сегодня, несмотря на тяжелое утро, придется переодеться и ехать в Тевсвоос, потому что там сегодня празднуют *дорффест*.

К празднику заранее приглашают афиши, гласящие: «В деревне Тевсвоос состоится Деревенский праздник в воскресенье, 1 октября 2000 г., в 12 часов.» Праздник проводится на спортплощадке деревни, на выезде в направлении дер. Альт Ябель. На футбольном поле разместили пластиковую палатку-ангар, несколько передвижных лотков, ларьков, тир, призовые аттракционы и карусели. Они предназначены главным образом для детей и подростков, тогда как взрослые и пожилые члены общины собираются за столами внутри палатки. Там оборудована сцена, настлан деревянный пол, поставлены деревянные скамьи и столы. В противоположном конце палатки находится бар. Можно приобрести пиво, шнапс, сигареты, сладости и лимонад.

На деревенский праздник приглашается пожарный духовой оркестр (тот же, что был в Лоозене на Празднике урожая). Музыка, мелодии 1930-х годов, танцы, общение с соседями и друзьями, сопровождаемое традиционным местным пивом, составляют основу праздничных действий. При этом за одним столом собираются члены одной семьи, их непосредственные соседи и друзья. Часто люди переходят от одного стола к другому, чтобы поприветствовать знакомых и побеседовать с ними. Молодежь сидит за отдельным столом. Таким образом, все члены общины знают друг друга и все присутствующие на Деревенском празднике знакомы. Это особенно проявилось в реакции многих присутствующих на появление не известных им лиц: члены экспедиции были единственными «чужаками» и были сразу замечены, вызвали интерес, который привел к тому, что в конце праздника к нам подсел один из жителей деревни, представился, разговорился и предложил угощение.

Праздник продолжается до 14–15 часов, т. е. до полдника (традиционного «Kaffeezeit»), после чего палатку сворачивают, увозят карусели и аттракционы.

Здесь совершенно неожиданно нарисовался Вольфганг, который и увозит нас после к себе на кофе. А после кофе и теплой беседы с большими после вчера головами мы едем в Мальхов и Мюритц, на Мекленбургские озера.

Из дневника Новика

Сегодня мы поехали в д. Тевсвоос (Tewswos) на сельский праздник. Здесь этот праздник называют Dorffest (Деревенский праздник). Он также приурочен к завершению сбора урожая. Задолго до его начала различные рекламные вывески в округе предупреждали, когда и где он состоится.

Праздник в деревне Тевсвоос отмечают в центре, на свободной площади. Специально для праздника специализирующаяся на организации всевозможных торжеств фирма из Людвигслюста привезла огромных размеров палатку. Еще рано утром все было установлено для проведения праздника. Сборная палатка может вместить несколько сотен человек. Внутри палатки соорудили сборную сцену. На ней сидел оркестр. Все оркестранты были в форме (форма отличалась от той, в которой были музыканты во время праздника в деревне Лоозен).

В палатке перед оркестром было оставлено свободное место для танцующих. Все остальное пространство было занято длинными столами и скамейками. Здесь же в палатке шла бойкая торговля едой и пивом. Все проходящие заказывали пиво, что-нибудь из еды и усаживались на свободные места. Старались подсесть к хорошо знакомым.

Мероприятие началось очень рано. Мы приехали к 10.00 утра, но в палатке уже было много выпивших сельчан. Оркестр играл в основном народные мелодии. Многие танцевали парами, иногда выходили группами. Но часто танцплощадка оставалась пустой. Народ сидел и глазел друг на друга. Специального ведущего праздника не было.

Я много снимал на видеокамеру. Несколько раз сыграли так полюбившуюся мне «Роземунду». Сидящие за столом люди часто под звуки музыки обнимали друг друга за плечи и волнообразно раскачивались в такт. Подобные сцены часто приходится наблюдать в Германии во время праздников либо в пивных. Думаю, что это сплачивает немецкую нацию. При всей свободе и индивидуализме современного общества совместное застольное братание объединяет людей, дает им чувство коллективизма, утрачиваемое год от года. Сложно представить, чтобы немцы так панибратски обнимались в обществе. Однако на сельских праздниках все демонстрируют свою принадлежность к родному месту, району, земле, стране.

Кухня предлагала пришедшим гороховый суп, колбаски, тушеную капусту. Гороховый суп не является излюбленным блюдом местных жителей. Однако в сельский праздник его традиционно едят все. По этому случаю гороховый суп готовят очень густым. Практически все, кто пришел на праздник, заказали себе тарелку такого супа. Мы спросили у нескольких людей по поводу этого блюда. Одна женщина ответила, что никогда не ест гороховый суп, однако на сельском празднике всегда его заказывает. Такова традиция.

А традиции необходимо соблюдать. Почему именно гороховый, никто толком объяснить не мог.

Жареные колбаски и тушеная капуста вообще традиционны для немецкой кухни. Без них не обходится практически ни одно мероприятие с массовым застольем.

Пива все заказывали много. Приветствовали друг друга, чокались.

Праздник был намного скромнее, чем Erntefest (Праздник урожая) в деревне Лоозен. И народу меньше, и размах гуляний скромнее.

Рядом с палаткой устроена карусель. На ней катаются детишки и взрослые. Мы тоже решили покататься. Плата была небольшой. Но за наше катание заплатили хозяева праздника. В месте проведения праздника установлены ларьки, в которых идет торговля сладостями и игрушками. Ни одно мероприятие со скоплением народа местные коммерсанты не пропускают.

На празднике мы познакомились с местным жителем по имени Кристиан Раймер (Christian Reimer). У него с Тевсвоосе деревообрабатывающая фабрика, на которой работают 24 человека. Кристиан подошел к нам сам. Сказал, что местный. Пригласил в гости. Мы обещали к нему приехать. Сказал, что был в качестве туриста в Петербурге. Спросил, какая у нас машина. Думал, что мы ездим на «Ладе». Когда услышал в ответ, что у нас «Ниссан», одобрительно кивнул. Тогда мы в знак вежливости спросили у него, на какой машине ездит он. Кристиан ответил: «Я немецкий человек. А потому езжу на “Мерседесе”». Мы выразили свое восхищение, и новому знакомому это очень понравилось.

Кристиан владеет фабрикой отца. Его хорошо знают в округе. Интересно будет к нему съездить.

Сегодня чувствуется приближение осени. В палатку, где проходит праздник, набилось огромное количество мух.

Мы решили не дожидаться завершения праздника, а поехать на кофе к Вольфгангу Хеннингу.

Мы приехали в деревню Лоозен. Хозяин дома еще спал. Мы подождали его немного в беседке, затем решили разбудить. Он был весьма рад нашему приезду. Вольфганг предложил нам кофе и капуччино, а также различную выпечку — *кухен* (Kuchen). Выпечка была с творогом, ягодами, яблоками и проч. начинкой. Нам уже не предлагали вина в высоких зеленых бокалах французского производства, как накануне. Хозяин предложил нам отправиться на озеро Мюритц (Müritzsee). После кофе мы засобирались в дорогу.

Озеро Мюритц находится относительно далеко от здешних мест, к северо-востоку. Там есть ряд интересных поселений: Зитов (Sietow), Альт Шверин (Alt Schwerin). Это все славянская топонимика. Зитов — от слова «сито», Шверин — от слова «зверь». В районе озера Мюритц много поселе-

ний с подобной славянской топонимикой. На берегу озера стоит красивейший замок, в котором располагается отель «Клинк» («Klink»).

Дорога на озеро Мюритц заняла у нас много времени. Мы ехали на машине Вольфганга. Были очевидцами аварии — красивый спортивный автомобиль улетел в кювет. Пассажирам повезло, что машина не ударилась в растущие по обочинам дороги деревья. Проездом были в городе Мальхов (Malchow). Город нам очень понравился. Типично немецкий городок со старинным центром. Традиционные фахверковые дома. В центре множество магазинов.

Деревня Альт Шверин, как рассказывают, возникла раньше города Шверин. Поэтому у нее такое название. Ее основателями были полабские славяне. Теперь о славянах рассказывают только предания. Славяне занимались здесь рыболовством, бортничеством, разведением овец. Весь район был славянским. Затем пришли германские племена и постепенно ассимилировали славян. В память о славянском прошлом региона осталась лишь топонимика. Славянская этимология названий бывших славянских поселений прозрачна и сейчас. Местные жители это хорошо знают. Хотя не всегда могут сказать, что означает по-славянски название их родного села или города.

Мы подъехали к озеру Мюритц. Здешние места превращены в курортную зону. Доминантой всего ландшафта служит отель «Замок Клинк». Кругом есть указатели: «Hotel Schloß Klink». Отель в виде старинного замка стоит на берегу озера. Здание было построено в XIX в. в стиле неоромантизма, поэтизирующего достижения архитектуры прошлых эпох. Замок имеет несколько башен с островерхими крышами и большое количество окон, имитирующих бойницы. Подобные постройки были весьма популярными в Германии на рубеже XIX–XX вв. Чем-то замок напоминает исторический замок Шверина, который, в свою очередь, прототипом имел замок Шамбор в долине реки Луары во Франции.

Сутки пребывания в отеле стоят 250 DM. Рядом со старинным отелем стоит новый гостиничный корпус. В каждом номере этого корпуса отеля имеется отдельный балкон. Пансион здесь на одну неделю стоит 1000 DM. В новой гостинице есть бассейн и сауна. Поэтому рядом с корпусом много обнаженных мужчин, завернутых только в простыни.

Вдоль озера Мюритц, очень большого по размерам, идет прогулочная дорожка. Взад и вперед прогуливаются отдыхающие. Имеется очень красивый пирс. Есть мол для стоянки яхт. Мол насыпан из гигантских валунов. Все очень живописно.

После прогулки вдоль озера мы поехали к стоянке яхт поесть копченой рыбы. Рыбный ресторанчик устроен прямо на пристани. На воде стоят сваи, служащие опорой для заведения общепита. Рыбу ловят прямо в округе. Поэтому она всегда свежая. Мы заказали копченого угря. К угрю подали хлеб

с зернами, а также пиво. Посуда в ресторане одноразовая, что, скорее, исключение для немецких ресторанов. Есть угря с помощью пластмассовых ножа и вилки — непростое занятие. Угорь очень вкусный. Эта рыба весьма распространена на севере Германии. Стоит она здесь дорого, однако по местным доходам вполне доступна. Поэтому угорь — любимое лакомство в местных рыбных ресторанах и на всевозможных ярмарках, куда стекаются толпы людей.

Ужинали мы уже поздно. Нам предстояло отправляться в обратную дорогу. К сожалению, мы не успевали поехать, как хотелось бы, по округе.

В свою деревню Лаупин мы вернулись к полуночи.

Фотодневник

F-5. В-14 Тевсвоос. Деревенский праздник, 1 октября 2000 г.

F-5. В-15 Тевсвоос. Деревенский праздник. Веселье за столом.

F-5. В-16 Клинк. В замке Клинк сегодня расположилась гостиница.

F-5. В-17 Клинк. Замок Клинк на закате.

F-5. В-18 Озеро Müritzsee. Рыбачий сарай с тростниковой крышей.

2 октября, понедельник

Из дневника Мыльников

Пасмурно, идет дождь. Наш рабочий день начался с посещения **Бёте-фюра**. Полезное обсуждение его трактовок топонимики. В ходе беседы он сообщил, что в соседней деревне жила знахарка (Wissende), у которой он лечился, и успешно. Такая знахарка есть и теперь, но он не хочет уточнять ее имя и местожительство, поскольку существует поверье, что при встрече с любопытствующими у нее может пропасть сила. Вновь повторил, что передача такой силы происходила и у него в семье, хотя себя знахарем не считает.

После обеда в деревне *Leussow* беседа с супругами **Ilse-Maria** и **Wolfgang Seehland**. Беседа записана на магнитофон. Отмечу постоянно интересовавший меня вопрос о наличии домашней бани. Он возник у меня, когда в 1992 г. я знакомился с традиционным жилым комплексом у шведов, в составе которого специальное помещение для бани отсутствовало. А ведь наличие бани неизменно сопровождается существованием системы ритуалов и фольклорных сюжетов. По словам наших информантов, у них бани не было, но рядом с кухней имелась прачечная (Waschküche), где стирали белье и мылись в больших чанах или ваннах. В 2002 г. уже в Санкт-Петербурге уроженец Саксонии, совладелец популярного немецкого ресторана «Чайка» **Peter Wolf** подтвердил, что до последнего времени в саксонских деревнях в одном чане без перемены воды мылась вся семья: сперва дети, затем женщины, наконец глава семьи. Эту тему интересно рассмотреть в сравнительном плане: мытье в замкнутом или открытом водном пространстве.

После этого в деревне *Loosen* посетили семью **Lüth**: мать **Ella**, ее сын **Manfred**, невестка **Annette**. Беседа записывалась на магнитофон. Нас встретили радушно, угощали кофе, бутербродами, минералкой. Подарили для МАЭ женский головной убор, ранее использовавшийся при полевых работах; новелл, но выполненный в традиционном духе.

Приезжал в *Лаупин* для встречи со мной по рекомендации Вендта проф. **Horst Keiling**, специалист по фаллическим камням эпохи неолита в Северной Германии, особенно в *Zierow* около Висмара. Он счел нужным пояснить, что, будучи пенсионером, подрабатывает как экскурсовод, а чтобы самому не платить за поездку к нам, пригнал сюда автобус с экскурсантами. Подарил мне оттиски своих недавних статей, посвященных фаллическим камням — мужским (Rillen) и женским (Rinnen), в которых имелись углубления, заполнявшиеся кровью жертвенных животных. Для нас существенно, что местные традиции плодородия и сегодня воспроизводятся в здешних

деревенских праздниках. Примером служит виденное нами на празднике в деревне Лоозен соломенное чучело с торжественно выставленным фаллом, причем чучело это *не сжигают*.

Из дневника Ивановой

Сегодня у добропорядочных немцев началась рабочая неделя, и они приехали к нам помощника с водительскими правами — археолога, доктора Фреда Руххёфта, который тоже сотрудничает в проекте «Germania Slavica». К 10 утра мы с ним вновь едем в Калисс к господину Бётефюру.

В беседе с Хансом-Йоахимом Бётефюром мы узнаем, что у него довольно распространенное имя: *für [etw. Gutes, Gesundheit, Heil] böten* ‘heilen, flüstern, stillen, pusten’. Такое имя носили люди, которые могли лечить с помощью слова, не медикаментозными средствами снимать боль и «прогонять» различные кожные заболевания. Господин Бётефюр рассказывает, что его мать и ее предки умели это, да и он сам тоже пробовал.

Однажды он помог девочке, своей однокласснице, избавиться от икоты, которая мешала ей отвечать на уроке. Тогда он правой рукой дважды перекрестными движениями провел вдоль ее тела, и икота прошла. В другой раз теми же движениями он сумел остановить носовое кровотечение у соседского мальчишки.

Господин Бётефюр рассказывает, что в деревне Калисс раньше была одна знахарка (к сожалению, она умерла пару лет назад), которая лечила заговорами болезни. Однажды сам Бётефюр пришел к ней с рожистым воспалением на левой икре, излечить которое не помогало ни одно лекарство. Тогда он решил на визит к этой женщине; она что-то совсем тихо прошептала — это были какие-то формулы заговора, по словам Бётефюра, говорила она при этом на нижненемецком диалекте *платтдойч*; легко погладила больное место рукой — и на следующее утро краснота немного спала. Ханс-Йоахим приходил к ней еще два раза, и в конце концов рожистое воспаление прошло без следа.

Сейчас еще есть одна знахарка в соседней деревне Кляйн Шмёлен. Господин Бётефюр отказался назвать нам ее имя, потому что, по его словам, сами знахари избегают огласки и широкой известности, ибо тогда они потеряют свою силу. Знахари передают свои способности другим людям — все равно, родственнику ли или чужому человеку.

Как правило, знахари ищут себе в преемники лиц противоположного пола. Так, женщина-знахарка выберет в преемники мужчину, и наоборот, мужчина-знахарь перед смертью передает свою исцеляющую силу женщине. И всегда должна соблюдаться такая последовательность. Умершая знахарка из Калисса тоже пыталась передать кому-либо свое знание.

На прощание господин Бётефюр крепко пожал мне руку — так, что меня перекосила гримаса боли от вывихнутого месяц назад сустава. Он заметил это и попросил рассказать, что случилось. Затем взял мою руку с большим пальцем в свои теплые мягкие руки, посмотрел добрым лучистым взглядом, легко и нежно сжал ее в своих руках, и я несколько минут ощущала его доброе тепло. Будем надеяться, что это поможет. По крайней мере, я верю.

В 14 часов обедаем дома в Лаупине, и к 15.00 спешим к следующим нашим информантам в соседнюю деревню Лёйссов. Это семья Вольфганга Зеланда.

У ворот дома нас сперва встретила фрау Зеланд, потом на пороге появился сам хозяин. Ильзе-Мария Зеланд — очень обаятельная, ухоженная и моложавая женщина. Вольфгангу Зеланду — 73, и хотя он всего на десять лет старше жены, выглядит пожилым и больным. Он женился на ней в 50 лет — довольно поздно, поэтому детей у них нет. Сам он назвал их союз с Ильзе-Марией «Spätzündlinge» (поздно разрывающиеся зажигательные бомбы).

Земельный участок Зеландов — ½ га; раньше это была собственность малоземельного крестьянина-бюднера («бюднерай»). Обычный буднер имел в собственности до 10 га земли, тогда как крупный крестьянин — от 30 до 40 га.

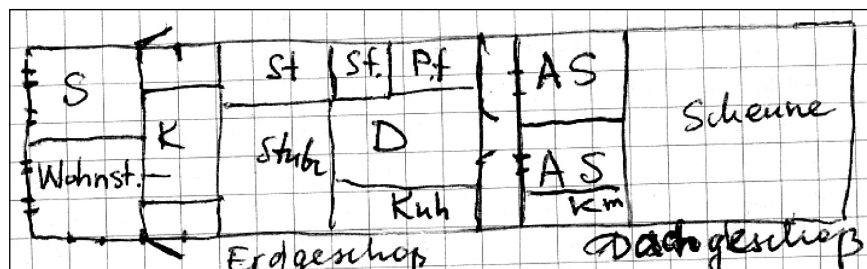
Земельный участок Зеланда занимает обширный луг, ближе к дому растут несколько яблонь — в этом году в Яблонево́й пустоши особенно богатый урожай яблок. На солнечной стороне двора к дому примыкает живописная терраса с садовой мебелью. Со стороны дороги перед домом также разбит небольшой палисадник с посадками декоративных кустов с красными ягодами (Rotdorn) и цветочными клумбами.

Дом у Зеландов огромный — это бывший нижненемецкий дом-двор, построенный в 1830-е годы. Раньше на доме была соломенная крыша, но со временем она рассыпалась и пришла в негодность, так что два года назад супруги Зеланд заказали себе новую крышу из металлочерепицы. Внешние стены дома построены из старого мелкого кирпича, стены комнат и других помещений дома — фахверковые. Внутренняя планировка дома Зеландов довольно необычна для этого региона Германии — дело в том, что жилые помещения в нем находились на двух этажах. Внизу имелось главное помещение крестьянского дома — большое *диле*, с обеих сторон от него располагались стойла: слева находились коровы, справа — лошади. В центре дома находилась кухня с очагом, в задней части дома располагались жилые комнаты — теплая гостиная с печью и холодная спальня. Квартира для пожилых членов семьи (Altenteilerwohnung) была в этом доме на втором этаже, также в задней части. Это были две комнаты, сейчас в них никто не живет — это часть чердака. Здесь еще можно различить старые балки

фахверковой конструкции, в нижнем этаже они служат потолочными балками гостиной. Межбалочные пространства внутренних стен были заполнены глиной. Балка «Wendelbalken» — несущая балка кровельной конструкции, которую обмазывали смесью соломы и глины. Она становилась очень твердой и тяжелой, но зато долго держалась и не портилась.

В настоящее время в доме пользуются тремя входами, включая ворота *diele*. Сами хозяева используют главным образом заднюю дверь, которая ведет в сад. Гости заходят в дом так же, как попали сюда мы, т. е. со стороны улицы. Здесь дверь разделена пополам: верхняя часть открывается, в то время как нижняя может оставаться закрытой. Это типично для крестьянских домов Германии вообще, и севера в частности.

План дома Зеландов

Erdgeschoss (первый этаж):

S = Stube (Жилая гостиная, теплая комната)

Wohnstube = Stube

K = Küche (кухня)

D = Diele

St = Stall (Хлев)

Pf = Pferde (Лошади)

Kuh (Коровы)

Dachgeschoss (чердачный этаж):

AS = Altenteilerstube (Жилая комната старшего поколения)

Kt = Kammer (Холодная жилая комната, «камора»)

Scheune (Сараи)

Гостиная, где нас принимали хозяева, — новое помещение, до перестройки дома его не было. Дом был перестроен в 1965–68 гг., и на месте одной из холодных жилых комнат *каммер* и теплой *штубе* возникло это помещение.

Дом принадлежал семье Ильзе-Марии, она родилась здесь, в Лёйссове, а сам Вольфганг переехал сюда только после женитьбы. Его дед родом из Лоозена, и Вальтер Зеландт, с которым нам довелось побеседовать несколь-

ко дней назад в Лоозене — не просто однофамилец, но дальний родственник Вольфганга по женской линии со стороны бабушки. Как сообщил сам Вольфганг, «Зеланд женился на Зеландт». Вольфганг Зеланд ведет хронику деревни Лёйссов и знает историю каждого дома. Он показал нам свой дом и еще два старых крестьянских дома, которые сохранились из всего старинного наследия Лёйссова.

Дом 8 по Фриденштрассе сейчас перестроен под сарай. Раньше это был крестьянский дом-двор *халленхаус* с воротами, обращенными к улице; крыша его была покрыта традиционно соломой, а трапецию фасада украшают связующие балки простой формы. Так оформляли фасады крестьянских домов со второй половины XVI в. Крыша изначально была вальмовая, низко опущенная над боковыми стенами. Сейчас верхняя часть постройки надстроена из дерева, а крыша крыта черепицей. На поперечной балке ворот над заново перестроенным входом в *диле* сохранена типичная резная надпись, которую еще можно разобрать: GOTT BEWAHRE DIESES HAVS VND ALLE DIE DARIN GEHEN EIN VND AVS. Дальнейшее разобрать трудно.

Дом был построен в 1760–70-х годах. В 60-е годы XX в. перестроен. Фотография старого состояния этого дома висит в прихожей дома Зеландов и имеется также в собрании копий фрау Бернхард в Лоозене. Теперь это сарай, и он находится далеко на заднем дворе, отнесенный от улицы новым жилым домом — в XX в. люди больше не хотели выставлять напоказ старые дома.

Второй из сохранившихся традиционных домов Лёйссова (1760–70-х годов; сегодня это тоже сарай) расположен во дворе напротив.

Верхний чердачный этаж, который, очевидно, из-за старости пришел в аварийное состояние, был снесен, и дом был перестроен в то же время — в 1960-е годы.

Эта часть деревни носит название «крестьянской деревни» (Bauerndorf). Та часть, где расположен дом Зеландов, называется *бюднердорф*, а улица Линденштрассе, связывающая Лёйссов с Лаупином и Людвигслюстом, названа в народе «*шоссе*». Соответственно локализуются и различные адреса: «Это дальше, в крестьянской деревне»; «Это вам надо вниз, в *бюднердорф*». Первый автобус прошел по деревне в 1957 году, в то же время старые дороги, проложенные в песках Гризе Гегенд, а местами просто по полям были вымощены булыжником.

С самого начала нашей беседы хозяева радушно предложили нам кофе и чай (это было как раз время «Kaffezeit»), которые мы попивали из баварского фарфора, сидя в уютной гостиной. Сервиз у Зеландов в характерных и любимых немецких тонах: белый с голубым растительным рисунком. Специально к встрече Ильзе-Мария испекла восточно-гольштинский яблочный

торт с корицей и хрустящей миндально-медовой корочкой. К торту подали взбитые сливки со стручком свежей ванили. Ильзе-Мария любезно согласилась написать мне рецепт этого торта.

Когда речь зашла о традиционной утвари и прочих древностях региона Грize Гегенд, хозяева сообщили, что все старые вещи были выброшены в 1950-х годах, когда готовились к перестройке дома.

Особенно много старых ценных вещей — старинные сундуки, комоды, предметы мебели — вывез на свалку шурин Вольфганг. Теперь супруги Зеланд сильно сожалеют об этом, Ильзе-Мария злится на своего брата, но изменить уже ничего невозможно. Из традиционной утвари осталось только старое корыто на чердаке. Его показали нам, но не смогли точно определить назначение: один из супругов утверждал, что оно служило кормушкой для лошадей или свиней в старом доме, другой говорил, что в таких корытах замешивали дрожжевое тесто на хлеб. Еще Вольфгангу удалось спасти старую дверь с цветными стеклами. Сейчас, покрытая толстым слоем пыли, дверь покоится в бывшем хлеву для лошадей.

Сегодня у нас насыщенный день: от Зеландов мы звоним в Лоозен и договариваемся о встрече с семьей Лют.

Итак, в 17.40 мы вновь в деревне Лоозен, идем в дом Am Dorfteich 11.

Семья Лют довольно большая: самый пожилой и почетный член семьи — Элла Лют, ей за 60; милая, веселая и разговорчивая сорокалетняя Анетте Лют, невестка Эллы; ее муж и сын Эллы — серьезный крестьянин Манфред, да двое внуков школьного возраста. Их во время беседы не было.

Элла Лют родом из Ябельхайде: ее предки по фамилии Дуббе происходили из легендарного Рамма, а сама она родилась в Лоозене. Все трое наших собеседников многое могут поведать об истории их семьи, деревни, деревенских праздников. Особенно хорошая память у Манфреда: он в подробностях излагает детские воспоминания, рассказывает легенды, цитирует колядки и песни. Вот одна из колядок, которую пели дети на Троицу в деревне Лоозен:

Gaud'n Dag, Gaud'n Dag	Добрый день, добрый день
Fru Häuslerin,	Госпожа <i>хойслерша</i> ,
hät juch oll Kauh noch Faurer in?	Жива ли ваша старая корова?
Wat möck't denn juuch oll griese Hund?	Как поживает ваш серый пес?
Is juuch oll Kater noch gesund?	Здоров ли ваш старый кот?
Juuch oll Däl ist holl un boll	Ваши старые сени пусты
söss poor Eer hämm ji woll?	Или у вас найдется пара яиц?
Drei in'n Grapen, drei in'n Schapen,	Три в котел, три в чан
söss in unsre Pingstekiep —	Или в нашу праздничную корзину —
ji warr'n seelig — i warr'n riek!	Вы будете добры, а мы — богаты!

nu hulle gebulle up dann Disch,
und häf ji kein Eer,
so gäft uns Fisch
und lodd uns hier nich
lange stahn.
Wie wull'n ok noch ein Hus wierer gohn
Und wenn ji uns kein Eer gäben,
so sall uns Hahn juch Haun nicht träden!

А ну, выкладывайте на стол,
А если у вас нет яиц,
Тогда дайте нам рыбы
И не заставляйте нас тут
Долго стоять.
Нам надо идти еще в другие дома.
А если вы нам не дадите яиц,
Наш петух не будет топтать вашу курицу!

В деревне праздновали Пасху, 1 мая, Троицу, Деревенский праздник в июне, Праздник урожая в сентябре или октябре и Рождество.

На Празднике урожая на Анетте был белый чепец необычной формы на каркасе. Мы спросили о происхождении этого головного убора, и Аннетте рассказала, что этот головной убор называется Flunkerhut или Flutterhut (от его крыловидной формы) и надевался женщинами Мекленбурга во время сенокоса на поле. Дело в том, что белый цвет ткани и открытый доступ воздуха помогали в жаркие дни июльской жатвы. Чепец, который был на Анетте, оригинальный, его носили еще в 1920-е годы. Для изготовления чепцов традиционно использовали хлопчатобумажную ткань, а в каркасе — тростниковый прут. Он естественно гибкий, поэтому придает чепцу характерную округлую форму. Элла Лют в 1990-е годы сама изготовила подобный оригинальному чепец для участия в деревенских праздниках и для выступления в ансамбле самодеятельности. Вместо природного тростникового прута она использовала в каркасе пластмассовые трубки — они заметно более жесткие и поэтому не совсем правильно держат форму. Это все отличие данного чепца от оригинального, его-то мы и получили в дар Кунсткамере.

В этой семье интересуются старыми обычаями Лоозена. Часто в разговоре звучит фраза: «Жители Лоозена резко отличаются от жителей соседних деревень. К нашей общине относятся еще Кляйн Крамс и Кренцлинер Хютте, их мы тоже считаем своими».

Самым ярким примером оригинальности Лоозена и непохожести его традиций на соседние служит здесь праздничное блюдо — клецки, которые по большим праздникам готовят женщины, и только в Лоозене их можно попробовать. Многие женщины из других деревень пытались повторить, спрашивали рецепт, но ни у кого из них не выходили такие клецки, как здесь, в Лоозене.

Только здесь так отмечают Праздник урожая. Только в Лоозене бережно сохраняют новые и поддерживают вновь возрожденные традиции.

В семье Лют есть много книг по этнографии региона, собрания легенд, имеется даже семейная хроника, составленная одним родственником из Кельна. Люты хранят старые фотографии и документы — большинство из них скопировано фрау Бернхард для проекта Хенри Гавлика и музея Хагенова.

Нам и в этом доме предложили кофе с огромным блюдом различных бутербродов — с сыром, салями, паштетом и мекленбургской сладковатой кровяной колбасой; и самую типичную для региона выпечку — *буттеркухен* (дрожжевая коврижка с сахарной обсыпкой, политая растопленным сливочным маслом). Таковую здесь пекут в каждой семье. Мы уютно расположились в креслах гостиной Лютов и, попивая кофе и воду, ведем беседу.

Рецепт лоозенских клецок: 500 г воды, 500 г сливочного масла, 500 г пшеничной муки. Воду с маслом довести до кипения и всыпать муку, замесив заварное тесто. Добавить яйца (тоже 500 г), сформовать клецки и варить в бульоне.

Из дневника Новика

Сегодня к нам приехал немецкий коллега доктор Фред Руххёфт (Fred Ruchhöft). Он также участвует в совместном немецко-русском проекте по изучению районов бывшего проживания полабских славян на севере Германии. Руххёфт будет одновременно нашим водителем, пока наши коллеги, водившие до этого автомобиль, будут в коротком отпуске.

С Руххёфтом мы обсудили название небольшого поселения Альт Шверин (Alt Schwerin), находящегося поблизости от города Мальхов (Malchow). Немецкий коллега сказал, что это селение не имеет ничего общего с городом Шверин (Schwerin). Сведений о том, что выходцы из поселения Альт Шверин основали будущий город Шверин, нет. Однако одинаковые названия говорят о славянском происхождении поселений.

Поселение Альт Шверин находится на узком перешейке между двумя озерами — Мюритц-Зее и еще одним поменьше. Перешеек образует еще большой полуостров, выступающий в озеро Мюритц. Далеко уходящий в воды озера полуостров был облюбован славянами. Полабские славяне любили селиться в таких местах. Они давали возможность укрыться от внезапных германских нападений. Осваивали славяне и острова, находящиеся поблизости. Вода спасала их от набегов германцев. Ярким примером такого славянского поселения является Гросс Раден (археологический музей под открытым небом в районе Шверина).

На сегодняшний день у нас запланированы поездки к местным жителям. Вначале мы поехали в деревню Калисс (Kaliß). Иногда на картах встречается и другое название этой деревни — Альт Калисс (Alt Kaliß). Это подчеркивает то, что поселение очень старое. Деревня весьма ухоженная. Кругом чисто. Много богатых домов и подворий.

Мы приехали в дом к господину Бётефюру (Bötefür). Перед домом Бётефюра выставлены за ограду желтые мешки с мусором. В нашем районе почти во всех домах выставлены такие мешки с накопившимся мусором. Сегод-

ня должны приехать мусороуборочные машины и собрать отходы. В желтых мешках выбрасывают мусор с пометкой «Der Grüne Punkt». Это упаковки, коробки и пластмассовые отходы, представляющие опасность для экологии. Их собирают отдельно и выставляют сборщикам мусора для последующей переработки.

Хозяева домов выставляют мешки с мусором за дверь дома либо за ограду, если это не мешает пешеходам и машинам.

Господин Бётефюр — краевед, собирающий самые разнообразные сведения о своих родных местах. У Бётефюра большой и богатый дом, представляющий скорее жилище ученого, чем простого обывателя. Хозяин пригласил нас в свой кабинет. Здесь много книжных шкафов. Очень много книг. В основном все книги по истории края, по теме интересов хозяина. Перед кабинетом располагается небольшая комната, где также стоит объемный книжный шкаф с разнообразными пособиями и учебными вещами.

В кабинете у хозяина стоит компьютер, сканер, есть ксерокс. Бётефюр собрал огромное количество сведений о славянских топонимах и именах. В его библиотеке большое количество публикаций, оттисков статей на данную тему. Он охотно поделился с нами собранными материалами. Сделал копии тех материалов, которые были нам неизвестны.

Бабушки и другие родственники Бётефюра были знахарями. Хозяин сказал, что и ему хотели передать этот дар. Но, по его словам, он его не перенял. Бётефюр — автор книги по народной медицине. Очень интересуется всем, что с этим связано. Узнав, что у Юлии болит голова, тут же вызвался ее излечить. Он взял руку Юлии и подержал в своих руках. Что-то пошептал про себя. Юлия почувствовала прилив тепла в теле. И боль, как ни странно, как рукой сняло. Позже Бётефюр признался Юлии, что владеет тайным даром предков и может лечить людей. Сказал, что он белый маг. Обещал посвятить Юлию в таинства своего дара, однако потом засмутился и ничего не стал рассказывать. Записи на диктофон его заклинаний мы так и не получили.

В доме Бётефюра много интересных вещей. В обширном холле установлены застекленные шкафы, на полках которых выставлена большая естественнонаучная коллекция. Здесь можно увидеть крабов, множество ракушек, морских звезд и проч. Всю эту живность Бётефюр собирал на протяжении многих лет. Хозяин гордится своей коллекцией. В немецких деревнях часто можно увидеть подобных коллекционеров-натуралистов.

Мы все отметили, что Бётефюр очень элегантно одет — в отутюженные брюки, красивую сорочку, дорогой кардиган на пуговицах. Достойная одежда и благородный вид хозяина дома вкупе с его разнообразными интересами производят впечатление. Неблагодарное занятие — проводить параллели, однако в Германии, в отличие от России, в сельской местности можно часто встретить крестьян, которых можно скорее принять за интеллигентов в де-

сятом поколении, чем за простых сельских тружеников. Жаль, что в нашей стране такого практически не встретишь.

С Бётефюром мы договорились о последующих встречах и взаимной работе. Нельзя быть назойливыми и злоупотреблять гостеприимством. Любой информант устаёт после двух часов работы. Поэтому лучше вовремя прерваться и назначить встречу на другой день, чем измотать собеседника бесконечными расспросами.

Из дома Бётефюра мы поехали в деревню Лёйссов (Leussow). Здесь нас ждал визит в дом Вольфганга и Ильзе Марии Зеландов (Wolfgang und Ilse Maria Sehland).

К Зеландам мы приглашены к 15.00. Приехали на 10 минут раньше, поэтому припарковали машину и стали дожидаться на улице назначенного часа. Хозяева, увидев, что мы приехали, вышли на улицу и пригласили нас в дом.

Дом Зеландов очень большой и аккуратный. В комнате, куда нас пригласили, уже был накрыт овальный стол. На жаккардовой бело-желтой скатерти стоял фарфоровый сервиз (белоснежный с синим кобальтовым узором). Стол был сервирован для чая. Сахар был подан в английской фаянсовой сахарнице, расписанной кобальтом по сливочному фону. В таком же фаянсовом сливочнике были поданы сливки к кофе. В стеклянной вазе хозяйка принесла взбитые сливки. К столу подали яблочный пирог, сверху обсыпанный нарезанными орехами. Пирог пекла сама хозяйка дома. Мы похвалили ее кулинарные способности. Она тут же вызвалась написать нам рецепт пирога.

Блюдо под пирогом — старинный фарфор. Вилки, ложки и лопатка для пирога на столе серебряные, старой работы. Все столовое серебро разнотипное, не из одного набора. Однако хозяева стараются угощать нас из лучшей в доме посуды. Это заметно.

Комната, где мы сидим, обставлена со вкусом. Потолок комнаты белый с открытыми досками-балками. Под потолком висит пятирожковая люстра. Пол покрыт новым паркетом, крытым светлым лаком. Паркет представляет собой большие доски, хорошо отполированные. Плинтусы сделаны также из дерева, крытого лаком.

В комнате стоит горка с дорогой посудой. Посуда выставлена бессистемно. Здесь часто приходится видеть дорогую мебель и ценную утварь, хозяева которой не заботятся о том, как ее правильно расставить. Главное — чтобы дорогие вещи были в хозяйстве.

В помещении стоит синего цвета диван современного дизайна. На синем диване, помимо двух синих фирменных подушек, явно прилагавшихся к нему, лежат две разноцветные самодельные подушки.

На окнах висят синие занавески, в тон мягкой мебели. Занавески из портьерной ткани короткие. Тюлевые занавески такие же короткие, в сборку.

На одном из подоконников стоит старинное фаянсовое блюдо.

На полу лежит ковер красного цвета. Рядом с большим ковром на паркете лежит маленький коврик. Коврик закрывает свободное место на полу перед висящей на стене картиной.

На стене в деревянной раме за стеклом висит старая вышивка, датированная 1889 г. На стенах под стеклом висят старые акварели — букеты цветов в кувшинах.

Стулья вокруг стола разнотипные. Сиденья обиты шерстяным материалом, имитирующим мешковину. Но нити обивочного материала более толстые.

На подоконниках и тумбе стоят многочисленные цветы в вазах. В углу комнаты большой торшер.

Беседа с хозяевами идет непринужденно. Говорит в основном хозяин дома. Он, очевидно, имеет фризское происхождение.

В доме тепло, натоплено.

Хозяин рассказывает о том, что в селе есть общественная печь для выпечки хлеба. Однако она не используется. Ее просто сохраняют как реликвию.

Речь заходит о бане. Информанты сообщают, что раньше люди мылись на кухне. Бань в деревнях не было. Не было предусмотрено и специальных помещений для мытья в доме. Для мытья прежде использовали специальное корыто, которое устанавливали на полу кухни. Мылись редко. Зато ежедневно умывались. Умывались очень малым количеством воды. Воду экономили.

Хозяин вызвался показать нам дом. Стены в доме белые. Все парадные двери деревянные, крытые лаком. Двери, которые не бросаются в глаза гостям, старые, покрашенные белой краской.

Хозяин одет аккуратно. На хозяйке клетчатые штаны.

В доме Зеландов много книг. Книжные шкафы стоят в разных комнатах. Даже в прихожей бросается в глаза массивный книжный шкаф, в котором можно увидеть собрания сочинений Достоевского, Толстого, Чехова и других авторов на немецком языке. Хозяин любит русскую литературу.

Также в доме много старинной утвари. Зеланды ее ценят и берегут. Хозяин хотел подарить нашему музею старинное деревянное корыто, которое он хранит на чердаке. Однако нам тяжело его будет отвезти в Петербург. Поэтому мы отказываемся от подарка.

Мы осмотрели первый этаж дома. А затем хозяин пригласил нас подняться по деревянной лестнице на второй. Второй этаж не оборудован. Он представляет собой чердак, точь-в-точь как были в традиционных немецких домах в этом районе. Теперь чердаки старых домов перестраивают во вторые этажи. Планировка дома при этом кардинально меняется. Зеланд перестраивать свой дом не хочет. При его жизни все останется по-прежнему. Будет жилой нижний этаж и чердак для хранения всякой всячины.

Хозяин показал нам свое подворье. Двор представляет собой огромную зеленую лужайку. Площадь участка рядом с домом — 0,5 гектара. Все пространство засеяно сочной травой. В некоторых местах растут яблони, кустарники, цветы. Землю в сельскохозяйственных целях не используют. Просто поддерживают ее в таком состоянии, чтобы радовала глаз.

Газон рядом с домом аккуратно подстрижен. Во дворе устроен навес на две машины. Там стоит красный BMW и красная Lada-2108. «Лада» принадлежит родственнику хозяина.

Вольфганг Зеланд сказал, что Юлия отлично говорит по-немецки. Спросил, немка ли она. Узнав, что нет, предположил, что она наполовину немка. Это приятный комплимент.

Из дома Зеландов мы отправились в дом семьи Лют (Lüth). Они живут в деревне Лоозен (Loosen), неподалеку от села Зеландов. Мы сказали, что хотим поговорить с ними и назначили встречу на 17.00. Это время было удобно и информантам, и нам.

Семья Лют насчитывает несколько поколений. Несколько поколений живут в одном доме. Это необычно для Германии, где все хотят обособиться и жить самостоятельно. С представителями этой семьи мы познакомились еще на празднике урожая села Лоозен. Молодая женщина угощала нас бренди во время праздника. Тогда же мы завязали знакомство и выразили желание посетить их дом.

Живут Люты в старом доме. Дом имеет большой двор и множество разных построек и пристроек. Дом Лютов стоит недалеко от главной площади села.

Когда мы приехали в назначенное время, хозяева встретили нас на крыльце и проводили в дом. Мы сразу отметили, что старый крестьянский дом оборудован очень современно. Мы приступили к нашей работе, как обычно. Александр Сергеевич и Юлия расспрашивали информантов, я вел учет бытовой стороны их жизни. Семья Лютов исключительно интересна для нас. В одном доме можно говорить с представителями разных поколений. Когда что-то забывают старшие, им напоминают их дети, и наоборот, когда что-то кажется неважным детям, это отмечается старшими. Зачастую беседа перетекает в спор: «А ты помнишь, это было именно так...»

Нас проводили в большую гостиную. В комнате висит хрустальная люстра (возможно, чешского производства). Это редкость для немецких домов. Как правило, немцы в сельской местности останавливают свой выбор в плане осветительных приборов на абажурах и многорожковых люстрах. Хрустальные люстры встречаются исключительно редко, хотя хрусталь немцы любят, и в домах можно увидеть массу посуды и предметов украшения интерьера из хрусталя. То ли на хрустальные люстры жалеют денег, то ли подобные осветительные приборы не во вкусе местных жителей.

Потолок белый, оштукатурен под легкую «шубу».

Два окна комнаты для гостей убраны под единый комплекс: сплошная тюлевая короткая занавеска и цветные портьеры. Портьеры с ламбрекеном и бантами, придающими убранству комнаты нарядный вид.

У окон стоят цветы в больших вазонах. Цветы хозяйки любят. Это бросается в глаза. На подставке под кашпо с пальмой лежит кружевная салфетка ручной работы.

На полу ковровое покрытие. В комнате стоит печь, сохранившаяся еще со старых времен. Печь облицована бежево-рыжим кафелем. Глазурь кафеля имеет многочисленные трещины. Рядом с печью стоит ультрасовременный торшер в стиле *хайтек*.

В комнате — современная стенка какого-то рыжего цвета. В стенке выставлена посуда: множество стеклянных недорогих бокалов. Есть фарфоровые статуэтки.

Двери в комнате такие же рыжие. Видно, что хозяевам такой теплый цвет нравится.

Практически посередине комнаты — тумбочка на колесах, на которой стоит телевизор и видеомагнитофон. Так телевизор легче смотреть с того места в углу комнаты, где стоит мягкий уголок.

Нас пригласили сесть на диван и кресла. На диване подушки современной работы. Над диваном висит на стене композиция из сучков и сухих цветов. Перед нами стоит низкий круглый столик, покрытый скатертью из тюля. Стены комнаты оклеены серебристыми обоями. Обстановку этого жилища отличает эклектика.

Беседа началась с того, что хозяева показали нам старые семейные фотографии, а также грамоты, выданные еще в прошлом веке. Грамоты убраны в рамки со стеклом. Ранее они висели на стене.

В семье хранится родословная, полученная в архиве. Родословная с самого начала XVII в. Более ранние сведения не сохранились. В бумагах архива отражено имущественное положение семьи. Записаны налоги, которые собирали в различные годы. В прошлом налог на мужскую душу, к примеру, составлял в год 18 шиллингов. За коня платили налог в 16 шиллингов. Небольшая разница. Переписаны в разные годы и козы, и коровы, и прочая живность.

Хозяйки показали нам одежду, которая досталась им от бабушек. Гардероб невелик. Интерес представляют лишь чепцы, которые считаются здесь традиционными.

Один чепец нам подарили для музея. Этот женский чепец был выполнен в 1998 г. по старым образцам. Чепец шила мамаша. Ее зовут Элла (Ella). У ее невестки сохранился старый чепец, ориентировочно начала XX в. Поэтому Элла решила сшить и себе чепец, взяв за образец невесткин. Чепец шит из белой хлопчатобумажной ткани. Каркас чепца выполнен из пластмассовой соломы. В старом чепце каркас из камыша. Прежде все чепцы шили с использованием

Reet (камыш либо тростник). Теперь делают из современных материалов, в основном из пластмассы. А это уже хуже — пластмасса более упруга и дает сильную натяжку, которая не нужна в головном уборе. Чепец современной работы почти быль ничем не отличается от старинного образца. Ткань практически такая же. Только внутри проложена пластмасса, а не тростник.

Подобные чепцы в прошлом рабочим вариантом головного убора. Где-то в 20-х годах XX в. они стали восприниматься как основной традиционный головной убор. Изменилось их функциональное использование. Если раньше в таких чепцах женщины выходили работать только в поле либо во двор, то с 1920-х годов немки в данном районе стали не только носить такой чепец на сельскохозяйственных работах, но и надевать по праздникам. Он стал и рабочим, и выходным вариантом женского головного убора. В наши дни он воспринимается как единственный вариант традиционного чепца Мекленбурга. Если местные жители хотят изготовить себе традиционный наряд, то они шьют именно такой чепец.

Хозяйки предложили нам кофе. Принесли фарфоровый сервиз (производства ГДР или Польши). На сервизе проштампованы букволические картинки. Подобная посуда здесь распространена. Конечно, она встречается реже, чем сервизы с традиционной кобальтовой росписью по белому фону, однако все же бывает в домах.

К кофе подали по обыкновению сливки, а также всевозможные бутерброды: с сыром, паштетом, копченой колбасой в обсыпке, кровяной колбаской с различными наполнителями в виде кусочков вареной колбасы и ветчины. Хозяйки кофе с нами не пили. Кофе пил только хозяин.

У пожилой хозяйки дома натруженные крестьянские руки. Речь зашла об особенностях именно этой деревни. В селе готовят *клесы* — клецки (это их традиция). В других деревнях их не готовят. Других особенностей хозяева назвать не могут.

Нам рассказали, что в Германии 14 % от подоходного налога (Lohnsteuer) идет на нужды церкви. Поэтому везде ремонтируют и строят кирхи.

После кофе нам предложили минеральную воду. Юлии сегодня все делают комплименты. Люты также сказали, что она хорошо знает немецкий язык.

В гостиной летает много мух, как у нас в доме в Лаупине. В этом доме это понятно, здесь есть крестьянское хозяйство, а у нас в доме для отдыха (Ferienwohnung) неизвестно, откуда они берутся.

После беседы нам показали дом и подворье. Прихожая дома семьи Люот отделана современными материалами. На стенах серебристые обои, потолок обшит ржыми плитками. На второй этаж дома ведет винтовая металлическая лестница.

Подворье весьма просторное.

Расшифровка записи беседы с Вольфгангом и Ильзе-Марией Зеланд

М y l' n i k o v : Können Sie mir schreiben diesen Archiv, wo er befindet.

S e h l a n d : Das Archiv befindet sich in Dannenberg.

М y l' n i k o v : Ich habe nicht gut verstanden die Name des Stadtes.

S e h l a n d : Also, diese Stadt heißt Bad... also vom baden also b, a, d...

{die Aufnahme wird unterbrochen}

М y l' n i k o v : Wo es befindet? Das in Niedersachsen, ja?

S e h l a n d : Ja, das ist in Niedersachsen. Etwa 70 km von hier.

I l s e - M a r i a : In der Dömitz...Dömitz, Dannenberg...

М y l' n i k o v : Ah, dort.

I l s e - M a r i a : Uhu.

S e h l a n d : Dort. Und dahinten denn noch.

М y l' n i k o v : In Wendland werden wir noch kommen.

I l s e - M a r i a : Ungefähr.

М y l' n i k o v : Wir kommen noch nach Wendland. Da werde ich dort versuchen, da zu suchen. Ja. Also, diese große Mischung, es ist selbstverständlich, solche verschiedene Sachen waren sehr großartig und tragisch wie Dreißigjährige Krieg...

S e h l a n d : Ja...

М y l' n i k o v : ... wie spätere Kriege und diese Ostsiedlungen, sie kamen sie machten also große Veränderungen in der Bevölkerung, aber trotzdem wahrscheinlich einige Familie erinnern ihre slawische Wurzel oder schon nicht?

S e h l a n d : Sie wissen, sie wissen, die Leute, dass sie einen slawischen Namen haben, Nachnamen, aber das ist mehr nicht. Es ist alles, ne?

М y l' n i k o v : Na ja.

S e h l a n d : Wir haben hier in Leussow sehr wenig, wir haben Pallasse, ne? Pallas, den Namen Pallas haben wir hier noch, Kalas, Pallas und Jahlas,

I l s e - M a r i a : Wer möcht' noch Tee?

S e h l a n d : ich nehme ein bisschen noch.

М y l' n i k o v : Ich auch.

S e h l a n d : Und das sind häufige Namen, die sind in vielen Dörfern hier. Und aber die eigenartigerweise überwiegen hier die deutschsprachigen Namen, deutsche, wie man's nennen will. Die überwiegen merkwürdigerweise. Und auch in den alten Registern schon, im Schlossregister, in den Schlossregistern oder in den Biegen hier, merkwürdigerweise, in dieser Ecke überwiegen diese Namen gegenüber den slawischen. Es ist so hier...{hustet}...kann sein, aber da bin ich mir nicht sicher, ich weiß es mit dem niederdeutschen oft denn auch hier schneidet. Hier gab es ein Dorf, ein Nachbardorf hier, zu selben Zeit als Leussow hier besiedelt wurde oder Leute... und dieses Dorf ist verschwunden schon in dem Erstregister, wird aber noch bezeichnet, dass die dortigen Hufen, die dortigen

Grundstücke von Leussow Bauern genützt werden und die bezahlen auch die Abgabe dafür. Also dadurch wurde dieses sorbische Dorf schon aufgegeben, wohnte keiner mehr. Nun hat wohl entweder ziemlich gründlich aufgeräumt oder aber die Slawen haben selber das hier... verlassen schon, weil es einfach zu schwierig geworden war, hier durchzukommen, zu existieren. Dann hat denn vorher ja von hier auszuwandern, Handelsbetriebe mit Niedersachsen drüben, von engen Verbindungen nach drüben gewesen, Sie kennen die Berichte von dem arabischen Kaufmann, der hier berichtet über diese Slawen...{*es wird Ibrahim ibn Jakob gemeint*}

M y l' n i k o v : Ja, ja, ja.

S e h l a n d : ...also, 's musste ihnen auch gut gegangen sein, die mussten auch relativ gut über Vorschritt gewesen sein, alles... Wie sie... ob das sie in vielen Kriegen waren, wie sie destiniert haben, ich weiß den Grund nicht. Der Hauptgrund ist tatsächlich, die wurden ausgesiedelt nachher.

I l s e - M a r i a : {*indem sie den Kuchen schneidet und den Kaffee ein-schenkt*}. Apfelstrudel...

M y l' n i k o v : Vielen dank!

S e h l a n d : Ja, meine Frau meint es...

I l s e - M a r i a : Weil es Kaffeezeit ist.

S e h l a n d : Ja, es ist Kaffeezeit, mit einer Apfeltorte aus frischen Äpfeln hier vom Grundstück begrüßen.

I v a n o v a : Herr Sehland, möchten Sie auch Sahne?

S e h l a n d : Ja!

I l s e - M a r i a : Er nimmt ordentlich hin! {*lacht*}

I v a n o v a : Ist es ordentlich hier? Bitte.

{*lange Pause*}

M y l' n i k o v : Woos, das ist eine friesische Wort, nein?

S e h l a n d : Bitte?

M y l' n i k o v : Ende -woos?

I l s e - M a r i a : Woos.

S e h l a n d : Woos, das ist ein Dorf hier, der Ort.

M y l' n i k o v : Ja, ja, aber welche Sprache ist es?

S e h l a n d : Hohenwoos, Tewswooos.

M y l' n i k o v : Welche Sprache ist?

S e h l a n d : Da streiten sich auch die Fachleute drüber. Die vielen sagen, es ist ein germanisches Wort, andere sagen: nein. Die... davorgesetzt von -woos ist zum Beispiel das Wort Hogen, oder hoch zu sagen Hohen, das heißt im Niederdeutschen also 'hoch', Hogenwoos, Hohenwoos. Und früher wurde Hogenwoos -wotze geschrieben oder gesprochen. Und dann medios, wahrscheinlich von «dep», «dep» — 'tief', hoch und tief, Hohes und Niedriges, und da gibt es noch Woosmer, Hohenwoos, und da gibt es noch ein Ort Woosmer Hof... Es sieht also aus, dass

germanischen Ursprungs ist das Wort. Aber ich habe die Berichte alle aufmerksam gelesen und habe auch gesagt, der Herr hat recht und der hat unrecht. Es ist so, das Nachbardorf, Loosen, Jägerhof, Sie kennen Jägerhof, ne? Der hat es auch als slawischen Namen ausgelegt. Ich glaube nicht, dass Loosen ein slawischer Name ist. Denn -woos und Loosen ist etwas so ähnlich. Ich glaube eher, dass Loosen zusammen mit Ortsnamen im Niederland, in den Niederlanden, in Belgien, aber eben in den flämischen Teilen dort, wo dort gesprochen wurde, Niederdeutsch gesprochen wurde, wie hier, gibt es diesen Ortsnamen auch mehrfach. Und ich glaube, dass die deutschen Siedler oder wie Sie sie nennen, den Namen mitgebracht haben für diese Orte. Und wie diese hier übernommen wurden, Leussow ist zusammen mit Alt Jabel — früher hieß Alt Jabel «Jabel» — und Picher das älteste Kirchdorf. Gibt's leider keine Kirche, alte Kirche mehr. Die sind vor 130 Jahren — 120 Jahren verschieden und... oder vor 110 Jahren abgebrochen worden und in Leussow gibt es nur ein Erinnerung davon, hier um die Ecke steht ein Schweinestall, der aus diesen Steinen noch gemauert worden — der Bauer hatte früher diese Steine aus dem ... gekauft. Und in der Kirche selber — hier ist noch ein — sie nennen es ein Leserpult, der auf der Kanzel steht, das war Renaissance, aber das war die Kanzel aus der alten Kirche. Das sind so die letzten Reste, die es hier noch gibt.

M y l' n i k o v : Pastor Moritz {*der Pastor der Leussower Kirche*} hat uns ein wenig über diese Kirche erzählt. Ja.

I v a n o v a : Aber der Name Leussow hat doch eine slawische Endung.

S e h l a n d : Leussow ist ein slawischer Name.

I v a n o v a : Und Loosen, meinen Sie, nicht?

S e h l a n d : Ich hab' mich so interessiert damit beschäftigt und immer wieder verglichen und gelesen alles. Und Loosen, ich find nicht, dass aufs Slawische hindeutet. Und was mich irritierte dabei, als ich las, sind eine...dass die Einwanderer ja auch aus Holland kamen, aus Flamen, aus Flammiland, und dass es dort eben bei denen diesen Ortsnamen gibt. Loosen. Und mehrfach. Und den haben die mitgebracht für sich, um eigenen... zu gründen, die Deutschen oder die Russen, die auswanderten nach Amerika, die haben oft auch ihre eigenen Namen mitgebracht.

M y l' n i k o v : Als wir hereinkamen in ihren Haus, da liegen solche grossen Pappen {*Mappen*} an dem Tisch. Sind das verschiedene Materialien, die Sie sammelten?

S e h l a n d : Ja, die mussten alle aus den Schränken herausgenommen worden, hier vorne. Um die Schränke zurecht wegen des Handwerkers...

M y l' n i k o v : Ah, wegen der Reparatur...

S e h l a n d : Ja. Nun habe ich einen Teil hier vorne liegen von meinen Unterlagen... Und es ist so, dass ich hier eben über Loosen habe ich praktisch jetzt das gesamte Material aus den Büchern, aus den Registern, Steuerregistern bis ins letzte Jahrhundert, also, von Anfang an. Ne? Da habe ich überall Kopien. Die habe ich.

M y l' n i k o v : «Anfang an» bedeutet welche Jahrhundert?

S e h l a n d : Das ist bei 1431–1440.

M y l' n i k o v : 1430?

S e h l a n d : Und das war der Anfang. Und wenn man dann liest die Namen, wundert man sich immer wieder: kein slawischer Name, kein slawischer Name... Nehmen Sie andere Dörfer hier, es ist umgekehrt. Slawische Namen, viele-viele slawische Namen. Sie... zur heutigen Zeit, jetzt, können Sie ja nicht mit in Vergleich nehmen durch die Flüchtlinge, da müssen sie viel, die hier gekommen sind, die Namen mitgebracht und — na muss ich eben die Vorkriegszeit nehmen als Vergleich- ich habe den Vergleich denn auch noch früher gemacht bis auf dem letzten Jahrhundert, es ist tatsächlich so hier, in diesen Dörfern ist überwiegend die Namen germanischen Ursprungs, deutschen Ursprungs. Eigenartigerweise.

I v a n o v a : Überwiegend?

S e h l a n d : Ja, in diesem Teil der Griesen Gegend, sogenannten Griesen Gegend.

M y l' n i k o v : Und Ihre Name ist friesisch nach Herkunft?

S e h l a n d : Ich weiß es nicht, wahrscheinlich.

M y l' n i k o v : Wie schreibt man Ihre Name? Seeland oder mit h?

I l s e - M a r i a : Mit «h».

M y l' n i k o v : See, da «h» und land?

I l s e - M a r i a : Mit «d».

S e h l a n d : Aber meine Vorfahren, die ich bis 1500 zurückverfolgen kann, verwechseln das immer: mal mit nur einem «e», zwei «e», mit «eh», mit «ä» sogar dabei, ne? Es ist verwechselt gebraucht. Und es hing davon ab, Sie wissen ja, wenn der Amtschreiber kam um die Leute auszunutzen ihnen in die Rangfolge, der ging... der schrieb dem Gehör nach, schrieb er es auf. Und die Leute auf dem Amt, wieder die dort saßen, die die Schönschrift schrieben, die waren ja oft von woanders hier.

I v a n o v a : Und Herr Walter Sehlandt aus Loosen, ist er auch...

S e h l a n d : Mit Walter Sehlandt, mit Walter Sehland bin ich verwandt, weil der war ja, Walter Sehlandt, der von dem ich sagte, auch schon seit ungefähr 1560 auf dem Boden ist. Das letzte Haus, das habe ich noch kennen gelernt noch, das ist erst wohl in den {19}50-er Jahren abgebrochen worden, das war 1739 noch... noch an Feuer... noch in der Zeit aufgebaut worden. Und Walter Sehlandt ist der typische, eigenartig typische, in seiner Gestalt alles sehr typische Soziallage. Von der Gestalt hier, ne? Es ist viele kleine Menschen in dieser Gegend, viele, viele kleine Menschen und viele, viele Jugendlichen. Das ist wieder die andere Seite, also hat sich das slawische Element doch irgendwie großartig hier durchgesetzt, ne? Das ist offensichtlich. Denn ich weiß es nicht anders zu erklären.

M y l' n i k o v : Herr Sehland, sagen Sie, sagen Sie bitte, der Verfasser diese Wendländische... Wendländische Chronik, war sein Name nicht Henning?

S e h l a n d : Ich hab´ ich hab´ mir leider nicht gemerkt, es ist einige Jahre her, ich hab´ es mir leider nicht gemerkt, leider nicht gemerkt das. Ich hab´ mich für die Innere interessiert, nicht für seinen Namen, weil ich niemals dachte, dass mich jemals irgendeiner fragen würde. {lacht}.

M y l´n i k o v : Es scheint mir, dass es soll Henning sein. Ich glaube, Henning.

I v a n o v a : Wie unser Bekannte aus Loosen. {Dr. Wolfgang Henning aus Hamburg, Besitzer des Hauses am Dorfteich 2 in Loosen, ein geheimnisvoller Begleiter der Expedition, der uns während des Erntefestes in Krenzliner Hütte kennen gelernt hat, dann regelmässig besuchte und reich Alkohol spendierte, überall fand und endlich spurlos verschwand}.

S e h l a n d : hier muss man ein bisschen vorsichtig sein, ne? Wenn Sie ein paar Zeilen schreiben in das Archiv, an die Bibliothek, wird man Ihnen sicherlich antworten. Bad Beben ist heutzutage ein Bad, ein Kurort, der hat Anfang der 1970-er Jahre nach Ül Geburt man fand Wasser, ne?

I v a n o v a : uhu...

S e h l a n d : So, denn heißes Wasser — Wasser Jole heißt es — und da hat man ein Bad gebaut, und das wurde immer grösser und ein volkreiches, auch jetzt beliebtes Bad... 28 bis 30 Grad war die Temperatur draußen und drinnen... wir waren auch dabei dorthin einige Tage, und dann bin ich natürlich auch in die Bibliothek zugegangen... gegangen. Deshalb kam es zustande.

M y l´n i k o v : Sehr schöne Kekse.

I l s e - M a r i a : Sie können ruhig noch ein Stückchen nehmen.

M y l´n i k o v : nein, nein, danke schön! Bloß ich möchte...

I v a n o v a : Die Torte schmeckt ausgezeichnet.

N o v i k : Ja, ausgezeichnet.

I l s e - M a r i a : {zu Novik} Ja, Sie noch?

N o v i k : Ja, gerne.

I l s e - M a r i a : Ja, gerne, machen wir doch!

N o v i k : Danke.

I v a n o v a : Haben Sie selbst gebacken?

I l s e - M a r i a : Ja.

I v a n o v a : ja? Darf ich nach dem Rezept fragen?

I l s e - M a r i a : Ja.

I v a n o v a : Ich backe nämlich auch gerne.

S e h l a n d : Wenn Sie mich fragen nach dem Namen Sehland, ich mache auch etwas Namenforschung.

M y l´n i k o v : Ja...

S e h l a n d : Und ich hab´ den Namen gefunden in Norwegen, genau so wie in Sachsen, in Thüringen, überall — also, nicht jetzt eben wohl, schon vorher — wobei ich... in Vielank wieder, ... dass in einigen Orten diese Leute früher See-

lands hießen, dass irgendwann plötzlich einmal umkippten, dass Sehland stand. Der Pastor, der neue Pastor, der schrieb Sehland, es ist richtig.

M y l' n i k o v : Nu ja, ja. Ich frage, weil was über die Chronik geht, wenn die Rede über Chronik geht, so werden wir es gewiss in Wendland erfahren, das ist kein Problem.

I v a n o v a : Das ist die Frauensache.

I l s e - M a r i a : Bitte?

I v a n o v a : Das ist die Frauensache, die wir besprechen.

S e h l a n d : es ist ja im Wendland, haben sich ja die Dorfformen, Sie wissen ja, viele haben gehalten auch mit Interesse angesehen, wie viele Rundlinge es dort noch gibt, wir sagen: Rundlinge oder Sackplatzdorf, die Formen, die hier meistens verloren gegangen sind, Sie waren wahrscheinlich bei Pastor Tuttas in... na, wie heißt unser Dorf, das ist auch ein berühmtes Rundlingsdorf...

I l s e - M a r i a : Und das berühmte? Tewswoo? Ist auch ein...

S e h l a n d : Nein, hier. Ich kann jetzt eventuell die ganzen...

I l s e - M a r i a : {lacht} Hohenwoos.

S e h l a n d : Hohenwoos.

I l s e - M a r i a : Da waren Sie, ja?

I v a n o v a : Ja.

S e h l a n d : In Hohenwoos?

I v a n o v a : Ja.

M y l' n i k o v : Wir waren in zwei Dörfer an Dorffeste. Erntefeste. War es sehr interessant.

S e h l a n d : Ja.

M y l' n i k o v : Am liebsten war es für uns in Loosen. Ja, die haben da die 14 Traktoren mit Wagen, die geschmückt waren mit Obst, mit solche Puppen, mit Strohpuppen.

I l s e - M a r i a : Wir waren gar nicht da gewesen.

M y l' n i k o v : Wir haben das auch in Geschenk bekommen, nicht für uns persönlich, sondern für unseren Museum. Ich habe zuerst nicht erzählt, wer wir sind, ja? Wir arbeiten in ältesten russischen Museum, der Peter der Große gegründet hat im Jahre 1714, also ist unser Museum... {die Aufnahme wird unterbrochen}.

S e h l a n d : ... dann wenn Sie einmal, sehen Sie noch damals, kam ein Mann an, statt ein Hut auf, 'ne Krawatte, wer ist denn, wer ist... nun sagte man: Wossidlo. Da war ich ganz aufgeregt, ne? Professor Wossidlo hinkam, hier in diese ferne Ecke Mecklenburg. Ganz systematisch, der ließ kein Dorf aus, jedes Dorf, jede Ecke, wen er überhaupt fragen konnte, hat gesammelt, alles auf kleinen Zetteln notiert.

M y l' n i k o v : Ja, habe ich gesehen. Wann starb er? In 1930-ste Jahre?

S e h l a n d : Ja, ja, in 1930-er Jahren.

M y l' n i k o v : Vor dem Krieg noch?

S e h l a n d : ja, ja, vor ´m Krieg. Vor ´m Krieg, wann kann ich nicht genau sagen, vielleicht 1931, das war noch vor dem Krieg. Der hat sich sein ganzes Leben lang auf solchen Sachen gestellt. Forschung, Forschung, Forschung. Alles festhalten, was zu verlieren war. Ja, Sie interessieren sich für diese Gegend auch. Vorher standen natürlich hier überall die Bauart des niederdeutschen Hallenhauses. Hier existiert ein Rest eines Hauses noch im sogenannten Bauerndorf, das ist vor der Kirche ist der Teil, nennt sich Bauerndorf.

I v a n o v a : Und dieser Teil? Wie heißt dieser Teil?

I l s e - M a r i a : Wie heißt dieser Teil?

S e h l a n d : Ne, ne, dieser Teil hat keinen Namen, das ist das sogenannte Bauerndorf und die Straße wird Chaussee genannt, weil das nun die Straße nach Ludwigslust ist.

I l s e - M a r i a : Aber jetzt heißt sie Lindenstraße inzwischen.

S e h l a n d : ja, die alten Namen, die üblich waren, die gehen auch nicht mehr viele hier.

I v a n o v a : Ja, ich frage, weil es in Loosen zwei Teile gibt, Bauerndorf und, wo die ehemaligen Häusler...

S e h l a n d : Ja, stimmt, stimmt, stimmt. Ja, ja, wo die Häusler wohnen, das ist richtig.

I l s e - M a r i a : Ja, hier auch so ähnlich, hier auch im Bauerndorf haben nur Bauern gewohnt und dort haben die Häusler und die Büdner gewohnt.

S e h l a n d : Nur dass hier hat man sie nicht so bezeichnet, Büdnerdorf.

I v a n o v a : Und dieses Haus war die ehemalige Büdnererei?

I l s e - M a r i a : Dies war ´ne Büdnererei.

S e h l a n d : Dies alles war ´ne komplizierte Sache, wo ich selber hin und wieder ... es war die Büdnererei Nummer 10.

I v a n o v a : Uhu.

S e h l a n d : Man nehme das an, Nummer 9, das geht ja noch, aber dann kommt Nummer 4 und totales Chaos, und jetzt ein Nachbardorf im letzten Jahrhundert gegründet Kavelmoor das gehört ja zu Leusow wieder, und die Büdnerereien Nummer 7, 8, 14, 15 ist wieder Kavelmoor, das ist ein Chaos.

F r e d R u c h h ö f t : Das ist immer der Reihe nach diese aufgebaut wurden.

I l s e - M a r i a : Wahrscheinlich.

S e h l a n d : Ja-ja. Aber jetzt aus der heutigen Sicht daraus bis in den... na ja, bis in die... jetzigen, nach dem Krieg noch hat... gab´s ja noch keine Strassennamen, es gab nur die Bezeichnungen, er wohnt Nummer 10, Büdnererei 10, der wohnt im Buerndorf, im Haus Nummer sowieso. Und ähnlich ist es auch in Loosen gewesen.

I l s e - M a r i a : Es gab ja schon Flöt da oben, Meisterstraße auch.

S e h l a n d : Ach nein, jetzt keine mehr gibt. Meisterstraße heißt eine Strasse hier, weil dort die Handwerker wohnten. Ne? Becker, Tischler und... Schuster,

und da sagten die Leute im Dorf «die Meisterstraße», obwohl jetzt kennt keiner den Ausdruck mehr, auch sehr wenige von den Alten. Ja...

I l s e - M a r i a : Ja. Ja.

S e h l a n d : Ist nun auch vorbei...

I v a n o v a : Ich habe gemerkt, dass die meisten Häuser oder fast alle Häuser mit der Traufeseite an die Straße stehen...

S e h l a n d : Ja.

I v a n o v a : Warum ist es so? Nicht mit der Giebelseite?

S e h l a n d : Ja, das ist daher so, nachher wurde...

I v a n o v a : Ernte, ne?

S e h l a n d : ...früher war die Giebelseite eigentlich immer zur Straße, da wird ma' Stelle ´reinkommen mit dem Wagen, und im Bauerndorf war es bei allen Häusern einst so gewesen, aber dann kam... die Bauern um die Jahrhundertwende ein schönes Wohnhaus haben, ´n schönes Wohnhaus haben, und dann bauten sie sich vor dem alten Gebäude das Wohnhaus quer zur Straße. So fing das an. Und hier, wenn Sie an der Kirche vorbeigehen, links sehen Sie hinter den Wohnhäusern noch ein altes Bauernhaus. Noch. Das hat noch oben den alten Spruch noch drin, die alten Zeiten noch... und... kann ich auch nicht mehr sagen. Das ist das letzte, das hier äußerlich zu sehen noch ist.

I v a n o v a : Steht es immer noch?

S e h l a n d : Ja, ja. Das steht noch.

I v a n o v a : Ja?

I l s e - M a r i a : Das steht aber dahinten, hinter den Wohnhäusern.

S e h l a n d : Ja, ja. Weil die ja vorige...

I v a n o v a : Also, fotografieren dürfen wir nicht im Prinzip.

S e h l a n d : Ja, sicher... Nee, hier keiner was gegen hat.

I v a n o v a : Nein?

I l s e - M a r i a : Na ja, Sie müssen dann aber auf das Grundstück...

S e h l a n d : Na ja, dann fragt man eben, ob man darf, und man immer erlaubt, haben die immer erlaubt.

I v a n o v a : Ist es hier, in der Friedensstraße? Ja?

I l s e - M a r i a : Das ist aber nicht das... das ist das zweite Haus...

S e h l a n d : Das zweite Haus ist es, ja. Das stand ja...

I v a n o v a : Hinter der Kirche.

S e h l a n d : 1913...

I l s e - M a r i a : Nee, hinter dem Pfarrhaus.

S e h l a n d : 1913 da stand daneben noch eins, ist aber abgerissen inzwischen. Und hier drüben. Alle abgerissen. Hinten steht noch eine... dieses kleine Haus mit dem gelben...

I v a n o v a : ...Kreuz?

S e h l a n d : Na, Kreuz nicht, das Ding ja...

I l s e - M a r i a : Ach so, ja, Rand
S e h l a n d : Rand. Nä, das war eine Büdnerlei, ne? Und welche Nummer, weißt du das? Nicht.

I l s e - M a r i a : Ne. {lacht}.

S e h l a n d : Aber das ist... noch da wohnt einer drin, auch ein Zugezogener. Ne?

I l s e - M a r i a : Ja, jetzt, nach der Wende zugezogen.

S e h l a n d : Den sieht man sehr sehr selten.

I v a n o v a : Und viele alten Häuser waren hier abgerissen?

S e h l a n d : Ja. Und hier, wenn Sie im Bauerndorf auf der rechten Seite gehen, da sind so die Wohnhäuser aus der Zeit um die Jahrhundertwende bis 1910 gebaut, ist ein eigentlich noch sehr schöner Schuss, ist noch eine schöne Hacketür noch drin...

I l s e - M a r i a : Ach so, du meinst das Wohnhaus jetzt!

S e h l a n d : Und daneben steht noch sogenannte Scheune, die Reste des alten Bauernhauses noch, in dem die Leute früher tatsächlich wohnten. Ich hab' noch Fotos davon auch... und das, was noch dazu gehört, was man machen kann, wie es damals aussah, immer mit dem... mit der Gibelseite, mit der Dieleneinfahrt zur Straße. Alle.

I v a n o v a : Ist es auch hier in Leussow?

S e h l a n d : Ist auch in Leussow.

I l s e - M a r i a : War überall so.

S e h l a n d : Denn wenn Sie anders werden Sie es nur vielleicht im Nord-Westen Mecklenburgs vorfinden, weiß ich gar nicht, was für die Häuser die haben. Aber hier sind sie immer so. Bei diesem Haus ist es etwas anders, andere Gründe, es ist auch eine Büdnerlei. Ich weiß nicht, warum dieses Haus längst zur Straße steht, sie praktische Gründe gehabt haben: es ist 'ne sehr feuchte Gegend hier...

I l s e - M a r i a : Ja, was für Wasser die hier gehabt haben!

S e h l a n d : ...durch die Melioration in der gesamten Gegend ist der Grundwasserspiegel wohl etwa ein Meter gesunken. Aber wir haben noch erlebt im Winter, dass Wasser — übertreibe ich jetzt nicht — 30 cm unter dem Haus war. Weil es stark regnete, dann oben drauf, dann wieder schneite, dann wieder der Schnee schmolz, ganz Winter. Konnte man schwitzen, denn Wasser immer höher konnte... War sehr feucht hier. Loosen liegt trocken da oben. Ist günstiger dort.

I v a n o v a : Ja. Loosen liegt höher.

S e h l a n d : Und das alles hat natürlich das Dorf hier nicht gestärkt. Gräben, überall Gräben, zwischen den Häusern Gräben zum ab... um das abzuleiten, es ist alles nach dem Krieg zugeschüttet worden — viele wussten den Sinn dieser Gräben nicht. Leider sind sie zugeschüttet worden. Wir graben hier, entlang dieses Grundstücks hier ist ein Gemeindegraben, der gehört der Gemeinde. Und sonst wäre er auch schon zugeschüttet worden. Und der Nachbar hier hat ein Graben,

der hat aufgebaut sein neues Haus, stand neben anderen, war ein altes Niedersachsenhaus. Mussten Sie auch gesehen haben, habe ich gar nicht mit.

I v a n o v a : Und wann wurde es abgerissen?

S e h l a n d : Wann? Na, 1950 sicher.

I l s e - M a r i a : Na, in der Zeit.

I v a n o v a : Und außer diesen alten Hallenhäusern gibt es hier alte Backöfen?

S e h l a n d : Alte... Also, es gibt hier noch ein, bei Biemann hier.

I l s e - M a r i a : Ja.

I v a n o v a : In dieser Straße, Ludwigsluster [Straße]?

S e h l a n d : Ja, ja.

I v a n o v a : Ja, habe ich fotografiert. Und warum steht der Ofen immer noch? Gebraucht man den?

S e h l a n d : Nein, der wird nicht gebraucht.

I v a n o v a : Wird nicht gebraucht?

S e h l a n d : Na... der steht eben... der sagt: er stört ja denn niemanden. So kann man ihn auch stehen lassen.

I v a n o v a : Wie 'n Denkmal?

I l s e - M a r i a : Ja, genau.

S e h l a n d : Schauen Sie, Sie waren bei Walter Sehlandt. Das alte Haus, ich hab' es noch kennen gelernt, welches abgerissen wurde vor der Wende, 1985 war das wohl?

I l s e - M a r i a : Nee, eher war das noch, eher. 1975!

S e h l a n d : Ja, Einfahrt zur Straße. Der Wohnteil nach Norden, kleine Räume, genau aufgeteilt wie hier, das Haus aber schon — wie soll ich sagen? — modernisiert im Laufe der Zeit, das heißt: man hat eine Seite aufgemauert, das Haus ausgepackt, so, nun wurde jetzt, erst in dem Anfang der 1970-er Jahre ist es vom Hof zu schauen, hatten sie das Wohnhaus aufgebaut, bis dahin hat man noch im alten Haus gewohnt.

I v a n o v a : Ja. Herr Sehlandt hat noch einen alten Balken mit der Inschrift aufbewahrt.

S e h l a n d : Ja, und was kann er damit?

I l s e - M a r i a : {lacht} Gar nicht!

S e h l a n d : Es ist so, das kann nicht bei ihnen sein.

I l s e - M a r i a : Bei Suerbier...

S e h l a n d : Hier im Dorf wohnt einer Suerbier, im...

I v a n o v a : Ja, den kennen wir.

I l s e - M a r i a : Ach!

S e h l a n d : ...in der Büdneri, ne?

I v a n o v a : Den kennen wir.

I l s e - M a r i a : Dann kennen Sie ja schon alles.

S e h l a n d : Und der erzählt, der sagt immer, ich habe hier ein alten Balken, können Sie sich mal ansehen. Habe ich den noch fotografiert, so habe ich alles das zusammengesucht, die Namen waren nicht mehr richtig zu erkennen, das gehörte dem Haus von Walter Sehlandt. Nun hat der gesagt, der will seinen alten Balken wieder.

I v a n o v a : Uhu... {*alle lachen*}.

S e h l a n d : Nun ist es ja 20 Jahre her. 20 Jahre her.

I l s e - M a r i a : Und den haben Sie fotografiert?

I v a n o v a : Nee. Haben wir nicht. Den haben wir nicht gesehen. Herr Sehlandt hat uns nur darüber erzählt. Aber nicht gezeigt!

I l s e - M a r i a : {*lacht*} Dass er ihn nicht hat! Kann ja nicht sein.

R u c h h ö f t : Dann holt er sich ja jetzt.

{*alle lachen*}

S e h l a n d : Vielleicht, vielleicht... so krank an allem möglichen, seine acht Kinder bis auf ein verheiratet, und wenn sie dreißig Leute und mehr ist seine Familie...

I l s e - M a r i a : Sei immer was los. Und Sie sind auch aus Petersburg? {*zu Ivanova*}

I v a n o v a : Ja.

I l s e - M a r i a : Und Sie auch? {*zu Novik*}

N o v i k : Ja.

S e h l a n d : Na, was ist los! {*alle lachen*} In Moskau lebte einmal... lebte auch ein... eine erste... die musste es gewesen sein, die 's Sehlands gibt. Ich habe die irgendwie... oder 'rausgefunden... Also, Sehland jetzt der Name Sehland taucht auch ganz in anderen Ecken noch wieder auf. Doch fragen Sie nicht, woher der Name kommt, also, er wird wahrscheinlich verschiedene Ursprünge haben. Die einen vielleicht eben waren sie aus Island, kommen aus Sehland, aus der Ecke, die anderen kommen vielleicht... ganz andere Gründe gehabt... dass einer am See gewohnt. Es hat auch gegeben, dass soviel geforscht und geforscht und...

I l s e - M a r i a : Sie wissen wohl auch, woher Ihre Namen kommen?

I v a n o v a : Na ja, ich habe einen typischen russischen Namen von Ivan, vom Personennamen.

I l s e - M a r i a : Ja, ja.

M y l ' n i k o v : Und sagen Sie bitte Ihre Vornamen. Ihre Vorname.

I l s e - M a r i a : Ilse-Maria.

M y l ' n i k o v : Else-Maria?

I l s e - M a r i a : Ilse.

M y l ' n i k o v : Ilse?

I l s e - M a r i a : Uhu. {*lacht*}

M y l ' n i k o v : Und Herr Sehland.

I l s e - M a r i a : Wolfgang.

S e h l a n d : Ich heiße Wolfgang.

M y l ' n i k o v : Wolfgang. {*Pause*}. Also, Ihre Frau hat zwei Namen... Vornamen und Sie haben nur eine.

S e h l a n d : Ja. *{Ilse-Maria lacht}*
M y l ' n i k o v : Warum so ungleich?
S e h l a n d : Meine Frau hat vier Vornamen, um genau zu sein, aber die zweite denn ist... allgemeine Vornamen.
{im Hintergrund sind das leise Gespräch zu hören}
S e h l a n d : Und ja... Das ist für Sie jetzt noch überhaupt zu machen, was hier man noch tun... sehr schwer... um diese Gegend.
I l s e - M a r i a : In Lübtheen sind Sie auch gewesen? Nie, ne?
I v a n o v a : Nein. Noch nicht.
I l s e - M a r i a : Ach so. Dann müssen Sie auch noch hin.
M y l ' n i k o v : Tee?
I l s e - M a r i a : Lübtheen.
I v a n o v a : Lübtheen.
M y l ' n i k o v : Ah, Lübthin! Ja, wir fahren dorthin. Ich hoffe, wir haben da Ramm, ja? Ramm gesehen, ja diese...
I l s e - M a r i a : Ramm, ja. Sind Sie auch im Schießgebiet gewesen da?
M y l ' n i k o v : Sperrgebiet?
I l s e - M a r i a : Im Sperrgebiet.
M y l ' n i k o v : Ja. Ich kann nicht sagen, dass überall, aber etwas haben wir da gesehen.
I l s e - M a r i a : Ja, Ramm. Quast ist ja, da gibt's nichts mehr.
I v a n o v a : Ja, aber es steht immer noch auf der Karte.
I l s e - M a r i a : Ach so.
S e h l a n d : Es stand bis zur Wende auch die auf den Karten immer drauf, und jetzt nach der Wende immer wird immer seltener.
I l s e - M a r i a : Und früher ist man, wenn man nach Lübtheen von hier immer durch den Wald gefahren, ne? das waren nur zehn Kilometer. Und jetzt sind das... 25?
R u c h h ö f t : Ja.
R u c h h ö f t : Wie lange ist es, seit es Quast nicht mehr gibt?
S e h l a n d : Seit... ja dort ausgelost wurde es durch die NVA, die NVA ist Nationalvolksarmee hatten diese Burschen das große Sperrgebiet eingerichtet. Jetzt hat die... solche Burscharmee ein kleines, ganz kleines Gebiet. Und dann kam ein großes... Es muss auch weiter zuge... Angefangen hat es schon bei Hitler.
I l s e - M a r i a : Ja, bei Hitler.
S e h l a n d : Bei Hitler hatten sie eine sogenannte Philo-Bahn eingerichtet, eine kleine Versuchsbahn für die Schütze, für die Schosse, aber eine kleine, schmale. Dann haben die großen Tiefenspange dort, also, ein berühmter Käfer, der hat dieses Riesen-Waldgebiet in ausgehöhlt. Das heißt: Riesen- sämtlichen die schaffen das hin. Und die sind — das war grade im Bockup — und da hat man dann wieder aufgebaut. Die Wälder wieder aufgeforstet. In diesem Ge-

biet richtete man nachher ein Schießgebiet an und vergrößerte dann das ganze auf etliche Hektar, auch insgesamt waren es... Hektar ist das Sperrgebiet groß. Und zur DDR-Zeit war es so, da war hier ein kleines Schießperrgebiet, Zutritt verboten, musste man Ausweise haben, und ist es schon passiert, dass man am Sperrgebiet war, und hat was mitgekriegt, aber das funktioniert auch keiner... dann hat die Bundeswehr das übernommen und systematisch alles abgeriegelt. Wenn ein zufällig in den Wald kommt, wird er aufgeschüttelt, alle Hundert Meter ein Schild, total abgeschottet jetzt. Kommen Sie nur noch 'rein, wenn Sie Bescheid wissen... Vielleicht nach der Wende hatten die Gelegenheit mit den Armee-Förstern um das Ganze genau anzukucken, es ist ein bisschen traurig gewesen, in der Lüneburger Heide, große Heideflächen, große, schöne Heideflächen. Wunderschön.

R u c h h ö f t : Das hat die Armee aber so an sich, dass in anderen Gegenden die suchen.

S e h l a n d : Die kümmern sich. Schade!

R u c h h ö f t : Das ist die beste Naturschutzgebiet.

S e h l a n d : Ja. Jetzt ist die andere Zeit. Ja. Das war die... Hohenwoos ist...

I l s e - M a r i a : ...besser sind alte Bauernhäuser in Hohenwoos. Ne?

S e h l a n d : Das war das jetzt mit dem Neubau des alten Hauses, das haben Sie gesehen, dass das alte Haus jetzt wird neu aufgebaut. Niedersachsenhaus. Das Gerüste steht wohl seit drei Jahren dort. Steht ohne Dach. Wenn Sie da waren, haben Sie gesehen.

I v a n o v a : Ja.

R u c h h ö f t : Das kennen alle.

S e h l a n d : Muss offensichtlich...

I v a n o v a : Aber daneben steht noch ein altes Hallenhaus, nicht abgerissen, nicht so wie das Haus, wo das neue Gerüst ist, mit großen Raseneisensteinen gebaut, aber scheint nicht belebt zu sein.

S e h l a n d : Ja... Ich glaube selber, dass sie gar nicht mit Raseneisenstein gebaut sind, sondern erst nachkrieglich ausgerüstet worden waren. Ich glaube, dass sie ursprünglich mit Lehm waren, und erst nach Krieg... denn ich sprach von dem Haus von Walter Sehlandt, Walter Sehlandt aus Loosen, das war ursprünglich auch ein Volllehm-verhuftes Haus, und das wurde nachher dann umgebaut. *{Lautstörungen}* ...Walter Sehlandt hat es stehen lassen, es soll abgerissen werden... aber sein Vater lebte noch. Und seines Vaters wegen, da stand das alte... die alten Maschinen standen da noch. Deswegen. Aber als der Vater starb, dann zwei Jahre später war's weg, das Haus. Blitzsauber waren die letzten Reste weg. Gegenüber stand noch ein Haus, von 1757, das ist gerade eben in der Wende-Zeit abgebrochen worden, in einer Novation.

M y l ' n i k o v : Sagen Sie bitte, haben Sie schon geantwortet, vielleicht ich habe zerstört Ihre...

S e h l a n d : Nein, nein.

M y l ' n i k o v : ...Ihre weitere Rede, ich will nur eine Frage stellen, die mich immer interessiert: war zum Beispiel in diese Dorf oder in andere Dörfer hier in dieser Gegend ein Raum im Bauernhaus oder eine besondere Bau, wo man sich waschte, also Sauna.

I l s e - M a r i a : Nein.

S e h l a n d : Sowas kannte ich hier nicht.

M y l ' n i k o v : Nein. Und wo waschten die Leute? In Diele oder wo?

I l s e - M a r i a : In der Küche.

M y l ' n i k o v : In der Küche. Wenn sie überhaupt waschten. *{lacht}*

S e h l a n d : Ein kleines bisschen Wasser reichte zum Waschen.

M y l ' n i k o v : Ja.

S e h l a n d : Man hatte...

I l s e - M a r i a : Aber sonnabends wurde immer gebadet in solchen großen Wannen.

S e h l a n d : In einer Wanne, die auf dem Boden stand. In einer Zinkwanne oder Bottich.

M y l ' n i k o v : Aber wo standen sie?

I l s e - M a r i a : Im Haus. Im Haus.

M y l ' n i k o v : Aber wo? In welchem Raum?

I l s e - M a r i a : Meistens in der Küche. Glaub' ich.

M y l ' n i k o v : An der Küche?

I l s e - M a r i a : So denke ich, ja. Es gab aber immer noch eine Waschküche. Wo die Wäsche gewaschen wurde.

M y l ' n i k o v : Aha.

I l s e - M a r i a : Da war ein großer Kessel und da wurde die Wäsche drin gekocht. Ach, das Aschensäure war das.

I v a n o v a : Und gab's sowas in Ihrem Haus?

I l s e - M a r i a : Hier gab's das, ja.

I v a n o v a : Ja?

M y l ' n i k o v : Es war besondere?

I l s e - M a r i a : Ja. Hier gab's eine Waschküche und eine Küche. Und wir haben jeden Sonnabend gebadet in solcher großen Zinkwanne. *{lacht}*

M y l ' n i k o v : Na ja. Brauchen Sie noch heute, nein?

I l s e - M a r i a : Nein, die ist schon lange verschwunden.

{Beide lachen}

S e h l a n d : Bei Walter Sehlandt ist es so, wenn die acht Kinder — denn Sonnabend war ein Badetag — dann war eine Badewanne gefüllt und da badeten alle nacheinander.

I v a n o v a : Ja, ja. Sowas habe ich schon mal gehört.

S e h l a n d : Ja?

{Ilse-Maria lacht}

I v a n o v a : Das kenne ich Gott sei dank nicht, aber ich hab' davon gehört.

S e h l a n d : Und dann hier ist noch eine alte Sache im Haus, ist auch nur noch...

I l s e - M a r i a : Ist alles weg.

S e h l a n d : ...und die eine alte Tür, die habe ich noch verwahrt — hier zu dieser Kammer hier war eine Tür *{zeigt die Stelle in der Stube, wo die Tür früher war}*...

I l s e - M a r i a : Ist die alt?

S e h l a n d : Die ist auch ungefähr 130 Jahre alt, und dann oben noch ist dieser lange Bottich, dieser langgestreckte... dass die das... Langer Trog war oder die... so lange und ausgehüllte aus einem Baum.

I v a n o v a : Aha... wie Einbaum.

I l s e - M a r i a : Ja. Genau.

S e h l a n d : Und dann hört das auch schon langsam auf, und hier... dann hier noch... ist ja auch schon... die neuere Zeit, über die Elektromotor hängt. Und da steht's noch so ein mächtiger Elektromotor.

I v a n o v a : Und den haben Sie, hatten Sie schon immer, ja?

S e h l a n d : Der steht noch, ja. Und wir wissen wohl nicht...

I l s e - M a r i a : Was steht noch?

S e h l a n d : Der Elektromotor.

{Ilse-Maria lacht}

I v a n o v a : Meinen Sie die beiden alten Sachen?

S e h l a n d : Die...die Tür steht noch, gibt's die noch.

I l s e - M a r i a : Die ist aber auch schon zergammelt.

I v a n o v a : Und darf man sie ankucken?

S e h l a n d : ...und müssen Sie vorsichtig sein...

{Ilse-Maria lacht}

I v a n o v a : Ja?

I l s e - M a r i a : Wo steht die wahr?!

S e h l a n d : Die steht in... letzten...

I l s e - M a r i a : Ach so!

S e h l a n d : Im ehemaligen Pferdestall. Hier sind die Bezeichnungen immer noch alle Kuhstall, Pferdestall.

I l s e - M a r i a : Wir reden noch über den Kuhstall, Pferdestall.

S e h l a n d : Damit wir Bescheid wissen, was wo ist.

{alle lachen}

S e h l a n d : So haben wir jetzt neben ein...

I v a n o v a : Kuhstall, Pferdestall, das sind verschiedene Räume Ihres Hauses?

I l s e - M a r i a : Ja. Ja.

S e h l a n d : Ja. Schauen Sie, hier nebenan ist noch ein Raum, das war das spätere Wohnzimmer der Eltern meiner Frau, und dahinten...

I l s e - M a r i a : ...war der Kuhstall.

S e h l a n d : Dann gab's... ja, aber da war früher eine kleine Altenteilerkammer, nich?

I v a n o v a : Uhu.

S e h l a n d : Die wurde im 1938 ungefähr um... nach für die Kuhraum, für die Kuhstall. Und jetzt haben wir die neu aufgebaut, wieder ein neues Fenster kommt mit dem alten... mit der alten Sprossenaufteilung. Und im Gebäude sind alle Fenster nach dem alten Sprossenaufteilung wieder aufgerissen, wie es früher war.

I v a n o v a : Und hier war eine Stube.

S e h l a n d : Nein.

I v a n o v a : Nein?

S e h l a n d : Hier war die Kammer, eine kleine Kammer, ich sagte, oben kann man noch den Balken sehen, den hier die Wand, die hier drin war, die war

I v a n o v a : Ja, das haben Sie gesagt, ja.

S e h l a n d : Und dieses Fenster hier, das habe ich durchgebrochen.

I l s e - M a r i a : Damit wir ein bisschen heller haben.

I v a n o v a : Und wo war... waren die Wohnzimmer?

S e h l a n d : Daneben war die Wohnstube. Doppel zu groß wie die. Eine Wohnstube.

I v a n o v a : Ah, ja.

S e h l a n d : Und daneben war das Schlafzimmer und dahinten wieder eine Kammer. Die typische auf...auf[teilung], die Sie hier finden.

I l s e - M a r i a : Da, wo sie jetzt ist etwas kleiner.

I v a n o v a : Und wo ist die Stube, wo die Altenteiler wohnten?

S e h l a n d : Über uns ist, da konnte man früher hier von der Wohnung aus nach oben drauf, da war eine kleine Diele...

I l s e - M a r i a : Über eine große Diele konnte man darauf.

S e h l a n d : ...und ja, und hier die kleine Treppe nach oben.

I v a n o v a : Aha, also, oben?

S e h l a n d : Über uns. Sie können sehen die Fenster oben drin. Nun ist aber keine Wohnung mehr. Das ist jetzt... auch keine Rinde hier stehen mehr.

M y l ' n i k o v : Und wo war Diele hier, in diesem Haus?

S e h l a n d : Die war hinten.

M y l ' n i k o v : Hier oder weiter? Hier, ja?

S e h l a n d : Hinten, hinten. Im Wirtschaftsteil.

I l s e - M a r i a : Wir können ja dann nachher mal hingehen.

M y l ' n i k o v : Ah, in diesem Teil, ja. Sagen Sie, auch heute halten Sie irgendein Vieh...

{die Aufnahme wird unterbrochen}

{Ende des Interviews}

Расшифровка записи беседы с Эллой, Анетте и Манфредом Лют

М y l' n i k o v : Auch... also da ist diese Problematik, aber zuerst uns interessant zu wissen, ä...für uns interessant zu wissen, ob existieren solche Familien hier in Dorf, welche viele Jahrhunderten zum Beispiel hier lebten, vielleicht sind es Leute, die viele Familiensagen wissen, Familiengeschichten u. s. w. Es ist für uns sehr interessant.

A n n e t t e {*невестка хозяйки, Эллы Лют*} : Das ist hier bei uns nicht so begeben...

E l l a : Nee, also bei uns nicht, aber die, wie du bist, da... wo die...die stammen...

A n n e t t e : Haben sie diesmal ´rausgesucht? Und das ist da eine erarbeitete Chronik eines Herrn, der gar nicht mehr hier wohnt, sondern in der... im Raum von Köln, aber hier herstammt, von hier stammt. Ja, das ist ´ne ganz dicke Sache, und zwar hat der in den Kirchenarchiven in Ratzeburg und in Frankfurt am Main hat er dort gesucht und allerhand gefunden und auch zu der Kirche in Leussow einige Sachen ´rausgeschrieben und das ist da alles drin. Also man kann da allerhand erlesen, dass die Kirche ja 1205 erbaut wurde, dass die dann abgerissen worden ist und 1870 neugebaut ist, nä? Und und die Dinge, also das ist schon ganz interessant, weil eine lange Arbeit darin steckt und die Familienchronik bis 300 Jahre zurückreicht. Also 1630 hier anfängt und dieser Familienname Dubbe — meine Schwiegermutter ist eine geborene Dubbe, und diesen Namen zurückverfolgt und das ist indirekt damit verwachsen, aber allgemein ist eben... {*перебивает Элла*}

E l l a : ...hier in Leussow unsere Schrift, dass also der Name Dubbe ist von einem anderen Gehöft reingetragen, also mein Großvater war ein Dubbe, der ist hier auch keiner. Also dies ist nicht dieses Gehöft wurden Dubbes hier.

A n n e t t e : Und da haben wir von dem grade noch mal so ´n bisschen nachgelesen und eben auch festgestellt, das sind so paar Auszüge bei, ä...mit den ältesten Familien, die hier wohnten. Also diese Familie ist mehr oder weniger noch nicht so alt, also stammt aus den... von anderen Gehöften ab. Aber diese Familie hier nebenan, z. B... {*unterbrochen von Myl'nikov*}

М y l' n i k o v : Ein Moment, bitte schön, um ich besser weiter verstehe: das haben Sie gemacht?

A n n e t t e : Nein.

E l l a : Ein Dubbe hier gewesen, letztes voriges Jahr, der ist von Köln gekommen und das war, das war von meiner Opa, was war das? War er Bruder von Opa?

A n n e t t e : Ja.

E l l a : Sein Vater war der Bruder von meinem Opa. Und die stammen Dubbe zwei stammen sie ´raus: das waren 6–7 Jungs und ein Mädchen. Und dieser Onkel, der hat alles zusammengetragen. Und der ist gestorben in den 90-er Jahren und nun hat der Sohn, sagte er, er hat so viel Arbeit da reingesteckt, mein Vater,

und nu will ich das alles vervollständigen, sagte er. Und nu bin ich nach Loosen gewesen und hat der die letzten Daten noch zusammengetragen, von den Nachkömmlingen eben, die Heiratsdaten und Geburtsdaten und so was mit den Jahren hat er eingetragen, das ist hier auch bei. Mit diesem...

A n n e t t e : Das ist ganz interessant, das würde ich Ihnen mal gerne zur Verfügung stellen, dass Sie sich das ansehen können, so. Das muss man sich in Ruhe mal durchlesen, da stehen viele, sind viele Fakten drin, die für Sie vielleicht interessant sind.

M y l ' n i k o v : Ja, ja-ja.

A n n e t t e : Könnte sein, ja? Weil die allgemeine Dinge beschrieben sind, auch von... von der gesamten Dorfgestaltung her, auch von Leussow, von der Kirche, allgemein geschrieben, ist schon mal interessant zu lesen. Ja und allgemein zur Volkskunde jetzt, wenn Sie jetzt ganz alte Familien da suchen, da ist hier nebenan... *{unterbrochen von Ella}*...da ist so 'ne alte Familie, die da auf diesem Gehöft schon immer gewohnt haben. Bloß die Höfe sind ja nicht mehr existent, sondern die sind ja zum Teil abgebrannt oder abgerissen, neugebaut worden so in dieser Form, wie unser Haus jetzt auch ist, und wir haben 'rausgefunden, wenn Sie das interessiert, wie so früher das Haus ausgesehen hat. Das war z.B. jetzt dies Haus...Entschuldigung! Das war jetzt die alte Scheune, das alte Gebäude.

M y l ' n i k o v : Hier? Auf dieser Stelle?

A n n e t t e : Ja, das stand hier, auf dem Hof.

M y l ' n i k o v : Und wann war es fotografiert?

E l l a : Das weiß ich nicht. In den dreißiger Jahren, Anfang der 30-er Jahre?

A n n e t t e : Das ist jetzt dies Gebäude, und das ist dies hier. Da stand es noch.

I v a n o v a : Bis zu den 30-er Jahren? Bis wann stand es?

A n n e t t e : Bis... wann wurde das abgerissen?

E l l a : Dieses letzte Haus, dieses, da war... ach so, da waren drei Scheunen, die eine war abgebrannt und dann haben wir hier das Viehhaus aufgebaut, wann war das? In den 50-er... ich war '58.

A n n e t t e : Ja? 1958 ist das abgerissen.

M y l ' n i k o v : Und also die Foto aus dieser Zeit?

E l l a : Vor der Zeit.

M y l ' n i k o v : Nu, gewiss nicht nachdem, als gebrannt war, ja!

E l l a : Nee, nee.

A n n e t t e : 1958. Und dies ist hier der Teich, den Sie hier links sehen, das ist auch noch so 'ne alte Fotografie.

I v a n o v a : Das ist das Haus von Frau Knaape *{eine Rentnerin aus Loosen-Bauerndorf}*?

A n n e t t e : Von Frau Knaape, von Schmitz *{eine alte loosener Familie, das Nachbarhaus rechts von Knaape und links von Lüths}* und dahinten auch noch so...Gebäude, die z.B. gibt es nicht mehr, und das auch nicht.

I v a n o v a : Aha, das ist der Hof von Schmitz?

A n n e t t e : Ja.

I v a n o v a : Herr Sehland {*der vorherige Informant, ein Bewohner des Bauerndorfes Loosen, ebenso ein Nachbar von Lüths*} hat uns eben den Namen genannt.

A n n e t t e : Ja, bloß ä...das haben schon etliche registriert, diese, diese Kate, es wurde ja schon immer mal ein bisschen Forschung betrieben, immer es gab verschiedene Historiker, die denn hier unterwegs waren und haben sich diese Bilder ausgeliehen und registriert, nä?

Dies ist das noch mal, aber auch schwer zu erkennen, hier lag auch noch ein Haus, hier drüben, nä? Das ist Schmitz's Haus und das ist hier kommt Knaape, das ist Schmitz und hier lag noch eins.

M y l ' n i k o v : Das sind Schwane, Schwäne?

A n n e t t e : Ja!

I v a n o v a : Ja?

A n n e t t e : Gänse sind das wohl.

I v a n o v a : Gänse sind das.

M y l ' n i k o v : Gänse? Heute nicht schon? Oder schwimmen auch?

A n n e t t e : Ja. Ab und zu schon.

M y l ' n i k o v : Ich habe nicht gesehen.

A n n e t t e : Aber die meisten werden schon auf jedem Gehöft gehalten. {*Ella mischt sich ein*} Die verschmutzen das Wasser, damit drauf Acht gelegen...Dies ist auch so ähnlich, das Foto auch von den anderen...

E l l a : Da liegt unser Haus...sehen Sie da...

A n n e t t e : ...das ist unser Haus, das ist der alte...und da lag auch noch eine alte Scheune.

E l l a : Und hier neben an Sehland das neue liegt, das war hier eine Scheune. Ein Moment...{*an ihre Schwiegertochter*} die Scheune, die mit der Ecke so, die lag so vorne mit der Ecke...

A n n e t t e : {*an ihre Schwiegermutter*} Kuck mal, Oma, und dies hier?

E l l a : Ja, das ist Schmitz's Haus gewesen. Ja, das war Schmitz's Haus. Wie das neue schon gebaut hat.

A n n e t t e : Stand dies Neue denn daneben?

E l l a : Nein, das Neue steht hier.

A n n e t t e : Da vorne?

E l l a : Ja.

A n n e t t e : aber denn war dies...noch... also ist dies so alt, das Vorderhaus?

E l l a : Ich kenne das Haus noch. Ich kenne das Haus noch.

A n n e t t e : Gell? Das ist denn praktisch das Vorge...das Vordergebäude, also das Gebäude, was vor diesem da war, vor Schmitz. Und hier ist Frau Knaape und hier würde Schmitz's Haus sein, das war das da vorne. Das ist auch eine ganz alte

Fotografie. {*die Frage an Schwiegermutter*} Wie alt mag sie sein, Oma? Wann haben Schmitz's gebaut, weiß du das?

Ella: Sie haben gebaut, wie dies Haus gebaut wurde, im Jahre 1928.

Annette: Ja? Ach so. Ja. Und dies ist nun ein ganz altes Foto.

Ella: Na ja, Sie suchen nur ältere Sachen, ja?

Annette: Wie man zur Kirche vorher gefahren war... 'ne Kutsche. Bauern... Ja, so ging man mit den Gänsen spazieren.

Ivana: Das haben wir bei Frau Bernhard {*die loosener Dorfchronistin, arbeitet als ABM bei Henry Gawlik, Hagenow*} gesehen.

Ella: Ja, das hat sie schon mal von uns gehabt. Die Frau {*auf dem Foto*} lebt noch. Und die hat sich das Bild auch nachmachen lassen und das hat sie noch stehen im Wohnzimmer. Die Gänse...

Ivana: Ja, das'st neugemacht, vom alten Foto.

Annette: Und dies sind so...alte Milchböcke, weiß nicht, haben Sie schon auch auf dem Foto gesehen? Früher wurde ja die... haben die Bauern ja alle so die Milch draußen an der Straße gestellt...

Ella: Die Milchkanne drauf gestellt, damit die das aufladen konnten nachher.

Annette: Und dann wurden solche Böcken gebaut, und dann wurd' die dann draufgestellt und dann wurden die da abgeholt.

Ivana: Und was machte man mit Milch?

Ella: Die Milch kam zu Molkerei. Die wurde abgefahren, ein Wagen kam und der hatte die Milch....

Ivana: Sie wurde so abgegeben oder gegen Geld?

Annette: {*die Frage an Schwiegermutter*} Wann war das 1950?

Ella: Das musste natürlich alles bezahlt werden. Ja-ja.

Annette: In den 50-er 60-er Jahren, nä?

Ella: Ja, zuletzt wurde's vom Träger und nun gibt's ein Tank, braucht ja die Bücke nicht mehr. Und gibt's keine einzige Kuh mehr.

Annette: Auch ein altes Foto...

Ella: Das ist hier von Loosen, diese Ausstellung.

Ivana: Und Sie haben jetzt kein Vieh?

Ella: Wir haben noch paar Hühner. Paar Enten haben wir noch.

Ivana: Hühner. Kühe nicht mehr, nein?

Ella: Nein. Alle sind weggegangen, die Kinder sind nicht hier geblieben, die Kinder haben gelernt, nä? Und du hältst nicht damit aus. Und in meinen alten Tagen noch mit Vieh betrieben, das wird zu viel. Und ich mach so bisschen noch im Haus für die... weil die Kinder alle arbeiten und sind aus dem Haus, und sind die Kleinen dann da, auch ein bisschen versorgt. Ist meine Aufgabe jetzt. Ist nicht mehr so, wie früher in Großfamilien, aber Großfamilien haben wir noch ein bisschen, nä?

Annette: Ja. Das sind auch so alte Bilder.

I v a n o v a : Sind Sie hier zuhause, in Loosen?

E l l a : Ich bin hier zuhause. Und meine Schwiegertochter, die ist ja Eingehiratete, sie stammt aus Ostpreußen.

A n n e t t e : Ja, meine Eltern stammen aus Ostpreußen.

I v a n o v a : Ja, hier gibt es in der Gegend viele aus Ostpreußen.

A n n e t t e : Ja. Die sind damals auch viele mit... als sie flüchten mussten mit seinen Familien mitgefahren und haben sich dann hier angesiedelt. Meistens ging's bis vor Hamburg oder bis nach Hamburg wurden sie dann gebracht und mitgezogen und haben sich dann sässhaft gemacht.

R u c h h ö f t : {*Dr. Ruchhöft, ein Arbeitspartner von der deutschen Seite*} Die meisten haben hier im Mecklenburger Land zumindest in diesem Bereich...

E l l a : Ja, das war vorbelegt, ich weiß unser Haus damals auch, nā? Jede Kammer war belegt, in jeder Kammer eine Familie drin. So war das damals.

I v a n o v a : Das ist einer von Bewohnern?

E l l a : Das ist mein Vater.

A n n e t t e : Das ist der Vater.

E l l a : Mein Vater ist aber ganz jung gestorben.

M y l ' n i k o v : Sagen Sie, wie bekamen diese Leute, welche aus Ostpreußen hier die Häuser, Wohnungen, haben sie Steuer bezahlt oder wie?

E l l a : Der war erst 28, der hatte Blutvergiftung, hat ein Unfall gehabt, die Schleider so vom Wagen ging eingefallen, und dann hatte er Blutvergiftung und dann war der gestorben. Da war ich erst 7 Monate alt. Und dann hat meine Mutter, da war noch ein Bruder, der war ledig, dann hat sie den geheiratet, damit sie mit...sie hatten damals gelehrte Leute, so wie meine Mutter, damit sie eben das bekommt, was sie hatte damals. Dass die Frau Vernunft hatte und sich selber ernähren konnte, das war ja nicht damals.

A n n e t t e : {*gleichzeitig auf die Frage von Myl'nikov*} Die wohnten einfach, wurden untergebracht. Das heißt: der Hauseigentümer musste die Leute aufnehmen. Die mussten im Haus arbeiten, so wie meine Eltern das gemacht hatten, ...konnte nähen, damals war Nähen ja ganz wichtig, es gab ja auch nichts und die haben ja viel genäht aus Militärmänteln, aus allen möglichen Dingen, Pferdedecken wurden Mäntel genäht und was weiß ich alles. Und dann hatten sie sich so über dem Wasser gehalten.

M y l ' n i k o v : Also, Staat hat keine finanzielle Unterstützung gegeben, ja?

A n n e t t e : Nein. Die mussten alles alleine. Es gab ja auch nichts. Es wurde dann...das Land war da, es wurden denn Kartoffeln mitangebaut und ein bisschen Getreide.

R u c h h ö f t : Einwohner zahlten nach dem Ordnung doppelt, dann hat sich das nachher erst bis '48-'53... wurden ausgeglichen, dass viele Leute auch gemessen {*неразборчиво*} Alle Gutshäuser, die waren bis...

E l l a : Bis nachher die Grenzen dicht gemacht wurden, da war es ja vorbei mit Auswandern. Das ist viele Einheimischen damals auch noch ausgewandert, nää?

A n n e t t e : {zu Myl'nikov} Kennen Sie die «Mecklenburgische Volkskunde»?

M y l ' n i k o v : Das wissen wir. Wir haben mehr zu sagen, man hat uns geschenkt, Herr Wendt, einer von Verfasser. Ja, Ralf Wendt.

A n n e t t e : Herr Wendt. Hätte ich Ihnen sonst auch zur Verfügung stellen können. Weil man dort viele Quellen und so findet, wo man vielleicht ma' ein bisschen nachforscht.

I v a n o v a : Ja, das Buch ist sehr wert.

A n n e t t e : Ja, dann kann ich Ihnen noch zeigen ganz alte Bilder, falls es noch interessant für Sie ist. Die haben wir immer noch aufgehoben, das sind so ganz alte Sachen von 1870-1871. Und zwar vom Französischen Krieg. Da hat jemand so ä... das war der Por.. der hier nachher 'reingezogen ist. Und der hatte solch ein Haus. Der hat in Ramm gewohnt, haben Sie vielleicht gehört.

M y l ' n i k o v : Wir werden noch nach woran fahren.

A n n e t t e : Fahren Sie hin, ja.

E l l a : Da kommen unsere Vorfahren her.

A n n e t t e : Da stammen die Vorfahren her, ja.

E l l a : Die sind ja auch gestorben hier, die haben die Cholera gehabt und dann hat, die sind verwandt gewesen, die Rammer und die haben diese Ortschaft geerbt.

A n n e t t e : Alte Auszeichnung, auch noch handschriftlich, ist immer noch alles mit drauf, auch vom gewissen Wert.

I v a n o v a : Und hier in Loosen sind Sie nicht geboren?

E l l a : Ich bin hier geboren.

I v a n o v a : Und Ihre Vorfahren sind aus Ramm?

E l l a : Ja, die kommen aus Ramm. Ich bin hier geboren, das sind meine Ur-großeltern.

R u c h h ö f t : Cholera war '68, nää?

A n n e t t e : '68? Ja, so ungefähr. Denn die... dieser Herr Saß, der kam ja erst 1870 her, nää? Der stammte aus Ramm und die sind ja ausgestorben, die Vorbesitzer und dann ist dieser Herr Saß reingezogen.

E l l a : Die Verwandte das... die sind ge...

M y l ' n i k o v : Wann war Willelm I. gestorben? In welchem Jahr?

R u c h h ö f t : 1888?...

M y l ' n i k o v : Hier ist 100 Jahre sein Geburtstag, 1897. Also ich frage es warum: a, ja-ja, hier... Also, interessant, da war Friedrich I. oder schon Willelm I.?

R u c h h ö f t : Da war Willelm II. Friedrich II. war 88 Tage.

M y l ' n i k o v : Nein, Friedrich I.

R u c h h ö f t : Oder Erste als Kaiser. 88 Tage.

M y l ' n i k o v : Nu ja, das weiß ich sehr gut, deswegen frage ich ja. Vielleicht in seiner Zeit. Er war mit Krebs krank, konnte nicht essen. Man hat ihm gebracht verschiedene sehr kostbare Sachen um zu essen, und er konnte nicht essen, hat es gesehen: er saß wohl auf dem Thron, hat es gesehen. Ja, ich hab' Schreiben gelesen.

A n n e t t e : Ach, aha... aber ist schon interessant, also... Was hat sich hier so die ganzen Jahre und wir haben immer so 'n bisschen in alten Kammer Mädchen gelebt und aufgehoben, weil...

E l l a : Wir hatten so 'ne Abstellkammer und dahin Gelände werden so was hingehen.

M y l ' n i k o v : Und sagen Sie, was bedeutet hier dieser Teich? Im Zentrum des...

E l l a : Ja, das werd' ich Ihnen sagen. Früher haben die Leute alle Kühe gehabt. Die hatten alle Bauernhof. Und dann wenn die Kühe von der Weide kamen, das waren sie denn hingelaufen, die hatten Durst, die sind zum Teich gelaufen und haben gesoffen. Nä? Und dazu nehme ich an, wurde der Teich gemacht.

M y l ' n i k o v : Also, für Kuh, ja?

E l l a : Ich... ja, für Kuh, auch Kühe, auch Gänse waren drin und denn wir hatten ja auch die Jahre, wo der Teich auch getrocknet war, weil der doch flache Becken hat. Aber der hatte eigentlich immer Wasser da, die haben immer Wasser reingemacht, aber das hat doch Jahre gegeben oder drei Jahre... Und denn mussten die Bauern los und mussten das Wasser fahren, die haben ein Querteich da, der hatte immer Wasser, dann hatten sie mit Jauchekarren hingefahren und haben Wasser geholt, damit die Kühe was zu trinken hatten, denn die Brunnen haben auch nicht so viel Wasser gehabt. Für das ganze Vieh, nä? Das kann ich mich noch erinnern, wenn die Kühe, wenn wir die Kühe geholt haben, wir hatten noch Kühe...

I v a n o v a : Hat man auch Fisch geangelt?

E l l a : Ja, die Jungs, die sind immer im Becken rein...

M y l ' n i k o v : Irgendeine Fluss ist weit von diesem Dorf?

A n n e t t e : Ja, hier oben Reck...

E l l a : Ja, nee, da ist irgendwo 'ne Quelle. Da, wo... dahinten. Eine Quelle, und da haben sie das...

A n n e t t e : Ja, ist auch ein Teich.

M y l ' n i k o v : Fischerei war nicht hier verbreitet, nein?

E l l a : Nein. Nee, auf dem... da gibt es noch eine große... ich weiß nicht, wie das auf Hochdeutsch heißt. Da geht's zum Wasserlauf durch.

I v a n o v a : Nee, das ist für sich.

A n n e t t e : Du kannst erzählen Geschichte von Ramm mit dem...Bullen?

E l l a : Bulle? Ja, das ist 'ne Sage.

A n n e t t e : Ja, eben!

Ella: Da hat der Bulle die Stadt zu...

Annette: Haben Sie das gehört das, von dem Bulle? Da gibt's 'ne Geschichte.

Ella: Der Bulle hat die zur Grab, aber etwas war doch im Hintergrund.

Ruchhöft: Ist dies immer von Franz ... gegraben, was ich Ihnen neulich erzählt habe. Da gibt's mittelalterliche Wüstungen, die ist unter Sanddünen, aber zugeweht praktisch unter Sand. Und da ist diese Sage mit dem Bullen.

Mylnikov: Ja, Landschaft doch war verändert.

Ella: Ja-ja, und nun damals ist alles mit Bäumen bewachsen, aber früher, wie das noch keine Bäumen drauf standen, das ist für die Dünen jetzt, nä?

Ivanova: Was ist das für die Sage, erzählen Sie bitte, Frau Lüth.

Ella: Aber mein Mann, die sind auch, die sind dahingewesen noch, erzählte noch nach, da ist ein Lehrer gewesen, Schepte geheiß, und der war ja auch so interessiert, der war hier ein paar Jahre Lehrer. Und denn ist der, sind sie dann gewesen, und da haben die auch noch Grabung gemacht und da haben sie auch noch so Steine gefunden so 'n, so 'n... Wege, die mit Steinen ausgelegt waren und so was...

Ruchhöft: ...30-er Jahre? Hat der gegraben...

Ella: Was hat der für Hintergrund, ich weiß das auch nicht.

Annette: Ist ja richtig als Sage festgehalten worden... Ich glaub' ich hab' es sogar im Buch stehen.

Ella: Die sind wieder nach dem Vater wieder vorbeigefahren. Die waren, das waren die Wiesen und das war der Dick und da sind sie so ganz wohl, sind sie also für unsere Gegend sind es wohl Hügel, da... Da war mein Vater wieder vorbeigefahren.

Ivanova: {zu Manfred, dem Hausherrn, der grade 'rein ist} Guten Abend!

Annette: Das ist mein Mann {Manfred, von Ela der Sohn}.

Manfred: Guten Abend!

Ella: Das ist der Hausherr.

Annette: Manfred, kannst du die Sage von dem Bullen erzählen?

Ella: Weißt du mal alles so? Der Bulle, der doch Ramm, hat die Stadt Ramm zugekratzt? Weißt du den Hintergrund, warum hat er das gemacht?

Manfred: Weil die Leute zu hochmütig waren.

Annette: Uhu, er weiß es, mein Mann interessiert sich sehr für Geschichte und ist sehr belesen, und der behält alles, der hat ein gutes Gedächtnis. Ich weiß, wir haben da so 'n Buch, wo das drinsteht, wo diese Sage drinsteht. Da...

Ella: Stehen noch mehr Sagen, da ist ein Sagenbuch.

Annette: Ja, genau.

Ella: Ich kenne das auch nicht. {zu Ruhrhöft} Wo kommen Sie dann her?

Ruchhöft: Eigentlich Plauer See. Ich war bloß bei dieser Grabung.

Ella : Ach so. Da wurden auch noch Grabungen gemacht, da in der Gegend zwischen Gühl und Gören und Kranz. Da war doch Badeteich, da waren wir mit den Kindern, wie die noch klein waren, zum Baden gegangen. Und da waren noch welche Grabungen.

Ruchhöft : Das sind so germanische Sachen, sind etwas älter.

Ella : Ach so, noch älter.

Annette : Ja, und Sitten und Gebräuche, da könntest du doch auch was erzählen. Z. B. Pfingsten oder oder wie sie die Eier sammeln, da gibt es noch welche Sprüche.

Ella : A, ja das war zum Pfingsten, nä? Dann haben wir — ich noch, zu meiner Zeit war es noch — eine Laube gebaut, das war von mehreren, mal sagen, viel Mädchen waren von meinem Alter, wir waren zwei Schuliaren gingen so, haben wir uns zusammengetan und haben 'ne Laube gemacht. Immer jedes Jahr 'ne andere. Da wurde das Birkengrün geholt und wurde 'ne Laube gemacht. Und dann morgens sind erste bei der Laube, also wer zuletzt aufgestanden war und zur Laube gekommen, der war Pfingstochs. «Pingstekah» war das.

Ivana : So wie beim Thomastag. Thomasesel war das.

Ella : Der war Pfingstochse, hochdeutsch gesagt, «Pingstekah», das war dann bei uns. Aber denn sind das, das waren die Jungs, die haben auch eine Gruppe zusammengemacht und die sind dann drum gezogen und haben Eier geschnurrt. Und dann haben sie ein Gedicht ausgesagt, ach, das Gedicht bring ich auch nicht zusammen.

Annette : Mani kann es.

Ella : Ja? Dann haben die Leute alle, die wussten alle schon bekannt, kommen sie, und da war schon Aufregen und haben die Eier schon bereit gelegt und dann kriegten die Eier. Haben Sie das noch nicht gehört? Das hat sich hier in Loosen ganz lange gehalten.

Mylnikov : Sagen Sie bitte, war solche Gewöhnlichkeit hier, die Eier färben, z.B. oder für Ostern oder Pfingsten, ich weiß nicht?

Ella : Ja-ja. Man hat die Eier eingemalt oder gefärbt. Aber die wurden, die kriegten sie so. Und dann haben sie so viel Eier denn auch, dann haben sie, dann wurde die Eierabnahmen hier im Dorf, dann sind, dann haben sie auch welche verkauft.

Ivana : Und wie hat man Eier gefärbt?

Ella : Auch mit Wallnusschalen und so was denn haben wir auch gemacht. Dann wurden die braun, sind sie ja schon, damals gab's ja nur weiße...

Mylnikov : Aber zu Ostern? Oder auch...

Ella : Zu Ostern, anders war nicht, nur zu Ostern, ja.

Mylnikov : Weil manchmal in einige Länder zu Weihnacht war. Es ist ein wenig ungewöhnlich, in Ungarn, z.B.

Ella : Ja?

My'l'nikov : ...und hängen auf Tannenbaum. Oder hier irgendwo habe ich gehört, dass wann Pfingsten an Birkenbaum.

Ella : Ja, ja-ja.

My'l'nikov : Kann sein, ja? Und welcher Baum, welcher im Wald steht oder welcher in Dorf bringt man?

Ella : Das war ja auch Pingst, wurde ja...

Annette : Nein, das ist im Wald, ja, dieses Pfingstfeier wird eine Birke gefällt im Wald, und hierher gebracht und aufgestellt und nachher mit Bänden, mit bunten Bänden geschmückt. Das wird bei uns auch jedes Jahr gemacht.

Ivanova : Auf dem Sportplatz?

Ella : Ja, genau.

Annette : Das ist im Mai-Juni.

My'l'nikov : Ist es Maibaum oder nicht?

Annette : Ja, der Maibaum.

Ella : Ä-ä.

My'l'nikov : Bei Maibaum es muss 1. Mai sein.

Ella : Ja, genau, ist auch Mai gewesen, Pfingsten.

Annette : Das ist meistens im Mai.

Ella : 1.Mai ist immer so Festtag.

Annette : Und mit den Eiern, erzähl mal, die haben früher immer noch die Eier zu anders eingelegt und haltbar gemacht.

Ella : Die haben nicht eingemacht, es waren immer frische. Haben wenig gemacht, ich wusste das nicht. Hier im Lande haben wir immer frische Eier. Aber doch, wenn die nicht so gelegt haben, dann wurden die in das trockene Getreide eingelegt, damit sie halten. Das kann ich mich auch noch erinnern.

Annette : {zu Manfred} Hast du gefunden? Kennst du noch den Spruch von Pfingsten, wenn die losgezogen waren mit den Eiern?

Ella : Ja, bringst du ein bisschen zusammen.

Manfred :

Gaut'n Dag, Gaut'n Dag

Fru Hüslerin,

Hät juch oll Kauh noch Faurer in?

Wat möcht denn juuch oll griese Hund?

Ist juuch oll Kater noch gesund?

Juuch oll Däl is holl un boll

Söss poor Eer hömm ji woll?

Drei in'n Grapen, drei in'n Schapen,

Söss in unse Pingstekiep —

Ji warr'n seelig — wi warr'n riek!

Nu hulle gebulle up dann Disch,

Und höf ji kein Eer,

So gäff uns Fisch
Und lodd uns hier nich lange stohn,
Wie wull'n ok noch ein Hus wierer gohn
Und wenn ji uns kein Eer gäben,
So sall uns Hahn juch Haun nich träden.

I v a n o v a : Könnten Sie bitte das aufschreiben, ich verstehe platt nicht so...

E l l a : Das haben sie ausgesagt und dann kriegten die Eier.

A n n e t t e : Da gingen sie immer von Haus zu Haus, hatten das ausgesagt und haben dann dafür die Eier bekommen. Und das ist richtig ein alter Spruch.

M y l ' n i k o v : Frau Lüth, ich bitte Sie, um ich es richtig verstehe, Ihre Vorname und Name schreiben Sie, ja. Und Ihre... diese Dame, welche hier sitzt, also und Ihr Mann. Können Sie schreiben, ich werde jetzt Kugelschreiber geben, aber so...

E l l a : Meinen Namen, auch Geburtsnamen? Ella Lüth, geborene Dubbe.

M y l ' n i k o v : Bitte schön, aber bitte schön, so deutlich, ja?

E l l a : Das soll meine Schwiegertochter, sie kann das besser. Meinen Namen kriegen Sie sonst nicht hin. Aber sie muss dann Ihren Namen und Geburtsnamen auch oder bloß meiner?

M y l ' n i k o v : Nein, alle, alle.

E l l a : Und die Kinder nicht?

I v a n o v a : Welche Kinder?

M y l ' n i k o v : Nu, die Kinder nicht, sie sind nicht ein in unserem Gespräch.

E l l a : Ich?

I v a n o v a : Nee, die Kinder.

E l l a : Ja, die sind unterwegs.

M y l ' n i k o v : Weil manchmal ist schwer, die Name verstehen, man schreibt ganz verschieden.

E l l a : Ich habe ganz einfachen deutlichen Namen. Ich heiße Ela. Und das hat mein Opa hat das so gewollt. Haben sie immer erzählt. Die hatten früher so Jungs gehabt, die hatten Kühe gehütet hier, und dann wusste der Opa immer nicht, denn der Opa hat den Namen vergessen gehabt oder hat er den angefasst und hat gesagt: Na, komm' ma' her und so, nä? Und dann hat er gesagt: so was muss also nicht passieren, die kriegt den Namen, die ich behalten kann. Deswegen hab ich den alten Namen gekriegt.

M y l ' n i k o v : Und Ihre Name ist nach Mann, ja, Lüth?

E l l a : Ja, Lüth habe ich geheiratet.

M y l ' n i k o v : -th-?

E l l a : -th-. Gerhard Lüth hieß mein Mann.

I v a n o v a : Und was ist mit Erntefest? Ist das eine neue Tradition hier, habe ich gehört.

E l l a : Ja, das ist wieder angefangen. Früher war das auch so, haben wir auch Umzüge gemacht, aber jetzt paar Jahre erst... {zu der Schwiegertochter} Annette, schreib´ ma´ auf den Namen.

M y l´n i k o v : Also, Ihre Vorname Ella: e-l-l- a.

E l l a : Ja, e-l-l-a. Die allen unseren Namen, die hier in...

M y l´n i k o v : Sehr schön, ich will bloß um richtig zu schreiben.

E l l a : Ja-ja.

A n n e t t e : Annette.

M y l´n i k o v : Auch Lüth?

A n n e t t e : Auch. Ein «a», zwei «n», «e», «tb».

M y l´n i k o v : Und Ihr Mann?

A n n e t t e : Manfred.

M y l´n i k o v : Manfred? Ihr Mann ist das, richtig?

A n n e t t e : Ja. Ja, und die Flunkerhüte haben Sie auch gesehen, die immer getragen werden. Haben Sie nicht gesehen? Die hatten sie beim Erntefest auf?

E l l a : Solche weiße Hüte.

I v a n o v a : ja, gesehen, aber nur nicht angefasst.

A n n e t t e : Die wurden ja zum Heuen aufgesetzt.

E l l a : Ernte, im Sommer, weil das weil das die Sonne so nicht reinkommt oder...

A n n e t t e : Oma, kannst du mal eins holen? Und die wurden halt hier immer getragen und weiße Schürzen zum Heuen, und früher hatten wir auch ein alter Webstuhl stehen, hier oben. Es wurde alles selbst gewebt. Wir haben viele selbstgewebte Sachen noch im Haushalt. So Handtücher, Tischdecken, und das ist haltlos.

E l l a : {mit dem Flunkerhut wieder ins Zimmer hereinkommend} So, gegen die Sonne geschützt.

M y l´n i k o v : Oh-oh!

A n n e t t e : Das ist der gewisse Hut.

M y l´n i k o v : Das ist unser Traum, für Museum zu bekommen.

A n n e t t e : Sehen Sie! Wir müssen doch eins mitgeben.

R u c h h ö f t : Sollte aber Herr Wendt auch eins haben wollen.

M y l´n i k o v : Wunderbar.

I v a n o v a : Dr. Wend hat einen.

R u c h h ö f t : Der hat einen?

A n n e t t e : Hat er einen, ja? Ist das meiner jetzt? Das ist meiner.

M y l´n i k o v : Während dieser Fest Ihr, ich weiß nicht, wird er später ein Burgamister sein oder nicht, ich weiß nicht, er hat mir versprochen, dass ich werde, — sagte er, — das machen. Aber er hat nicht gemacht, wahrscheinlich vergessen. Viel getrunken und vergessen. Kann sein.

A n n e t t e : Ach so, ja, kann sein. Es ist ja auch...

I v a n o v a : Entschuldigung, das, wie Sie damals anhatten, das ist nicht typisches mecklenburgisches, das ist etwas stilisiertes, nä?

A n n e t t e : Ja, ja. Also typisch Mecklenburg das ist eben dunklere Sachen und gestreifte Schürzen, dunkel behalten, dunkelblau, weiß gestreift wurde viel getragen. Und in Schwarz, schwarzen Samtbänder. Auch solche Hüte existieren nicht mehr, ich nehme auch an, hier in der Gegend war es nicht so. Das... da viel gemacht wurde, gerade so mit Trachten, das viel gepflegt worden ist.

E l l a : Diesen habe ich schon, den habe ich schon genäht nach dem anderen. Dies wurde ja zum Tanzen, ja-ja. Nicht so, also... Wegen dieser Stäbe: der biegt sich nicht so.

A n n e t t e : So, einen konnten wir Ihnen mitgeben.

M y l ' n i k o v : Oh-oh!

A n n e t t e : Der ist aber nicht alt.

E l l a : Der ist aber neu. Den habe ich vor zwei Jahren genäht. Mit meinen eigenen Händen gemacht, ja.

M y l ' n i k o v : Nu, z.B. in welchem Jahr war es gemacht?

E l l a : Dieser Hut?

M y l ' n i k o v : Ja.

E l l a : Ja, zu der Tracht zum Tanzen, wann war es? Vor zwei Jahren, hat sich schon vier Jahre...

A n n e t t e : 1996.

I v a n o v a : Vier Jahre alt?

M y l ' n i k o v : Das ist überhaupt alles relativ: heute ist es neu, und im nächsten Jahrhundert...

A n n e t t e : Uhu, muss halten hinten die Form.

E l l a : Der muss man an die Sonne glatt legen. Wissen Sie, was das für Stäbe sind?

A n n e t t e : Das sind Plaststäbe drin, ja?

E l l a : Das sind Plaststäbe, das sind Saumstäbe Früher hat man das so von Reet gemacht. Das biegt sich dann besser, die sind steif.

A n n e t t e : Aber ist so nach dem Original genäht, so wie die alten waren.

M y l ' n i k o v : Und diese Einlage kann man nicht herausziehen, wenn man wascht?

E l l a : Ja, kann man. Aber wir kochen das so auf: wir legen das in 'n Topf 'rein, ein großer Topf und dann brauchen wir erst nur auszunehmen, nä? Es wird ein großer Topf genommen und dann wird er aufgekocht. Braucht man ja nicht viel, dass man ja in die Waschmaschine stecken muss...

M y l ' n i k o v : Ja, in Waschmaschine kann man nicht.

E l l a : Nee, das ist nicht...

A n n e t t e : Ja, das habe ich mal gefunden. Die Geschichte von Ramm. Das ist hier diese Geschichte von Ramm, mit dem Bullen. Das ist praktisch nur Sage gewesen, ja.

E l l a : {zu der Schwiegertochter} Hast du die Geschichte gefunden?

A n n e t t e : Ja, ich wusste, wir haben ein Buch wo die drin steht.

I v a n o v a : Ja, aber so life zu hören das wäre interessant.

A n n e t t e : Schöner, nä? {zu dem Ehemann} Die Geschichte von Ramm, hast du noch im Kopf?

M a n f r e d : Es war eine Stadt Ramm, die Bürger waren zu hochmütig und es war der Bulle, der kam und hat sie zugeschlagen mit Sand.

A n n e t t e : Ja, und hier war eben dieser ein diesen Höfen, die man noch sehen konnte, welche so mit am ältesten wohnt. Aber seit längeren Jahrhunderten nicht mehr schon wohnhaft. Und hier konnte man noch erkennen, dass die auf diesem Gehöft immer entdeckt waren. Das sind immer andere Namen.

E l l a : Wenn die Mädchen, die haben den Namen natürlich gewechselt. Ist ja klar. Aber die Bauern wollten ja auch eigentlich immer gerne Söhne haben, damit der Name bleibt. Aber haben nicht immer geglückt, nä?

R u c h h ö f t : Wobei es mit den Wechsel gar nicht so ungewöhnlich war... Es geht die letzten 400 Jahre, soweit man in das 15. Jahrhundert zurückkommt, dann schon nichts mehr. Überlieferung, dass jemand einen Hof besessen hat, ist ganz-ganz selten. Selbst wenn der Name im Dorf war, heißt es noch lange nicht, dass das auf dem gleichen Hof ist.

E l l a : Nee, das stimmt.

A n n e t t e : Und dies war nicht Hof «E», sondern... Und dies, das waren z.B. die ganzen Vorfahren, also alle die hier nicht Vorfahren, aber die den Hof hatten, nä? Und das waren immer die anderen. Ganz verschiedene Leute. Und dies Haus jetzt hier vorne, die 13., das ist hier gegenüber, die Hennings, das ist z. B. 1764 schon erwähnt seitdem. Die Familie schon 200 Jahre. Oder die Tedels, die noch daneben sind, die sind auch schon 200 Jahre da drin, in dem Haus.

M y l ' n i k o v : Ab welchem Jahr geht dieser Stammbaum hier?

A n n e t t e : Ä... der geht los halt 380 Jahre zurück. 380 Jahre zurück.

M y l ' n i k o v : Wieviel? Ich habe hier nicht verstanden. Das ist Kurt...

A n n e t t e : Inatovitsch. Der, das ist dieser Nachfahre jetzt, der praktisch diese Chronik erarbeitet hat.

M y l ' n i k o v : Inatovitsch?

A n n e t t e : Inatovitsch heißt er ja.

M y l ' n i k o v : Ich habe zuerst gedacht, das ist Ivanovitsch, aber das kann nicht sein. Inatovitsch. Und seine Vorfahren waren Dubbe?

A n n e t t e : Ja, der hat das jetzt zurückverfolgt über Jahre, Jahrzehnte und dies so erarbeitet und ist schon interessant, also wir haben uns gefreut, als er da kam und hat uns ein Exemplar zur Verfügung gestellt. Ist schon interessant. Ja, und sonst kann man eigentlich...

M y l ' n i k o v : Ist es verbreitet solche Praktik oder nicht, seine Stammbücher zu machen?

A n n e t t e : Eigentlich mehr oder weniger jetzt erst vermehrt.

M y l ' n i k o v : Vermehrt, aha.

A n n e t t e : Ja, jetzt ja, aber ich sag' so 1950 bis jetzt weniger, also man hat sich damit nicht beschäftigt.

R u c h h ö f t : Es gab unter den Nazis so 'ne Institution, die eingerichtet worden ist... {unterbrochen}

M y l ' n i k o v : Das weiß ich.

R u h r h ö f t : ...die Sippenkanzlei. Die Unterlagen die liegen beim Oberkirchenrat im Archiv. Soweit es gemacht worden ist.

M y l ' n i k o v : Wir haben sogar gesehen solche Buch.

A n n e t t e : Das sind Staatsangehörigkeitsnachweis.

R u c h h ö f t : Ist Ariernachweis.

A n n e t t e : Was hat der noch mitgeschickt? Einmal diese alte Kirche von Leussow, was hatten die?

R u c h h ö f t : Nee, nee, das gab später noch, das gab's später noch, da steht «Ariernachweis» oder irgendsowas drauf.

A n n e t t e : Ja, aber auch so ähnlich, nä? Gemacht.

R u c h h ö f t : ja. Das ist aber Staatsangehörigkeitsausweis, das ist ja nur so 'ne...von dieser Sippenkanzlei, von diesem Kirchen- Oberkirchenrat, die haben die ganzen Kirchen bei sich gehabt, und daraus wurden dann die ganzen Sachen zurückgezogen bis in die achte Generation zurück. Das geht gerade um diese Staatsdienste, die mussten dann diesen Nachweis bringen. Das war in den 30-er Jahren irgendwie Staatsdienst, also weiter irgendwie...

E l l a : Ja, solange gibt es noch diese Land war mit den Morden, das war furchtbar, was sie dann gemacht haben.

A n n e t t e : {zu ihrem Mann} Schreibst du!

M a n f r e d : Die haben gesungen dabei, zogen sich durchs Dorf...

A n n e t t e : Ja, von einem Haus zum anderen, und dann eine Zeit lang war das eingeschlafen, aber jetzt wieder...

E l l a : Und der letzte der kommt, war die Pingstekah und der hat einen Kranz auf den Kopf gekriegt.

M a n f r e d : Der war doch sehenswert, wer der letzte war und nicht aufstehen konnte.

E l l a : {zu Ivanova} Schreiben Sie auch mit?

I v a n o v a : Ja.

E l l a : diesen Vers? Anders, nä?

A n n e t t e : Was der {Manfred} gesagt hat. Ist manchmal auch so unbewusst so manche Sachen, weil man es ständig macht oder dass man gar nicht merkt, dass das immer schon so traditionell war und dass man es weiter so gemacht hat. Es ist oft, nä?

I v a n o v a : Es ist immer interessant, was ungewöhnlich ist.

E l l a : Wo kommen Sie direkt her, auch nicht vom Dorf, nein?

I v a n o v a : Nee.

E l l a : Nee, dachte ich, in der Stadt ist es anders.

A n n e t t e : In Dörfern ist das ein bisschen mehr gepflegt, also es war zwar über Jahre ein bisschen ruhiger, auch grade jetzt zu den DDR-Zeiten ist sowas alles sehr eigentlich traurig war, dass das nicht gepflegt worden ist. Man hat da gar nicht viel Wert drauf gelegt.

I v a n o v a : Was feiert man jetzt, zur Zeit? Pfingsten, 1. Mai auch?

A n n e t t e : Pfingsten ja. Also erst Ostern, und dann 1. Mai, Pfingsten, Dorffeste sowieso, Dorffeste im Juni praktisch...

E l l a : Bei uns ist immer Dorffest im Juni, letzst im Juli.

I v a n o v a : Wie feiert man Dorffest? Wie neulich in Tewswos?

A n n e t t e : Ja, auch so. Praktisch nicht mit diesem Ernteumzug, das nicht — also ganz normal, eigentlich nur...

I v a n o v a : Ein Zelt?

E l l a : Nee. Wir sind ja immer hier in der Kartoffelhalle,

A n n e t t e : Das ist da in dieser Halle, ja.

E l l a : ...so wie es neulich war. Die haben immer die Trachten an, und sind sie dann immer her, wenn da mal was... Zweimal im Jahr.

I v a n o v a : Dann Erntefest, was kommt nach dem Erntefest?

E l l a : Dann kommt Weihnachten.

M a n f r e d :

Gaut´n Dag, Gaut´n Dag

Fru Hüslerin,

Hät juch oll Kauh noch Faurer in?

Wat möcht denn juuch oll griese Hund?

Ist juuch oll Kater noch gesund?

Juuch oll Däl is holl un boll

Söss poor Eer hömm ji woll?

Drei in´n Grapen, drei in´n Schapen,

Söss in unse Pingstekiep —

Ji warr´n seelig — wi warr´n riek!

Nu hulle gebulle up dann Disch,

Und höf ji kein Eer, so gäff uns Fisch

Und lodd uns hier nich lange stohn,

Wie wull´n ok noch ein Hus wierer gohn

R u c h h ö f t : Was ist denn Pingstekiep?

E l l a : «Pingstekiep» das ist der Kopf.

R u c h h ö f t : Ach so!

M a n f r e d : Und wenn ji uns kein Eer gäben,

So sall uns Hahn juch Haun nich träden.

E l l a : Der Hahn sollte, sollte, also der eine seine Hahn wird seine Hühner nicht treten, weiß man, was ist «treten», nä? Ho-ho-ho!

{*запись прервана*}

E l l a : Wie heißt das, wenn wir das mit dem Regen, für das Regnende, was war es noch bekannt, wenn sieben Wochen... Siebenschläfer, ja! Ich weiß doch nicht, wann der Siebenschläfer ist, ich habe das nie gemerkt. Nee, diese Sachen...

R u c h h ö f t : Ende Juni ist das.

M a n f r e d : Pfingstlaube haben wir auch gebaut, nä? Die wurde von ä... das war eine mehr oder weniger ein Gestell aus Holz, das wir zusammengenagelt hatten, und dann wurde 'ne Birke, die Birke, Birkengrün von langen Birken um oder oben... wurde Laube...

E l l a : ...und dann wurde Tisch 'reingestellt und dann... paar Bänke, Tisch oder so einfach so Platten, nä? So haben wir denn gegessen.

I v a n o v a : Und verschiedene Familienfeste, werden hier mit dem ganzen Dorf gefeiert? Hochzeit, Geburt... {*Telefon klingelt*}

A n n e t t e : Ja, also ganz-ganz viel und ganz lange. Da haben wir damals auch so gewundert, ä dass... also, mit der Wochenzeit ist es so, dass man am Mittwoch wurde mit wurde 'ne Ranke gebunden, das heißt, es wurde über die Tür eine Ranke angebracht, wenn man jetzt geheiratet hat und die Ranke haben wir aber Mittwoch, und dann trachten sich dann die ledigen jungen Leute und haben diese Ranke gebunden. Und praktisch, ja woraus bestand die? Habt die immer Fichte oder Schleifen drin, und bunte Schleifen und das war Mittwoch, das war schon ein kleines Fest für sich. Und am Donnerstag war ja Polterabend, wurde dann gepoltert, dann wurde ja draußen praktisch meistens 'ne Platte aufgestellt und jeder mit seinen alten Porzellansachen kam, Tellern und Tassen, dann wurde das dagegen geworfen und die Scherben bringen ja Glück, sagt man. Porzellan, Glas nicht. Also es muss Porzellan sein. Und Freitag war dann die Hochzeit...

E l l a : Da ging's früh los, dann musste erstmal das Brautpaar, sollte das alles weggeräumt haben, Freitag früh.

A n n e t t e : Ja, das mussten wir wegräumen, das stimmt.

E l l a : Wir haben das nicht gebraucht, ihr ja auch nicht.

A n n e t t e : Das muss weggeräumt werden, ja.

E l l a : Und dann ging es aber schon zum Frühstück, also wer kam morgens, kamen dann die jungen Mädchen oder die Jungs, die haben die Ranke angebracht, am Hochzeitsmorgen an die Tür, und dann gab's schon Kaffee. Morgens um 8. Und dann nachher gab's Frühstück, bevor man zur Kirche fuhr. Dann gab's Frühstück. Und wenn man von der Kirche kam, dann gab's Mittag. Da gab's fette Suppe oder Hühnersuppe mit Klößen drin und so, nä? Und Braten, nä? Das war ja immer so das Gerippe.

A n n e t t e : Rezepte der Klöße, die sind wirklich nur hier. Die gibt es nirgendwo anders, diese Klöße, und die werden auch so bestimmt... so bestimmt hergestellt, das kann auch kein anderer. Bitte schön!

E l l a : Das können viele.

A n n e t t e : Ja, das ist hier richtig Tradition mit diesen Klößen.

I v a n o v a : Wo meinen Sie hier, in Loosen?

E l l a : Ja, in Loosen, sonst macht man ja auch so anders, einfach Mehl ein Pfund auf Pfund, werden wir ma' sagen, Pfund Wasser, Pfund Mehl und Pfund Butter. Und dann wird Wasser und Mehl {sic! Sollte Butter sein} mit aufgekocht, das muss kochen, und dann kommt, kommt das Mehl das mitgerührt, so lange bis es vom Topf loslässt, der Brandteig ist das.

A n n e t t e : also, es muss ganz viel dick werden.

E l l a : Das muss sich nicht... Es muss in ein'm Klumpen sein, so und dann wurde noch gewürzt, mit Salz und so... und Eier dazwischen, wenn es der feste Klumpen war und das war abgekühlt und kamen die Eier dazwischen.

M y l ' n i k o v : Wann war es verbreitet? Diese Klöße.

A n n e t t e : Mit diesen Klößen?

M y l ' n i k o v : Nach der Krieg oder?

E l l a : Ja, nee, das war bloß bei uns. Hier war eine Köchin, die konnte die Klöße und dann haben die anderen die alle, die konnten, dann haben sie das alles abgekuckt haben das auch, das war hier bloß in Loosen. Z.B. in Krams da kriegten Sie die gar nicht hin. Da haben sie auch einmal Klöße machen haben, die haben sie ha'm nicht zusammen... also nicht in ein Stück gekommen, die werden ja nachher gerollt. Und dann werden die im Wasser gekocht. Und wenn die dann hochkommen, dann waren sie gut. Werden sie 'runtergenommen mit der Schaumkelle. Und in Krams weiß ich noch, mit dem Gastwirt da war Hochzeit, haben die die Klöße gemacht, das müssen wir... die haben sie nicht hingekriegt. Das muss, das hat auch ein paar Tricks dabei. Das Wasser und die Butter, die muss kochen, die muss ganz heiß sein, und wenn das nicht kocht, dann... das Mehl nicht schnell genug und dann bleibt mir das Klitsche. So kann nicht die Klöße von Form denn...

I v a n o v a : Legt man etwas in die Mitte 'rein?

E l l a : Ne. Ne. Wurde die Suppe gekocht, und dann wurden die Klöße 'reingetan.

M y l ' n i k o v : Man erzählt uns, dass diese Klöße kamen aus Tschechei, da ist eine nationale Futter Knedlik, in Bayern auch und jemand hat erzählt, es nach der Krieg waren Vertriebene aus Tschechoslowakei, sie haben es hiergebracht. Kann sein.

E l l a : Es war aber schon eher hier. War schon eher. Die eine Frau Thede, die ist immer, die ist so 'ne immer, also die war auch Witwe, ihr Mann war im Ersten Krieg gefallen und sie hat sich dann ein bisschen nebenbei verdient. Und dann ist

so... hat sie den Leuten immer geholfen, wenn die Hochzeiten gemacht ä... wenn sie Hochzeiten hatten und dann hat sie das immer geleitet.

I v a n o v a : Ja, die Klöße sind in ganz Deutschland bekannt.

E l l a : Ja. Ja! Natürlich! Aber sie hat es hier eben gemacht.

I v a n o v a : Nee, ich meine, dass es nicht aus der Tschechoslowakei gekommen ist.

E l l a : Nee, ach so. Ich sag' wo das hergekommen sei. Ich weiß bloss, dass die Frau Thede die immer machen konnte, die eine, die brachte das natürlich auf.

A n n e t t e : Erstmal war es auch so, dass alle geholfen haben, wenn 'ne Hochzeit war von allem möglichen Nachbar dann kamen die Frauen, alle die geheiratet waren und haben denn geholfen. Und dann haben sie eben...

E l l a : Dann wurde auch die Hühner umgebracht. So die Eingeladenen, die Familien, dann wurden immer die Hühner hinggebracht, dann wurde der Tag vorher denn auch alles geschlachtet und fertiggemacht und jeder hat den Huhn hinggebracht, und paar Eier hinggebracht und Butter hinggebracht. Das haben die Leute jetzt früher selbst alles alleine gebuttert, nä? Und dann ä... dann wurde dem Herrn, der die Hochzeit ausgegeben hat, dem wurd' das nicht zu schwer dann. Weil alle ein bisschen mitgebracht haben. Nä, so ist.

I v a n o v a : Ein Dorf ist es.

E l l a : Ne, ne, das waren eben Nachbar und Verwandten. Das ganze Dorf wurde nicht eingeladen, das kommt so gar nicht... was soll mit den ganzen Leuten hier?

I v a n o v a : Und welche Kuchen sind hier gewöhnlich gebacken?

E l l a : Damals war hauptsächlich im Anfang war der Butterkuchen haben sie gemacht. Butterkuchen? Na, Hefeteig und Streusel drauf. Ja, Streuselkuchen auch, wir haben immer Butterkuchen gesagt. Also nun ist ja auch schon tot, aber früher eben haben wir mit diesen Hennings auch schön gefeiert.

A n n e t t e : Darf ich Ihnen überhaupt was anbieten? Hier erzählen wir immer ein Kaffee, möchten sie gerne ein Kaffee trinken?

M y l ' n i k o v : So wie Beilage a unserer Gespräch?

{Ella bricht in ein schallendes Gelächter aus}

A n n e t t e : Ja, so ungefähr.

R u c h h ö f t : Klöße dauern zu lange, nä?

{Ella lacht wieder auf ihre Art und Weise}

A n n e t t e : Oder sie gelingen nicht, aber meiner Mutter {es wird die Schwiegermutter gemeint} gelingen sie.

E l l a : Habe auch schon gehabt, dass sie nicht gelungen sind.

A n n e t t e : Ja, möchten Sie gerne? Sie auch?

I v a n o v a : Danke.

A n n e t t e : Danke, ja oder danke, nein?

M y l ' n i k o v : Da sagt man in Odessa, Odessa, wissen Sie, eine Stadt in früher Sowjetunion, jetzt Ukraina. Und da sagt: danke. Was danke, danke ja, oder danke nicht?

{*Ella bricht wieder in ein noch lauterer und andauerndes Gelächter aus*}

A n n e t t e : {zu Ruchhöft und Novik} Sie auch? Sie auch?

R u c h h ö f t : Kaffee.

A n n e t t e : {zu Novik} Auch Kaffee, ja? Gut.

{*Pause in der Aufnahme*}

A n n e t t e : ...1980.

E l l a : Früher hat man hier die Bauern, hat man viele Leute gehabt zum Arbeiten und da musste man aber...

M y l ' n i k o v : Danke schön.

E l l a : Früher haben wir noch geschlachtet.

R u c h h ö f t : Da ist jetzt Futter immer teurer.

E l l a : Ja wenn man das alles kaufen soll, nä?

R u c h h ö f t : Kenne ich.

E l l a : Wo? Haben Sie auch einen Schlachter?

R u c h h ö f t : Nee, 'ne Bäckerei.

E l l a : Zu den DDR-Zeiten wurde viel Brot gekauft. Ja, kennen wir auch noch.

M y l ' n i k o v : Man erzählte mir in der Zeit DDR, es war solche Witz, also diese Schild war an diese Fleischladen, und man hat ein wenig...
{*Aufnahmeabbruch*}

E l l a : Und die anderen sind auch nicht so interessiert.

A n n e t t e : Die Dorfgemeinschaft eigentlich ist sehr gut hier. Es ist so auch, weil das ein Jahrgang ist. Das sind 12 junge Paare. Und das sind noch gar nicht alle, also das sind noch mehr in diesem Jahrgang und das war von jeher, dass das immer so zusammengewesen waren. Von Klein aus zusammengespielt haben, und das hat so mit Jahren auch so entwickelt: zusammen zum Tanzen gegangen, dann haben sich alle getroffen in einer Bushaltestelle und...

E l l a : und die, die dann zugekommen sind, die haben sie aufgenommen, gelaufen...

I v a n o v a : Aber was ist hier besonderes, was gibt es noch besonderes, was hier in Loosen ist. Ich meine, was in anderen Dörfern nicht gegeben hat. Küche vielleicht oder Bräuche, Sitten?

R u c h h ö f t : Klöße.

I v a n o v a : Die Klöße, ja! Das hab' ich schon verstanden.

{*Ella lacht*}

A n n e t t e : Eigentlich diese Dorfgemeinschaft, dass alle sich gut verstehen. Und das ist in anderen Dörfern nicht so.

R u c h h ö f t : das ist auch mal nicht in jedem Dorf.

A n n e t t e : Die Zusammenheit ist in anderen Dörfern nicht mehr da. Denn, also diese Zusammenheit wie in Loosen ist, die sieht man auch in Belsch. In Belsch ist es auch noch so. Aber so die anderen Dörfer, wahrscheinlich auch weil da nicht so viele junge Leute sind oder so in dem Alter, wie wir, sind nicht viele. Und die mussten natürlich auch Lust dazu haben.

E l l a : In Belsch ist auch ein Chor. Haben Sie die schon mal singen gehört?
{die Frage an Ruchhöft}

R u c h h ö f t : Nein.

E l l a : Wir haben da Verwandte, nä? Zum Geburtstag oder ist da...

A n n e t t e : Das ist ein schöner Chor, also ganz schön.

R u c h h ö f t : Sagen Sie gleich den Namen von Musiker.

A n n e t t e : Was haben die, Hein denn.

I v a n o v a : Muss ich aufschreiben, sonst vergesse ich.

A n n e t t e : Ja, Hein. Weißt du die Adresse? {an Schwiegermutter}

E l l a : Ne, genau nicht. Hein heißt er, Hans Hein.

R u c h h ö f t : Und die Telefonnummer?

A n n e t t e : Hans Hein. {an Schwiegermutter} Und Telefon? Hast du das?

I v a n o v a : Mit -ai- schreibt man es? -ei-?

A n n e t t e : Und die Tochter die heißt Füller, mit «f». Und die ist... Füller, wie der Füller, Federhalter, mit «f».

E l l a : {an die Schwiegertochter} Anja, wie Hein?

A n n e t t e : Und die sind in diesem Chor.

E l l a : 03884. Das ist Vorwahl. Und dann kommt einund... also 5142.

A n n e t t e : Ja, die machen auch sehr viel, also dieser Chor...

I v a n o v a : Belsch also?

A n n e t t e : Bitte? Belsch, ja.

I v a n o v a : Und wann treten sie auf?

A n n e t t e : Zu allen möglichen Gelegenheiten: ob das, also das sind auch Geburtstagsfeier, wenn irgendwo 70...

E l l a : Aber die können auch was zu ... Was haben sie noch mit dem Menschen? Ach so: erste 70, nu ist nur alle knaker, so ungefähr. Und die haben so Knaker gekauft, und die haben die Kinder froh gemacht. Nu ist das nicht als hergebracht, das haben sie eben ausgedacht.

R u c h h ö f t : Haben sie schon auch gemacht, ich weiß es von 20-er Jahren, so die Blaskapelle, dem einen zum 70. Geburtstag morgens vor der Tür stand...

I v a n o v a : Wollte ich gerade fragen!

E l l a : O! O! O! Ja, den haben sie so 'n Pferde...Pferde... Pferdlied, die haben noch selber Pferd, und dann haben die so 'n Lied auf ihn gedichtet, denn da Hans mit seinen Pferden durch...wie heißt es noch? Durch das Dorf marschiert oder so ähnlich. Das ist rein Gesinge. Also sie haben alle gelacht.

A n n e t t e : Das ist toll! Ja, die machten viel. Ganz toll. Also was die alle auf die Beine stellen! Und das ist bei uns ähnlich gegeben.

R u c h h ö f t : Es ist auch wichtig, wenn man gut... Hat der Pastor eine gute Spiel hier?

E l l a : Bitte?

R u c h h ö f t : Der Pastor oder die Kirchengemeinde ist hier so gut?

E l l a : Hier? Ach du ist mit der Kirchengemeinde. Unsere Kinder, die kommen noch zur Konfirmation, aber sonst...

R u c h h ö f t : Geht das mehr an Pastor oder ist das so allgemein?

E l l a : Das ist allgemein. Das ist zu DDR-Zeiten hatten die Eingebürgerten, haben alle Jugend für die Jugendweih, und die sind eben rausgewesen.

R u c h h ö f t : Im Durchschnitt hat die Landeskirche 20% Jugend.

A n n e t t e : Aber es nimmt wieder zu. Also die Kinder wollen zunehmend... also die unseren beide auch, die wollen alle konfirmiert werden. Die gehen jetzt immer zum Konfitreff beim Pastor, ist auch ganz toller Mensch, der Pastor, und kann ganz prima mit Kindern umgehen, der alte Pastor ist...

I v a n o v a : Das ist der Pastor Moritz.

A n n e t t e : Ja, Pastor Moritz. Der ist wirklich ganz toll.

I v a n o v a : Etwas teuflisches hat er im Blick.

A n n e t t e : Ja! Ha-ha.

{Ella bricht ins Gelächter}

I v a n o v a : Fährt man jeden Sonntag zum Gottesdienst?

E l l a : Nee. Nur die Eltern mit den jungen, wenn die Konfirmand sind eben. Mit dem... haben sie Spitze angebaut und da haben die noch die anderen ...

I v a n o v a : Gibt's hier Dankfeste in der Kirche? Die Dankfeste?

A n n e t t e : Ja, Erntedankfest.

R u h r h ö f t : Das war jetzt, Sonntag. Aber sonst ist ja der Gottesdienst überhaupt nicht mehr das feste Gewohnheit.

E l l a : Ne. Also nur Weihnachten ist voll. Nur Weihnachten, Heiligabend.

R u c h h ö f t : Weihnachten ist voll. Ostern ein bisschen weniger. Heiligabend, Erster Weihnachtstag eben und der zweite war das schon Strafgottesdienst, wenn der Pastor... und auf den Dörfern zur Zeit ist ja das meistens schon aus.

A n n e t t e : Also eigentlich Heiligabend ist das besondere Ereignis in der Kirche.

R u c h h ö f t : Da gehen alle, die sonst mit Kirche nichts zu tun haben, weil eben sich festliche Stimmung zuhause nicht mehr gibt. Das weiß ich im Plauer See immer zwei Gottesdienste.

I v a n o v a : Ich gehe sonst nie normalerweise in die Kirche, aber am Heiligabend war ich, da in Thüringen.

A n n e t t e : Ja, hier auch genau so. Und weil die Kinder auch gerne Konfirmation haben möchten, muss man gezwungenermaßen denn hier auch passioniert gehen, dass sich ein bisschen mitgeteilt werden.

I v a n o v a : Das macht man nicht gerne.

A n n e t t e : Ja, nicht so.

{Gelächter}

R u c h h ö f t : Ist ja ein bisschen mehr Lust im Gottesdienst, nä?

E l l a : Ne. Sonst nicht.

R u c h h ö f t : Gar nicht? Oder doch?

E l l a : Nur zu besonderen Gelegenheiten.

R u c h h ö f t : Aber wenigstens dann, nä?

A n n e t t e : Es gibt aber eifrige Kirchgänger auch hier im Dorf, doch, die wirklich jedes Wochenende hingehen.

E l l a : {an Annette} Welche zum Beispiel?

A n n e t t e : Sehland. Doch. Gibt es aber doch. Die auch im Chor singen.

R u c h h ö f t : Es gibt also die, die in der Kirche zu zweit oder eins sitzen am Gottesdienst.

E l l a : Ja-ja. Eins oder zwei sitzen.

R u c h h ö f t : Aus einem Dorf da hatten wir, dass dann auch da kam der Mann, der die Kirche aufgeschlossen hat mit Gummistiefeln aus dem Schweinestall, hat die Kirche aufgeschlossen, die Kerzen angezündet, dann verschwand er wieder. {wildes Gelächter} Im Kollektbuch stand es anschliessend 0,0 Menschen. {wieder wildes Gelächter}.

I v a n o v a : Wir waren mal beim Gottesdienst in Conow, es war vor zwei Wochen oder vor einer Woche, nee vor zwei Wochen vielleicht, ich hab' extra gezählt: 29.

A n n e t t e : Das ist viel!

R u c h h ö f t : Das ist viel.

A n n e t t e : Erntedankfest?

I v a n o v a : Ne, ganz normal.

R u c h h ö f t : Ganz normal? Das ist viel, ja.

A n n e t t e : Ganz normal! Erstaunlich.

I v a n o v a : Es war 'n ordentlicher Gottesdienst.

A n n e t t e : Und waren junge Leute anwesend?

I v a n o v a : Ne. So mittleren Alters.

A n n e t t e : Weil so wie mein Sohn jetzt, wenn die ein Jahr vor der Konfirmation stehen, dann müssen die 36 Mal zur Kirche gewesen sein. Da haben die ein Blatt, gehen sie zum Pastor, und dann trägt er jedes mal ein, wenn sie da waren. Das müssen sie erfüllt haben, damit sie Konfirmation haben können. Das ist Voraussetzung. Und deshalb ist meistens also die Kirche schon besetzt hauptsächlich mit jungen Leuten.

I v a n o v a : Ne, da waren drei Menschen, drei junge Leute.

R u c h h ö f t : Wie viel hat die Gemeinde?

A n n e t t e : Sieben, glaube ich sind das.

R u c h h ö f t : Sieben?

A n n e t t e : Also es wird mehr.

R u c h h ö f t : Das ist für Dorf dabei!

E l l a : Ist ja nicht ein Dorf.

R u c h h ö f t : Ne, aber trotzdem für 'ne ländliche Gemeinde ist das doch schon viel. Soviel hat manche Stadt nicht. Also Güstrow hat auch grad' mal 7.

E l l a : Ja?

A n n e t t e : Ist erstaunlich, aber

E l l a : Sonst in Ludwigslust meine, meine — ich habe noch zwei Enkelkinder in Ludwigslust, sie sollen bald auch konfirmiert worden, also wenn sie das mit der Stadtkirche vergleichen, da ist gar nicht...

R u c h h ö f t : Die Stadtkirchen haben, also wenn sie der Stadt sind vom Verhältnis also Einwohner der Gemeinde, die den Gottesdienst besucht... *{Abbruch der Aufnahme}*

R u c h h ö f t : Ne, ich weiß es bis 1918–1920... waren diese Kirchen davon lebten die Pastoren, in den 20-er Jahren wurden erst nach dem Krieg überhaupt die Kirchensteuer erst eingeführt. Deswegen mussten sie ja mit dem Land leben, vom Pacht oder selbst bewirtschaften, dann eben diese Abgabe. Das weiß ich eben noch als Kind das mit dem Martinsgans oder...

E l l a : Das war meine Zeit. Aber ist...

R u c h h ö f t : ...aber ist sicher teilweise bis 1940-er Jahren.

E l l a : Im Dorf war einer, war immer Schulze, also, das war jedes... ob es jedes Jahr nun an der Reihe, glaube ich... und da hat man die Sachen hingetragen, und die haben es gegeben an dem Pastor. Aber da war ich noch Kind. Ich weiß es genau, wie das war.

R u c h h ö f t : Bis 40-er, Anfang 50-er Jahre hat es noch teilweise so...

E l l a : Anfang 50-er.

R u c h h ö f t : Zumindest diese Martinsgans da im November grade, die Eier und uh... Da gibt es auch im Oberkirchenrat im Archiv, diese Aufzeichnung, zumindest '47, glaube ich, aufgenommen worden. Und da steht es drin, was dann von jedem Hof am... abgaben: Martinsgans und Eier und was es noch gab. Das mag unterschiedlich sein.

M y l ' n i k o v : Aber ich möchte noch mal mein Vorschlag wiederholen: erstens, schönen Dank für die Einladung, zweitens, schönen Dank für Geschenk, und drittens, ich möchte Sie mit in nächsten Fest, der morgen wird, gratulieren, weil für Deutschland es ist sehr wichtig, diese Probleme, und Gott sei Dank, dass sie war so gut, normal erlöscht und letzte, dass ich sagen möchte, ich hoffe, dass es ist nicht letzte Mal, als wir zusammentreten, die Leben geht verschieden, kann sein, dass wir noch mal treten, oder hier oder in Petersburg oder irgendwo noch. Also, schönen Dank und wir fahren weiter in unsere alte deutsche Dorf Laupin.

{die Aufnahme wird unterbrochen}

{Ende des Interviews}

Фотодневник

F-5. В-19 Калисс. Информант экспедиции, краевед и владелец музея Ханс-Йоахим Бётефюр с женой у входа в дом.

F-5. В-20 Лейссов. Информант экспедиции Вольфганг Зееланд у своего дома.

F-5. В-21 Лейссов. Старый дом 1760–70 гг. Перестроен под сарай.

F-5. В-22 Лейссов. Дом семьи Зеландов. Старый дом-двор с необычной планировкой: здесь жилые помещения для старших членов семьи (Altenteilerwohnungen) находились на втором этаже. Дом не перестраивался, лишь изменилась внутренняя планировка жилых помещений и была в 1998 г. перекрыта крыша.

F-5. В-23 Лейссов. Информанты экспедиции Ильзе-Мария и Вольфганг Зеланд.

F-5. В-24–25 Лоозен. Информанты экспедиции Элла, Анетте и Манфред Лют в гостиной своего дома. Манфред — муж Анетте и сын Эллы.

Из фотографий А. Новика

П-1. К-1–2 Лаупин. В квартире экспедиции. Ю.В. Иванова примеряет головной убор мекленбургской крестьянки.

3 октября, вторник

Из дневника Мыльников

Сегодня празднуется объединение Германии, поэтому все, кроме музеев и ресторанов, закрыто. Погода хорошая, солнечная. Ранним утром решил прогуляться по нашей деревне. Внимательно вглядываясь в планировку, можно обнаружить рудименты круглой деревни. В центре деревни памятник погибшим в двух мировых войнах. В 1998 г. отмечалось 500-летие деревни, издана брошюра с упоминанием о ее славянском прошлом. Размышлял о региональном самосознании. Мне и моим молодым спутникам часто приходилось, в том числе на сельских праздниках, слышать: «*Ich bin Mecklenburger*», — *но никогда: «Ich bin Jabelheider»*. Вместе с тем, существует более дробное деревенское самосознание. Оно более мнилокально и порой ощутимо в поведенческих стереотипах. Считается, например, что жители Loosen более открыты, общительны, а жители Tewswoos более замкнуты. На самом деле это не столь детерминировано, во всяком случае, мы встречали и там и сям противоположные примеры.

На 10 часов намечен выезд в *деревню Мекленбург*, находящуюся недалеко от Висмара и давшую некогда название всему герцогству. Во времена ГДР эта деревня была причислена к образцовым социалистическим и за счет государства на месте, где до того было поле, построили дома для жителей. Самым неожиданным была встреча с местным пастором, каковым оказалась выпускница Теологического факультета в Лейпциге **Christine Eller**. Пастора-женщину надо называть Pfarrerin / Pastorin. Это отнюдь не жена пастора, ибо жен пасторов так не называют, поэтому спутать нельзя. Она приняла нас радушно, показала интерьер церкви, подарила плакат о празднике, который уже прошел. К сожалению, она здесь служит чуть более месяца и о старожилах мало знает. Кстати, подлинное название деревни спорно. Может быть, она называлась по имени племенного славянского князька Микулы (Микулин Бор) либо по замку Велеград. Перед возвращением на базу заехали в видневшийся на горизонте Висмар, осмотрели старинный собор, музеи. Саша и Юлия много фотографировали. Оттуда проехали через Шверин, сделали остановку, чтобы посетить герцогский замок. Там сейчас кроме музея располагается Ландтаг, отчего введен пропускной режим, если надо попасть в дирекцию (общий вход по начальству). Я созвонился с секретариатом с намерением обсудить возможность сотрудничества, а заодно бесплатно походить по залам. После некоторого совещания мне передали, что дирекция сейчас занята, а в сотрудничестве с нами они не заинтересованы, поскольку у нас с ними разные задачи. В музейную часть мы все же попали как члены ИКОМ, но сам музей мало интересен с художественной и интерьерной

точек зрения. Рядовой немецкий провинциальный замок, построенный в XIX веке. Конная статуя Никлота на фасаде характерна для регионального самосознания — ведь мекленбургская династия по происхождению — славянская, и это накладывало отпечаток на историческую память, прослеживаемый до сих пор. Я давно предполагал, что самое место в центре озера здесь типично для славянских городищ. Тем интереснее было узнать, что при прокладке кабеля во дворе замка были обнаружены остатки славянского *Vurgwall* (крепостного вала) XI–XII вв. О его существовании ранее было известно по преданиям, сейчас они подтвердились. Местоположение замка на озере было связано не только с соображениями обороны, но и ввиду рыболовного промысла, наряду со скотоводством относимого к наиболее древним видам хозяйственной деятельности полабских славян.

Из дневника Ивановой

На сегодня намечено посещение крупного поселка Дорф Мекленбург на севере федеральной земли. В окрестностях деревни находятся остатки славянского крепостного вала, раньше здесь располагалось крупное славянское поселение Вилиград — Михилинборг.

Современная деревня Дорф Мекленбург была отстроена во времена ГДР как образцовая социалистическая деревня. 1 октября сего года здесь прошел общеземельный праздник урожая, т.е. в рамках целой федеральной земли Мекленбург-Передняя Померания. На праздновании присутствовал премьер-министр федеральной земли, в деревенской церкви была отслужена торжественная благодарственная служба с участием епископа Мекленбургского Херрманна Бесте.

В 10.30 началась торжественная процессия повозок по деревне, в 12 часов возрожденный обычай передачи короны урожая. Традиционно в дореформенной деревне корону плели молодые крестьянки, а затем передавали ее помещику в благодарность за предоставленную возможность работать на земле. Ныне корону передали премьер-министру. После этого началась крестьянская ярмарка и праздничные представления в центре деревни.

Перед церковью и пасторским двором установлена большая фигура, выполненная из рулонов соломы. Такие фигуры оформляются в виде крестьянина или крестьянки, устанавливаются у въезда в деревню или у места проведения праздника и символизируют приглашение к празднику урожая.

Вокруг церкви расположено кладбище. Еще одно деревенское кладбище было заложено в 80-х годах. XIX в. в центре округлого славянского крепостного вала Михилинборг, расположенного на краю деревни.

Сегодня у местного пастора выходной. Мы узнали адрес и отправились к нему домой. Дверь нам открыла молодая черноволосяя женщина в очках,

несколько «экстазного» вида, которая представилась как... пастор. Фрау Кристине Эллер взяла ключи от церкви, и мы отправились обратно.

Праздник урожая в Дорф Мекленбург собрал в этом году много посетителей, потому что эта деревня была выбрана для проведения общеземельного праздника. Поскольку помещения небольшой церкви не хватило для того, чтобы разместить всех гостей, на дворе церкви рядом с могильными крестами была устроена пластиковая палатка.

Церковные лавки украшены небольшими букетами из злаков, плюща и красных ягод, связанных лентами цветов флага Мекленбурга — красного, синего и желтого. По нашей просьбе госпожа пастор сняла один из букетов с последней скамьи и подарила нашему музею. Пространство у алтаря старой церкви оформлено овощами и осенними цветами: подсолнухами, георгинами, астрами и хризантемами; фруктами, корзинами. В качестве дополнения композиции — холщевый мешок, соломенная шляпа и деревянные грабли. Каменная купель также украшена яблоками. Все декоративные элементы, включая корону урожая, выполняли женщины из общины. Подобное украшение церкви в это время года к благодарственной службе характерно не только для деревенских церквей. В тот же день мы видели столь же богато украшенный алтарь в церкви Св. Николая в Висмаре, одной из крупнейших в Германии.

К празднику урожая ведется подготовка, праздник широко пропагандируется: дается объявление в местных и окружающих газетах. Мы о нем узнали из газеты «Шверинер Фольксцайтунг». На досках объявлений в деревенской общине висят плакаты, нарисованные школьниками (детей также приобщают к возрождению традиций). На рисунках изображена символика праздника урожая. Один из плакатов нам сняла с дверей церкви фрау пастор. Кроме того, доски объявлений, вход в школу, въезд в подворье пастора украшают либо композиции с грушами, яблоками, тыквами, либо гирлянды кукурузы. Корона урожая висит в церкви над алтарем, слегка смещена вправо. Здесь она сплетена из злаков и сухих цветов. В деревне Кренцлинер Хютте корона урожая была проще: лишь несколько видов злаков да ленты.

Деревня Дорф Мекленбург была отстроена в 1970-е годы. Тогда было построено несколько совершенно новых улиц на месте полей и пашни. Теперь одна из них ведет от церкви к крепостному валу — древнему славянскому городищу. Рядом с церковью все еще стоит старое строение 1700 г. — сарай пасторского подворья (Pfartscheune). Это фахверковое строение с соломенной крышей, других старых традиционных построек в образцовой социалистической деревне мы не обнаружили.

Далее наш путь лежал в Ганзейский город Висмар, а затем — в Шверин, где мы наконец-то посетили Шверинский замок.

Вечером уехал Фред Руххёфт, и на его место вернулся Бекманн.

Из дневника Новика

Сегодня мы ездили в деревню Мекленбург (Dorf Mecklenburg). Это село, по общепринятому мнению, дало название всей земле Мекленбург. Когда-то оно было центром всего региона. Сегодня у немцев праздник — День объединения Германии. Это дата широко отмечается в стране.

До деревни Мекленбург нам пришлось ехать долго. Это большое поселение. Его первыми жителями были полабские славяне. Считается, что Мекленбург — одно из первых славянских поселений. Об этом рассказывает щит с текстом, установленный в центре села. История села описана в специальной брошюре. В ней говорится, что в 737 г. поселение Мекленбург упоминается как центр всей обширной провинции. В тексте на щите сказано, что славянская община была хорошо развита с экономической точки зрения, а потому славяне могли долго противостоять германскому натиску. Успехи экономического развития и хорошая социальная организация давали возможность славянам много столетий сохранять независимость.

Напротив щита с историческими сведениями установлен щит с описанием местной природы. Текст говорит о том, что деревня Мекленбург и ее окрестности представляют собой также и памятник природы. Здесь редкий для Германии ландшафт, климат и флора. Природа вокруг удивительно красива.

В центре села находится большое старое кладбище. Рядом сельская кирха. Кирха очень старая. Она была построена во второй половине XIII в. На ней есть вывеска: «Dorfkirche Dorf Mecklenburg» («Сельская церковь села Мекленбург»).

Мы посетили местного пастора. Это молодая женщина. Зовут ее Кристина Эллер (Christine Eller). Она закончила богословский факультет университета Росток. Затем была назначена пастором в село. По-немецки женщина-пастор называется *пасторин* (Pastorin). Выражение «госпожа пастор» (Frau Pastor) означает жену пастора, а не женщину-пастора. Русские часто это путают.

Кристина Эллер в селе Мекленбург служит недавно, а потому рассказать много о прошлом села не может. Еще не вошла в курс дела. Людей в селе также всех не знает, а потому боится сказать что-нибудь определенное. Пастор показала нам кирху. Кирха производит впечатление. Ее перестраивали и реконструировали еще в средние века. Потом следовала череда ремонтов и переделок. В последний раз кирху капитально ремонтировали в наши дни. В селе 1 октября отмечали праздник — день благодарения за урожай — Erntedankfest. В этом году в селе проводили общеземельный праздник урожая — Landeserntefest. Для участия в нем приезжало огромное число народа. Было руководство федеральной земли Мекленбург–Передняя Померания, много хоров из разных мест, которые пели по случаю праздника. Пастор выразила

сожаление, что мы не смогли побывать на таком важном празднике. В селе давно не отмечали такого большого стечения народа. Следы значительно праздника видны до сих пор — по селу в большом количестве валяются пивные банки и битые бутылки, которые еще не успели убрать.

Церковь еще в убранстве по случаю праздника урожая. В кирхе остались букеты цветов и корзины с овощами и фруктами. К каждой скамейке привязан букет из злаков. В этот букет входит несколько стеблей злаков, плющ и веточка с красными ягодами. Букет перевязан трехцветной ленточкой, символизирующей флаг Мекленбурга. Праздничные букеты привязаны к скамьям соломой. Пастор один такой букет отвязала от скамьи и подарила нам для нашего музея.

В церкви перед алтарем на полу разместилась удивительная по красоте композиция из овощей и фруктов. Здесь же разложен сельскохозяйственный инвентарь. Это вилы и грабли. Центром композиции служит большая желтая тыква. Много крупного картофеля, спелых красных яблок. Под потолком привязана *эрнтекроне* (Erntekrone) — корона урожая из злаков и сухих цветов.

В кирхе много живых цветов. Все это богатство принесли жители села специально к празднику. Пастор сказала, что все это добровольные пожертвования прихожан. Ничего специально к празднику на церковные средства не покупали.

Позже мы подошли к дому пастора. У Кристины Эллер аккуратный просторный дом. Рядом ухоженный сад. В саду растет много малины, яблок, грецких орехов. У пастора есть сын. Но мы не знаем, есть ли муж. Александр Сергеевич пошутил: «Возможно, непорочное зачатие». Потом мы пересказали его шутку Вольфгангу Хеннингу. Он рассмеялся, а затем перекрестился. Сказал, что нельзя так шутить. С немцами, даже очень свободомыслящими и раскрепощенными на вид, нужно быть аккуратными в разговорах на религиозную тему. Это очень личный вопрос.

Рядом с домом Кристины Эллер стоял мешок с мусором. Я заглянул ради любопытства, что выбрасывает госпожа пастор. Увидел там пустую бутылку из-под вина. Ничто человеческое служителям культа не чуждо.

Долго гуляли по селу. Село качественно отстроили еще во время ГДР. При социализме в стране было создано несколько образцовых деревень. Мекленбург вошел в их число. За счет государства в показательном селе, куда возили гостей страны и иностранных туристов, проложили отличные дороги, построили добротные дома и общественные здания. В селе есть хороший магазин, полицейский участок и другие учреждения. В центре располагается хорошо оснащенная спортивная площадка. На окраине села, по дороге в город Висмар, возведен отличный стадион.

Времени на посещение домов и работу с информантами у нас, к сожалению, не осталось.

Мы направились в город Висмар (Wismar). Это старинный ганзейский город, о чем свидетельствует рекламный щит: «Hansestadt Wismar». Город очень интересный. Стоит на берегу Балтийского моря. У города сохраняется старый центр. Здесь много архитектурных памятников. На центральной площади располагается городская ратуша. Стоит необычный памятник с куполом. Площадь перед ратушей превращена в огромную автостоянку, где паркуют машины. Площадь усыпана мелким камнем. Бесконечное количество автомобилей. Такое в Германии встречается часто. Раньше центральная площадь города служила местом проведения ярмарок и торжищ. Теперь городские власти превращают некогда главные площади в парковки для автотранспорта. Иначе машины на узких улочках старого города ставить было бы совершенно негде.

В городе много церквей. Доминантой в городе служит кирха святого Николая. Потрясающая готика. Кружевное величественное здание из темно-красного кирпича. Вход в кирху платный. Хотя это и дом Господа, но городские власти хотят извлечь деньги от туристов на реставрационные работы в храме.

В центре есть и другая кирха. Она производит странное впечатление. От кирхи осталась очень высокая и монументальная башня. А остальной части кирхи нет. Основную постройку взорвали во времена правления Ульбрехта в социалистической ГДР. Башню оставили как памятник архитектуры. Ужасное изуверство.

В самом городе часто встречаются буквально руины. Старые дома практически рассыпаются от ветхости. Владельцы не в состоянии их отремонтировать. А рядом с развалинами сверкают восстановленные здания, только что освободившиеся от строительных лесов.

В городе много каналов и необычных построек. В Висмаре есть музей свиней. Мост, который расположен рядом с музеем, украшен четырьмя скульптурными изображениями свинок. Скульптуры выполнены из бронзы. На одном постаменте свинья лежит, на другом — валяется на спине и т.д. Необычная городская скульптура малых форм. Времени на посещение музея свиней у нас не было. Зато мы поели мороженое в кафе. Мороженое было не очень вкусным — водянистое, как снег.

Фотодневник

F-5. В-26 Любовь. Деревенская церковь. 1220–1230.

F-5. В-27 Дорф Мекленбург. Фигура, сделанная из рулонов соломы. Такие фигуры, одетые в виде крестьян, ставят у въезда в ту деревню, где будет проходить праздник урожая. Иногда таких баб ставят у места проведения праздника.

F-5. В-28 Дорф Мекленбург. Деревенская церковь. 2 половина XIII в. В 1998 г. реставрирована. Вокруг церкви расположено кладбище.

F-5. В-29 Дорф Мекленбург. Украшение к празднику урожая цветочная гирлянда на входе в церковь. В 2000 г. Дорф Мекленбург был выбран деревней, где проходил общеземельный праздник урожая с участием премьер-министра земли и епископа Мекленбургского. Праздник проходил в церкви.

F-5. В-30 Дорф Мекленбург. Корона урожая Erntekrone выполнена из злаков и сухих и живых цветов женщинами из церковной общины.

F-5. В-31–33 Дорф Мекленбург. Оформление алтаря деревенской церкви плодами, цветами, злаками и другими символами плодородия и изобилия к празднику урожая. Выполнено также женщинами из общины.

F-5. В-31 Дорф Мекленбург. Оформление алтаря деревенской церкви плодами, цветами, злаками и другими символами плодородия и изобилия к празднику урожая. Выполнено также женщинами из общины.

F-5. В-34 Ганзейский город Висмар. Старый город.

F-5. В-35 Ганзейский город Висмар. Колокольня разрушенной во времена ГДР церкви.

F-5. В-36 Ганзейский город Висмар. Городская управа.

F-5. В-37 Ганзейский город Висмар. Городская колонка.

F-6. В-1 Ганзейский город Висмар. Городская колонка. Детали архитектурного оформления.

F-6. В-2 Ганзейский город Висмар. Деталь оформления моста.

F-6. В-3 Ганзейский город Висмар. Городской канал в центре старого города.

F-6. В-4 Ганзейский город Висмар. Во время праздников урожая алтари украшают не только в малых деревенских церквях, но и в больших, таких, как центральный собор Висмара — Церковь Св. Николая.

F-6. В-5 Ганзейский город Висмар. Церковь Св. Николая. Алтарь.

F-6. В-6 Церковь Св. Николая крупнейшая в городе. Готические розетки.

F-6. В-7 Церковь Св. Николая крупнейшая в городе.

F-6. В-8 Ганзейский город Висмар. Торгово-пешеходная улица в старом городе.

F-6. В-9 Ганзейский город Висмар. Разрушенные дома в центре города, лишившиеся владельцев — маркер бывшей восточной Германии.

F-6. В-10 Ганзейский город Висмар. Городское здание XVI в., пример типичной архитектуры ганзейских северонемецких городов: красный кирпич, характерное ступенчатое завершение фронтона.

Из фотографий А. Новика

П-1. К-3 Дорф Мекленбург. Профессор Мыльников беседует с пастором деревенской церкви Кристине Эллер.

4 октября, среда

Из дневника Мыльников

Утром сильный туман. Встав пораньше, занялся разными хозяйственными делами и чисткой своего плаща, залитого вчера кофе из термоса. (Но это интересная тема нашей экспедиционной жизни. Описание ее оставлю для потомков.) Что же касается дела, то побывать успели только в деревне *Warlow*. Классический Rundling, но дома, ориентированные на центральную площадь, поставлены не фасадами, а боковыми сторонами. Одна из местных женщин объяснила это очень просто: так удобнее. Засняли круговую панораму: Саша снимал, я комментировал. Ряд домов заслуживают упоминания: для украшения в кирпичные стены вмонтированы большие камни. Один из таких домов недавно куплен новыми жильцами и сейчас перестраивается. Сохранились еще ворота в Diele, размер помещения которого таков, что лошадь с грузеной повозкой могла насквозь проехать от входа до выхода. Такие случаи для Hallenhaus типичны, мы их видели много раз. В некотором смысле дома в круглых деревнях напомнили мне старые северные избы, виденные мною в экспедициях первой половины 1960-х годов. Смысл единый: возможность выполнять максимум хозяйственных операций под одной крышей, независимо от погоды и не выходя из-под нее. В какой мере в этом сходстве можно (и можно ли?) видеть проявление славянских рудиментов — вопрос отдельного рассмотрения. Несколько домов в деревне принадлежат еще XVIII веку. Крыши черепичные. К некоторым домам сделаны кирпичные пристройки с высокими кирпичными же трубами. Это помещения с устройством для обогривания всего дома. По возвращении в *Лаутин* я решил остаться для упорядочивания записей и наброска дальнейших маршрутов, а молодежь отправилась для повторного визита в деревню *Гребс* к семье **Böttcher**, о чем я договорился утром по телефону. Юля при этом сказала, что они без меня вызывают у жителей меньше доверия, нежели когда я с ними. Не знаю, так ли это, но по поводу нашей ролевой идентификации мне уже приходилось выслушать ряд комических народных домыслов: я — Юлин отец, а Саша — ее муж; или: Юля — моя дочь, а Саша — шофер. Возможно, на появление таких домыслов повлияла уважительная, а не «начальственно-подчиненная» атмосфера в нашей экспедиции, чего зоркие местные наблюдатели не могли не заметить. Вот так и рождаются легенды. Как бы то ни было, но молодежный поход к **Бётхерам** был особо плодотворным, хотя встреча была радушной и сопровождалась подарком иллюстрированной кулинарной книги и какой-то брошюры. **Марга Бётхер** показала 11 хранящихся у нее старых фольклорных платков. **Ханс-Ульрих** хотел, но так и не решился подарить для Кунсткамеры старый

ломаный крестьянский цеп, который валялся на полу в коридоре. От нашего имени нашим хозяевам в подарок вручили полотенце.

Вечером участники экспедиции произвели взаимный расчет по общим тратам на еду и бензин, давший любопытный результат: с 15 по 30 сентября на еду из общей суммы ушло 25 %, а на бензин — 75 %.

Из дневника Ивановой

12 часов. Мы в деревне Варлов. Это довольно большая деревня: три улицы. Сами жители делят деревню на две части: крестьянская деревня и конец *хойслеров*. Так и обозначают: «Это должно быть там, у крестьян» (*das soll da oben sein, bei den Bauern*). Большая часть домов современная или недавно перестроена и заново покрашена, оштукатурена.

На одной из улиц до сих пор стоят два очевидно старых крестьянских дома — бывшие дома-дворы с большими воротами *диле* на фасаде. Один из них перестроен ныне под жилой дом, где на месте сеней *диле* видна входная дверь. На фронтоне фасада, который обращен на улицу, расположены два широких окна. Низкая массивная крыша, которая раньше была крыта соломой или тростником, сейчас перекрыта асбестовым шифером. Другой дом, который, по всей видимости, соответствует скопированному нами плану из архива Воссидло. Этот дом в настоящее время почти необитаем, походит на сарай и как раз находится в реставрации. Соломенную крышу сменила асбестовая, отчего дом потерял свой шарм и стал выглядеть довольно бедно и безвкусно. Однако все остальные традиционные элементы постройки сохранились.

Жители говорят, что с тех пор должны были сохраниться те же, старые, номера домов, что раньше соответствовали *гуфам*. Большинство домов обращены на улицу боковой стороной, некоторые представляют собой типичные жилища безземельных *хойслеров* — с поперечным внутренним членением и массивными воротами *диле* на той же боковой стороне, чуть смещенными вправо. В деревне Варлов немало домов, полностью или частично построенных из рудного камня *клулт*. Большая часть домов *хойслеров* была первоначально полностью выстроена из этого дикого тяжелого материала, но со временем дома были перестроены новыми владельцами, кое-где сохранялся *клулт*, остальное нередко заменялось кирпичом. В настоящее же время стал популярным стиль старины, и оставшийся в кладке *клулт* вновь выставляют напоказ, а зачастую в кирпичные стены перестроенных домов добавляют заново, тем самым сохраняя старый облик дома и деревни в целом.

Мы разговорились с несколькими женщинами, которых повстречали на улице Варлова. Одна мне рассказала, что многие старые дома в деревне были снесены в 1960-е годы. Сама она проживает в Варлове с 1952 г., и эти события хорошо сохранились в ее памяти.

Деревня Варлов относится к приходу Пихер и имеет своего бургомистра. Нам назвали его адрес — улица Розенштрассе, 3. Но, дойдя до нужного дома по нужной улице, мы так и не обнаружили бургомистра. Двор был пуст, и на наш звонок никто не отозвался. Побродив по улицам негостеприимного Варлова, мы садимся в машину и направляемся на обед в Лаупин.

После обеда назначена встреча в Гребсе, и мы вновь едем к семье Бётхер.

Бётхеры принимают нас в теплой *штубе*, угощают кофе с хлебом, хрустящими булочками со свежим сливочным маслом и медом с пасеки Ханса-Ульриха и пирогом, который Марга Бётхер испекла вчера специально к визиту гостей. Хозяйка охотно поделилась рецептом, а когда мы уже уходили от Бётхеров, подарила мне книгу гольштейнской кухни «Düt un Dat ut Pütt un Rapp». Сегодня вечером мы беседуем о местной кухне — Марга всегда готовит сама, она любит записывать различные рецепты из телепередач или от знакомых. Пирог, который мы сегодня отведали у Бётхеров, замешивают на пахте, но летом хозяйки его обычно не пекут, так как в таком тесте слишком много калорий. А о здоровом количестве калорий в пище заботится, пожалуй, каждый пожилой немец.

Этот пирог — лучшее лакомство для холодного зимнего времени.

Госпожа Бётхер показывает свои учебники по русскому языку, я перевожу ей некоторые тексты на немецкий. Пока ее муж беседует с нашим помощником Хайко — конечно, об археологических раскопках и находках в районе Гребса — Марга демонстрирует нам с Сашей свои платья. Дело в том, что обычный гардероб Марги состоит из платьев в народном стиле, так называемых *дирндль* (от бавар. Dirndl, нем. Dirndlkleid — так называют платье баварской крестьянки) или *трахт* (нем. Tracht — ‘традиционный костюм’). Все одиннадцать платьев Марга сшила сама; большинство из них составляют целый сложный комплект: платье или юбка с лямками, белая блуза с кружевами, белая нижняя юбка и всегда передник. Госпожа Бётхер — художница, поэтому неудивительно, что цвета в ее костюмах подобраны со вкусом, хорошо сочетаются друг с другом. Все эскизы придуманы самой Маргой, вдохновленной различными телепередачами по регионам Германии, костюмами ведущих, но ни один костюм из коллекции Марги не повторяет в точности увиденные — всегда она добавляет свою ноту.

Она рассказывает: раньше, во времена ГДР, почти невозможно было достать хорошей одежды или купить приличную ткань, чтобы сшить платье самой. И тогда женщины начали сами фантазировать, изобретать, распарывали старые платья, стирали, гладили — и получали «новую» ткань, из которой можно было кроить новую одежду. Иногда приходилось идти в магазин и покупать портьерные ткани — тогда выходили добротные и дорогие *дирндли*. Сейчас ни одна молодая девушка в Мекленбурге не оденется так, платья

в народном стиле стали редкостью, особенно на севере. Марга показывает синий передник, цветную набивку ткани для которого выполнила она сама.

Госпожа Бётхер очень ценит свою работу, и говорит, что один час работы стоит нынче дорого — около 20 немецких марок, а это ручная работа. Мы сфотографировали все одиннадцать нарядов.

Супруги Бётхеры хранят много старинной утвари в доме, но сильно дорожат всем этим состоянием, и поэтому мы ни одной вещи не сумели выпросить или даже купить для музея.

Пахтовый пирог Марги Бётхер:

4 чашки муки, 3 чашки сахара, 2 чашки пахты, 2 яйца, 1 пакетик разрыхлителя смешать. При этом из-за пахты тесто получается несколько жидким. Поверх выложенного в противень теста распределить смесь: 1 чашку сахара, 1 чашку кокосовой стружки или дробленого миндального ореха. Пирог выпекать 20 минут. Сразу после того, как пирог будет вынут из духовки, полить его 200 г растопленного сливочного масла.

Манные клецки Марги Бётхер:

100 г манной крупы, 80 г сливочного масла, стакан молока, 2 щепотки мускатного ореха, перец, соль, свежая петрушка.

Все ингредиенты постоянно перемешивать в глубокой сковороде до тех пор, пока тесто не начнет отлипать от стенок. После этого добавить 2 яйца и перемешать. Накрывать бумагой для выпечки и оставить на ночь в холодильнике. Клецки формировать чайной ложкой и варить в прозрачном мясном бульоне.

Из дневника Новика

Сегодня мы ездили в г. Людвигслуст покупать продукты. После этого отправились в деревню Варлов (Warlow). Это необычная деревня по своей планировке. Она не круглая, как многие здесь, а какая-то совершенно не поддающаяся классификации. Дома в деревне стоят неким неправильным треугольником. Фасады многих домов развернуты полубоком к площади. Я снял Варлов на видеокамеру.

Затем мы отправились гулять по деревне, разговаривать с местными жителями. Нашли один дом, в котором сохраняется *диле* (Diele) — просторные сени-двор. Этот дом недавно купили у прежних хозяев. Новые владельцы еще не успели переделать его на новый лад, превратив *диле* в просторную гостиную или анфиладу комнат.

Деревня Варлов произвела впечатление не очень ухоженной. Роскошные дома, сверкающие свежим ремонтом, чередуются здесь с почти заброшенными. В палисадниках некоторых домов валяется мусор. Такого в Германии я раньше не видел. В деревне много деревянных сараев и разрушающихся

построек. Странно, что деревянные сараюшки иногда стоят рядом с шикарными виллами. Часто владельцы, обустроив жилой дом, не заботятся о внешнем виде всей усадьбы. Это скорее исключение из общенемецких правил.

В деревне много типов разных оград вокруг домов. Встречается штакетник, металлическая сетка и проч. Обычно в селах в этом районе ограды домов выглядят как-то органично. Люди пытаются сделать такую же ограду, как у соседа. Стараются превзойти его в художественном решении, в качестве украшений и цветников. Но, как правило, не ставят штакетник рядом с металлической оградой. Если и ставят, то все равно на все село лишь пару типов ограды. В Варлове же все словно постарались отличиться. Нет ни одной похожей ограды. А потому деревня выглядит весьма эклектично, нет единого стиля.

После обеда мы отправились в деревню Гребс (Grebs). Семья Бётхер (Böttcher) пригласила нас к 15.00. Мы у них уже были в гостях, записали много интересного. Помнится, тогда нас очень щедро угостили. Это знакомство у нас появилось благодаря представлению пастора.

Бётхеры нас уже ждали. Перед нашим приходом в гостиной был накрыт стол для кофе. На столике лежала льняная жаккардовая скатерть, а поверх нее льняная салфетка с ришелье меньшего размера. На столе были расставлены тарелки, чашки и приборы для десерта. Был подан пирог, усыпанный резаными миндалем, а также булочки и белый хлеб. На столе стояли сливочное масло и мед с домашней пасеки на хрустальных тарелках. Мед у Бётхеров очень вкусный, тягучий, долго тянется на ложке, когда его накладываешь из плошки.

Десертные приборы стальные, очень красивые. Почти в каждом немецком доме стол сервируют если и не дорогими, то, во всяком случае, элегантными приборами.

Хозяйка, фрау Бётхер, по нашей просьбе стала показывать свои наряды, сшитые по старым образцам. У нее не сохранилось бабушкиных и маминых нарядов. Поэтому она шьет для праздников традиционные костюмы Мекленбурга сама. Ткани использует фабричные. Покупает их в магазине. Часто для костюмов перешивала старые вещи. Стирала, перешивала, гладила. Старалась комбинировать цвета, чтобы не только соответствовало старым образцам, но и было красиво по ее понятиям. Каждый комплекс пыталась подобрать по цвету. Поэтому у нее часто к одному платью сшито два фартуха. Зачастую эти фартухи совершенно различны, однако все равно удивительно гармонично подходят под весь комплекс костюма. Когда мы сказали хозяйке, что у нее хороший вкус, она ответила: «Да, это так».

Свои наряды фрау Бётхер надевает по праздникам, на разные сельские мероприятия. Многие односельчанки и жительницы соседних сел у нее кон-

сультуруются по поводу того, как и что нужно шить, чтобы было похоже на традиционные наряды. Хозяйка продемонстрировала нам все свое костюмное богатство, надевала на себя различные комплексы костюма, чтобы мы смогли все это сфотографировать. Мы отметили, что для всех нарядов у нее была лишь одна нижняя юбка, которую она сшила из белой хлопчатобумажной ткани по старому образцу. Фрау Бётхер надевала различные блузы, которые также сшила, опираясь на костюм прошлых времен. Ее реконструкции, конечно же, ненаучны, однако дают представление о том, каким видят традиционный костюм прошлого современные жители Мекленбурга.

Всего фрау Бётхер показала нам восемь типов одежды, которые сшила сама. Большинство комплексов имеют по два фартуха, которые можно менять в зависимости от настроения.

Хозяйка нарисовала нам выкройку одного из предметов одежды. Мы попросили что-нибудь из ее нарядов подарить или продать Кунсткамере. Она стала сдержанной. Начала объяснять, что ткани нынче стоят дорого, ей много приходилось работать, чтобы сотворить что-нибудь, что ей дорог каждый костюм и т.д. Дарить или продавать ничего не захотела. Но мягко сказала, что подумает о нашем предложении.

Затем своим гардеробом стал хвастать хозяин. У него хранится мужской пиджак с двумя рядами пуговиц. Господин Бётхер заказал этот своеобразный китель в Гарце 50 лет назад. В Гарце такой костюм считался традиционным. Бётхер заказал его специально, чтобы было на чем носить две удивительные по красоте пуговицы, вырезанные из рога лося. Он сказал, что ему достались эти украшения, не уточняя как и от кого. Две огромных по размеру пуговицы представляют собой скорее два нагрудных украшения. Они имеют круглую форму и выполнены в технике резьбы по кости. Резьба сочетает две техники — ажурную и объемную. На украшениях изображены сцены лесной жизни. Огромные пуговицы пришили на лацканы пиджака. В молодости этот наряд хозяин надевал на некоторые мероприятия. А теперь он стал ему мал. Хозяин примерил его на себя, а затем отдал померить Юлии. Юлии он пришлось впору. Бётхеры сокрушенно вздохнули, какими subtilными они были в молодости. Мы попросили подарить китель нашему музею, но хозяева не согласились. Сказали, что будут думать и, если надумают подарить, нам перезвонят. Но в дальнейшем не перезвонили. Юлии пришлось расстегивать такой роскошный образец портновского и косторезного искусства.

Фрау Бётхер сказала, что учит русский язык. Она помогает внуку, который изучает русский в школе, и таким образом приобщилась к изучению языка сама. Она принесла учебник русского языка и просила нас помочь в сложном задании, встретившемся в домашней работе. Мы помогли, отметив про себя, что учебник новый и предлагает обучение по современной методике.

Большая часть беседы была посвящена обсуждению рецептов и «этнографии кухни». Фрау Бётхер выдала нам множество интересных рецептов блюд, приготовляемых здешними хозяйками.

Хайко Бекманн, сопровождавший нас, беседовал с хозяином на различные археологические темы. Беседа часто сворачивала на жизненные вопросы, которые были явно не по существу нашей экспедиции. Однако без таких «пустых» разговоров не обходится ни одна работа с информантами. Правда, подчас во время таких бесед «по душам» открываются самые интересные вещи и делаются настоящие открытия.

Мы еще раз смогли осмотреть дом. В соседней с гостиной комнате стоит современная деревянная стенка и современная мебель. По планировке дома выходит, что рядом расположены две гостиные. При этом одна интенсивно используется, а вторая находится как бы в резерве — на всякий случай. И такое встречается нам не в первый раз. Зачастую люди в своих домах обустраивают несколько комнат для приема гостей. Одну из таких комнат всегда можно при необходимости переделать под что-то другое. Вот только совсем странными кажутся случаи, когда в доме рядом расположенные гостиные начинают обстановкой, почти совершенно одинаковой. Понятно, когда в доме стараются сохранить один стиль. Но вот зачем покупать совершенно одинаковую мебель в расположенные рядом комнаты? Ведь можно купить мебель похожую, в одном стиле, но все-таки как-то отличающуюся.

Перед нашим отъездом хозяева подарили нам банку меда с собственной пасеки. Мед из разнотравья. По-немецки он называется *Heidehonig*. Это значит, что мед пчелы собирали в разных местах, на лугах и полях. Банка подаренного меда вмещает приблизительно 450 г.

Юлии хозяева подарили дорогую, богато иллюстрированную книгу по кулинарии.

Бётхеры с сожалением с нами расставались. Просили нас еще с ними связаться. Возможно, они смогут найти что-нибудь среди своих костюмов в качестве подарка для нашего музея.

Фотодневник

F-6. В-11 Варлов. Дом *хойслера* № 21.

F-6. В-12 Варлов. Дом № 12 (бывшая *гуфа* XI).

F-6. В-13 Варлов. Крестьянский дом № 9.

F-6. В-14 Варлов. Пугало от птиц в огороде дома № 7.

F-6. В-15 Варлов. Частично перестроенный дом *бюднера*, выполненный с использованием рудного камня *клубна*.

F-6. В-16–17 Гребс. Марга Бётхер в народных платьях в гостиной дома Бётхеров.

F-6. В-18–24 Гребс. Марга Бётхер в народных платьях у входа в дом. Эти девять моделей Марга сшила сама из старой одежды, перешивая свои старые платья и блузы. Многие наряды состоят из двух частей — нижней (юбки) и верхней (блузы) или платья и передника, некоторые даже из трех: юбки с ляжками, белой блузы с кружевом, белой нижней юбки и передника. Платья не являются национальной одеждой, не относятся к мекленбургскому костюму, они лишь стилизованы под народные, но называет она их *Trachten*. Фасон и отделка, сочетание цветов и деталей — авторская фантазия. Вдохновляли ее к этому разные люди, например, телеведущие, но она никогда не копировала полностью модель. Марга удачно комбинирует цвета, они хорошо подходят друг к другу: она — художница, поэтому охотно разрабатывает и дизайн моделей. Марга считает, что ее стиль сейчас в регионе — редкость, молодежь так уже не одевается.

F-6. В-21 Гребс. Марга Бётхер в авторском платье в народном стиле и участница экспедиции Ю. Иванова в куртке крестьянина из Гарца, которую Ханс-Ульрих Бётхер, муж Марги, приобрел в молодые годы, будучи в горах Гарца. Куртка выполнена из сукна, отделка на рукавах, карманах и лацканах — сукно, на лацканах украшение из резного рога.

Ханс-Ульрих показывает нам старый жакет из сукна, декорированный пуговицами из оленьего рога. Этот жакет ему сшили на заказ полвека назад, когда он путешествовал в горах Гарца. Заказ сделан только ради двух резных роговых брошей, которые с тех пор красуются на лацканах.

Из фотографий А. Новика

П-1. К-14–15 Варлов. Дома безземельных крестьян *хойслеров*, построенные из *клумпа* — рудного камня. Ранее самый дешевый строительный материал, сегодня *клумп* ценится. Каждый хозяин бережно реставрирует и подновляет большие неровные камни в стене своего дома. Дома из *клумпа* — изюминка местности Ябельхайде.

П-1. К-16 Варлов. Профессор Мыльников беседует с жительницей деревни через изгородь. Участникам экспедиции не со всеми удавалось установить контакт и доверительные отношения: иногда приходилось ограничиться общением через забор.

П-1. К-17 Варлов. Дом № 5 с поперечным двором-*диле*. Принадлежал безземельному крестьянину-*хойслеру*.

П-1. К-18 Варлов. Хозяйственная постройка с деревянным навесом.

П-1. К-19 Варлов. Лайка в крестьянском дворе.

5 октября, четверг

Из дневника Ивановой

Утром выезжаем из дома и к 10 часам попадаем в деревню Пихер. Чтобы установить контакт с жителями и возможными информантами, направляемся в подворье пастора и заговариваем с печальным бородатым человеком, который приводит в порядок газон. И выясняем, что в Пихере с июня больше нет пастора, и в административном отношении приход передан пастору из Гаммелина, но каждое воскресенье приезжие пасторы из соседних приходов и проводят здесь службы.

В настоящее время ответственным за деревенскую общину Пихера негласно избран некий Райнхард Карбов. Он отвечает и за церковную жизнь общины. Мы получили его адрес, но дома этого человека не оказалось. Его дом находится прямо в центре деревни, напротив расположена большая, невероятно красивая для деревни лютеранская церковь XIX в. и кладбище. Поджидая Карбова, мы прогулялись по улицам Пихера и осмотрели кладбище. Все могилы ухоженные, чистые, везде много живых цветов — время года еще позволяет. Навершие могил здесь — памятники из черного гранита или черные же гранитные кресты, надписи сделаны латинским или немецким шрифтом, позолочены или побелены, фотографий на памятниках в Германии не помещают. За могилами ухаживают члены общины от церкви или сами родственники. Здесь нам встретились две славянские фамилии — Зольтов (1925) и Павельчик (умер также в начале XX в.). Кроме того, мы посчитали, что и ответственный за пихерцев Карбов тоже носит фамилию славянского происхождения, а на соседнем с ним заброшенном доме в стиле модерн все еще можно различить облупившиеся буквы: Вильгельм Бадков.

Пихер — очень крупная деревня по местным меркам, намного больше тех, что нам довелось посетить до сих пор. Здесь есть школа, детский сад, небольшой супермаркет «Фришкауф», который во времена ГДР был просто магазином типа *консум*, есть предприятия, животноводческая ферма, а в двух километрах от Пихера находится гончарня, где делают неплохую керамику — вазы, кофейные сервизы и пр. Церковь и пасторское подворье тоже имеют внушительные размеры. Кирпичная церковь с готическими элементами построена относительно поздно — XVIII или XIX в. Мы попытались разговаривать с людьми на улицах Пихера, но те очень неохотно шли на контакт. Тихий и грустный мужчина, встреченный нами в доме пастора, по всей видимости, и был пастором, которого, вероятно, за что-то лишили сана и должности. Чтобы выяснить хоть что-нибудь о жизни общины Пихера, мы обратились к старому знакомому пастору Веберу из прихода Конов, но он не

смог сообщить ничего, кроме того, что сейчас в Пихере крестит и проповедует тоже знакомый наш пастор Моритц из прихода Лёйссов.

После небольшой прогулки и посещения магазинов в Людвигслюсте едем узкими проселочными дорогами в Лаупин и делаем остановку в Глайзине.

Деревня Глайзин впервые упомянута в 1282 г. как деревня типа *ангердорф* — деревня с лугом для выпаса скота в центре. Это переходный тип от круглой деревни-*рундлинга* к уличной форме. Здесь проходил старый торговый путь из Ленцена через Дёмитц, Эльдену и Хагенов в Ганзейский город Любек. В 1298 г. Глайзин уже приписывали владениям цистерцианского монастыря Эльдена, а позже деревня стала принадлежать церковному приходу Эльдена. Своей церкви в Глайзине не было, несмотря на большое количество дворов, потому что крестьяне здесь всегда были бедными, и денег на строительство собственной церкви не хватало. До середины XIX в. здесь можно было еще увидеть старые крестьянские фахверковые дома-дворы с соломенными крышами, но в 1858 г. сильный пожар уничтожил все эти традиционные постройки, и по велению герцога отныне стали строить все дома крупных крестьян-*бауэров* и безземельных *хойслеров* из кирпича и возводить крышу из твердой огнеупорной черепицы. Такие высокие массивные кирпичные постройки со сравнительно короткой крышей, которые с виду напоминают амбары или сараи, и сейчас определяют облик изначального центра Глайзина — той улицы, что идет вокруг луга.

В 1991 г. община Глайзина подала заявку на финансирование полного восстановления деревни. Сейчас община насчитывает 400 человек.

В 1992 г. в Людвигслюсте основан «Окружной союз женщин» (*Landkreisfrauenverband Ludwigslust*), который насчитывал тогда всего 31 члена. К 2000 г. численность союза выросла до 338 человек, при этом к нему относятся 10 более мелких самостоятельных объединений-союзов: в поселке Нешторф, Тельдау, Редфин, Кусторф, Штрокирхен, Хайдхоф, Люблов, Вёббелин, Верле, Брунов. Каждый месяц проводятся различные мероприятия, в том числе празднования традиционных календарных праздников — Зеленой недели, различных годовщин, праздника урожая, Рождества, проводятся поездки по округу.

В «Окружном союзе женщин» имеется свой танцевальный ансамбль, женский хор, а также любительский драматический кружок; есть женщины, занимающиеся организацией показов мод, женщины, которым заказывают выпечку пирогов и приготовление угощения для праздников; детская группа по возрождению нижненемецкого диалекта (*Plattdeutsche Kindergruppe*). Женщины из более чем 50 деревень региона работают в рамках «Окружного союза женщин».

Для Глайзина тоже характерно разделение на т.н. «крестьянскую» деревню (Bauernecke) и «конец хойслеров» (Häuslereien). На улице Мюленштрассе расположены в основном дома безземельных крестьян-хойслеров, многие уже перестроены и потеряли былой облик, став современным жилым домом. Другие сохранили свой первоначальный облик: частично это фахверковые постройки с глиняным заполнением, некоторые выполнены из рудного камня. Внутренняя планировка домов не изменена, и все они сохранили на фасаде массивные ворота *квердилье* — длинного хозяйственного помещения немецкого крестьянского дома, расположенного поперечно по отношению к коньку. Наиболее интересным мне показался дом 12 по Мюленштрассе: это фахверковое строение с заполнением межбалочных пространств рудным камнем, причем все секции сохранили свой первоначальный облик, дом не перестраивался. Женщина из соседнего дома долго всматривалась в нас, а когда мы подошли к ее калитке, заговорила на *платтдойч* и сообщила, что этот дом принадлежит одному молодому человеку, но сейчас тот не живет здесь. Да и многие другие дома на этой улице выглядят нежилыми.

Дома крупных крестьян-*бауэров* располагаются здесь в центре — там, где две улицы смыкаются и образуют овальную площадь. Это и есть бывший луг, где в стародавние времена пасли скот и который определяет облик деревни такого типа — «*ангердорф*». Сейчас здесь разбит сквер, а вдоль улиц стоят высокие кирпичные дома-дворы. Теперь это сараи, но они вынесены в переднюю часть двора, за ними же в 1930-е годы построены современные двухэтажные более изящные дома, предназначенные только для жилья.

Центральная площадь деревни названа именем Йоханнеса Гильхоффа, самого знаменитого выходца из Глайзина, писателя, патриота, учителя и краеведа конца XIX в. Здесь он родился, здесь работал учителем его отец.

На площади Йоханнеса Гильхоффа находится двухэтажное здание из красного кирпича, на котором развевается флаг Мекленбурга. Это «Дом четырех времен года» (Haus der vier Jahreszeiten). Этот дом принадлежит общине Глайзина, здесь находятся рабочие места женщин союза. Назван дом так потому, что в нем для проведения мероприятий оборудованы четыре помещения, и каждое из них оформлено в цветах и символах соответствующего времени года. Так называются и сами помещения: зимняя комната, весенняя, осенняя и летняя комнаты.

У ворот нас заметила женщина и заговорила (сегодня мы с Сашей работаем одни, без шефа — он уехал на конференцию в Берлин). Фрау Драхайм — так звали женщину — пригласила нас войти внутрь и познакомилась с руководительницей. Ее зовут Вера Фестнер. Она называет себя истинной коренной жительницей Глайзина, ей около шестидесяти, энергичная, моложавая, со вкусом одетая женщина. Вера Фестнер оказалась

приятным собеседником; она охотно рассказала нам историю создания «Дома четырех времен года», поведала о деятельности «Окружного союза женщин», а в конце беседы подарила нам брошюру «Глайзин в Мекленбурге-Передней Померании» и компактдиск «Eine Reise durch die Griese Gegend», посвященный региону. Здесь представлены известные мекленбургские песни, записанные в исполнении женщин из местного ансамбля песни. Госпожа Фестнер рассказывает, что жители Глайзина резко отличаются от жителей других деревень региона, например Пихера или Варлова. И прежде всего тем, что они всегда дружелюбны, приветливы и милы, и это замечаешь сразу, как только заговоришь с ними. Они никогда не обидят собеседника или гостя деревни холодным ответом, никогда не бывают недоверчивы, всегда готовы помочь. Гостеприимство — тоже характерная черта глайзинцев. Позднее мы подумали над этим и пришли к мысли, что такое положение дел можно объяснить тем, что деревня занимает особое место в современном Мекленбурге: Глайзину присвоили имя «деревня с будущим», его считают перспективной деревней. Дело в том, что после объединения Германии из 16 федеральных земель было выбрано по одной деревне, которые имели право так называться. В Мекленбурге-Передней Померании это Глайзин. Имя обязывает и членов общины демонстрировать свои лучшие качества.

С 1991 г. началось возрождение деревни Глайзин как часть проекта «Экспо '2000», осуществленного в этом году. Как раз наша экспедиция по времени совпала с проведением выставки «Экспо '2000» в Ганновере. Кроме этого, наличие в деревне филиала «Окружного союза женщин» и тот факт, что Глайзин — родина писателя Йоханнеса Гильхоффа, — все это обеспечило возникновение новых рабочих мест для работников по контракту (ABM-Angestellte). Это в свою очередь существенно снижает отток молодежи из Глайзина в города. Культурные мероприятия, организованные союзом женщин, обеспечивают приток туристов и, следовательно, денег в деревню.

Женщины из «Дома четырех времен года» для каждого культурного мероприятия надевают традиционные костюмы, которые шьют сами. Что касается традиционного костюма области Гризе Гегенд, сообщает нам госпожа Вера Фестнер, то он повторяет полностью традиционный костюм области Шверина: белая блуза, черный *мидер*, длинная темная юбка с вертикальными полосами (например, черная основа и красные с зелеными полосы), широкая нижняя юбка с кружевным кантом, длинный темный передник без лямок и грудки. Низ юбки тоже украшен широкой горизонтальной полосой — она выполнена из атласной ленты (зеленого цвета) и нашита сверху. Эта лента имеет следующее значение: праздничный костюм кроме всего прочего изготавливали и в качестве приданого невесты. Чем шире была полоса на подоле, тем богаче считалось приданое и сама невеста.

Нам в музее любезно передали *корону урожая* из «весенней» комнаты Дома, которую она украшала во время и после праздника урожая. Эта корона несколько меньше размером, чем обычно принято. Она сплетена из двух видов злаков: овса и пшеницы, и плели ее женщины из союза прямо здесь, в «Доме четырех времен года» на кухне в присутствии репортеров телевидения. Вера Фестнер сообщает, что четыре дуги традиционной короны урожая символизируют четыре сорта злаков — ячмень, пшеницу, рожь и овес. Передача короны урожая означает благодарение Господа Бога за данный урожай, поэтому короны часто можно видеть в церквях.

Корона, подаренная нам, перевязана атласными лентами в цветах мекленбурга — желтом, красном и синем. Этими лентами она была прикреплена к потолку «весенней» комнаты.

В деревне пожилые члены общины разговаривают между собой на *платтдойч*, кроме того, сохранение родного диалекта здесь всячески стимулируется, и молодежь также старается освоить его. В нашем присутствии госпожа Фестнер говорила по телефону на *платтдойч* с одной из местных жительниц, которой уже за восемьдесят. Нижненемецкому учат с детства и школьников. Это глайзинцы считают необходимым для сохранения старых местных традиций и особенностей регионального самосознания.

Затем нас провели в «*Форстхоф*». Это еще один объект, принадлежащий Окружному союзу женщин и участвующий в проекте «Деревня с будущим». Он находится в 300 метрах от центральной площади деревни и занимает площадь около гектара, т. е. обычный двор крупного крестьянина. Здесь нас познакомили с местной хронисткой фрау Карин Видов, которая кроме собирания материалов из хроники Глайзина, является смотрителем дома-музея Гильхоффа «*Гильхофф-штубе*». С ней мы назначили специальную встречу в субботу в 15 часов. Так что сюда мы еще вернемся.

Вечером того же дня нас пригласили выпить кофе в приятном обществе обитательниц «Дома четырех времен года» — фрау Драхайм, фрау Зас, фрау Фестнер и фрау Видов. Женщины угощали нас пирогами и сладостями: вишневым и скандинавским яблочным тортом, тортом-пиранине, которые пекли в традиционной хлебной печи прямо в Глайзине.

Из дневника Новика

Сегодня мы по совету Бекманна отправились в деревню Глайзин (Glaisin). Это оказалось очень удачным предприятием. Деревня Глайзин выбрана в качестве образцовой по общегосударственной программе. Так, в каждой земле Германии отобрано одно село, которое объявлено образцовым. Программа называется «Деревня с будущим» («Dorf mit Zukunft»). Глайзин представляет Мекленбург на различных мероприятиях. Так, Глайзин имеет свое пред-

ставительство (в рамках земельного) на всемирной выставке «Эхро-2000» в г. Ганновере. На выставке представлено по одной деревне от каждой федеральной земли.

Федеральная программа способствует сохранению жителей в деревнях, сдерживанию процесса отъезда молодежи в большие города. Общественную и федеральную работу в Глайзине регламентируют на федеральном уровне. То, что деревня вошла в данную программу, весьма помогает ее жителям. О Глайзине узнали в Германии. Сюда ежедневно приезжает масса туристических автобусов. Их обслуживание дает дополнительный или основной заработок многим местным жителям. Если учитывать тот факт, что в Германии население любит местный туризм, то приток доходов будет постоянным.

В Глайзине создан союз женщин. Он объединяет многих жительниц и способствует проведению целенаправленной работы по улучшению жизни в деревне. У союза женщин есть собственное здание. В нем по вечерам собираются сельчанки. Они шьют, вяжут, занимаются рукоделием. Кто ничего не умеет делать, тот просто участвует в беседах. Союз женщин организовал курсы по обучению молодежи местному диалекту. Чтобы родной язык не забыли представители молодого поколения, представители старшего ведут занятия с разными группами.

В Глайзине создан музей. Здесь можно увидеть разнообразные сельскохозяйственные орудия, познакомиться с историей села, прослушать лекцию о перспективах развития.

Активистки союза женщин нас с радостью встретили. Они показали свой дом, ставший для многих почти родным. А потом проводили в музейный комплекс, который занимает несколько построек. Кругом очень чисто. Дома, занятые под музей, только что отремонтированы. Об истории села можно почитать тексты, вывешенные на стендах, а можно прослушать мультимедийную лекцию. Буклеты о селе снабжены компакт-диском. Все выполнено на высоком техническом уровне. Продажа сувениров и изделий рукодельниц обеспечивает немалый доход.

На территории музея находится огромная печь, в которой прежде запекали свинину. По случаю больших праздников такая готовка была коллективным занятием. Большие размеры печи и вспомогательные орудия позволяли запекать тушу свиньи целиком. Подобное яство было одним из местных традиционных блюд. Тушу в печь загружали с помощью деревянной тележки на колесах. В прошлом были умелые местные кулинары, специализировавшиеся на запекании мяса целой туши.

Глайзин — очень большая деревня. Здесь часто можно увидеть молодежь на улицах, чего в других деревнях, скажем прямо, практически не бывает. Мы много снимали на фото- и видеокамеру.

Из дневника Мыльников

Выехал в Берлин для участия в немецко-российском симпозиуме «Бранденбургская академия наук в Берлине и Императорская Академия наук в Санкт-Петербурге: диалог сквозь столетия». Я был приглашен в качестве одного из российских участников с докладом об основании Кунсткамеры. Срок проведения симпозиума удачно совпал с пребыванием в Германии, что устроило и меня, и организаторов. По просьбе моих российских коллег я выступил с заключительным словом, поблагодарив немецких хозяев. В деревню *Лаутин* вернулся к вечеру 8 октября. Тем временем Юля и Саша продолжали работу по намеченному порядку.

Фотодневник

F-6. В-25 Пихер. Церковь деревни Пихер. Построена в XIX в. в неоготическом стиле.

F-6. В-26 Пихер. Старый сарай двора по улице Фритца Ройтера № 4.

F-6. В-27 Пихер. Тип — деревня с лугом (Angerdorf). Пруд в центре деревни.

F-6. В-28 Пихер. Сарай дома № 4 по улице Фритца Ройтера со стороны двора.

F-6. В-29 Пихер. Деревенское кладбище, расположенное вокруг церкви.

F-6. В-30 Характерные соломенные бабы — приглашение к празднику урожая — выставлены у въезда в деревню Брезегард (у Эльдены). В данном случае бабы парные, изображения крестьянина и крестьянки. На плакате возле фигур надпись: «Oktoberfest 30.09 — 3.10 in Bresegard» («Праздник урожая 30.09 — 3.10 в Брезегарде»). Примечательно название праздника Oktoberfest. Это не местный, северонемецкий, а южнонемецкий вариант. «Одежда» соломенного «крестьянина» также выполнена на верхнебаварский манер: заметны характерные лямки кожаных штанов (Hosenträger) и высокая шляпа баварского пастуха. Эти детали свидетельствуют о том, что здесь праздник воспринимается как заимствованный из южнонемецкой традиции.

F-6. В-31 Глайзин. Дом *хойслера* — безземельного крестьянина. Вид со стороны улицы Мюленштрассе. Техника строительства — *фахверк*. Дом построен в XIX в. В качестве строительного материала использован рудный камень *клумп*.

F-6. В-32 Глайзин. Дом со стороны фасада.

F-6. В-33 Глайзин. Дом со стороны заднего фасада.

F-6. В-34 Глайзин. Дом безземельного крестьянина на углу улиц Мюленштрассе и Линденштрассе.

F-6. В-35 Глайзин. Один из старых крестьянских домов-дворов с соломенной крышей на Линденштрассе, 2. В настоящее время заселен, по всей видимости, отреставрирован и перестроен.

Из фотографий А. Новика

П-1. К-20 Пихер. Деревенская лютеранская церковь. XIX в.

П-1. К-21–22 Пихер. Деревенское кладбище у стен церкви.

П-1. К-23 Пихер. Деревенская лютеранская церковь. XIX в.

6 октября, пятница

Из дневника Новика

Мы сегодня хорошо выспались и поехали смотреть город Шверин. После долгой работы в деревнях нужно сменить обстановку. Да и город уж больно интересный.

Решили осмотреть старый город и походить по магазинам. Центральный собор Шверина огромен. В городе много старых зданий. Шверин не был разрушен во время войны. Его планоно не бомбили. А потому разрушения были минимальны по сравнению с другими крупными городами Германии. В центре можно увидеть фахверковые дома XVI в. Кругом очень чисто. Много уличных кафе.

Я почти все время провел в огромном магазине, который называется «Замковый парк» («Schloßpark»). Это большой торговый мир. Здесь расположен грандиозных размеров книжный магазин. Шверин считается хорошим местом для покупок. За покупками сюда приезжают, как говорят местные жители, и из Гамбурга. После магазина у меня осталось мало времени на осмотр старого центра.

Когда мы вернулись из Шверина в свою деревню Лаупин, к нам приехал наш знакомый Вольфганг Хеннинг. Он привез большую корзину со снедью и спиртным. Мы весело отпраздновали встречу. Итогом стали 4 бутылки вина и литровый пузырь 40 % грушевого шнапса на троих.

Из дневника Ивановой

Сегодня мы решили в отсутствие шефа устроить себе выходной и поехать на целый день в Шверин, дабы прогуляться по улицам старого города и пройтись по местным лавкам и магазинам. Зашли в кафедральный собор (Schweriner Dom), убедились в практически полном отсутствии старой застройки центра — все, что не было разрушено во время войны, доручили после, во времена ГДР. Улицы современного центра чистые, все почти сплошь пешеходные зоны. Здесь мы с Бекманном зашли в Н&М, накупили вещей, затем произошел мой знаменитый разговор с Грайфсвальдом в телефонной будке — и мы печально пошли отмечать расставание в кабак. Бекманн любезно угостил меня пивом, что на него, экономного, не похоже.

Поздним вечером, когда мы уже попрощались с Бекманном и были дома, вновь возник Вольфганг Хеннинг с корзиной деликатесов и изысканных напитков, разделил с нами ужин, а затем и кров. Почему он нас все время спавает? Что он хочет разузнать, неужели Мыльников прав, и Вольфганг — «подосланный шпион немецкой службы безопасности»?..

Фотодневник

Из фотографий А. Новика

- П-2. К-4 Шверин. Улицы центральной части города.
- П-2. К-5 Шверин. Фрагмент кафедрального собора.
- П-2. К-6 Шверин. Во время посещения музея в Шверинском замке.
- П-2. К-7 Шверин. Замок Шверин, резиденция князей Мекленбург-Шверинских, потомков славянского князя Никлота. Сегодня — ландтаг земли Мекленбург-Передняя Померания, считается самым красивым зданием ландтага в Германии. В нише фасада — конная статуя Никлота 1160 г.
- П-2. К-8 Шверин. Шверинское озеро, окружающее замковый остров.
- П-2. К-9 Шверин. Площадь перед замком. Оперный театр.
- П-2. К-10 Шверин. Площадь перед замком. Музей.
- П-2. К-11 Шверин. Замок Шверин.
- П-2. К-12–13 Шверин. Виды площади перед замком.
- П-2. К-14 Шверин. В старом городе. В конце улицы видна колокольня кафедрального собора.
- П-2. К-15 Шверин. Улицы старого города. Торгово-пешеходная зона.
- П-2. К-16 Шверин. Овощные прилавки в центральном супермаркете.
- П-2. К-17–18 Шверин. Улицы старого города.

7 октября, суббота

Из дневника Ивановой

Тяжелое утро, отсутствие аппетита. Бекманн снова у нас, на этот раз со своей подругой Асгард. Мы едем в Хоэнвоос на крестьянскую ярмарку, которая проходит во дворе гончара Дёшера. Но сегодня жизнь кипит здесь не слишком: мы видим лишь одну палатку торговца копченой рыбой, который слишком пронзительно и некстати громко для такого утра орет, зовет всех подряд, предлагая свежескопченного угря, морского окуня, форель и другую рыбу. Я подхожу к нему и заговариваю, хоть это и дается нелегко. «Ты не-мака?», — спрашивает он. У него яркие голубые глаза, белая окладистая борода и на голове фуражка с козырьком. Рядом в старой печи выпекают ржаной хлеб, прямо на наших глазах открывается дверца, и наружу вытаскивают противни с горячими круглыми хлебами. Мы покупаем один за 5 марок. Сейчас только 11.00, ярмарка набирает силу лишь к двум часам. Мы решаем пока поехать в Лозен к Вольфгангу и подождать этого времени. Он разжигает камин, мы удобно устраиваемся в кожаных диванах, согреваемся ароматным кофе, пьем шампанское.

Около половины второго снова отправляемся в гончарню Дёшера. Теперь уже заметно движение, праздничное возбуждение присутствующих. Приехали два автобуса с гостями из других регионов, на дворе между тем расположились пять лавок, где можно приобрести домашние колбасы, деликатесы из свинины домашнего изготовления, местный вересковый мед, пиво, продукты из облепихи. Здесь же торгуют своими изделиями женщины из Окружного союза Хагенова — товар самый разнообразный: вязаные салфетки, теплые покрывки для чайников и отварных яиц, различные подставки, вышитые наволочки и т.д.

В колбасной лавке продают мекленбургские свиные деликатесы и колбасы: это «*пресскопф*» — рубленные кубиками кусочки свиного мяса железированные в бульоне со специями, которые прессуют в форме шара в концевой части толстой кишки. «*Роте грютце*» и «*Вайсе грютце*» — паштеты из гречневой крупы, жаренной на сковороде со специями, салом и кровью, сделанные также в виде колбас в кишке. Кровяная мекленбургская колбаса, полукопченая «*меттвурст*» и колбаса из легкого, ливерная в пузыре или же в виде паштета в стекле — все только что изготовлено и любезнейшим образом предлагается дамами за прилавком. Они же охотно расскажут покупателю о технологии изготовления и об отличиях.

Наконец мы покупаем свежескопченного угря, которого при нас вытаскивает из коптильни голубоглазый старик, маринованного судака, горячий хлеб, только что испеченный в каменной печи и кусочек кровяной колбасы.

Садимся за стол на дворе Дёшера и начинаем свою сегодняшнюю первую трапезу.

В 15 часов сегодня у нас встреча с Карин Видов в Глайзине. Ехать, конечно, никому не хочется, но мы оставляем Асгард с Вольфгангом, и Бекманн везет нас в Глайзин.

Фрау Видов встречает нас в «*Форстхофе*» (двор лесника) в отреставрированном крестьянском доме, который получил название «*Фихаус*» (хлев). Она показывает нам внутренние помещения бывшего дома-двора, где теперь оборудованы рабочие места для женщин из окружного союза женщин и другие помещения для проведения местных мероприятий. Женщины работают здесь по контракту от одного до двух лет, никаких особых умений и профессий от них не требуют — они призваны возрождать ремесленные традиции, рукоделие, домашнее производство, т.е. занимаются обычной женской работой. Здесь сами прядут овечью шерсть, затем ткут полотно. В ткацкой комнате целых два ткацких станка — большой и малый. В другой комнате находится колесная прялка, работу на которой нам продемонстрировала одна из контрактных работниц дома. Пряжу красят тоже сами. Для этого используют листья или кору различных растений, которые здесь же растут в специальном саду трав — такие *Kräutergarten* раньше были в каждом традиционном крестьянском саду Мекленбурга, и многие этнопарки сейчас воссоздают их на своей территории. Два года назад такой сад заложили женщины и в «*Форстхофе*» и называется он здесь «*кройтершпирале*» — потому, что клумба здесь выложена по спирали в форме плоской пирамиды. Витки этой импровизированной спирали засеяны пряностями, ароматическими и лекарственными травами — укроп, тысячелистник, иссоп, мята, Melissa, лаванда, магония, пижма, щавель, розмарин, тимьян, тархун, кориандр и многие другие. Большинство их можно использовать и для окраски пряжи. Для получения зеленого цвета разной интенсивности, от темно-зеленого до желтого, берут листья земляники и щавеля, а также пижму и дрок, при этом интенсивность цвета зависит от количества покроек в одной и той же воде. Для получения коричневых оттенков используют скорлупки орехов. Ароматические травы высушивают, зашивают в холщовые мешочки и продают как саше.

Возраст дома, в котором нас принимает Карин Видов, около 200 лет. Таков же возраст хлебной печи и пекарни, которая находится на задворках «*Форстхофа*». В 1995 г. печь и дом, возведенный над ней, были отреставрированы, при этом стены возведены заново из рудного камня, а крыша крыта черепицей.

Особенность этой пекарни состоит в том, что здесь в одном помещении находятся сразу две хлебные печи, соединенные одной трубой. Печи топят

дровами, и сперва, пока жар очень сильный, здесь пекут ржаной хлеб, а затем, когда печь немного остынет, наступает очередь сладкой выпечки, пирогов. Обычно печь используют каждые выходные, особенно если в «Форстхофе» проводят какое-либо культурное мероприятие, и приезжают гости. Вчера, например, здесь запекали целую свинью, о чем сегодня еще напоминает аппетитный аромат.

Затем мы попросили госпожу Видов показать нам помещение сарая, где нынче среди балок фахверка оборудован зал для собраний и торжественных мероприятий, а затем мы отправились в дом-музей Гильхоффа, «*Гильхофф-стув*». Здесь до сих пор сохранились черные парты и скамьи, за которыми сидели ученики деревенской школы, которых учил отец Йоханнеса Гильхоффа. Гильхофф написал много рассказов, сцен из деревенской жизни начала XX в., но в историю немецкой литературы он вошел благодаря роману «*Jurijacob Swehn, der Amerikafahrer*», рассказывающему в форме документальных писем о судьбе выходца из самого бедного и убогого района Мекленбурга — Гризе Гегенд, эмигрировавшего в конце XIX в. в Америку. «Самый знаменитый эмигрант Мекленбурга» Юрн-Якоб Свен — реально существовавший персонаж. Он был родственником писателя и носил фамилию Видов, славянскую по происхождению. Это не отрицает и Карин Видов, которая с гордостью указывает на свое отдаленное родство с великим писателем Глайзина.

Йоханнес Гильхофф занимался, кроме писательской и педагогической деятельности, собиранием народной прозы, загадок из области Гризе Гегенд, находился в тесном контакте с Рихардом Воссидло. К сожалению, изданная им книга «Собрание загадок из Гризе Гегенд» была предана забвению и практически никем из фольклористов не учитывается. Карин Видов с удовольствием вручила нам современное издание загадок, легенд и историй, собранных Гильхоффом.

Остаток дня мы провели в ресторанах и барах округа Лёйссова. Бекманн и его подруга выбрали деревенский трактир «Альге шуле», что стоит на краю деревни Хоэнвоос. Приехали туда мы уже в полной темноте и на ощупь нашли парковку для машины. Здесь нас встретило в высшей степени странное общество, для такой деревни, как эта, по крайней мере. Сам трактир представляет собой не обычный пивной трактир в немецком духе — это маленькое помещение всего с двумя столами и одной барной стойкой освещено слабым мерцающим светом, странные фигуры сидят за одним из столов; несколько молчащих девушек вида хиппи лежат на кожаном диване в углу. При нашем появлении все общество устремило молчаливые взгляды в нашу сторону. Среди лежащих на диване копошится маленькая черная такса. Время от времени в дом заходит с улицы огромный черный ротвейлер.

На нашем столике в глубоком стакане с чем-то фиолетовым желеобразным растёт тоненький стебелек какого-то растения. Кроме того, все время нас не оставляет ощущение, будто вокруг «Альте шуле» не совсем чисто...

Из дневника Новика

Утром мы поехали в Хоэнвоос (Hohenwoos). Сегодня здесь будет проходить ярмарка, о которой нам рассказывали давно. Мы приехали в Хоэнвоос к 10.00 утра, однако не нашли никаких признаков большого стечения народа. Нам сказали, что ярмарка начнется в 14.00. Воспользовавшись возникшей паузой в работе, мы поехали в деревню Лоозен к Вольфгангу Хеннингу. В его жилище ремонт еще не завершен. Но жилье уже выглядит весьма прилично. Все обставлено роскошной мебелью. Предметы мебели сочетают антикварные и современные вещи. Новая мебель выполнена «под старину», а потому вся квартира в сельском доме имеет весьма солидный вид. Среди комодов и стульев на гнутых ножках стоит старинный сундук. Немцы охотно используют предметы крестьянского быта прошлых эпох в обстановке современного жилища. Смешение фольклорного стиля и старинной, а также современной мебели их не смущает. Да и возможности нового дизайна жилища позволяют сочетать в себе, казалось бы, несовместимое. Жилье Хеннинга очень богато и стильно.

На первом этаже жилища расположены всякие хозяйственные помещения: прихожая, кухня, ванная комната, кладовая и т.д. На втором этаже находятся жилые помещения. Гостиная комната весьма внушительных размеров. Она служит одновременно и столовой, и кабинетом. Старинный крестьянский сундук стоит в самом начале комнаты поперек, отделяя зрительно пространство комнаты от площадки перед лестницей, ведущей вниз. Пол устлан дорогим восточным ковром. На стенах большое количество старых картин в золоченых рамах. Много предметов роскоши. Хеннинг не боится иметь такое богатство в деревенском доме, в котором бывает так редко. Он работает и живет в Гамбурге, а дом в Лоозене использует только по выходным. Зная, как в России любят обворовывать дачи, мы позавидовали немцу в его возможности не бояться за свое имущество в период долгого отсутствия.

Мы пили немецкое шампанское брют, которое весьма не дурно и нисколько не уступает французскому. Пили кофе.

К 14.00 часам мы поехали в Хоэнвоос. Ярмарка нас несколько разочаровала. Мы ожидали некоторого значительного события в жизни всей округи. А это оказалось небольшое сельское торжище. Было много торговцев, предлагавших свой товар. В основном это были сельскохозяйственные продукты: мед, колбасы, семена цветов и пряности. На всей ярмарке был только один прилавок с рукоделием. Это были вязаные салфетки, кофты, носки.

Прилавок был длинный, товаров на нем было предостаточно. Однако у всех рукодельниц изделия были почти однотипными.

Место проведения ярмарки — подворье Фрица Дёшера (Fritz Döschler). Мы его уже посещали. На большой просторной лужайке между различными постройками установили трейлеры и торговые палатки. Торговцы приехали со всей округи. Самым интересным на ярмарке было выпекание хлеба. Здесь на подворье стоит большая печь. Мастер с подручными месил тесто, формовал буханки и отправлял их в пышущее жаром устье печи. Хлеб был ржаной. После того как хлеб был готов, его извлекали и с пылу с жару продавали приехавшим на ярмарку. Большая буханка хлеба стоит 5 DM. В магазине похожий ржаной хлеб, который называется деревенским (Landesbrot), стоит 1 марку с несколькими пфеннигами. Но магазинный хлеб пекут на крупных предприятиях, а здесь его готовит булочник. Готовит вручную, на свежем воздухе. Многие хотят именно такого хлеба. Несмотря на высокую цену, желающих купить хлеб на ярмарке было предостаточно.

Торговцы предлагали разную снедь. Самым интересным продавцом был торговец рыбой. Он приехал на автомобиле-фургоне, превращенном в коптильню. Продавец предлагал свежую рыбу, а также большой выбор копченой. Особенно аппетитно выглядели угри, развешенные сплошной стеной в его коптильне. Продавец не стоял молча за прилавком, а громко зазывал всех отведать чудной рыбки. Продавцы рыбы отличаются в Германии чрезмерной говорливостью и способностью уговорить покупателя сделать небольшую, а иногда и большую трату. Мы решили поесть угря. Торговец распахнул перед нами двери коптильни на колесах и предложил любую рыбу на выбор. Мы выбрали несколько жирных рыбешек. Он тут же их снял с крючков, нарезал на порции и подал на одноразовых тарелках нам. К угрею мы купили пива в бутылках и сели за деревянный столик рядом с кафе. На столике стояла керамическая утка с оранжевым клювом и горшок с цветами. Немцы умеют сделать свою жизнь красивой.

После трапезы мы еще раз обошли всю ярмарку. Посетителей было немного. Я могу предположить, что продавцов было столько же.

После ярмарки мы отправились в деревню Глайзин (Glaisin), где у нас была назначена встреча на 15.00. Активистки союза женщин нас уже ждали. Нам показали все здания, которые относятся к экспозиции села. Я попробовал ткать на ткацком станке. Местные женщины возрождают это занятие.

Нам показали местную пекарню. Здесь есть две печи. В них пекут хлеб. А накануне запекали тушу свиньи, совсем как в прежние времена.

Мы посетили музей писателя Гильхоффа (Gillhoff). Это местный писатель, прославившийся тем, что написал роман о переселенце в Америку. Из здешних мест в XIX в. была значительная эмиграция в Соединенные Шта-

ты. Людей с родных мест гнала нужда. Безземелье, невозможность сделать карьеру, прокормить семью вынуждала тысячи семей покидать север Германии в поисках лучшей доли. Эмигранты из здешних мест жили в Америке компактно. Большинство из них занималось сельским хозяйством, как и на родине. Многие немцы, заработав в Америке деньги, вернулись позже в родные края. О судьбе переселенцев и писал Гильхофф. Свои тексты он создавал на местном диалекте. Его и сейчас публикуют так, как он писал. Мы купили одну из его книг.

Музей Гильхоффа небольшой. В помещении музея стоят старые школьные парты и представлены материалы о жизни писателя.

Интересен огород дома выставки «Ехро». Сотрудники выращивают здесь различные пряности, травы и проч. культуры. Большой участок земли занят растениями, которые выращивают для того, чтобы красить ими шерсть. Используя разные травы, получают красители различных оттенков. В доме «Ехро» сушится много крашеной шерсти. В дальнейшем из нее будут вязать вещи на продажу. Мы отметили в Германии большой интерес к технологиям прошлых столетий. Люди хотят носить экологически чистые вещи, созданные непосредственно руками человека.

В конце дня мы побывали в сельском ресторане. Я впервые в жизни ел мясо косули. Оно вкусное, темное по цвету и волокнистое. К дичи подавали большой горшок отварной картошки. Порции в ресторанах Германии очень большие. Здесь вполне можно наесться одним блюдом. Как правило, если вы заказываете какое-то мясное блюдо с гарниром, то вам принесут полную тарелку мяса, а гарнир подадут отдельно, и это будет тоже целая тарелка. Вы заплатите деньги, зато уйдете из ресторана наверняка сытым.

Ресторан, в котором мы были, оформлен под охотничий домик. Здесь много чучел лесных животных, а также рогов оленей и косуль. Стены помещения и мебель деревянные. Такие заведения очень популярны в Германии. Они часто встречаются не только в сельской местности, но и в городах. В ресторане мы были одни. Других посетителей не было. А потому хозяева ресторана не только проявили к нам интерес как к клиентам, но и с любопытством расспрашивали о разных вещах.

Поздно вечером мы ездили в пивную в Хоэнвоос. Это какое-то злчное и непонятное место. Пивная находится среди леса. Дорога ведет через густые заросли сосны и ельника. Деревья вплотную подступают к дорожному полотну. Вокруг располагаются полигоны войск НАТО, а потому кругом указатели, запрещающие въезд и проникновение за ограду.

В пивной на удивление было много народу. В Германии вообще можно очень редко увидеть такое скопление людей в вечернее время в провинции.

Здесь были пожилые и молодые. Все как-то странно молчали и глазели друг на друга. На столиках стояли живые растения в искусственной земле фиолетового цвета. Громко играла музыка. На нас все внимательно посмотрели, а потом потеряли видимый интерес.

Когда мы вышли из пивной к машине, то обнаружили, что задняя дверь настезь открыта. Вообще-то нашу машину вовсе нельзя закрыть ключом, если хоть какая-то дверь не захлопнута. Но из машины ничего не похищено. В багажнике благополучно лежал фотоаппарат «Nikon». Мы решили, что это какая-то чертовщина либо интерес определенных людей. С удовольствием вернулись к себе домой.

Наше странное отношение к Хоэнвоосу всегда подкреплялось странной погодой в этом месте. Если в округе ярко светило солнце и было тепло, то над Хоэнвоосом обязательно стелился какой-то странный туман, а небо было затянуто дымкой. Хоэнвоос находится не в низине, что можно было бы предположить, а расположен на каких-то холмах и возвышенностях. И странная природа, и изменчивая погода здесь вызывали у нас противоречивые чувства.

Фотодневник

F-6. В-36 7 октября 2000 г. Суббота. Хоэнвоос. Гончарня Фритца Дёшера. Ярмарка. Рыбак у лотка с копченой рыбой открывает коптильню с морским угрем.

F-6. В-37 Хоэнвоос. Гончарня Фритца Дёшера. Продается копченый угорь. 6 марок 1 порция (1/3 рыбы).

F-7. В-1 Хоэнвоос. Гончарня Фритца Дёшера. Субботняя ярмарка. Пекарь за работой у старой традиционной хлебной печи. Справа лотки со свежиспеченным хлебом (1 буханка = 1 кг, стоила 5 марок).

F-7. В-2 Хоэнвоос. Гончарня Фритца Дёшера. Виды во дворе. Так оформлена изгородь во владениях гончара: на деревянный «охотничий» забор (Jägerzaun) надеты сосуды без дна, придающие колорит крестьянского двора.

F-7. В-3 Хоэнвоос. Общий вид ярмарочного действия на дворе гончарни Фритца Дёшера.

F-7. В-4 Глайзин. Комплекс помещений крестьянского «лесничего двора» (Forsthof), восстановленных для работы проекта «Деревня с будущим» (Dorf mit Zukunft). Женщины из «Дома четырех времен года» в комнате вязания за работой.

F-7. В-5 Глайзин. Комплекс помещений крестьянского двора Forsthof. Хлебная печь Backhaus.

F-7. В-6 Глайзин. Комплекс крестьянского двора Forsthof. Сад трав (Kräutergarten).

F-7. В-7 Глайзин. Комплекс крестьянского двора Forsthof. Здание бывшего скотного двора «Фихаус» постройки 1800-х годов. Вид со стороны улицы. На переднем плане — обновленный колодец-«журавель».

F-7. В-8 Глайзин. Комплекс крестьянского двора Forsthof. Здание бывшего скотного двора «Фихаус» постройки 1800-х годов. Вид со стороны двора. Вход в здание.

F-7. В-9 Глайзин. Комплекс крестьянского двора Forsthof. Здание бывшего скотного двора «Фихаус» постройки 1800-х годов. Вид сзади, со стороны печи.

F-7. В-10 Карин Видов, информантка экспедиции. Карин проживает в деревне Брезегард (у Эльдены), работает в архиве деревни Глайзин. Кроме того, является хранителем дома-музея Йоханнеса Гильхоффа в Глайзине.

Из фотографий А. Новика

П-3. К-1 Хоэнвоос. В гончарне Фрица Дёшера. Субботняя крестьянская ярмарка. За столом сидят участница экспедиции Ю.В. Иванова, житель деревни Лоозен Вольфганг Хеннинг, участник экспедиции с немецкой стороны Хайко Бекманн, его подруга Асгард. На столе — свежеспеченный «кислый» хлеб из местной печи и копченая рыба, купленная на лотке ярмарочного торговца.

П-3. К-2 Хоэнвоос. В гончарне Фритца Дёшера. Субботняя крестьянская ярмарка. За столом сидят участник экспедиции с немецкой стороны Хайко Бекманн, его подруга Асгард, участница экспедиции Ю.В. Иванова, житель деревни Лоозен Вольфганг Хеннинг. На заднем плане виден ларек мясника, где продавались колбасы, копчености, грютце и другие местные деликатесы.

П-3. К-3 Хоэнвоос. В гончарне Фрица Дёшера. Субботняя крестьянская ярмарка. За столом сидят участник экспедиции с немецкой стороны Хайко Бекманн, его подруга Асгард, участница экспедиции Ю.В. Иванова, житель деревни Лоозен Вольфганг Хеннинг. На заднем плане мастерские и кафе гончара Фритца Дёшера.

П-3. К-4 Глайзин. В лесничем дворе «Форстхоф». Здесь работают женщины из общины Глайзина: прядут, ткут, вышивают, рисуют. Для участников экспедиции была проведена демонстрация их умений.

П-3. К-5 Глайзин. В лесничем дворе «Форстхоф». В одном из рабочих помещений дома. На моталке намотана только что окрашенная шерстяная пряжа.

П-3. К-6 Глайзин. Рабочий момент коллектива «Форстхофа»: женщина за ткацким станом.

8 октября, воскресенье

Из дневника Ивановой

Раннее утро, еще темно. Выезжаем в Гамбург с Вольфгангом Хенningгом. Прибыли в порт в 6.30 и застали окончание бурной ночной жизни в портовых кабаках, рок-парти в «Фишаукционсхалле» и начало воскресного базара на «Фишмаркт». Здесь можно купить все и дешево: связка копченых морских угрей — 30 марок, всевозможные тропические и местные фрукты и овощи, с корабля на пристани продают свежую рыбу и краба, на площади — охапки цветов: роз и хризантем... Здесь, в порту, в устье Эльбы мы встретили рассвет нового дня.

Наш путь лежал по основным достопримечательностям побратима Ленинграда — к собору Санкт — Михель, городской ратуше, центральному кварталу бутиков и эксклюзивных лавок, к вокзалу и озеру Бинненальстер, где в это время еще открыт сезон яхт. Здесь мы пообедали в ресторане яхт-клуба и отправились пешком на Репербан, где в пивном кабачке закончили вечер. Гамбург пахнет так же, как Питер. Возможно, это из-за близости моря и порта... Здесь так же кипит суетливая жизнь, только более «западная», более устроенная и, конечно, когда попадаешь во внутренние кварталы, отдаленные от Эльбы, запахи улицы меняются и становятся типично немецкими: *Lenor, Käsebrötchen und Kaffee...* так для меня пахнет Германия. Но здесь к этим запахам добавляются еще ароматы богатого города — дорогого парфюма и чистой кожаной обуви.

Из дневника Новика

Мы ездили в Гамбург. Чудный город, вместивший в себя и индустриальную мощь, и развитую культуру, и памятники архитектуры, и удивительный дух свободы. Портовый район Гамбурга — высший класс. Второй язык в городе — русский.

Самое необычное происходит по воскресеньям. Сюда в порт приходят рыболовецкие суда. Рыбу можно купить прямо на борту судна. Рыба дорогая. Цена совсем не бросовая.

А на берегу до 12.00 проходят рыбные аукционы. Аукционист выкладывает большую связку рыбы и назначает цену. Если кто-то из толпы готов купить рыбу, то кричит продавцу и становится обладателем рыбного богатства. Бывает, что связка рыбы в руках аукциониста очень большая, а никто из покупателей не решается дать объявленную цену. Тогда продавец разбрасывает рыбу по лоткам и начинает новый торг. Обычно в связку входит набор самой разной рыбы. Это и лосось, и угорь, и рыба подешевле. Набор

может стоить 10, 20, 30, 40, 50 марок. Нужно суметь угадать время покупки, чтобы не переплатить и не упустить свой шанс в конкуренции с другими покупателями.

Продавцы рыбы — опытные торговцы. Они практически артисты. Каждый представляет за прилавком театр одного актера. У каждого свои шутки-прибаутки, свои способы заманить покупателя. Я с удовольствием снимал их работу на видеокамеру.

Фотодневник

F-7. В-11 Гамбург. Выезд участников экспедиции в свободное время. Вид на порт и разворачивающийся рыбачий рынок. Воскресенье, 6.30 утра.

F-7. В-12 Гамбург. Утро в порту.

F-7. В-13–14 Гамбург. Утро в портовом ганзейском городе.

F-7. В-16 Гамбург. «Фишаукционсхалле».

F-7. В-17 Гамбург. Вид на Эльбу.

F-7. В-18 Гамбург. Колокольня самой крупной в городе евангелической церкви Св. Михаэля (St. Michel)

F-7. В-19 Гамбург. Санкт-Михель. Внутреннее убранство и алтарь.

F-7. В-20 Гамбург. Здание городской ратуши.

F-7. В-21 Гамбург. Внутреннее озеро Альстер с фонтаном — одна из визитных карточек фешенебельного Гамбурга.

F-7. В-22–30 Гамбург. Скандально известная улица красных фонарей Репербан.

9 октября, понедельник

Из дневника Ивановой

Приехал Мильников из своей поездки в Берлин.

10 утра, деревня Глайзин. Сегодня мы идем на встречу с семьей Феландт.

Супруги Феландт — Марта и Вилли: ему 87 лет, она немного моложе. Дом Феландтов мы нашли сразу: табличка с № 1 была прибита прямо на огромной раскидистой липе перед въездом. Это большой дом-двор нижненемецкого типа с *диле*, которая недавно была перестроена. Сейчас ворота *диле* превратились в два широких стеклянных окна. Бывшие помещения хлева (слева раньше находились коровы, справа — лошади) переоборудованы под современное жилье. Сейчас здесь располагается квартира дочери Феландтов. В бывшем коровьем хлеве оборудована кухня, в бывшей конюшне — жилая теплая комната, а часть холла — *диле* с воротами превратилось ныне в гостиную или, как называют это помещение в традиционном немецком доме, *gute Stube*. Это типичный пример современной перепланировки старого крестьянского дома-двора. В доме Феландтов два этажа, на втором также находятся комнаты семьи дочери Марты и Вилли.

Мы сидим за столом в гостиной пожилых супругов, пьем горячий кофе из польского фарфора и ведем беседу. Марта Феландт вновь и вновь наполняет наши чашки черным кофе со сливками. На столе — вишневый торт, традиционный для региона *буттеркухен* и кексы, купленные у пекаря вчера специально ко дню рождения родственника.

Суеверия, связанные с двенадцатидневьем от Рождества до Дня трех королей: в это время нельзя выгонять скот из стойла и выносить навоз, иначе ведьмы навредят скоту.

Фрау Марта Феландт показывает нам свою колесную прялку. Она купила ее в Польше очень дешево (около 100 марок). Они с мужем часто ездили в Польшу за дешевыми покупками. Шерсть Марта покупает у местных крестьян, раньше Феландты сами держали двух овец. Она сама прядет шерсть, а потом вяжет носки и чулки — так обычно проходит ее свободное время, за этой работой она проводит и долгие зимние вечера или прядет и вяжет после обеда, если на дворе плохая погода. Марта говорит, что спрясть шерсть для пары носков недолго — за три вечера обычно получается готовый моток ниток, которого хватает на изготовление пары носков или чулок. При этом Марта прядет три нити вместе, иначе пряжа будет слишком тонкой для носков.

Дочь Марты и Вилли в настоящее время по контракту работает в глайзинском филиале окружного женского союза, или, как здесь все называют его, — в «Фихаусе». Там она тоже занимается прядением, но это уже не

досуг, а работа: она демонстрирует технику и способы прядения туристам, пряжу используют для изготовления вещей, которые затем продают гостям деревни. Дочь Феландтов довольна своим местом, но контракт закончится через год, и дальше снова встанет вопрос поиска работы.

То, чем занимается Марта — старая традиция, которая сохранилась в их доме. Марта продемонстрировала процесс прядения на колесной прялке перед камерой, а затем все мы попробовали поработать: и Хайко, и Саша Новик, и я — правда, получалось как-то плохо.

Все праздники в деревне раньше отмечались в деревенской *gaststutete*, семейные праздники никогда не праздновали всей деревней — только в кругу семьи и родственников. Феландты вспоминают, что раньше праздновали в *dille*, но этого они уже не помнят в своей жизни, в их годы местом празднования была уже теплая гостиная *gute Stube*.

В 13 часов Людвигслуст. Встреча в редакции газеты «Schweriner Volkzeitung», и снова интервью с фрау ван Раймерсдаль об уже проделанной работе в регионе и предварительных результатах. Отдали ей пленку, только что отснятую для публикации фотографий экспедиции в газете.

Далее мы спешим на встречу в Союз безработных Людвигслуста под названием «Uns Hüsung». Здесь нанятые по годовому контракту работницы изготавливают *трахтенпуппен*: это матерчатые куклы в традиционных мекленбургских костюмах и фигурки знаменитых легендарных персонажей — таких, как, например, шверинский Петерменнхен (Petermännchen). Цены на кукол до 30 см высотой безумно высокие и колеблются от 100 до 200 ДМ. Поскольку это союз безработных, просить о безвозмездном даре было неудобно. Поэтому наш профессор возмущенно отказался покупать их для музея, что меня немало расстроило.

15 часов, и снова Глайзин. Теперь мы снова едем в «Дом четырех времен года» для того, чтобы познакомиться А.С. Мыльникова с его хозяйками, гостеприимными женщинами Глайзина. Уже знакомая нам фрау Засс провела подробнейшую экскурсию по комнатам Дома, затем передала нам уже подаренную корону урожая, которую высокий А.А. Новик открыл от потолка. Нам предложили приобрести сборник рассказов Йоханнеса Гильхоффа «*Bilder aus dem Dorfleben*» на нижненемецком диалекте о нравах и обычаях Глайзинцев, что я тут же и сделала с подачи Хайко Бекманна, выложив 20 ДМ.

Дорогой Шеф был целый день чем-то недоволен, ворчал, молчал, а к вечеру разразился страшный скандал. Вероятно, его не радовала наша самостоятельная работа в его отсутствие. Мы с Сашей предпочли прогуляться по осеннему ночному Лаупину...

Из дневника Новика

Сегодня мы приехали в деревню Глайзин (Glaisin). У нас заранее была назначена встреча с семьей Феландтов. Хозяев зовут Марта и Вилли Феландт (Marta und Willi Fehlandt). Вилли 87 лет, Марте немного меньше.

Дом Феландтов очень большой. Вокруг дома много ухоженной зелени. Хозяйева — старики, но их приусадебный участок очень ухоженный. Никаких следов немощности хозяев. Вокруг дома аккуратно подстриженный газон. Много цветов.

Фасад дома имеет два современных совмещенных окна на месте бывшего въезда в *диле* (Diele). По бокам от них есть еще два окна. Входная дверь расположена с боковой стороны дома. Дом прежде принадлежал отцу хозяйки. Родители хозяйки, а также хозяина жили в деревне Глайзин.

В доме сделан отличный ремонт, он хорошо обставлен. Потолок обклеен плитками из пенопласта. На стенах светлые обои с цветочками. Очень большая прихожая с вешалкой и прочей мебелью.

Кухня большая, в ней есть все современное оборудование. Мебель на кухне деревянная, из дуба. Стоит угловая мебель. За этим уголком хозяйева ели, когда мы пришли.

Нас сразу пригласили в гостиную. Пол гостиной имеет покрытие серого цвета. Поверх покрытия лежит большой красный ковер. В углу стоит большая печь, облицованная коричневым кафелем. На печи стоит в вазе букет вереска (Heidekraut). Стоит большой буфет с резьбой. В буфете выставлены фужеры из цветного хрусталя и фарфор. На нем стоят также хрустальные салатники. Внимание на буфете привлекают двое часов старой работы в деревянных корпусах. Здесь же стоят две большие фарфоровые статуэтки: лошадь и слон.

Посередине комнаты стоит круглый стол, покрытый вязаной скатертью. Есть диван и четыре разных кресла. Диван покрыт пледом. На нем лежат подушки с наволочками ручной вышивки. В одном из кресел красуются три куклы. На креслах лежат небольшие подушки с вязаными наволочками. Под потолком висит пятирожковая люстра. На окнах короткие тюлевые занавески и длинные тюлевые шторы с подвязками по бокам. В комнате четыре окна. Под окнами белые металлические батареи. В помещении много цветов.

На стенах висят небольшие картины в рамах за стеклом. Двери в доме старые, покрашены белой краской. На дверях металлические ручки золотого цвета. На потолке есть деревянная балка, которая покрыта олифой, а потому выделяется на белом фоне. На журнальном столике стоит ваза с конфетами.

В углу за шкафом много бутылок с алкогольными напитками.

Хозяин дома — инвалид, он ездит на инвалидной коляске. Одет он в хлопчатобумажную сорочку, сиреневый свитер, синие брюки. На хозяйке,

которая еще быстра в движениях, свитер цвета фуксии с вышивкой бисером, поверх цветастый халат без рукавов из нейлона. На ногах шерстяные носки и тапочки. У хозяйки тонкое золотое обручальное кольцо на правой руке. У старика кольца нет.

Мы сидим вокруг стола на четырех стульях, у которых элегантно гнутые ножки. Стулья обиты малиновым бархатом.

Наши первые расспросы касаются славянского прошлого их края. Хозяйка о славянах ничего не слышала, знают об истории мало.

Нам предложили выпить кофе. Хозяйка принесла красивый фарфоровый сервиз изысканной формы. Сервиз польского производства. К столу подала нарезанные бисквиты: с начинкой из джема и без начинки. Кофе предлагали много и наливали его в чашки часто.

Хозяйка любит всякое рукоделие. У нее есть прялка, которую она купила на базаре в Польше. В Польше подобные товары продаются в избытке, а в Германии их почти невозможно купить. Если есть в Германии колесные прялки, то в несколько раз дороже, чем в Польше. Немцы, по мнению Марты, отошли от ремесла предков, а поляки все еще его рачительно поддерживают. Колесная прялка стоит около 400 марок. Но немецкие мастера не станут возиться с деревом, чтобы обеспечить своих сограждан таким товаром. Как считает хозяйка, рукоделие почти полностью ушло из немецкого быта.

Для прядения шерсть хозяйка покупает в Германии. Прядет только зимой. Как сказала Марта, «это не летняя работа». На одну пару носков нити нужно прядь три дня. Потом вяжет. В итоге пара носков занимает около недели труда. Зато собственные носки лучше любых фабричных. Только в них ногам зимой тепло. Хозяйка сказала также, что подобное рукоделие — занятие для пенсионерок. Когда семья и малые дети, этим заниматься некогда.

Марта продемонстрировала, как она прядет на своей колесной прялке. Дала поработать мне. У меня получалось с трудом. Нужно найти какой-то внутренний темп работы, тогда колесо хорошо крутится. А хозяйку деревянный инструмент отлично слушается.

Еще Марта Феландт красиво вышивает по кайме. У нее есть дубовые рамки с рисунками. Она не может сидеть сложа руки.

Затем мы пошли осмотреть дом. Через прихожую можно войти в другую часть дома. Там находится коридор, дверь в котором ведет в ванную комнату. Ванная отделана первоклассно. Здесь есть все удобства. Ванна имеет ручки и приспособления, чтобы в ней мог мыться инвалид.

Из коридора идет лестница на второй этаж. В доме висят шкуры животных.

По коридору мы прошли в другую часть дома. Здесь на первом этаже находятся две большие комнаты. Одна из них обставлена красивой дубовой мебелью. Стиль мебели *Altdeutsch* (старонемецкий). Это излюбленный стиль в немецких домах. Французы подобный стиль называют *rustik*, а

англичане *кантри*. Но в каждой из стран он имеет свои особенности. Старо-немецкий стиль мебели предполагает, как правило, массивные предметы из дуба с мощными постаментами и утонченными изгибами предметов наверху. Это, по своему происхождению, стиль крестьянской мебели, ставший со временем общераспространенным в Германии.

Другая часть дома обставлена более богато, чем та, в которой нас принимали и в которой проводят основное время сами хозяева. С этим мы сталкиваемся в экспедиции не первый раз.

Из дневника Мыльников

С утра пасмурно, но ночью луна была необычайно чистой и яркой. Окна моей спальни выходят так, что я засыпаю при свете луны. Я очень люблю этот слабый и таинственный свет — почему-то и в России, и здесь, в Германии, деревенские луны крупнее и интенсивнее городских. А может быть, в городах нам просто не хватает времени для лунного любования? Накануне, вернувшись из Берлина, вышел погулять по Лаупину и разговорился с «нашим» Туттасом. У него трое детей: дочь 10 лет, мальчики 4 и 1,5 года. Четырехлетний ужасно серьезный и самостоятельный. Туттас сказал, что ближайший к его дому сосед **Friedrich Janke** знает местные обычаи. По его словам, в прошлые годы здесь отмечали Троицу (Pfungsten), из числа старших учеников избирался Pfungstkönig, которому на голову надевали корону — Pferds- oder Kuhmaulkorb. Дома украшали березовыми ветками. Иванов День (Johannistag) отмечают 24 июня, после чего нельзя собирать с грядок спаржу.

В воскресном выпуске местной газеты приведена замечательная максима Отто фон Бисмарка: «*Wenn die Welt untergeht, ziehe ich nach Mecklenburg, dort geht sie 50 Jahre später unter*». Говорят, замечательно для понимания мекленбургского народного менталитета: и до сих пор.

Отправились в деревню с онемеченным славянским названием *Glaisin*. Семья **Willi** (87 лет) и **Marta** (более 80 лет) **Fehlandt**. Скоро будут отмечать золотую свадьбу. Беседа записывалась на магнитофоне. Отмечу отдельные моменты разговора. Майское дерево, которое ставили, — только береза, дубовыми ветками украшали школу. (Интересное сочетание!) Троицу празднуют до сих пор, для украшения используют березу, но само дерево в лесу сейчас не украшают. На ткацком станке она не работает, по прялку использует — обычно это польский импорт. Себя оба считают мекленбуржцами, своих предков знают только до деда и бабушки, о других им неизвестно. И сегодня среди жителей есть люди с «*вендскими именами*», но редко. Во время войны в деревню присылали Ostarbeiter`ов, наци за это давали крестьянам инвестиции. Но в общем жили здесь бедно, еще до войны (а во время

войны особенно) землю обрабатывали на коровах. Плуги были без крючков (Hacken).

Далее поехали в *Лю-Лю*, побывали в цехе для безработных (там, в частности, изготавливают кукол в национальной одежде, но они дорогие и скорее для сувениров), в редакции газеты, поработали в библиотеке, где нам *gratis* изготовили ряд ксерокопий. Созвонился с живущей в Лю-Лю фрау **Rose-Maria Malchow**, урожденная **Lüth**. Она дружна с **Hasso Hoffmann**, он ее школьный учитель и автор очень полезной брошюры о Лаупине, в которой специально затронут и вендский период истории. Договорился, что оба они приедут завтра на нашу базу к 15 часам.

После этого по просьбе Юли снова поехали в *Глайзин*, в «Дом четырех времен года». Его заведующая носит сугубо мекленбургскую (и обычно — дворянскую) фамилию **Zacc (Saß)**. Является ли ее фамилия настоящей или по мужу — к сожалению, поговорить с ней об этом не удалось. Носительница непрясленной фамилии рассказала о задачах Дома: это клуб, в котором собираются для совместной ручной работы и гостевания безработные женщины. Такие клубы существуют не только в Мекленбурге, но и других федеральных землях. Поддавшись настоятельной аргументации Юли, на прощание нам для МАЭ подарили сплетенный из колосьев большой декоративный венок (Festkranz). Правда, подарок относительный, поскольку длительному хранению не подлежит: осыпается. Говорят, максимум один-полтора года. Шмитт из Ростока просит приехать и сделать доклад о нашей полевой деятельности. Впрочем, «на общественных началах», хоть дорогу оплатят.

Фотодневник

F-7. В-32 Глайзин. В доме семьи Феландт. Марта Феландт демонстрирует участникам экспедиции прядение шерстяной нити. На заднем плане — Вилли Феландт, информант экспедиции, муж Марты.

F-7. В-33–34 Глайзин. Вилли и Марта Феландт. Вилли передвигается с помощью инвалидного кресла, у него ампутирована левая нога.

F-7. В-35 Глайзин. Дом Феландтов. Улица Мюленштрассе, 1.

F-8. В-1 Глайзин. Площадь Дорффлатц. Дом творческого союза женщин «Дом четырех времен года» (Haus der vier Jahreszeiten).

F-8. В-2 Глайзин. Площадь в центре деревни. Тип поселения — деревня с лугом («Angerdorf»), в центре которой между двух дорог расположен луг. Все строения центральной части деревни относительно новые — 1900 — 1930-е годы, так как деревня сгорела в начале XX в. Строения массивные, выполнены из кирпича. Представляют собой главным образом фасады хозяйственных помещений.

Расшифровка записи беседы с супругами Мартой и Вилли Феландт

- I v a n o v a : Also, Sie wohnen ständig hier, ne? Ja?
- M a r t a : Ja. Ja? {zum Ehemann Willi} Wir wohnen doch hier ständig.
- W i l l i : Ja, ich bin hier geboren.
- I v a n o v a : Und seit wann? Sie sind hier geboren?
- M a r t a : Ja, alle beide.
- I v a n o v a : Alle beide?
- W i l l i : Sie ist hier, und ich bin da, im Dorf geboren.
- M a r t a : Ganz oben.
- I v a n o v a : Aha, «ganz oben», was heißt das, das ist ein Bauerndorf?
- M a r t a u n d W i l l i : Das ist das Bauerndorf.
- W i l l i : Ja, Bauerndorf ist da, wo die... wo die...
- M a r t a : Wo das Haus der vier Jahreszeiten...
- I v a n o v a : Ja, ja. Das kennen wir.
- W i l l i : Ja, das ist Dorf.
- I v a n o v a : Uhu. Das ist das Bauerndorf?
- M a r t a : Das ist Bauerndorf.
- I v a n o v a : Uhu.
- M a r t a : Und hier unten ist Büdnerdorf gewesen. Und die Häusler...
- W i l l i : Die Bauern, die 30 Hektar bis 40 Hektar hatten, und die Büdner, die hatten 10, wie wir, Fehlandt, ja?
- M y l ' n i k o v : Und früher war es Büdnerdorf, ja?
- M a r t a : Nee, Büdnerdorf nicht.
- M y l ' n i k o v : Immer?
- M a r t a : Immer Bauerndorf. Das waren bloße Büdner, so eine Reihe hier
'runter.
- W i l l i : Hier waren 24 Bauern, 17 Büdner, 15 bis 16 Häusler.
- M a r t a : Die hatten so kleine...
- W i l l i : Arbeiter, die... wo... nebenbei hatten sie noch Landwirtschaft gehabt.
- I v a n o v a : Und Ihre Eltern stammten auch aus Glaisin? Ja?
- W i l l i : Bitte?
- I v a n o v a : Ihre Eltern sind auch aus Glaisin?
- W i l l i : Ja.
- M a r t a : Mein Vater hatte diese Stelle.
- W i l l i : Und ich bin hierhergeheiratet.
- M a r t a : Willi ist jetzt hierhergeheiratet.
- M y l ' n i k o v : Aha- ha.
- I v a n o v a : Aus dem Bauerndorf?
- M a r t a : Ja. {lacht} Nach hierunter.
- I v a n o v a : Klar.

M y l ' n i k o v : Sagen Sie, wie weit in der Geschichte kennen Sie Ihre Vorfahren? Ihre Verwandten, Großvater, Urgroßvater, Urgrossmutter und so weiter?

M a r t a : Ja, die kenne ich weiter nicht. Meinen Großvater habe ich noch gekannt. Ich bin {19}20 geboren.

W i l l i : Meinen Großvater habe ich auch gekannt...

M a r t a : ...und weiter nichts...

W i l l i : ...und — lass mich, dass ich sage!

M a r t a *lacht*.

W i l l i : Der war 57 Jahre gewesen, nein, nein, kürzer. Das 1941 und mehr.

I v a n o v a : 19 und?

W i l l i : 1941. und den kenne ich noch.

I v a n o v a : Aha.

M y l ' n i k o v : Woraus kam Ihr Großvater? Aus anderem Dorf?

W i l l i : Nee.

M a r t a : Auch von hier.

M y l ' n i k o v : Oder auch war hier? Und was früher war, das wissen Sie nicht?

M a r t a : Na...

M y l ' n i k o v : Nein. Und wann war Ihr Haus gebaut?

M a r t a : Dies hier?

M y l ' n i k o v : Ja.

I v a n o v a : Dies ist neu.

M a r t a : Oh, nee, nee, es war...

W i l l i : Ja, das ist...

M a r t a : Ja, aber nun schon neugebaut.

W i l l i : ...ist ungefähr 18... und... kurz nach 1800.

M a r t a : Weiß du...

W i l l i : Und 19 und... das 33, ja 19...

M a r t a : Ja, 1934.

W i l l i : Ja, 1933 war mal so ein Wind. Und die Dielentür.

M a r t a : Vorne haben wir so 'ne große Dielentür, und nu ist... da kam so 'n wilder Sturm und da ist 'reingegangen und denn auf dieser Seite wieder 'raus. War das ganze, das war noch ein Strohdach.

W i l l i : An der Seite Strohdach...

M a r t a : ...Rohrdach, das mussten wir anders bauen. Das wenigstens...

W i l l i : Und neues Dach... haben wir so neu... erneuert.

M a r t a : Sonst ist es das alte Haus.

W i l l i : 1993, nee, 33, neunzehnhundert. Vor siebzig Jahren war das.

I v a n o v a : Sagen Sie bitte, und wie hat man früher hier auf dem Dorfe gesagt, «ich bin ein Glaisiner», «ich bin einer aus der Griesen Gegend» oder noch breiter, «ich bin ein Mecklenburger»?

M a r t a : Mecklenburger.
I v a n o v a : Mecklenburger?
M a r t a : Ja.
I v a n o v a : Ja? Und die Trachten hatten Sie auch mecklenburgische? Keine besondere Glaisiner Tracht, nicht?
M a r t a : Nee. Es ist so 'ne Bauertracht, was sie hier so haben.
I v a n o v a : Uhu...
M y l ' n i k o v : Jetzt brauchen Sie alten Tracht?
M a r t a : Ja.
M y l ' n i k o v : An die Feste?
M a r t a : *lacht* Ja! Nun sind wir zu alt dazu, ne?
W i l l i : Bitte?
M a r t a : Trachten. Ja, wir haben noch Trachten an die Jüngerer.
I v a n o v a : Und Sie nicht mehr?
M a r t a : Ich bin nun 80! Dass ich mit 80 noch mit Trachten 'rumlaufe!
{lacht}.
W i l l i : Ich bin 86. Ich bin 86.
M a r t a : 86. Das'st zu alt, ne?
I v a n o v a : Oh!
M y l ' n i k o v : Das ist schön.
I v a n o v a : Das ist viel!
M a r t a : Ja, wir beide leben so zusammen, dann haben sie ihm vor paar Jahren den Bein abgenommen.
W i l l i : Hier. Er nicht mehr.
M a r t a : Nun habe ich genug zu tun, muss ich auch uns beide spazieren.
{lacht}.
M y l ' n i k o v : Und haben Sie Kinder?
M a r t a : Ja.
M y l ' n i k o v : Sie leben auch hier oder?
M a r t a : Die wohnen hier auch bei uns.
W i l l i : Hier, vorne.
M a r t a : Vorne haben wir ausgebaut und da wohnen die Töchter. Die eine Tochter...
W i l l i : Die eine Tochter ist nicht verheiratet...
M a r t a : Die ist nicht verheiratet.
W i l l i : Die ist jetzt... 43, nee, 47. Ja... die ist nicht verheiratet.
M a r t a : Die arbeitet da oben, auf dem Forsthof. *{«Forsthof» heißt ein Komplex von historischen Gebäuden zu Glaisin, die vor kurzem renoviert wurden und zur Zeit neue Arbeitsstellen für ABM-Angestellte darbieten. Dazu gehören folgende Tätigkeiten, die im Rahmen des Projektes «Ein Dorf mit Zukunft» entwickelt werden: Spinnen, Stricken, Sticken, Weben, Basteln, Brot-Backen, Chronik-Füh-*

ren u. s. w. } Da ist eine Webstube, ne? Und da, da musste sie erstmal hin. Die war arbeitslos. Muss sie ein Jahr nun arbeiten.

I v a n o v a : Da waren wir. Aha...

M a r t a : Nun wird sie noch mehr mit denen zusammen. Da waren Sie noch nicht drin, ne?

I v a n o v a : Doch, wir waren dort.

W i l l i : Dann haben Sie sie gesehen. Die Kleinste.

M a r t a : Das ist die eine von den Kleinen, die Kleinste.

W i l l i : Das ist Frau Wunt, eine geborene Fehlandt.

I v a n o v a : Und können Sie auch selbst weben und spinnen?

M a r t a : Früher haben wir, Spinnen tue ich noch.

I v a n o v a : Ja?

M a r t a : Spinnen, ja. Früher haben wir, wo meine Mutter gelebt hat, haben immer noch gewebt.

I v a n o v a : Ja. Und jetzt spinnen Sie auch?

W i l l i : Oh, das Spinnen war früher in meinem Elternhaus!

M a r t a : Ja, nun Schafwolle und denn die hier noch abgesponnen.

I v a n o v a : Uhu...

W I L L I : aus Weben und Spinnen das geht

I v a n o v a : Und was waren hier für Sitten und Bräuche auf dem Dorf? Und Dorffeste...

M a r t a : An Dorffesten?

I v a n o v a : Ja, früher, meine ich.

M a r t a : Tja, na früher war die Erntefest und denn war Sommer noch was... und war doch immer was.

I v a n o v a : Uhu, und Erste Mai auch?

M a r t a : Erste Mai?

I v a n o v a : Ja.

M a r t a : Erste Mai wurde auch gefeiert. Und dann nachher im Oktober war dies Erntefest und dann so zwischendurch paar mal Tanzen.

M y l ' n i k o v : Maibaum stellen Sie an Fest?

M a r t a : Ja, Maibaum *{lacht}* haben wir aufgepflanzt.

W i l l i : Maibaum wurde aufgepflanzt.

M y l ' n i k o v : Wo, wo stellen die Maibaum?

W i l l i : Da oben.

M a r t a : Da oben, auf dem Dorf... nee, nu ist es Forsthaus.

W i l l i : Ja, jetzt, früher war das im Dorf aufgestellt.

M a r t a : Früher wurde es im Dorf da oben aufgestellt.

I v a n o v a : In der Dorfstraße?

M a r t a : Ja, in der Dorfstraße.

W i l l i : Dorfstraße. Dort ist eine Eiche.

M a r t a : Dort ist eine Eiche so. Große nicht, die vorne steht eine.

W i l l i : Die Eiche, wo die Bänke ´rum drin...

I v a n o v a : Wo Johannes Gillhoff geboren wurde?

M y l ´ n i k o v : Nur Eiche?

M a r t a : Nee, da steht so ´ne Eiche.

W i l l i : Nee, da oben, beim «Vier Jahreszeiten», «Haus der vier Jahreszeiten» *{Im Backsteinhaus aus den 1930-er Jahren befindet sich das Hauptquartier des Kreislandfrauenverbandes. s. Иванова Ю. Полевой дневник. 2. С.53}*.

I v a n o v a : Ja, das ist ein Platz.

W i l l i : Und da links, wenn hier ´raufgeht, kommt jetzt seit 3 Jahren von der Halle, da kam die... die «Vier Jahreszeiten» und dann in der Mitte, da steht die Eiche, wo die Bänke ´rumstehen.

I v a n o v a : Ja.

W i l l i : Haben Sie schon gesehen?

I v a n o v a : Ja.

W i l l i : Wo die Eiche ist, wo die Bänke ´rumstehen?

I v a n o v a : Ja, ja.

W i l l i : Die wurde gepflanzt wegen der Eiche. Und das wurde in 19 und, genaues Jahr kann ich Ihnen nicht sagen — ich weiß nur, ich ging damals noch nicht zur Schule. 5 Jahre alt war 1920, wo die Eichen gepflanzt.

M y l ´ n i k o v : Aber ich will nur fragen, also, Maibaum es soll immer nur, nur Eiche sein?

M a r t a : Nee, nee.

W i l l i : Und da wurde der Maibaum gepflanzt.

M a r t a : Wir haben ´ne Birke zum Maibaum. Die Eiche wurde nicht gepflanzt.

M y l ´ n i k o v : Nein? Aber welches Baum?

M a r t a : So ´ne so ´ne Birke.

W i l l i : Birke.

I v a n o v a : Birke.

M a r t a : Die wurde weiter nicht gepflanzt, die wurde unten abgesägt, der grösste Baum, der da vom Wald...

M y l ´ n i k o v : Birkenbaum?

M a r t a : Birkenbaum.

M y l ´ n i k o v : Und Eiche, sagen Sie, was ist das, wann stellen Sie Eiche?

M a r t a : Ja, wo ist die Eiche?

M y l ´ n i k o v : Я не понял.

M a r t a : Wo ist nun die Eiche, het du da´üben tüdden. Ja, wurde tüdden het, wat dei het.

W i l l i : Die Eiche *{hustet}*...

M a r t a : Da wurd´ er nachdenklich! *{lacht}*

W i l l i : ... da ist das alte Gillhoffsdorf.

I v a n o v a : Ja, ja.

W i l l i : Johannes Gillhoff ist da geboren. Und da hat die alte Schule gestanden.

I v a n o v a : Wo die Eiche jetzt ist.

M a r t a : Ja, wo nun die Eiche und die Bänke ´rum.

W i l l i : Da war der Talent, ne? Und die Eiche war die Friedenseiche. Einmal war das der Umgang ungefähr, war die Schule und ´66, 1866 wurde hier, wo die Gillhoff-Stube ist, da war die Schule. Da bin ich zur Schule gegangen. Ich zur Schule, ne? Und dann wurde sie lange her abgerissen. Die alte Schule. Da war ich da Gillhoff. Der Alter von Gillhoff. Ne? Das sind Sie so, ne?

I v a n o v a : Ja, ungefähr.

W i l l i : 42 Jahre nicht gewesen.

I v a n o v a : Und dann wurde der Birkenbaum geschmückt irgendwie?

M a r t a : Ja. Da kamen so richtige bunte Bänder, großen an...

I v a n o v a : Bunte Bänder? Kränze auch?

M a r t a : lange Papierbänder. Nee, Kränze nicht.

I v a n o v a : Kränze nicht. Aus dem Teig machen Sie keine Kränze?

M a r t a : nein.

I v a n o v a : Nee. Uhu... und wie wurde Weihnachten gefeiert?

M a r t a : Uhm? Weihnachten?

I v a n o v a : Uhu, Weihnachten. Und Zwölften.

W i l l i : Am Weihnachten wurde...

M a r t a : In den Zwölften durfte man nicht arbeiten.

I v a n o v a : Ja, nee.

M a r t a : Hat meine Mutter nie gemacht.

W i l l i : Was?

M a r t a : In den Zwölften darf man nie arbeiten.

W i l l i : Nee, es wurde nicht gearbeitet.

M a r t a : Den Dung ´rauswerfen durften wir nicht ´rausmachen aus dem Stall und hat wir noch diese so ´ne... und wenn die nur ausfegte, das wurde in Eimer gemacht einmal auf dem Blatt so, der Dreck blieb solange stehen, bis die Zwölften vorbei waren. {lacht} Was hatten die für Bräuche früher, ne?

I v a n o v a : Und spinnen durfte man?

M a r t a : Spinnen durfte man im Hause arbeiten kann man machen, ja. Spinnen und Weben, gewebt haben wir auch.

W i l l i : Arbeiten in den Zwölften durfte man nicht.

M a r t a : in den Zwölften nicht. Das wurde im Jahr gemacht, wenn die Tage dann länger wurden, dann blieb der Webstuhl stehen solange die Sonne war ganz im Gang. Ne? Und dann wurde´s wieder abgerissen, das war erstmal genug und dann nachher, nächstes Jahr, nach Weihnachten ging´s wieder los.

I v a n o v a : Und warum musste Vieh zu Hause bleiben, im Stall?

M a r t a : Ja, das war auch wohl so eine Sage, dass keiner ä... in den Zwölften den Stall, ja denn soll man ja kein Dung 'rausschmeißen aus dem Stall und und nix.

I v a n o v a : Aber warum durfte man das nicht?

W i l l i : Machte man bloß nicht.

M a r t a : Die hatten früher gesagt, dann kommen die Hexen daraus.

I v a n o v a : Aha...

M a r t a : {lacht} Ist so eine Sage!

I v a n o v a : Aus Mist?

M a r t a : Nee! Nee, nee, denn kommen die wohl so, ich weiß nun auch weiter nicht.

M y l ' n i k o v : Und jetzt brauchen Sie Webstuhl oder Spinne?

M a r t a : Spinnen tue ich noch, aber Weben nicht mehr. Spinnrad habe ich noch.

I v a n o v a : Und bis wann glaubte man daran?

M a r t a : Zwölf Tage.

I v a n o v a : Nee, bis wann, welches Jahr, meine ich.

M a r t a : Nee, Weihnachten. Weihnachten 'rum während der Zwölften. Vor Weihnachten und Neujahr, Neujahr dann sind zwölf Tage.

I v a n o v a : Uhu... Und das kennen Sie noch?

M a r t a : Das kenne ich noch.

I v a n o v a : Aber jetzt ist es nicht mehr verbreitet? Der Glaube.

M a r t a : Nein, die jungen Leute haben nachher daran nicht mehr geglaubt, ne? {lacht}

I v a n o v a : Und was wird gegessen zu Zwölften oder zum Weihnachten? Gibt's besondere Speisen?

M a r t a : Tja... was haben wir... Heiligabend gab's immer Karpfen oder so 'n Schweinebraten zum Essen und Silvester auch. Ja und weiter war nix zum Mittag. Es gab Schweinebraten und Fisch.

I v a n o v a : Und in den Zwölften keine besondere Speisen?

M a r t a : Nee. Gab es keine besondere Speisen.

I v a n o v a : Nein.

M a r t a : Wir haben wenigstens keine gehabt. Das ging ja immer so weiter. Das war bloß Heiligabend und Silvester, wo es Karpfen und so gab.

I v a n o v a : Sie haben gesagt, Sie hatten hier eine Diele. Und wurde dort auch gefeiert?

M a r t a : Auf der Diele?

I v a n o v a : Ja.

M a r t a : Nee.

I v a n o v a : nee. Das kennen Sie schon nicht.

M a r t a : Nee, da haben wir nicht gefeiert. Denn haben wir auch Pferdestall da war denn Pferdestall und auf anderen Seite dann war der Kuhstall und in der Mitte ging die Diele lang. Da lag so Heu und Stroh und so was denn.

I v a n o v a : Uhu, und Ernte.
M a r t a : Das, ja.
M y l ' n i k o v : Und haben Sie jetzt Vieh oder Geflügel?
M a r t a : Geflügel haben wir bloß.
W i l l i : Mm?
M a r t a : Geflügel haben wir doch bloß.
W i l l i : Ja.
M a r t a : Und Hund. Katze aber auch nicht mehr {*lacht*}. So ´nen kleinen Dackel.
W i l l i : So ´nen kleinen Dackel. Der Schwiegersohn hatte den, ne?
M y l ' n i k o v : Kater?
W i l l i : Nee. Der der ist Vieh.
M a r t a : Der ist Vieh, den hatten wir nicht mehr.
M y l ' n i k o v : Ah, Vieh...
M a r t a : Der macht ja Fahrschule und der kann ja den Hund nicht mitnehmen, ne? {*lacht*}
M y l ' n i k o v : Ja, ja.
I v a n o v a : Frau Fehlandt, sagen Sie bitte, wo werden die Dorffeste gefeiert normalerweise? Ob das ganze Dorf mitfeierte?
M a r t a : Da oben hatten die eine Gaststätte, und da vorne noch so der Saal.
W i l l i : Ja, der Saal.
M a r t a : Und das war die Gaststätte und da vorne war so ´n großer Saal, und da. Der Saal ist noch da.
I v a n o v a : Und war das auch früher?
M a r t a : Das war früher auch. Nee, das war ja, wenn hier was so war, es wird getanzt, ja, und so ´n Feier, Weihnachtsfeier und sowas.
I v a n o v a : Das war zu Hause oder?
M a r t a : Nee. Auch da oben, ne? Winachtsfie het wi oben maakt oder wat?
W i l l i : Ja, die Weihnachtsfeier die waren auch da. Auch in meinem Schulhaus.
M a r t a : Na, das Schulhaus von Pastor.
W i l l i : Ja, dann gab´s ja die Tanne. Stunde, eineinhalb Stunde ungefähr.
I v a n o v a : Und diese Feste hat das ganze Dorf gemeinsam gefeiert? Ja?
M a r t a : Ja.
I v a n o v a : Und was macht man jetzt?
M a r t a : Was ich jetzt mache?
I v a n o v a : Ja. Nicht mehr oder doch?
M a r t a : Nee, das wird noch gefeiert, aber so das ist es nicht mehr.
I v a n o v a : Also, hier, in einer Stube...
M a r t a : Ja.
I v a n o v a : Ja, so? In der Familie?
M a r t a : In der Familie wird´s so bisschen gefeiert.

M y l' n i k o v : Und sagen Sie bitte, feiert man bei Ihnen Pfingsten?
 M a r t a : Pfingsten? Ja.
 W i l l i : Wat?
 M a r t a : Pingsten war ook fiert hie?
 W i l l i : Pfingsten ja.
 M a r t a : Weihnachten, Silvester, Ostern und Pfingsten wird hier gefeiert.
 M y l' n i k o v : Und wie feiert man Pfingsten?
 M a r t a : Ja, wie het man Pingsten feiert? Das war auch so...
 W i l l i : Ja, Pfingsten, da wurde hauptsächlich... ä... mm...
 M a r t a : Rund die Häuser ein bisschen geschmückt mit Birken, uhu... Ist bei Ihnen auch so?
 I v a n o v a : Ja.
 M a r t a : So hoch abgesägt, oder abgehaut und die wurden dann vorne hingesteckt.
 W i l l i : Die haben die vorne an die Tür rechts und links...
 I v a n o v a : Nee, bei uns wird's auch so gemacht, aber mit Birkenzweigen, mit kleinen...
 M a r t a : Mit so kleinen Zweigen?
 I v a n o v a : Nee, mit großen Zweigen, aber nicht mit abgesägten Bäumen.
 M a r t a : Nee, dies war so 'n Baum und das wurde gemacht, so große Zweige abgehaut je nach dem wo das ganze war.
 M y l' n i k o v : Schmückt man die Birkenbaum da, nicht?
 I v a n o v a : Nein, nur zum...
 M a r t a : Nee, die wurden bloße so Grün hingestellt, geschmückt haben wir denn weiter nicht.
 M y l' n i k o v : Früher war es oder nicht?
 I v a n o v a : Zum Ersten Mai war das, ne?
 M a r t a : Nee, das war von ganz früher doch, nä?
 W i l l i : Wa?
 M a r t a : Det Pfö. Dar is so früher west mit dei Barken, dat wi denn holten?
 W i l l i : Ah, ja.
 M a r t a : Oh, das war denn! Dann gingen die Leute alle los. Und denn haben wir alle Birkenzweige und Dinge geholt und geholt und dann wurden die wie immer... Dann haben wir noch so 'n kleinen Zweig, paar Zweige genommen und dann an jede Seite am Fenster auch noch hingemacht, ne? Das war schön!
 I v a n o v a : Jo.
 B e c k m a n n : Gab es zum Erntefest auch festgeschmückte Festwagen?
 M a r t a : Ja.
 B e c k m a n n : Ja. Und wie wo wurden sie benutzt?
 M a r t a : Durchs ganze Dorf sind die gezogen. Die Erntewagen früher.
 W i l l i : Ja. Na, dat war nachher. In den 1930-er.

M a r t a : In der Zeitung da ist von Bahlow...
 {die Aufnahme wird unterbrochen}
 B e c k m a n n : ...wann wurden die gemacht, die Erntefeste?
 W i l l i : Ä... im Durchschnitt Ende September — Anfang Oktober.
 B e c k m a n n : Und und wie lange?
 W i l l i : Diese Zeit, ein Tag.
 B e c k m a n n : Und bis wann hat man die gemacht in den fünfz... auch in den
 1950-er und 1960-er Jahren oder wurden das auch mit den Erntefesten...
 W i l l i : Nein, nein.
 I v a n o v a : Bis wann hat man es gemacht?
 W i l l i : Wa?
 I v a n o v a : Bis wann hat man das gemacht? Bis zu welchem Jahr ungefähr?
 B e c k m a n n : Oder macht man es wie heute, jedes Jahr?
 W i l l i : Jedes Jahr.
 B e c k m a n n : Ja?
 I v a n o v a : Jetzt auch?
 W i l l i : Früher?
 I v a n o v a : Jetzt auch?
 W i l l i : Jetzt, ja, da in Göhlen, das Nachbardorf.
 M a r t a : Das ist Nachbardorf, die haben nun Erntefest gefeiert. Am Sonn-
 abend oder Sonntag.
 I v a n o v a : In Göhlen.
 M y l ' n i k o v : Ihre Name und Vorname, ja.
 M a r t a : Willi, willst du schreiben?
 W i l l i : Wat?
 M y l ' n i k o v : Also, Ihre... Ihren Mann Vorname...
 M a r t a : Willi.
 M y l ' n i k o v : Willi. So...
 M a r t a : Fehlandt.
 M y l ' n i k o v : Wie?
 M a r t a : Fehlandt, mit «h».
 W i l l i : Feh, l, a, n, d, t.
 M y l ' n i k o v : Fehlandt. Und Ihre Name?
 M a r t a : Marta.
 M y l ' n i k o v : Marta? So. Uhu, danke schön.
 W i l l i : Ja, wer sagte, erwähnen sollt Ihr noch, ne? Handbücher {hustet}...
 bekannt bin ich in... Gillhoffshof... als der Mitglied der Johannes-Gillhoff-Gesell-
 schaft. Da wurde 1967...
 M a r t a : Wollen Sie es sehen, dann mache ich das Licht an. Soll ich Licht
 anmachen?
 I v a n o v a : Александр Сергеевич, включить свет?

N o v i k : Nein, nein.

I v a n o v a : Включить ли свет, Вас спрашивает.

M y l ' n i k o v : Свет? Ну, все равно мне не надо.

I v a n o v a : Nee, danke, nicht.

N o v i k : Nein, danke. Nichts.

I v a n o v a : Gut.

W i l l i : Den Namen haben Sie vielleicht schon gehört, meinen Namen. Ein Mitglied «Johannes Gillhoff». Und nun kann ich ja meine Emotion und so...

M a r t a : Kann er immer nicht so hin.

W i l l i : Ist es nicht mehr so, ne? Sonst wäre ich noch Mitglied, ein Ehrenmitglied.

I v a n o v a : Sagen Sie bitte, Frau Fehlandt, und bis wann hatte man hier Erntefeste gefeiert oder feiert man auch jetzt?

M a r t a : Erntefest? Tja, das ist von 1. Oktober, ist es dann denn losgegangen. Sonst wie die Dörfer das so haben. Wie die die Kartoffel meistens wohl ´raus war, dann wurde Erntefest gefeiert. {lacht} Denn war die Ernte fertig.

I v a n o v a : Auch mit geschmückten Wagen?

M a r t a : Ja.

I v a n o v a : Und Traktoren?

M a r t a : Ja.

B e c k m a n n : Auch in den 1960-er — 1970-er Jahren noch?

M a r t a : Ja.

B e c k m a n n : Hat man auch gemacht, also die ganze Zeit?

M a r t a : Ja.

B e c k m a n n : ...die Zeit durch. Aha... Es gibt auch wohl Dörfer, wo es nicht...

M a r t a : Die machen das nun wieder weiter.

I v a n o v a : Ja, «wieder weiter», aber die haben in den 1950-er aufgehört.

B e c k m a n n : Einige haben lange Jahre Pause gemacht.

M a r t a : Ja, hier sind auch keine, hier wird die Erntefest gefeiert und dass sie mit Wagen so ´rumfahren, haben sie nicht mehr gemacht.

I v a n o v a : Und zu welchem Kirchspiel gehören Sie?

M a r t a : Zu was für ´n Spiel?

I v a n o v a : Kirchspiel.

M a r t a : Hier war Pastor, hier in Eldena.

I v a n o v a : In Eldena, aha.

M a r t a : Eldena. Unser Pastor ist unsere Kirchengemeinde. Der Preiswert.

I v a n o v a : Also, wenn es dort...

M a r t a : Der ist ein Jahr in der Kirchengemeinde, ist ja dort unsere Kirchengemeinde.

W i l l i : Ja, weil die Kirche dort ist.

I v a n o v a : Und Erntedankgottesdienst...

M a r t a : ...ist auch gewesen. Erst in Eldena und dann hier oben im Dorf, ist so 'ne Kapelle, und wenn... ist die für die alten Leute, und da kommt der Pastor 'raus auch Erntedankfest, den Sonntag, erst Vormittags in Eldena-Kirche und denn Nachmittags hier. Und da sind wir alle dahingegangen.

I v a n o v a : Und ist es alles an einem Tag, Erntedankgottesdienst und dann Ernteumzug, Erntefest? Nee, ne?

M a r t a : Nee, das ist nicht. Dann machen wir wohl von alleine, ne?

W i l l i : Wat?

M a r t a : Dat dei Umzug, ob west es wär Erntadankfest mit. Nee, das war hier nicht.

W i l l i : Nee.

M a r t a : {*hustet*} Das ist ja mehr Sonnabends so gewesen, der Erntefest, und die Kirche ist dann Sonntags. {*hustet*}

I v a n o v a : Und haben Sie es von jemandem gehört, dass hier Slawen waren, wahrscheinlich in Ihrem Dorfe, die Wenden?

M a r t a : Die Wenden?

I v a n o v a : Ja, die Vorfahren.

M a r t a : Ja. Das ist so. Die Wenden und die... Wenden doch dahinnen west, das ist dem... {*hustet*}

W i l l i : Ja, das ist die Ortschaft heißt die Chance, dass da Raubritter Riebe...

M a r t a : Wat vertellst du, wa? Vom Raubritter Riebe?

W i l l i : Haben Sie schon mal gehört?

I v a n o v a : Nein.

M a r t a : Dann vertell doch ma'.

W i l l i : Also, früher war Glaisin, die Kaufleute, die haben von Magdeburg, nach Marburg hier... sind hier die durchgezogen, von Lenzen nach Hagenow, und da war Glaisin die schwere Straße. So die nach Lenzen. Und das denn... sie ungefähr, weil sie nach Bresegard (Eldena)... Wissen Sie das?

I v a n o v a : Ja.

W i l l i : Weiter aus Glaisin, ungefähr Hundert...

M a r t a : Da kommt doch der Landweg.

W i l l i : Wa?

M a r t a : Da kommt doch der Landweg.

W i l l i : ...war ungefähr Hundert Meter. Da kommt der Landweg, der links nach Eldena, ne? Das war eigentlich der Kirchenweg. Wohl rechts denn nu ist das zu Chanz nach Hagenow zu. Und da sind die Kaufleute gezogen mit ihren Wagen.

M a r t a : Und du sagst nu, dass das Magdeburg war.

W i l l i : Mecklenburg war, Menkendorf.

I v a n o v a : Ah, ja, das ist ein Burgwall.

M a r t a : Da ist ein Burgwall.

I v a n o v a : Von der Wendenzeit?

M a r t a : Von der Wendenzeit. Und wenn man hier ´runtergeht, da ist denn — wenn man hier aus dem Dorf ´raus ist, dann kommt so auf der rechten Seite so ´n Stück, das sind nur Eichen, bloßer Laubforst, keine Tannen und nix. Und da sind noch wohl große...

Und die Eichen werden gar nicht ´runtergenommen.

I v a n o v a : warum?

M a r t a : Weiß ich auch nicht, warum. Die fahren mit der Egge die immer so um ´rum, das liegt mitten in dem Land {*lacht*}. Warum das ist, weiß ich nun auch nicht mehr. Die ganzen alten Leute leben ja nun nicht mehr.

W i l l i : Wat?

M a r t a : Ich sech, dei Ollen lewwen dei nu nicht mehr. Wer das nu richtig erzählen kann.

I v a n o v a : Aber Sie haben auch schon viel erzählt.

W i l l i : Haben sie sich mit mehr unterhalten hier aus Glaisin, mit Älteren?

M a r t a : Hei, wo, oll sind dei gar nicht mehr. Sind immer viele ältere Leute.

B e c k m a n n : Ob ihr euch mit älteren Leuten aus Glaisin unterhalten habt.

I v a n o v a : Nein, nein. Also, mit Einwohnern nicht, wir haben mit Frau Festner gesprochen aus dem Hause «Vier Jahreszeiten» und mit Frau Wiedow.

M a r t a : Ah, mit Karin Wiedow von Bresegard.

I v a n o v a : Ja. Nee, nee, aus Glaisin ist die.

B e c k m a n n : Die, die wohnt in Bresegard.

M a r t a : Die wohnt in Bresegard.

I v a n o v a : Ja?

W i l l i : Wohnhaft ist sie in Bresegard, und arbeitet hier in der Gillhoff-Stube.

I v a n o v a : Ach so, jetzt verstehe ich das.

W i l l i : Karin Wiedow.

I v a n o v a : Ja, genau. Die hat einen slawischen Namen.

M a r t a : Ja?

B e c k m a n n : ´nen wendischen Namen. Ja.

I v a n o v a : Einen wendischen Namen.

M a r t a : Ja?

B e c k m a n n : Jo, jo.

M a r t a : Dei ´s ein wendischer Name.

W i l l i : Wat?

M a r t a : Das ist ´n wendischer Name.

W i l l i : Wat?

M a r t a : Wendisch?

B e c k m a n n : Jo.

I v a n o v a : Ja, ja.

M a r t a : Wendischer Name ist das.

W i l l i : Ja. Ja.

B e c k m a n n : Alle, die Endung — ow haben, sind die wendischen Namen.

M a r t a : Ja?

B e c k m a n n : Ja.

M a r t a : Habe ich gar nicht gewusst! {lacht}

I v a n o v a : Und gibt's hier mehrere Menschen mit solchen Namen?

M a r t a : Nee. Auch weiter nicht.

W i l l i : Wiedow. Ja. Wiedow der Name ist sehr sehr bekannt. Der Amerikafahrer Jörn Jakob Swehn {герой романа Йоханнеса Гильхофа «Jörn-Jacob Swehn, der Amerikafahrer», реальный житель Глайзина, иммигрировавший в Америку}, der stammte aus Glaisin und hat Wiedow geheiratet.

W i l l i : Ja, na ist bloß so, er hat Kühe gehütet und Schafe. Und Schweine gehütet. Jörn-Jacob Swehn. Swehn ist eine sozusagen Hüterjunge.

I v a n o v a : Aha, es gab doch...

W i l l i : Schweine gehütet, die Sauen.

M a r t a : Und hier ist so 'n großer Weg hier 'runter, das heißt Swienweg. Der Swienweg?

W i l l i : Der Swienweg, da ist Gillhoff seit er hier...

M a r t a : Wenn ihr jetzt aus Glaisin 'rausgeht, dann kommt erst zu einem großen Weg...

W i l l i : Und dann auf der linken das letzte Haus. Dann kommt der Wald, dort ist der Schutzenplatz.

M a r t a : Das ist der Schnellweg.

W i l l i : Der Schnellweg. Und heller Schnellweg ist im Park...

M a r t a : Das ist so Laubforst, da sind keine Tannen, das ist nur Laubforst, das ist so nu dreieckig...

W i l l i : Laubforst. Das ist Swienweg. Der heißt so, weil Schweine hier der Hüteplatz, für die Sauen.

M a r t a : Swine ist platt, ne?

I v a n o v a : Ja, klingt so wie im Russischen auch.

W i l l i : Swienweg.

M a r t a : Ja, ja. Nu ist das alles. Ne?

I v a n o v a : Ja. Danke. Sie haben uns viel interessantes mitgeteilt.

M a r t a : Ja, sie können noch was fragen, was noch so ist.

I v a n o v a : Спрашивайте что-нибудь еще... нет?

{die Aufnahme wird unterbrochen}

W i l l i : ...ist genau bei Heilig... aber über die wohl Jahre...

M a r t a : Soll ich eine Tasse Kaffee machen?

I v a n o v a : Nein, danke.

M a r t a : Trinken Sie kein? Ich koch's sonst eine Tasse Kaffee.

I v a n o v a : Na, trinkt jemand Kaffee? Ja?

M y l ' n i k o v : Ja. Danke schön.

N o v i k : Gerne.

M a r t a : Gerne mache ich das.

{die Aufnahme wird unterbrochen}

W i l l i : Nee, damals habe ich erste Schuljahre, ne? Zwei, das ist jetzt zwei Klassen gewesen, eine hier vorne, wo die Gillhoffsstube, ne? Da war die Schule. Ist zur Schule gegangen bei meinem Vater, der war Landwirt, der war Bauer...

B e c k m a n n : Ja, ja.

W i l l i : Ne? und zu Hause gearbeitet.

B e c k m a n n : Ja.

W i l l i : Und nachher, das war 1934, ich war 19 Jahre, da kam Hitler-Zeit. Ja, nächste Jahre so was los war. Und... {уум носуды} Und da war so viel Bewerbung, da wurde hier Armee aufgebaut.

B e c k m a n n : Ja.

W i l l i : Die Soldaten.

B e c k m a n n : Ja, ja

W i l l i : Das sind viele Jahre, neun Jahre — 19 und 20 Jahre alt, was ich machen sollte. Da 3,5 Jahre Sergeant gewesen so gearbeitet ein Jahr, dann kam der Krieg. Wieder eingezogen. 1947 aus der Gefangenschaft zurückgekommen. Der war so...

M y l ' n i k o v : Sagen Sie, und während des Krieges waren hier in Bauernhäuser die Ostarbeiter?

W i l l i : Wo?

M y l ' n i k o v : Waren die Ostarbeiter während des Krieges hier?

W i l l i : Ja.

M y l ' n i k o v : Ja.

W i l l i : Aber ich hab' keine Verbindung gehabt, ich war nicht hier, ne? Ich war in... bloß aus anderen Zeiten, ne?

B e c k m a n n : Und was haben Sie denn nach dem Krieg gemacht?

W i l l i : Ja, das 1947 zurückgekommen. 1950 habe ich geheiratet, bin ich hierher, und da ist die Büdnerei, mich mit den Eltern, und als ihr Mann habe ich gearbeitet. Bis 1960.

B e c k m a n n : Na, da kam die Kollektivierung.

W i l l i : Da kamen die Jahre der LPG. Wir haben damals, mein Schwiegervater und Schwager noch, da war es noch wüstig und das 1967 geschoben, na ja. Anders gesehen, alle Jahre haben wir zusammen bei der ... mit der Wirtschaft, Pflügen, materiell — zwei Pferden, Kühe, Schweine...

{die Aufnahme wird unterbrochen}

M y l ' n i k o v : Und Sie bleiben dort am meisten Teil oder sind herausgezogen?

M a r t a : Nee, wir haben die nachher 'rausgezogen, wir waren nachher sind wir Rentner geworden und denn kamen die Jüngere wieder.

M y l ' n i k o v : Aha. Und die Jungen arbeiten in Genossenschaften? Oder...
 M a r t a : Nee. Der Schwiegersohn, der macht Fahrschule. Führt der, in War-
 low. In Warlow ist er.
 B e c k m a n n : Ja. Sollten wir Mascha sagen.
 I v a n o v a : Aha. Genau.
 {lange Pause}
 {die Aufnahme wird unterbrochen}
 I v a n o v a : Was ist das für ein Kuchen?
 M a r t a : Das ist Hefekuchen. Auf 'm Blech gebacken. Ist der Tisch groß
 genug?
 I v a n o v a : Ja. Ja.
 M a r t a : Nee, ich frag' bleiben Sie mal sitzen.
 I v a n o v a : Haben Sie selbst gemacht? Haben Sie die Kuchen selbst gebacken?
 M a r t a : Nee, die haben wir gekauft. Wir waren gestern zum Geburtstag, und
 den habe ich den Tag vorher eingekauft. Sonst backe ich immer Kuchen alleine.
 I v a n o v a : Ja?
 M y l ' n i k o v : Wessen Geburtstag war gestern?
 W i l l i : Der von meinem Bruder die Schwester, von meinem Bruder. Die
 Schwester, ihr Mann. Ist fünfzig geworden.
 M y l ' n i k o v : Wie viel?
 M a r t a : Fünfzig.
 W i l l i : Fünfzig.
 M a r t a : A, da waren wir gestern hin. Der hat uns eingeladen und dann sind
 wir dahin gegangen.
 W i l l i : Also, das ist die zweite Straße, das letzte Haus, das am letzten Gehöft
 da. Steht ein Zelt, der hat im Zelt gefeiert.
 B e c k m a n n : A, ja, es war groß los.
 M a r t a : Ja, kamen alle seine Arbeitskollegen, und dann aus der Verwand-
 schaft noch welche, ne?
 W i l l i : Arbeitskollegen, und die ganze Verwandtschaft, ne? Cousins und
 Cousinen.
 B e c k m a n n : A, ja. Wie waren da, Hundert?
 M a r t a : Nee, Hundert waren nicht. Fünfzig, Willi?
 W i l l i : A-a-a... Fünfzig...
 B e c k m a n n : Oh, das ist aber auch schon... Die wollen aber auch was essen
 und trinken, ne?
 I v a n o v a : Und Geburtstage feiert man hier nur mit der Familie und...?
 M a r t a : Na ja, mit... Unter Verwandten. Ja, wo man immer so zusammen
 feiert...
 I v a n o v a : Mit Verwandten. Also, das ganze Dorf kommt nicht?
 M a r t a : Nee.

I v a n o v a : Wird nicht eingeladen.
M a r t a : Nee, das ganze Dorf kann man ja woanders... {lacht}.
I v a n o v a : Und zur Hochzeit?
M a r t a : Hochzeit werden auch nur Verwandte eingeladen.
I v a n o v a : Nur die Verwandten?
B e c k m a n n : Dafür gibt's noch Polterabend, ne? Da kann jeder kommen.
M a r t a : Da gibt es Polterabend und ja. Wir haben nun noch die goldene Hochzeit, wir beide!
I v a n o v a : Ja?!
M y l ' n i k o v : Goldene?
W i l l i : 17. November. Am Wochenende.
M a r t a : Bis auf leben auch nicht viele. Nun essen Sie mal auf, wenn er alle ist, holl'ich einen nach. { der Kuchen }
I v a n o v a : Ja, schmeckt sehr gut.
M y l ' n i k o v : Leider, wir werden schon damals nach Hause sein und können Sie nicht gratulieren mit Goldene Hochzeit.
M a r t a : Nee. Da sind sie nicht mehr hier. {lacht}
I v a n o v a : nein. Leider nicht.
M a r t a : wir sind auch schon öftermal nach Polen gewesen, da auf dem Markt ein bisschen eingekauft. Gibt's schöne Sachen, ne?
M y l ' n i k o v : Ja.
M a r t a : Die sind ... her.
B e c k m a n n : In Swinemünde oder?
M a r t a : Nee.
B e c k m a n n : Oder Stettin da ungefähr?
M a r t a : Stettin, da und vor Stettin, immer.
B e c k m a n n : Ist auch eine schöne Fahrt bis dahin?
M a r t a : Na, wenn wir morgens da von hier losfahren...
B e c k m a n n : Mit dem Buß dann...
M a r t a : Mit dem Bus loszufahren und na muss ja denn alle Grenze auch ... dann ma' ging's ja schnell. Kamen ja schnell durch. Und denn abends spät sind wir wieder nach Hause gekommen.
I v a n o v a : Gibt's hier Laden auf dem Dorfe?
M a r t a : Laden? Laden heißt «hier awegeke» und der ist eingegangen. Und mit den ganzen kleinen dahinten noch macht eine Frau dazu.
W i l l i : Da hatten drei Nachts zu tun. Enorm. Und nu hat keine Beschäftigungs...
B e c k m a n n : Die Leute haben alle Autos,
M a r t a : und die bringen alle was mit, ne?
B e c k m a n n : die fahren nach Ludwigslust oder nach Eldena zum Einkaufen, ne?

M a r t a : Ja, unsere Tochter die arbeitet in Ludwigslust, ja, denn bringt sie was mit, ne?

B e c k m a n n : Ja, ja.

M y l ' n i k o v : Sagen Sie bitte, wie war es in dreißigsten Jahren?

M a r t a : In dreißigsten Jahren?

M y l ' n i k o v : Ja, in Hitler-Zeit?

W i l l i : Wa?

M a r t a : In Hitlers-Tid, wat tau Hitlers-Tid west.

W i l l i : Das ging einigermaßen.

M y l ' n i k o v : War irgendeine Kontrolle damals für die Bauern?

M a r t a : Bei Hitler-Zeit? *{schenkt Kaffee ein}*

M y l ' n i k o v : Halbe Tasse, bitte. Danke. Na, was man machte damals, mich interessiert... genug, danke schön. Wie war es organisiert...

M a r t a : Sie?

I v a n o v a : Nein, danke.

M a r t a : Ja, trinken Sie mal noch.

M y l ' n i k o v : War ein Kontrolle von oben, in Hitler-Zeit? Und wie war es hier Wirtschaft organisiert? War ein Hauptmann oder jemand, ja ich interessierte mich bloß, wie war es in Hitler-Zeit die Wirtschaft in Dorf und Leben organisiert? War irgendein Kommissar oder ich weiß nicht ein Hauptmann?

M a r t a : Nee, nee. Gar nix, gar nix.

M y l ' n i k o v : Nein?

W i l l i : Hier die eine Glaisiner waren mit Hitler-Zeit und die anderen Kommunisten, alle Parteien, die hatten sich ganz einverstanden. Die waren friedlich.

M a r t a : Na, hier war weiter nix.

W i l l i : Die waren friedlich. Die hatten Feste zusammengefeiert. Da ob die Hitler gefeiert haben oder die... gefeiert haben, gefeiert hat das ganze Glaisin.

M a r t a : Essen Sie mal den Kuchen. Sie können sich gerne satt essen, ich hol' noch mehr, dann hole ich auch noch.

M y l ' n i k o v : Gute Kuchen, ja, gute Kuchen.

B e c k m a n n : Ja, in den dreißiger Jahren ging es der Landwirtschaft sogar ganz gut, dadurch dass da auch einiges an Vördergeldern rein als günstige Kredite so für Hausbau und so.

M a r t a : Ja.

B e c k m a n n : Da wurde vieles gemacht.

M a r t a : Ja.

B e c k m a n n : Es war eine kurze Blütezeit in Landwirtschaft.

I v a n o v a : Und waren hier irgendwann die Volkskundler? Wissen Sie nicht?

Volkskundler. Wossidlo oder Baumgarten, wir haben gehört in anderen Dörfern, die kennen es noch.

B e c k m a n n : Das sind die Wissenschaftler, die über die Dörfer gereist sind und die alten Bauernhäuser sich umgeschaut haben und mit den Leuten gesprochen.

M a r t a : Das war nicht so, ne?

B e c k m a n n : Ich habe gelesen, dass in den dreißiger Jahren nicht mehr so viele Bauernhäuser hatte. In 1950–60-er Jahren eigentlich gar keine.

M a r t a : Nee, waren die nicht.

I v a n o v a : Na ja, nach dem Brand 1858.

M a r t a : Dann ist der Dörferbaumarkt drin, das wurde...

W i l l i : Das Baumdorf...

M a r t a : Ich giss noch Kaffee ein.

M y l ' n i k o v : Nein, danke schön.

M a r t a : Der Kaffee muss alle werden. Sonst habe ich alle weggekriegt.

M y l ' n i k o v : Danke schön.

I v a n o v a : Придется.

M a r t a : Kuchen essen müssen wir auch noch.

M y l ' n i k o v : {lacht} Ich kann ehrlich sagen, dass die Kuchen sind ausgezeichnet. Danke schön!

M a r t a : Essen Sie mal noch! Kaffee noch jemandem zugießen?

B e c k m a n n : Jo!

{Marta lacht}

I v a n o v a : Bitte, Herrn Beckmann.

M a r t a : Ich hol' eine kleine Kanne. {geht fort}

{die Aufnahme wird unterbrochen}

M y l ' n i k o v : In Russland war es auch ähnlich. Ich erinnere...

{die Aufnahme wird unterbrochen}

M a r t a : ...nachher und Roggen, alles mit Kühe haben gepflugt.

M y l ' n i k o v : Ja, ja.

B e c k m a n n : Und bei den Pflügen sind es gab immer nur ein Scharpflug oder hatte man auch ein Hackenpflug für bestimmte Zwecke?

M a r t a : Hackenpflug? Was'st denn?

B e c k m a n n : Na ja, so 'n so 'n Pflug, der sozusagen kein Schar hat, das den Boden wendet, sondern nur zum aufreißen.

M a r t a : Ja, sowas gab's ja.

B e c k m a n n : Ah, ja!

I v a n o v a : Ja? Aber kein Holzpflug natürlich.

B e c k m a n n : Aus Metall.

W i l l i : Habe ich auch gehabt.

I v a n o v a : Und haben Sie alte Teile irgendwo?

W i l l i : Drei Scharpflug, ne? Diese...

M a r t a : Vom Pflug?

I v a n o v a : Vom Joch oder...

M a r t a : Pflug hat er noch.

W I I I I : Als Soldat habe ich noch ein Schar mitgenommen und...

B e c k m a n n : Wozu hat man diesen Hacken benutzt, also diesen... sagen wir, da gab's so 'n so 'n Pflug, der praktisch nur ein Zinken hatte, wo man einfach nicht umgewendet hat, sondern einfach nur die ... gezogen?

M a r t a : Nee. So 'ne hew wi nich hewt.

W i l l i : Was?

M a r t a : So 'n der bloß ein Zinken hatte, ein ... hatte.

W i l l i : Ein ...?

M a r t a : Ja, so 'ne hew wi hewt.

B e c k m a n n : Mit einem Schar, aber an dem richtigen...

M a r t a : Ja, so denn richtig...

B e c k m a n n : also, der hat schon das Schar, das sozusagen den Boden auf dem...

M a r t a : Ja, den so 'rum.

B e c k m a n n : Ja, so 'rum, also kein... Denn es gibt ja noch... also es gab ja in manchen Regionen zum Beispiel auf Rügen oder so hat man ja noch, hat man so 'n so 'n Pflug benutzt, der so... ist ja eigentlich kein Pflug, sondern das nennt man Hacken, der bloß nur einen Zinken drin ist...

W i l l i : ...vier, fünf, sechs Hacken hat. Der hat ja nur dat durchgerissen. Ne?

B e c k m a n n : A ja.

M a r t a : Ja, so eins hatten wir auch.

B e c k m a n n : Wo hat man den gebraucht? Also, für bestimmte...

W i l l i : Ja...

M y l ' n i k o v : Sind diese Geräte bei Ihnen geblieben?

M a r t a : Ja.

M y l ' n i k o v : Kann man sehen? Bei Ihnen?

W i l l i : Ich habe keine mehr.

M a r t a : Wir haben kein mehr, ne?

B e c k m a n n : Damit man Foto machen kann...

M y l ' n i k o v : Bloß interessant diesen Hacken zu sehen, ja. Wie er aussah.

B e c k m a n n : Man brauch es eigentlich nicht mehr, ne?

M a r t a : der ist hinweggekommen nachher, n'? Trinken Sie noch Kaffee?

M y l ' n i k o v : Nein, danke schön!

{alle lachen}

M a r t a : Vielleicht Sie noch?

N o v i k : Ich habe noch.

I v a n o v a : Ich hab' noch, danke.

W i l l i : Dann nachher, als in Mitte der 1960-er danach kamen die Pflüge, die großen Träger...

{die Aufnahme wird unterbrochen}

M y l ' n i k o v : ...Pflug mit Hacken gebraucht?

B e c k m a n n : Man hat ihn hier nicht gebraucht.

I v a n o v a : Man hat ihn hier überhaupt nicht gebraucht.

M y l ' n i k o v : Überhaupt?

B e c k m a n n : nee, nee.

M y l ' n i k o v : Ich habe nicht so verstanden, als sie über Kuh sagte, dass hat man Kuh...

I v a n o v a : Hacken gab's ja nicht.

M y l ' n i k o v : Nein? Aber da möchte ich noch mal Frage stellen, über Hacken, ja? Also, als Sie sagten, dass noch vor dem Krieg und während des Krieges statt Pferd man Kuh gebraucht... {die Aufnahme wird unterbrochen} Aber ohne Hacken? Es war Pflug nur? {die Aufnahme wird unterbrochen}

I v a n o v a : Frau Fehlandt, haben Sie es selbst gestickt? Die Bilder?

M a r t a : Ja. Macht Spaß. Die Dinge habe ich ausgestickt. Ich habe noch mehr Arbeiten.

W i l l i : Die gestickte? Handarbeit! {die Aufnahme wird unterbrochen}

B e c k m a n n : Und was machen Sie mit dem...

M a r t a : Socken.

B e c k m a n n : ...und dann die Socken?

M a r t a : Socken und weiß ich gar nicht mehr, für so was hier.

I v a n o v a : Und wo kriegen Sie Wolle? Fürs Spinnen?

M a r t a : Ich hab noch welche.

B e c k m a n n : Schafe? Oh, gut.

M a r t a : Nee, Schafe haben wir nicht...

W i l l i : Haben wir immer selbst gehabt.

M a r t a : Schafe und denn habe ich da vorne einmal ein aus... zwei Säcke voll Wolle.

W i l l i : Zwei Schafe hatten wir auf dem Hof und dann eine.

B e c k m a n n : Ja.

M a r t a : Einen Sack habe ich, ein Sack sollte ich aufspinnen, und den habe ich noch. Ich mache im Winter noch wieder was.

W i l l i : Schafe war ja Mode hier auf dem Hof. Schafe muss es gehen.

B e c k m a n n : Ja.

M y l ' n i k o v : Kann ich Ihren Garten ein wenig sehen?

M a r t a : Ja.

M y l ' n i k o v : Bloß auf paar Minuten will ich draußen gehen.

M a r t a : Ist so nicht sauber, habe ich nicht sauber gemacht. Muss ich erst sauber machen.

{ die Aufnahme wird unterbrochen }

I v a n o v a : Wahrscheinlich. Nee.

W i l l i : Da. Da ist der Kerl. Komm' ma' her, Guno! {es kommt der Dackel 'reingelaufen}. Nee, mein Schwiegersohn, der macht aber bei der Jagd.

B e c k m a n n : Ach, so.

W i l l i : Und geht von der Arbeit auf die Jagd, bringt den mit, den Kleinen.

B e c k m a n n : Und haben Sie auch gejagt?

W i l l i : Ich nicht. Dafür hatte ich keine Zeit.

B e c k m a n n : Jo.

I v a n o v a : Aber manche machen jetzt hier doch, die Jagd?

W i l l i : Ich kenne denn schon viele, die noch auf die Jagd gehen, ne?

I v a n o v a : Was gibt es hier für Wild?

W i l l i : Wa?

I v a n o v a : Was gibt's hier für Wild?

B e c k m a n n : Was für Wild hier vorkommt?

W i l l i : Was für Wild?

B e c k m a n n : Ja.

W i l l i : Rehe und Wildschweine.

B e c k m a n n : Rehe und Wildschweine. Aber viel wahrscheinlich?

W i l l i : Eigentlich nicht so viele. Wir bei meinem Vater... Wir hatten dann zu Hause 10–12–15 Kühe, und mein Bruder war drei Jahre jünger, und der hatte einen Hornkaten...

I v a n o v a : Hornkaten?

W i l l i : Ja. Nee, sag' mal! Da haben wir Kühe gehütet.

M a r t a : Ha, Guno! Komm' ma' her!

W i l l i : Hunde sind ja hoch entwickelt. Tun Sie was hier? {in der Zeit fingt Novik an zu filmen}

N o v i k : Ja, ja. Mit Kamera. Mache ich. Ein Film.

B e c k m a n n : Er fotografiert.

W i l l i : Er fotografiert?

I v a n o v a : Ja.

W i l l i : Und da haben die Rehe und Hasen beim Ort, bei den Kühen... dass sie die Kühe gejagt, haben die gejagt! Und Wald denn da, Wald dahinten, wenn Sie da sehen auf der Karte, und dann kam der Hase abends kurz bei 5–6 nach Hause, da waren die Rehe bei uns bei den Kühen. Gerade 20 cm und 10 mm. Da haben sie gequält. Ja! Früher gab's doch noch etwas mehr Wild. Hasen und so.

B e c k m a n n : Ja... jetzt, jetzt bemühen sich die Jäger das Wild kurz zu halten. Das darf nicht zu verbiss, geht nicht.

W i l l i : Wat?

B e c k m a n n : Die Jäger bemühen sich ja viel Wild zu schießen, das darf nicht zu verbiss gehen.

W i l l i : Ja, ja.

B e c k m a n n : Ja, das ist schon...

{die Aufnahme wird unterbrochen}

B e c k m a n n : Beides zusammen.

W i l l i : Ah, ja, ja.

B e c k m a n n : Ich kenne das noch vom Dorf so, dass es eine Wohnstube gibt und eine gute Stube.

W i l l i : Dies hier... früher gab's hier die Stube, und da vorne war eine Kammer abgestellt. Die ... noch stehen, n? Und fürs Schlafen war das, ne?

B e c k m a n n : Ja, ja.

M a r t a : {Kommt mit einem Spinnrad} Das ist mein Spinnrad.

I v a n o v a : Aha!

N o v i k : Sehr schön!

M y l ' n i k o v : Das ist alte oder neue?

M a r t a : Neu.

M y l ' n i k o v : Neu, ja?

M a r t a : Habe ich zusammen gekauft.

I v a n o v a : Was ist die gute Stube? Für die Gäste oder?

B e c k m a n n : Ja, also, gute Stube, so kenne ich das, ist wirklich nur für Gäste. Wenn irgendwas besonderes ist. Die gute Stube wird auch meistens ganz...

W i l l i : ...unsere Küche ist ziemlich groß, Essen und alles, machten wir alles in der Küche.

B e c k m a n n : Ach, so. Und meistens das Leben...

I v a n o v a : Warum nicht geheizt?

B e c k m a n n : Weil die so selten benützt wird.

I v a n o v a : Aha.

B e c k m a n n : Und das Leben fand meistens in der Küche statt. Gut, bei der Küche meistens...

I v a n o v a : Und Wohnstube?

B e c k m a n n : Ja, das ist... da sitzt man denn abends dort.

I v a n o v a : Ja, dann wird sie auch geheizt.

B e c k m a n n : Ja, ja.

{die Aufnahme wird unterbrochen}

{Ende des Interviews}

10 октября, вторник

Из дневника Мыльников

С утра хмуро, временами весь день то шел дождь, то проглядывало солнце. Разговор с **Фридрихом Янке**, рекомендованным местным пастором Туттасом. Замечу, что фамилия эта распространенная. Когда-то, в 1998 г., я сперва принимал ее за имя (первого Янке встретил в шверинском скансене). Интересующего нас Янке нашли около его дома, примерно в центре Лаупина: он сгребал листву под корм свиней, но не своих, а сына, живущего в другой деревне. Общее знакомство: он был мобилизован и воевал на Восточном фронте. Находился в Крыму, под Смоленском, Ржевом, Минском, Пинском («Я был там не по доброй воле, иначе меня бы расстреляли»). В конце концов пригласил нас вечером, часов в 6–7 навесить его.

К 15 часам, как и было договорено с неизменно подкупающей меня немецкой пунктуальностью (терпеть не могу нашей славяно-расейской расхлябанности, увы) появились **Розе-Мария Мальхов** и **Хассо Хоффманн**. Немного подготовились: Саша, который любит и умеет организовывать разного рода приемы, при некотором Юлином участии приготовил стол, за которым мы и беседовали. Мне хотелось узнать, например, знают ли они сельчан с генеалогией до XVII в.? С кем мы еще могли бы встретиться? К сожалению, по первому вопросу пусто. По второму были названы лаупинские семьи: **Werner Mierow** (отец нашей хозяйки) и фрау **Wiedow**. Обе фамилии явно вендского происхождения. Мальхов сообщила, что деревенские праздники проводились и в ГДР, но их регулярность и размах зависели от инициативы организаторов. На наше замечание о том, что приходилось слышать об обратном, она ответила, что характер информации зависит от личной позиции ее носителя — за или против ГДР. Со своей стороны, она интересовалась, где лучше жить простому человеку: в СССР или в современной России. В ГДР рачительные хозяева смогли скопить деньги, и здесь они знают одного из таких, кто скупил более 1000 га. По ее словам, по-настоящему земельная реформа была проведена только в Восточной Германии (для памяти отмечу, что это не совсем так). Но созданные в ГДР сельхозкооперативы (LPG) сохранились, лишь немногие вышли со своими земельными паями, обычный размер которых 20–30 га. Для ведения хозяйства этого мало, поэтому такие люди сдают свои участки арендаторам, а сами уезжают на работу в другие города. Насчет самосознания оба наши собеседника подтвердили то, что мы уже знали: оно носит земский характер, связанный с существованием правящей до 1918 г. династией славянского происхождения. Между прочим, в Доберане на сте-

не ныне разрушенного древнего монастыря была надпись, опубликованная еще в XIX в.: *Knese Jancke Herzog Heinrich*. Что это обозначало, осталось неясным.

Из дневника Ивановой

Наутро Профессор тоже решил проявить себя. И договорился об интервью со старожилом Лаупина Фритцем Янке. Его мы встретили на улице за уборкой листьев. Однако этот пожилой человек с прищуренными глазами не пожелал с нами общаться: сперва предложил перенести разговор на шесть вечера, а потом позвонил и сказал, будто забыл про какой-то день рождения и отменил встречу вообще. So! Feierabend.

В 15 часов ждем к нам на обед двух уважаемых людей, урожденных лаупинцев: фрау Розу Мальхов и учителя Хассо Хоффманна. Для этого мы по здешним обычаям накрыли чайный стол и испекли шарлотку из яблок, которые растут прямо под нашими окнами.

Фрау Мальхов и господин учитель оказались очень приятными собеседниками и просто симпатичными людьми. Они — авторы брошюры к 500-летию Лаупина: учитель Хоффманн и бывшая ученица Роза Мальхов. 500-летие деревни Лаупин праздновали в 1998 г. Роза родом из этой деревни, дом ее родителей находился на бывшей *гуде* XI — это один из двух сохранившихся старых крестьянских домов-дворов Лаупина, принадлежавший семье Лют. Девичья фамилия Розы тоже Лют (от нижненемецкого *lütt* — ‘маленький’). Дом был построен в 1687 году, и до сих пор в нем живут. Когда родители Розы развелись, отец переехал жить в другой дом (тот, что находился на *гуде* IV и был построен в 1651 г.). У деда было восемь детей, поэтому теперь огромное количество внуков и племянников приезжают каждый год в Лаупин в отпуск, и каждый желает посмотреть на дом предков. Семья из Гамбурга, которая теперь владеет домом и приезжает только по выходным, вынуждена исполнять каждое такое желание.

Фотодневник

F-8. В-3 Лаупин. Крестьянин Фритц Янке.

11 октября, среда

Из дневника Ивановой

Сегодня снова уехал профессор Мильников, на сей раз в Росток на встречу с Кристофом Шмиттом. А мы, проводив его до поезда в Людвигслуст, вновь едем проявлять наказуемую инициативу.

Сегодня нас ждет наша вчерашняя гостья фрау Роза Мальхов у себя дома, и мы поспеваем как раз к завтраку. На завтрак фрау Мальхов приготовила богатый стол: здесь не только традиционный кофе с булочками, но еще и салат из помидоров, свиные тефтели с жареным луком, сыр, сырокопченая шинка и виноград. Хозяйка советует нам обратиться к госпоже Вильме Видов из Лаупина и побеседовать с ней. Дом ее родителей мы тоже можем посетить, она будет этому очень рада.

Позавтракав с Розой и получив от нее презент — бутылку вина и медовухи — мы отправляемся в деревню Люббendorф. Хайко, путешествуя однажды по окрестностям, обнаружил эту заброшенную деревушку и захотел показать нам. Люббendorф оказался деревней с ярко выраженной формой *рундлинга*. Центр Люббendorфа образует кольцо дорог и округлый сквер, он называется *бауэрринг*. В центре сквера находится памятник героям первой мировой войны — как практически везде в Ябельхайде. Здесь полностью сохранилось первоначальное ядро, которое составляют шесть крестьянских домов-дворов постройки второй половины XVIII в. и один сарай. До сих пор нам не приходилось видеть деревню в Ябельхайде, где бы так хорошо сохранилась первоначальная застройка и планировка. Два дома в центре деревни в настоящее время пустыют, в других еще живут крестьяне, и по двору расхаживают важные гуся.

Один из домов постройки 1770-х годов представляет собой типичный пример нижненемецкого (мекленбургского) типа дома-двора. Его жилая часть до сих пор заселена, она обращена во двор и не видна с площади. На поперечной балке ворот все еще различима надпись с годом и благословением «всех входящих и выходящих». Крыша крыта соломой, частично солома заменена резиновыми волнистыми листами. Соседний дом датируется приблизительно началом XIX в. (ок. 1800 г.). Дом пустует и разрушается. Техника строительства — фахверк с заполнением межбалочного пространства глиной и рудным камнем, позднее частично замененным кирпичом. Дом рядом наиболее хорошо сохранился в своем первоначальном виде. Крыша крыта асбестовыми пластинами, техника строительства — *фахверк*. Межбалочное пространство заполнено смесью глины с рудным камнем, на левой стороне обновлено кирпичом. На фасаде — ворота — въезд в *диле* и две ка-

литки, ведшие в помещение хлебов. На поперечной балке ворот сохранилась еле различимая надпись: DEN 23 APRILIS ANNO 17... Судя по укороченной вальмовой крыше и открытому фасаду дома — поздняя форма северонемецкого (мекленбургского) деревенского фахверка. Чуть далее находятся жилой дом и сарай перед ним, крытый тростником. Постройка относится к 1930-м годам. Другой новый дом нижненемецкого типа построен целиком из кирпича, крыша черепичная.

Далее наш путь лежит в бывшую помещичью деревню Фольцраде. В сердце Ябельхайде помещичьих деревень практически не было из-за малой продуктивности сельского хозяйства — земля здесь бедная и очень неплодородная. Здесь, в местности, имелось лишь три помещичьи деревни: Фольцраде, Бенц и Йессенитц (название от славянского «яшень»).

Помещичьи деревни находились лишь на окраине региона, и Фольцраде — это, можно сказать, самая западная окраинная точка Ябельхайде. Помещичьи деревни Мекленбурга имели форму буквы «Г»: дома поденщиков (Tagelohnerkatzen) располагались вдоль единственной ведущей в деревню дороги, которая заканчивалась тупиком — усадьбой. С тех пор облик деревни изменился, в XX в. здесь появились новые дворы, но в усадьбе Фольцраде хорошо сохранился весь комплекс: надворные постройки, парк и большой помещичий дом. Мы поднимаемся по лестнице дома к его владельцу Хуго фон Шлихтегроль-Пентцу, потомственному дворянину.

Он собирает легенды и истории, рассказываемые местным населением, выпускает сборники. «Es war schon zur Wendenzeit» (это было уже во времена вендов) — так говорят здесь, если речь идет о далеком прошлом. Кто из крестьян более начитан, для того понятие «Wendenzeit» аналогично выражению «очень давно, давным-давно».

Здесь, в Ябельхайде, нет камней, гранитные валуны — большая редкость. Однажды один крестьянин пахал свое поле и нашел там камень. Сказал, «von der Franzosentid» (времен французов, что значит «очень старый»), хотя на самом деле камень оказался более древним, и в действительности его возраст оценили в 4–6 тысяч лет. Сейчас камень находится в парке Хуго фон Пентца.

Недалеко от Фольцраде есть лесная дорога, которая ведет к старой заброшенной деревне Рамм. Рамм известен в регионе как погибшая деревня (untergegangenes Dorf). По крайней мере, один раз в своей истории деревня исчезала с лица земли из-за песчаных бурь, пронесившихся часто в Ябельхайде. Тогда и люди, населявшие Рамм, и постройки исчезли в одночасье. Все пахотные угодья были занесены песком — и больше не было смысла оставаться на этом непригодном для жизни месте.

Название региона *Гризе Гегенд* относительно новое, появилось оно не более ста лет назад, а раньше не было известно населению. Традиционно местность все же называлась Ябельхайде, как мы ее и знаем.

Хуго продолжает рассказывать о необычных находках в Ябельхайде. Финикийский каменный идол «Эла Габаль» в форме большой кегли был найден между деревнями Рамм и Кваст. С этим камнем связано сказание о золотой колыбели, внутри которой был найден круглый камень, походивший на мельничный жернов. Так, согласно сказанию, представляли себе древние насельники Египта и Месопотамии солнце. Это значит, что в этой местности были финикийцы. Возможно, это были купцы, торговые люди, которые двигались по своим торговым путям и дошли до Приэльбья.

Венды в Ябельхайде занимались выплавкой железа из болотных руд — пористого тяжелого камня, который здесь залегает в земле неглубоко и вполне доступен. Но это занятие сошло на нет по причине исчезновения леса: для добычи железа из болотного рудного камня требовалось топить плавильные печи дровами, и однажды все лесные уголья были истреблены. А из-за уничтожения славянами лесов и почвы пришли в негодность, образовались пустоши, часто возникали песчаные бури. Ведь и сегодняшний лесной массив Ябельхайде — «яблонева пустошь» — был засажен хвойным лесом недавно, лет 200 назад.

До сих пор не понятно до конца происхождение местных топонимов Фольцраде и Пагакес. Господин фон Пентц задает нам вопрос: не славянские ли это названия?

Фольцраде знаменито тем, что здесь есть янтарь. Отец Хуго фон Пентца собрал в свое время целое ведро шариков янтаря, причем специально он его не искал.

Мы говорим и о суевериях. Еще в 1980-е годы в Ольденбургской земле (Шлезвиг-Гольштейн) случилась такая история: христианский пастор, получивший в распоряжение один приход, понятия не имел о существовании верования, что во время двенадцатидневья нельзя вывешивать на улицу бельевую веревку, иначе в деревне будет висельник. И Хуго фон Пентц вынужден был объяснить пастору этот обычай. В Мекленбурге этот запрет известен и сейчас, тогда как на западе о нем уже забыли. Наш знакомый пастор Туттас, будучи в Померании, тоже однажды нарушил этот запрет, и пожилая хозяйка сделала ему выговор. В Мекленбурге рождественскую ель принято вносить в дом через дверь, но выбрасывать нужно непременно через окно. Если в доме есть покойник, то закрывают материей все зеркала.

Сказание о старом городе Рамм

«Раньше рассказывали: однажды шел пожилой крестьянин из Йессенитца в Рамм. Он отправился в путь поздним вечером, и уже начинало темнеть. Он боялся, но все же продолжал путь. И вот он

уже вошел в лес. Стало еще темнее, но он шел дальше. И вот опустилась ночь, наступила кромешная тьма, и вдруг он видит свет. “Ну вот и первый дом Рама”, — подумал себе крестьянин. Он подошел к дому, но дом был совершенно пуст. Он двинулся дальше и узрел еще несколько домов, ярко освещенных, но абсолютно пустых. Никого не было видно, ни одной живой души. И тут он подошел к церкви и увидел, что все жители Рамма собрались там, и увидел пастора, который читал проповедь, поднимал руку, обращаясь к пастве, но ни единого слова не было слышно. Тогда крестьянин подошел к колоколу и дернул бечеву, но с первым ударом колокола все исчезло. Он рассказал о своем видении в деревне, и люди сказали: “Мы знаем, это был старый Рамм”. В центре деревни [Рамм] был колодец — такой глубокий, что, заглянув в него, можно было увидеть обратную сторону земли.»

Легенда о колоколах церкви Ябеля

«Вместе с городом Рамм погрузилась в землю и церковь, и ее колокола. Часто люди слышали по ночам в полнолуние звон колоколов Рамма из-под земли, особенно в Иванову ночь. Когда же строили церковь в Ябеле, оказалось, что нет колоколов. И тогда жители Ябеля вспомнили о колоколах Рамма и решили поднять их из-под земли. Долго советовались; одни говорили, что нужно выкапывать их при полном молчании, другие утверждали, что обязательно нужно прошептать молитву, а в повозку запрячь шестерых черных коней. Наконец, удача улыбнулась искателям, и после долгой и тяжелой работы колокола появились на поверхности земли. Однако никак не удавалось погрузить их на телегу; затем шесть крепких черных быков не двигались с места. Все попытки были безуспешны. Вдруг перед повозкой возник седобородый старик, который сказал: “Все равны перед Богом, и вы тоже, и прежде чем вы прочитаете тихо “Отче наш”, не тронется повозка”. Затем старик произнес заклинание, и быки легко дотащили колокола до новой церкви Ябеля. На том месте, где откопали колокола, нет песка в почве. Рассказывают также, будто здесь зарыты золотые талеры».

Католический пастор Тебель, Петрус Е. XVII век. С его именем связана история конца периода Реформации: говорят, что однажды люди видели в церкви перед алтарем волка. Он зашел за алтарь, и в тот же момент с другой стороны из-за алтаря появился пастор Тебель. Когда он крестил детей, произносил католическую формулу крещения на латыни «ego teo baptisto», и людям слышалось слово «папист». Поэтому все считали, что пастор Тебель

был паптистом и крестил многих детей именем дьявола. После этих рассказов люди учинили восстание.

Легенда о провалившейся церкви

«Недалеко от деревни Филанк находится одно болотистое место, которое народ называет не иначе, как “Kirchversunk” (исчезновение церкви под землей). Еще до начала XII века монахи пришли с берегов Эльбы в эти места и построили маленькую избушку [и маленькую церковь], здесь они жили и обращали людей в христианство. Потом пришли венды-язычники и уничтожили монахов. Церковь, что была на этом месте, ушла под землю. На самом деле там и до сих пор видна огромная яма диаметром около 100 м, возле которой я еще ребенком часто бывал. Сейчас это закрытая зона военных учений Бундесвера, и чтобы попасть сюда, нужно выписывать пропуск».

Господин фон Пентц комментирует события легенды: язычники приносили жертвы черным, злым богам, чтобы те не причиняли людям зла. Христиане же делали наоборот: они почитали доброго и поносили злого бога (сагану). Это было трудно понять язычникам и привыкнуть к этому.

Сказания, истории и легенды, которые Хуго собирает, он знает из старых собраний или слышал от местных жителей. Общее количество собранных преданий он не может навскидку оценить. Эти сказания не ограничиваются областью Ябельхайде, конечно, они не конкурируют с собраниями братьев Гримм, но пара сотен наберется. Хуго фон Пентц занимается историей региона, уже издал первую часть собрания легенд и преданий. Это занимает немало времени, потому что все он вынужден делать в одиночку. Свои предания он почерпнул от пожилых крестьян, учителей — тех, кому уже за 80. Это не только женщины. И мужчины тоже знают много преданий и могут их рассказать. Но, конечно, женщины лучше умеют рассказать и сохранить сокровища легенд, потому что у них лучшее чутье, они тоньше чувствуют предание. «Рассказывать всякие истории — это дело женское». Естественно, все легенды и предания были рассказаны Хуго на нижненемецком, он же перевел их на литературный язык и так издает. До сих пор многие предания и легенды рассказывают местные старожилы, и даже их внуки знакомы с этим фольклорным богатством. К счастью, молодое поколение интересуется этим, охотно спрашивает, слушает и читает. Но те поколения, что долго жили при ГДР,нисколько преданиями предков не интересуются. И таким образом, считает наш собеседник, это наследие неписаной истории передается через поколение, непрерывность трансляции нарушена.

Да, здесь были венды, и они очень долго сохранялись в этих местах — до XVII в. Но если они и говорили по-славянски, то это была устная речь, и

поэтому их лексика не была зафиксирована письменно, и нет памятников их языка, и все таким образом забылось. Старики в деревнях еще хорошо говорят на своем диалекте, если с ними говорить на *платтдойч*, они очень радуются, всегда оценят это. Новые поселенцы и молодое поколение уже не знают родного языка.

У господина фон Пентца мы сидим за старинным круглым столом в просторном кабинете и пьем настоящий фризский чай со сливками и сахаром-кандис. Прозрачного стекла чайник согревается на подставке над пламенем чайной свечи, отбрасывая янтарные отблески. По фризской традиции, которую Хуго фон Пентц привез с собой из изгнания, сперва в чашки кладут кусочки крупного нерафинированного сахара, затем наливают сливки и в последнюю очередь — ароматный черный чай.

Фамилия Пентц по документам прослеживается в Фольцраде более 600 лет, а в регионе — с 926 г. и, по словам господина фон Пентца, происходит от польского «ран». *Panisc* — так звучало это имя первоначально. Фамилия фон Пентц прослеживается по документам.

Предки Хуго фон Пентца были здесь помещиками, владели землями, и этот дом принадлежал им. Они были покровителями приходской церкви в Альт Ябель. Поэтому во время празднования 700-летнего юбилея деревни старый пастор, которого звали Фритцше, особо выделил и торжественно поприветствовал с кафедры Хуго фон Пентца, потомка донаторов. Особенно чит Хуго пословицу «Кто пфенниг не уважает, тому и талер не дорог» (*Wer Pfennig nicht ehrt, dem ist der Taler nicht wert*).

Хуго фон Пентц охотно отвечает на все наши вопросы, рассказывает, показывает фамильные раритеты, документы. С заметной гордостью вытаскивает ленную грамоту Фридриха Вильгельма, дарованную фон Пентцам в 1669 г., со старинной сургучовой печатью.

В первые годы после войны, когда была образована ГДР, Хуго фон Пентц вместе с семьей вынужден был переехать на запад. Все время своей эмиграции Хуго продолжал заниматься историей и собиранием фольклора. Его отец спрятал семейный архив и всю библиотеку в солому, когда они покидали в 1940-е Мекленбург, и дал поручение одному крестьянину все тюки переслать ему через границу. Крестьянин заполнил книгами картонные коробки — их были сотни — и за два года все переслал на запад. Так был спасен семейный архив. У Хуго в собрании есть и знаменитые карты Шметтау, где в подробностях указаны все населенные пункты, уголья, покосы и наделы Ябельхайде, нанесены все известные топонимы и микротопонимы региона. Сейчас одна такая карта оценивается антикварами в 12 000 ДМ. После *Vende* 1989 г. — возвращение обратно в родной дом. Хуго выкупил свой дом, тогда он был в плачевном состоянии, необходима была реставрация. Хозяин

показал нам целый альбом фотографий, посвященных дому: его прежнее состояние при старых владельцах, обветшалые стены и обвалившиеся лестницы до реставрации 1990 г. и современное состояние. Ныне здесь находятся квартиры, которые хозяин сдает в наем. Сам он живет во втором этаже, в холле перед входом в его квартиру выставлены макет усадьбы, старинная железная и медная утварь.

После визита к дворянину фон Пентцу мы едем в Требс. На улице уже стемнело, деревню Требс, отмеченную на всех старых картах Ябельхайде, нам не найти — все дома в ней уже современные, перестроены или вовсе построены заново во второй половине XX в.

Следующий пункт нашего ночного путешествия — деревня Пробст Йезар. Здесь находится единственное в Ябельхайде озеро. Вообще, озера не характерны для этой песчаной вересковой местности. Да и само название деревни говорит о необычности этого природного объекта: Jesar это славянское «озеро» (пол. jezero, чеш. ježero). Из старых построек в деревне, по всей видимости, сохранился только один не очень старый дом да один сарай. Оба строения — фахверк, однако хорошо различить детали в темноте не удалось. Поскольку озеро в регионе единственное, о нем должна быть легенда.

Из дневника Новика

Сегодня мы поехали по приглашению госпожи Мальхов (Malchow) к ней в гости в г. Людвигслуст. Она приезжала какое-то время назад к нам в Лаупин. Теперь сочла долгом принять нас у себя. У госпожи Мальхов прозрачная славянская фамилия. Однако она этого не чувствует. Говорит, что в округе много людей с такой фамилией. Нынешней осенью проходит олимпиада 2000 г. в Австралии, в г. Сиднее. В местной газете я читал репортаж с олимпиады. И видел, что одним из призеров олимпийских игр стал спортсмен из США Мальхов (Malchow). Понятно, что это потомок выходцев из данного региона Германии. Фамилия узнаваема.

Фрау Мальхов живет в Людвигслусте в новом доме недалеко от исторического центра. Она занимает квартиру в трехэтажном кирпичном доме. Весь дом рассчитан на три большие квартиры, каждая из которых занимает один этаж. Когда мы подошли к подъезду, я прочитал фамилии хозяев квартир. На первом этаже живет семья Левин (Lewin). Лестница в доме очень чистая, все аккуратно убрано, лежит симпатичная дорожка.

У нашей хозяйки большая просторная квартира. Нас проводили в парадные комнаты. Две совмещенные комнаты образуют столовую и гостиную. В них стоят схожие стенки. Такая корпусная мебель — мода прошлых лет.

В столовой стоит стол со стульями. В гостиной — кресла и проч. Обставлено все однотипно. Вещи, которые украшают квартиру, эклектичны. Однотипная мебель и разнотипные украшения интерьера бросаются в глаза. На полу лежат две шкуры дикого кабана. Обращает внимание любовь хозяйки к цветному стеклу. Посуды из него в доме много.

Фрау Мальхов показала нам свою квартиру. Она просторная, на весь этаж. Очень мило обустроена ванная комната. Она облицована кафелем под серый мрамор, и здесь расставлено множество розовых предметов.

Нас пригласили к 10.30 утра. Но хозяйка успела приготовить к нашему приходу целое пиршество. Она уговорила нас сесть и поесть. На столе были котлеты с луком, копченое мясо, сыр, помидоры, вино и масса всего другого. К подобному столу в такое раннее время мы были не готовы. Хозяйка явно хотела отблагодарить нас за прием у нас в доме. Мы мило беседовали на светские темы. Она сожалела, что мы с Юлией не женаты, и пожелала нам создать семью, раз уж мы работаем вместе.

Перед отъездом хозяйка подарила нам две бутылки спиртного.

После визита в город мы поехали в деревню Люббендорф (Lubbendorf). Там сохранилось большое количество старых домов. Мы снимали на видео и фотокамеру. Село интересное, но какое-то совсем запущенное.

Из деревни мы поехали в имение Хуго фон Пентца (Hugo von Pentz). Он живет в господском доме (Gutsherrenhaus). Это большая редкость. В большинстве имений бывших аристократов в Германии теперь размещаются общественные учреждения, как то музеи, концертные залы, отели, дома отдыха и т.п. Практически все замки превращены в национальное достояние. Мало кому из прежних владельцев удалось сохранить за собой право на проживание в родовых имениях либо суметь поддержать в должном состоянии дворянские усадьбы.

Хуго фон Пентцу это удалось. Господский дом трехэтажный. Перед домом красивый ухоженный газон. За домом разбит сад. В саду сооружен лабиринт, представляющий некое таинственное святилище. Здесь же в саду выставлены картины.

Господский дом очень большой. Центральный вход ведет в жилище фон Пентца. Есть еще черный вход. Лестница от него ведет в квартиры жильцов, которые снимают у владельца. Мы вначале перепутали входы и даже подумали, что приехали не к аристократу, а в дом престарелых, который находится рядом. В итоге выяснили, что в апартаменты хозяина ведет главная лестница.

Дверь нам открыл сам господин фон Пентц. На нем были темно-серые брюки, белая сорочка, серая кофта-кардиган, коричневые кожаные туфли. На пальце руки тонкое обручальное кольцо. Хозяин седой.

В доме просторный холл, он занимает пространство от стены, где главный вход, до противоположной стены, в которой также прорублена остекленная дверь. Холл получается весьма просторным.

Нам предложили пройти в гостиную. Это очень большая комната с тремя окнами. Высокий потолок, под которым висит весьма скромный абжур. В комнате несколько книжных шкафов, круглый стол, диван, три кресла. Нас пригласили сесть в угол, где стоит диван. Рядом с диваном большой торшер. В комнате есть еще один круглый стол, вокруг него четыре дубовых стула, обитых тканью под цветастый бархат.

Полы гостиной обтянуты покрытием, поверх которого лежит красный ковер. На полу красуется еще один маленький коврик.

На стенах висит много старинных картин и портретов. Также висят фарфоровые тарелки круглой и овальной формы. На окнах красные портьеры без тюля. На подоконниках стоят цветы в горшках.

В углу на маленьком столике стоит небольшой телевизор с видеомagni-тофоном и тюнером спутниковой антенны. Рядом стоит старый телевизор. На стене висит огромная реклама авиакомпании «Lufthansa».

Разговор с нами фон Пентц начал с того, что достал из шкафа и показал книгу Егорова о немецкой колонизации Мекленбурга. Это издание в двух томах вышло в 1930 г. Редкая книга. В книге мы нашли вложенную бумажку. На ней напечатано: «Это одна из ценнейших книг моей библиотеки. Была строжайше запрещена нацистами. Принадлежит архиву семьи». Тома книги в роскошном переплете.

Показ книги фон Пентц сопровождал рассказом. На протяжении многих веков его семья собирала библиотеку. Во времена нацистов многие книги были запрещены. В том числе под запретом был и труд Егорова. Однако фон Пентцы не очень жаловали нацистов и их идеологию. Книгу они сохраняли. Когда в Мекленбург пришли советские войска, отец Хуго решил перебраться в западную часть Германии. Перед поспешным отъездом он вывез все книги из библиотеки и спрятал в поле. Одному проверенному крестьянину он дал денег и попросил переслать ему все книги посылками на новый адрес. Человек оказался надежным. Он постепенно, чтобы не вызвать подозрений, из месяца в месяц пересылал своему бывшему патрону его книги. И так за какое-то время вся библиотека была переправлена из Восточной Германии в ФРГ бывшему хозяину. Так как книги пересылались небольшими посылками, это не вызвало подозрений у властей социалистической Германии.

Фон Пентц может очень многое рассказать о славянском прошлом Мекленбурга. Его знания имеют, конечно, книжное происхождение.

Хозяин предложил нам чай. Вначале налил чай, потом предложил концентрированное молоко (Kondensmilch). Именно в такой последовательности! Это грубое нарушение этикета чаепития. Знатоки никогда не добавят

молоко в уже разлитый по чашкам чай. Правила этикета требуют налить в чашку молока, а затем наливать чай. Но немецкие аристократы — это не английские. И у немцев основной напиток кофе. Как управляться с чаем, не знают у немцев даже аристократы.

Стекланный чайник с заваркой фон Пентц поставил на металлическую подставку со свечой для постоянного подогрева. Хозяин подал чашки и блюдца из фарфора с ручной росписью. Принес сигареты и зажигалку. Зажигалка пластмассовая, что тоже не комильфо, тем более для аристократа.

Хозяин предложил нам сигареты, затем ходил еще и поставил воду для чая. Он очень гостеприимный. И в меру сдержанный. Все его действия продуманы. Он словно несет на себе печать многих веков аристократии.

Хуго фон Пентцу 70 лет. Семь с половиной лет назад у него умерла жена. Они жили в Западной Германии. После падения Берлинской стены вернулся в Восточную Германию. В его родовом имении устроили сельскохозяйственный кооператив. На ставших коллективными землях трудились сельскохозяйственные рабочие, приехавшие из разных мест. Родительский дом превратили в многоквартирный дом кооператива. Люди, конечно же, не беспокоились о состоянии дома. Кругом была разруха, что странно даже для ГДР. Хуго фон Пентцу пришлось выкупать отчий дом у проживающих. Немецкие законы не предполагают возврата бывшего имущества, отторгнутого во время строительства социализма. Немецкие законодатели сочли, что возврат собственности, как земельной, так и недвижимой, может привести к большой напряженности в стране. Поэтому произошедшие в Восточной Германии процессы национализации и коллективизации собственности не имели в объединенной Германии обратного хода. Так, если рабочие сельскохозяйственного кооператива отказывались от коллективной работы на землях, то на них имели права претендовать бывшие владельцы. Если работа кооператива продолжалась, то земля оставалась в собственности кооператива. Поэтому на территории бывшей ГДР до сих пор работают коллективные крестьянские хозяйства. С постройками и земельными участками под ними дело обстоит проще. Людей не имеют права выселять из занимаемых ими домов. Поэтому объединение Германии прошло не столь болезненно в этой части имущественных и общественных отношений.

Хуго фон Пентц выкупил родительский дом и сделал в нем капитальный ремонт. Ремонт еще не доведен до конца. Верхние этажи дома сдаются под жильё. Хозяин занимает весь первый этаж.

Господин фон Пентц показал нам большие черно-белые фотографии с изображением полуразрушенного дома, до того как он приобрел его. Кругом на изображениях следы протечек, запустения, гибели старого дома. Теперь родовое имение, конечно же, настоящий дворец. Хозяин винит социалистическую систему. Показывая фотографии, он все время повторяет: «Вот это

социализм. А теперь сравните с тем, что сделал я». Когда владение общее, значит оно ничье. Чтобы был порядок, нужен хозяин. Это основные идеи фон Пентца.

Понятно, что семье фон Пентцев совершенно нечего было делать в социалистической ГДР. В Западной Германии они умудрились сохранить деньги и, вернувшись в Мекленбург, восстановить родовое имение.

Всю жизнь Хуго фон Пентц занимается изучением истории родного края. Он говорит, что понятие Грize Гегенд (Griese Gegend), обозначающее изучаемую нами территорию, появилось относительно недавно, всего около 100 лет назад.

Хозяин показал нам бумаги семейного архива. Сам архив начинается с 1363 г., а династия ведется с 927 г. Отрадно, что фон Пентцу удалось сохранить семейное гнездо. Герцог Ольденбургский, друг Александра Сергеевича, живет, к примеру, не в прежнем господском доме, а в новопостроенном. Сохранить дом предков ему не удалось. Ольденбургские живут в Шлезвиге.

Хуго фон Пентц увлекается собственной теорией, согласно которой в здешних местах в далеком прошлом жили финикийцы. От финикийцев и остался в Мекленбурге культ солнца. Фон Пентц его приверженец. А потому с двух сторон своего дома он устроил лабиринты. С одной стороны разбит газон в виде лабиринта. А с другой стороны — высаженные кусты, ровно по окружности, также в виде лабиринта. Картины в саду представляют изображения разных лабиринтов древних народов с сопроводительными текстами.

Нам очень интересно было общаться с этим аристократом со столь древней родословной.

Из дневника Мыльникова

С утра сухая погода. Выехал в *Росток*, где в 15 часов состоялась моя лекция. К сожалению, предварительная информация о ней фактически отсутствовала, и мои слушатели — несколько преподавателей университетского Института этнографии. Поэтому мою лекцию правильнее называть рабочим разговором на тему «*Deutsch-Elbslavische ethnokulturelle Synthese in Norddeutschland*». Слушали с интересом, кое-что дополняли, например о знахарях в деревнях. К поставленному мною вопросу насчет возможного влияния вендского языка на формирование нижненемецкого отнеслись скептически, но касательно топонимики согласны (впрочем, это и оспаривать невозможно). Шмитт обещал прислать в Питер ксерокопию чьей-то неопубликованной работы «*Die Hexen in Mecklenburg*». [Теперь отмечу: не прислал].

Возвращался я поездом, было поздно, в вагоне всего несколько человек. Один из них ехал из Гамбурга, был переполнен не только пивом, но и

желанием общения. Поскольку на какой-то станции все пассажиры, кроме его и меня, вышли, наша беседа стала неотвратимой. Сказал, что он сын крестьянина, был по делам в Гамбурге, а сейчас едет домой. Поинтересовался, откуда я. Когда я ответил, он напрягся, предположив, что я эмигрант. А эмигрантов здесь очень-очень не любят, в чем мне многократно приходилось убеждаться. Поэтому, когда я пояснил, что нахожусь во временной командировке, поведение моего собеседника резко изменилось в положительную сторону. Он с сочувственным пониманием отнесся к моим словам, что мне в Германии хорошо, но очень тоскую по дому и хочу скорее вернуться. Он сказал: «Ну, конечно. Ведь это Родина» и вслед за тем высказался на указанную мною тему. Более того, он стал из лучших чувств угощать меня сигаретами и даже собирался прибавить пива, но я, естественно, отказался, оценив, однако, эти не столь уж частые здесь жесты.

Фотодневник

F-8. В-4 Люббендорф. Старый крестьянский дом-двор нижненемецкого (мекленбургского) типа 1770-х годов. со стороны двора. Линденштрассе, 35.

F-8. В-5 Люббендорф. Соседний дом, вид сзади. Датируется приблизительно началом XIX в. (ок. 1800 г.). Дом пустует и разрушается. Техника строительства — фахверк с заполнением межбалочного пространства глиной и рудным камнем, позднее частично замененным кирпичом.

F-8. В-6 Люббендорф. Тот же дом со стороны фасада, обращенного к площади круглой деревни. Линденштрассе, 2.

F-8. В-7 Люббендорф. Соседний дом, Линденштрассе, 3. Наиболее хорошо сохранившийся дом в своем первоначальном виде. На поперечной балке ворот сохранилась еле различимая надпись: DEN 23 APRILIS ANNO 17...

F-8. В-8 Люббендорф. Вид дома по улице Линденштрассе, 3 сзади.

F-8. В-9 Люббендорф. Жилой дом и сарай на переднем плане, крытый тростником. Линденштрассе, 38. Постройка относится к 1930-м годам.

F-8. В-10 Люббендорф. Тот же дом по Линденштрассе, 38 со стороны жилых помещений. Сам дом обновлен, реставрирован, крыша перекрыта асбестовыми пластинами.

F-8. В-11 Люббендорф. Любтнер Штрассе. Новый дом нижненемецкого типа 1930-х годов. Построен из кирпича, крыша черепичная.

F-8. В-12 Люббендорф. Деревенская площадь с памятником героям первой мировой войны в центре сквера. Центр старой круглой деревни.

12 октября, четверг

Из дневника Мыльников

Хорошая осенняя погода, солнечно. Сегодня навещаем двух информантов. Один из них уже известный нам **Раймер**, с которым познакомились на празднике в *Тевсвоос*. Кое-что о нем я ранее записал. Добавлю, что его фирма основана в 1902 г. дедом, а продолжена отцом, пока ее в 1972 г. не национализировали в ГДР, а потом, в ФРГ, вернули ему. О деде и прадеде не знает ничего, кроме того, что оба были мастерами по дереву (*Tischler*). Мы осмотрели цеха, в которых производят заготовки и отдельные части для последующей сборки. По словам владельца, у него сложились технологические связи со многими государствами. Я не специалист в этих делах, но складывается впечатление, что санитарно-гигиенические условия в цехах плохие: сильные шумы и вибрация, у рабочих (среди них много женщин) полный рабочий день, надбавок «за вредность» нет, да и зарплата невелика: что-то около DM 2000. Но повсюду большая безработица, а получить место в своей деревне считается необыкновенной удачей. Я спросил, есть ли здесь профсоюз. Куда там! Узнав, что мы питерцы, наш собеседник сказал, что этим летом был в качестве туриста в нашем городе (стоимость тура на человека DM 2500). Очарован городом (был в Эрмитаже) и пригородами (был в Петергофе). Вспоминая времена ГДР, сказал, что (ему) теперь лучше.

Его мать **Ilse Reimer** производит сильное впечатление: пожилая интеллигентная дама (87), красивое волевое лицо. Она местная уроженка, ее предки живут здесь с конца XVIII в. Договорились еще повидаться.

Следующий — **Hugo von Pentz**. Его в деревне *Volzrade* ископала Юля, пока я был в Ростке. Кажется, это первый представитель исторического дворянского рода в этих краях, с кем мы встречались. Он живет в трехэтажном здании типа *Herrenhaus*, за ним фруктовый сад, на первом этаже большой холл с колоннами. Здесь находится родовой музей. По словам Пентца, его род упоминается в какой-то немецкой хронике под 926 годом. В 1696 г. мекленбургский герцог подтвердил их права на землю, а позднее они получили дворянский статус (тут я чего-то не уразумел). У него есть *Stammbaum*, копию я попросил. Показывал копию грамоты, оригинал которой находится в шверинском архиве, выдан в Висмаре, датирован 14 августа 1363 г. Речь идет о подтверждении герцогом Альбрехтом прав *Ulrike van Peentze* и ее детей на поместье *Voltzerode*. По-видимому, этот род происходит из Померании. Любопытно, что в этой грамоте дано еще славянское, стало быть, бытовавшее в XIV в., написание «Шверин» как «*Zverin*». Хуго, между прочим, сообщил, что в Ганновере находится поместье семьи русского генерала **Беннигсена** *Banteln*, которое сейчас по родственной линии перешло к семье

Мацкевич из Вильно (перебрались сюда после второй мировой войны). Хуго также рассказывал о деревне с проглядывающим славянским названием Probst Jesar, с которым связаны древние легенды.

Из дневника Новика

Сегодня мы приехали в фирму Кристиана Раймера (Christian Reimer). С этим человеком мы познакомились на деревенском празднике в д. Тевсвоос (Tewswoos) 1 октября. Он тогда пригласил нас приехать к нему. На здании, к которому мы приехали, есть соответствующая вывеска «Firma C. Reimer». Предприятие находится в деревне Тевсвоос.

Во время нашей первой встречи господин Раймер не только присутствовал на сельском празднике урожая, но и продолжал отмечать свое пятидесятилетие. Он его праздновал более недели.

Предприятие Раймера старое. Оно принадлежало в свое время его отцу. Отец производил двери, окна и прочие столярные изделия. Насколько Кристиан знает, все его предки-мужчины занимались столярными работами. Своего прадеда он уже не знал. Однако, по семейным преданиям, вся родня чуть ли не с XVII в. специализировалась на деревопереработке.

Во время ГДР предприятие отца было национализировано. На нем работали тогда 24 человека. После Wende (так здесь называют объединение Германии) Раймер добился возвращения собственности отца. Сейчас здесь работают все те же 24 человека. Они не только из деревни Тевсвоос, но и из других сел. У работающих на фабрике 8-часовой рабочий день. Получают 15 марок в час. В месяц чистыми получают 1500 DM.

Мы посетили цехи предприятия. Люди трудятся в полном шуме. В ушах у всех желтые заглушки. Если их не использовать, со временем от постоянного шума можно оглохнуть. Работают и женщины, и мужчины разного возраста. На работу приезжают на своих машинах. Общественного транспорта здесь нет. Был во времена ГДР, а теперь из-за нерентабельности ликвидирован. Ездить на своей машине на работу — тоже немалый расход.

Оборудование практически все новое. Хозяин все покупал сам. Показал нам старую деревообрабатывающую машину производства СССР 1975 г. Станок отключен, но хозяин его сохраняет, так как иногда на нем работают. Раймер сказал, что советский станок работает не хуже новых.

Производство полностью примыкает к жилому дому хозяина. Весь комплекс представляет значительное количество построек. По поводу экологической безопасности производства у нас возникли вопросы. На предприятии есть большая труба, из которой валит дым.

Фирма Раймера специализируется на выпуске ламинированных панелей для спальных гарнитуров. Хозяин находится в тесной кооперации с другими

производствами. Так, он покупает некоторое сырье в Америке, туда отправляет готовую продукцию.

Спальные мебельные гарнитуры, которые выходят в итоге всей производственной цепочки, нам показали в каталоге. Для внутреннего рынка, немцев, делают спальни под орех, дуб, вишню и т.д. Гарнитуры очень красивые, а в каталогах отлично представленные. В другие страны немецкая мебельная продукция также может уходить, к примеру во Францию. А вот с английским рынком связи нет. Для Англии, как сказал Раймер, нужны другие гарнитуры, там у людей совершенно другой вкус. В Англии любят белые спальни. Фирме Раймера работать сложно. Большая конкуренция. Много мебели теперь из Белоруссии. Там делают хорошую мебель по немецким образцам из натурального дерева. Поступает мебель и из России. Также очень хорошую мебель делают в Румынии. С производителями из этих стран приходится конкурировать.

У фирмы Раймера небольшая контора: прихожая, далее идет небольшой кабинет, где стоит компьютер, а потом следует своеобразная гостиная. Мы разговаривали с хозяином именно в этой комнате для гостей. Гостиная и одновременно столовая обставлена небогато. Все создано для работы. Ничего вычурного. Здесь принимают бизнесменов, приезжающих договориться о сделке и подписать контракт.

Кристиан предложил нам кофе, угощал сигаретами. На память подарил ручки китайского производства с логотипом своей компании, сделанные на заказ в качестве рекламы и подарков.

Служебный офис совмещен с жилым домом. Бианка, жена хозяина, ходила через двери к себе домой. Она готовила нам кофе и была чрезвычайно любезна, в отличие от нашей первой встречи на празднике урожая, когда она всячески пыталась оттащить мужа от случайных знакомых.

Кристиан вспоминал Петербург, в котором был некоторое время назад. Он плывал туда на корабле. Недельный тур стоил 2500 DM. Это очень дорого, если сравнивать с предложениями турфирм в другие страны. Воспоминания о Петербурге остались очень хорошие.

Из дневника Ивановой

10 часов утра, встреча с господином Раймером в Тевсвоосе.

Раймер владеет небольшим деревообрабатывающим заводом, который основал еще его дед в 1902 г. В то время это была просто столярная мастерская. Каждый год в нее вкладывали деньги, и предприятие росло. На сегодняшний день инвестиции составляют 102 миллиона марок. Улица, на которой живет и работает Раймер, была раньше деревней безземельных крестьян-хойслеров, или «хойслернде». Само предприятие расположено

внутри двора Раймеров. Сейчас на заводе заняты 24 человека — почти все они работали здесь и до объединения Германии. Зарботная плата работников составляет 15 марок в час, таким образом, месячный доход нетто около полутора тысяч. Все рабочие — как мужчины, так и женщины — родом из Ябельхайде, из соседних деревень. Все предки Раймера были коренными жителями Тевсвооса.

Древесину предприятие получает из Германии и частично — из Финляндии (что значит, конечно же, с российского Карельского перешейка). Шпон доставляют из Америки, его закупают по цене 200 марок за 1 кубометр.

Дед Раймера делал двери и окна и продавал их тут же, в деревне. И многие из них, сообщает с гордостью Раймер, можно и сейчас еще видеть в домах Тевсвооса. В 1928 году дед начал производство изделий из древесностружечного полотна со шпоновым покрытием.

Раймер считает российскую древесину самой качественной, высоко ценит мебель российского и белорусского производства за то, что ее изготавливают из цельного дерева.

Дед учился на столяра, затем получил сертификат мастера (Tischlermeister) и с этими знаниями стартовал в своем бизнесе. До него в семье тоже занимались обработкой дерева. Прадед был известным плотником в Тевсвоосе, имел свое строительное предприятие. В роду Раймеров никто не занимался земледелием, семья не жила за счет сельского хозяйства.

Раньше, во времена деда Раймера все предметы мебели, окна и двери изготавливали из массива дерева, и они были грубыми по форме. Современные технологии и шпон позволяют придавать более изящную форму вещам. Сам Раймер получил диплом инженера в Дрездене, затем долгое время был подмастерьем у столяра и наблюдал за его работой. Лишь затем он унаследовал предприятие отца и продолжил его дело.

На стене гостиной, где нас радушно принял хозяин, висит сертификат мастера (Meisterbrief), выданный в 1938 г. ремесленной палатой г. Хильдесхайма отцу господина Раймера, Генриху Раймеру. Титул мастера присваивала экзаменационная комиссия. Генрих Раймер родился тоже в Тевсвоосе в 1911 г.

Раймер провожает нас в цехи своего заводика. Здесь шумят машины, летит пыль и стружка, люди работают в специальных наушниках и очках. В одном из цехов шьют полоски шпона, в другом их наклеивают на панели. Готовые панели складываются в огромном металлическом ангаре. Хозяин, господин Раймер, считается богатым человеком в округе, и сам он знает это и даже немного хвастает, хотя в общении очень прост, щедр и гостеприимен. Ездит он на громоздком серебристом «Мерседесе» класса Е и охотно раздает авторучки с фирменной надписью предприятия: «Furnierverarbeitung Reimer. Tewswoos».

После посещения фабрики и неспешной беседы за чашкой кофе у Раймеров мы отправляемся снова в деревню Фольцраде, чтобы познакомить Профессора с Хуго фон Пентцем.

Итак, 12 часов дня, деревня Фольцраде. Господин фон Пентц. Он вышел встречать нас в не очень презентабельном виде и на сей раз не пригласил в свой теплый кабинет — видимо, не рассчитывал на встречу. Тем не менее усадил нас за стол в холодном холле перед входом в квартиру и подробно отвечал на все вопросы.

В 500 м от помещицъей усадьбы Фольцраде находится холм, который называют в народе *Barber-Gora*. Считается, что это была ведьмина гора. Хуго фон Пентц показал нам каменное ядро, которое было найдено на вершине этой горы в 1820 г. Владелец датировал предмет ранним каменным веком, примерно 5000–2000 г. до н.э.

На мой вопрос, возникают ли в наши дни еще какие-нибудь легенды в народе, связанные с запретной зоной Ябельхайде, которая из-за недосягаемости, возможно, по-своему таинственна, не дает ли это почву для создания новых легенд, господин фон Пентц ответил, что новых легенд народ не создает, здесь только рассказывают старье. Хуго фон Пентц назвал нам имена местных старожилов, которые могли бы стать нашими информантами: фон Бюлов из деревни Гудов, известный богатый крестьянин; господин Вильк в Альт Ябеле; господин Швенек, владелец магазина велосипедов в Любтеене и Фридрих Бекманн, крупный крестьянин из деревни Пробст Йезар.

В 14 часов мы снова едем в деревню Пробст Йезар, чтобы осмотреть старые крестьянские дома, форму поселения и узнать адрес крестьянина Бекманна. Самые старые дома деревни оказались не старше второй половины XIX в.

В Ябельхайде — земле песков и пустошей, — озера — большая редкость. Единственное озеро в местности отразилось и в названии деревни: *Jesar* = йезеро, йежеро, озеро. Происхождение озера искусственное: оно образовалось на месте обвала пород после добычи каменной соли. Само озеро небольшое, но глубокое. О цифрах же, как и о самом озере и его появлении, ходят легенды, что и не удивительно, поскольку этот природный объект уникален. Обычно в разговорах называют глубину — 18 м.

Легенда о возникновении озера у деревни Пробст Йезар

Народ, который жил некогда в этой местности, был не особенно трудолюбив, но все же люди возделывали землю и могли прокормить себя. Но жил на этой же земле и другой народ — цыгане. Они кочевали повсюду, но здешние места облюбовали особенно и часто беспокоили местных своим назойливым приставанием, попрошайничали, а иногда даже совершали грабительские на-

беги. И вот однажды они проходили табором через деревню, которую позже стали называть Йезар, и местные жители отказали им в подаении. И тогда цыгане встали табором в дубовой роще неподалеку и стали думать, как отомстить этим людям, какое несчастье наслать на деревню. И решили они лишить ее жителей этой тенистой дубовой рощи, что спасала людей под своей сенью от летнего зноя, а чтобы никогда она больше не выросла, превратить это место в озеро. Взяли цыгане конскую голову и, заполнив ее ртутью, с черными проклятиями закопали в нужном месте. И меньше чем через час голова начала вращаться по кругу, она крутилась все быстрее, разбрасывая землю, и наконец возникло глубокое озеро, в водах которого потонула дубовая роща. И сами цыгане, не ведавшие, какую беду могут принести их проклятья, погрузились навечно в воду.

Я прогулялась по деревне с фотоаппаратом и обнаружила только один более или менее старый дом в деревне. До недавнего времени был заселен, сейчас пустует. Находится на берегу озера и благодаря своему выгодному положению привлекает внимание туристических и оздоровительных организаций. Судя по плану-проекту 1997 г., выставленному рядом с забором, планируется перестройка дома под пансион или гостиницу для отдыхающих: «Bauvorhaben: Abbruch des vorhandenen Stallgebäudes und Wiederaufbau auf dem vorhandenen Fundamenten».

Вероятно, на берегу озера планируется строительство развлекательного комплекса для жителей региона. Рядом со старым домом уже строится новый из бетонных блоков. Очевидно, люди охотно покупают здесь землю и строят маленькие летние домики, где можно провести отпуск с семьей. Что здесь прежде всего бросается в глаза — это типовые маленькие домики с длинной тростниковой крышей, почти достигающей земли, отчего сам дом приобретает форму треугольника. Эти домики — по большей части одноэтажные современные летние коттеджи, однако надо отметить, что снова возвращается традиция жить под теплой мягкой крышей из природного материала.

Крыша таких типовых домов длинная, доходит до первого этажа. Крыта натуральным и модным материалом — тростником. Дорфштрассе, 17 а.

Сейчас вновь начинают ценить народные промыслы, этнический стиль. То, что было разрушено во времена ГДР, стараются воссоздать, то, что уцелело, — сохранить. Старые фасады традиционных крестьянских домов снова очищаются от штукатурки, балки фахверка выставляются напоказ: люди демонстрируют свою причастность к традиционной старой культуре региона. Даже если жилая часть дома уже оформлена современно, фронтон сарая стараются оставить первозданным, в крестьянском стиле.

Пока я гуляла по улицам, коллеги договорились об интервью с Фридрихом Бекманном. Он живет в доме 12 по Дорфштрассе. Дом-двор нижненемецкого типа, оригинальный. На фасаде — ворота, использующиеся по прямому назначению: загон скота, въезд техники. Дом обращен боковой стороной (Traufenseite) к улице. Жилые помещения находятся в задней части и в верхнем этаже кровли (Dachgeschoß). Крыша крыта металлочерепицей, оформлена традиционными скрещенными головами коней (новодел). Дом обновлен и заново оштукатурен.

Фридрих Бекманн говорит на нижненемецком диалекте и очень гордится тем, что принадлежит к крупным крестьянам. Власти ГДР хотели лишить его прав на землю, но сейчас он снова землевладелец. Его речь — смесь лексики литературного языка с нижненемецкими оборотами. Его матери уже 90 лет, она тоже говорит только на *платт*. К сожалению, она очень слаба и плохо слышит, поэтому нам не удалось даже увидеть ее. Мы сидим на кухне. В доме Бекманна меж тем готовят обед (на который нас не позвали), полная супруга варит на сильном огне макароны, с плиты доносится сильный резкий запах жареного мяса, а от самого Бекманна невыносимо воняет луком.

Фотодневник

F-8. В-13 Тевсвоос. Предприятие по обработке древесно-стружечных материалов Кристиана Раймера.

F-8. В-14 Кристиан Раймер, владелец предприятия, коренной житель деревни Тевсвоос. Информант экспедиции.

F-8. В-16 Фольграде. Сад Хуго фон Пентца с клумбой в форме кругов и спиралей — «напоминание об Атлантиде».

F-8. В-17 Фольграде. Фасад жилого дома в помещицкой усадьбе предков Хуго фон Пентца. Во времена ГДР дом пустовал, разрушался. Хозяин вернулся после объединения Германии. В 1990-х годах усадьба реставрирована.

F-8. В-18–20 Пробст Йезар. Озеро.

F-8 В-21 Вид со стороны фасада. Дом по Dorfstrasse, 21

F-8. В-22 Пробст Йезар. Тот же дом. Вид сзади, со стороны жилых помещений.

F-8. В-23 Пробст Йезар. Жилой дом обеспеченной семьи, перестроенный и модернизированный нижненемецкий крестьянский дом-двор постройки 1900-х годов. На фасаде первоначально были традиционные ворота, теперь — современные большие окна. Видна также часть газона и «охотничья» изгородь.

F-8. В-24 Пробст Йезар. Один из летних домиков (Urlaubshaus), которые стали появляться здесь в последнее время.

F-8. В-25 Дом Фридриха Бекманна.

Расшифровка записи беседы с Хуго фон Шлихтегроль-Пентц

{es handelt sich um die Sippe von Pentz, die seit jeher in Urkunden auf diesem Land erwähnt wird}

P e n t z : ...da war keine Urkunde, ne? Da ist ein Buch von einem Türke, nicht wahr, und da steht das drin, ja?

M y l ' n i k o v : 1927?

P e n t z : 927. Ne?

M y l ' n i k o v : 927.

P e n t z : Und dasselbe steht auch geschrieben in der sogenannten Magdeburger Chronik, also Magdeburg eine Stadt an der Elbe hier, ne? — da ist eigentlich eine Stadtchronik, die hat ein gewisser Lenzrett geschrieben, ja? 15...und... und das ist dasselbe, ja? Also, von zwei Quellen kommt es her. Aber eine Urkunde in dem Sinne ist das ja nicht, nicht wahr? Diese... diese... soll ich sie mal herholen? Die die mit dem Siegel, vielleicht, ja?

I v a n o v a : Ja. Wäre sehr schön.

{die Aufnahme wird unterbrochen}

P e n t z : Ja, gut. Unsere Gäste aus Petersburg kennen es, ne?

I v a n o v a : Ja. {lacht}

P e n t z : Ja. {lacht}

M y l ' n i k o v : Sagen Sie, Herr von Pentz, und woraus geht... wovon geht die Rede in dieser Urkunde?

P e n t z : Dies ist ein Lehnbrief. Also der Landesfürst hat das Land dem Pentz gegeben. Ja? Und dies ist die Urkunde davon.

M y l ' n i k o v : Ach, so!

P e n t z : Ein Lehnbrief. Ne?

M y l ' n i k o v : Es war mit der adelige Titel verbunden?

P e n t z : Nein. Dies nicht, das ist schon, der adelige Titel ist schon viel älter. Schon viel älter, ne? Der ist aus dem 10. Jahrhundert. Einem der ersten — es gab einen deutschen König, der hieß Heinrich der Vogel — der hat den ernannt.

M y l ' n i k o v : Vogel Henning (?) sagt man.

P e n t z : Ja, ja, ja. Henricus Ausebst....(?) Ne?

M y l ' n i k o v : 1696?

P e n t z : ja. Genau. Es gibt ja ältere Belegungen, ja? Es war immer wenn ein Herzog gestorben und kam ein neuer Herzog, dann musste der neue Herzog wieder neu die Lehn verteilen. Nich? Und dies ist eine Erneuerung, ja? Haben Sie es gesehen? {Zu Novik, der gerade das Pentzsche Haus besichtigt hat}

N o v i k : Sehr schön!

P e n t z : So ist das gewesen und... {шум перелистываемых свертков}

M y l ' n i k o v : Herr von Pentz, ich arbeitete lange Zeit in die Bibliothek, ich war der Leiter von Schriften-Abteilung in Petersburg. Deswegen ich möchte Sie empfehlen, diese Urkunde nicht so zeigen, aber die sollen so zeigen. Sonst verdirbt es.

P e n t z : Ja, ja.
M y l ' n i k o v : Das ist meine... solche Beratung.
P e n t z : Ja, ist gut.
M y l ' n i k o v : Also, besser so.
P e n t z : Es war früher solche gotische Schreibweise, ne? Es waren auch für die Deutsche. Da war auch in der Zeit Napoleons ein Feldmarschall Benizen.
M y l ' n i k o v : Benizen, ja.
P e n t z : Ist Ihnen bekannt? Ja.
M y l ' n i k o v : Ja.
P e n t z : Und eine... Moment, eine Tochter Benizen heiratete einen Andre-kowitsch.
M y l ' n i k o v : Diese Name weiß ich nicht.
P e n t z : Ja. Und diese Leute, die Benizen hatten auch Besitz in Deutschland und im Hannoverschen. Ne?
M y l ' n i k o v : Ja, ja.
P e n t z : Und auf dem Gut von diesen Benizen hab´ ich gelernt. Nach dem Kriege. Da war ein alter Herr von Benizen, der kam aus Sankt-Petersburg. Als Flüchtling.
M y l ' n i k o v : Ja, ja. Wo war diese Gut von Benizen?
P e n t z : In... das Gut heißt Banteln...Banteln...
M y l ' n i k o v : Es war in DDR damals oder in Westdeutschland?
P e n t z : Nein, in Westdeutschland. An der Leine, zwischen Hannover und Hildesheim.
M y l ' n i k o v : Ah, das muss ich aufschreiben. Wie sagen Sie?
P e n t z : Banteln. B, a, n, t, e, l, n.
M y l ' n i k o v : l?
P e n t z : L, n. dann «t». In Hannover. Also früher das Königreich hieß Hannover.
M y l ' n i k o v : Ja, ja.
P e n t z : Und das gehörte diesen Benizens.
M y l ' n i k o v : Ja, ja. Und heute noch?
P e n t z : Auch noch, ja.
M y l ' n i k o v : Aha.
P e n t z : Aber die Nachkommen von Benizens heißen nicht mehr Benizen. Die heißen jetzt Mackewitsch.
M y l ' n i k o v : Mackewitsch?
P e n t z : Ja. Also, die Andrekowitsch hatten einen Mackewitsch geheiratet und denn... die stammten aus Wilna, die Mackewitsch. Wohnnten aber hier schon seit... 50 Jahren, 60...
M y l ' n i k o v : Nach der Krieg oder früher kamen? Mackewitsch?
P e n t z : Vor dem Krieg.
M y l ' n i k o v : Ja, in Deutschland?

P e n t z : Ja, vor dem Krieg.
M y l ' n i k o v : Vor der ersten Krieg oder zweiten?
P e n t z : Nein, vor 'm zweiten.
M y l ' n i k o v : Zweiten, aha.
P e n t z : Das war... ist ein Pole.
M y l ' n i k o v : Ja, ja. Das ist rein polnischer Name.
P e n t z : Ja, ja. Und als der Krieg - der zweite Krieg — zu Ende war, hier war ja Wechsel, ne? Also, wir mussten ja weg von hier, ne? Flüchtlinge im Westen besaßen nichts. Und niemand hat mir geholfen. Niemand. Ein guter Bekannte von mir und meinem Vater war ein gewisser Konrad Adenauer –
M y l ' n i k o v : Oh!
P e n t z : Oh, ja! Nun, nix, nix, nix! Aber Andrekowitsch, der Pole, der hat mir geholfen.
M y l ' n i k o v : Sagen Sie, es ist mir unbequem, als Sie stehen und ich sitze –
P e n t z : Nein, nein. Bitte schön! Ich komme gleich wieder. Ich muss mir irgendwas holen.
M y l ' n i k o v : Über Konrad Adenauer habe ich eine Frage.
P e n t z : Über wen?
M y l ' n i k o v : Über Adenauer.
P e n t z : Ja, ich komm sofort wieder.
M y l ' n i k o v : Ja, das ist sehr interessant.
{die Aufnahme wird unterbrochen}
M y l ' n i k o v : Herr von Pentz, sagen Sie bitte schön, kann man eine Kopie von diesem Papier haben? Es ist sehr interessant.
P e n t z : Ja.
M y l ' n i k o v : Machen Sie, ja? Ja. Danke. Das ist sehr interessant. Und Sie sagten noch, dass irgendeine Erwähnung aus 14. Jahrhundert kam, ja? 13 und... Aha...
{die Aufnahme wird unterbrochen}
{eine lange Pause. Die Qualität der Aufnahme lässt es nicht auswerten}
P e n t z : Ja, kopiere ich Ihnen.
M y l ' n i k o v : Ja, schönen Dank.
I v a n o v a : Hier ist Pagakes.
P e n t z : Da steht er doch! Wusste ich doch, das muss hier stehen. Pagakes. Und jetzt forschen Sie nach dem Wort. Das werden Sie ja machen, ne? Haben schon viele nachgeforscht. Seit Jahrzehnten schon, viele, viele, viele. Aber bis jetzt hat keiner gefunden.
I v a n o v a : Ich bin mir nicht sicher, dass ich etwas finde. Aber versuchen kann ich.
P e n t z : Vielleicht, kann sein. Es war damals hier in Mitteleuropa so, haben viele Leute gelebt, und die ... Herrschaft und die Kirche und was es alles, ne? Und dann kam einer Araber aus — es war etwa im Süden — von Cordoba —
I v a n o v a : Aha!

P e n t z : Ja. Er war selbst ein geborener Jude, lebte aber da in Cordoba, und da im Ort ist Sultan von Cordoba nach Quedlinburg gereist. 970 etwa. Ibrahim ibn Jacub. Haben Sie gehört den Namen?

I v a n o v a : Ja.

P e n t z : Ja, sehen Sie. Der kam aus ganz anderen Ecke und berichtet über dieses Land, mehr und über alles, als ob er hier war. Und deswegen Sie kommen aus einem anderen Land, aus Petersburg, weit weg, ne? Und ne? So ist das.

M y l ' n i k o v : тут видите, о чем идет речь, что... {здесь прервана}

P e n t z : ...bis daher gesagt, ne? Es gab auch den Berg, hat im Laufe der Zeit mehre unterschiedliche Namen gehabt, zur Wendenzeit ist er Papyra-Gora, wie werden Sie das übersetzen?

I v a n o v a : Wie wie?

P e n t z : Papyra-Gora.

I v a n o v a : Papyra-Gora...

P e n t z : Gora ist Berg, ne?

I v a n o v a : Der zweite Teil ist Berg.

N o v i k : Ja, Gora ist Berg.

P e n t z : Hier heißt er Hexenberg.

N o v i k : Baba, Babyra, Baba Jega... Nein?

I v a n o v a : Baba, Altweiber-, ja...

P e n t z : Ist Babyrenberg. Und dann gab es einen anderen Namen, der hieß... ach, ich komm´ nicht auf den Namen. Er kommt ja wieder. Aber Gora ist ja Berg.

N o v i k : Babyra Baba ist russisch, Baba. Weib, ja.

P e n t z : Ja. Es soll angeblich Hexe sein.

I v a n o v a : Wo ist es?

P e n t z : Hier, Hundert Meter. Ist jetzt nicht mehr zu sehen. Ne? Es war ein leichter Hügel, ein ganz leichter Hügel, und dann hat einer eine Ausgrabung gemacht, und dadurch ist er ganz flach geworden.

{die Aufnahme wird unterbrochen}

{eine lange Pause, dann lässt es die Qualität der Aufnahme nicht auswerten}

M y l ' n i k o v : Herr von Pentz, Sie haben ein wenig über Konrad Adenauer gesagt.

P e n t z : Ja.

M y l ' n i k o v : Wissen Sie nicht, wer seine Mutter war?

P e n t z : Nein.

M y l ' n i k o v : Es gibt solche Sage, kann ich sagen, dass er war... {die Aufnahme wird unterbrochen}

P e n t z : ...und zu der Zeit, also im 17. Jahrhundert, da haben die Leute mit dem Wort Babyrengora angefangen. Auch das ist im 1684 die Kirchengemeinde Alt Jabel geteilt worden und Lübtheen wurde neu. Wurde neu. Und da wurde Lübtheen eingebracht. Und da sollte Fürst Heins Ludwig auch der Kirche Lübtheen Ackerland geben. Sind aber keine. Hier ist aber Holz, ne? Und der damals

der schlechteste Boden, der war nicht zufrieden damit, und der Pastor <...>, wie die Teilung war und weiter... sagte... Und hätte denn gesagt, wenn der Ackerland haben soll, dann gebe ich ihnen das schlechteste Land, das ich habe. Ne? Das was dies, ne? Und dies Land hieß Papengar. Ne? Und das Pape das bekommen haben, Papengar. Und aus Papengar ist Papyren geworden. Also, das Wort gedreht, ne? Aber das stimmt alles gar nicht, das ist reine Phantasie. Also, hier hat es nie Kirchenland gegeben.

B e c k m a n n : Und ich muss noch mal nach diesem slawischen Namen für den Berg fragen.

P e n t z : Für wen?

B e c k m a n n : Nach diesem slawischen Namen für den Berg.

P e n t z : Ja.

B e c k m a n n : Ist er überliefert, wie sind Sie 'rangekommen?

P e n t z : Das ist eine mündliche Überlieferung...

B e c k m a n n : Immer aus dem Dorf kam?

P e n t z : ...diese Überlieferung sind überliefert im Laufe der Jahrhunderte und immer irgendwann mal aufgeschrieben worden. So sind alle da.

B e c k m a n n : Ja, ja.

P e n t z : Und Professor Wossidlo, der ging mal von Dorf zu Dorf, und ließ es von den Leuten erzählen. Und hier ist er auch gewesen. Und so ist es entstanden. Alle da wissen es.

B e c k m a n n : Und ist es eine Aufzeichnung von Wossidlo?

P e n t z : Dies ist von Wossidlo. Also, ich meine, Wossidlo war der Aufschreiber, der am bekanntesten geworden ist, für Wissenschaft, ne? Und da ist ein... mein Nachbar, der ist ja... war sehr sehr fleißig und sehr sehr gewissen im Beruf und hat lange Zeit gearbeitet in dem Ort, wie Wossidlo auch, aber er ist kein Professor, und kein Doktor und ist, sagen wir, ein Forscher mit <...> auch Konkurs, und der sprach also ganz wissenschaftlich, also Latein und so und ganz deutlich. Und dann war der Konkurs und da hat er gefallen, wenn der redet, verstehe ich kein Wort. So klug ist der! *{lacht}* Also, man sagt: synthetisch und *{имитирует латинские термины}* und weiß ich gar nicht, wovon er dort spricht! Dann ist er ganz klug, ja! Ne?

B e c k m a n n : Dieser See, ach, wir waren gestern auch ganz kurz in Probst Jesar *{деревня неподалеку от Фольяраде, где расположено единственное озеро в Ябельхайде}* und haben uns den See angekuckt, im Halbdunkel und es ist bestimmt die Sage darüber, und tatsächlich steht da *{in Sagensammlung von Hugo von Pentz}* eine Sage.

P e n t z : Es ist eine Sage über Zigeuner Es waren zwei Kaliwerke, also, einmal in Jessenitz und einmal in in Lübtheen, und die waren über 600 Meter tief, der Schacht, ne? Und beide Werke sind abgebrochen, also da hat das Wasser drin gelaufen. Aber die Leute vom Werk haben diesen Werk gekauft viele haben hier am See gewohnt... Und die haben es... *{Pause}*... die anders vermessen.

Und der See ist jetzt er wird jedes Jahr vielleicht 1–2 cm höher. Jetzt hat er etwa 18 Meter. Unter dem Wasser. Und dann ist noch über sehr interessantes: es war im Jahre 1750, ein großes Erdbeben in Portugal. Lisboa. Da war das Erdbeben und da war die ganze Stadt Lissabon abgebrannt. Und zur selben Zeit ist dieser See nach Meter, Wasser war weg.

I v a n o v a : Und das war registriert?

P e n t z : Bitte?

I v a n o v a : In Dokumenten ist es fixiert?

B e c k m a n n : Ist es registriert oder ist irgendwo...

P e n t z : Ja, ja. Das steht in vielen, vielen Geschichten. Und es gibt noch in Malchow einen See

I v a n o v a : Herr von Pentz, sagen Sie bitte, ob jetzt zur Zeit auch irgendwelche Geschichten entstehen? Ich hatte gestern zum Beispiel ein Gefühl, als wir durch die Gegend, durch das Sperrgebiet gefahren waren, dass es irgendwie ein Tabu-Gebiet ist und dass es hier nicht geheuer ist, und es war mein eigenes Gefühl, aber vielleicht...

P e n t z : Also wie? Wo? Das hab´ ich nicht verstanden.

I v a n o v a : *{lacht}* Nee, ich hatte so ein Gefühl, dass es so hier ungeheuer ist, dass es spuckt hier, weil es so viel erzählt wird über die Sperrgebiete...

P e n t z : Ja, ja, die Spuckgeschichten, die Gespenster-Geschichten...

I v a n o v a : Nein. Ich frage, ob hier zur Zeit auch welche Geschichten erzählt werden.

P e n t z : Nein, es werden jahrelang noch Geschichten erzählt, nicht wahr, aber ich sagte ja schon, die Bevölkerung, die hier vorkommt... das ist die... die Beziehung der Menschen zu dem, was hier gewachsen ist... ist ja nicht zu machen, nicht? Und die jüngere Generation versucht es immer aufzuleben. Ne?

I v a n o v a : Das sind alte Geschichten, ne?

P e n t z : Die alten Spuckgeschichten hier...

I v a n o v a : Aber das sind alte Geschichten?

P e n t z : Alte Geschichten.

B e c k m a n n : Ja, die Frage ist jetzt sozusagen, dass... dass für die Jugend die Schießplatz ist ja sozusagen, die erzählt nach Armee wird auch schon wieder ein<...>-gebiet. Und gibt es sozusagen neue Geschichten, weil man kommt ja viel... die Bevölkerung, wovon kommt... gibt es, also, sozusagen schon hier die neue Sagenbildung, was da jetzt alles so...?

P e n t z : Ach so! Also, dass hier ein Sperrgebiet ist, hat einen Nachteil und auch einen Vorteil.

{die Aufnahme wird unterbrochen}

{Ende des Interviews}

13 октября, пятница

Из дневника Ивановой

10 утра, Альт Ябель, дом пастора Туттаса.

Исполнительный пастор дает нам список «клиентов» — рекомендуемых информантов-старожилов Ябельхайде, и мы тотчас же отправляемся по первому адресу.

Деревня Ной Ябель, улица Weg der Zukunft 8. Дом Шарлотты Винке.

Дом Шарлотты Винке был построен в 1825–27 гг. Отец ее родом из Филанка, а прадед и прабабка — из Ной Ябеля, крупные крестьяне. Сейчас Шарлотта отметила 88 день рождения, она всю жизнь работала в сельском хозяйстве. Она показывает нам фотографию деда с плугом во время пахоты. К сожалению, старые орудия труда были ликвидированы из частных хозяйств с приходом ЛППГ. Дед одевался обычно так, как на фотографии: традиционный черный рабочий костюм — китель и брюки, на голове картуз. Специально для фото он не наряжался — вообще не любил фотографироваться.

Праздники урожая всегда отмечались, даже во времена ГДР традиция не замирала. Шарлотта сама часто вязала корону урожая, все четыре дуги из злаков.

В деревне Альт Ябель раньше была знахарка — [Марта] Тальг, она давно умерла.

В Воосмере во время празднования рождества устраивали шествия ряженных. Особенно хорошо она запомнила ряженных в коня. Карнавал-масленицу [Faslam, Fastnacht] тоже широко отмечали, но ряжение не практиковали.

Шарлотта еще помнит то время, когда все праздники отмечали в *диле* старого дома, приглашали музыкантов и танцевали. Музыканты сидели на маленьком балкончике под крышей.

В 1990 г. дом Винке был перестроен и отремонтирован: родственники, как она все время называет их, захотели так. Это, очевидно, не прямые родственники Шарлотты, т.к. у нее нет детей; эти люди живут сейчас на западе и после *венде* приехали в Ной Ябель и взяли на себя заботу о доме. Здесь же они разводят ценную породу коров — шотландских высокогорных длинношерстных. Оригинальные старые балки дома сохранены; Шарлотта с гордостью показывает почерневшие от времени и дыма, обработанные еще топором ее деда грубые балки — раньше дом топился по-черному.

Диле дома Шарлотты перестроено полностью, удалены перегородки стойл, и на их месте в передней части дома оборудован просторный зал-гостинная. На месте ворот установлено высокое окно, которое летом служит

одновременно дверью. В ультрасовременный интерьер с черными кожаными диваном и креслами вписаны старые вещи традиционного быта — двухсотлетний сундук с кованными накладками, старый шкаф и колесная прялка. Сейчас она служит украшением интерьера. На шкафу выставлены два старинных утюга. Интересно решение светильников: это сочетание традиционного и нового слова в технике. Люстрами служат три тележных колеса, на которых укреплены галогенные лампочки. Мы отметили про себя, что это, пожалуй, самый интересный и изысканный интерьер, который нам довелось наблюдать до сих пор.

Несмотря на возраст Шарлотта чувствует себя здоровой, бодрой, хорошо слышит, еще ездит на велосипеде и сама занимается огородом. У нее прекрасная память, она хранит события давно минувших времен, Шарлотта помнит многое из рассказов матери. Она ведет в одиночку хозяйство и готовит сама — предпочитает традиционную мекленбургскую кухню, а не современные полуфабрикаты.

У госпожи Винке есть верный друг — собака Кора породы шелти, ей сейчас 14 лет. Перед нашим визитом хозяйка вернулась как раз от врача из Людвигслюста, и мы бы ее не застали, если бы пришли на час раньше: Шарлотта активна и не сидит дома. Одета она аккуратно, чисто и со вкусом, хотя, конечно, уже и немодно: темно-синий юбочный костюм в белый горошек и цветной шарф. Шарлотта любит цветы; в ее гостиной полно комнатных экзотических растений, а перед домом стоят кадушки с желтыми солнечными хризантемами.

13.25, деревня Филанк. Бауэрнринг, 11 — дом крестьянина Эрвина Вульфа. Самого хозяина мы застали за работой в огороде. На нем были высокие резиновые сапоги и кепка, из-под рубахи выглядывали запачканные землей руки крестьянина. Он родился в Филанке в семье крупных крестьян-землевладельцев, какими были его прадед и дед, Эрвин продолжает их дело до сих пор, а во времена ГДР работал в ЛПП. Рассказывает о былых временах, когда в Филанке было 22 крупных крестьянских хозяйства и 21 малоземельная крестьянская семья, о различных типах сельскохозяйственных работ. Его дед был родом из Тевсвооса, а бабка со стороны отца тоже родилась в регионе Гризе Гегенд. Отец родился в 1892 г. в Филанке. Мы задаем вопрос: «Кто вы, кем себя считаете?» Эрвин Вульф уверенно отвечает: «Я бы сказал, что я северный немец. Или мекленбуржец, тоже подходит». Такого самоотнесения, как в Вендланде (я — вендланец) здесь нет, нет утверждения своей принадлежности к Ябельхайде или Гризе Гегенд. В Вендланде тоже говорят на нижненемецком, но там — «другой *платт*», хотя их можно понять. В деревне сейчас на *платт* разговаривают только пожилые люди, дети уже не знают языка. Но славянских слов Эрвин не слышал, они ему

не знакомы. Не знает он и слова «res», о котором всех подряд расспрашивает А.С. Мильников. В остальном рассказы Эрвина Вульфа о праздничных обычаях местности и знахарях повторяют уже слышанные нами в Альт и Ной Ябеле.

Рядом с домом Вульфа, который тоже находится в центре, ядре крестьянской части деревни Филанка, находится памятник жертвам войны. Он сооружен из простых булыжников, но интересное в них то, что это бывшие пограничные камни с окрестных пахотных угодий.

Большинство старых крестьянских домов-дворов в Филанке были сожжены в 1930-е годы. Все началось с пожаров 1928 г. Спустя пару лет сгорел еще один дом, затем — еще один, и так горели один за другим. В 1933 г. сгорел последний старый *халленхаус*. Все в это время хотели иметь новые дома, жить по новым стандартам и моде, приближенной к городской. Дом Вульфа построен в 1930 г. Его бабушка знала много старых историй и преданий, умела их здорово рассказывать, а он — мужчина, ему было некогда, он уже не умеет, однако многие из рассказов бабушки помнит. В семье Вульфа было не принято ходить каждое воскресенье на службу в церковь. Особенно сейчас ему некогда — ведь он вынужден не только следить за скотом, огородом, но и вести домашнее хозяйство и ухаживать за тяжело больной женой (у нее уже несколько лет болезнь Альцгеймера). Иногда, правда, он заходит в храм, часто жертвует деньги, но много времени на церковь у крестьянина нет.

Дом Вульфа необычен: спереди расположена жилая часть, широкие окна современной квартиры обращены к площади деревни-*рундлинга*. Но со стороны двора это традиционный дом-двор с широкими зелеными воротами по центру — въездом в холл *диле*. Часть *диле* была позже перестроена и переоборудована под теплое помещение. Слева некогда находился коровий хлев, где размещались 10–11 коров, справа стояли лошади в стойлах, их у Вульфов было три, а это значит, что хозяин был состоятельным человеком. Все в *диле* сохраняет еще старую планировку и старые приспособления: калитка, кормушки и перегородки для скота. В бывшем коровнике нынче проведено отопление, а бывшая конюшня переоборудована под шикарную ванную комнату, облицованную кафелем розово-бежевых тонов.

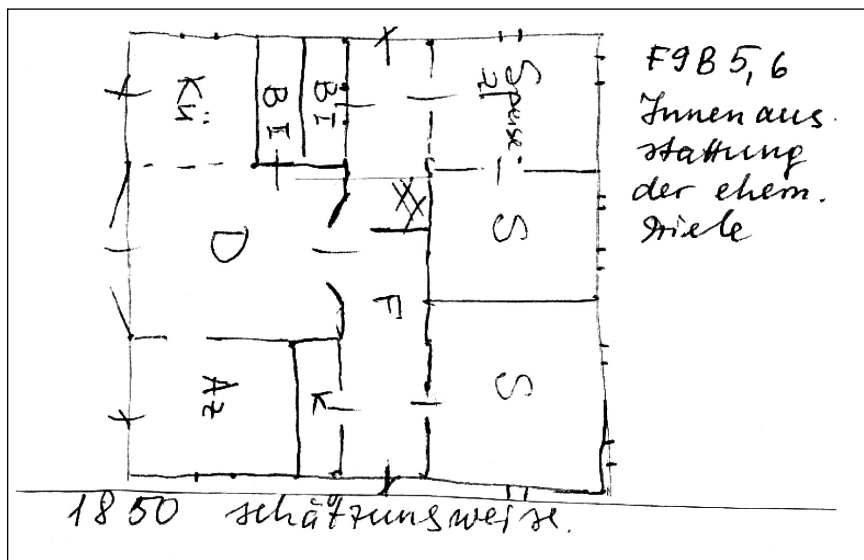
Сейчас у Эрвина нет крупного скота — только гуси, куры да овчарка. В большом сарае, что вынесен в отдельную надворную постройку, стоят телеги и трактор, старая телега, на которой раньше возили урожай, старая мебель, плуг и другие орудия труда земледельца. Здесь же он хранит солому, сено и дрова. Эрвин показывает нам свой огород, его площадь сейчас составляет 3/4 га. Он выращивает кормовые культуры — свеклу (*Runkel*) и капусту (*Viehkohl*), традиционный для Германии *грюнколь*, томаты, тыквы. В саду много яблонь и грецких орехов, которыми он нас щедро прямо здесь угощает.

Раньше в кухне готовили в котлах корм для скота.

После беседы с Эрвином Вульфом мы закончили рабочий день на сегодня и отправились попить кофе в деревенскую пекарню, но та оказалась закрытой. Через несколько минут появилась женщина, которая представилась хозяйкой пекарни и кафе. Говорила она с саксонским акцентом. Специально для нас кафе открыли, женщина сварила кофе и подала печенье, извиняясь, что больше ничего нет, потому что уже вечер пятницы, завтра лавка не работает, сегодня все раскупили, и она не знала о нашем визите. Мы попили кофе, и наш профессор завел с ней разговор. Это оказалась фрау Фогт из Саксонии, она 13 лет назад переехала в Филанк, открыла свое дело, но в деревне ее до сих пор не считают своей, все местные живут обособленно своей жизнью.

Я отправляюсь с фотоаппаратом по боковым маленьким улочкам Филанка. На одной из них — Вальдгассе — нахожу более или менее старый дом-двор: фахверк с соломенной крышей. Способ постройки каркаса напоминает дома Люнебургской пустоши — частые квадратные клетки. Дом выглядит почти новым, и, заговорив с соседями, я узнаю, что он был полностью обновлен 2–3 года назад, балки фахверка все новые, кирпичная кладка тоже. Это последний дом Филанка, уцелевший после пожаров 1930-х годов. Рядом раньше стоял еще один такой дом, но то ли перед войной, то ли сразу после и его сожгли. Предположительно дом был построен в 1850-х. Последний владелец дома 4 по Вальдгассе по фамилии Ламп был из Филанка. Сегодняшний хозяин — Ханс-Йоахим Шрётер — из Гамбурга. Он профессиональный кровельщик, специализирующийся именно на изготовлении «мягких» крыш из тростника. Он сам перекрыл крышу своего дома, и сосед помогал ему только при капремонте дома. Господин Шрётер занимается изготовлением «экокормушек» для птиц — это маленькие домики из натуральных материалов с круглыми соломенными крышами в виде бунгало. Такие кормушки он отправляет в Гамбург, и там на рынках их дорого продают: по 300 марок за одну штуку. Сосед имеет ключи от дома и может входить в него и в отсутствие владельца, этим я воспользовалась: меня провели в дом и показали все помещения. В *диле* оборудована просторная мастерская, где и лежат в большом количестве кормушки с соломенными крышами, *диле* же хозяин использует и как просторную, хорошо освещенную гостиную. В доме есть две ванных комнаты. Одно из боковых помещений хлева переоборудовано под кухню, она не имеет стены и сообщается с холлом-*диле*. Только балки фахверка отделяют кухню от гостиной и мастерской.

План дома Шрётера — Лампа

D = *Diele* (бывшее *diele*, ныне просторный холл)

S = *Stube* (жилая комната, гостиная)

Kü = *Küche* (кухня)

K = *Kammer* (комната)

Az = *Arbeitszimmer* (рабочий кабинет)

F = *Flur* (прихожая, коридор)

B I = *Badezimmer I* (санузел)

B II = *Badezimmer II* (санузел)

Speisez. = *Speisezimmer* (столовая)

= *Herd* (печь)

Из дневника Мыльников

Пасмурно, но сухо. Вновь навестили пастора Туттаса, от которого получили новые имена информантов. Первая встреча в деревне *Neu Jabel* с **Charlotte Wienke** (88 лет). Работала в LPG, сейчас на пенсии. Интерьер ее дома стилизован «под сельский» (хотя дом и так в деревне): под потолком светильники из колес повозки, у стен два старинных сундука, один из Вендланда, привезли оттуда то ли при деде, то ли при прадеде. Впрочем, о предках дальше деда не знает. Ее мать много ей рассказывала о старине, но

она все перезабыла. Помнит, однако, что народные праздники отмечались и в ГДР: главным было Рождество; ставили майские деревья (обязательно из березы), на Троицу тоже украшали березовыми ветками, но праздновали более скромно.

В порядке хобби, не исключаяющего небольшого приработка, содержит несколько ирландских коров с одним быком. Они живут в загоне рядом с домом. Животные с подозрением смотрели на нас как на явных чужаков. Покрытые густой шерстью, они выглядят непривычно, а потому забавно (пример контрастности восприятия).

Деревня *Viellank*. Как я уже отмечал, предполагается, что название имеет славянские корни, но мне не вполне ясно, какие. В центре на гранитном основании от времен ГДР сохранилась памятная стелла в честь успешного завершения сплошной коллективизации: «*Die Zentralgemeinde Viellank wurde am 16–4–1960 vollgenossenschaftlich*». Здесь источником интересующей нас информации является крестьянин **Ervin Wulf**. Радужный старик, сказал, что при ГДР был вынужден вступить в сельхозкооператив, но после *Wende* поспешил выйти. У него большое хозяйство: куры, утки, кролики; яблони и ореховые деревья; выращивает корма для домашнего скота, а также оленей — корм для них покупают лесные егери. Рассказал не так много, но подтвердил, что для установки майских деревьев используют *только* березу. О крестовидных и короновидных майских деревьях он не слышал, но знает, что при подготовке березы как майского дерева сучья на стволе гладко обрубали, оставляя ветви с листьями лишь на кроне. Возможно, что с течением времени произошло своеобразное объединение не только функций, но (физически) самих культовых деревьев. Майское дерево стоит в деревне 2–3 недели. Вокруг него молодежь водит хороводы, возглавляет цепочку кто-нибудь из молодых парней. Поскольку мне известно описание церемонии начала XVIII в., на заданные вопросы Вульф (а до него Шарлотта Винке из *Neu Jabel*) сообщил, что вокруг майского дерева не скачут, а именно хороводят. Важно, что оба информанта живут в разных деревнях и друг друга не знают.

Для меня наиболее интересным оказался огромный сарай, в котором он с консервативной скопидомностью умудрился сохранить множество старых сельхозорудий, давно ставших музейной редкостью. Среди них я наконец увидел *Nacken*, орудие для вспашки, которое, по свидетельству немецких этнографов, восходит к вендскому наследию. Пишу кратко, т.к. беседы с Винке и Вульфом записаны на магнитофон. Добавлю: оба информанта сдают свои сельскохозяйственные земли в аренду.

По окончании разговора, решили подкрепиться чашечкой кофе в замеченной нами *Landesbäckerei*. Она оказалась закрытой, однако Саша проник

к хозяйке, объяснил, кто мы, и двери растворились. Хозяйка — женщина средних лет, живет здесь 13 лет, переехала из Хемница (при ГДР временно назывался Карл-Маркс-Штадт). Пока мы, выпив кофе, курили на улице, она вышла и разговорилась с нами. Жаловалась, что здесь к ней долгое время относились как к чужой. Вообще, по ее мнению, обычаи в Мекленбурге сильно отличаются от Саксонии. Особенно при праздновании Рождества. Там факельные шествия горняков в сопровождении музыкантов, здесь — больше сидят по домам. Частично записали. Идиома: когда хотят показать, что нечто было очень давно, говорят: «*Es war zur Wendenzeit*».

Из дневника Новика

Сегодня мы приехали в село Альт Ябель (Alt Jabel) к пастору Туттасу (Tuttas), чтобы попросить его познакомить или связать нас со старыми жителями села и близлежащих деревень. Пастор дал нам список лиц и их адреса. Пастор Туттас принимал нас в своем кабинете. К нему зашел человек, представился и предложил нам свое сотрудничество. Его интересует этимология славянских топонимов. Мы ему дали наш адрес, но не назначили конкретную встречу.

После посещения пастора мы снимали село Альт Ябель, а затем поехали в деревню Ной Ябель (Neu Jabel). Мы приехали в дом Шарлотты Винке. У нее старый дом, полностью реконструированный. Внутри сохранены все балки и подчеркнуты все архитектурные особенности прежнего строительства. Снаружи дом смотрится вылизанным и ухоженным памятником архитектуры. Он имеет совершенно новые лишь окна и двери. Вокруг дома удивительно чистый газон и много цветов.

Наше внимание сразу же привлекли мохнатые коровы, которые содержатся на заднем дворе. Мы познакомились с хозяйкой и сразу же прошли к домашним животным. Это шотландские горные коровы. Среди них есть бык с кольцом в носу, старшая корова, другие коровы с выменем, но поменьше, и различные телки и телята, тоже уже большие и лохматые. Таких коров мы не видели никогда. В Шотландии эту породу вывели такой, потому что животным с длинной шерстью легче переносить непогоду в суровых условиях гор, где прохладно и часто идут дожди.

Хозяйка содержит их ради развлечения, это ее хобби. Шерсть и мясо, как она сказала вначале, не продает. Позже призналась нам, что своих коров все-таки сдает на мясо. Ей их жалко, она к ним привыкает и каждую знает по имени. Но ничего не поделаешь. Вырученные деньги — важное подспорье к пенсии.

Позади дома для коров построен новый современный сарай в стиле *хай-тек*. Имеется пастбище очень больших размеров. Коровы вольно пасутся и

поедают сочную траву. В любой момент они могут укрыться в сарае. Ворота так сделаны, что не требуется помощь владельца, животные сами заходят в него и выходят по мере надобности. Когда Шарлотта вынесла своим любимцам ведро корма, они с удовольствием сбежались со всего пастбища полакомиться нерастительной пищей. Бык уступил первенство старшей корове, а потом подошел к ведру сам.

Затем хозяйка пригласила нас в дом, который поразил стильным и дорогим убранством. В доме устроена огромных размеров гостевая комната. Большое пространство помещения поделено на несколько зон. Есть место для еды, место, где можно посидеть в креслах, место, где выставлены всевозможные старинные вещи.

Мы увидели старинный дубовый сундук, окованный железом. В гостиной стоит старинная колесная прялка. Здесь же два небольших чугунных утюга. На стенах висят за стеклом в рамках указы герцога Мекленбургского с печатями от 1910 г. и другие документы. Также на стенах висят старые фотографии в рамках за стеклом.

Наряду со старинными шкафами, стульями и прочей старой мебелью в гостиной с прекрасным видом на сад стоит и хорошая современная мебель: мягкий уголок, обитый черной натуральной кожей, красивый деревянный столик. Вокруг много живых цветов в дорогих кашпо. Полы устланы коврами. Гостиная оборудована в помещении прежнего *диле*. В качестве люстр висят приспособленные под осветительные приборы деревянные колеса телег. Ремонт специально стилизован под деревенский стиль ушедшего века.

Дом настолько богатый и стильный, что не верится, что в нем может жить одинокая сельская пенсионерка. У хозяйки есть дети и внуки, но они уже давно уехали в город. То, что немецкие крестьяне могут так жить, конечно, радует. Наш коллега Бекманн сказал, что ему не очень нравится дом Шарлотты Винке, так как он напоминает не жилой дом, а специально созданный китч.

Хозяйка за час до нашего визита вернулась от врача из г. Людвигслюста. Поэтому она очень нарядно одета. На ней синий шерстяной костюм (пиджак и юбка), белая блузка, шелковый элегантный шарфик.

У хозяйки есть собака породы шелти. Собака старая и слепая. Шарлотта вычесывает свою собаку и из ее шерсти прядет нити и вяжет. Собака везде ходит за нами.

В доме очень чисто. Вокруг дома разбит очень продуманный и ухоженный участок. Все дорожки вымощены плитками. Разговор с хозяйкой у нас не был очень длинным. Мы договорились приехать к ней еще. Шарлотта вышла проводить нас до ворот.

От Шарлотты Винке мы поехали в магазин в деревню Филанк (Vielank). В этой деревне два магазина: универсальный и автозапчастей. Есть также пекарня, совмещенная с кофейней.

Мы пришли в один дом в Филанке. Нас сюда направил также пастор Туттас. Мы воспользовались его рекомендациями. Хозяин дома, Эрвин Вульф (Ervin Wulf), нас любезно принял. Адрес дома: Bauerwring, 12.

У Вульфа красивый ухоженный дом. Когда мы приехали, Эрвин был занят по хозяйству. Нам его позвали домашние. Затем нас пригласили в дом. Хозяин читал о нашей экспедиции в газете, а потому рад был побеседовать и рассказать, что мог.

Дом Вульфа имеет крытую веранду со стеклянными цветными дверями, как это было принято в 1950-е годы. На веранде, отделанной с нижней части стен голубой кафельной плиткой, стоит мягкий уголок с зеленой обивкой, а также множество цветов. Вход с веранды ведет сразу на кухню. Кухонная мебель новая, белая. Здесь стоит стол с четырьмя стульями и креслом. Под потолком люминесцентная лампа. Стены кухни облицованы белым кафелем. Из кухни выходят пять дверей. Есть еще и шестая, но она заставлена кухонной мебелью, и ею не пользуются. Все двери старые, окрашены белой краской уже давно.

В углу висит старая полочка с белым рушником, вышитым синими нитями. Рядом стоит маленький умывальник, над ним — зеркало. На кухонных полочках стоят керамические фигурки гусей и лебедя. Все это местное производство, популярное в Ябельхайде. Есть фарфоровый подсвечник.

На стене висят фарфоровые часы, по бокам — две разделочные доски из дерева с росписью и выжиганием.

Стоит низкий холодильник, рядом на полке — магнитофон. Готовят на стеклокерамической плите. В углу, рядом с окном на веранду и вдали от плиты, стоит большая мойка. Пол кухни мозаичный, как в советских гастрономах.

Никаких ковров и ковриков на кухне нет. С цветами тоже небогато, что необычно для немецкого дома. На подоконнике стоит единственный горшочек с искусственными цветами. Над окном и над стеклянной дверью на веранду висят очень короткие занавески из тюля, практически бордюры. На холодильнике стоит белый кувшин с одинокой бледно-кремовой розой.

Чайник и кофеварка (Kaffemaschine) белого цвета, как и вся кухня.

Мы беседуем с хозяином за столом. Стол покрыт одноцветной клеенчатой скатертью. Эрвин раньше работал в сельскохозяйственном кооперативе, теперь уже на пенсии. Информант говорит, что в деревне нет семей и людей, которые бы связывали свою родословную с вендами. Дед информанта говорил на Plattdeutsch. Сам Эрвин также владеет диалектом. Он говорит на диалекте с соседями и односельчанами, которые местные. Хозяин по нашей просьбе надиктовал на диктофон текст на Plattdeutsch.

Наш разговор зашел о самосознании. Эрвин Вульф считает себя мекленбуржцем, жителем Филанка (Mecklenburger, Vielanker). Это какое-то особое ощущение своей самобытности и государственности. С подобным мы часто сталкиваемся во время нашей экспедиции. Информанты на, казалось бы, простой вопрос, кем они себя считают, отвечают, что они жители Мекленбурга, а затем уже уроженцы или жители конкретного места. Можно было бы предположить, что информант в первую очередь скажет, что он немец, и лишь при дальнейших расспросах уточнит свою региональную принадлежность. В Мекленбурге остро чувствуется привязанность к земле, и эта региональная принадлежность декларируется при определении идентичности.

Мы расспрашивали Эрвина о славянских древностях. Слова «*пес*» (Pes) он никогда не слышал и не знает его значения.

Речь у нас шла о праздниках, сельской жизни и проч. вещах. Традиционные костюмы в Филанке носили повседневно еще во время нацистов (Nazizeit). Тогда властями очень поощрялись германские наряды. Партийные лидеры пытались вернуть к жизни народные традиции либо то, что они таковыми считали. Женщины носили чепцы, наряжались, как в прежние времена.

Информант знает, что сегодня пятница, 13-ое число, вдобавок полнолуние. Все это очень плохо («Das ist sehr schwarz»).

После беседы на кухне хозяин повел нас показать свое хозяйство. Оно у него большое. Хозяйственные комнаты есть прямо в доме. Во дворе большое количество хозяйственных построек. В одну из них, очень большую по размерам, он привел нас специально. Она занята сельскохозяйственной техникой, здесь же хранится солома. Мы видели помещения для приготовления корма для скота. На подворье есть летняя кухня. У Вульфа большой огород, начинающийся прямо рядом с домом. В огороде растет кормовая свекла, капуста. На некотором расстоянии от дома имеется большой пруд, в котором хозяин выращивает карпов. Своими рыболовными навыками он чрезвычайно гордится.

Перед отъездом нас угостили грецкими орехами.

Из дома Эрвина Вульфа мы решили пойти в деревенскую пекарню. Пекарня служит также местной кофейней. Когда мы пришли, она была закрыта. Мы пришли во время перерыва. Однако нам открыли. Хозяйка была очень любезной. Это молодая женщина родом из Саксонии. Переехала в эти места уже достаточно давно. Вначале местные жители приняли ее довольно настороженно. Обычай Мекленбурга, по ее мнению, значительно отличается от саксонских. Она постепенно привыкла на новом месте. И местные стали относиться к ней доверительно. Жить в Мекленбурге ей нравится.

За разговором хозяйка сварила нам кофе и предложила выпечку — *кухен* (Kuchen). За три порции выпечки и четыре чашки кофе мы заплатили 12,50 DM.

Вечером мы смогли убедиться в «нечистой» силе, пытавшейся править бал в этот день. Мы с Юлией отвезли Бекманна в город Людвигслуст на вокзал. У него предстоят выходные. И возвращаться нам пришлось на машине одним. У Юлии нет прав, но она уверенно водит машину. А у меня есть права, но я забыл правила дорожного движения и растерял навыки вождения. Поэтому за рулем была Юлия. Проводив нашего немецкого коллегу, мы сели в автомобиль. Наша поездка не задалась как-то сразу. Вначале мы плохо тронулись, и долго ехали на ручном тормозе. Поездка по городу была нервной, а за городом вообще как-то не сложилась. Мы не очень точно знали, в каком месте темного шоссе нам надо поворачивать, и задолго стали показывать левый поворот, и машины не могли нас обогнать. Потом, в лесу, нас обогнал один нервный водитель, поинтересовался, не пьяные ли мы, и предложил поговорить. Так как местных законов мы не знаем, то струхнули. В итоге мы оторвались от нашего преследователя, заехали в первую деревню и оставили автомобиль, а сами пошли гулять. Рассерженный автолюбитель уехал. И лишь тогда мы осторожно добрались до своего дома. Встречаться с тем парнем явно не хотелось. Твердо решили больше не нарушать правил и ездить только с правами. Выкурили много. Неплохо еще знать местное законодательство. В России это не было бы проблемой, а здесь, когда не совсем знаешь, что нарушаешь, волнение большое. И ответственность за все, конечно, несет «нечистый» день.

Фотодневник

F-8. В-26 Альт Ябель. Старый полуразрушенный крестьянский дом на Улице имени строительства новой жизни. Дом был выполнен в технике фахверк с кирпичным заполнением, кровля — черепица. Еще несколько лет назад в доме размещался молодежный клуб деревни, об этом теперь напоминают лишь остатки раскраски и оформления стен внутренних помещений. Дом заброшен, разрушается, внутри завален мусором, горел.

F-8. В-27 Ной Ябель. Двор Шарлоты Винке. Шотландская порода коров, которую разводят родственники Шарлоты с запада. «Highlander» (Schottische Hochlandschsen). Это хобби хозяев, животных разводят не для забоя.

F-8. В-28 Ной Ябель. Хозяйство Шарлоты Винке. Бык-производитель в стаде распознается по кольцу, вдетому в ноздри.

F-8. В-31 Ной Ябель. Дом Шарлотты Винке. Старый сундук (1800-е годы.), привезенный дедом Шарлотты, является теперь модной деталью современного интерьера, стилизованного под крестьянский.

F-8. В-32–34 Ной Ябель. Дом Шарлотты Винке. Виды интерьера холла (гостиной), оборудованного на месте традиционного помещения крестьянского дома *диле* и хлевов.

F-8. В-35 Ной Ябель. Улица Weg der Zukunft («Путь к будущему»), 6. Вид дома Лотты Винке снаружи, со стороны главного фасада.

F-8. В-36 Ной Ябель. Шарлотта Винке (88 лет).

F-8. В-37 Филанк. Bauernring, 11. Дом крестьянина Эрвина Вульфа со стороны двора. Постройка 1930-х годов.

F-9. В-1 Филанк. Огород Эрвина Вульфа. Гряды с кормовой капустой.

F-9. В-2 Филанк. Эрвин Вульф в своем дворе прощается с участниками экспедиции после беседы.

F-9. В-3 Филанк. Дом крестьянина Эрвина Вульфа со стороны улицы (главный фасад). Постройка 1930-х годов. В это время для строительства домов характерно приближение внешнего вида и внутренней планировки к городскому типу, проникновение городских образцов в сельскую жизнь. Дома становятся двухэтажными, жилые помещения переносятся в переднюю часть дома и снабжаются широкими современными окнами. Тем не менее задняя часть дома Вульфа осталась традиционной — с въездом в диле.

F-9. В-4 Филанк. Улица Вальдгассе, 4. Один из немногих старых крестьянских домов, сохранившихся в деревне после поджогов и пожаров 1930-х годов.

F-9. В-5–6 Филанк. Дом Лампа — Шретера.

Расшифровка записи беседы с Шарлоттой Винке

М y l' n i k o v : In welchem Jahr war es gebaut?

T a n t e L o t t e : 1825 bis 27.

М y l' n i k o v : Aha, gebaut?

T a n t e L o t t e : Gebaut.

М y l' n i k o v : Ja, ein altes Haus...

T a n t e L o t t e : Ja. Is' ein altes Haus.

М y l' n i k o v : Und waren Ihre Vorfahren Bauern, ja?

T a n t e L o t t e : Ja.

М y l' n i k o v : Also, ein Grund war hier.

T a n t e L o t t e : Ja. Wir hatten immer Landwirtschaft gehabt. Ja, der Acker liegt ja dahinten ´raus, ne? Den Acker hatten wir immer hier beisammen, da gehen nun die Kühe, ne? Das ist als Weide jetzt.

М y l' n i k o v : Sagen Sie bitte, es ist immer interessant: welche Leute oder welche Generationen in Ihrem Stammbaum kennen Sie? Wie lang geht Ihre Vorstellung?

T a n t e L o t t e : Ja, ich kenne meinen Großvater, kenn' ich, und die Großmutter ist früh verstorben.

М y l' n i k o v : So, und den Urgroßvater wissen Sie nicht?

T a n t e L o t t e : Nee, den kenne ich nicht.

М y l' n i k o v : Ja, ja, ja. Es ist sehr typisch bei allen, ja.

T a n t e L o t t e : Ja, kucken Sie mal, mein Großvater hat 91 Jahre gewohnt. Und ich bin ja auch schon 87! Ne? Ich bin ja auch schon 87... Und meinen Grosvater habe ich noch gekannt, von hier.

М y l' n i k o v : Sind sie 87? Oh, ich konnte niemals so sagen!

T a n t e L o t t e : Nee?

М y l' n i k o v : Ich dachte, dass viel weniger! Ho-ho-ho!!

T a n t e L o t t e : Ja... ist nun mal so...

М y l' n i k o v : Und wer waren Sie nach Beruf? Als Sie arbeiteten?

T a n t e L o t t e : Ja, auch hier in der Landwirtschaft.

М y l' n i k o v : In der Landwirtschaft, uhu... Da waren... das waren DDR-Zeit, da waren diese Genossenschaften. Waren Sie in Genossenschaften?

T a n t e L o t t e : Ja, ja.

М y l' n i k o v : Und jetzt gibt's noch Genossenschaften? Ja?

T a n t e L o t t e : ja, ja.

М y l' n i k o v : Ja, in manchen Dörfern uns erzählt man, dass die Leute blieben in Genossenschaft, weil es ist günstiger in ökonomischen Sinn.

T a n t e L o t t e : Ja, kucken Sie mal, die haben jetzt ja den ganzen Acker, der hier war, gehen sie alle in die Genossenschaft, ne, ja und Beruf hatte ja keiner gelernt, also bringen sie alle hier. Nä?

M y l' n i k o v : Nu ja, das ist wirklich... Ich habe schon davon mit vielen Bauern gesprochen, noch in frühere Jahre, weil ich war einige Male in Deutschland. Zuerst habe ich mit Bauern in Bezirk Braunschweig, dort wo die schwarze Erde ist, und später hier, und alle sagen, alle sagen, dass wenn sie weniger 100 Ha haben, es ist unrentabel.

T a n t e L o t t e : Ja, ist nicht mehr. Ist nicht mehr rentabel. Muss man, nä?

M y l' n i k o v : Sagen Sie, als Sie noch Mädchen waren, haben Sie wahrscheinlich irgendeine Märchen oder Legenden gehört von Ihren Mutter, Großmutter?

T a n t e L o t t e : Nee, eigentlich nicht. Ja, in Schlonsberge, es geht ja dann weiter durch, nä, da hieß es ja immer, da ist eine goldene Wiege vergraben in... in einem so 'n... wie soll ich sagen... so 'n Damm oder so 'n Berg, nä? Das soll eine goldene Wiege sein. Schlonsberge heißt das.

M y l' n i k o v : Wo soll es sein?

T a n t e L o t t e : Da in Schlonsberge! Das sind vier Häuser und da ist ein kleiner Berg und da soll eine goldene Wiege sein. Das hat... nä?

M y l' n i k o v : und wo ist dieser Berg?

T a n t e L o t t e : Ja, da in Schlonsberge ist das!!! Ja. Aber wo genau weiß ich auch nicht.

M y l' n i k o v : Ja, niemand weiß. Ho-ho-ho! Ja. Und sagen Sie, bis bestimmte Zeit, ich glaube, bis 60-ste Jahren hat man noch alte Geräte gebraucht. Und nachdem haben sie es fortgeworfen, heute wahrscheinlich kann man nur in Museen sehen. Ja, z. B. mich interessiert dieser Hacken, der an Pflug war.

T a n t e L o t t e : Der Hacken?

M y l' n i k o v : Der Hacken, ja. Sie waren früher aus Holz gemacht, später hat man sie aus Metall, aus Eisern, ich weiß nicht, woraus noch, und jetzt kann man nur in Museen sehen. Hat man da, früher zwei Ochse, da zwei Pferde angespannt und der Bauer ging hinter und ja, ja...

T a n t e L o t t e : Ja, ja. Kucken Sie mal, ich hab' ja ein Bild. Das kann ich Ihnen noch ma' zeigen.

M y l' n i k o v : Ja, bitte schön...

T a n t e L o t t e : Ja, wir haben die Blumen hier weggenommen, ich muss noch von draußen hier 'reinholen. Kucken Sie an, das ist mein Großvater.

M y l' n i k o v : Aha. In welchen Jahren konnte es sein?

T a n t e L o t t e : Ja... wann konnte das sein?.. Er hat '43 gestorben... in den 30-er Jahren vielleicht, nä? '43 ist er schon verstorben. Der ist 1852 geboren, und 1943 ist er verstorben.

M y l' n i k o v : Ja, und später... wie lange haben Sie solche Geräte gebraucht?

T a n t e L o t t e : Ja, bis zu...bis 1960–61, da sind wir ja in die LPG gegangen.

M y l' n i k o v : Nu ja, kam neue Technik schon... Es kam wohin, in die Genossenschaften oder in Privatbesitz?

T a n t e L o t t e : Was denn?

M y l' n i k o v : Die neue Technik... war in Privatbesitz oder...

T a n t e L o t t e : Nein. In Genossenschaften.

M y l' n i k o v : Und sagen Sie, hat er sich so speziell für Foto angezogen, oder es war ganz gewöhnlich?

T a n t e L o t t e : Nein! Nein, ganz gewöhnlich. Er wollte ja nicht, man... er wollte ja nicht fotografiert werden, es musste man schon immer heimlich machen, nā? Er wollte das nicht, nā? Nein, das hat er har nicht gewusst.

M y l' n i k o v : Aha, ja. Nachdem ärgerte er?

T a n t e L o t t e : Ja, nee, das wollte er nicht! {zu Kora} Kora, ist ja gut, ist ja gut, ist ja alles gut. Ist ja gut, ist ja alles gut.

B e c k m a n n : ...den alten Fest, die hat man bisher gefeiert.

T a n t e L o t t e : Ja, früher haben wir auch doll gefeiert. So, wie noch keine LPG war, privat noch, nā? Waren auch die Erntewagen geschmückt und ich weiß auch noch einer hier mit Ochsen, mit Kühen, ein großer Leiter war, war hübsch gemacht, die Kühe waren hübsch gemacht, sind wir ja auch durch's Dorf gezogen. War schon immer.

B e c k m a n n : Mit Erntekrone?

T a n t e L o t t e : Ja, mit Erntekrone.

M y l' n i k o v : Es war immer, in DDR-Zeit auch?

T a n t e L o t t e : In der DDR-Zeit auch. Jaa.

I v a n o v a : Und jetzt schon nicht mehr?

T a n t e L o t t e : Doch. Also hier im Dorf direkt nicht, aber die LPG macht auch Erntefest.

I v a n o v a : Wo?

T a n t e L o t t e : Kucken Sie ma'... ja, wo, weiß ich auch nicht, da...

B e c k m a n n : Wird es nur abends gefeiert, nicht jetzt Umzug gemacht, oder?

T a n t e L o t t e : Ja, ich glaube, im letzten Jahr war das nicht, aber ich gehe ja nicht mehr hin, nā? Für mich ist es ja nichts mehr.

I v a n o v a : Und wie die Erntekrone gebunden wurde, das wissen Sie, ja?

T a n t e L o t t e : Ja, das weiss ich, ich hab' viel Erntekronen gebunden.

I v a n o v a : Ja, echt?!

T a n t e L o t t e : Ja. Ich hab' viel Erntekronen...

I v a n o v a : Aus Getreide oder auch mit Blumen geschmückt?

T a n t e L o t t e : Mit Getreide, und dann mit Blumen geschmückt.

I v a n o v a : Und warum, sagen Sie bitte, warum hat sie solche Form eigentlich, ich kann es nicht...

T a n t e L o t t e : Ja, das weiß ich auch nicht, warum. Solche, und dann wieder so, nā?

I v a n o v a : Warum hat sie immer vier Bogen?

T a n t e L o t t e : Ja, vier Bogen waren immer und dann unten auch noch 'rum, nä? Nee, das weiß ich auch nicht. Nee, das weiß ich nicht.

M y l ' n i k o v : Und sagen Sie bitte, welche Feste waren hier in Ihrem Dorf am meisten verbreitet?

T a n t e L o t t e : Ja, erstens mal Erntefest und dann war noch ä... Faslam, wie man so früher sagte, nä, ja, dann gingen noch die älteren, ja, das war auch fürs Dorf.

M y l ' n i k o v : Und Pfingsten auch?

T a n t e L o t t e : Pfingsten weniger.

M y l ' n i k o v : Und welchen Baum hat man da an Pfingsten geschmückt, Birkenbaum oder?

T a n t e L o t t e : Birke, ja. Birke.

M y l ' n i k o v : Bestimmt Birke?

T a n t e L o t t e : Ja, Birke, das ist aber heute noch. Nee, das macht man zum Mai. Im Mai, zum ersten Mai setzt man 'ne Birke auf. Nä, wird an die Wand geschlagen und die kommt dann hier aufs...

M y l ' n i k o v : Maibaum?

T a n t e L o t t e : Maibaum.

M y l ' n i k o v : Aber selbst am Pfingsten...

T a n t e L o t t e : Ja, dann haben wir uns 'n Birkenstrauß geholt. Nä?

M y l ' n i k o v : In Wald oder bringt man auch?

T a n t e L o t t e : Ja, vom Wald oder so... aus dem Knick, aber ich weiß wie so... wie ich noch Kind war, mein Großvater hat auch immer Birke geholt, Birkenreisig, nä? Und das hat er dann ans Tor angemacht und an der Haustür.

M y l ' n i k o v : Zu Pfingsten?

T a n t e L o t t e : Zu Pfingsten.

M y l ' n i k o v : Es war nicht mit Maibaum verbunden?

T a n t e L o t t e : Nee, nee, das ist nicht mit Maibaum...

M y l ' n i k o v : Und wie lange stand Maibaum?

T a n t e L o t t e : das weiß ich nicht.

M y l ' n i k o v : Aber lange Zeit?

T a n t e L o t t e : Ja. Drei-vier Wochen, so, nä? Da wurden ja bunte Papier-schleifen drangemacht, an Maibaum.

M y l ' n i k o v : Und was macht man mit diesem Maibaum, hat man 'rum herum getanzt oder...

T a n t e L o t t e : Ja, ja. Man hat getanzt, vor allen Dingen die Kinder haben darum getanzt, nä?

M y l ' n i k o v : Wie hat man getanzt, z.B. hat man die Lichte, Kerzen in die Hand?

T a n t e L o t t e : Nein. Sie haben sich so angefasst und dann so 'rumgetanzt.

M y l ' n i k o v : Und wer war in Anfang dieser Kette? Dorfbürgermeister oder?

T a n t e L o t t e : Nä, eigentlich die jungen Leute. Ja. Junge Leute. Und Kinder, nä? Also, so kenne ich das.

M y l ' n i k o v : Nu ich verstehe, ja.

T a n t e L o t t e : Das ist ja in anderen Gemeinden manchmal anders gewesen, nä?

M y l ' n i k o v : Ja, es kann ganz verschieden sein. Z.B. in einige Dörfer war es so hier in dieser Gegend, das die Leute gingen in Wald, da hatten sie bestimmten Baum ausgewählt, hatten sie abgehackt da war manchmal so, zwei Typen von Baum waren es: eine musste aus Eiche, Eiche sein, zweite — Birkenbaum. Z.b. sie hatten es abgehackt, und da sehr so... wichtig war es, hatten sie auf ein Pferd, Wagen, nicht volle Wagen, aber nur zwei erste Räder angebunden und bringt es nach Dorf. Da gingen junge Frau rund herum und alte auch und sie haben irgendwas gesungen, hatten Geld, als ob sie kaufen, z.B. 10 Pfennig, etwas ähnliches war bei Ihnen oder nicht?

T a n t e L o t t e : Nee, das war nicht. Wissen Sie, das ist unterschiedlich. In einem Dorf ist es so, und in anderem Dorf ist es so, nä? Das ist unterschiedlich.

M y l ' n i k o v : Wie erklären Sie es, warum sind solche Unterschiede?

T a n t e L o t t e : Tja, das weiß ich auch nicht...

B e c k m a n n : Gab's zu Weihnachten irgendwelche besonderen Bräuche, irgendwelche...

T a n t e L o t t e : Nee, hier nicht. Hier in Nachbardorf, Woosmer, da ist es früher wohl gewesen. Da kommt meine Mutter her. Sie hat es dann erzählt.

B e c k m a n n : Was hatte die da gemacht?

T a n t e L o t t e : Die hat... ä ha'n so... aus Holz so 'n weißes Pferd und da sind sie damit 'rumgezogen. Aber sie sagte, zu ihrer Zeit auch nicht mehr, zu der Zeit ihrer Mutter. Aber heute ist das auch nicht mehr.

M y l ' n i k o v : Ja, ja. Und sagen Sie, waren in Ihrem Dorf sogenannte Wis-sende, welche halfen, wenn der Mensch krank ist oder...

T a n t e L o t t e : Nee. War nicht.

M y l ' n i k o v : Nein. In einigen gibt's noch heute.

T a n t e L o t t e : Ja, es gibt noch. Nee, aber das war nicht.

M y l ' n i k o v : Es kann nicht sagen, dass es solche Zäuberinnen sind oder die Hexen, gewiss nicht, aber sie wissen verschiedene Volksmedizinische...

T a n t e L o t t e : Ja, ich weiß, was Sie meinen, ja, aber das war hier nicht. In Alt Jabel war eine Frau, aber die ist auch schon verstorben.

I v a n o v a : Wie hieß sie?

T a n t e L o t t e : Talg hieß sie, t, a, l, g. Aber die ist nicht mehr, die ist verstorben. Und die Kinder sind auch nicht mehr. Einer ist in Hamburg und weiß gar nicht wo... weiß ich gar nicht.

M y l' n i k o v : Aber sie soll doch nach Volksvorstellungen ihre Kraft jemand übergeben. Man sagt so, wenn es Frau ist, so muss sie dem Mann, nu den Herrn übergeben, und Herr wieder mal die Frau, sonst wird Kraft verlieren.

T a n t e L o t t e : ja? Nee, das kenne ich nicht.

M y l' n i k o v : Hier in Jabelsheide hat man uns so erzählt.

T a n t e L o t t e : Ja? Ist möglich. Ist wohl so, nä?

M y l' n i k o v : Wahrscheinlich, warum nicht? Es ist doch mit Psychologie verbunden, ja-ja-ja.

B e c k m a n n : Sie sagten von Faslam, was ist das?

T a n t e L o t t e : Faslam, also das ist auch so von Alters her, da gehen alle hin, jung und alt gehen, die gehen alle.

B e c k m a n n : Was ist das?

T a n t e L o t t e : Das...da wird's getanzt.

B e c k m a n n : Zu welcher Jahreszeit ist das?

T a n t e L o t t e : Na...zu welcher Jahreszeit? Das ist so... Februar meistens. Fastnacht, Fastnacht ist es Ihnen ein Begriff?

B e c k m a n n : Na, das's klar.

T a n t e L o t t e : Ja, und da kommt Faslam, das ist von Platt, plattdeutsch. Nä? Faslam das ist plattdeutsch von Faslam. Und das ist von... also mein Großvater erzählte schon immer früher von dem wurde Faslam gefeiert.

B e c k m a n n : ?

T a n t e L o t t e : Nein, hier nicht, hier nicht, nä? Aber denn war das... hier das Haus ist ja nun schon abgerissen, da war 'ne große so 'ne Scheunendiele wie diese, ein Hallenhaus, kennen Sie ein Hallenhaus, ist es Ihnen ein Begriff? Dies war früher auch ein Hallenhaus.

B e c k m a n n : Wo, hier?

T a n t e L o t t e : Dies. Dies ist noch nicht lange so, das haben meine Verwandten gemacht. Ich hatte nicht so viel Geld, aber sie haben das dann gemacht. Und... dann wurde, war da so 'n so 'n Ding angebaut, da an der Decke und da saßen drei Musikanten und dann hier unten wurden Bretter gelegt und Saal sagt man, nä? Ein Saal gelegt und da wurde dann getanzt.

I v a n o v a : In der Diele?

T a n t e L o t t e : In der Diele, ja. Oh, das war immer schön!

I v a n o v a : Und das kennen Sie noch?

T a n t e L o t t e : Das kenne ich noch, ja. Das hatten sie abgerissen, sonst hätte ich Ihnen noch zeigen können. Auf der Seite waren die Pferde, und auf der Seite waren die Kühe. Und zwischendurch haben wir getanzt.

M y l' n i k o v : Und das war Tor, ja?

T a n t e L o t t e : Was?

M y l' n i k o v : Hier waren die Toren?

T a n t e L o t t e : Ja, ja-ja. Hier bei uns nicht, das war ein bisschen weiter ´runter, aber das Haus steht nicht mehr. Das ist schon weg.

B e c k m a n n : Das war zur Zeit immer in einem Haus oder?

T a n t e L o t t e : War immer in einem Haus. Die haben so eine kleine Gastwirtschaft aus, nã?

B e c k m a n n : Jo, und haben sie dann zusammengefeiert?

T a n t e L o t t e : Jo. Aber die kannten das ja schon, nã?

B e c k m a n n : Ja, ja.

M y l ´ n i k o v : Sagen Sie, und zum Beispiel, solche Volksgebrãuche, welche in manche Lãndern sogar also 30. April es ist ein Hexennacht, ja?

T a n t e L o t t e : Nee, kenne ich nicht.

I v a n o v a : Walpurgisnacht.

T a n t e L o t t e : Ja, Walpurgisnacht, aber ist hier nichts. Nee, das ist im Harz, das ja mehr. Auf ´m Brocken.

M y l ´ n i k o v : Aha, ja. Und z.B. Johannistag: manchmal hat man Feuer gebrannt und da springt man über Feuer. War es hier bei Ihnen?

T a n t e L o t t e : So... nee, das... das war nicht, nein. Osterfeuer ist hier. Osterfeuer.

M y l ´ n i k o v : Ja, ja. Es ist anderes. Johannistag es ist ganz verschieden, aber kann Ende Juni — Anfang Juli sein.

T a n t e L o t t e : Ja, der 24. Juni ist das, nã?

M y l ´ n i k o v : Ja-ja, nu ganz verschieden, bei... aber prinzipiell so in diese Termine, ja.

B e c k m a n n : Und zum Osterfeuer: ist es nur ein Feuerumzug oder wie...?

T a n t e L o t t e : Nee, Umzug gibt´s nicht, aber da gehen auch viele hin, nã? Und ich weiß nicht, die Kinder da noch durch, und ich weiß es gar nicht, ich gehe immer kurz hin und nã? Und dann nachher gehe ich wieder nach Haus.

B e c k m a n n : Also, Osterfeuer wird auch heute gemacht?

T a n t e L o t t e : Ja, Osterfeuer wird hier immer gemacht. Aber Johannisfeuer... ich glaub´ es war früher schon mal gewesen, aber jetzt weiß ich nicht. Ich weiß nicht, hat mein Großvater davon erzählt?... vom Johannisfeuer? Das weiß ich nun gar nicht mehr.

M y l ´ n i k o v : Nu ganz verschieden in verschiedenen Dõrfern...

T a n t e L o t t e : Wissen Sie, früher hat man sich da auch nicht so für interessiert. Heute kann man sich ärgern: man hätte mehr danach fragen, nach dies und nach das, nã? Nach diesem und nach diesem. Immer hätte nachfragen müssen. Früher — ah, was, aber heute...nã? Ich hätte meinen Großvater mehr fragen sollen, der hätte mir viel erzählen können. Aber... was man nun so weiß, nã?

B e c k m a n n : Ja, ja...

T a n t e L o t t e : Waren sie bei Frau Henning schon, nee?

I v a n o v a : Nee, noch nicht.

T a n t e L o t t e : Die wird ja Hundert nun. Nä, die wird im April 100, ich werd' im April 88.

M y l ' n i k o v : Ja, ja, das ist ja sehr richtig... und wie fühlen Sie sich?

T a n t e L o t t e : Gut. Fahre noch rad.

I v a n o v a : Oh, ja!

M y l ' n i k o v : Hören Sie gut?

T a n t e L o t t e : Ja. Und Zeitung lese ich noch ohne Brille.

N o v i k ; M y l ' n i k o v : Ooh ! Sehr gut! Wunderbar! Ho-ho!

T a n t e L o t t e : Ja. Wollen wir sagen, am Fenster, wenn es nun dunkel ist, dann ist es auch schon schlechter, nä? Aber sonst so...

I v a n o v a : Sagen Sie bitte, und was ist mit den Schlachtfesten?

T a n t e L o t t e : Tja... da ist nicht viel gemacht. Hier da hat so geschlachtet für sich und nä?

I v a n o v a : Aber zur Zeit wird es nicht gefeiert? Wir haben gedacht, dass die Ochsen, sie schlachten selbst.

T a n t e L o t t e : Nee, schlacht... die kommen zum Schlachter.

I v a n o v a : Oder sie schlachten selbst?

T a n t e L o t t e : Ja, der schlachtet für uns, nä?

I v a n o v a : Ah, so.

T a n t e L o t t e : Und... nee, da wird nichts davon gemacht. Ganz früher ist es wohl gewesen, aber jetzt... Also soviel wie ich weiß, nichts mehr. Nee, also die werden geschlachtet und dann kommt das Fleisch zurück.

I v a n o v a : Rohes Fleisch?

T a n t e L o t t e : Ja. Kommt das rohe Fleisch. Und bei mir kostet es immer noch viertel Jahr, halbes Jahr bevor ich davon esse. Ich kann das nicht, weil mir die Tiere eben lieb sind, nä? Kann davon nicht essen!

I v a n o v a : Nein? Aber Ihre Verwandten, nä?

T a n t e L o t t e : Jo.

I v a n o v a : Und kochen Sie selbst?

T a n t e L o t t e : Ja.

I v a n o v a : Oder kaufen Sie Fertigprodukte?

T a n t e L o t t e : Nee! Ich habe einen Garten, und Gemüse und so, Kartoffel habe ich alleine und dann koche ich jeden Tag.

I v a n o v a : Ist es 'ne alte Küche, alte deutsche Küche? Oder eine modische Küche? Mecklenburgische?

T a n t e L o t t e : Ja, alte deutsche Küche. Keine moderne Küche, nicht. Ja, alte mecklenburgische Küche. Sowie meine Mutter das gekocht hat, so koche ich auch noch.

M y l ' n i k o v : Welchen Unterschied gibt es nach Ihrer Meinung zwischen mecklenburgische Küche und ja pommersche und z.B. andere...

I v a n o v a : ...oder holsteinische?

T a n t e L o t t e : Oh, ist nicht viel Unterschied. Ist nicht viel.

M y l ' n i k o v : Aber was ist typisch für mecklenburgische?

T a n t e L o t t e : Mecklenburgisch ist Kartoffel! Kartoffel ist typisch für Mecklenburg.

I v a n o v a : Bratkartoffel oder Salzkartoffel?

T a n t e L o t t e : Nee, Salzkartoffel.

I v a n o v a : Und was noch, Schweinefleisch...

T a n t e L o t t e : Ja, Schweinefleisch, Gänsebraten vielleicht, nä? Denn hier in Mecklenburg werden viele Gänse gehalten.

I v a n o v a : Dann brät man wahrscheinlich eine Gans zum Weihnachten?

T a n t e L o t t e : Ja, eine Gans kommt zu Weihnachten, und dann gibt's Rotkohl dazu, Kartoffelklöße und auch Salzkartoffel. Also das ist typisch.

I v a n o v a : Typisch deutsch, nicht Mecklenburgisch?

T a n t e L o t t e : Mecklenburgisch, doch ist mecklenburgisch. Aber das gibt auch woanders hin, nä?

I v a n o v a : Jo, jo. In Thüringen isst man z.B. genauso.

T a n t e L o t t e : Ja, auch, auch. In Thüringen sind vor allem Kartoffeln... Klöße. Ja, die sind hier in Mecklenburg nicht so, vielleicht hat man die auch schon angenommen, nä? Aber meine Mutter kannte das ja auch mit, Klöße.

I v a n o v a : Haben Sie kochen gelernt oder nur von Ihrer Mutter?

T a n t e L o t t e : Von meiner Mutter und gelernt habe ich auch. Beides habe ich, nä? Aber meine Mutter hatte auch eine sehr gute Küche.

I v a n o v a : Und werden hier auch Suppen vorbereitet?

T a n t e L o t t e : Manchmal ja.

B e c k m a n n : Was machen Sie am liebsten an Kuchen oder was für Ihrer Mutter wäre...

T a n t e L o t t e : Am liebsten mache ich Hefekuchen. Nä? Hefekuchen mit Streusel ´drauf...

I v a n o v a : Mit Füllung machen Sie nicht?

T a n t e L o t t e : Selten. Nicht. Und dann mache ich gerne auch Apfelkuchen, dann mache ich mir so ein Backpulverteig, Rührkuchen, wie man so sagt, und dann tue ich...Äpfel geschält und halb und dann so ´drauflegen. Und dann tue ich ein Eiquill mit ä... Milch und Zucker, und dann wenn Kuchen gar ist, tue ich das... ´rübergieße. Tja, hätten Sie sich angemeldet, hätte ich einen gebacken. Sonntag hatte ich noch Besuch, die haben den letzten gegessen.

I v a n o v a : Wir müssen alle abnehmen.

T a n t e L o t t e : Oh, da wird man nicht dick von. Nein, sind ja viel Äpfel drauf. Kucken Sie, und der Teig ist nur so.

I v a n o v a : Und der Teig ist kein Hefeteig?

T a n t e L o t t e : Nee, ist nicht Hefe, ist Rührteig, mit Backpulver.

М y л'н и к о в : Ich sehe dieser Koffer ist alt wahrscheinlich.

T a n t e L o t t e : Ja...

М y л'н и к о в : Ist er mit Musik, nein?

T a n t e L o t t e : Nee.

М y л'н и к о в : Manchmal ist so...

T a n t e L o t t e : Nee, der ist nicht, der ist schon... über 100 Jahre ist der ja schon alt. Der hat mein Großvater mütterlicherseits mitgebracht. Und zwar aus der Dannenberger Gegend. Wissen Sie, Dannenberg ist... Aus der Dannenberger Gegend. Nä, ist über die Elbe 'rüber.

М y л'н и к о в : Ja-ja, also wer war er? Er war Mann von Ihren Mutter?

T a n t e L o t t e : Das war hier der... der Sohn von dem Großvater.

М y л'н и к о в : Ah, Sohn von Ihrem Großvater?

T a n t e L o t t e : Ja. Das war... meine Mutter kommt aus Schlonsberge, die hat, ist hierhergeheiratet.

I v a n o v a : Wie alt ist das Haus? Es wurde 1826...

T a n t e L o t t e : Ja, so '25 bis '27 so...

I v a n o v a : ...und wurde dann nachher umgebaut?

T a n t e L o t t e : Ja, das ist nachher...

I v a n o v a : Die Backsteine sind neu?

T a n t e L o t t e : Ja, das wurde umgebaut '90, '90. Das ist nun 10 Jahre her.

I v a n o v a : Und bisher gab's noch die Diele?

T a n t e L o t t e : Die Diele gab es noch, das war ja ein Hallenhaus, kucken Sie, die... das Holz ist ja alles schwarz, nä? Das ist alles alt. Und das ist ja alles so mit 'm Axt oder mit 'm Beil gehaut, ist noch nicht glatt, wie mit der Säge, ist ja, nä? Und da sind noch Dinge drin, da gingen ja so auch noch Balken, nä?

М y л'н и к о в : Sagen Sie, ich möchte wieder an diesen Koffer zurückgehen: also er war aus Wendland mitgebracht?

T a n t e L o t t e : Ja, aus dem Wendland.

М y л'н и к о в : Wann war es ungefähr, in welchem Jahr? Nu so ungefähr?

T a n t e L o t t e : Bei 1900 rum. 1900... nee, war das Ende...

М y л'н и к о в : Ende 19. Jahrhundert?

T a n t e L o t t e : Nee, das muss Ende 18. Jahrhundert sein. Der kam aus dem Wendland und ist nach Schlonsberge hingeheiratet. Nä, und dann hat er Koffer mitgebracht. Der ist schon über 100 Jahre, ich weiß nicht, vielleicht schon 200 Jahre.

М y л'н и к о в : Ja, wenn Ende 18. Jahrhundert, so das ist bestimmt 200 Jahre.

T a n t e L o t t e : Und von unten bis oben das ist alles ein Brett, solche große Eiche ist das gewesen.

М y л'н и к о в : Aus Eiche?

T a n t e L o t t e : Aus Eiche. Bis da, wo das Schloß, wo die Decke hochgeht, das ist alles ein Brett. Das hat mir neulich jemand gesagt, das wusste ich auch nicht. Und dann sagte er, das ist alles ein Brett.

B e c k m a n n : War ein dicker Baum.

T a n t e L o t t e : Das ist bestimmt schon ein dicker Baum gewesen.

B e c k m a n n : Ja, das ist bestimmt 200 Jahre, eher als 100.

T a n t e L o t t e : Das nehme ich auch an.

I v a n o v a : Wer hat das Haus eingerichtet?

T a n t e L o t t e : Dass es jetzt so modern ist? Das haben meine Verwandten gemacht.

I v a n o v a : Uhu, schön.

T a n t e L o t t e : Ja, es ist schön.

M y l ' n i k o v : Und Sie leben jetzt allein hier?

T a n t e L o t t e : Ja, manchmal auch nicht, manchmal kommen meine Verwandten, dann sind sie auch hier, nä, aber heute bin ich alleine. Und wären Sie noch eine Stunde früher gekommen, wäre keiner da gewesen. Ich bin gerade nach Haus'. Kora!

M y l ' n i k o v : Wie heißt er?

T a n t e L o t t e : Kora.

M y l ' n i k o v : Kora? Kora!

T a n t e L o t t e : Nee, die geht nicht zu Fremden. Nee.

M y l ' n i k o v : Kora!

T a n t e L o t t e : Nee-nee, die geht auch mit meinen Verwandten nicht mit. Wenn die manchmal aufs Feld gehen, nä? Die haben ja auch Hunde, sie gehen mit, aber die geht nicht mit.

N o v i k : Entschuldigung, ich möchte fotografieren.

T a n t e L o t t e : Ja, können Sie. Soll ich das 'runternehmen? Was da'drauf steht, 'runternehmen?

I v a n o v a ; M y l ' n i k o v : Nein.

T a n t e L o t t e : Nein?

B e c k m a n n : Was ist eigentlich in Neu Jabel es ist doch anders als andere Dörfer, ist ganz langgezogen, ist es ein Bauerndorf und Büdnerende oder was?

T a n t e L o t t e : Ja. Dies ist das Büdnerende hier, die ganze Strecke. Das ist das Büdnerende. Und Bauern gibt es hier nicht.

B e c k m a n n : Ah, so, das war sozusagen für Büdner ein ganz neu angerichtetes Dorf.

T a n t e L o t t e : Ja. Ja. Das Ursprung, ursprünglich komm' diese Ländereien die gehören nach Tewswos. Und dann ist es hier gebaut, aber wie und wo, weiß ich auch nicht. Und dahinten sind ja auch noch Häuser, nä? Und das sind Häusler. Die hatten nur ihr Haus und ihren Garten.

I v a n o v a : Bauern gab's hier nicht?

T a n t e L o t t e : Nee, Bauern gab's hier nicht. Nun ist einer aus Hohenwoos, da gab es ja Bauern, nä? Und der hat hier ganz zuletzt, da hat er sich ein Haus

gebaut, weil er seine Ländereien auch hier unten hatte. Und dann gibt es noch einen da, wenn man nach Vielank fährt, ein bisschen außerhalb... noch ein... aus Alt Jabel ein Bauer. Der ist da auch, ist abgebrannt da und der hat hier, ach na ja, ausgebaut, weil die Ländereien von Alt Jabel auch alle hier sind. Sonst hier gibt's keinen, Neu Jabel hat keine Bauern.

B e c k m a n n : So scheint es, dieses Haus, das gehörte sozusagen zu... zu Anfangszeit des Dorfes?

T a n t e L o t t e : Ja.

B e c k m a n n : Aber ich hab' den Eindruck, als die Hölzern, die hier verwendet waren, sind von anderem Haus, sind so ämm... ämm...Spuren an den Hölzern, so dass ich denke, es war schon mal irgendwie anders verwendet wurde.

T a n t e L o t t e : Ich glaub' nicht. Kucken Sie, hier war ja früher wie dies gebaut ist, das ist ja ohne Schornstein gebaut, nä? Und dann ging der Rauch durch das Haus durch, und deshalb sind die Balken so schwarz.

B e c k m a n n : Das ja, aber da gibt es z.B. so Holzverbindung die ist schon benutzt worden, z.B. da.

T a n t e L o t t e : Ja, aber kucken Sie mal, hier ging noch ein Balken, das weiß ich auch noch.

B e c k m a n n : Ja, der — ja-ja, da ist noch einer gewesen, das ist klar. War hier vor der Sanierung an der Fassade noch Fachwerk oder was?

T a n t e L o t t e : Nee. Es ist, es war früher Fachwerk, aber mein Großvater hat das schon untermauern lassen und da war noch ein Balken, und da stand noch die Jahreszahl 'drauf. Und das ist weg. Nä, heut' kann man sich ärgern, dass man das gemacht hat.

B e c k m a n n : ...sind ja manchmal sozusagen, teilweise sind die Fassaden erneuert, aber die Balken sind nochmal eingemauert worden.

T a n t e L o t t e : Ja, ja.

I v a n o v a : Gab es auch eine Inschrift auf dem Balken?

T a n t e L o t t e : Das glaube ich nicht, das hat er nie erzählt, dass es 'ne Inschrift war. Ja, der Schrank ist auch alt, ja, aber den hab' ich bisher modernisieren lassen, heut' kann ich mich ja ärgern, nä? Das war so 'n großes Ding drauf, und ä... aber das ist auch Eiche, der Schrank, und war noch ein bisschen höher. Ich dachte, dass sie 'rausgegangen ist, musst du 'raus, Kora?

I v a n o v a : Und was war hier für ein Dach, war das auch ursprünglich ein Strohdach?

T a n t e L o t t e : Ja, ja.

I v a n o v a : Und jetzt neugedeckt? Machen Sie immer noch?

T a n t e L o t t e : Nee, jetzt nicht mehr. Hat sogar von dem Hund das Haar ausgekämmt und das gesponnen. Ich kann das noch.

I v a n o v a : Haben Sie Söcke gestrickt oder?

Tante Lotte: Ja, uhu, Strümpfe, alles... Wir hatten früher auch Schafe. Wir haben auch einen Webstuhl, aber den will ich... will ich nochmal den Pastor fragen, ob er den in sein Museum haben will. Er ist nicht ganz vollständig, der Webstuhl, aber vielleicht hat ja jemand anders noch was, was man dazu nehmen kann.

Ivanova: Haben Sie noch andere älteren Sachen? Außer dem Webstuhl?

Tante Lotte: Nee...Nichts mehr. Schade, nä?

Ivanova: Alles ist weggeschmissen?

Tante Lotte: Ja. Also, was soll das damit? Heute kann man sich ärgern.

Ivanova: Ja, ja. Das hören wir nicht zum ersten Mal. Damals hat man gerne alles weggeschmissen und jetzt ärgert man sich.

Tante Lotte: Also, was ich dann noch so hatte, das habe ich schon nach Museum gegeben, da nach... nach Alt Jabel, haben Sie sicher schon gesehen, das Museum.

Mylnikov: Und wollen Sie nicht etwas für den ältesten russischen Museum schenken? Wir werden da ein Ausstellung machen.

Tante Lotte: Da, in Alt Jabel?

Ivanova: Nein, in Petersburg.

Mylnikov: In Petersburg.

Tante Lotte: In Petersburg...

Mylnikov: In Russland... Wir haben schon einige deutsche Bestände und vielleicht haben Sie irgendwas, ich weiß nicht, etwas gestricktes, aus... genähtes oder irgendeine alte Löffel oder Teller, wissen Sie, aus Holz vielleicht, so wurde es sehr schön, weil wir konnten es an Ausstellung in Petersburg zeigen, wir schreiben immer, aus welchen Ort ist es, wer hat es geschenkt, und da schicken wir Sie Foto von diese Ausstellung. Das wurde sehr schön.

Tante Lotte: Ich hatte noch ein Stiefelknecht, wissen Sie, was ein Stiefelknecht ist?

Mylnikov: Nein.

Tante Lotte: Nein. Das ist so ein Stück Holz, so lang und da ist so ein Ding drin und dann so ein Brett. So, und dann ist noch so eine Höhlung drin und hier unten ist noch ein Brett unten. So. Und dann tut man den Fuß darein und zieht den Stiefel aus. Und nu hatte ich einen sehr schönen, der war vom ganz alten Pastor Büstney, der hier war. Und dann war da oben — der steht in dem Ding, da, in Klein Museum — mit so 'n Ding noch es ist ungefähr so hoch, so hoch, nä? Und dann ist unten das Brett, da tut man den Fuß 'rein und das ist so 'n Hebel dran, so 'n Brett, das geht hin und her, tut man auf den Fuß, und zieht man den Stiefel aus. Das hatte ich ja schon hingegeben, das hätten Sie ja auch kriegen können, aber nun habe ich nichts mehr. Und da ist auch noch 'ne mecklenburger Tracht, haben Sie gesehen? Das war mal meine. Das war ma' meine, das habe ich auch hingegeben. Passt nicht mehr.

Ivanova: Und hatten Sie früher die Tracht angezogen?

T a n t e L o t t e : Ja, ich war in Schule, so landwirtschaftlichen Schule und da hatten wir die Trachten. Da haben wir uns alles selbst gewebt, den Rock, die Schürze und selbstgenäht auch, nä? Das haben wir alles da gemacht.

I v a n o v a : Und wann haben Sie es normalerweise angezogen, zu besonderen Veranstaltungen oder...

T a n t e L o t t e : Ja, auch Erntefest war und so... hatten wir auch angezogen.

M y l ' n i k o v : Sie niest.

T a n t e L o t t e : Ja, sie niest. Nee. Und die habe ich da auch hin. Sie haben wohl sie da gesehen, die Tracht.

I v a n o v a : Ja.

T a n t e L o t t e : Wenn Sie noch nicht, dann können... ich glaube im zweiten Raum, im hinteren Raum steht das.

M y l ' n i k o v : Man hat uns einige solche Sachen geschenkt, z.B. eine alte Frauenhemd aus 19. Jahrhundert, oder gestrickte Sachen 20-ste Jahre.

T a n t e L o t t e : Habe ich alles nicht mehr.

M y l ' n i k o v : nein, das ist verständlich, bloß ich erzähle, was wir bekommen haben.

T a n t e L o t t e : Nee, leider, habe ich nicht. Es ist — ich sage ja — es ist vieles, vieles weggeschmissen. Nä? Ja.

M y l ' n i k o v : Ja, das ist verständlich.

T a n t e L o t t e : Es ist vieles, vieles weggeschmissen.

B e c k m a n n : ...Landwirtschaftschule?

T a n t e L o t t e : Ja, Landwirtschaftschule. Kochen, Backen, Weben und also was. Hinter Schwerin noch, Wiligrad. Ist Wiligrad Ihnen ein Begriff?

B e c k m a n n : ...wo der Schloß ist?

T a n t e L o t t e : Ja, aber im Schloß war damals nichts. Das war... links waren paar grössere Häuser, nicht die Plattenbauen, die da aufgestellt sind, die nicht. Aber links die, da nach dem Wald ´ran, da war die Schule. Ins Schloß durften wir nicht ´rein. Da war die Schule.

B e c k m a n n : Und von wann bis wann waren Sie in der Schule?

T a n t e L o t t e : Fragen Sie was leichteres!

B e c k m a n n : So ungefähr?

T a n t e L o t t e : Tja, wann war das?.. ´30–´31.

I v a n o v a : Mussten Sie jeden Tag hingehen, oder wohnten Sie da?

T a n t e L o t t e : Nein, wir wohnten da.

I v a n o v a : Und jeden Tag in Tracht?

T a n t e L o t t e : Nee, nicht jeden Tag. Wir sind dann oft nach Schwerin gefahren, aber wenn wir nach Schwerin führen, mussten wir die Tracht auch anziehen. Und wenn irgendwas war, auch, nä? Wir hatten auch Volkstänze da getanzt, haben wir die Tracht auch angezogen.

I v a n o v a : War es üblich oder nur von der Schule?
T a n t e L o t t e : Nur von der Schule.
M y l ' n i k o v : Na, gut, ich glaube, wir möchten...
T a n t e L o t t e : Dass mir der Hund das Liebste sei
Sahst du, o Mensch, sei Sünde
Der Hund blieb mir in Sturme treu
Der Mensch nicht mal im Winde.
M y l ' n i k o v : Schönen Dank, auf Wiedersehen!
{die Aufnahme wird unterbrochen}
{Ende des Interviews}

14 октября, суббота

Из дневника Новика

Сегодня мы решили остаться на целый день в нашей «родной» деревне Лаупин (Laupin), поспинать на видеокамеру и пойти к фрау Видов (Wiedow).

День прекрасный. Солнечно, очень тепло. Я хожу в футболке. Вчера всюду летали паутины. Ярко-синее небо, легкие облака, сочная зелень и обилие цветов делают это время года полным продолжением лета. Осень в Мекленбурге нас радует. Мы снимали на видеокамеру и фотоаппарат деревню, дома, окрестности. В ходе работы здороваемся с местными жителями. Съемку начали с нашего подворья, хозяйского двора, их дома, нашего дома и неасфальтированной улицы, ведущей к нам от большой дороги.

Прошли всю деревню, до той длинной дороги для сельскохозяйственных машин, по которой мы гуляем вечерами. Встретили пожилого господина. Это отец нашей квартирной хозяйки. Он был на велосипеде, а рядом с ним на пони ехала его маленькая внучка. На внучке был шлем для конного спорта и высокие кожаные ботфорты. Я погладил пони. Дедушка сказал, что пони купили специально ради удовольствия внуков. Фамилия информанта Миrow (Mierow). Лошадей многие в Лаупине держат не из-за хозяйственной необходимости, а ради развлечения и удовольствия. Какая же деревня без коней? Пахать и перевозить грузы на лошадях уже никто не станет. А ведь еще недавно это была главная сила всего сельского хозяйства. Многие не могли и мечтать о собственных лошадях. Во время экспедиции я видел фотографии 1938 г., на которых женщины пахали на коровах, так как не хватало лошадей.

С господином Миrowым у нас был непродолжительный разговор. Он пригласил нас к себе домой. Встречу назначил на ближайшую среду.

После съемки мы отправились к фрау Видов (Wiedow). Ей принадлежит самый большой дом в деревне — двухэтажный, с огромным количеством окон. Дом был реконструирован несколько лет назад. Вход в дом — переделанные ворота в *диле* (Diele).

Когда мы делали первую прогулку по деревне сегодня, то видели парня, занятого уборкой кормовой свеклы. Мы с ним поздоровались. Позже выяснилось, что это внук госпожи Видов.

Хозяева пригласили нас к себе в дом. Сразу, когдаходишь, попадаешь в огромный холл. Пол помещения вымощен крупными кафельными плитками бежевого цвета. Плинтуса также кафельные. Потолок — деревянный. Под ним висит люстра, сделанная из колеса телеги. Люстра крепится к потолку деревянной планкой и тремя цепями. Подобные светильники прочно вошли в быт местных жителей. Многие даже очень состоятельные люди,

которые могут купить дорогие люстры, предпочитают украсить дом таким необычным осветительным прибором, как приспособленное для этого колесо телеги. Это считается стильным и модным. Раз в деревне — значит, во всем должны следовать деревенскому стилю (либо тому, что таковым считают).

Стены в холле оформлены в виде фахверка — на белом фоне выделяются окрашенные деревянные балки. Ремонт в холле делал сын фрау Видов. Балки на стенах конструктивной нагрузки не имеют. Они служат лишь для украшения. Сын балки делал сам. Он же сделал и люстру из колеса.

В холле стоит большой овальный стол из мореной сосны или дуба. Вокруг стола десять стульев и два кресла (кресла с узкой стороны стола). Стулья обтянуты зеленой кожей. Скорее всего стулья сделаны из дуба, а стол из мореной сосны в тон дуба. На столе зеленая салфетка. На ней стоят букеты из сухих цветов, гипсовая статуэтка овцы, деревянный подсвечник.

В углу комнаты старинный сундук. В немецких домах, где еще сохранились подобные предметы мебели, они не спрятаны в чулан, а выставлены на видном месте. Мода на сундуки относительно новая. В домах, где сделан новый ремонт, хозяева пытаются придать интерьеру традиционный стиль. В этом случае из сараев и подсобных помещений извлекаются бабушкины сундуки, тщательно реставрируются и выставляются на видное место. В домах, где еще не успели переделать все на новый лад, сундуки, если они и сохранились, продолжают пылиться в хозяйственных помещениях; люди не отваживаются выставить их в парадных комнатах, чтобы не показаться бедными. Реликвии крестьянского быта выставляют напоказ только в отремонтированных комнатах, где старая мебель в сочетании с современным убранством смотрится стильно, а не убого.

Фрау Видов принимает нас со своим внуком Денни (Denny). Это очень красивый крестьянский парень. Он учится в университете в Ростоке. Все свободное время очень много работает по хозяйству у бабушки и отца. У Денни светлые кучерявые волосы, залитые румянцем щеки и безупречная фигура. В немецких деревнях часто встречаются такие красавцы. Мы отметили, что в отличие от городских молодых людей у сельских есть какой-то особый жизненный задор и здоровый румянец. Внук нам сразу предложил кофе, чай, принес большое количество выпечки — ее бабушка делала сама. Кофе подали в больших чашках, что обычно для Германии. Кофейные в нашем понимании чашки здесь встречаются почти исключительно в кафе и ресторанах. В них подают кофе эспрессо. А вот в немецких домах кофе разливают в чашки побольше — в них обычно пьют и чай. Кофе, как правило, варят в кофеварках либо готовят по-турецки. При этом способ приготовления кофе по-турецки может быть весьма упрощен. Молотый кофе просто заливают кипятком и дают ему настояться.

Пока накрывали стол, мы смогли посмотреть соседние хозяйственные комнаты. В одной из них находится умывальник, в котором моют руки после работы со скотом. С хозяйственного двора в дом заходят не через центральный вход, а через другие двери, чтобы не носить в дом грязь. Здесь же переодеваются и умываются после сельскохозяйственных работ. Парадная часть и рабочая часть дома строго разделены, хотя и расположены смежно.

Мы видели старый шкаф, комнату, где хранятся мешки с мусором. Далее в доме есть помещение, где установлены бойлеры для отопления дома и нагрева воды. Далее комнаты переходят в сарай с соломой. Все объединено одной крышей. Это еще старая архитектурная и строительная традиция.

Осмотрев дом, мы вернулись к столу. Информантке 77 лет. Ее полное имя Вильма Видов, урожденная Шепер (Wilma Wiedow, geb. Scheper). У госпожи Видов трое детей. Один сын живет в г. Шверине. Младший сын живет с матерью, его зовут Ганс-Вернер (Hans-Werner). Внук Денни (Denny) — сын Ганса-Вернера.

В последнее время Ганс-Вернер купил несколько сотен гектаров земли. Он всерьез думает заниматься сельским хозяйством и всячески расширять производство сельскохозяйственной продукции. Земля в Мекленбурге не такая дорогая, как в некоторых других землях. Германия теперь единая, а потому цены на землю рано или поздно уравниваются или хотя бы станут сопоставимыми. А потому покупка земли, на взгляд многих, очень выгодное вложение денег. На собственных землях семья Видов выращивает картофель, рапс. В хозяйстве много фруктовых деревьев. На подворье растет даже кормовая свекла. Такая «многоукладность» хозяйства характерна для фермерства и сельскохозяйственных кооперативов Мекленбурга. В целом в Германии есть тенденция узко специализировать хозяйство. Это выгодно. Если заниматься зерновыми, то только зерновыми. Если разводить молочную породу коров, то держать только их. Однако в Мекленбурге в силу сложившейся традиции многоукладности хозяйства крестьяне продолжают заниматься разными видами сельского труда. Возможно, на ведение хозяйства оказывает влияние малая развитость товарности производства и позднее включение в систему капиталистического производства. Не исключен фактор природно-климатических условий, ведь Мекленбург лежит на севере страны, и крестьяне по старинке продолжают вести многоукладное хозяйство, чтобы подстраховаться на случай неурожая какой-то сельскохозяйственной культуры.

Пока мы говорили с хозяйкой и ее внуком, пришел Ганс-Вернер. На нем рабочая одежда — синие штаны, свитер поверх рубахи. Мать с сыном говорят между собой на Plattdeutsch. Брат и сестра в семье также говорят на диалекте. А вот внук уже не говорит. Речь идет о местном говоре. Он похож на диалект в Гольштейне. В Бранденбурге говорят несколько иначе.

Дети из Лаупина учатся теперь в школе или в Ниендорфе (Niendorf), или в Тевсвоосе (Tewswoos). В Лаупине школы не осталось. Раньше была, а теперь закрыли.

Разговор зашел о праздниках, обычаях, старых жителях Лаупина. Мы спросили о предках. Вспомнили фрау Мальхов, урожденную Лют (Malchow, Lüth). Ее мы сегодня встретили. Она ехала вместе с мужем на машине на кладбище.

Весь разговор мы записывали на диктофон. Ганс-Вернер показал нам различные бумаги о своих дальних предках. Хранить домашние хроники и родословные здесь любят.

Перед уходом мы попросили что-нибудь из старых вещей для нашего музея. Александр Сергеевич сказал, что хорошо бы было получить подарки из Лаупина для будущей выставки в Петербурге. Ганс-Вернер обещал подумать. Наше знакомство может быть продолжено. Провожать нас представители семьи Видов вышли на крыльцо. От них мы отправились домой, но не улицей, как пришли, а в обход, лесной тропой. Тропа проходит через весьма живописный лес, в котором множество грибов. Попробовали красную ежевику — оказалась очень кислой. По пути собрали много грибов. Видели множество трухлявых лисичек, отличных груздей и прочих представителей лесного царства. Странно, что грибы, растущие прямо, можно сказать, в деревне, никто не собирает. Мы собирали только те грибы, которые росли прямо на дорожке. Принесли домой их целую кучу, почистили, помыли и пожарили с картошкой. Ужин был обеспечен. Часть грибов мы заморозили впрок.

Из дневника Ивановой

На сегодня мы запланировали работу с камерой и фотоаппаратом в нашей деревне Лаупин.

14.30. Визит в дом Видов. Госпожа Вильма Видов коренная жительница Ябельхайде, ей 77 лет. Дом семьи Видов был построен в 1913 г. Мы сидим в просторном помещении с огромным окном-дверью — это бывшее *диле*, идущее от одной стены дома до другой перпендикулярно коньку. Такие дома называют *Querdielenhaus*. Сейчас *диле* разделено стеной на гостиную и прихожую, где находится санузел. В доме Видов гостиную называют *Wohndiele* (жилое *диле*). Еще видны старые балки *фахверка*. Потолок в помещении тоже старый, из дерева, которое немного повреждено жучком. Хозяйка все жилые помещения дома называет по традиции: *Stube*, *Schlafstube*. Вильма Видов, урожденная Шепер, вышла замуж и переехала в Лаупин из Брезегарда. Постоянно в ее рассказе о жизни, обычаях, о прошлом звучит рефрен:

«Oh, dat is alles gewesen...» Время от времени в гостиную заходит ее внук Денни — высокий красивый молодой человек с добрым лицом и улыбкой. Он изучает сельское хозяйство в Ростоке, и бабушка сильно гордится внуком: он трудолюбив и старателен, всю работу по саду и огороду выполняет сам.

Сын Вильмы Ханс-Вернер Видов (1935 г.р.) живет вместе с ними в этом доме и тоже работает в сельском хозяйстве. Он — частный предприниматель, занимается полеводством.

Хозяйка любезно предложила нам кофе и мятный чай. И тотчас же появился Денни с блюдом, полным свежей выпечки — традиционным для Ябельхайде пирогом *буттеркухен*, который Вильма испекла сама. Раньше у них тоже была своя хлебная печь, и стояла она на горе среди дубов.

Денни отказался выпить с нами чашку чая, гостеприимно обслужил гостей и снова убежал работать в сад. «Он даже не ходит на дискотеки, таких нынче мало, — говорит гордая бабушка, — деревня маленькая, и молодежи здесь немного. Но он не хочет в город, сказал, что окончит институт и вернется в Лаупин работать».

«Жилое *диле*» дома Видов оформлено со вкусом. Все, что есть ценного и старинного в доме, выставлено здесь напоказ: на стенах в рамках висят старые фамильные документы, старое фото почетного полка № 89 десятой резервной армии Великого герцога Мекленбургского («Reserve 10. Kompanie Großherzoglich Mecklenburgisches Ehrenadler-Regiment N 89»), в котором служил свекор Вильмы; старый сундук в углу и три медных миски развешаны по стене над ним. Живописные веночки и букеты из живых цветов и сухоцвета в осенних рыже-красных тонах украшают помещение. Бывшие ворота *диле* переделаны, и на их месте сегодня застекленный проем с парадной входной дверью. Здесь стоит большой обеденный стол из массива дерева, над ним — необычная люстра, которую сам из настоящего колеса от повозки смастерил сын Вильмы. Перестройка дома началась в 1997 г., при этом намеренно были сохранены старые несущие балки фахверка. Остальные балки в помещении выполняют декоративную функцию.

Мать Вильмы, Берта Элизабет Клоок, родилась в 1883 г. в Лаупине, а дед родом из Брезегарда. Как мы выяснили, семейство Видов состоит в родстве с Карин Видов, нашей знакомой из Брезегарда, и Карин приходится Вильме племянницей.

Вильма хорошо помнит, как раньше в деревне отмечали праздник весны — 1 мая. В лесу срубали дерево — березу, при этом читали нижненемецкие стихи. Березу — майское дерево — устанавливали в Лаупине на площадке за домом Туттасов, и на той же площадке спустя несколько недель строили беседку для празднования Троицы. Для ее строительства брали бревна и вкапывали их в землю, между ними сплетали стены-изгороди из

березовых веток. В беседке устанавливали стол и лавки вокруг него, и там праздновали. У беседки крыши не было. Рядом с этим местом находился деревенский ресторанчик (как раз там, где участники экспедиции снимают квартиру). Были и колядки, женщина приносила корзину со свежими яйцами. При этом рассказывали стишки. Этот обычай продержался до войны и был здесь очень распространен, Вильма не может вспомнить, чтобы и после сороковых в Лаупине были колядки на Троицу.

Вскоре, около 16 часов, пришел сын нашей собеседницы и присоединился к разговору. Он добавил, что этот обычай ему известен только по рассказам родителей, в его детские годы обычай был уже неизвестен. Он хорошо помнит деревенские праздники и праздники урожая.

В Лаупине праздники урожая отмечались так же, как и в других деревнях округа. Их устраивали общиной Лаупина, делали праздничную процессию с украшенными повозками. Другие деревни не участвовали в лаупинском празднике урожая, действие включало только членов общины Лаупина. Эти праздники были известны в деревне до 1950-х годов, позже их не стало. И хотя это не было запрещено, общедеревенские праздники ушли в небытие, потому что люди утратили к ним интерес: на смену совместным общинным вечерам и увеселениям пришло телевидение, радио и другие виды досуга. Внуки наших информантов уже многого не знают из праздничной жизни прошлого.

Беседку к Троице строили за два дня до праздника, она стояла на своем месте до его окончания. К празднику урожая специально наряжали дерево и провозили его по деревне. Сооружали полукруглые перила в виде дуги-полумесяца и украшали их цветами. Под этим полумесяцем из цветов должна была проходить девочка, это тоже было частью праздничного действия.

Сын госпожи Видов, который теперь тоже участвует в нашей беседе, как и все в его роду, занимается сельским хозяйством. С матерью он говорит только на диалекте *платтдойч*, а вот его сын, Денни, уже не знает языка, хотя понимает его очень хорошо. Нынешнее поколение умеет говорить только на литературном *хохдойч*: в школе молодежи преподают только верхненемецкий, да и мать Денни, живущая в Людвигслусте, тоже не знает диалекта.

Мы снова говорим о доме семьи Видов. Ханс-Вернер перестраивал его своими руками, и все декоративные балки фахверка в просторном холле вмонтировал сам. Предки Видов (по фамилии Клоок) были крестьянами, и этот дом принадлежал им, только сейчас он стоит в том месте, где раньше находился сарай, и наоборот — на месте сарая находился старый жилой дом. Раньше это был традиционный дом-двор нижненемецкого типа с тростниковой крышей.

Из дневника Мыльников

Солнечная теплая погода. Занялись приведением в порядок собранной полевой документации, после этого направились к информантам в *нашей деревне*. Встретились неожиданно с **Мальхов**, проезжавшей в машине на кладбище. Столь же неожиданно разговорились с любопытной парой: мужчина ехал на велосипеде, а девочка, оказавшаяся его внучкой, — на пони. Это были **Мировы**; договорились зайти к ним на следующей неделе. Пока же нас ждет семья **Wiedow**: хозяйка — **Wilma**, ее сын **Hans-Werner**, внук **Denny**. Приветливая трудолюбивая семья. Беседа записывалась, поэтому коротко.

Самой Вильме 77 лет, страдает болями в спине и ходит согнувшись. Ее муж был на Восточном фронте, под Великими Луками попал в плен, находился на тяжелых работах. Умер в 1969 г. Она и ее покойный муж из семьи *бауэров*, он родился здесь же, в Лаупине, она из ближайшей деревни. Свою родословную знает только до деда. О славянских корнях семейной фамилии ей ничего не известно. Их дом построен в 1913 г., в 1998 г. было полностью перестроено Diele, там оборудовали отопительную систему, гараж, стойло для лошадей (их обычно используют для верховой езды, с коммерческими целями и т.п.) Дом крыт глазурированной черепицей. Почти все сделал своими руками сын. Сейчас управляют сами, но в годы войны у них был *остарбайтер*, поляк. Говорит, что его сажали за общий обеденный стол, хотя по правилам это строго запрещалось.

Приготовив угощение, внук нас покинул, чтобы работать на огороде. Спросил ее о деревенских праздниках. Вспоминала, что в ее молодые годы около украшенной елки на святках пели «O, Tannenbaum...». Сказала, что до 1950-х годов на площадке перед домом, в котором мы сейчас живем, за два дня до Троицы строили из березовых ветвей беседку, на саму Троицу водили хороводы, пели, танцевали. Одна из женщин или девиц наряжалась ведьмой. Сейчас деревенские праздники бывают, но нерегулярно; два года назад отмечали юбилей деревни, но майское дерево не ставили. Вообще все теперь перемешалось, хуже всего обстоит с молодежью.

Фотодневник

F-9. В-7 Лаупин. Семья Туттас: Фолькер и Мари с младшим сыном.

F-9. В-8 Лаупин. Семья Туттас. Ирландский сеттер Макси.

F-9. В-9 Лаупин. Последний из сохранившихся старых домов малоземельных крестьян-*бюднеров* (Büdnerer) на углу улиц Ludwigsluster Str. и Lerchenweg 3. Техника — фахверк, оштукатуренные стены, побелка. Крыша — черепица. На боковой стороне (Traufenseite) ворота — въезд в *диле*

(Querdiele). На стороне фасада, обращенного на улицу, в качестве украшения повешены палки, использовавшиеся крестьянами для стыковки плуга и ярма.

F-9. В-10 Лаупин. Чудом уцелевшая от разрушения и сноса хлебная печь XIX в. на территории двора Янке. По словам Розы Мальхов, местного краеведа и уроженки деревни Лаупин, печь была передана в музей.

F-9. В-11 Лаупин. Площадь в центре деревни с памятником жертвам войны 1914–1918 гг. и памятным камнем в чести 500-летия деревни Лаупин (1498–1998). Ранее — центр *рундлинга*, измененный до неузнаваемости. Лишь немногие старые здания, расположенные входом и фасадом к площади, напоминают еще об этом.

F-9. В-12 Лаупин. Старый заброшенный дом, бывшая *гуфа* IV.

F-9. В-13 Лаупин. Старый дом *гуфа* IV. Надпись, вырезанная на лицевой балке: GLORIA IN EXCELSIS DEO DER HERE BEHODT DEIN USGANG UND INGANG VAN NU AN BET IN EWIGKEIDT AMEN ERTMAN IANKE ENGEL IANKEN ANNO 1651 GEN 3 MAIUS (Да благословит Господь тебя, выходящего и входящего, отныне и во веки веков. Аминь. Этрман Янке, Энгель Янкен. В 1651 году, 3 мая)

F-9. В-14 Лаупин. Один из старых крестьянских домов деревни, модернизированный. Обновлен фасад и тростниковая крыша. На переднем плане — участник экспедиции А.А. Новик с видеокамерой за работой.

F-9. В-15 Лаупин. Старый дом на бывшей *гуфе* IV. Вид со стороны пашни.

F-9. В-16 Лаупин. Выгон с крестьянскими лошадьми за деревней.

F-9. В-17–18 Лаупин. Огород Вильмы Видов. Хозяйка с внуком за работой.

F-9. В-19 Лаупин. Вильма Видов (77 лет) с сыном Хансом-Вернером (52 года), информанты экспедиции, после беседы в доме Видов. На заднем плане — современное окно-дверь, заменившее после обновления дома ворота *диле*.

F-9. В-20 Лаупин. Вильма Видов, ее сын Ханс-Вернер и внук Денни Видов.

F-9. В-21 Лаупин. Школьная улица Шульштрассе. Розы в саду.

F-9. В-22 Лаупин. Шульштрассе, на которой расположены дома безземельных крестьян-*хойслеров* (Häuslereien). На переднем плане — участница экспедиции Ю.В. Иванова после опроса местных жителей.

Расшифровка записи беседы с Вильмой Видов

М y l ' n i k o v : Sagen Sie bitte, wer aus Ihren Vorfahren kennen Sie, zum Beispiel, wer er war, was er machte.

W i l m a : Oh, wen weiß ich? {*zeigt auf ein Foto*} Das ist 'n Armeebild von meinem Schwiegervater, der war damals in Schwerin, vor dem Ersten Weltkrieg. Da ist er da gewesen. Ja.

М y l ' n i k o v : Und waren Ihre Vorfahrer Bauern, ja?

W i l m a : Der ist Bauer aus dem noch zwei Dörfer weiter, aus Bresegard, war mein Schwiegervater, der ist hierhergeheiratet. Meine Schwiegermutter war bloß Mädchen, und da ist mein Vater hierhergeheiratet.

М y l ' n i k o v : Und sagen Sie, und Ihre Name klingt ein wenig so slawisch, nu ich meine, dass Ihre Name, Ihre Name klingt so slawisch wendisch.

W i l m a : Meinen Sie, Wiedow? Ja?!

М y l ' n i k o v : Also, {*kriegt sein Kaffee*} Danke. Also haben Sie wahrscheinlich irgendwann in tiefe-tiefe Vergangenheit... {*plumps!*} Oh! Vergangenheit diese slawische Vorfahre. Das ist die Name von Ihrem Mann oder Ihre?

Denny: {*Enkelsohn von Frau Wiedow an Novik*} Wollten Sie Kaffee auch, ist das so richtig?

М y l ' n i k o v : Es ist Milch?

W i l m a : Ja, kann bisschen. Ich trinke sonst schwarz.

М y l ' n i k o v : Und sagen Sie, Ihre geborene Name.

W i l m a : Ich bin geborene Scheper.

М y l ' n i k o v : Schäfer, ja?

W i l m a : Scheper. Ach, sie schreibt gleich mit!

М y l ' n i k o v : Schepe. Ich glaube, dass...

W i l m a : Hier aus dem Dorf bin ich, hier aus dem Dorf. Auch von der Bau-
erstelle. Ja, ja, ja...

М y l ' n i k o v : Und Ihr Mann stammt auch aus Dorf?

W i l m a : Der ist hier.

М y l ' n i k o v : Hier, ja?

W i l m a : Ich bin hierhergeheiratet. Und mein Mann, er hatte noch zwei Geschwister und die sind früh gestorben. Der Bruder war 16 und die Schwester war 18. Ja, das war schlimm gewesen. Und dann wurde erst dort, mein Mann, und denn, aber ist er 1943, glaube ich, schon in Gefangenschaft gekommen und dann war der lange in ...gearbeitet. Da 'ne schwere Arbeit gemacht.

М y l ' n i k o v : Wo war es?

W i l m a : Er ist in Gefangenschaft gekommen in Velikije Luki.

М y l ' n i k o v : Ah, Velikije Luki, ja, es ist nicht so weit von Petersburg.

W i l m a : Ja, da ist er in Gefangenschaft gekommen, aber er hat es nicht leicht gehabt. Sie hatten meistens eine Suppe gekriegt und denn Brot kein dazu, nä?

Und wenn sie morgens ein Fischkopf gefunden haben zum Essen, dann haben sie viele Fleisch gehabt. So war es.

M y l ' n i k o v : Nein, Krieg bringt nichts Gutes. Das ist klar.

W i l m a : Ne, ne.

M y l ' n i k o v : Ja, das ist klar. Und sind die Verwandten von Ihrem...

W i l m a : Sie können sich noch von dies nehmen. {*Kaffeetisch gemeint*}.

M y l ' n i k o v : A, ja, ja. Danke schön. Und sind die Verwandten von Ihrem Mann auch hier im Dorf?

W i l m a : Ja! Von früher ist das viel Verwandtschaft.

M y l ' n i k o v : Und heute?

W i l m a : Na ja, heute nicht mehr so. Na ja... Ach ja, ist es ja.

M y l ' n i k o v : Und sagen Sie bitte schön, wahrscheinlich, Sie wissen verschiedene Erzählungen aus alte Zeiten. Wahrscheinlich solche Legenden oder irgendeine interessante Erzählungen oder etwas über die Sitten, die Bräuche und so weiter, das wurde uns auch interessant hören.

W i l m a : Ja, ja. Ja. Ach, früher war alles anders, nā?

M y l ' n i k o v : Nu ja, das ist immer so. Deswegen ist es sehr interessant zu wissen, was früher war. Ja.

W i l m a : Früher wurde ja nix gekauft, dann wurde alles selbst erzeugt. Ha´m wir Schwein geschlachtet, Brot gebacken, das wurde ja alles selber gemacht, ja und nach dem Krieg haben wir Sirup gekocht, und ach, was war alles. Von Zuckerrübe, ja?

I v a n o v a : Was haben Sie gekocht?

W i l m a : Sirup! Von Zuckerrüben. Zuckerrübe, da wird der Zucker daran gewonnen. Und da haben wir, das haben wir gekocht, Schnitzel, Rübenschnitzel und das wurden dann Sirup, wurde solange gekocht, bis es dick wurde, nā?

I v a n o v a : Alles selbst?

W i l m a : Alles selbst gemacht, ja. Den Kartoffelmehl gemacht, nā? Kartoffel gerieben, und dann wurde Wasser ´raufgenommen, dann durch den Sieb und dann in Tub rausgedrückt und dann nimmt man und dann so im Topf und schon setzt sich das Kartoffelmehl dann ab. Und dann wurde das Wasser dann abgegossen, und dann kocht man diese Stücke so ´raus, ne? Und dann wurden die getrocknet. Dann hatten wir Kartoffelmehl.

M y l ' n i k o v : Na ja.

W i l m a : Ja, zum Eindicken so beim Kochen.

M y l ' n i k o v : Ja, ich erinnere, während des Krieges wir brateten den Kartoffel auf Wasser. Weil es war kein Butter, kein Fett. Man hat so: auf eine Pfanne ein... nu wissen Sie, ein wenig Wasser gegossen, dann sehr dünne Kartoffeln ge... das war alles. Ich erinnere prachtvoll. Ja. Aber interessant, wann damals, in dieser Zeit, die Frauen arbeiteten z.B. im Garten, Gemüsegarten und so weiter, oder etwas strickten, machten zu Hause...

W i l m a : Haben wir gewebt, Leinen gewebt.
M y l ' n i k o v : Ja. Haben sie damals dazu gesungen? Oder nicht?
W i l m a : Das war früher so wohl mehr.
M y l ' n i k o v : Ja.
W i l m a : Ja. So in der Weihnachtszeit, dann haben wir auch Weihnachtslieder gesungen. So mit den Kindern, mit unseren Kindern habe ich auch noch gesungen. Manchmal so, ne? Wie die klein waren...
M y l ' n i k o v : Und erinnern Sie etwas? Welche Worte da waren?
W i l m a : Wie?
M y l ' n i k o v : Ein wenig, singen Sie uns, welche Worte da waren? Ein wenig, ein Beispiel.
W i l m a : Ach, das war so lange her...
M y l ' n i k o v : Nu so, das wurde sehr interessant. Wir hören es mit großer Freude.
W i l m a : Was ich denn kann! {lacht}
M y l ' n i k o v : {lacht} Nun, dann sagen Sie! Wenn Sie singen nicht wollen, sagen Sie! {lacht} Wie der Text war, welche Worte?
W i l m a : Ach so! Ja!.. Zu Weihnachten haben wir gesungen auch «O, Tannenbaum!»
M y l ' n i k o v : O, Tannenbaum! O, Tannenbaum! Wie grün sind deine Blätter...
W i l m a : Ja, ja.
M y l ' n i k o v : O, wir haben es auch gesungen! {lacht}
W i l m a : Und «Kindelein komme, du komme zu all, du Christus her komme im Bethlehem Stall...» Und noch «... heilige Nacht, der Vater im Himmel, der Freude uns macht». Ja, so...
M y l ' n i k o v : Ja, ja. Das hat man an Weihnachten gesungen, ja?
W i l m a : Ja... Das andere weiß ich gar nicht.
M y l ' n i k o v : Also, das ist an Weihnachten?
W i l m a : Das sind Weihnachtslieder.
M y l ' n i k o v : Und z.B. andere Feste - Fasttag, Ostern...?
W i l m a : Da kenne ich keine Lieder. Auch nicht so. Aber Weihnachtslieder haben wir...
M y l ' n i k o v : Pfingsten hat man hier gefeiert?
W i l m a : Pfingsten? Ja! Hier wurde ja Umzug gemacht so, man kriegte die Krone auf, und dann musste der 'n Gedicht aufsagen, und dann wurden Eier gesammelt, und dann gingen noch welche nebenan, die mussten noch so... aber das ist alles gewesen. Schon länger her...
M y l ' n i k o v : Und Maibaum hat man hier gestellt?
W i l m a : Ja, auch mal, ja.
M y l ' n i k o v : Aber welcher Baum war es? Birke...
W i l m a : Birke.

M y l' n i k o v : Birke, ja? Und Eiche hat man gebraucht?

W i l m a : Eiche...? Das weiß ich gar nicht.

M y l' n i k o v : Nein? In einem Dorf hat uns ein Bauer gesagt dasselbe, er sagte, dass nur Birke hat man gebraucht für Maibaum.

W i l m a : Was hat man gebraucht?

M y l' n i k o v : Nur Birkenbaum.

W i l m a : Nur Birke, ja, ja. Das kenne ich auch so.

M y l' n i k o v : Und gibt es Erzählungen, warum Ihr Dorf nennt sich Laupin? Waren solche Erzählungen?

W i l m a : Ja. Ja. Aber es hat auch etwas anders geheißten. Oh, Denni, siehst du! *{zu dem Enkel}* Ich habe Butterkuchen. Geh mal da, auf das Tuch. Butterkuchen backen wir immer noch selber.

M y l' n i k o v : Das ist sehr schön, danke schön!

I v a n o v a : Backen Sie selber, ja?

M y l' n i k o v : Wie ist Vorname Ihres Enkels?

W i l m a : Denny.

M y l' n i k o v : Henry?

W i l m a : Denny.

M y l' n i k o v : Denny?

W i l m a : Ja. Er macht alles, ne?

M y l' n i k o v : Also, das muss man versuchen.

W i l m a : Aber er studiert auch Landwirtschaft an der Universität Rostock. Kann ich auch mal ein Stück essen. Danke, Denny, willst du dich mal hinsetzen?

D e n n i : Ne, ne. Ich komm' noch mal.

W i l m a : Ja, komm noch mal ein.

M y l' n i k o v : Er muss arbeiten.

W i l m a : Er muss nächste Woche wieder los. Schmeckt Ihnen der Kuchen?

M y l' n i k o v : Sehr gut, ja.

W i l m a : Ja?! *{lacht}* Ach, das freut mich.

I v a n o v a : Ja, schmeckt sehr gut!

W i l m a : Ja, frisch aufgegessen schmeckt am besten.

M y l' n i k o v : Ja, ja. Und Ihr Sohn also wohnt auch hier? Ja, in diesem Haus?

W i l m a : Ja.

M y l' n i k o v : Aber wo arbeitet er?

W i l m a : Wie?

M y l' n i k o v : Wo arbeitet er?

W i l m a : In der Landwirtschaft, er macht dasselbe in der Landwirtschaft. Wir sind alle in der Landwirtschaft. Noch Land zugepachtet und gekauft, gekauft... Dann bisschen wie früher, da kann man heute nicht von reden. Nee, das ist anders heute. Ja, ja.

M y l ' n i k o v : Nu ja.
 W i l m a : Das ist anders.
 M y l ' n i k o v : Und Ihr Sohn arbeitet in Genossenschaft?
 W i l m a : Nein.
 M y l ' n i k o v : Nein? Aber selbst?
 W i l m a : Der ist selbständig.
 M y l ' n i k o v : Und wie viel Hektar haben Sie?
 W i l m a : Wie?
 M y l ' n i k o v : Wie viel Hektar ist der Ackerbau?
 W i l m a : Mag ich gar nicht sagen, wie viel Ha... {lacht}
 M y l ' n i k o v : Na gut.
 W i l m a : Aber er macht ja bloß Feldbau, ne? Feldbau. Ja.
 I v a n o v a : Der Sohn? Ihr Sohn macht Feldbau?
 W i l m a : Ja. Er baut Roggen an, Hafer und Raps, ne? Was noch?.. Mais und mal Zwischenfrüchte denn auch...
 I v a n o v a : Wo?
 W i l m a : Aber mehr Flächen hat er nicht, das lässt man von der Firma machen, mehr Flächen hat er nicht. Und er hat keine neue Flächen gekauft, er hat zwei gebrauchte gekauft.
 M y l ' n i k o v : Ich kann sagen, dass ersten Mal in Deutschland esse ich so schöne Sachen.
 W i l m a : Wie?
 M y l ' n i k o v : Ersten Mal in Deutschland esse ich so schöne Kuchen.
 W i l m a : 's kann wohl nicht sein...
 M y l ' n i k o v : Ja, wirklich. Sehr schön!
 W i l m a : Kuchen gibt es doch überall.
 M y l ' n i k o v : Überall ja, aber das ist sehr schön, ja.
 W i l m a : Das ist mit Hefe gebacken. Ist anders, ne?
 M y l ' n i k o v : Ja, ja.
 W i l m a : Ist auch bekannt, dieser Kuchen.
 M y l ' n i k o v : Ja, ja. Haben Sie auch einen Backofen oder nicht?
 W i l m a : Einen Elektrischen. Mit dem Ofen drin so.
 M y l ' n i k o v : Ah, elektrisch, nu ja. Früher war ein Backofen?
 W i l m a : Ja... Der war hinten bei den Eichen am Berg, dort sind die Steine, große Felsen, oben gewesen, und da wurde Backofen dran gebaut. Ja. Aber weit vom Haus weg, so dass nix passierte... Früher war das Haus, wo die Eltern gewohnt hatten, dort wo die Scheune ist, da hat das Haus gelegen. Und hier war eine Scheune. Und denn wurde ja die Scheune abgerissen und dann haben meine Schwiegereltern dies Haus aufgebaut. Ja. Die haben auch viel gearbeitet. Mein Schwiegervater, der hat damals den ganzen Ziegelstein, den sie brauchten zu dem Haus, hat mit Pferd und Wagen vom Döschler {Töpfer Fritz

Döscher aus Ziegelei im Nachbardorf Hohenwoos } geholt. Da ist es nicht weit von Döscher, ne?

I v a n o v a : Ja...

W i l m a : Aber... ist ja nicht mehr Ziegelei. Ja. Da hat er all die Steine geholt.

M y l ' n i k o v : Was sagen Sie, dass heute ist alles anders. Was meinten Sie?

W i l m a : Wie?

M y l ' n i k o v : Sie sagten, dass heute ist ganz anders in Vergleich zu früheren Zeiten. Was meinten Sie? Gebräuche oder technische Sachen?

W i l m a : Technische Sachen, sowas gab's früher gar nicht. Wir haben allerdings schon die Waschmaschine, wie die herkam. Das war selten, dass einer eine Waschmaschine hatte. Da wurde alles mit der Hand gewaschen, so mit dem Waschbrett. Und jetzt geht es in die Waschmaschine und denn geht's los... ist halb trocken, wenn es 'rauskommt. Gibt's ja auch ganz trocken...

M y l ' n i k o v : Und in der DDR-Zeit waren Sie auch in diesem Haus, ja? In DDR-Zeit?

W i l m a : Ja. Ja, ja, wir haben 1947 geheiratet. Ja. Und denn bis 1960 und dann kam ja die LPG 1960–61. Dann haben wir in der LPG gearbeitet und dann sind wir... — das war der Typ 1 damals hier allein im Dorf so, jeder hat das Vieh noch selbst gehabt — dann sind wir 1968 nach Niendorf [*das Nachbardorf*] 'reingekommen — das waren mehrer Dörfer zusammen.

M y l ' n i k o v : Ja, ja. Das habe ich gelesen, ja.

W i l m a : Das war Typ der Allgemeinschaft und alles...

M y l ' n i k o v : Haben Sie nicht die Zeitung, «Ludwigsluster Tageblatt»?

W i l m a : Nee, habe ich nicht. Ich weiß noch früher, dann gab es ja «Dömitzer Zeitung», wie wir Kinder waren.

M y l ' n i k o v : Aus Dömitz?

W i l m a : «Dömitzer Zeitung» war es. Ah, ja... was gibt es heute für Zeitungen! O, wa' jo, wa' jo...

M y l ' n i k o v : Ja. Und Ihr Mann interessierte an Dorfchronik? Nein?

W i l m a : Jo... Mein Mann ist schon... es fällt schon, im Dezember fällt es schon 31 Jahre, wo mein Mann gestorben ist.

M y l ' n i k o v : Ach, so, ja.

W i l m a : Solange bin ich schon alleine. Ich kann sagen, die Gefangenschaft, was mit den Menschen dort war, und dann auch die LPG. Er sagte immer: ich weiß nicht, wie das werden soll, ich weiß bloß, dass es interessant war. Und so was bringt es uns heute mit.

M y l ' n i k o v : Uhu...

W i l m a : Und er hat immer gesagt, die letzten Jahre noch, könnten wir nur noch einmal nach drüben hinfahren. Aber wir haben keine Verwandtschaft, keine Kontakte, ne? Die Geschwister hatten uns sowas, die kamen ja hin. Und mein

Sohn, der genauso. Ich gehe gerne einmal hin, ich komme wieder zurück. Und wie die Wende kam — am 9. November war das 1989 oder so...

M y l ' n i k o v : Nein, den Fest feiert man am 3. Oktober.

W i l m a : Wie?

M y l ' n i k o v : 3. Oktober.

W i l m a : Ja, wird so gesagt immer, aber begann denn im November. Damals 1989.

M y l ' n i k o v : Ja, ein Moment, das war 1989.

W i l m a : 1989. ja. Da war ich in meinem Zimmer und da kam mein Sohn 'rein — ist ja irgendwo draußen gewesen, in der Werkstatt oder so — «Mutter, hast du schon gehört, die Grenzen sind auf» Ich sag' «Ein bisschen habe ich auch mitgekriegt» — auf dem Fernsehen so, ne? Und habe gar nicht mit dem vorgenommen. «Ja, — denn sagt er, — wenn einer mitkommt, wenn mein Cousain mitkommt, aus dem Dorf hier, ich kann sofort losfahren», aber die Schranke war nicht geschlossen, nächsten Tag auch noch nicht. Ne. Wir dachten, die Grenze wird wieder zugemacht, und wir sitzen da und die Kinder... so war das doch. Man konnte es gar nicht glauben, dass mal die Grenzen auf werden. Dann fahren sie erstmal nach Ludwigslust hin, erkundigten sich bei der Polizei, den Schein und sowas... Und Sonnabend sind sie dann losgefahren. Mit seinen Schwiegereltern von Ludwigslust. Ich sag': «Fahrt ma' los, ich bleibe hier, ich fahre gar nicht mit». Dann sind die losgefahren, und wie die in Boizenburg waren, da fing der Stau an. Da war die Straße voll Autos. Da ist der Schwiegervater von meinem Sohn ausgestiegen aus seinem Auto und zu Fuß weitergegangen. Und die anderen mit Autos in dem Stau bisschen weiter. Und der Schwiegervater ist nach Boizenburg so schnell gekommen wie die Autos. Ja, so viele Leute waren an der Grenze. Da waren die Hunderten und die Hunderten auf der Straße. Ja, ja. Ja.

M y l ' n i k o v : Ja, kann ich mir vorstellen.

W i l m a : Die Polizisten haben sie angekuckt, dass sie nichts geklaut hatten.

M y l ' n i k o v : Ja, sie wussten selbst nicht, was sie tun sollen.

W i l m a : Ja. So war das dann. Ich bin dann später morgen hingefahren, ich sag': «So schnell fahre ich noch nicht». Ja. Und wie sie denn hingefahren nach Boizenburg, da war auf die Uhr 2. Das war auch Sonnabend, ja, da konnten sie bloß auf die Schaufenster kucken, weiter auch nix. Aber sie haben da die 100 Mark gekriegt.

M y l ' n i k o v : Ja, ich kann mir vorstellen, das waren solche sehr wichtige Tage, ja, ja, ja.

W i l m a : Ja. Und wir alle können froh sein, dass das so ruhig abgelaufen ist. Das hätt' auch anders kommen können.

M y l ' n i k o v : Ja.

W i l m a : Das sage ich immer. Wir können froh sein, dass alles so ruhig abge-

gangen ist. Wenn jemand sich gewehrt hätte, dann wäre von uns hier nichts mehr gewesen. So dicht wir an der Grenze sind, dann wäre uns nicht gewesen.

M y l' n i k o v : Ja, es konnte ganz anders sein. Gott sei dank, dass alles so ist.

W i l m a : Ja, ja! Das sage ich auch! Aber das ganze, was jetzt gekommen ist, wie die Jugend und alles so ganz brutal ist, das ist ja nicht schön.

M y l' n i k o v : Für Jugend ist es schwere Zeit.

W i l m a : Ist nicht schön, dass nicht sein kann.

M y l' n i k o v : Aber ich glaube, dass Ihr Enkel ein sehr guter Mensch ist, tüchtiger, ja.

W i l m a : Jo! Tüchtig. Geht nicht einmal in die Diskos.

M y l' n i k o v : Ein sympathischer Mensch.

W i l m a : Ja. Eine gute Natur. Solche gibt's nicht viel. Aber es hängt auch davon ab, wir sind nur ein kleines Dorf. Hier sind keine Jugendlichen nicht so, denn die Jugendlichen sind ganz anders. Er hat neulich unerwartet gesagt: «Oma, das kannst du mir glauben, in den grösseren Dörfern, wo viele Jugendlichen sind, da könnte ich nicht so arbeiten, ganz Wochenende noch. Da wäre ich oft durch.» Ja, und das ist auch so. Der nicht mitmacht, das ist nicht so einfach. Ja. Die Tochter, die ist ein bisschen anders. Ach, Mädchen sind meistens anders so. Aber er!

M y l' n i k o v : Und Ihre Tochter lebt in Ludwigslust?

W i l m a : Meine Schwiegertochter stammt von Ludwigslust. Und die hatte drei Kinder, die Tochter wurde <...>, und der älteste Sohn Platte bei Schwerin und der jüngste hatte bei uns die Stelle geerbt.

M y l' n i k o v : Und war in Laupin früher eine Kirche?

W i l m a : Nein.

M y l' n i k o v : Niemals?

W i l m a : Ne, das glaube ich nicht. Das glaube ich nicht. Kirchlich gehören wir nach Leussow hin, ne? Leussow, ja.

M y l' n i k o v : Da ist Pastor Moritz, glaube ich.

W i l m a : Ja, ja. Ja. Oh, das ist ein sympathischer Mensch.

M y l' n i k o v : Ein guter Mensch, er hat uns geholfen, ja.

W i l m a : Kennen Sie?

M y l' n i k o v : Ja, er hat uns geholfen. Er hat uns empfohlen, mit wem können wir sprechen, hat vorbereitet.

W i l m a : Ach so, ja...

M y l' n i k o v : Nun, das ist ganz verständlich, wissen Sie, plötzlich kommen unbekannte Leute, ja? Aber wenn Pastor es versteht, warum wir gekommen sind, womit wir uns beschäftigen, dann ist es ganz andere Sache.

W i l m a : Ja, ja.

M y l' n i k o v : Und hier Pastor Tuttas aus Alt Jabel...

W i l m a : Alt Jabel auch, ne?
 M y l ' n i k o v : Ja. In Conow...
 W i l m a : Conow? Ne...
 M y l ' n i k o v : Pastor... wie nennt es? Sein Name... Klaus, Klaus...
 I v a n o v a : Weber.
 M y l ' n i k o v : Weber. Ja. Klaus Weber in Conow.
 N o v i k : Pastor Weber.
 W i l m a : Ach ja, in Conow, ich kenne den nicht.
 M y l ' n i k o v : Auch ein sympathischer Mensch.
 W i l m a : Ja, das habe ich auch schon gehört.
 M y l ' n i k o v : Und wissen Sie, ich habe ersten Mal, ersten Mal Pastor eine Frau gesehen.
 W i l m a : Ja. In Kaliß, ne?
 M y l ' n i k o v : Nein, wissen Sie, in Dorf Mecklenburg. Ja. Dorf Mecklenburg, da.
 W i l m a : Ach, Dorf Mecklenburg?
 M y l ' n i k o v : Zu Wismar näher.
 W i l m a : Hier ist auch eine Pastorin, ich glaube, in Kaliß.
 M y l ' n i k o v : Da waren wir nicht, ich weiß nicht. Nein, wir waren dort, aber hatten mit Pastorin nicht gesprochen. Ist es gewöhnlich, wie denken Sie, wenn eine Frau Pastorin ist?
 W i l m a : Ja, das habe ich gar nicht gewusst.
 M y l ' n i k o v : Nein? So ist gewöhnlich, dass es ein Mann ist.
 W i l m a : Im Fernsehen kucke ich auch gerne von ARD sonnabends abends, ne? die... Und da ist auch eine Pastorin.
 M y l ' n i k o v : Ja, ja. Es ist solche Bewegung. Sie nimmt seinen Anfang in Schweden, weiter auch in Dänemark und so weiter.
 W i l m a : Ja? Sind so auch Pastorinnen?
 M y l ' n i k o v : Ja, lutheranische.
 W i l m a : Aha...
 M y l ' n i k o v : Weil bei Katholiken und Orthodoxen es ist unmöglich — das soll nur ein Mann sein.
 W i l m a : Ja, die haben so. Und ich muss auch sagen, hier ist ja auch so. Ich bin konfirmiert worden. Ach, was mussten wir damals lernen gegen meine Enkelkinder jetzt! Sind ja ganz lockere Versen. Wie der Sohn konfirmierte, dessen Konfirmanden mussten... es was nu... 4–6 Wochen vor der Prüfung. Dann kam er zu mir mit einem Zettel und sagte: „Oh, das und das und das... das muss ich noch lernen. «Was?, — sag' ich, — das musst du noch lernen?» Ich sag': «Jeden Nachmittag, eine Stunde lernen. Du vor den Kirchenältesten und wenn du nachher nicht kannst, sowas gibt's nicht!» Ne? Und er hat's geschafft auch noch. Die müssen was können. Also, das ist so locker. Und die Tochter, die nachher die

Prüfung hatte, die brauchte nur was aufzuschreiben. Ich denke, wenn sie so streng sind, dann klappt es, a? Ein bisschen davon.

M y l ' n i k o v : Ja, ja. Das ist ungewöhnlich, aber...

W i l m a : Aber ganz ohne Glauben geht das nicht.

M y l ' n i k o v : Ja, ja, ja. Die Glaube soll sein. Andere Sache, welche Glaube und was glaubt der Mensch, aber ohne Glauben kann man nicht leben. Das ist richtig. Und interessant, gibt es hier oder früher vielleicht waren solche Gebräuche, wenn z.B. die Leute gingen ins Wald und da schmückten Birkenbaum. Nicht im Dorf hat man die Birkenbaum mitgebracht, sondern einen ganz lebendigen Birkenbaum?

W i l m a : Im Wald? Das kenne ich nicht.

M y l ' n i k o v : Kennen Sie nicht? Nein?

W i l m a : Nee. Aber zu Pfingsten haben wir 'ne Pfingstlaube gebaut früher, Kinder so, ne?

M y l ' n i k o v : Aha. Und wo?

W i l m a : Pfingstlaube. Ach, das war dort, wo Sie wohnen, bei Tuttas. *{Die Myl'nikov-Expedition war bei Familie Volker Tuttas in Laupin untergebracht. Das Quartier ist unter den Einwohner als ehemalige Gaststätte bekannt}*, auf dem Platz dahinten. Da haben wir eben die Pfingstlaube gehabt. Und denn wurden ja, ich bin gar nicht zu Ende gekommen mit dem Pfingstbrauch — denn gingen wir im Dorf 'rum und einer musste so ein Gedicht aufsagen: „Guten Tag, guten Tag, Frau Bauerin... aber das wurde im Platt gesagt, nä?

Gaud'n Dag, gaud'n Dag, Fru Buerin,

Hät juch oll Kauh noch Faurer in?

Wat möcht juuch oll griese Hund?

Is juuch Kater noch gesund?

Drei paar Eer härr ji woll?

Drei paar Grapen, noch drei Schapen,

Na hier unser Pingstekiep —

Ji warr'n seelig und wi warr'n riek!

Und dann hatten sie einen grossen Korb und da waren so... Hexel drin, so paar Feder gefutterten, und da wurden denn die Eier 'reingelegt.

M y l ' n i k o v : A, ja, an Pfingsten, ja?

W i l m a : Pfingsten.

M y l ' n i k o v : Interessant. Und die Hexe war irgendwie so maskiert?

W i l m a : Ja, so Kaputt auf, so, mit Blumen geschmückt, so. Ja, so war das.

M y l ' n i k o v : Das war alles nicht weit von Haus von Tuttas, ja?

W i l m a : Ja, da wurde es dann gemacht.

M y l ' n i k o v : Wo heute wir unser Auto stellen.

W i l m a : Ach so! Ja.

M y l ' n i k o v : Sagen Sie, Frau Wiedow, wie sah diese Laube aus?

W i l m a : Oh...

M y l ' n i k o v : War es ein Zelt, oder...?

W i l m a : Nee. Zelt nicht. Sowas nicht. Da wurden Ständer gefestigt, die wurden aus dem Wald geholt, und dann quer 'rüber auch noch welche und dann wurde's mit Birkenzeug so eingeflochten so bisschen. So mit Birkenzweigen wurde das denn dicht gemacht. Denn wurd' der Eingang gemacht, und dann wurden so Bänke 'rumgestellt, denn das, wo Sie jetzt wohnen, Sie wohnen, das war früher 'ne Gaststätte. Da wohnen Sie doch. Unten wohnen die beiden Frauen da {*Geschwister, die früher im Bauernhaus Hufe XI wohnten, sind zu Tuttas umgezogen, nachdem das Haus an einen Hamburger verkauft worden war*}

M y l ' n i k o v : Nein, sie wohnen im Erdgeschoß. Und wir wohnen nach oben.

W i l m a : Ja. Ja, ja, sag' ich! So meine ich auch.

M y l ' n i k o v : Und sagen Sie bitte schön, das ist auch sehr interessant: als man diese Birkenlaube machte, hat man ein Dach gemacht? Oder es war geöffnet?

W i l m a : Nein. Dach gab's nicht. Ne, Dach gab's nicht.

M y l ' n i k o v : Ja, das ist sehr interessant. Ja.

W i l m a : Und dies wurde dann die Tage vor Pfingsten gemacht.

M y l ' n i k o v : Und wann war es letzten Mal?

W i l m a : Das weiß ich gar nicht.

M y l ' n i k o v : Nach dem Krieg war es noch, ja? Die Laube?

W i l m a : Kann sein. Ja, die ersten Jahre nach dem Krieg. Sonst unsere Kinder, die Enkelkinder, die hatten das nicht mehr gehabt. Ob der Sohn...? Ob der noch?...

M y l ' n i k o v : Also, so bis Anfang der 1960-er Jahre wahrscheinlich? Nu wahrscheinlich...

W i l m a : Ja, vielleicht in den 1950-er war es noch so, nachher ja nicht mehr. Mitte 1950-er wohl.

M y l ' n i k o v : Aber warum? Hatten die Leute Interesse verloren, oder war es verboten?

W i l m a : Dann gab's was anderes. Dann gab's nachher auch schon Fernsehen und sowas denn alles mögliche. Dann hat es ja abgelenkt so.

M y l ' n i k o v : Aber war es nicht verboten, diese Bräuche zu brauchen?

W i l m a : Aber nein! Sowas nicht. Das war nicht verboten. Nein, nein, nein.

M y l ' n i k o v : Und wie lange stand diese Zelt, diese Laube? Zwei-drei Tage oder? Sie sagten, dass eine Woche vor dem Pfingsten, ja?

W i l m a : Eine Woche. Ne, zwei Tage vorm Pfingsten wurde's erst gemacht.

M y l ' n i k o v : Wieviele Tage?

W i l m a : Zwei Tage vor Pfingsten. Ja. Länger wohl nicht.

M y l ' n i k o v : Und nachdem hat man sie fortgenommen?

W i l m a : Jo, jo.

M y l ' n i k o v : Und hat man so, kann man sagen, solch ein Menschenring gemacht, die Leute Hand zu Hand und gingen rund herum? Das war?

W i l m a : Das weiß ich gar nicht... Aber es waren früher auch Erntefeste hier ja auch.

M y l ' n i k o v : Erntefeste?

W i l m a : Erntefeste. Dann wurden Wagen geschmückt, und die sind dann durch 's Dorf gefahren.

I v a n o v a : In Laupin hier?

W i l m a : Ja, auch früher.

I v a n o v a : Und wurden auch Umzüge gemacht?

W i l m a : ...und dann machten wir solche, äh, wie soll ich nun sagen, so 'ne runde Gelände gebunden, so im Halbmond so, die wurde mit Blumen sowas mit gebunden, und denn ging an jede Seite ein Mädchen angefasst, eine mit der rechten, und eine mit der linken Hand, und dann ging ein kleineres Mädchen in der Mitte denn so.

I v a n o v a : Und wurde diese Feier nur in Laupin gefeiert oder auch samt anderen Dörfern?

W i l m a : Und ein Bild davon... Ne, andere Dörfer auch, aber Laupin für sich.

I v a n o v a : Laupin für sich?

W i l m a : Aber das Bild von Erntefesten so, das ist noch hier im Kulturraum. Hier waren Sie, die Scheune und das Haus, zwei Häuser hier 'rüber, wo früher die Schule war, das ist jetzt Kulturraum.

M y l ' n i k o v : Ja, ja. Ja, ja.

W i l m a : Da ist noch 'n Bild drin, ein grösseres Bild. Und da sind mehrere Bilder von Erntefesten von Laupin früher, ne?

M y l ' n i k o v : Es ist, wenn wir herauskommen, nach linke Seite oder nach rechte?

W i l m a : Ja.

M y l ' n i k o v : Nach linke, ja?

W i l m a : Nach links, wenn Sie hier 'rauskommen, links. Dann geht es um die Ecke 'rum beim nächsten Haus, und da ist denn Kulturraum. Das war früher die Schule. Und das ist eine Luftaufnahme von Laupin {*an der Dielenwand*}. Das ist vom Flugzeug aus gemacht.

M y l ' n i k o v : Ah, ja, ja. Pastor aus Conow hat uns solche Foto geschenkt von oben.

W i l m a : Ah, ja.

M y l ' n i k o v : Auch ein runder Dorf, ein Rundling. Und haben Sie irgendeine Verwandte im Wendland? Nein?

W i l m a : Wie?

M y l ' n i k o v : Im Wendland, Hannoversche Wendland?

W i l m a : Wir haben außen keine Verwandten... Meinen Sie Lettland?

M y l ' n i k o v : Wendland.

W i l m a : Wendland!

M y l ' n i k o v : Wendland. Ja. Wir fahren dorthin noch. Über eine Woche fahren wir nach Wendland.

W i l m a : Ach, da fahren Sie hin! Ach, da sind Sie zu Hause!

M y l ' n i k o v : Ja, da sind runde Dörfer.

W i l m a : Ja, aber wo ist das denn?

M y l ' n i k o v : Ah, das ist andere Ufer Elbe.

W i l m a : Ach, von der Elbe...

M y l ' n i k o v : Hier sind wir auf rechten Ufer, und da ist auf linken Ufer.

W i l m a : Ah, bei Hannover denn.

M y l ' n i k o v : Ja!

I v a n o v a : Ja! In Hannover sind wir nicht zu Hause, wir sind in Russland zu Hause.

W i l m a : Niedersachsen denn so.

M y l ' n i k o v : Das ist Niedersachsen, ja, ja.

W i l m a : Ja.

M y l ' n i k o v : Und neben Dömitz ist eine Brücke.

W i l m a : Ach Dömitz, ja.

M y l ' n i k o v : Früher war da die Grenze. Es war unmöglich zu fahren, und heute ist...

W i l m a : Und die wurde noch kurz vor Kriegsschluß wurde die Brücke noch bombardiert. Ja. Das war glaube ich — war das im März oder April 1945?

M y l ' n i k o v : Ja, ich habe gehört, es waren amerikanische Flugzeuge, die bombardierten, ja. Ja.

W i l m a : Amerikanische oder Engländer. Und ich war in Dömitz in Stellung. Vom 1944 bis 1945. Sie hatten Getreidehandlung dort, und ich war im Haushalt. Von dem Januar 1945 da kamen schon Tracks an mit Pferden und Wagen von Ostpreußen und so. Und immer über die Brücke 'rüber, immer 'rüber, Tag und Nacht. Immer über die Brücke 'rüber. Zu mir hatte eine Frau gesagt, die sind ausgeflüchtet damals. Aber später hat sie mir gesagt: «Wir haben 4 Wochen damals kein Wasser gesehen, dass man sich mal waschen konnte.» Wenn sie unterwegs waren.

M y l ' n i k o v : Ja.

W i l m a : Die Frauen meist mit Kindern alleine, der Mann war im Krieg. Das war nicht so einfach.

M y l ' n i k o v : Und sagen Sie bitte, waren hier in Laupin so genannte Ostarbeiter?

W i l m a : Ja, die waren voll.

M y l ' n i k o v : Aber wer bekam diese Ostarbeiter? Ich weiß, dass sie lebten und arbeiteten in einigen Häusern. Aber welche Prinzip war, wer bekam diese Ostarbeiter?

W i l m a : Die Vorschrift war so: sie sollten alleine am Tisch essen. Nicht mit dem Besitzer zusammen. Aber hier, bei meinen Schwiegereltern, die haben zusammen gegessen. Und der Pole, der war in dem — das steht ja nicht mehr jetzt, wo die Straße da geht, da war eine alte Scheune, und da waren die untergebracht. Da gingen sie abends hin und kamen morgens wieder hier.

M y l ' n i k o v : Aus Russland waren hier solche Leute, nein?

W i l m a : Aus Russland... das kann ich gar nicht sagen... Das weiß ich gar nicht. Aber von Polen und Serben.

M y l ' n i k o v : Polen und Serben, ja?

W i l m a : Ja. Und der Pole, der hier bei meinen Schwiegereltern war, der wurde nachher noch einmal 'rausgesucht.

M y l ' n i k o v : Er konnte schon Deutsch sprechen?

W i l m a : Ja. Ja.

M y l ' n i k o v : Wissen Sie, im vorigen Jahr hat man ein Buch, sehr interessantes Buch herausgegeben, gerade in Deutschland und in Russland parallel. Also, die Briefe von Ostarbeitern, sie sind bewahrt, sie sind bewahrt, ja? Diese Briefe. Früher erstmals war ein Buch hier, ich habe jetzt den Namen von diesem Historiker vergessen, vor einigen Jahren war herausgegeben, und später hat man es verbreitet, und diese alle Briefe aus Russland, Weißrussland, Ukraine gedruckt. In deutsche Sprache und in russische Sprache. Es ist sehr interessant, wie sie lebten, ihre Lieder, ihre Briefe nach Heimat und so weiter. Na ja.

W i l m a : Und 1945, denn die Amerikaner hier durchkamen, haben sie getanzt und gesungen, und getanzt und gesungen...

M y l ' n i k o v : Die Ostarbeiter?

W i l m a : Ja, ja...

M y l ' n i k o v : Nu, kann man vorstellen. Gewiss ja.

W i l m a : Das sehe ich noch so. Oh, war das ein Jubel auf der Straße.

M y l ' n i k o v : Und Sie sagten, dass noch jetzt dieser Mensch aus Polen hat Sie gesucht, ja?

W i l m a : Aber Jahre lang haben wir kein Kontakt mehr gehabt. Ich weiß nicht, ob der noch lebt, weiß ich nicht. Aber das war 'n guter Mensch.

M y l ' n i k o v : Nu ja. Hatten Sie wahrscheinlich auch Briefwechsel?

W i l m a : Wie?

M y l ' n i k o v : Briefwechsel?

W i l m a : Ne, nicht so, nein.

M y l ' n i k o v : Nein?

W i l m a : Ja, mal eine Karte so... tja-ja-ja...

I v a n o v a : Und was kochen Sie, Frau Wiedow? Kochen Sie immer noch selbst?

M y l ' n i k o v : Kochen Sie selbst?

W i l m a : Ja. Wenn meine Schwiegertochter nicht da ist, dann koche ich immer.

I v a n o v a : ja?

W i l m a : Ja.

I v a n o v a : Was kochen Sie normalerweise? Ist das die mecklenburgische Küche oder... oder aus der Griesen Gegend?

M y l ' n i k o v : Was kochen Sie so, insgesamt? Oder mecklenburgische Essen oder anderes?

W i l m a : Ja. Wollen wir ma' sagen, Alte essen ja anders, sie kochen anders. Aber mein Sohn und ich, wir essen dann mal gerne was von früher, was so man kochte.

I v a n o v a : Ja? Und was ist das?

W i l m a : Wir essen gerne so mal Eisbein, denn mache ich auch mal... 'ne... 'n Rippenbraten so mit Pflaumen drin und so weiter, ne? Aber wenn das nicht, dann mache ich Buttermilcheintopf. Aber wenn das einer so gehabt hat, dann braucht man nicht so lange...

I v a n o v a : Aber was ist Buttermilcheintopf? Wie machen Sie Buttermilcheintopf? Ist das heißes Gericht?

W i l m a : Ja. Da werden Kartoffeln gekocht, und die werden fein gemacht, und die Buttermilch wird in den Topf 'reingetan, ein bisschen Mehl dran, sonst gerinnt das, und dann koche ich auch Bohnen, und das kommt alles zusammen in Topf hinein. Und dann wird eine dicke Suppe daraus. Und denn wird Speck ausgebraten, Speck ausgebraten und das kommt dazu, und dann wird Mettwurst dazu gegessen. So von der dicken Mettwurst eine Scheibe abgeschnitten und das schmeckt gut dazu.

M y l ' n i k o v : Und den Speck essen Sie einzeln von dem Eintopf oder zusammen?

W i l m a : Der Speck kommt 'rein in die Schüssel. Ja. Aber das esse ich bloß alleine. Unsere essen das nicht.

I v a n o v a : Ja? Ist das typisch für die Gegend? Oder ist das typisch für Mecklenburg insgesamt?

W i l m a : Oh, das kenne ich so von früher, das kennen doch alle im Dorf so. Aber heute geht ja alles anders. Aber ich muss ja auch sagen, heute: eins gefällt mir ja nie: das vieles eingeschweißt ist. Dass Lebensmittel so eingeschweißt ist, und Fleisch, und Wurst und sowas alles. Da bin ich nicht so... Ich finde, das ist alles... So Fleisch — fiel mir ja auch ein — wir haben ja auch Tiere- Kuh, Schwein, das ist gut. Aber diese ganze Wurst und alles, was da in Geschäften so sind, das finde ich nicht gut. Diese eingeschweißte... das kommt mir irgendwie künstlich vor. Ich weiß nicht. Das macht mich enttäuscht.

I v a n o v a : Und wo bekommen Sie Schweinefleisch her?

W i l m a : Wie?

I v a n o v a : Wo bekommen Sie Schweinefleisch?

W i l m a : Von meiner Schwiegertochter, die arbeitet in Ludwigslust. Die bringt denn mit.

I v a n o v a : Also, es wird gekauft?

W i l m a : Oder hier kommt auch ein Schlachter hin, jede Woche einmal.

I v a n o v a : Also, gekauft kriegen Sie es?

W i l m a : Kommt der von Vielank, der Schlachter und denn fährt er wieder ab...

I v a n o v a : Und früher hatten Sie auch Vieh?

W i l m a : ...mit dem Wagen, er hat ja ein Auto. Wie?

I v a n o v a : Vieh hatten Sie früher? Schweine...

W i l m a : Ja. Wir haben auch geschlachtet, ja.

I v a n o v a : Und auch selbst Wurst gemacht?

W i l m a : Ja, ja. Wurde denn geräuchert.

I v a n o v a : Wer hat geschlachtet, Ihr Mann?

W i l m a : Ne, da war ein Schlachter im Nachbardorf, der gekommen ist. Aber das die Arbeit, das haben wir alleine gemacht. Dann wurde Mettwurst gemacht von rohem Fleisch denn so. Ja... denn wurden kleine ...gekocht und da wurde Leberwurst von gemacht.

M y l ' n i k o v : Und jetzt machen Sie Hauswürste?

W i l m a : Wie?

M y l ' n i k o v : Zu Hause machen Sie Würste jetzt?

W i l m a : Jetzt machen wir gar keine Wurst.

M y l ' n i k o v : Aber wahrscheinlich doch Wurst, welche zu Hause gemacht ist, ist besser, als die im Geschäft.

W i l m a : Ach, ich mag das gar nicht mehr essen, vom Schwein. Das wäre mir alles viel zu fett. Mache ich heute gar nicht mehr. So fett ist, denn da noch Schmalz drin... Ne. Denn die Rotwurst, die mit dem Speck drin... Mag ich gar nicht mehr essen. Dann wurde Bratkartoffel gemacht, wurde Speck ausgebraten in der Pfanne und denn...

I v a n o v a : Ist das mecklenburgische Bratkartoffeln?

W i l m a : Ja. Aber das gab's auch jeden Abend Bratkartoffeln. Damals hatten wir das, jetzt möchte ich gar nicht mehr. Ich esse auch gerne Bratkartoffeln mal eins so mit dem Speck gebraten, auch mal Spiegelei mit Speck gebraten, aber so wie die früher gegessen haben, so immer Speck — nein. Ich muss auch sagen, wenn ich nun Kartoffelpuffen backe, das kenne ich so von früher, die mache gewöhnlich auf Schmalz, oder Kartoffelpfannkuchen, die mache ich noch selber, und wenn ich den Teig 'reingemacht, dann mache ich in einer großen Pfanne denn so. Und dann tu ich so 'n Stück Speck 'rauf. Und das wird dann nachher so umgedreht, so dass der Speck unten ist — den Geschmack mag ich gerne. Ich weiß noch, meine Oma, die hatte früher eine Schale so auf dem Geschoß, und dann hat

sie Speck geschnitten in Würfel. Damit wurden Pfannkuchen gebacken. Ja. Bloß mit Speck und Schmalz. Was war das für fett!

М y l ' n i k o v : Ja, sehr viel Fett.

W i l m a : Ah! Aber so eine Scheibe, so esse ich auch, denn allein schon Geschmack so bisschen...

I v a n o v a : Und wie war es mit dem Schlachter? Sie haben ihn vorher angerufen und gesagt, dass morgen also... wollen wir schlachten...

W i l m a : Ja. Das wurde abgesprochen. Ja. Früher hatten sie auch im Dorf... mein Vater hat auch Schweine geschlachtet denn damals. Ja.

М y l ' n i k o v : Selbst?

W i l m a : Ja, selbst geschlachtet. So war immer mehr im Dorf, sowas extra Schlachter, das gab's nicht. Und meine Schwiegermutter hat mir gesagt: «Vom Schwein wird nix weggeworfen, alles verbraucht.»

I v a n o v a : Und wer war Ihr Vater? War er ein Schlachter oder ein Landwirt?

W i l m a : Mein Vater? Ja, die waren auch Landwirte. Die stammten auch von den Landwirten.

I v a n o v a : Also, so extra mit dem Schlachten beschäftigte er sich nicht?

W i l m a : Er hat es angewohnt, zu schlachten. Ich weiß nicht, ob mein Sohn das kann... Ach, der hat was gewonnen. Es ist noch Schützenkönig geworden dran drüben. Ja! Das macht auch umständlich...

I v a n o v a : Wann wurde Ihr Haus umgebaut?

W i l m a : Wie?

I v a n o v a : Wann wurde Ihr Haus umgebaut? Hier war die Diele, die Querdiele, ja?

W i l m a : Ja. Die haben vor drei Jahren angefangen. Was haben wir jetzt? 2000. Sind wir 1997 dabei, 1998, 1999, ja.

I v a n o v a : Also, vor kurzem, ja?

W i l m a : Ja. Die beiden, das haben sie selber eingesetzt. Das war ja gar nicht früher.

I v a n o v a : Die, die Balken?

W i l m a : Die.

I v a n o v a : Aber die nicht. Die oben, die sehen nicht so alt aus.

W i l m a : Aber die haben jeden Balken 'runtergenommen, und denn zur Schweine hin und da wurde es aufgearbeitet, die Spritzen getan. Weil es schon der Wurm drin war.

М y l ' n i k o v : Und das ist auch neu, ja?

W i l m a : Das ist alles neu gemacht. Das wurde abgesägt und denn ausgestampft, und dann haben sie die Balken so 'rein...

{затись прервана}

{конец стороны А}

{Сторона В}

{Продолжение}

W i l m a : ...so, natürlich denn...

M y l ' n i k o v : Nu, ja! Das kann man verstehen.

W i l m a : Aber so schnell geht das alles nicht, wenn man sowas anfingt. Aber er hat immer den Jungen dabei gehabt — ja, ja... Und er freut sich, dass er so alles mit dem Vater selber gemacht hat.

M y l ' n i k o v : Ich kann sagen, dass Sie sind ein glücklicher Mensch.

W i l m a : Wie?

M y l ' n i k o v : Sie sind ein glücklicher Mensch.

W i l m a : Ah, ja.

M y l ' n i k o v : Sie haben und Sohn, und Enkel, ja?

W i l m a : Ja, ja, das ist so.

M y l ' n i k o v : Wirklich, nicht so oft ist es.

W i l m a : Augenblick, ich muss auch sagen: das Kreuz habe ich, mit der Wirbelsäule habe ich das nun.

M y l ' n i k o v : Haben Sie gefallen oder was?

W i l m a : Nein! Alle Jahre immer schwer gearbeitet. Und dann auch beim Bau ein Holz denn auch noch fiel, dann habe ich mal angefasst. Und... nu kann ich ja nicht mehr so. Aber ich sage immer: ich kann Gott im Himmel danken, dass es mir die anderen Jahre gut ging. Ich habe keine Krankheiten auch keine Operationen gehabt — toi, toi, toi- und so schwere Krankheiten auch noch nicht. Und wenn man als ist, dann kommt eben was. Ja, der Körper ist abgenutzt und man muss anders denken. Ja. Und wenn man noch so bleibt, ich war schon viel im Krankenhaus, mit der Wirbelsäule, da war ich auch in Schwerin, die Ärzte in Ludwigslust die Untersuchungen alle gemacht, und in Schwerin, so Körperbestrahlung habe ich gekriegt und denn immer... nachher immer diese Chemotherapie... Aber toi, toi, wenn so bleibt... Mache ich heute viel. Nehme auch Tabletten auf. Ja... Ja, und wie viele gibt es, die schon mit 40–50 Jahren nichts mehr können. Und da kann ich ja nichts sagen. Ach, die machen ja schon viel mit Knieoperationen, sowas alles, ne?

M y l ' n i k o v : Ja.

W i l m a : Und mit den Hüften so, ne? Bloß dass ich schwerhörig bin. Da kommt er.

I v a n o v a : Wann haben Sie zum letzten Mal gesponnen?

H a n s - W e r n e r : Guten Tag!

M y l ' n i k o v : Guten Tag!

I v a n o v a : Guten Tag! Ivanova.

M y l ' n i k o v : Myl'nikov.

N o v i k : Novik.

M y l ' n i k o v : Unerwartete Gäste kamen zu Ihrer Mutter. {lacht}

W i l m a : Die wollen was über Laupin schreiben.

H a n s - W e r n e r : Ah? Wie... wie sind Sie...

W i l m a : Die sind bei Tuttas.

H a n s - W e r n e r : Ach so!

N o v i k : Bei Familie Tuttas.

H a n s - W e r n e r : Ja.

M y l ' n i k o v : Aus Sankt-Petersburg, Russland.

H a n s - W e r n e r : Ja. Ja.

M y l ' n i k o v : Wir kommen hierher...

{*заничь прервана*}

W i l m a : Ja... so wie Mutter spricht denn. Und in der Schule ist es besser, wenn die Hochdeutsch sprechen. Wie wir zur Schule gekommen sind, sprachen wir alle platt. Aber das ist selbstverständlich.

H a n s - W e r n e r : Ja. Wenn man in die Schule geht, dann hält es nicht mehr lange durch, Plattsprechende. Na ja, so paar Wörter so. Jetzt ist es bald zu spät, das kommt ja nicht mehr...

I v a n o v a : Versteht man platt?

H a n s - W e r n e r : Ja!

W i l m a : Ich muss sagen, in <...>, wo die alle herkommen, da sprechen die ja platt noch. Da, von Holstein, aber die sprechen auch noch alle platt.

M y l ' n i k o v : Wo? In Ostholstein?

H a n s - W e r n e r : Ja, Holstein.

M y l ' n i k o v : Ja, ja. Sagen Sie, diese Sprache, Plattdeutsch, hier und in Holstein ist ähnlich?

H a n s - W e r n e r : Ja, ist ähnlich. Das versteht man, das hört man, dass es ein brandenburger Platt ist, wenn man nach Berlin zukommt, da wird anderes Platt gesprochen.

I v a n o v a : Ja, das versteht man. Man versteht einander, aber man fühlt, dass der Mensch aus einer anderen Gegend ist?

H a n s - W e r n e r : Ja, hier Niedersachsen ist... das geht nämlich auch...

{*говорят все вместе*}

M y l ' n i k o v : Und in welcher Schule haben Sie gelernt, hier, welche nah ist? Nein?

H a n s - W e r n e r : Nein, hier nicht. Ich war die ersten vier Jahre in Niendorf...

I v a n o v a : Und bis wann gab es hier die Schule?

H a n s - W e r n e r : Die Schule ist hier bis 1952... Nee! Bis 1955.

W i l m a : Ich weiß gar nicht.

H a n s - W e r n e r : Nee, ich kann mich nicht mehr dran erinnern.

W i l m a : Die andere Schule ist sechsund... bis 1954 nach Niendorf gekommen. So bis 1953 so. Nachher nicht mehr.

I v a n o v a : Ja, Herr Hoffmann {*Hasso Hoffmann, Lehrer und Autor der Broschüre «500 Jahre Laupin»*} hat hier unterrichtet.

H a n s - W e r n e r : Uhu.

W i l m a : Und ich bin damals 8 Jahre dahingegangen. Und immer war es der gleiche Lehrer. Aber ich weiß noch genau, aber keiner von ihnen... da hatte er mal gesagt zu uns: «Ich werden das Jahr 2000 nicht mehr erleben», — sagte er. — «Aber ihr könnt das noch erleben. Als auch Großmutter und Großväter» Das habe ich behalten! Ja! Jetzt ist ja das Jahr 2000.

M y l ' n i k o v : Das ist sehr gut!

W i l m a : Ja! Ja. Aber die bestimmte Teile, die behält man denn so.

M y l ' n i k o v : Und hier war Lehrer Herrmann ä... Hoffmann?

W i l m a : Ja, der war nach dem Krieg. Der war nach dem Krieg.

M y l ' n i k o v : Er war bei uns, er kam in Gäste zu uns mit Frau Malchow.

H a n s - W e r n e r : Ja. Ach so! Ja, Rosi Lüth war das ja früher.

W i l m a : Ah, Rosi!

M y l ' n i k o v : Ja, ja, ich erzählte schon.

I v a n o v a : Heute bin ich ihr auch begegnet.

H a n s - W e r n e r : Sie war es heute?

I v a n o v a : Ja, ja.

H a n s - W e r n e r : Das mit dem silbernen Auto, ne? Silberne Farbe?

I v a n o v a : Ja, ja.

H a n s - W e r n e r : Stand hier vorne, beim Stall, ja? Genau! Ja, habe ich gesehen.

M y l ' n i k o v : Ja, wir haben heute durchs Dorf spazieren gegangen

W i l m a : Ich habe gleich gedacht: die sind bestimmt bei Tuttas. Aber sie sind zu dritt.

M y l ' n i k o v : Ja.

I v a n o v a : ...sie fuhr weiter nach Alt Jabel und ist nicht geblieben.

M y l ' n i k o v : Und sagen Sie, Herr Wiedow, Ihre Mutter hat uns erzählt, wie früher wahrscheinlich in 1950-er Jahren hat man Pfingsten gefeiert.

H a n s - W e r n e r : Ja.

M y l ' n i k o v : Interessant, Sie erinnern das, in Ihre Kinderjahre war das?

H a n s - W e r n e r : Nee. Ich kenne das nicht mehr. Ich bin erst 1935 geboren, ja, kann ich mich nicht dran erinnern, dass je...

W i l m a : Nee, das war nachher.

H a n s - W e r n e r : Wie die Eltern da, bei Tuttas, damalige Feste, Sprockekenfest, ne? Ja, oder Pfingslaube.

M y l ' n i k o v : Also, in Ihren Kinderjahren war schon nicht?

H a n s - W e r n e r : Nicht mehr. Da war das schon vorüber.

I v a n o v a : Das heißt, das wurde bis zum Kriege etwa... gefeiert.

H a n s - W e r n e r : Ja. Und nach dem Krieg auch noch. Ich weiß einer war hier, bei Tuttas da war früher die Gaststätte, ne? gewesen.

I v a n o v a : Ja, wo wir wohnen.

H a n s - W e r n e r : Ja, wo Sie wohnen, und da haben wir noch einmal gingen wir dahin, da haben wir Brause getrunken...

W i l m a : Und Eis gegessen.

H a n s - W e r n e r : und Eis gegessen.

W i l m a : Das kann ich mich erinnern.

I v a n o v a : Was ist Brause?

H a n s - W e r n e r : Brause ist ein Getränk, so wie Limonade mit Kohlensäuren, Getränk.

I v a n o v a : Ja? Warum nennen Sie so?

H a n s - W e r n e r : Weil das so hieß. Brause. 'ne Brause oder Limonade.

I v a n o v a : Ist es typisch für die Gegend oder was?

H a n s - W e r n e r : Es gab immer Brause mit den Kohlensäuren. Wir haben immer Brause gesagt.

W i l m a : Ach, ich muss noch sagen, dass hier diese Gaststätte im Haus, wo sie... bis Mitte 1950-er Jahre war es.

M y l ' n i k o v : An welches Fest war es? War es mit Pfingsten verbunden oder bloß so? Ohne Verbindung?

W i l m a : War das Sommerfest?

H a n s - W e r n e r : Da hatten wir die Gaststätte ja. Das weiß ich genau. Da gab es immer die Bockwurst oder ein Eis. Oder so ein Kinderfest vielleicht gewesen? Kann man auch hingehen.

I v a n o v a : Und was ist Laternenfest?

H a n s - W e r n e r : Also Laternenfest haben wir ja im Oktober, hatten wir so als Hobby gehabt. Sonst kenne ich auch nicht viel von dem Laternenfest.

I v a n o v a : Ich hab' einmal gesehen in Deutschland, aber was bedeutet es, dieses Laternenfest?

H a n s - W e r n e r : Oh, nu... so zusammenkommen... Machen die jetzt auch noch hier im Nachbarort für die kleinen Kinder mit Laternen, Oktober... oder so.

W i l m a : Habe ich ja auch schon gesagt, wie nachher das Fernsehen kam, dann war das alles vorbei.

H a n s - W e r n e r : Das war vorbei.

W i l m a : Dann hat man jeder Abends gekuckt, und wie es paar Fernseher gab, dann ist einer zum anderen gegangen und gekuckt.

I v a n o v a : Und Laternenfest gibt es immer noch. Selbst in großen Städten.

H a n s - W e r n e r : Ja. Ich habe in einer Zeitung gelesen, die Kinder gingen durchs Dorf, und die Feuerwehr hat die Straßen abgesperrt, dann gingen mit Laternen die Kleinen so...

I v a n o v a : Und welche Bedeutung hat das Fest?

H a n s - W e r n e r : Also, kann ich ja nicht sagen...

W i l m a : Ah, was habe ich nu alles erzählt...

I v a n o v a : Ja, dafür danken wir Ihnen auch.

M y l ' n i k o v : Wir haben Ihr Haus gesehen, Ihre Mutter hat uns gezeigt und wir können sagen, dass es wirklich eine tüchtige Arbeit ist und so, was sie alles gemacht haben.... Ja.

H a n s - W e r n e r : Ja, viel Arbeit war es.

I v a n o v a : Und die Balken gab es früher nicht?

H a n s - W e r n e r : Die haben wir später, das haben wir selber gemacht.

I v a n o v a : Haben Sie selbst gebaut?

H a n s - W e r n e r : Ja, selbst.

M y l ' n i k o v : Und hat sie eine konstruktive Rolle oder nur für Schönheit?

H a n s - W e r n e r : Nur für Schönheit. Nicht zum Tragen. Nur so, dass der Saal hier rustikal aussehen sollte.

I v a n o v a : Und die sind zum Tragen, ja?

H a n s - W e r n e r : Ja. Die waren schon immer drin. Das... bis her hin. Diese Querdinge hier oben, und das hier, das war gewesen. Dann haben wir die Balken... die beiden zurück waren, durch den Putz wurde es abgetragen. Die oben, die war auch, und die, oben, der schmale, das war auch gewesen. Der breite Balken da oben, der so hoch ist, der war auch gewesen.

W i l m a : Und die zwei, die sind auch ein bisschen gebogen so, das hatten sie als Natur gelassen so. Nicht grade gemacht. Und hier oben, die Eichenbretter, das ist auch so gewesen.

I v a n o v a : War die Diele genauso breit oder war sie breiter?

H a n s - W e r n e r : Ein kleines Stück noch, ja, haben wir ein bisschen abgesetzt, die Diele war länger, aber genauso breit.

I v a n o v a : Was war hier früher?

H a n s - W e r n e r : Hier war der Heuboden gewesen.

I v a n o v a : Ne, ich meine nicht im Haus, sondern was war an der Stelle, wo das Haus steht? War hier auch früher ein Haus?

H a n s - W e r n e r : Hier war ein Haus gewesen, aber zu meiner... ich bin 53 geboren worden, und dann war hier die Scheune, und wo das Heuhaus steht, wo die Scheune steht, da war das Wohnhaus. Das war umgedreht also, mit Schilfdach.

I v a n o v a : Ach so... Und die Scheune hatte auch Rohrdach?

H a n s - W e r n e r : Ja. Auch Rohrdach.

W i l m a : Die Tür haben sie auch gemacht. Und mir gefällt, dass es kein klaren Glas ist, dass das so... sieht man nicht alles drauf, sonst kann man alles wissen. Und hier unten ist Bodenheizung.

I v a n o v a : War hier ein Büdnerdorf oder?

H a n s - W e r n e r : Ja. Um das Denkmal herum war das Bauerndorf...

I v a n o v a : Weil es ein Rundling war.

H a n s - W e r n e r : Ja. Und hinten, wo Sie ja Rosi Malchow getroffen haben, da waren ja wieder mal auf der rechten Seite auch Büdner. Und auf der linken Seite das letzte Haus, das war ein Bauer.

I v a n o v a : Und das alte Haus von 1651 war ein Bauernhaus?

H a n s - W e r n e r : Bauernhaus. Von der rechten Seite hin, ne? Wo Sie Rosi Malchow getroffen...

I v a n o v a : Ja.

H a n s - W e r n e r : Ja, das ist auch ein Bauernhof. Das war früher... kann man ja sehen am Giebel, ne? Hans Lüth. Rosi Malchow war eine geborene Lüth.

I v a n o v a : Und geboren wurde sie in dem Haus, wo jetzt die Hamburger wohnen?

H a n s - W e r n e r : Ja. Berliner glaube ich, nicht?

I v a n o v a : Hamburger. So habe ich da mitbekommen.

H a n s - W e r n e r : ja. Habe ich gedacht. Genau. Die Berliner nicht. Ja, da ist sie geboren.

I v a n o v a : Und das Haus, das hier früher stand, bis 1913, das war auch ein Haus Ihrer Vorfahren oder nicht?

H a n s - W e r n e r : Ja, das war ein Klook war das, ne? Klook hieß er?

W i l m a : Wer?

H a n s - W e r n e r : Der hier früher wohnte? Der mit Wiedow verwandt war?

W i l m a : Ja. Oma war eine geborene Klook.

H a n s - W e r n e r : Ja, Klook war das gewesen. Das war mein Opa praktisch, der stammte von Bresegard. Mein Opa, der stammt hier von Bresegard bei Elde-na. Da kommt er her, der hieß denn Wiedow und hier war Klook.

I v a n o v a : Und sagen Sie bitte, ist Frau Wiedow aus Bresegard mit Ihnen verwandt?

H a n s - W e r n e r : Waren Sie schon mal in Bresegard gewesen?

I v a n o v a : Nein. In Glaisin. Da haben wir sie kennen gelernt.

W i l m a : Wer ist denn das? Christian Wiedow?

I v a n o v a : Ja... Ne! Karin Wiedow.

H a n s - W e r n e r : Karin, ja!

W i l m a : Ach Karin! Ja! Das ist...

H a n s - W e r n e r : Karin Wiedow, das ist von...

W i l m a : Der Vater ist Cousain von meinem Mann.

I v a n o v a : Ach so.

W i l m a : Das ist Cousain von meinem Mann. Karin Wiedow, ihr Vater ist ja erst vor kurzer Zeit jetzt gestorben. Ja, Karin Wiedow.

H a n s - W e r n e r : Das ist hier von der Oma, meiner Oma her. Konfirmation...

W i l m a : Konfirmationsschein ist das.

I v a n o v a : Klot?

H a n s - W e r n e r : Klopp.

I v a n o v a : Waren Ihre Vorfahren alle Bauern gewesen?

H a n s - W e r n e r : Ja, genau. Die waren alle Bauern gewesen.

I v a n o v a : Stimmt das, Bertha Elisabeth Maria Klook, 1883 geboren in Laupin. Nicht in Bresegard?

H a n s - W e r n e r : Ne, ne. In Laupin. Der Opa war in Bresegard geboren. Ach so! Sie? Sie ist in Laupin geboren.

W i l m a : Und konfirmiert in Leussow.

H a n s - W e r n e r : Ja. In Bresegard, das stimmt. Und davon der Mann, der stammt von Bresegard. Wo die Karin Wiedow...

{зaпись прервана}

H a n s - W e r n e r : Wiedows gibts es viel, sie treffen mehrere Wiedows.

I v a n o v a : Und Jörn Jakob Swehn war auch einer der Wiedows?

H a n s - W e r n e r : Wo?

I v a n o v a : Jörn Jakob Swehn? Der Amerikafahrer.

H a n s - W e r n e r : Ja, ja. Genau, das war auch ein Wiedow.

{зaпись прервана}

{конец интервью}

15 октября, воскресенье

Из дневника Ивановой

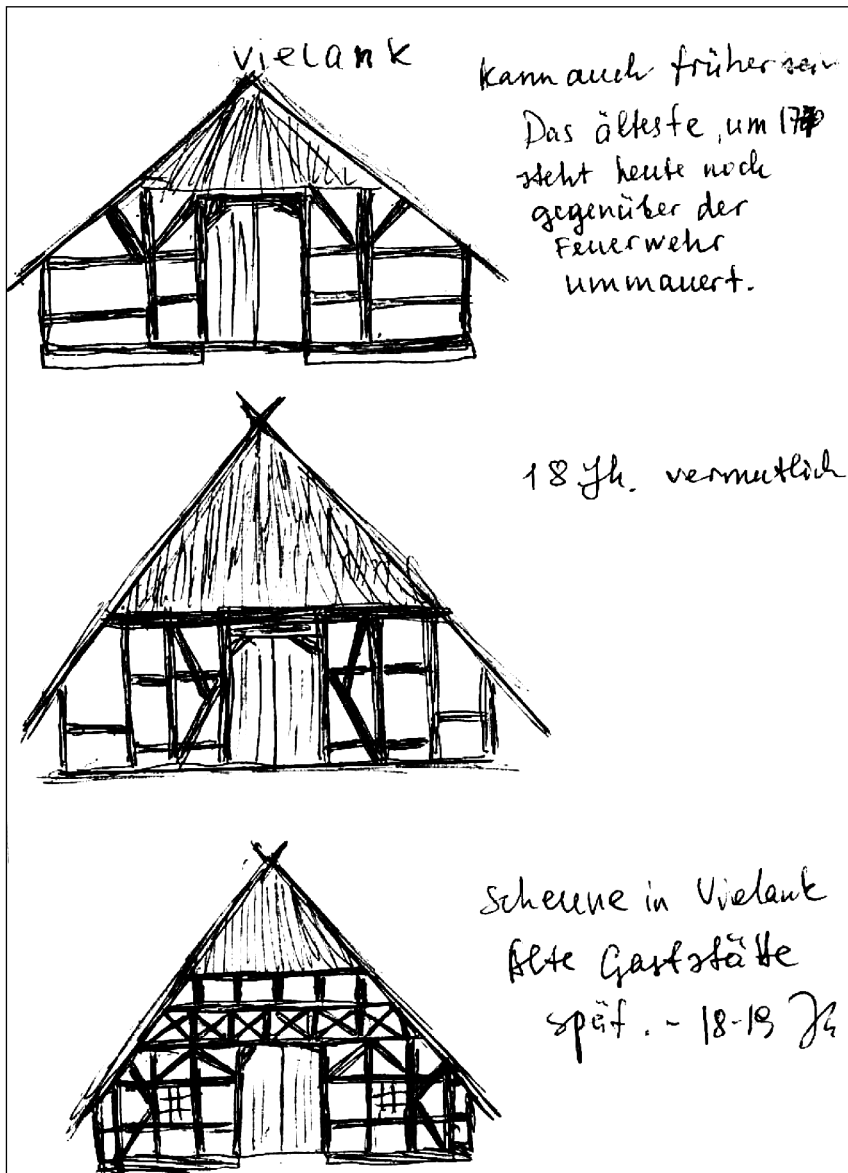
10 часов утра — мы пьем утренний кофе в Филанке, у супругов Элли и Герхарда Гюнтеров. Фрау Гюнтер подает к кофе домашнюю выпечку — обсыпной песочный Streuselkuchen, яблочный и творожно-грушевый пирог, называемый здесь Birnstudden, а также безумно вкусное печенье с шоколадной и кокосовой стружкой. Она все печет сама, раньше пекла даже хлеб в каменной печи; порядок был такой же, как нам рассказывали в Глайзине: после хлеба в печи готовили пироги.

Печенье от Элли Гюнтер:

375 г муки, 250 г. крахмала, 250 г жира (смальца), 1 щепотка разрыхлителя, 250 г сахара, 2 пакетика ванильного сахара, 2 яйца, 1 щепотка соли, 2,5 ст.л. какао-порошка и еще 50 г сахара. Все ингредиенты смешать вечером, скатать в валик и оставить на ночь в холодильнике. На следующее утро нарезать кружками, кулинарной кисточкой намазать яичным желтком, украсить шоколадной или кокосовой стружкой и печь около 20 минут при 180° (в духовке с циркуляцией воздуха), в обычной — при большей температуре.

Элли Гюнтер (урожденная Пройсс) родилась в Альт Ябеле, соседней деревне, и там же выросла. Дом ее родителей постройки 1908 г., который семья купила в 1933 г., еще сохранился, он стоит на улице, что идет в ныне не существующую деревню Кваст. Элли очень много помнит о здешних обычаях и календарных праздниках. Супруги показывают нам старые черно-белые фотографии, рассказывают, как раньше было в деревне Филанк. Многие старые крестьянские дома с соломенными крышами сгорели в 1930–1931 гг. Все они находились в центре бывшего *рундлинга* — т.н. «крестьянской деревни». Если в Филанке горел дом, в Альт Ябеле говорили: «Кто-то снова поиграл со спичками у них в Филанке». Последние фотографии домов — 1977 г., другие еще старше: некоторые датируются началом 1950-х годов, т.е. тем временем, когда в регионе еще не были снесены последние из традиционных крестьянских домов. На фото представлены разные дома, выполненные в технике фахверк, один из них сохранил архаичную средневековую конструкцию.

Наиболее интересные дома с черно-белых фотографий Гюнтеров я срисовала:

Раньше в Филанке были детский сад и школа, а в центре деревни на месте круглого газона в прошлом находился пруд.

Элли Гюнтер 79 лет, ее муж старше нее на год, два года назад супруги отпраздновали золотую свадьбу. Она гостеприимная хозяйка, интересный собеседник и хороший рассказчик — очень много помнит из своей юности, из обычаев и праздников Альт Ябеля и округа. Жаль, что в наш разговор с Элли постоянно вклинивался шумный господин Герхард Гюнтер, который постоянно поправлял Элли и пытался корректировать ее воспоминания, щедро сыпал датами, событиями и вообще как типичный школьный учитель переводил разговор на общеизвестные факты и интерпретации.

В тот же день в 12.45 мы прибыли в Пихер, чтобы встретиться с господином Райнхардом Карбов. Позвонили в дверь, через несколько минут вышел хозяин, нас, однако, в дом не впустил и был крайне недружелюбен. Карбов сказал, будто у него совсем нет времени на нас, и спросил, что мы вообще от него хотим, ведь он ничего не может нам рассказать. Тогда я вмешалась в разговор и начала льстить: объяснила, что слышали мы о нем от пасторов прихода Лейссов и Конов, что все они называли его, господина Карбова, ответственным за общину Пихера. Тогда собеседник улыбнулся и немного смягчился. Карбов пригласил нас прийти на службу в общинный дом к 14 часам, после службы у него будет время на беседу с нами. Сегодня, как и в прошедшее воскресенье, службу ведет пастор Моритц из Лейссова.

Время до 14.00. мы коротаем, гуляя по деревне. Сейчас я на кладбище (где же еще, ведь это мое любимое место, в какой бы стране я ни была!).

14.00 Служба в общинном доме. Перед началом богослужения я три четверти часа гуляла по деревне Пихер, наблюдая местную жизнь, обнаружила и сфотографировала четыре более или менее старых крестьянских или бюднерских дома. Правда, крыши всех их перекрыты недавно или во времена ГДР: нет ни одной соломенной, все крыты безобразными асбестовыми пластинами. Лишь один из домов выглядит довольно богато. Все жители либо дома, либо на своих садовых участках. На службе присутствовало всего три члена общины, один из которых — сам Райнхард Карбов. Вместе с пастором и нами (Мыльников, Новик, Бекманн и я) в помещении находилось восемь человек! Невиданно мало, правда, люди охотнее работают в саду или огороде. Одна женщина во время службы убирала могилу на кладбище. Как говорит Карбов, Пихер — самая большая и красивая деревня в здешних краях, но в ней нет ни одного общества, ни одного коллектива. Ничего не делается совместно: люди ни работают, ни празднуют вместе. Это сразу бросается в глаза, в особенности переселенцу, каковым считается здесь Карбов со своей семьей. Каждый сидит на своем участке,

на своем дворе и не общается с другими. Даже те, кто живет в Пихере по 30 лет и более, считаются здесь приезжими, чужаками.

Здесь не развит туризм, потому что нет озер, рек и прочих водоемов, которые бы привлекали отдыхающих. Деревня вынуждена жить за счет сельского хозяйства, а в Пихере это главным образом животноводство (здесь выращивают племенных быков). Церковный приход охватывает восемь деревень — это Пихер, Варлов, Куммер, Брезегард, Альт Кренцлин, Ной Кренцлин и еще две маленькие соседние деревеньки.

Церковь Пихера большая и самая красивая в регионе, сюда вмещается до 800 человек, но в церкви не проходят службы, потому что нет смысла открывать ее, включать отопление и свет для всего нескольких прилежных прихожан, половина из которых гости. Между тем деревне Пихер уже более 750 лет, и большинство жителей местные, очень много молодежи. Тем не менее здесь ничего не происходит, не отмечаются праздники, хотя жители организуют иногда деревенский праздник *dorffest* или празднуют, например, 3 октября, день объединения Германии. Но, по сути, такой праздник превращается в обычную попойку: на поле за селом разжигают костер, собираются, а после 6 вечера все уже пьяны. Вот так все и заканчивается.

Разговор с Райнхардом Карбов записан на диктофон.

Из дневника Мыльников

Сегодня минул год со смерти моей жены. Ночью видел сон: мы живем в какой-то гостинице, но в разных номерах; Я спрашиваю: «Ты в каком номере?», она: «А тебе зачем знать?».

С утра пасмурно, но тепло. Возобновляем поездки. Сперва вновь в деревню *Vielank*, где нас поджидают престарелые супруги **Gerhard** и **Elli Günther**. Они живут вместе 52 года, ей 80 лет. Она рассказывала много интересно (записывалось) об обычаях, особенно о праздновании Рождества и Троицы. Очень многое в ее информации совпадает с тем, о чем нам говорили в других деревнях, а это важно. Правда, во время записи ее муж бестолково мешал, и я не уверен в качестве фонограммы. Она помогла и тем, что дала адреса некоторых возможных информантов. Один из них **Reinhard Carbow** в деревне *Picher*, куда мы и направились.

Он здесь новосел, т.к. прибыл в начале 1990-х годов. из Померании. Запись беседы велась, поэтому лишь несколько штрихов. Сперва он отнесся к нам с подозрительностью и манкировал. На наше счастье именно в этот день в деревню приехал для отправления богослужения (пастора постоянного пока нет, а прежний ушел на покой и был недоступен) наш знакомец пастор Моритц. А помогал ему, читая отрывки из Библии, Кар-

бов. Уразумев, что мы с Моритцом не только знакомы, но даже находимся в добрых отношениях, он сменил гнев на милость и даже извинялся за прежнюю холодность. Замечу: на богослужении по сути были только три прихожанина, остальная же публика — мы четверо (считая водителя) и жена пастора. Я впервые увидел, как изображают крест лютеране: поскольку они в отличие от православных и католиков крестного знамения на себя не возлагают. Завершив службу, Моритц изобразил крест резким движением вытянутой ладони правой руки сверху вниз, налево, направо и снова сверху вниз. Движения настолько резкие, что складывалось впечатление, будто он разрезал воздух. Наши беседы последних дней подтверждают, что береза играла и продолжает играть ведущую символическую роль и что запретов на народные праздники в ГДР не было. Во всяком случае, как говорит герой одной из пьес-сказок, «народ живет сам по себе».

Из дневника Новика

Сегодня мы приехали в деревню Филанк (Vielank) в дом бывшего учителя, которого зовут Герхард Гюнтер (Gerhardt Günter). Его жену зовут Элли Гюнтер, урожденная Пройс (Elli Günter, Preuß). О визите в дом Гюнтеров мы договорились еще позавчера. Нас тогда пригласили на завтрак в воскресенье к 10.00 утра.

У семьи Гюнтеров очень большой дом, выходящий на круглую площадь деревни. Вокруг дома огромное пространство, на котором разбит большой газон. Дом построен из коричневого кирпича. Рядом с домом много цветов. Перед домом, во дворе, устроена большая площадка, покрытая плиткой. Во дворе бегают здоровенная овчарка — не очень злая, скорее добрая.

В доме очень хорошо и чисто. Есть прихожая, прекрасно обставленная. Внимание на себя обращает следующее. В доме сделан прекрасный дорогой ремонт, но обставлен он старой дешевой мебелью. Дорогой ремонт заключается в новом паркете в виде широких лакированных досок, белых мокрых обоях на потолке, желтых жидких обоях на стенах, добротных дверях и окнах. Старая мебель хорошо вписывается в интерьер. Вся обстановка хорошо сочетается. Совмещение новых строительных и отделочных возможностей и старой мебели часто встречается в немецких домах. Выглядит это, как правило, интересно.

Мебель в доме не только старая, встречается и новая. Так, в гостиной, куда нас пригласили, стоит совершенно новый мягкий уголок, обтянутый флоксом, хороший столик, старый камин, облицованный кафельной плиткой цвета фрез (клубника с молоком), а в проеме совмещенной комнаты стоит старенький буфет со множеством дорогой посуды.

Под потолком висит добротная старая люстра. На полу лежит ковер.

В камине лежат дрова. Видно, что им пользуются. На каминной полке стоят часы, фарфоровые статуэтки, фигурки животных и засушенные цветы в небольших вазочках.

В комнате есть телевизор «Nokia», видеомагнитофон, приемник спутниковой антенны. Поэтому на полке камина лежат три пульта управления.

Хозяева нас встретили с уже накрытым столом. Были поданы кофе, сливки, различная выпечка. Всю выпечку готовила хозяйка, госпожа Гюнтер. Она испекла пироги с яблоками, грушей, фруктовой начинкой, а также печенье. Вся сдоба очень вкусная.

В совмещенной комнате стоит стол со стульями.

Беседа у нас идет на разные темы. Герхард Гюнтер показал нам журналы о районе Людвигслюста (Land und Leute. Kreis Ludwigslust. Ludwigslust, 1956, № 1 — 1957, № 12). Очень интересное издание. Этот журнал печатал статьи разных авторов о районе. Меня удивило, что у Томаса Манна были предки из Ябельхайде (Jabel Heide). В XVI в. начинают проследиваться предки Манна в городе Гюстров (Güstrow). Затем предки будущего писателя переехали в город Пархим (Parchim). Потом снова вернулись в Гюстров. Томас Манн об этом знал и писал. Своего героя из романа «Буденброкки» он также поместил в Гюстров.

После беседы за завтраком нас вышли провожать во двор. Со двора ведет несколько дверей в разные помещения. Хозяин показал нам одну из лестниц, отлично выполненную из дерева. На стенах вдоль лестницы висит множество рогов с лобными костями животных на деревянных подставках. С Гюнтерами мы договорились еще об одной возможной встрече. Они интересные информанты.

Из Филанка наш путь лежал в село Пихер (Picher).

В селе Пихер, была назначена церковная служба в 14.00. Сельская кирха ремонтируется, поэтому службы проводятся в церковном помещении по соседству. Пастор в Пихере был отстранен от работы некоторое время назад. Поэтому службы здесь проводят разные пасторы из других приходов. Сегодня приехал пастор Моритц (Moritz) из села Лёйссов (Leussow).

Отправленного в отставку пастора мы видели, когда приехали в Пихер. Мы постучались в один дом, и нам открыл дверь очень смутившийся и расстроенный человек. Он не стал нам ничего объяснять. Оказалось, что это проштрафившийся пастор. Мы пытались узнать, по какой причине служитель культа попал в опалу, но местные жители не стали этого рассказывать. Мы не были особо настойчивы в таком деликатном деле.

До начала службы мы погуляли по селу. Село очень большое. По своей первичной планировке оно круглое. В дальнейшем к круглой площади были пристроены улицы, расходящиеся радиально без видимой системы. От рас-

ходящихся улиц образовались другие улицы и переулки. В центре Пихера стоит кирха, находящаяся сейчас на ремонте. Кирха просто грандиозная. Она была бы большой и величественной даже для крупного города, не говоря уже о селе. Кирха построена из красного кирпича. Стиль — романтическая готика (псевдоготика). Высокий шпиль, утонченные проемы окон, обилие декоративных элементов отличают эту кирху от церковных сооружений в округе. Я больше нигде не видел подобную сельскую кирху. Рядом с кирхой расположено кладбище. Оно достаточно большое и исключительно ухоженное. Памятники низкие и аккуратные. Много надгробий из мрамора и гранита. Вокруг цветы. Кладбищенская культура в Германии на очень высоком уровне. Дорожки на кладбище расчищены и посыпаны мелким камнем. Ухаживают за могилами родственники.

В центре круглой площади находится большой пруд, огражденный металлической трубой, окрашенной зеленой краской. Здесь же на площади есть сельский магазин, в котором можно купить практически все товары.

Дома в Пихере весьма разнообразны. Есть не только переделанные старые крестьянские дома, но и совершенно новые, построенные по проектам последних лет. На окраине села находятся постройки сельскохозяйственного кооператива. В Пихере построено два многоквартирных дома. Каждый из этих домов имеет по четыре этажа, учитывая два этажа мансарды.

В селе я снимал на камеру. Магазины и учреждения по случаю воскресенья не работают.

В селе продолжает функционировать кооператив. Люди не хотят потерять коллективную землю. Специализируется местный кооператив на разведении коров. Местные жители довольны тем, что кооператив сохраняется. Этот район сложно сделать туристическим. Здесь совсем нет водных просторов — озер, рек и т.д., необходимых для развития туристического бизнеса. Вся надежда на сельское хозяйство. Коллективное хозяйство по-немецки называется «Landwirtschaftliche Produktionsgenossenschaft» («сельскохозяйственное производственное товарищество»), сокращенно LPG. Так кооперативы назывались и во время ГДР.

Видно, что село богатое, и люди здесь неплохо зарабатывают.

В 14.00 мы пришли на службу. Служба здесь длится 1 час. От немецкого слова «Stunde» («час») произошло просторечное название протестантов в соседних славянских странах — «штунды». Так протестантов называют в Белоруссии и на Украине.

Помещение, в котором молятся, огромное. На алтаре стоит распятие, по бокам — два подсвечника с большими свечами, затем одна ваза с живыми цветами и маленький снопок злаков (пшеница). Перед алтарем стоят ряды металлических стульев, обтянутых дермантином. А позади рядов стульев — выстроенные в линию столы, вокруг которых поставлены стулья. Пол

помещения деревянный. Потолок обит вагонкой. Панели стен также обиты вагонкой. В помещении пять окон.

По завершении службы одна из женщин предложила всем присутствующим корзину для взносов. Всего на службе было две женщины и один мужчина из местных. Мужчина выходил на кафедру читать молитвы. Мы, участники экспедиции, стали главной паствой в Пихере. Пастор Моритц перед прощанием подарил нам по пакету леденцов с Ганноверской выставки. Наверное, за религиозное усердие.

После службы у нас была беседа с местным жителем, которого нам порекомендовал пастор Моритц. Это тот единственный мужчина, который присутствовал на службе. До службы этот человек не захотел с нами говорить, когда мы позвонили в его дом. А после службы, увидев наши дружеские и доверительные отношения с пастором, он пригласил нас на кофе прямо в этом маленьком общественном доме. Сели мы за ряд столов, находящихся в помещении. Был предложен кофе. Здесь же мы курили сигареты. Курили прямо за столом, рядом с небольшим алтарем, что не хорошо.

Информант рассказал о своей родословной, которая прослеживается с начала XVII в. Линия его матери идет из Тюрингии, отец — из Передней Померании, из города Грайфсвальд.

Фотодневник

F-9. В-23 Филанк. Элли Гюнтер (80 лет), уроженка Альт Ябель, информант экспедиции, прощается с А.С. Мыльниковым после беседы.

F-9. В-24 Филанк. Элли и Герхард Гюнтер (школьный учитель), информанты экспедиции перед входом в дом.

F-9. В-25–26 Пихер. Интерьер деревенской церкви XIX в. Алтарь.

F-9. В-27 Пихер. Райнхард Карбов

Расшифровка записи беседы с Элли и Герхардом Гюнтер

E l l i : ... Apfelkuchen und Pflaumenkuchen gebacken...

M y l ' n i k o v : Ja, ja, ja.

E l l i : ...und dies — können Sie auch mal kosten, das ist Birnen-..., Birne.

I v a n o v a : Birne?

E l l i : Ja. Früher hat man das gesagt hier, so auf Platt, «Birnstudden». Ne? Also, als... wird so im Kasten gebacken. Und als ich Kind war, dann wurden noch diese Öfen eingeheizt, diese Backöfen, und dann wurde Brot gebacken, in der Hitze wurde das Brot erst, und wenn es 'rauskam — ach! Da ging ich eben zur Schule und dann war das was besonderes. Dann hat die Mutter schnell den Topfkuchen eingerührt und auch ma' 'n Blechkuchen, und dann 'reingeschoben.

M y l ' n i k o v : Es war hier?

E l l i : In Alt Jabel. Ich bin Alt Jabelerin. Ich bin 1921 geboren und bin in Alt Jabel erstmal im Chor gesungen, wo der Kantor Burmeister der Leiter war, später denn der Schulleiter. Und davon haben Sie bestimmt schon gelesen oder gehört, er hat viel geschrieben, er hat uns in Heimatkunde viel erzählt aus der Slawenzeit, und wie das denn... na, aus dem... vom Dreißigjährigen Krieg und wie das alles... Und einige Sachen hat er im Schrank auch noch bewahrt, damit wir uns anschauen konnten. Ne?

M y l ' n i k o v : In welchen Jahren war es?

E l l i : Ich bin 1928 in die Schule gekommen und 1935 beendet.

M y l ' n i k o v : Also, diese Erzählungen waren in 1930-er Jahren? Wahrscheinlich, ja?

E l l i : Ja.

M y l ' n i k o v : Vielleicht haben Sie verschiedene Legenden und Erzählungen gehört über die Slawen? War es Sagen aus Mecklenburg oder Sagen aus Brandenburg?

E l l i : Haben wir auch das Buch da.

M y l ' n i k o v : Und welche Leute auch etwas erzählten früher...

E l l i : Ja. Wo noch kein Fernsehen war, also ich war 12 Jahren, dann kamen die Radios auf, dann kam Hitler an die Macht. Und dann sassen die Männer, wenn die Wahl war, und haben denn gelauscht und mitgeschrieben. Unsere Bekannten und auch mein Vater waren keine Nazis, und dann wurd' immer mitgeschrieben, wo noch mehr... also weniger den Hitler gewählt hatten. Und dann hatten wir selber noch kein Radio, dann mussten wir zu Nachbarn gehen. Da sassen die im Stube schon voll und dann wurd' dann die Ergebnisse mitgeschrieben, meine Eltern kamen ja vielleicht ein Jahr später, so 1934 haben die denn das Radio gekauft, ne?

M y l ' n i k o v : Und diese Nazi-Zeit in der Schule hat man auch über die Wenden gesagt? Oder nicht, wie war es? Es ist interessant.

G e r h a r d : Bei uns, nee, bei euch war es nicht, du... wann kamst du aus der Schule?

E l l i : 1936.

G e r h a r d : 1936.

E l l i : Es läuft noch eine Kanne durch. Also, Sie können noch ruhig ma' ...

G e r h a r d : Also, ich weiß noch, im Gymnasium 1934 so... 1933 kam der Hitler an die Macht, und dann wurde mit einem Mal Rassenkunde eingeführt.

M y l ' n i k o v : Ja, ja.

G e r h a r d : Dann haben die die Bilder und die Bücher natürlich auch... Und denn wurden die östlichen Rassen, die wurden natürlich auch.... Denn die waren selber die Arier, ne?

M y l ' n i k o v : Man kann vorstellen, es war dieser Kursus, Rassenkunde, ja?

G e r h a r d : Na ja, natürlich. Natürlich, die waren die Rasse, die Arier, die waren natürlich hier, die anderen, die waren ein bisschen minderwertiger...

M y l ' n i k o v : Aber sagen Sie bitte schön, Herr Gerhard, mich interessiert wirklich diese Sache: in Nazi-Zeit hat man in der Schule gesagt, dass früher waren hier Wenden, dass es war solche Assimilation...?

G e r h a r d : Sehen Sie mal, ich bin ja nicht hier zur Schule gegangen, ich bin aus Ostpreußen.

M y l ' n i k o v : Aber nu, das ist keinerlei...

G e r h a r d : Daran kann ich mich nicht erinnern, was hier bei alter Geschichte noch darüber gehört haben, über die Slawenzeit... Oh, ist es ja langen her... Vor 70 Jahren her, kann man sagen.

M y l ' n i k o v : Und führt jemand eine Chronik des Dorfes?

G e r h a r d : Ja, Ja, früher mal sehr viel darüber gehabt bis Mitte 1970-er, aber vieles hier im... was nach... na ja, so nach 1950... Das ist hier bei der Gemeinde. Die Chronik ist hier, ist wieder aufgearbeitet worden. Nun ich weiß, die ist in Alt Jabel.

M y l ' n i k o v : In Alt Jabel, ja, wir haben nicht einmal mit Herrn Pastor gesprochen und der hat uns die Materialien gegeben.

E l l i : Da, die von der Kirche, die haben die Chronik immer geführt.

G e r h a r d : Das ist von der Kirche, er meint ja jetzt von dem Ort. Ja, was heißt Chronik, ich meine, das ist jetzt die alte Chronik. Und seit wann? Von sehr lange her, die ist... wo ist sie denn? Die andere Chronik ist ja praktisch in ... geschrieben worden, ne?

M y l ' n i k o v : Haben Sie nicht die Zeitung «Ludwigsluster Tageblatt»?

G e r h a r d : Oh, ja, ja.

M y l ' n i k o v : Bitte schön, zeigen Sie mir gestern den Nummer von gestern. Sie versprochen uns, über unsere Arbeit etwas zu schreiben. Aber ich habe nicht gesehen.

G e r h a r d : Da ist eine Serie drin, in der Box, Schweriner Volkszeitung, ne? Tageblatt, «Ludwigsluster...» ist ja Beilage.

M y l ' n i k o v : Ja, ja.

G e r h a r d : Über Ortsnamen, da stand es so weiter, da müssen Sie — ich habe es so gesammelt. Dann könnten Sie bei der Redaktion dort den Kollegen geben, da stellt mal...

M y l ' n i k o v : Nein, sie wollten über unsere Expedition...

E l l i : Ach so!

G e r h a r d : Nein, ich meine jetzt, wenn Sie interessiert, wie die Ortsnamen entstanden sind, die so aus der Wendenzeit stammen u. s. w. ne? Dann können Sie doch dort nachfragen, ne?

E l l i : Doch einmal waren Sie sogar abgebildet in der Zeitung.

M y l ' n i k o v : Ja. Ja. Einmal haben Sie schon gedruckt und viele Leute haben es gelesen. Und es hilft uns, weil wenn wir irgendwo kommen, so Leute wussten schon.

E l l i : Ja, das half!

G e r h a r d : Also, da ist es.

M y l ' n i k o v : Danke schön.

G e r h a r d : Womit beschäftigen Sie sich, Herr Beckmann?

B e c k m a n n : Ja, ich beschäftige mich mit der Geschichte der...

{*зачисъ прервана*}

E l l i : ...es muss auch gewesen sein.

B e c k m a n n : Was... was ist Ihnen so bekannt an jährlichen Festen und Bräuchen so... ich sag' mal... sagen wir mal, Erntefest... Wie wurde das Erntefest gefeiert?

E l l i : Ganz früher, da hatte ich noch... nee, das ist auch schon später gewesen — hier waren denn die Chronisten und haben denn auch Materialien gesammelt, mein Mann hat früher viel fotografiert, und deshalb kamen sie in erster Linie zu uns, und denn haben wir schon ihnen was gegeben. Ja... wurde auch gefeiert, mit Umzug mit Pferdewagen, und nachher wie die Traktoren aufkamen, auch die LPG war, dann waren die Traktoren, und denn wurden die geschmückt von denen, die im Stall gearbeitet haben, haben zusammen einen Anhänger geschmückt; die Frauen in der Küche, da haben wir auch uns geschmückt von der Gemeinde aus und haben denn auch ebenfalls Anhänger geschmückt, und die von Feldbau haben manchmal auch zwei und dann — ach, es ist auch schon lange her — dann war noch Geflügel in der LPG, den Anhänger, da kamen Hühner und alles mögliche 'rein, wurde auch geschmückt. Und da saßen wir nicht bei der Küche drauf, da haben wir immer geschnüffelt, da haben die Frauen auf der Küche Puffer gebacken...

Ne, haben wir immer bloß bis Tewswos gefahren und Woosmer, und wo denn die Kehre war, dann haben wir wieder geschnüffelt: backen hier die Leute

auch Puffer? Nu riecht es auch nach Puffern. Komisch: heute backen wo alle Leute Puffer...

G e r h a r d : Wer hat denn Ihnen das gesagt, dass Sie...

B e c k m a n n : Frau van Reimesdahl.

G e r h a r d : Reimes...?

B e c k m a n n : Reimesdahl. Ja, ja, genau.

E l l i : Dann kommt vielleicht Montag.

M y l ' n i k o v : Wollen wir hoffen.

E l l i : Wie lange sind Sie denn noch? Noch sehr lange?

I v a n o v a : Paar Wochen noch.

M y l ' n i k o v : Zwei Wochen wahrscheinlich.

G e r h a r d : Und dann geht's nach andere Gegend?

I v a n o v a : Nach Wendland.

M y l ' n i k o v : An andere Ufer.

G e r h a r d : Wohin?

M y l ' n i k o v : An anderen Ufer Elbe.

E l l i : Ach so! Auf der anderen Seite.

M y l ' n i k o v : Wir schwimmen.

E l l i : Ja! Durchschwimmen! *{lacht}*

B e c k m a n n : Und was gab es für Bräuche... ich sag' mal, Maibaum aufstellen oder... was wurde denn gemacht da?

E l l i : Nachher Kinder denn 'reingemacht und ansprechen...

B e c k m a n n : Wie kann man an dem Maibaum insbesondere tun?

E l l i : Na ja, unterschiedlich, meistens mit Birke aufgeschält, die lange, bunte Bänder dran hatte, so was ma' auch...

M y l ' n i k o v : Wo stand es?

G e r h a r d : Im Zentrum, im Zentrum.

M y l ' n i k o v : Im Zentrum, Bauernring, ja?

E l l i : Ja.

I v a n o v a : War das nur eine Birke, oder konnte es auch eine Eiche sein?

E l l i : Nein, die Eichen wurden ja gepflanzt, die zu Ehren damals von Hitler. In jedem Dorf war eine Hitlereiche. Also, Kaffee ist noch drin, ich schenke gerne Kaffee ein.

M y l ' n i k o v : Danke, es war sehr gut, und die Pfannkuchen...

{затись прервана}

E l l i : ...wenn die Feldarbeit fertig war, dann wurden bei den Leuten die Webstühle aufgestellt. Denn wurde gewebt. Und das war etwas... und jeder hatte wieder anderes Muster, und dann haben sich die Frauen abgesprochen — war auch 'ne... eine Spitze geteilt, wie sie denn das Muster daraus gewebt haben, also als Kind — war ich vielleicht 10 oder 11 Jahre, so dass man diese Spule auch schießen konnte und — Oh! — auch zweimal tüchtig anklappen musste! Also,

meine Eltern, die hatten sowas nicht. Deshalb ging ich immer zu Nachbarn, um zu kucken, genauso in... wenn denn die, zu Weihnachten wurde wieder alles aufgeräumt, dann musste das fertig sein. Und dann ging's an Spinnen, dann wurde die Schafwolle, wurde denn auch gesponnen. Das ist alles gewesen.

G e r h a r d : Kennen Sie diese Chronik hier?

B e c k m a n n : Ja. Von Alt Jabel ist das...

I v a n o v a : Und wurde es auch gesungen?

E l l i : Wie?

I v a n o v a : Und wurde es auch inzwischen beim Spinnen und Weben gesungen?

E l l i : Singen ja. Und was auch im August war, meistens wenn Mondschein war, denn wurde auf bestimmten Höfen die... der Flachs gebrochen, das hat man auf Plattdeutsch gesagt: «wird gebrakt». Ne? Und im Museum oben {*es wird «Dat lütt Museum» in Alt Jabel gemeint*} — wir waren am 19. August zuletzt, wir waren schon öfter in dem kleinen Museum, uns gefällt mal immer wieder, weil immer wieder was neues ist — und da sind oben noch diese Vorrichtung, habe ich... und das war interessant, und da wurde viel gesungen. Überhaupt auch so, auf Geburtstagen in Alt Jabel wurde immer viel gesungen. Das weiß ich hier von Vielank nicht so sehr.

G e r h a r d : Ja, Alt Jabel hängt dort so zusammen mehr. Die Bevölkerung dort hängt zusammen. Hier waren denn einige Großbauern, die waren ein bisschen mehr, dann kamen die Büdner, die haben höchstens 1–2 Pferde, dann die Häusler, die mussten sogar die Kuh anspannen, aber die mussten, wenn die ein Pferd brauchten, dann wieder beim Bauer...

M y l ' n i k o v : Und Sie sagten über diese Webstühle und Spinne. Diese Geräte waren da draußen gestellt oder in dem Haus waren?

E l l i : Im Zimmer. In dem Zimmer. Ach, dann wurde mal so frei gemacht, die Ecke — der Webstuhl nimmt viel Platz ein, ne? Und dann... und dann kamen sie bald ins Schwitzen, also wenn man dann die Frauen sah, wie sie da arbeiteten — sie waren kurzärmlich im kalten Winter, ne?

M y l ' n i k o v : Und im August das war also, in Tag, wenn Mond...

E l l i : Ja. Beim richtig Vollmond, und dann waren die jungen Männer da und haben dann die Sachen, die gebundenen Flachsgarben... die mussten ja noch vorher im Backofen richtig getrocknet werden, und wir wohnten mal zur Miete in einem großen Bauernhaus, und da war die Vorrichtung an die Waschküche außen, und der große Backofen, der stand draußen frei — und den haben sie meistens ausgewählt, um den Flachs nochmal richtig so festzutrocknen und das was... und denn haben wir gerne draußen gesessen und zugekuckt und zugehört vor allen Dingen, ne?

M y l ' n i k o v : Und sagen Sie, waren diese Feste oder diese Gebräuche, die Sie erzählten, irgendwie mit Kirchenfesten verbunden? Oder nicht?

G e r h a r d : Mit Kirchenfest eigentlich nicht, ne?
 E l l i : Nee... Dies...
 M y l ' n i k o v : Nu, August, zum Beispiel. August ist ein Tag, wo nach Bibel ist... Gottes Mutter gestorben. Es war nicht mit...
 E l l i : Ne, so nicht. Wüsste ich nicht. Also, ich war denn — wie alt war ich denn da? 1934... 1933 haben wir unser Haus gekauft in Alt Jabel, wo es nach Quast ´raus geht, das letzte Haus das war das Haus, haben meine Eltern gekauft.
 I v a n o v a : Steht das Haus immer noch?
 G e r h a r d : Oh... das ist...
 E l l i : Wann war das gebaut? 1909 und wir haben es 1933 gekauft.
 M y l ' n i k o v : Und wie war Ihr Name nach Geburt?
 G e r h a r d : Preuß.
 E l l i : Preuß.
 M y l ' n i k o v : Preuß?
 G e r h a r d : Preuß. Wie Preußen.
 M y l ' n i k o v : Mit «ß»?
 G e r h a r d : Mit «ß», ja. So wie man geschrieben hat «hs» früher.
 E l l i : Ja. Da wohnen jetzt Niebelschütt. In dem Haus.
 M y l ' n i k o v : Und sagen Sie bitte schön, zwei solche Feste, welche haben starke, starke heidnische Wurzel: also, Pfingsttag und Johannistag.
 E l l i : Johannistag nicht. Aber Pfingsten, dann wurde alles geschmückt. Wurden kleine Birken geholt und wurden nach Eingang und unten war ´ne Dose mit Wasser drin, damit sie nicht so schnell welken und an der Haustür wurde geschmückt. Das war immer sehr hübsch.
 M y l ' n i k o v : Und zum Beispiel in Laupin hat man uns erzählt, bis 1950-er Jahre, so war es, später nicht. Hat man zu diesem Tag, Pfingsten, vor zwei Tagen vormem, eine Laube gemacht.
 G e r h a r d : ja, ja!
 E l l i : Ja.
 G e r h a r d : Ja! Auch in Leussow war das gemacht.
 E l l i : Alt Jabel auch noch. Und denn noch haben wir, man hat ja weiter-Radios oder so was konnten wir uns nicht hinstellen, so was gab es ja nicht. Die ersten Radios, die waren ja zweiteilig: der Apparat und der Lautsprecher extra. Dann hatten wir Grammofon, die aufgedreht wurde. Und dann haben sich die jungen Leute immer die — oh, das ist geduldvoll! Ach! «Ich komme in meine Liebeslaube, in meine Paradies», ne? Und vor der Gaststätte... ja, war denn die Pfingstlaube. Also, da war ich noch junges Mädchen.
 M y l ' n i k o v : Aber ohne Dach?
 E l l i : Ja. Ohne. Ach ja! Oben drüber waren die großen Kastanienbäume, ja. Nicht? Und denn ging es schon Nachmittags los und Abends und ja... Und wenn in Alt Jabel denn Flieder blühte, um den Friedhof, nun wird es ja jetzt gelichtet

und um den Zaun... aber... ist ja sehr viel Flieder. Auf dem Friedhof. Na ja, also als junge Leute hat man auch Spaziergänge gemacht und... und so. Ja, und was denn die besonderen Feste... Habe ich gesagt, Erntefest, und dann hatten wir ja viele... früher äm... «Kriegerverein» oder nachher wurde daraus der «Kyffhäuserbund» und die haben denn Fest gemacht und die Feuerwehr und die jungen Leute... Fastnacht. Ja, das war bei uns, aber ob das auch von unseren Vorfahren hier gefeiert... weiß ich auch nicht.

M y l ' n i k o v : Wie lange dauerte es, wie lange waren diese Feste? Waren sie nur bis Krieg oder im Krieg und nach Krieg?

E l l i : Na ja, im Krieg, da war ich auch nicht zu Hause, ich war auch im Feldarbeitsdienst, und denn nachher war ich zurückgefahren. Also, das funktionierte alles... da konnte man sich nicht... Und dann sind sehr viele jungen Leute gefallen, und dann hatte keiner mehr Mut zum Feiern, ne?

M y l ' n i k o v : Und in DDR-Zeit waren Feste?

G e r h a r d : DDR-Zeit?

E l l i : Ja. Dann hat sich das früher entwickelt, dann haben das schon die LPG gemacht. Ja, in Alt Jabel war jedes Jahr Silvester, das war der Radfahrerverein, und die haben die Kapelle von einem Silvester zum anderen schon immer fest bestellt und deshalb hatten die immer...

G e r h a r d : Ne, was wurde denn gemacht? Bloß getanzt oder?

M y l ' n i k o v : Und sagen Sie bitte, war solche Gewöhnlichkeit, z.B. die Feste sind — nu, das konnte sein vielleicht nach Ostern oder im Mai Monat, im Juni, wann diese bestimmte Feste waren — dass die Leute sich umkleideten in verschiedene Tiere oder in Hexen oder so?

E l l i : Ne, das war nur zum... zur Faschingszeit im Februar, denn waren Maskenbälle oder so was — dann wurde sich verkleidet.

G e r h a r d : Also, der Professor meint, also solche Umzüge hier bei Festen überhaupt, wo also sich in Tiermasken, Fälle oder was weiß ich verkleidet wurde.

E l l i : Ne.

G e r h a r d : Ne. Das war hier nicht.

E l l i : Ne, alles mögliche haben sich zur Maskerade einfallen lassen, aber so Umzüge, also das war hier nicht.

G e r h a r d : Die Relikten aus der heidnischen Zeit, ne?

M y l ' n i k o v : Ja, ja.

E l l i : Nein. Wenn Faslam, haben sie dann zu Silvester... haben sich die jungen Leute veranstaltet und die sind dann mit der Kapelle durchs Dorf gezogen und haben bei jedem angeklopft und dann die Musik so ganz kurz gespielt, und dann — das war Sitte, dass jeder ihnen 5 oder 10 Mark gegeben hat, und das Fest finanziert wurde. Und dann gab's Abends um 12 wurde eine Polonese gemacht, und dann kriegte jeder ein Likör und die Männer ein Schnaps, und 'n heiße Wecken, so frisch gebacken — das war auch Tradition, das war jedes Jahr. Von dem

Geld haben sie denn das finanzieren können, also da war der Eintritt denn frei, und dann wurde denn durchs Dorf. Und wer von den jungen Leuten nicht da war, der wurde mit der Leiter geholt. Und dann war das Gauljung für alle. Das erinnere ich mich auch noch, da war ich Konfirmandin schon, und dann haben wir denn einen älteren jungen Mann, so wie man immer nennt, und der hatte sich auf dem Heuboden versteckt, der war ganz mit Heu beschmutzt — oh! Der wurde denn auf der Leiter in Krug getragen. Das war nicht sehr weit, aber immer hin, und dann musste er springen lassen.

M y l ' n i k o v : Über Feuer oder bloß?

E l l i : Nein, nein. Er musste ausgeben, er musste Schnapsladen ausgeben.

M y l ' n i k o v : Aha.

G e r h a r d : Richtig so. Hier habe ich eine Sammlung von 1950 bis 1954 eine Zeitschrift gab es mal «Land und Leute». Kennen Sie?

M y l ' n i k o v : Ja, ja.

G e r h a r d : Ja?

B e c k m a n n : Könnte es da Fotos geben von dieser Laubhütte, die Sie aufgebaut hatten?

E l l i : Ne. Also, das war eigentlich gar nicht so... wir hatten wohl einen Apparat für 4 Mark, so 'n so 'n... aber... mir ist das nicht gut gelungen. Ich habe davon eine... ich hatte den Apparat gehabt, aber...

G e r h a r d : Na ja, zu der Zeit hatte man nicht so sehr dran gedacht, dass man es irgendwie festhalten muss, ne? Die jungen hatten das gemacht und hatten das übernommen aus Tradition, dann wurde es zusammen gefeiert, gesungen und getanzt...

{затись прервана}

G e r h a r d : Na ja, hier war es interessant, hat meine Frau mir besonders erzählt, wie es hier war. Hier waren es gerade die Rundlinge.

B e c k m a n n : Ja.

G e r h a r d : Nicht? Im Rundling in der Mitte war eine Feuerkuhle, also Teich.

B e c k m a n n : Hier sind alle Häuser wahrscheinlich aus den 1920-er?

E l l i : Sind in den 1930-er. Also, 1930 und 1931 wurden alle gebrannt. Und dann hintereinander und immer Sonnabend, ach, und wenn in Alt Jabel die Sirene ging, Sirene gab es ja nicht überall, und der Fahrer mit der tut so 'rum und hat Alarm gemacht und dann hat er gekuckt: Oh, denn war der Himmel rot und dann hat man gesagt: Ach, die Vielanker haben wieder mit Streichhölzern gespielt. Aber unsere Wehr, die rückte trotzdem aus, aber was das für eine Wehr war das: mit den Pumpen auf jeder Seite und denn so kleinen Schlauch...

G e r h a r d : Ja, man hat... das war eigene Brandstift, das war klar. Das haben die so geschickt gemacht, die haben manche eingeschperrt. Jeder nach dem anderen, dass es ein bisschen häufte.

B e c k m a n n : Dass es ein bisschen häuft, ist gut, also ich meine, man sieht es im ganzen Norddeutschland, dass da die Bauernhäuser in 1920-er und 1930-er Jahren zugrunde abgebrant und abgerissen waren, und wenn man hier mal in den Dörfern kuckt, die Häuser sind ja... ich sag' mal... 60–70% der Häuser sind so zwischen 1920-er und 19... was weiß ich...

G e r h a r d : In Hohenwoos waren Sie ja schon? Ne?

B e c k m a n n : Ja, ja. Da sind noch einige alten Häuser. Woosmer hat noch etwas, ne? Hier ist es praktisch nichts mehr. Hier waren ja mal die von Humboldt-Universität... wann war das... viele, viele Jahre her, auch mal Rechercher gemacht, da war...

E l l i : Da war mal bei uns...

G e r h a r d : Die haben hier Geschichtsforschung. Die haben hier — da war der alte Friedhof, da stand ein ganz alter Grabstein — die haben die Namen festgestellt und dann haben die alte Häuser — die sind jetzt alle abgerissen, die hatten alte Karten...

{разговор всех участников беседы сразу}

{запись прервана}

E l l i : Und dann 1987 Konfirmation. Ach, erschreckend war das. Und denn Jahrgang vor dem, ich bin denn 1920 geboren, dann sind hier in Vielank Haus beim Haus diese jungen Männer gestorben. <...> Die Menschen, die <...> , die machten gar nicht mit. So ist das. Aha, und kucken Sie mal, so fing das an. Jetzt sind das alles feste Straßen. Und 1939 ist das gemacht. Und dann wurde immer am Freitag vor Pfingsten

Alle, die Land hatten und die Wirtschaft, meine Mutter kam zu uns, weil mein Vater 1945 ... und dann kam sie, sie hatten eine Kuh und ein Schwein und paar Hühner und ich war in der Schule — ich hatte keine Geschwister — und deshalb ... habe ich gern gemacht. Ja, das habe ich gern gemacht. Und ich bin auch noch immer so ich gehe mit Frauen oder mit Menschen zusammen. Ne?

M y l' n i k o v : Wissen Sie, es wunderte uns, aber wir waren ganz ..., dass manchmal schon einige Jahre, zwei oder drei Jahre existiert ein Museum gewöhnlicher Leben DDR. Es ist sehr interessant, bei uns war diese junge Frau, die ist eine Direktorin, sie hat uns eingeladen, wir werden nicht fahren, da wir keine Zeit haben, bloß es ist interessant, ...

E l l i : Der Lehrer, der hatte ja immer Schulländereien, und haben denn auch Angebot, aber uns pflugt und einsät und das konnten wir nicht. Und dafür mussten wir bezahlen und Geld ... das waren 1940–50 und ... war bis 1957, und da muss sich eben — ach denn zum, zu Ernte oder bei den Kartoffeln besonders, war so viele-viele Tage Kartoffel-Sammeln, aber das hatten wir nicht gemacht, das war denn abgenommen.

{im Hintergrund spricht immer Gerhard Günther, der Mann von Elli. Der erzählt seine Geschichte Heiko Beckmann, der sich dafür interessiert. Deswegen ist Elli oft nicht zu hören}

М y l ' n i k o v : Und viele Leute jetzt haben Vieh?

E l l i : Nein, bloß hier...Das Land war von dem Bauer, von unserem Nachbar, zum Wald gehen, das ist noch immer in der GmbH sagen wir jetzt, ne? Und dann gehen sie die Pacht, wer das Land abgibt, und der <...> sich auch nicht bestehen. Und es sind ja auch jetzt schon diese Leute, die eben dem Alter wo sie Rente kriegen. Wissen Sie, durch die LPG sind die Leute versichert gewesen und haben Anspruch auf Rente, während früher, — nu muss ich wieder zurückkommen, wo ich Kind war, — dann waren die Bauern, die das an ihre Kinder abgaben, ihr Hab und Gut, als Altenteiler angewiesen. Und manche Wirtschaftler denken mal nicht so gut, dann wussten sie nicht, kriegen sie nun diesen Monat, was ihnen zusteht. Also, beruhigender ist das schon, wenn versichert war, geklagt hat und nachher die Rente kriegt, ne?

М y l ' n i k o v : Ja, ich habe gesagt, dass am meisten Teil diese Mitglieder von LPG sind jetzt auch Mitglieder von diesen Genossenschaften.

E l l i : Ja. Die noch im arbeitsfähigen Alter sind, die sind auch übernommen. Und hier noch ist eine Schweineanlage, und sind nicht viel, Aufzug, aber die sind auch aus der LPG übernommen in Schweinestall.

I v a n o v a : War das Ihr Haus? *{auf dem Foto}*

E l l i : Ist auch unseres, ja. Auf der Seite rings' das ist die neue Gaststätte wieder, ne, auf der anderen Seite, links ist das *{lacht}* und dann wurde die alte — ach, da haben wir auch noch Bilder, wo die... wo der Schornstein denn gesprengt wurde und der runterrutscht, wo der alte abgerissen wurde. Ja, das weiß ich nicht, wo die sind, aber man muss mal aufräumen. Wir haben ein Schub voll Bilder und... und was hat man gemacht, als wir umgezogen sind? Da hatten wir ganze Kartonbilder, alte, von ganz früher, von meinen Eltern, wo meine Mutter zur Schule kam, ach in diesem... haben wir alle weggebracht! Weil wir hier zu wenig Platz haben: wir haben hier kein Keller, wir haben kein Nebengelaß an der Garage hinten, da haben wir nicht kleine Kammer. Aber hat man vielleicht auch einiges, was man noch wieder hätte zeigen können, ne? Und wenn unsere Kinder unser Zeug ma' aufräumen, dann sind Dings noch viel mehr weg.

М y l ' n i k o v : Brauchen Sie im Winter diese Kamme?

E l l i : Wir nicht.

М y l ' n i k o v : Nein. Nur dekorativ, ja?

E l l i : Wir haben's mal angemacht, zweimal, glaube ich, aber...

G e r h a r d : Mehr aber der Herd, aber mehr als Schmuckstück.

{затись прервана}

{конец интервью}

Расшифровка записи беседы с Райнхардом Карбовым

М y l' n i k o v : Jetzt möchte ich Ihren Antwort hören. {lacht}

C a r b o w : Ja, obwohl sie mich verwundern, die Familie Carbow, so wie sie geschrieben wird, «c» am Anfang und «w» am Ende ist nur einmal, stammt aus Greifswald. Mein Vater, meine Großeltern, haben in Greifswald gelebt und gewohnt. Mein Großvater war dort ein Mann, für den Berliner Hof, wenn ich das richtig erinnere, künstliche Gliedmaßen, also beim Hof war sowas hergestellt. Großmutter — wie nennt man das so... die Frauen führt drüben zum Koset...(?) so, die Familie Carbow stammt aus Greifswald. Ich weiss nicht, ob es richtig, aber aus Vorpommern. Ich selber, ich bin in Hamburg geboren, mein Vater zog dann nach Hamburg und so Architekt... Und so gibt es heute in Greifswald keine Carbows mehr. Es gibt einen Ableger, meine Schwester, sie heißt anders, aber sie ist hier nach Greifswald gezogen.

B e c k m a n n : Was hat Sie nach Picher geschickt?

C a r b o w : Ja! Es wird eine sehr lagen Geschichte werden, ich bin wie gesagt geborener Hamburger, ich bin noch ein Vorkriegsmodell. Ich bin 1938 geboren...

М y l' n i k o v : In welchem Jahr?

C a r b o w : 1938. Überlieferte 62, und ich habe ja, in Hamburg eine Abitur gemacht und dann habe ich eine Ausbildung zum Exportkaufmann gemacht und dann zu der Zeit nach dem Kriege, also im Anfang der 1950-er Jahre war natürlich das Interesse in Hamburg für Exportkaufleute nicht so groß, dann gab es genug, also dann bin ich ins Inland gezogen und habe dort in der Nähe von Bonn oder in Bonn in einem Unternehmen 17 Jahre gearbeitet als Leiter, Geschäftsführer und dort, aber ich hab noch in Hamburg geheiratet, mit 62, und habe im Lande Kinder gezeugt, zwei, habe dort dreißig Jahre gelebt, in der Nähe von Bonn, in einem Aar, ich weiß nicht, ob es Ihnen ein Begriff ist, oder im Siebengebirge. Und von dort aus habe ich verschiedene Aufgaben gemacht, die von langen Jahren Selbständigkeit in dem Bereich, das letzte, was ich gemacht habe, ist ein Antriebspunkt hier, ich habe eine Erwachsenenbildung fertig, Arbeitsuchende, arbeitslose Akademiker weiterzubilden, dass sie in der Wirtschaft oder... eben eine Anstellung bekommen können. Aber die Bildung soll in Instituten, in Frankfurt, in West-Berlin, Köln, Bonn, Dortmund, und die letzten Jahre, bevor ich hierher kam, habe ich eine kleine private Universität in Dortmund aufgebaut, in — heute ist es im Stand des Landes Nordrhein-Westfalen — und in diesem Zusammenhang habe ich die engen Kontakte mit Moskau gehabt. Das Fernsehen war bei mir im Institut gewesen, ich selber war in Moskau zu Beilagen. Und das letzte Interview, das ich mit russischen Menschen geführt habe, das war in Dortmund.

М y l' n i k o v : In Dortmund?

C a r b o w : Aber dann bin ich hierher gekommen, weil meine erste Frau, mit der ich 23 Jahre verheiratet war, meinte, wir müssten sich scheiden lassen von

mir und zu meinem... meinen Bruder heiraten, das hat sie auch getan, dann habe ich eine schon sehr lange Bekannte geheiratet das zweite mal und wir haben neu begonnen mit — wir waren dann 50 Jahre. Habe ich meine Anstellung, die Weiterbildung aufgegeben und wir sind hierher gekommen. Das war kurz nach der Wende. Nicht ganz kurz nach der Wende, sondern es war 1993 gewesen. Wir wollten versuchen, hier im Osten etwas Neues aufzubauen für uns, ein ganz neues Umfeld leben, und dann kamen wir nach Picher und haben dieses Haus gekauft, haben lange gearbeitet und haben dort versucht eine Existenz in Form eines Weinhandels oder einer Weinstube aufzubauen. Und wenn Sie jemanden hier in Mecklenburg kennen, dann wissen Sie, dass es sehr schwer ist, den Menschen hier das Weintrinken beizubringen. Wir haben von ihnen gehört, dass die Mecklenburger die Welt leiten wollen, die wenigen, die sind höchst die Alkohol-Konsum Abends. Ja, und dies ist eben nur Schnaps und Bier. Also, diese Idee haben wir auch aufgegeben und nun sind wir hier und wir haben uns gleich von Anfang an, als wir nach dies' Dorf gezogen — ich bin nicht Dorfmensch an sich, das haben Sie gehört — wir wollen uns aengagieren, man musste den allerersten Weg gehen in unserer kleinen Gemeinde hier, aengagieren, welche Probleme sind in der Gemeinde — hier im Osten gibt's, insbesondere hier in Mecklenburg, denke ich mal, sind die heute an dem großartigen Besuch gesehen, aber dies hat uns bisher nicht abgehalten, meine Frau und ich wollten intensiv mitarbeiten, und ich bin eben zum Vorsitzender der Kirchgemeinde ausgewählt worden und dieses... ich mach' schon Arbeit, nachdem wir keinen Pastor mehr haben. So, haben Sie mal meine ganze Lebensgeschichte gehört, aber das ist nicht das, was Sie eben wissen wollen.

M y l' n i k o v : Nein, es ist auch interessant. Aber Sie haben über ihren Vater und Großvater gesprochen.

C a r b o w : Ja.

M y l' n i k o v : Kennen Sie Ihren Stammbaum weiter?

C a r b o w : Ja! Mein Vater hat einen Stammbaum angefertigt. Ich habe ihn auch, aber ich habe nicht im Kopf, ich müsste ihn also ausgraben und kopieren lassen und ähnlich, aber das wird Sie auch nicht so sehr interessieren. Ja, ich denke, bis ins 17. Jahrhundert. Oder um den Dreißigjährigen Krieg, und die andere Seite, das ist die Mutters Seite, das geht viel weiter zurück. Das ist aber, wie kommt dann von Mots, von Bühlows und Mots und allen möglichen Leuten aus der Thüringer Gegend eigentlich.

M y l' n i k o v : Thüringer?

C a r b o w : Ja, Thüringer.

M y l' n i k o v : Das ist Mutterlinie, ja?

C a r b o w : Richtig. Mein Großvater mütterlicherseits war aber ein Pastor in Hamburg und gleichzeitig Professor im...

M y l' n i k o v : Also, Sie kennen Ihren Stammbaum, wie ich verstand, bis Anfang 17. Jahrhundert?

C a r b o w : So umgedreht sogar noch etwas, muss noch etwas weiter zurückgehen. Mein Bruder arbeitet sehr intensiv daran, es arbeitet auch ein Sohn meines... mein Vater hat sehr intensiv daran gearbeitet, dann ist er verstorben. Also es geht ziemlich weit zurück, ich kann es Ihnen natürlich nicht vorlegen im Augenblick, aber es geht bestimmt bis ins 16.–17. Jahrhundert zurück.

M y l ' n i k o v : Sagen Sie bitte, Sie haben erzählt, dass in ihrem Leben waren Sie in verschiedenen Teilen Deutschlands, über Finnland sage ich jetzt nicht, weil es ein anderer Land ist, aber interessant, Sie kamen nach Mecklenburg. Welche Unterschiede fühlen Sie hier in Vergleichung mit andere Deutsche Länder?

C a r b o w : Also, zunächst ist es natürlich der Ost-West-Unterschied, ganz klar. Kurz nach der Wende hier 'rüber zu gehen, das war etwas ganz neues. Ich kannte zwar die Ostdeutschland schon, weil ich hier beruflich teilweise zu tun hatte, ich war insbesondere in West-Berlin und hab' da auch zu Ost-Berlin Kontakte, und hab' schon früher auch nach Greifswald gefahren mit Jugend-, mit einer Jugendgruppe, zum Beispiel, aber — das war aber zunächst mal, der war der Unterschied, der große Unterschied, nich? Und dann sind die Menschen hier. Für mich auch, den ich zwar Hamburger bin, auch sehr als zurückhaltend etwas angesehen werden, als Steil sagt man bei uns in Deutschland. Habe ich 30 Jahre im Rheinland gelebt. Und da hatte ich ganz anderen Menschenschlag. Erstmals ist man dort katholisch, und das ist schon etwas anderes, und zweitens, man ist viel lebensfroher. Und insoweit das interessiert mich, gerade Picher hatte sich in den letzten 6 Jahren, die ich hier lebe tatsächlich zu den für mich herausgestellt, wie es mir immer erzählt wurde und ich es nicht glauben wollte. Diese Menschen sind, niedrig eine hier, die sind untereinander, noch nicht zusammengewachsen, obwohl es schon Jahrhunderte gehen konnte, hier in diesem Dorf noch eine dreifache Trennungssehen, die waren dazu — ich hoffe, dass Sie das verstehen, was ich sage — ja, wir haben einmal die Bauern, Altbauern, groß, das sind die... die im Unterdorf. Dann haben wir Häusler, das sind die, die bei Bauern beschäftigt waren, die hatten ein kleines Häuschen, und dann haben wir die Büdner. Und diese Trennung gibt es heute noch im Dorf. Ich habe es mehrfach erlebt, dass man mir gesagt hat: «Was hast du mit dem zu tun, warum willst du mit mir nicht zu tun haben?». Und Picher ist noch schlimmer. Ich habe gewohnt auch auf kleinen Dörfern im Rheinland oder im Süden, oder im Westen. Da gibt es zumindest einen Verein, oder zwei, oder drei. Es gibt eine Kneipe, wo die Leute hingehen. Die Katholischen sowieso, die gehen in die Kirche, dann gehen sie in die Kneipe, dann gehen sie Mittag essen, gehen sie nach Hause — in diesem Dorf nicht ein einziger Verein. Das ist der grösste darauf, der grösste Unterschied, das muss ich sagen, im ganzen Kreis oder im Kreis hinunter, im Grauen Land. Es ist eine schöne Dorfanlage hier, das ist die Kirche zu verdanken, ein Friedhof. Aber es gibt hier kein en einzigen Verein. Es gibt hier keinerlei Aktivitäten, die gemeinsam gemacht werden. Und es kann nicht daran liegen, dass hier die 50

Jahre DDR war, denn da wurde was getan, da wurde mir jeden Tag erzählt, wie es toll gewesen war, die großen Feste, die wurden schön organisiert. Und das kostete nichts, kostete auch kein eigenen Einsatz, und es wurde gefeiert bis zum... ja, Unfall, ja, getrunken. Dies existiert in diesem Dorf nicht. 6 Jahre versuchen wir etwas einzubringen, etwas zu engagieren — es wird nicht angenommen. Das heißt also, die Menschen untereinander haben nach meinem Auffassen kaum ein Zusammenhang, nur grüppchenweise. Und nun ist natürlich auch so, dass muss man sagen, meine Frau und ich, wir sind hier 6 Jahre gelebt und nun auch die wirtschaftliche Existenz haben aufgegeben, wir müssen den Weinhandel, wir haben natürlich das Haus verkauft und wieder... so ist es. Wir haben etwas anderes, denn der Mensch ist ja nicht nur Haut und Knochen, oder Leib, sondern er hat ja hier oben... normalerweise soll er etwas drin haben, und dafür musste auch irgendeine Nahrung da sein. Und die haben sie hier in der Gegend nicht. Es gibt keine... wenn wir es nicht selbst gemacht haben, haben wir die Konzerte gemacht hier, wir haben versucht, wir haben Lesungen gemacht und so weiter, aber wird ist sehr-sehr schwer angenommen.

M y l' n i k o v : Also, wenn ich Sie richtig verstanden habe, meinen Sie, dass zum Beispiel in Rheinland sind die Leute mehr so offen?

C a r b o w : Ja. Die Rheinländer feiern auch Karneval.

M y l' n i k o v : Im Februar ist es am meisten Teil, ja?

C a r b o w : Ja, feiert das ganze Rheinland. Ich hol' mal jetzt Kaffee, wenn Sie möchten.

336- {затись прервана}

C a r b o w : Sie haben einen Namen hier gesehen, so 'n schwarzes Haus stammt aus einer Häuslerfamilie oder Büdnerfamilie, haben Kuh gehabt, paar Schweine und hier oben da sind die Häuser immer kleiner, hier wenn Sie mal hochgehen, sind immer kleiner, das sind so die... das waren die Armen.

I v a n o v a : Büdner oder Häusler?

C a r b o w : Büdner. Die Häusler sind die, die hier im Zentrum wohnten, ne? Das sehen Sie auch.

B e c k m a n n : Ich weiß, was Sie meinen, ich bin selber in Hamburg geboren, und bin [19]92 nach Greifswald [gezogen] wegen des Studiums und eigentlich die Dinge, die Sie jetzt so erzählt haben, kenne ich auch. Wobei man einen Eindruck hat, hat das sich nach der Wende war das Traum weg war, dass die Westdeutschen es berechtigten...

C a r b o w : Das ist richtig.

B e c k m a n n : ...war ganz [...] und ich bin in vielen Dörfern unterwegs — ich meine Forschung — ich habe zwei netten Jahre — drei Jahre wieder aufgetaucht. Die Leute haben sich zwar daran gewöhnt, und jetzt hat sich das wieder geändert. Aber ich weiß nicht, woran es liegt, ich dachte, also, wir... wir sind es nun im Bereiche Ludwigslust, Dömitz, Lüththen unterwegs, und ist ganz nette Dorfge-

meinden, wo es wirklich ganz, ganz viel gemacht wird, da schon in Loosen, da ist eine Gemeinschaft oder Glaisin[...]

C a r b o w : Ja, das ist wirklich so, aber ich kann nur dieses Dorf beurteilen, ich kann es beurteilen, wie es in den nächsten Nachbardörfern geht, wie kleiner Bresegard, nich, dem Nachbardorf, oder Krenzlin, Krenzliner Hütte. Doch da ist was los! Da ist was, da gibt's keine Kneipe, da treffen sich die Leute dann auf die Straßenfeste — hier ist es so, Dorffest soll nun sein einmal im Jahr. Man hat also folgendes bei der Gemeinde beschlossen, wir hängen keine Plakaten auf, damit von draußen irgendwelche Leute kommen, und da Unruhe besteht. Und da gibt es der, es wird ein Feld von der Gemeinde von der Kummower gemietet irgendwo, damit dieses Fest stattfinden kann, und es gab ja zwei Kneipen. Also, oder zwei Gaststätten: einmal unsere Weinstube, wir haben nur Wein verkauft, und der andere hat dann die Verpflegung gemacht und so weiter. Das heißt Feld gemietet, irgendwo her, und dann hat man festgestellt, denn nächsten Jahr — nee, das ist zu teuer! Wir kriegen das viel billiger, wenn wir gleichzeitig ein Zelt aufstellen, irgendwo dahinten, von Lübtheen kommt auch die ganze Bewirtschaftung. Das heißt, dass die Kneipe ausgebaut war. Seitdem die gibt es nicht hier. Und das ist aber nur, soweit ich gehört habe, fast ausschließlich hier in Picher so, dies ist typisch, keiner geht in die Gaststätte dort drüben aus dem Dorf, hier will man ja gar nicht mehr haben, weil sie immer sagen, nach der Wende hat es uns abgezopft. Und nach der Wende muss es natürlich teurer werden, das ist klar, und nun geht keiner mehr hin. Wir fordern nun — gesehen von der Kirchgemeinde, wir versuchen nun — wir haben nun irgendwann Probleme gehabt, aber ich habe mich natürlich aufgeteilt, Sie haben gehört, da gibt es nicht mehr Pastor hier, er wohnt noch hier, er ist achtungswert, er war 23 Jahre hier Pastor, ja, das ist zu lang. Da ist ein ausgezeichnete Bresegarder, ich bin sehr mit ihm befreundet gewesen, sehr viel in der Kneipe bei uns oft gegessen, ist verreist nachher. Aber ist kein Dorfpastor. Hier muss man eigentlich Statur haben, wir haben Moritz, das muss funktionieren. Muss man erst Plattdeutsch reden können und man muss zu den Leuten hingehen. Es kommt keiner freiwillig in die Kirche. Das ist natürlich auch wiederum verkehrt, nich? Der Pastor kommt nicht zu mir, ich kann ja auch, wenn ich hierher komme, nach Picher oder in anderem Dorf, dann gehe ich gleich ma' hin und kucke. Ne? Und das hat hier nicht funktioniert. Nu muss ich natürlich auch sagen, ich bin sehr vorsichtig in meinen Äusserungen, weil ich, denke ich, es hat hier 40 Jahre lang Verhältnisse gegeben, wie wir drüben gar nicht wussten. Wenn Sie STASI kennen oder ähnliche... Kann ich mir nicht vorstellen. Vierzig Jahre lang gewesen, von 1933 an. Waren sie unterm Drück. Ne? Und dann wollten sie plötzlich mit der Freiheit umgehen, mit einer Freiheit umzugehen gelernt haben.

B e c k m a n n : [Vielleicht liegt es daran, dass Sie zugezogen sind?]

C a r b o w : Ich kann feststellen, dass es nicht darum geht, dass Leute zugezogen sind, sie nennen die Menschen als «Zugezogene», die hier schon 30 Jahre leben. Pass´n se ma´weiter: es ist gut für die Arbeit. Immer noch als Zugezogene.

{обрыв записи}

B e c k m a n n : ...ganz deutlich. Sehr lange schmale Streifen und ...Archäologischen drin.

C a r b o w : Ja, da sowas kann ich Ihnen nicht sagen. Aber wie gesagt, ich habe mit der Geschichte Pichers ehrlich zu sagen, nicht all zu sehr beschäftigt. Was mich mehr interessierte, wie ist es mit der Kirche gewesen, und da kann ich Ihnen sagen, vom Bau der neuen Kirche, kann ich Ihnen drüben noch ein bisschen erzählen, aber mehr eigentlich auch nicht, weil was mich so eigentlich mehr interessiert... Wenn ich nicht das Haus hätte, was wir zwar verkaufen wollen... Das will auch keiner hierher.

B e c k m a n n : Also die Grundstückpreise sind ja oft niedrig.

C a r b o w : Ja, die sind ja niedrig, das ist richtig. Ich habe das... ja das Vorstandes Zentrale ist zu Hause hier, und daneben ist ja so ´n Rebeladen und dieses kam so mit ´m Rebeladen mit Stall hinten, mit Scheunen und unserem Wohnhaus ist die zentrale Gaststätte hier gewesen. Es gab früher hier alleine auf ungefähr 150 Meter drei Gaststätten und eine vierte gab es noch, die ist nun abgebrannt. Und... so ist es, ja. Und die zentrale Gaststätte — dies... das ist also sehr interessant — die wurde dann zu 1972 so auf Beschluss des sogenannten Rates des Kreises eben geteilt, also die alten, Uraltbesitzer sie beiseite schieb, sie durften zwar das Haus behalten, aber die Kneipe wurde dann der HU und... wie heißt das, Konsum und so weiter übergeben, und dann wurde das Konsumladen draus gemacht und dahinten das Kulturhaus, das sogenannte — tja, das war so nett — Kulturhäuser, es wurde gegessen, gesoffen und... nicht Kultur, aber man musste die Kulturbeutel mitnehmen, auf Reise gehen, ne? Mit Zahnbürste und so, ne? Dazu kann ich will ich auch weiter nichts sagen, aber... ja, was die Kirche da zustande kam, kann ich Ihnen...

M y l ´n i k o v : Sagen Sie, und diese Lade, Lebensmittel, gehört Sie oder?

C a r b o w : Nein, meine Güte!

M y l ´n i k o v : Nein, eine gute Lade, ich habe es gesehen, ja.

C a r b o w : Ich sage so, eigentlich muss es geschlossen werden, aber darüber muss man schon nachdenken.

M y l ´n i k o v : Na, für ein Dorf, meine ich.

C a r b o w : Ja. Das ist ein großer Vorteil es gibt weit in den Dörfern hier rund um kein... keinen kleinen Supermarkt.

B e c k m a n n : Haben Sie... ich habe... wenn ich hier in den Dörfern fahre denke ich, es gibt noch mindestens einen kleinen... bestätigen auch Leute, es gibt sie.

C a r b o w : Ja.

B e c k m a n n : Und es gibt immer noch den Einkaufsladen, wo die alten Leute noch mal die Butter kaufen können. ...da ist noch immer.

C a r b o w : Ja. Dies ist vom Prinzip dies schon schön. Dieses Dorf hier selber ist eigentlich fast autag, wir haben einen Arzt hier, der arbeitet bis nachts um 12, hat Sprechstunden, wir haben einen Kindergarten mit Kindertagen und allem, haben natürlich große Probleme, weil es heute großes Geld kostet, wir haben die zentrale Schule hier bis zur Mittelreife, wo es alles herangegangen ist aus der Umgebung, wir haben 'n Friseur hier, wir haben 'n Bäcker hier, wir haben Blumenladen hier, klein Baumarkt hier unten, und was sehr Picher ist in der DDR in der ganzen DDR bekannt gewesen, hier gab es die sogenannte PDH und zwar war das die Vertretung und die Reparaturwerkstätte für VOLVO und für die russen MOSKVICH, Fahrzeuge aus Berlin. Jedes Fahrzeug das repariert und gewartet werden musste, die kamen hier nach Picher. Da kucken Sie die riesen Hallen, die leer stehen, es ist erst nach der Wende... und nach der Wende hat man denn, also die Herrschaften da oben, schnell, also die Führenden da oben, wir haben die schönsten Häuser da oben, aber nach der Wende wurde das alles Vorvertragswerkstatt und die ist zusammengebrochen mit der Zeit, jetzt ist es ein großer MAN-Werkstatt und Mannensmann-Werkstatt für Busse und die bauen immer so Seitz-Busse aus Hamburg da oben steht — aber daher ist Picher bekannt gewesen. Auch das führte 3/4 des Dorfes beschäftigt, ob sie nun Bauern waren oder Schuster waren, die waren im Unternehmen Kraftfahrzeuge geworben, nur man ist nicht gut auf die Leute zu sprechen gewesen, wenn einer fuhr mit seinem Trabi.

M y l ' n i k o v : Sagen Sie bitte, wir haben hier auf dieser Straße ein großer Gebäude gesehen, da ist geschrieben «Medizinischer Punkt» und auf anderer Seite ist ein Schild, dass die Gebäude verkauft.

C a r b o w : Wo ist das gewesen?

M y l ' n i k o v : Hier gerade.

C a r b o w : In Picher?

M y l ' n i k o v : Hier, hier.

N o v i k : Возможно, это магазин.

M y l ' n i k o v : Ich weiß nicht, auf andere Seite dieser Straße...

C a r b o w : Hier hoch?

M y l ' n i k o v : Ja, ja.

C a r b o w : Hier gleich gibt's einen Arzt.

M y l ' n i k o v : Ja, und da ist geschrieben, auf anderer Seite, dass die Gebäude wird man verkaufen, zu verkaufen.

C a r b o w : Ach so! An der Ecke da, dieses alte Ding, ja.

M y l ' n i k o v : Ja, ja.

C a r b o w : Ja, das gehört der Kommune hier.

M y l ' n i k o v : Ja, aber was wird mit medizinischem Punkt?

C a r b o w : Nein, der medizinische Punkt, das ist der Arzt, privat.
M y l ' n i k o v : aha...

C a r b o w : Das ist Privateigentum, das ist hier der praktische Arzt zu Dorf, der viele-viele Dörfer hier versorgt, der ist auch schon vor der Wende hier gewesen.
M y l ' n i k o v : Aber wenn diese Gebäude an Verkauf kommt?
C a r b o w : Das kann ich nicht sagen.
M y l ' n i k o v : Wir haben diesen Schild gesehen.
C a r b o w : Aber nicht, dass... Das gehört nicht dem Arzt. Der Arzt wohnt auf der anderen Seite.
M y l ' n i k o v : Nein, es scheint mir, dass in diesem Gebäude.
C a r b o w : Nein, das kann nicht sein. Aber es ist hier...
N o v i k : Возможно, это магазин.
M y l ' n i k o v : По-моему, в одном это. Вот это, Das ist so lange, so große hier Gebäude, und als wir von dieser Seite hier zurückkamen, hier hängt dieser Schild und von dieser Seite ist geschrieben «Medizinischer Punkt». Mit einem roten Griffs.
C a r b o w : Nein. Das musste Irrtum sein. In diesem Gebäude, was verkauft wird, befindet sich zentraler Baumarkt, in einer Seite...
M y l ' n i k o v : Ah, da was drin ist.
C a r b o w : Ja, das kann sein. Aber Baumarkt... nee, nee.
M y l ' n i k o v : Ja, wir wunderten, deshalb wir fragen, ja, ja.
C a r b o w : Nehmen Sie noch Kaffee!
I v a n o v a : Danke. Sagen Sie bitte, was war in dem Haus daneben, wo der Name Badekow drauf steht?
C a r b o w : Ja. Dies ist früher wie gesagt, ein Kaufsladen gewesen. Ein Geschäft und dies ist kein schönes Haus, aber es ist eigen... ganz eigenartig, man dürfte eigentlich wegräumen, die Fassade. Und nach der Wende, wie das so hier im Osten war, sind dann irgendwelche Leute aus dem Westen gekommen, sie haben das als Immobilienmarke ausgegeben und gleichzeitig noch irgendwelche verwandtschaftliche Verhältnisse nach Picher ausgegangen, und haben eine ganz bestimmte Person, meine ich da, angefangen, Häuser zu verkaufen. Und es gab ein Blumenladen um die Ecke, zu der DDR-Zeit, da war eine junge Frau beschäftigt, und nach der Wende hatte sie keinen Beruf mehr, keine Beschäftigung mehr, und dann das Blumenladen aufgegeben und dann hat wie gesagt selbständig machen, und man hat ihr dieses Haus verkauft.
I v a n o v a : Und wer war denn ein gewisser Badekow?
C a r b o w : Das ist vor dem Kriege oder... ein ein... ein Pole oder sowas gewesen.
Das kann ich gar nicht mehr sagen. Auf alle Fälle ist das Haus hier wiederum verkauft, die Frau ist denn zu Grunde gegangen, aber das wird abgerissen wahrscheinlich. Wir vermuten...

B e c k m a n n : Das ist Schade!

C a r b o w : Ja. Wenn man sich nicht wehrt dagegen, wird dort ein Rebwe-Supermarkt wahrscheinlich.

B e c k m a n n : Ist schon interessant der Architektur nach.

C a r b o w : Ja, aber wenn Sie ma´ ´rein gehen... Schwamm drin, so und die Decke da ist viel schlimmer. Aber das ist eine andere Sache. Ich würde natürlich auch das Dorf nicht stören...

M y l ´ n i k o v : Sagen Sie bitte, spielen irgendeine Rolle in dem Dorf, zum Beispiel in diesem Dorf oder in andere Nebendörfern verschiedene Parteien oder nicht?

C a r b o w : Eigentlich nicht. Die ersten Wahlen, die liefen, da mussten die Parteien Kandidaten stellen und es konnten sogenannte Bälle-Gemeinschaften gebildet werden. Das waren also Parteiloser, aber die mussten einen Zusammenschlussart Bälle-Gemeinschaft für das Dorf bilden und letztendlich spielt hier im Dorf und auch in anderen die Parteifragen nicht die Rolle. So, das sind meist Leute, die vielleicht einer Partei mal angehört haben, oder auch angehören, aber nicht den Fraktionen oder sowas aufgeteilt. So ´ne meistens, kann auch heute so sein, Unabhängige. Die nur für sich oder für das Dorf oder Land sprechen.

B e c k m a n n : Und manche haben Einfluß.

C a r b o w : Genau. So. Da sitzen sie natürlich noch immer drin, und es sitzen natürlich auch noch die drin, die schon zu DDR-Zeiten... ja... wie soll ich sagen, Dreck am Stecken hatten.

M y l ´ n i k o v : Also, wahrscheinlich diese Rolle viel mehr ist in Städten.

C a r b o w : Ja. Dazu sind die Gemeinderäte zu klein. Was uns auffällt, die wir aus dem Westen kommen, hier gab´s auch den Bürgermeister und solche Leute, das waren alles STASI-Menschen, die finden Sie heute in dem über die Dörfer hier gelegte Zusammenschlußes — es gibt hier ´n Amt Hagenow-Land, das heißt, das ist Hagenow und macht im Prinzip die Verwaltungsarbeit für die einzelnen Dörfern. Und in dieser Einheit, in diesem Amt Hagenow finden Sie alle alten Bürgermeister, große Beamten der Verhältnis... Wenn Sie mal durch Kirch Jesar fahren, wird Ihnen auffallen, dass Kirch Jesar, also erstmal da viel neu gebaut wird dort, auf der Straße sogar weisse Striche sind, also Linien drinne... das hat eine ganz eindeutige Bedeutung ä... Begründung: Der Bürgermeister des Amtes... des Dorfes Kirch Jesar ist gleichzeitig der erste Leiter des Hagenow-Land. Mann muss... aber das ist so. Und das ist wahrscheinlich überall so.

M y l ´ n i k o v : Ich weiß nicht, deswegen frage ich.

C a r b o w : Ja, ja. Also, Parteien spielen eigentlich hier nicht die Rolle.

M y l ´ n i k o v : Ja, ich glaube, das war immer. Noch im Jahre 1965, als ich nach Aachen, nach einige sehr wichtige Sachen mitgebracht, da war eine grosse Ausstellung «Karl der Große und seine Zeit», und ich habe aus unserer Nationalen Bibliothek einige Handschriften aus damaliger Zeit — wir haben eine Kollektion,

sehr reiche — und ein oder zwei Menschen aus Ermitage auf diese Ausstellung, und ich habe da mit Generaldirektor, einem sehr netten Mensch, Feldbusch, ich glaube, es ist schon gestorben, und ich fragte ihn, wie ging's Leben in Nazi-Zeit, das war mir wirklich interessant. Er hat mir so geantwortet, er sagte mir: «Verstehen Sie mich richtig, ich will sagen, dass in bestimmtem Sinn war ruhiger als jetzt.» Er sagte mir so. *Lacht*. Und erklärte so, dass diese Apparat, Nazi-Apparat ging nur bis Städte, kleine, und zu Dorf kam er schon nicht. Ist es wirklich, ja?

C a r b o w : Aber es ist auch hier zu DDR-Zeit. Die Leute hatten hier ja, denen ging es gut, hier auf den Dörfern ging es den Menschen gut. Hier hat als erstens sie hatten alle viel Vieh hier, der Pastor hatte Schafe, die wurden verkauft, daher gab's viel Geld und denn gibt's nichts mehr dafür. Jeder hatten einen Bullen, dann wenn er den verkaufte, kriegte er 6 Tausend Mark. Nur sie konnten damit nichts anfangen. Sie haben gut gegessen, sie haben immer getrunken, hatten sie genug. Und das, was das Leben schön macht letztendlich — das konnten sie gar nicht kommen. Also, hatten sie auch nach der Wende plötzlich nicht mehr viel Geld. Das ist ja auch ein Eigenart. Und wenn man die Menschen heute fragt: wie geht's euch denn eigentlich? — Na, mir geht's persönlich ganz gut. Ich hab' ne Rente von 2.800 Mark. Hat mir von Plasen erzählt, ich habe mir gedacht, was ich mit dem ganzen Geld denn soll. Aber ansonsten ist es 'ne Katastrophe. Eigentlich das denke ich, sie müssen selber für sich sorgen, und wenn sie Gemeinschaft haben wollen, müssen sie auch was tun. Das mussten sie, ja? Nich? Dann wird denn aber wieder gesagt, dann wurde er aufgerufen zu irgendwelchen Gemeinschaft zu einzuziehen, dann haben sie erzählt, sie haben — ein Friedhof war hier sozusagen nun mal zusammengefallen — der wurde verordnet, alle Mann haben anzutreten und die Mauer wird gemacht. Da sind sie gekommen und da sind sie fürchterlich stolz 'rauf, haben sie heute mal einen! Könnten Sie mal eben — das macht nichts. Passiert nichts mehr.

{Запись прервана}

C a r b o w : Ja, es ist hier wenig Bewegung, wenig Bewegung hier... Aber ich kann eben auch nur von diesem Dorf eigentlich ganz speziell reden, so, wie dies hier — es wird manchmal auch von Kirch Jesar gesprochen — Neubaugebiet, oder Hagenow Heide, alles neu gesiedelt. Hier hin also, seit 6 Jahren hat man ein Kruppel, also ein Stückchen Gelände, da möchte man nun auch so... eine Familie haben. Das heißt, 6 Jahre dauerte es hier zumindest, und bisher ist nichts passiert. Ich weiß, dass man vielleicht nicht will, aber was man hier zum Beispiel macht, dann gibt's... haben Sie vielleicht gesehen, neben dem alten... ja, denn... hier um die Ecke, da ist es neu geplantes Grundstück. Da kommt jetzt einen Stützpunkt Feuerwehr hin. Gemeindehaus als Stützpunkt hier, Feuerwehr. Ein Nun frage ich mich, das ist alles schön und gut. Nun muss es das Personal haben. Die Leute, die hier Leben, und in der Feuerwehr beschä[ftigt] sind, freiwillige Feuerwehr, sind am Tage nicht in Picher, sondern sind irgendwo anders beschäftigt. Und denn

will man dann Feuerwehransätze machen. Das ist nur so wegen des Zuschusses. Man kann, so wie Herr Schult, Feuerwehrobermann ist hier, der Hauptmann, den persönlichen Ehrgeiz sich zu verewigen. Obwohl natürlich richtig die Feuerwehr ist ja sehr wichtig, hier ist ja Waldgebiet, habe ich gefragt früher, als ich in der DDR fuhr, waren überall diese Türme, dass man bewacht da, nicht? Inzwischen weiß ich, dass die meisten nichts damit zu tun hatten, sondern das Feuerwachtürme sind. Und ich bedaure immer die Leute, die dann bei 40 Grad Hitze da oben 'raufkrabbeln mussten, dort rund um die Uhr sitzen und demnächst beobachten, was dazwischen sich tut, nicht? Das't schon interessant. Nun, ich weiß nicht, ob Sie das alles verwirren können, was ich hier so erzähle...

M y l' n i k o v : Nein, es ist so [interessant].

C a r b o w : Gar nichts, ne? [*lacht*]

I v a n o v a : Herr Carbow, hier ist nichts los und feiert man auch nix gemeinsam?

C a r b o w : Nein.

I v a n o v a : Nein?

C a r b o w : Im Dorfe nicht.

I v a n o v a : Keine Erntefeste, keine Dorffeste?

C a r b o w : Es gibt nur ein Dorffest, aber es ist verhindert einiges da zu erzählen, also, auch da nur die Leute hingehen — ich nenne es «zum Kampf trinken». Oder dass man jetzt zum 3. Oktober ein Feuer macht, kommt fast keiner hin, und die, die hingehen, sind um 6 Uhr abends blau. So.

I v a n o v a : Oh, ja.

C a r b o w : Das wird auch nicht ein Wort gesagt, was hat das den Anlaß dieses Abends, 3. Oktober für uns Deutsche ein wichtiger Grund — kein Wort, nicht mal der Bürgermeister. Die kommen schon... Guter Umsatz ist das... aber das ist so. Es gibt so nichts hier, es gibt nichts. Kein Verein und das... die müssen sich überlegen, wir haben viele Jugendliche hier, und die einigen wollen mal in einen Fußballverein — die müssen nach Bresegard oder Pritzigidorf, Mohras oder was... Wir haben zwar ein en Platz hier oben machen lassen, es sind sogar Tore drauf... — hier in Picher nichts. Also, hier gibt es ja nicht und wenn ich also, als ich ab mich gefunden voran ist nichts. Ist nicht viel. Ich kann es Ihnen auch aus unserer Erfahrung sagen, dass wir, also mit unserer Weinstube versucht haben, jetzt z.B., einen Frauenstammtisch auf die Beine zu stellen. Das lief auch zwei Jahre. Das heißt, wenn es grössere Ordnung, kamen mal 10–12–15 Frauen einmal im Monat, haben bei uns gesessen und über alles gesprochen. Dann passierte folgendes, es kommt — einst ruft mich ein Zeitungsredakteur an, und sagt, er möchte etwas über die Weinstube berichten, und er hätte gelesen, weil ich immer veröffentlicht habe Veranstaltungen — der Frauenstammtisch wäre da. Möchte er auch mal mit dem Frauenstammtisch mit den Frauen reden — da habe ich gesagt, das können Sie gerne tun, dann müssen Sie hierher kommen, dann müssen Sie

die Frauen fragen, ob sie Ihnen was zu sagen haben. Und er kam, sprach mit mir in der Weinstube, und kamen die Frauen, und da habe ich zu ihnen gesagt, jetzt gehen Sie doch dorthin und fragen Sie die Damen. Das hat er getan, und hat dann mir gesagt: «Ja, prima!» und haben sie alle fein hingesezt, und dann haben sie losgelegt. Hat er sie gefragt, und da haben sie losgelegt und allererstens haben die über die Kneipe eben, über die Kneipe dort drüben geschimpft. Der hatte nämlich die Kegelbahn und dann sind die Frauen da einmal hingegangen zum Kegeln und dann hat er gesagt, das könnten sie aber nicht, sie müssen auch hier essen. Das wollten sie nicht. Und dies haben sie nun groß und breit eben diesem Redakteur erzählt. Und nu passierte folgendes, das musste alle sein, wenn... Der schreibt das natürlich so, macht auch ein Bild von den Frauen und schreibt da rein, die Blumenfrau hat gesagt das und das. Nun stimmte das alles nicht, das war nicht die Blumenfrau, sondern das war die andere Frau, die hieß auch nicht so, sondern das war die. Bei nämlich, bei... also der die Fotos macht, haben sich die Frauen umgesetzt, damit er besser das Bild bekommt. Und damit war, meine Frau und ich wurden zitiert. Sofort zu den Frauen und die haben uns verantwortlich gemacht, wir hätten also... obwohl sie genau wussten, wer was gesagt hat und so weiter. Nun sollte eine Gegendarstellung gemacht werden und der Frauenstammtisch war gestorben.

B e c k m a n n : *spricht leise. Wahrscheinlich äußert seine Meinung dazu.*

C a r b o w : So ist es. Ja, ja. Das ist das eine. Aber in diesem Falle stimmt nicht, dass eine von denen was gesagt hatte. Ne? Und erst haben... sind sie natürlich dann.. aber so fiel das alles auseinander. Ich habe hier Skat gemacht, das ist nicht meine Art, denn beim Skat saufen die Bier und ich eigentlich nur Wein vom Keller, haben ich ein Schwein gekauft, wie das hier in Mecklenburg ist. Skat spielen, Schwein als Preis es gibt Leute hier im Dorf, die gehen viermal, weil sie Rentner sind, in der Woche zum Skat-Spielen. Und kriegen immer Schwein als Preis. Also, haben wir hier Schinken oder so was... Die haben sich echt, die haben sich wirklich alleine für den Winter, weil da Skat-Saison ist, eine Kühltruhe gekauft, damit sie das ganze Zeug darein kriegen. Dies ist aber nun... das ist ja nun landschaftlich hier bedingt, nicht? Oder... Hier essen die Schweinefleisch und sie essen Kartoffeln.

B e c k m a n n : Also, was mich oft wundert, also ich finde sehr mutig, in einem Dorf wie Picher eine Weinstube aufzumachen.

C a r b o w : Ja, natürlich, ohne Mut geht nichts.

B e c k m a n n : In Greifswald hätte ich würde ich eher keine aufmachen oder in Ludwigslust, dann würde ich sowas nicht aufmachen.

C a r b o w : Also, das hatte eine andere Richtung, wie ich... ich will mal so sagen: das ist meine zweite Frau, ich hatte damals die zwanzig Jahre jüngere Frau meine Kinder sind groß und leben nicht gemeinsam, sondern getrennt und meine Tochter lebt in Aachen, ich hab' zwei Enkel, die waren gestern morgen bei mir,

haben mich besucht. Gut, aber... was wollte ich denn sagen?.. Als ich damals geschieden wurde, dann haben wir uns zusammengetan und fangen neu an. Ich war 55, hatte einen guten Job an dieser Uni da, war der Leiter, nun war das alles hinter mich. Gehe nach Hamburg und dann suche mir was und dann wollte ich mir eine kleine Kate kaufen. Hier so 'ne baufällige Kate, die denn so fürs Wochenende für Alltag gebaut wurde. Und ich habe mich überall hingeseht, ich war die Elbe hoch, an der Müritz, dort in der Gegend der Seen, habe ich gesucht, das war aber zu spät.

{die Aufnahme wird unterbrochen}

... und bin am 28 Dezember 1998 hierher, meine Frau blieb noch in Hamburg, hat dort gearbeitet, und ich habe hier zwei Jahre gebaut, ein Jahr. Und dann haben wir gedacht, was machen wir denn nun? Vorher, Weinhandel. Und ich habe 30 Jahre im Rheinland Erfahrung mit meinem besten Freund, hat er auch mit Weinhandel... warum nicht? Denn wenn Sie mal in einem anderen Ort, im Westen drüben, auch in Schleswig-Holstein sind, so finden Sie in keinem von Dörfern irgendein originelles Restaurant. Originelles. Wo die Leute auch gerne mal hingehen, nicht nur in grösseren Städten. Und zuerst ging es ja. Es ging auch die ersten Veranstaltungen wieder, wie ein Konzert oder...wir haben Dichterlesungen gemacht. Haben die Leute hier aus der Gegend geholt, so wie Koch oder Balow und solche Leute. Und dann hatten wir auch die guten Freunde, 40 Leute waren es wohl. Wir haben Familienveranstaltungen gemacht, Geburtstage aller älteren Damen hier 'rum, die Geburtstage, und dann waren die so üblich. Das lief alles wunderschön, bis es dann so langsam, aber... dann sind natürlich auch manche hier, die aus dem Westen kommen, der Jäger zum Beispiel, und die waren natürlich froh, dass sie einen guten Wein trinken konnten. Den Wein eben aus allen Gegenden, aber eben dann wurde's immer weniger und weniger und dann hat das sich nicht mehr... also, die Kosten haben alles aufgefressen und dann haben wir es geschlossen. Aber wir wussten auch vorher, in was für ein Risiko wir eingehen, und wenn man sowas macht, dann muss man es wissen und es einschätzen können, und auf jedenfalls wenn es schief geht, dann wir beide zwar Kinder haben, aber sie sind alle 'raus mit 34 und 28 der älteste, der jüngste ist 22, das ist kein Problem.

M y l ' n i k o v : Danke. Ich habe mehr keine Fragen.

B e c k m a n n : Darf man die Kirche mal anschauen?

C a r b o w : Sie können... ob der Schlüssel hier... na, das können wir nachher machen.

M y l ' n i k o v : Nu gewiss, aber andere Frage geht...

{die Aufnahme wird unterbrochen}

{Ende des Interviews}

16 октября, понедельник

Из дневника Ивановой

10 утра, мы в Окружном музее г. Хагенов, который представлял для нас наибольший интерес. Прежде всего потому, что именно здесь хранится коллекция вещей, собранных нашими предшественниками, участниками последней Лейпцигской этнографической экспедиции 1956 г. в Ябельхайде. Этот визит мы планировали давно и очень давно ждали и добивались встречи с директором музея Хенри Гавликом. Неуловимый Хенри Гавлик всегда занят, и даже профессор Мыльников, неоднократно бывавший в Восточной Германии, так ни разу и не смог с ним встретиться. Наконец, осенью 2000 г. Хайко Бекманну, который с ним лично знаком, удалось добиться аудиенции Гавлика. И вот мы в музее, который расположен на главной улице бывшего (и, возможно, в скором будущем, снова окружного) города Хагенов — Лангештрассе. Музей располагается в небольшом бюргерском фахверковом доме 1828 г. постройки, а ныне в ведение музея перешли здания бывшего винокуренного завода, пивоварни и ремесленной мастерской, здесь будут располагаться галерея и фонды хранилища музея. Гавлик с гордостью сообщает, что у него в одном дворе представлена вся социальная структура мекленбургского города, от мелких ремесленников до крестьян. Музеем занимается только один человек — сам Хенри Гавлик, большой энтузиаст своего дела, но времени на все у него не хватает. Поэтому новые музейные площади еще не оформлены, многие вещи не атрибутированы вообще, а большинство предметов немецкой традиционной культуры региона пока не нашло своего места на экспозициях — они до сих пор в беспорядке складываются на чердаках, в фондах и помещениях двора. Гавлик описывает коллекцию, занимается экспедиционной деятельностью, пишет статьи и книги, является редактором музейной научной газеты. Он же руководит работой хронистов на местах — в деревнях региона (скажем, той же Кристель Бернхард из Лоозена).

Каждый крестьянин в Гризе Гегенд до 1820 г. был крепостным, а позже, примерно до 1870-х годов зависим от господина — великого герцога — как арендатор его земли. В архивах хранятся акты по каждому двору Гризе Гегенд (в т.ч. Ябельхайде). Наибольшая проблема для исследователя — традиционный костюм этой местности, нет образцов и в музее Хагенова. Многие из старых вещей и устного наследия было собрано в начале века (около 1900 г.) Рихардом Воссидло и попало в музей Шверина (Шверин-Мюсс). Многие были утрачены во время войн, и в первую очередь пострадала традиционная одежда: ткани, как и дерево, к сожалению, хорошо горят.

Коллекции музея собирались различным образом: многие вещи покупали у владельцев — это старая мебель, сундуки, аграрный инструмент, орудия труда. Только из Люббендорфа Гавлик вывез два полных грузовика с коллекциями.

Хенри Гавлик любезно показал нам экспозицию и фонды музея. В одном из залов воссоздана типичная городская сапожная мастерская; другая экспозиция посвящена ткачеству и производству одежды. Один из ткацких станков, представленных на ней, относится к самым старым предметам музея (1750-е годы.) и является одним из немногих имеющихся в музее экспонатов из исследуемого региона Ябельхайде; отсюда же происходит корыто для замеса дрожжевого теста и полка для хранения испеченного хлеба. Все предметы из Ябельхайде, кроме деревянной ступы для дробления зерна, относятся к 1850-м годам и, по мнению Гавлика, не могут быть соотнесены со славянским периодом истории края или вендским влиянием.

Иное дело — ступа. Этот предмет наиболее старый в собрании, аналоги его прослеживаются у древних насельников Ябельхайде, и он может быть единственным предметом, который дошел до нашего времени еще от вендов Ябельхайде.

Хенри Гавлик принимает нас в кафе музея на первом этаже. Это помещение оформлено довольно стильно, интерьер дополняет старая керамика и сосуды из зеленого стекла. В кафе никого нет, как, впрочем, и во всем музее. Нас угощают чаем и пирогам — сливовым *пфлауменкухен* и традиционным мекленбургским *буттеркухен*. Чай подают в глиняном сервизе (1997 г. выпуска) из Штеглина, что расположен в 2 км от Пихера. Там находится процветающее керамическое производство. Вся посуда, выпускаемая в Штеглине, современного дизайна, оттенки однотонные; наш сервиз, например, голубого цвета с эффектом пятен.

Хенри Гавлик рассказывает об эксперименте, который он проводил среди учеников одной из начальных школ Хагенова (3–4 класс — возраст 9–10 лет). Речь идет о восприятии образа ведьмы. Исходя из положения о том, что ведьма — продукт нашего воображения и существует лишь в нем, Гавлик предложил детям нарисовать ведьму — так, как они себе ее представляют. Затем рисунки были изучены и проанализированы коллегами Гавлика. Результат был таков: все рисунки были практически одинаковыми и составляли две группы: образ, что был навеян сказкой «Хензель и Гретель» братьев Гримм; образ «беби-Блоксберг», усвоенный через мультфильмы, показываемые по телевидению. И лишь один рисунок был необычен: на нем была изображена Баба Яга с избушкой на курьих ножках посреди дремучего леса. Автором этого рисунка оказался Йоханн (без указания фамилии), выходец из семьи немцев Казахстана. Здесь Йоханна считают «русским». Его социализация проходила в России или, по крайней мере, под непосредственным

влиянием русской (славянской) культуры, элементы которой (в том числе и образы сказок) он впитал.

Обсуждаем далее музейные коллекции. Вся утварь обычно не украшалась ни резьбой, ни росписью, потому что Мекленбург был всегда очень бедным и потому практичным регионом. Только на детских колыбельках можно встретить три вырезанных креста, которые часто просто представляют собой нацарапанные крест-накрест линии. Возможно, функция этих отметок — оберег от ведьм, чтобы они не сглазили младенца.

Из дневника Новика

Сегодня мы приехали в город Хагенов (Hagenow), в музей к господину Гавлику (Gawlick). О нашем визите была предварительная договоренность. Поэтому нас ждали и хорошо подготовились.

Краеведческий музей находится в центре Хагенова, рядом с собором. Музей размещается в двухэтажном старинном доме, построенном в технике фахверка — из кирпича и балок. Дверь открыла молодая женщина, сотрудница музея. Она проводила нас в музейное помещение, которое превращено в пивную. Эта пивная воспроизводит собой старую немецкую пивную. Здесь все обставлено так, как в прошлые времена. В интерьере используются подлинные старинные вещи. Идея такова, что музей должен быть не кладбищем старых предметов, а островком ушедшей эпохи, на котором продолжается старая жизнь в старых интерьерах. В пивной совмещено понятие музея и заведения общепита, где можно заказать выпивку и закуску.

В помещении установлен прилавок на старый манер, на полках расставлены старинные стеклянные бутылки. Утварь кругом тоже старая, из фондов музея. Даже на вешалке, на которую мы повесили свои вещи, висят предметы костюма жителей Мекленбурга прежних эпох.

Как мы выяснили, в фондах сохранилось мало одежды XIX в. Много старой одежды погибло в годы последней войны. Поэтому собирать предметы костюма для музея стало очень сложно. Практически все, что есть из традиционных нарядов Мекленбурга в музее, выставлено на экспозиции.

Мы сели вокруг старого стола, покрытого салфеткой в стиле «бюргель». Она сливочного цвета и имеет роспись в виде фиолетовых цветов. В Германии такой стиль посуды и столового белья очень популярен. Настоящий «бюргель» стоит дорого. Поэтому много производителей выпускают похожие вещи. Однако подлинный «бюргель» всегда можно отличить по грязновато-сливочному цвету фона и грязно-синему (а не кобальтовому синему) цвету орнамента. Немцы часто украшают свои дома и заведения подобными изделиями.

Здесь, в музее, нам накрыли стол для чая. Посуду использовали керамическую. Марка производителя «Alexander von Stenglin — Keramik» («Керамическое производство Александра фон Штенглина»). Это предприятие находится в 2 километрах от села Пихер. Мы вчера видели там указатель с названием производства. Характерно, что немцы любят использовать в быту вещи, которые производят в округе. В родной местности сохраняются традиции и учитываются предпочтения местных жителей в разных областях. Поэтому, покупая вещи, созданные в своем районе, люди продолжают сохранять культуру быта своих предков, родных, территории. Для Мекленбурга характерна приверженность местным традициям, в том числе и бытовым установкам. В других землях зачастую любят экзотические вещи. В России, к примеру, тем более. Но в России приверженность заморским диковинкам была десятилетиями выработана отсутствием многочисленных товаров на отечественном рынке. Все привозное входило в сферу престижного, труднодоступного. Чтобы обладать импортными или привозными товарами, необходимо было приложить массу усилий. А местное не ценилось. Его покупали часто из-за безысходности, отсутствия выбора. В Мекленбурге, напротив, особая покупательская идеология. Свое местное ценится высоко. То, что поддерживает местного производителя и сохраняет традиции, является безусловно ценным. А потому в местных домах много керамики и других вещей, созданных в этом регионе Германии.

Из керамических предметов с маркой «Stenglin» на столе были блюдца, чашки, четыре заварочных чайника и два блюда (одно с ручками и одно без). Керамика полихромная. На желтоватый фон глазурованной глины налиты капли синей глазури. Дизайн и роспись необычные. Пирожковые тарелки, поданные каждому, также расписаны в сине-желтых тонах. Вернее, сквозь синюю поливу просвечивает желтый фон. Чашки внутри желтые, а снаружи политы синей глазурью.

Нас угощали различной выпечкой и разными видами печенья. Угощение было обильным. Подавали чай и кофе. Сотрудница музея старалась обслужить нас очень хорошо. Стулья, на которых мы сидели, как и столы в помещении, старинные. Устраивать трапезу в историческом интерьере весьма необычно и приятно. Поэтому в музее многие посетители устраивают вечера с друзьями. Стоит здесь все дорого, зато проведенная встреча запоминается надолго. Получается, что музей — своеобразный элитный клуб. И формирует новый стиль жизни директор музея господин Гавлик.

Нам показали музей. Он очень большой. Большинство предметов собрал сам Гавлик, объезжая соседние села и объясняя людям, как важно сохранить для потомков мир предметов уходящей эпохи. Ему удалось собрать огромное количество сельскохозяйственного инвентаря, домашнюю утварь, традиционную одежду и многое другое. Зачастую вещи дублируют друг

друга. Это говорит о том, что в большинстве домов раньше пользовались практически одинаковыми предметами, которые изготавливали сами либо покупали у городских ремесленников. Мы не стали просить Гавлика подарить что-нибудь для нашего музея, так как понимали, что каждый предмет, приобретенный им в поездках, для него чрезвычайно дорог.

На втором этаже музея экспозиция построена таким образом, что дает представление о ремесленных занятиях населения Ябельхайде. Так, к примеру, есть мастерская сапожника, где можно увидеть разнообразный инструмент, деревянные колодки и заготовки обуви. В прошлом городской ремесленник для пошива обуви изготавливал деревянную модель ступни клиента. По деревянной заготовке индивидуально шили необходимую обувь, туфлю или сапог. После выполнения заказа мастер заготовку не выбрасывал, а хранил ее вместе с другими, также аккуратно подписанными. Когда у клиента возникала необходимость вновь обратиться к сапожному мастеру, он приходил и заказывал себе обувь. Новый заказ выполнялся быстрее, так как обувная болванка была уже готова и ждала своей очереди послужить вновь. У сапожников хранились десятки и сотни деревянных заготовок. Сшитая по индивидуальному меркам обувь была исключительно удобна и хороша.

Здесь же, в музее, реконструирована слесарная мастерская. В ней представлен многочисленный инструмент, рабочая одежда.

В музее много других любопытных экспозиционных помещений. Однако руководство музея не останавливается на достигнутом. Во дворе музея начато строительство нового помещения для хранящихся в запасниках экспонатов. Новое здание должно органично вписаться в музейный комплекс. Со двора музея хорошо виден собор. Двор практически примыкает к культурному сооружению.

Во дворе находятся постройки, в которых хранится то, чему не нашлось места на основной экспозиции. Господин Гавлик показал нам интересное приспособление на колесах, с помощью которого хозяйки вкатывали большие горшки с пищей в печь. Мы прежде подобной кухонной утвари не видели. Ухваты с колесами — интересный синтез традиционной утвари и технической мысли наших предков. Интересно, что данный кухонный инвентарь местное население традиционно связывает с ведьмами. По мнению местных жителей, с помощью такого ухвата на колесах ведьмы отправляют в печь маленьких детей. Инструмент настолько прочный, что выдержит и взрослого человека. Мы это испытали на Юлии (по предложению господина Гавлика).

После демонстрации музея директор снова предложил нам чай. Человек он интересный и разговорчивый. Знаменит Гавлик тем, что написал книгу о праздничной обрядности в Мекленбурге. Он исключительно энергичен. Помимо руководства музеем, преподает в местной школе. Господин Гавлик по-

казал рисунки учеников школы, на которых изображены ведьмы — Hexen. В представлениях немецких детей ведьмы выглядят старухами с длинными носами. Одеты в длиннополые одежды, а на головах у них широкополые шляпы. Изображения в духе западноевропейских традиций. Лишь на одном школьном рисунке изображена типичная русская Баба Яга в головном платке и в ступе. Этот рисунок принадлежит одному ученику, которого зовут Иоганн. Он родом из Казахстана. Отношение местных жителей и учеников в школе к его семье как к русским. Ученики, рисовавшие ведьм, учатся в 3 и 4 классах. Гавлик читает у них дисциплины по краеведению.

Я посмотрел различные издания, в которых искал изображения костюмов. Наткнулся на интересную фотографию, на которой изображен мужчина в форме и сапогах. На мужчине двубортный китель с металлическими пуговицами. На поясе висит кортик. Интересный мундир (Mecklenburg-Schweriner Förster nach der Bekleidungs-Vorschrift für die Großherzoglichen Forst- und Jagdbeamte vom 1. März 1899 // Kreismosaik. Heimatgeschichte aus dem Kreis Hagenow. № 2. 1989/90. S. 66).

Мы провели в музее практически целый день. Затем пошли гулять по городу. Городок небольшой, но чрезвычайно интересный. Центр сосредоточен буквально на одной улице, на которой и стоит музей. Большинство зданий здесь фахверкового типа. За рекой находится новый городской центр. Здесь построен крупный универмаг. Находятся торговые улицы. По ним прогуливается большое количество народа. Идут различные распродажи. Хагенов исключительно милый город. И музей — его важнейшее украшение.

Мы побывали в нескольких магазинах Хагенова. В них много дешевых вещей. Мы сделали различные покупки. Город нам очень понравился. Он имеет свое лицо. Это старый город, который постепенно рос. Много различных зданий, интересных и разноплановых. Хагенов не идет ни в какое сравнение с Людвигслустом. Последний вырос рядом с замком герцога, построенного для увеселений. И относительно новый населенный пункт рядом с замком рос искусственно. Уезжали из Хагенова с сожалением.

Из дневника Мыльников

Ночью луны не было, а с утра обычная хорошая погода. Примерно раз в неделю в деревню приезжает автолавка, в которой можно купить элементарные продукты (хлеб, масло, сахарный песок и т.п.). Из разговоров с людьми можно понять, почему на продовольственные товары в ФРГ относительно низкие цены: за счет массового внедрения химии (пищевые добавки, эрзацы, консерванты). Зато цены на натуральные продукты по меньшей мере в 2–3 раза выше, причем продаются они не в обычных маркетах, а в специаль-

ных магазинах (например, Reform). Товары в ГДР были качественно лучше (знаю по собственному опыту), теперь они сравнялись с западнонемецкими. Особенно плохи молочные продукты, колбасы здорово химизированы. Поэтому в деревнях за последние годы усиливается движение за возвращение к домашнему изготовлению не только съестного (колбасы, копчености, овощные и мясные консервы), но и промтоварного продукта (ткачество, пряже-ние). Наблюдать это можно повсеместно.

Весь день мы провели в краеведческом музее города *Hagenow*, где нас ожидал директор **Henry Gawlik**. Его дед происходил из Силезии (фамилия во всяком случае чешская), отец перебрался в Восточную Пруссию, а оттуда в Восточную Германию. Разговор дельный, т.к. Гавлик автор нескольких конкретных историко-этнографических работ. Говорил, что до недавних пор, если не считать Рождество, особенно широко отмечалась Троица. Это был праздник низших социальных слоев — *кнехтов*, слуг, а также молодежи. Устраивали беседки — в деревнях без крыш, в городах с крышей. Что касается майских деревьев, то для них подбирали *обязательно березу*. При этом в деревнях могли устанавливать не одно березовое дерево, а несколько, перед домами нескольких хозяев. При нацистах этому обычаю придавали особое звучание как проявлению духа древних германцев. (Замечу, что такой информацией я раньше не располагал.) Основную часть беседы Юля записывала на магнитоленде. Мне очень хотелось взглянуть на коллекцию орудий труда и предметов быта, собранную немецкими этнографами в Ябельхайде в 1956 г. История этого собрания в литературе описана, первоначально хранилась в Лейпцигском Museum für Völkerkunde. Экспонаты в основном сделаны из дерева и находятся в запасниках. До 1960-х годов, когда проводилась коллективизация, ими обрабатывали землю с помощью конной (а как нам уже рассказывали — и коровьей / бычьей) тяги. Как это выглядело, запечатлено на фотографиях, которые нам показали (*Blätter zur Volkskunde und Kulturgeschichte Südwestmecklenburg. Hagenow, 1995. № 1. S.*). Сам по себе этот факт новым для меня не был: я все это видел в военные (находясь в эвакуации в Марийской АССР) и первые послевоенные годы (работая на студенческих стройках сельских электростанций в восточных районах Ленинградской области). Новым для меня явилось осознание, что точно то же было и в воюющей Германии. Поистине простые люди оказываются крайними в преступных играх политиков!

Обсуждали дальнейшие планы, решено выехать в Вендланд 24 октября. Я предварительно созванивался с главным архивариусом в Люхове Юррисом. Чуть забегаая вперед, замечу: с его помощью вопрос о бронировании базового места жилья, причем на несравненно лучших условиях, был решен оперативно — примерно за два часа.

Фотодневник

F-9. В-28 Хагенов. Здания бывшего винокуренного завода. Ныне перешли в ведение городского музея Хагенова (рук. Хенри Гавлик). Внутренний двор музея. Фонды.

F-9. В-29 Хагенов. Здание бывшей ремесленной мастерской. Ныне — фонды городского музея Хагенова.

F-9. В-30 Музей Хагенова. Ухват (Ofengabel) — по преданиям, наиболее популярное средство передвижения ведьм. Хенри Гавлик показывает, как крестьяне пользовались ухватом.

F-9. В-31 Музей Хагенова. Экспозиция, посвященная ремеслу сапожников.

F-9. В-32 Музей Хагенова. Экспозиция, посвященная ткачеству и производству одежды. Ткацкий стан из Ябельхайде, приблизительный возраст 250 лет (1750-е годы), один из немногих представленных в музее экспонатов из исследуемого региона.

F-9. В-33 Музей Хагенова. Экспозиция, посвященная крестьянскому быту — корыто для замеса кислого теста и полка для хранения испеченных хлебов. Предметы также происходят из региона Ябельхайде. Полку вешали в *диле*, и от дыма она почернела.

F-9. В-34 Музей Хагенова. Участники экспедиции: А.С. Мыльников, А.А. Новик, Хайко Бекманн — беседуют с Хенри Гавликом в кафе музея.

F-9. В-35 Хенри Гавлик, руководитель музея, этнограф, краевед.

F-9. В-36 Хагенов. Виды города.

F-9. В-37 Хагенов. Дома на улице Лангештрассе.

17 октября, вторник

Из дневника Мыльников

Ночью чистейшая луна — полнолуние продолжается. С утра погода все та же, золотая осень, разукрашенная красными яблоками на гнущихся под их тяжестью ветвях. Сегодня намечено несколько встреч. Сперва обследуем деревню *Neu Jabel*. **Albrecht**: мать **Ingrid**, дочь **Eva-Maria**. Живут здесь с 1958 г., до этого с 1945 г. — в Ленцене. Отец Эвы родился в этой деревне, мать, кажется, неподалеку. Их родители были крестьянами. При ГДР муж был председателем LPG, умер в 1987 г. У них есть папка с семейными документами, но Ингрид сожалеет, что мало знает об истории семьи и вообще о прошлом. Ее отец был бургомистром и договаривался о размещении советских воинских частей, для чего предоставил принадлежащую ему гостиницу. Сейчас у них три коровы, причем одну будут резать на мясо. Колбасу делают сами, смешивая говядину со свиной: на 1 кг кладут $\frac{3}{4}$ свинины и $\frac{1}{4}$ говядины, если эту пропорцию не соблюдать, колбаса окажется жесткой. Беседа записана на магнитофон.

Еще одна семья *там же*: **Minna Henning** — мать (03.04.1901), ее сыновья **Paul** (1927) и **Günther** (1929) и его жена **Ami**. Дети и невестка родились здесь, а сама она из Силезии. У них была Backofen. Вся беседа записана.

После этого работали в деревне *Woosmer*, где живет столяр **Heini Warnk**. Он — деревенский философ. По его мнению, «старые обычаи удерживаются, пока людям плохо. Когда же им хорошо, то забываются». Он говорил о праздниках. На Рождество устраивали маски — балы, обычно маски были черные. О майском дереве: это обязательно береза. Когда-то ее срубали в лесу и привозили в деревню; потом стали выращивать дерево у себя — обычно около детского сада, и дети украшали дерево на праздники, среди которых особенно выделяет Троицу. Свою родословную знает только до деда, но слышал, что по происхождению их деревня славянская. Что касается самосознания, то оно типично: связано с Мекленбургом и *Griese Gegend*. Беседу мы записывали, но что-то случилось с моим магнитофоном, и основная запись пропала; конец беседы записать удалось. Опасаюсь, что подобные неожиданности появятся в ходе расшифровки и других записей.

Из дневника Ивановой

Сперва мы заезжаем к предполагаемому информанту Хайни Варнку в Воосмер, но его не оказалось дома: дочь сказала, что он страстный охотник и сейчас уехал в лес, и не могли бы мы зайти попозже. Могли бы. Тогда мы направляемся к фрау Эве-Марии Альбрехт, хозяйке дома в Ной Ябеле, где

снимает квартиру наш помощник из Грайфсвальда Хайко Бекманн. Хайко показал свою комнату — довольно просторное помещение, оформленное в современном дизайне и оклеенное яркими обоями в солнечных цветах. Потом хозяйка зовет нас на кухню, где сразу же угощает чаем и кофе с бутербродами. Мы сидим на кухне и ведем беседу. Это не просто кухня — такое помещение в немецком доме называют Wohnküche, т.е. здесь и готовить можно, и обедать, и уютно расположиться в мягком кресле, читая журнал, или даже принять гостей. Здесь необыкновенно уютно в этот утренний час, такое может быть только в немецком доме: на столе горит свеча в форме виноградной грозди, а под заварным чайником из тонкого прозрачного стекла горит чайная свеча, согревая ароматный чай, от которого по столу скользят красно-янтарные блики.

Мы решили расспросить и фрау Ингрид Альбрехт — мать Эвы-Марии. Ее муж умер в 1983 г., именно он строил этот дом в 1926 г. Прадед и прабабка Ингрид жили тоже в Ной Ябеле, а вот предки по материнской линии были из области Ленцена, которая нынче относится к земле Бранденбург. Мать Ингрид родилась в деревне Зеедорф и вышла замуж здесь, в Ной Ябеле. Тогда дом находился немного поодаль, крыша была крыта соломой, как принято на севере. Нынешний дом тоже построен традиционно, и до сих пор все помещения в нем сохранились в неизменном виде.

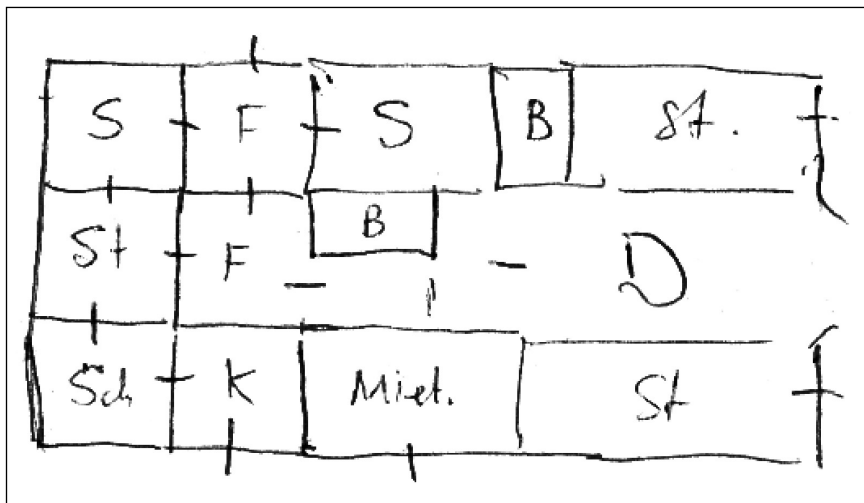
Дочь Ингрид Эва-Мария (родилась в 1958 г.) работает руководителем детского сада в деревне Конов. Рассказывает, что сейчас в Ной Ябеле жизнь не слишком интересная: праздники вместе со всей общиной не отмечают, и вообще деревенская жизнь незаметна. Только во время ежегодно устраиваемого детского праздника Lampionfest (который еще называется Laternenfest. — Ю.И.) встречаются на улицах все члены общины. Этот праздник отмечают осенью, в октябре-ноябре, дети специально готовятся к нему, изготавливают разноцветные бумажные фонарики. В назначенный день поздно вечером детки парами выходят в сопровождении взрослых на улицу, и начинается шествие с фонариками. Праздник восходит к осенним факельным шествиям молодежи, приуроченным к дню святого Мартина (11 ноября), и первоначально отмечался тоже строго 11.11., т.е. в день начала карнавального года. Со временем произошло закономерное ценностное снижение традиции праздничного действия, и в шествиях стали участвовать дети, а факелы заменили на фонари из выдолбленной тыквы, а еще позже — на бумажные.

Эва-Мария родилась уже в Ной Ябеле, но для Ингрид было непривычно многое в Гризе Гегенд. Например, здешняя бедность и от этого экономность, которой она научилась от здешних хозяек: «Ich hab' mich gewöhnt — es gab alles auf dem Tisch: Wurst, Käse, Schinken und alles... Und hier, in Grieser Gegend, ich hab' hier ein sparsames Leben gelernt» («Я привыкла, что на столе

было все: колбаса, сыр, шинка и все... А здесь, в *Гризе Гегенд*, я познала экономную жизнь»).

Ингрид делится с нами некоторыми секретами. Например, корову следует доить только с правой стороны, если подходишь слева, она может ударить. Раньше Альбрехты сами резали скот и делали колбасы. Лучше всего колбаса получается, если на полкило свинины взять 250 г говядины, иначе колбаса будет невкусной. Если положить больше говядины — колбаса получится жесткая. Пожилые опытные женщины из деревни приходили часто и помогали в день забоя скота: *Schlachtfest* — это был всегда большой праздник в доме. Колбасы коптили: разжигали огонь в печи и над ней, совсем наверху, подвешивали готовые колбаски. В доме Альбрехтов и теперь сохраняется коптильная камера, хотя уже и не используется.

План дома Альбрехтов

S = *Stube* (гостиная)

D = *Diele* (диле, сени-двор)

St = *Stall* (хлев)

K = *Kammer* (холодная комната, камора)

F = *Flur* (прихожая, коридор)

Sch = *Scheune* (сарай)

B = *Bad* (санузел)

Miet. = *Mietwohnung* (съемная квартира)

12.25. Наш путь из дома Альбрехтов лежит к следующей информантке, которую рекомендовал пастор Туттас. Это Минна Хеннинг, старейшая прихожанка, и живет она тоже в Ной Ябеле. Минне 99 лет (родилась 3 апреля 1901 г.). Говорит она только на *платт-дойч*, нижненемецком диалекте. Минна почти слепа и плохо передвигается, общаться мы смогли только с помощью ее невестки Ами, жены младшего сына Пауля. Супруги, кстати, живут здесь же. Минна родилась в Тевсвоосе, отец ее родом из соседнего Альт Ябеля, так что она считается коренной жительницей Ябельхайде. Несмотря на почтенный возраст, Минна сохранила ясную память и юмор, и когда она слышит то, что переводит ей Ами своим звонким голосом, то с готовностью долго рассказывает и делится своими воспоминаниями о давно минувших временах. Разговор записан на пленку, но вот некоторые выдержки из него.

На 1 мая ставили в деревне Тевсвоос майское дерево, всегда одно на всю деревню, и это непременно была береза. А вот на Троицу строили беседку из майской зелени — березовых ветвей. Позже стали отмечать Троицу в деревенской таверне. Иванов день (Johannistag) в Тевсвоосе был неизвестен, как не знали здесь раньше и традиции короны урожая в обрядности Праздника урожая (Erntefest) — ее делали и вручали господину только в помещичьих деревнях, каковой Тевсвоос не являлся. В Ябельхайде помещичьи деревни редки, и расположены они только на окраинах региона.

Минна помнит только праздничную благодарственную службу в церкви по поводу окончания уборки урожая (Erntedankgottesdienst) — праздничные процессии тракторов с украшенными прицепами распространились здесь только в 1930-е годы при наци.

На рождество в начале XX в. не было шестивй ряженных. Единственный образ, который она хорошо запомнила с детства — это старуха Olljohrsmudder. Она приходила в последний день года, 31 декабря. Костюм ряженого — лохмотья, старые платья и мешок. Если Olljohrsmudder изображали молодые парни, им наливали выпить, женщины всегда наряжались в белое.

Ряженные всегда были в февральских карнавальных шествиях, которые здесь назывались Faslam. Тогда в деревне, кажется, были распространены шествия молодых парней с деревянными лошадками. Девушки редко участвовали в ряжении, чаще ходили на танцы и так проводили праздники: на танцах девушки не должны были платить. Ряженные должны были пропеть колядки или рассказать стишки, правда, теперь она уже забыла все. Ее сыновья тоже ничего не смогли вспомнить, но все подтвердили, что обычно в последний день года ходили ряженные и выпрашивали у хозяев сладости. В 20-е годы (XX века) в крестьянских деревнях были праздничные процессии во время осенних праздников урожая, говорит Минна, однако ее дети не уверены в этом.

На наш вопрос о народном костюме Мекленбурга, особенно Ябельхайде, Минна отвечает, что здесь никогда не носили оригинального костюма. Всю одежду изготавливали вручную, юбки шили из домотканого полотна — шерсти и льна. Сама Минна всегда одевалась в темное — юбку и блузу. Воскресная, а значит, и праздничная одежда, тоже была обычно темной — черной, коричневой или темно-синей, а повседневные платья могли быть различных цветов, светлых, ярких, пестрых.

Во время святочного двенадцатидневья (*die Zwölften*) соблюдались различные запреты, например, нельзя было вывешивать на улице стираное белье, выгонять скот. На мой вопрос, почему же так, был ответ: «Неизвестно, просто это был обычай».

Как и в других традиционных семьях Ябельхайде, у Хеннингов была своя хлебная печь, которую использовали вплоть до войны, в ней пекли хлеб и сладкие пироги. Другим важным занятием женщин было прядение и ткачество, обычно этим занимались в зимнее время, мужчины в это время плели корзины из еловых корней. *Kierentünnen* — очень распространенный промысел в Северной Германии.

В семье Минны по сей день разговаривают на *плат-дойч*, и даже старший сын Гюнтер, бежавший в свое время из ГДР на запад, не забыл родного диалекта, хотя и местный швабский хорошо освоил.

У Минны два сына — Гюнтер (родился в 1927 г.) и Пауль (1929). Жена Пауля, Ами, которая помогает вести беседу со старшей хозяйкой, родилась в немецкой Силезии, и всю жизнь они с мужем прожили в ГДР. А вот семья старшего сына Гюнтера живет ныне в Южной Германии, в Баден-Вюртемберге, оттуда и его жена. Надо сказать, что братья очень не похожи друг на друга: сказались разные условия жизни. Гюнтер рано эмигрировал на запад, и, несмотря на свое старшинство, выглядит гораздо подтянутее и довольнее; жена его держится надменно, и с ней мы практически не общались. Пауль и Ами проще в общении, тяжкий сельский труд оставил свой след на лице Пауля — в нем сразу можно признать выходца из Восточной Германии. Также заметны различия в манере одеваться: «восточные» Хеннинги одеты просто, по-крестьянски, и их одежда отвечает только критерию удобства. Так всегда, сказали бы мы, одевается старшее поколение, особенно в деревне. Напротив, «западные» Хеннинги следуют моде, одежда их явно качественная, добротная, подобрана со вкусом и явно куплена в престижных магазинах.

Оба сына тоже участвуют в беседе, с интересом вспоминают и дополняют материны рассказы. В их семье раньше был скот — коровы и лошади, земли было 10 га. Лошадей впрягали в плуг, а в тех хозяйствах, что были победнее, пахали на коровах. Жители Ябеля раньше традиционно имели свои пахотные угодья за деревней, но после войны поля были национали-

зированы и превращены в лесные насаждения. Теперь все это — сосновые леса Ябельхайде.

В три часа дня мы направляемся в Воосмер, снова в дом страстного охотника Хайни Варнка, который, может быть, поведаст нам о прошлом своей деревни. Дождаясь условленного времени, мы сидим в единственном местном баре и беседуем с хозяином, я пью любимый Alster, Саша и Александр Сергеевич — пиво.

Итак, в 16 часов мы наконец входим в дом Варнка. Он, действительно, увлеченный охотник и сегодня утром был в лесу на охоте. Кстати, и все стены его прихожей увешаны трофеями — рогами ланей, оленей, многие из которых добыл он сам. Нашими персонами заинтересовались и другие члены семьи, и поэтому в гостиной присутствуют также супруга и дочь Хайни, они что-то дополняют. Хозяин рассказывает нам о своей бабушке, от которой он много слышал в детстве о прошедших временах. Бабушка Хайни Варнка родилась в 1880-е годы и жила до 1958 г.

В Воосмере всегда отмечали праздник урожая — пышно, красиво, с короной урожая и процессией убранных цветами и плодами повозок. Это было всегда — и в 20-е годы, и во время нацистов. Во время двенадцатидневья соблюдали различные табу: нельзя было стирать белье и вешать его на улице. Это поверье мы слышим практически от всех жителей деревень Ябельхайде. На вопрос «почему?» все отвечают по-разному, и многие не могут ответить вообще. Хайни заявил, что это приносит несчастье.

Шествия ряженных в их деревне было принято во время карнавальной недели Faslam, а вот на рождество он помнит только Weihnachtsmann, его изображали деревенские парни, и приходил он на Рождество. В канун Нового года, в Сильвестров вечер, рядились в старуху Olljohrsmudder. Вообще шествия ряженных парней более всего были распространены на карнавальную неделю: ряженные ходили по деревне и выпрашивали яйца и сладости у хозяев, а позднее стали просить и деньги, но это уже было после войны, в 60-е.

Воосмер тоже делился на крестьянскую деревню в центре и бюднерские концы, такое деление сохраняется в памяти местных и сейчас. Если старики о ком-нибудь говорят, то они обязательно укажут, что «он из крестьянской деревни», или «а этот с бюднерского конца» («Hei is ut dei Buerndorp» или соответственно: «Der ist aus dem Büdnerdorf»). И по сей день в деревнях Ябельхайде существует такой обычай: если умирает крестьянин (Bauer), то его хоронят свои, до кладбища гроб несут только крестьяне; если же *бюднер* — то в похоронной процессии задействованы *бюднеры*. Гроб несут всегда восемь человек, которые сменяют друг друга. Такой порядок нарушается, только если не хватает нужного количества *баузров* или *бюднеров*. В немец-

кой деревне гроб никогда не несут до кладбища открытым, его заколачивают уже в доме — раньше в *диле*, где покойник стоял на столе в течение трех дней.

Мы говорим снова о суевериях, связанных со святочным временем. Если в это время в деревне умирает кто-либо, то после него жди еще двенадцать смертей.

В семье принято говорить на диалекте. У Варнка взрослая замужняя дочь, она уже не говорит на *платтдойч* (все-таки школа и телевидение оказывают решающее влияние на язык общения современной молодежи), хотя понимает диалект хорошо. Она знает местные верования, слышала от родителей и бабушки о суеверных запретах, но сама их уже не соблюдает и ничего страшного не видит в том, чтобы постирать в святки и повесить белье сушиться туда, где ей удобнее, даже на улицу. Ее мать к этому уже тоже привыкла, и даже сама так делает.

Мы называем имя второго информанта из Воосмера, к которому нас направил пастор Тутгас — это фрау Цеггель. Оказывается, что это кузина Хайни Варнка, и идти к ней нет смысла: «Если вы будете говорить с ней, она расскажет вам про ту же бабушку». Поэтому мы тоже посчитали это лишним и отправились в Альт Ябель, где была запланирована встреча в обштинном доме с господином Хюльцем.

На встречу с Хюльцем мы опоздали на четверть часа, хоть господин профессор и не может терпеть «славянско-расейской расхлябанности», и упустили информанта. Нашли его дом и пообщались с внучкой, которая сказала, что «дедушка только что уехал куда-то на своем голубом авто». Тогда мы прошли по Альт Ябелю и после коротких переговоров приняли решение, что на сегодня хватит. Поехали домой печь блины: Хайко сегодня последний день с нами, завтра он уезжает обратно в Грайфсвальд, а по сему поводу мы решили устроить прощальный «русский вечер» с продолжением в кабаке в Тевсвоосе, куда Хайко нас пригласил.

Профессор отказался участвовать в вечеринке, он недолюбливает нашего помощника, а мы с Сашей охотно поехали к Ренате Ломницки «Zum Schultenkamp» — это кабак на улице Шультенкамп, 14, на окраине Тевсвооса, который хозяйка уютно называет *Stube*. Кухня в ресторанчике домашняя, незатейливая. Из напитков в основном — пиво, шнапс и ликер «Jägermeister».

Мы славно провели время у Ренате, поболтали с Хайко, я рассказала ему о своих увлечениях походами, и он даже захотел поучаствовать. Мы обменялись адресами и телефонами, и он повез нас домой.

Обратная дорога была странной, как и многое здесь, в Ябельхайде. Между небом и землей висел плотный белый туман ровными полосами. Мы то и дело попадали в его облака. Такое бывает нечасто; говорят, что в тумане

можно попасть в другое измерение... Чем не повод для рождения легенд и историй о привидениях, которыми так богат фольклор Ябельхайде!

Вечером сижу в комнате, записываю умные мысли к диссертации, чтобы не забыть. Итак, какие же итоги можно уже подвести по нашей работе в Ябельхайде.

Первое, мы не ищем славянское в культуре, мы пытаемся выявить региональное своеобразие культуры, причины которого гипотетически могут восходить к длительному сохранению славян.

Второе, собирая рассказы о календарной обрядности региона, нужно учитывать неоднозначное «время наци» — 1930-е годы, когда многое насаждалось властями с определенными целями и не было органичным сохранением традиции, а порой — даже искусственным внедрением чуждых Мекленбургу традиций.

Третье, то, что здесь были венды, очевидно и является неоспоримым фактом прошлого для всех жителей Ябельхайде. Многие из них говорят о вендском происхождении топонимов и фамилий.

Четвертое, многие праздничные традиции сейчас возрождаются вновь.

Пятое, надо учитывать изменения жизни при ГДР и прочитать книгу «Sozialismus auf dem platten Lande» (вышла в 1990-х в шверинском издательстве).

Шестое, особенно важна единичная информация из Воосмера (от Лотты Винке) о шествиях ряженных с белыми лошадками, потому что многие исследователи видят в этом обычае славянские корни.

Седьмое, надо обязательно найти и прочитать диссертацию Кристи Купфер, потому что это последний труд пока, посвященный региону Ябельхайде, это наши предшественники.

И, наконец, последнее — лично проинтервьюировать еще раз Минну Хеннинг, тетю Лотту и Элли Гюнтер. Этим я и займусь в ближайшее время.

Из дневника Новика

Сегодня мы поехали в деревню Воосмер (Woosmer). Мы предварительно узнали фамилии людей, к которым нам нужно зайти, выписали их телефоны, но не успели им позвонить. Нужных людей дома не оказалось. Это еще раз подтверждает тот факт, что обо всех встречах в Германии следует предварительно договариваться. В одном доме мы назначили встречу на более поздний срок и поехали в деревню Ной Ябель (Neu Jabel).

Погода стоит замечательная. Ярко светит солнце, трава зеленая. Тепло. Но листья с деревьев уже всю осыпаются. Я прогуливаюсь в тонкой кофте без куртки. Куртка остается в багажнике машины. Такая теплая

осень в здешних местах — исключение. Только в этом году подобная осень. Местные жители говорят, что в эту пору обычно уже холодно и дождливо.

Дома мы решили всю оставшуюся неделю печь блины — у нас дома накопилось много молока. Однако ничего не вышло. У нас испортилось четыре литра молока. Молоко в пакетах не прокисло, а реально испортилось — стало противным. Таковы издержки современных фабричных продуктов.

Зато вчера мы дома варили джем. Приготовили его из яблок из собственного сада, меда и корицы. Получилось очень вкусно. Джем выходит дешевле делать самим, чем покупать в магазине.

Мы приехали к хозяйке Бекманна, у которой он снимает жилье на время экспедиции. Адрес дома в деревне Ной Ябель следующий: Neustraße, 1. И деревня новая, и улица новая.

Хозяйку зовут Ингрид Альбрехт (Ingrid Albrecht). У нее есть дочь и внук. Дочь зовут Эва-Мария (Eva-Maria). Эва-Мария работает директором детского сада. Ее мать на пенсии.

Дом хозяев был построен в 1926 г. Построил дом муж хозяйки, она позже вышла за него замуж.

Это типичный для Мекленбурга крестьянский дом, который постепенно модернизируют. Сюда Бекманн пригласил нас позвонить от своей хозяйки по телефону. Нас встретила дочь хозяйки, занимавшаяся садовой работой. Сказала, что рада познакомиться с нами, предложила выпить кофе. Мы согласились, и нас отвели в дом. Перед домом большое подворье. Сделан большой газон с травой.

В доме сохраняется старое *диле*. Его еще не перестроили. В *диле* хранится большое количество старых вещей — мебели и домашней утвари. Посередине *диле* стоит большой стол, вокруг множество стульев. По бокам стоят сундуки. В *диле* поддерживается полный порядок. Хозяева сохраняют его в чистоте как реликвию, как элемент старины.

В остальных помещениях дома также сохраняется большое количество старых вещей. Меня пригласили осмотреть второй этаж дома, который постепенно приводят в современный вид. На второй этаж ведет деревянная лестница из сосны. Здесь устроена огромная комната. Она принадлежит внуку. В комнате белые стены, деревянные балки перекрытия, черная мебель и ярко-синие предметы украшения интерьера. В помещении вообще много синих вещей. Очень стильная комната молодого хозяина. В комнате большая шкура (скорее всего медвежья). Стоит велотренажер. Из комнаты выходят три двери. Одна из них ведет на лестницу, другая на лестницу в *диле*, а третья — в пока еще не оборудованное пространство второго этажа, где будет устроена ванная комната и другие помещения.

Второй этаж *diele* — огромное пространство с большой перспективой использования.

Наша беседа с хозяйками проходит на кухне. Это первое помещение, куда нас пригласили всех вместе. Когда мы пришли, пожилая хозяйка мыла полы. Увидев нас, она сразу же прекратила это занятие. Нас пригласили за стол. Вход на кухню сразу с улицы. Кухня небольшая. Пол мозаичный. Панели стен отделаны кафелем белого цвета с тонким бордюром. Далее до потолка идут светлые обои. Потолок оклеен мокрыми обоями белого цвета. Из кухни выходят четыре двери. Входная дверь пластиковая со стеклом (стеклопакет), другие двери деревянные, окрашены белой краской.

Мебель в помещении разноцветная. Сосновый буфет. Сосновый уголок. Деревянный темный стол и такие же стулья. Мойка совмещена с посудомоечной машиной. Сосновый уголок покрыт вязаным белым шарфом. На стенах много полок. Кухонные полочки заняты разными баночками. Много картинок, резных деревянных досок. Висит мешок, в котором хранят хлеб. Это еще одна особенность быта Мекленбурга. На кухне много керамической посуды. Много цветов.

Рядом с мойкой находится маленькая раковина (шириной 40 см) для мытья рук. Стоит маленький холодильник «Siemens». Много всякой кухонной техники. Под потолок висит красивый абажур с противовесом.

На столе стояли две свечи. Когда мы пришли, их сразу же зажгли. Одна свеча сделана в виде красной виноградной грозди. Очень оригинально. Из нее красиво растекается парафин.

Подали бутерброды. Пожилая хозяйка намазала масло на хлеб, предварительно срезав корку с одной стороны. Блюдо с бутербродами украсили несколькими пучками зелени. На стол поставили стеклянный чайник с подставкой со свечой для подогрева. Подали стеклянный молочник, а также кофейник от кофеварки.

Чашки и блюда на столе из белого фарфора с кобальтовым рисунком в виде мельниц и проч. изображений. Сахар *kandis*.

Хозяйки извинялись, что у них нет еды. Мама всегда гостеприимна и выкладывает на стол все, что есть дома. Но теперь они не успели закупить продукты. И мать злилась на дочь, что у них нет достаточно еды, чтобы нормально угостить нас.

Для нас принесли огромную хрустальную пепельницу. Тогда мы закурили.

Когда мы пришли в этот дом, пожилая хозяйка была в брюках, футболке, синей безрукавке и с шарфиком. Дочь работала в саду в футболке, теплой безрукавке и брюках.

После угощения и беседы нас пригласили осмотреть дом. Мы посмотрели почти все помещения. Дом целиком не перестраивался. Просто по оче-

реди осваиваются на новый лад определенные площади. Из кухни можно пройти через ванную комнату в *диле*. На нижнем этаже много комнат с хорошей дорогой мебелью. В комнатах бросается в глаза большое количество горок с посудой. Видно, что женщины не равнодушны к прелестям фарфора и хрустала. Больше всего посуды из белого фарфора с кобальтовой росписью. Это разные сервизы с различными рисунками разных эпох. Видно, что всю эту посуду покупали в течение многих лет по разным поводам, бессистемно. Но при этом предпочтение отдавали посуде из безупречно белого фарфора с кобальтовым рисунком. В доме очень много хрустала. На старом пианино выставлены хрустальные вазы в таком количестве, что это напоминает полки специализированного магазина. В витринах и на полках очень много различных фарфоровых кувшинов, статуэток и прочих вещей.

В доме есть отдельный кабинет. В нем стоит письменный стол, кресло, красивый книжный шкаф.

В коридоре обращает на себя внимание необычный деревянный шкаф с деревянной резной фигурой. Шкаф очень красивый.

На полу в доме много шкур животных. На стенах висят фотографии в рамках. К сожалению, долго осматривать дом мы не могли. У нас был назначен визит.

Хозяйки проводили нас, показав мимоходом свое подворье. У них имеется чулан, в котором собраны сломанные вещи. Здесь можно было бы пожить не одному музею.

Мы подъехали к дому госпожи Хеннинг (Henning). Фрау Хеннинг почти 100 лет. Она живет в деревне Ной Ябель (Neu Jabel). Информантку нам рекомендовали местные жители. Мы предварительно позвонили и договорились о визите. Подъехав к дому, оставили машину на улице и вошли во двор. Когда приблизились к дому, оставили машину на улице и вошли во двор. Когда приблизились к дому, то увидели, что все семейство сидит вокруг большого стола и обедает. Сцена обеда была хорошо видна через стеклянную дверь-окно во всю стену комнаты. В местных крестьянских домах стало модно устанавливать огромный стеклопакет во всю стену. Обычно его делают на месте бывшего входа в *диле*. Огромный стеклопакет служит окном, освещающим большое помещение бывших сеней-двора, а также он имеет входную дверь, через которую попадают в дом.

Мы решили не тревожить информантов и подождать на улице. Затем пошли в дом. Подворье очень хорошо ухожено. Напротив дома стоит постройка с тремя воротами (гаражи?). За оградой на заднем дворе видны куры и другая живность. Перед входом в дом оборудована площадка под навесом. Там лежит ковер, стоят стол, стулья. Много цветов. В такой беседке хорошо отдыхать в теплое время года. Под навесом сложены дрова, сушатся кукуруза и лук.

С улицы вход в дом ведет прямо на кухню. Там нас встретили хозяйка. Оттуда нас пригласили пройти в комнату. Эта комната со стеклянной стеной. Она небольшая. В ней три двери. Посередине стоит стол. Рядом диван, стулья. Пол покрыт линолеумом с рисунком под паркет. Потолок отделан деревянными плитками. Стены оклеены бледно-бежевыми мокрыми обоями. Двери окрашены белой краской. На полу лежит ковер. Перед окном еще один маленький коврик. В углу комнаты стоит маленькая печь. На стене висит в раме большая вышивка — букет цветов в вазе на коричневом фоне. В комнате есть вешалка, на которой висят куртки и головные уборы. На стенах много разных картинок. Висят часы и барометр.

На стене висит в раме фотография дома и подворья, сделанная с вертолета. Несколько лет назад одна фирма провела предварительный опрос местных жителей, кто хотел бы иметь виды своего дома с высоты птичьего полета. Собрав нужные адреса заинтересовавшихся людей, фирма провела аэросъемку местности. Каждый заплативший деньги смог получить снимки своего дома, сделанные с высоты. Снимки стоили дорого, однако многие в округе делали заказы.

Под потолком висит абажур на спиральном шнуре.

Над стеклянной стеной висит тюлевый ламбрекен. В углу стоит корзина для собаки. В комнате много цветов. Помещение многофункциональное. Это и гостиная, и столовая, и прихожая. Такое бывает в немецких домах. Мне это кажется странным, ведь площадь дома позволяет оборудовать разные комнаты по специальному назначению.

Нас пригласили сесть. Диван покрыт зеленым паласом. На нем лежат вышитые подушки. Столетняя дама сидит в вольтеровском кресле. Стол, вокруг которого мы все собрались, покрыт скатертью фабричного производства. Беседа с бабушкой ведется через посредство родственников. Она плохо слышит, да еще говорит на диалекте. Лучше ей понимать своих родных, к голосам которых она привыкла. В доме живут представители нескольких поколений. Беседа получается коллективной. Речь идет о старых временах.

Информанты представляются. Лучше имена и возраст информантов спрашивать не сразу, а спустя какое-то время, в ходе свободной беседы. В противном случае прямые вопросы сразустораживают информантов и сковывают их в ответах, так как беседа получается почти официальной.

Старушку зовут Мина Хеннинг (Mina Henning). Она родилась в 1901 г. При разговоре присутствуют два ее сына: Пауль (Paul) 1927 г.р. и Гюнтер (Günter) 1929 г.р.

Фрау Хеннинг совершенно седая, на голове уложена кичка. На ней сиреневый свитер и зеленый цветастый халат.

Дом, в который мы пришли, был построен в 1921 г. Госпожа Хеннинг рассказала, что во времена ее молодости местное крестьянское население

пряло, ткало, плело корзины. Постепенно на ее памяти эти занятия ушли из быта.

Я обратил внимание на то, что у сына Пауля во рту золотая коронка. Подобное практически нельзя увидеть в Германии. Обычно у немцев всегда белые зубы. Моды на золотые коронки у них нет. И по металлическим зубам скорее можно определить наших бывших соотечественников, переехавших на постоянное место жительства в ФРГ. На территории бывшей ГДР можно, хотя и очень редко, встретить немцев с металлическими коронками и зубами. Это, видно, отголоски тесного сотрудничества медицинских служб и обмена зубоврачебным опытом между бывшими СССР и Восточной Германией.

Семья только что отобедала. Но нам сразу же предложили угощение. Вначале принесли лимонад. Мне предложили пиво. На стол в хрустальной вазе поставили пряники в шоколаде и печенье. Принесли вино и домашний яблочный сок. Позже предложили кофе с бутербродами с колбасой, ветчиной, сыром и паштетом. Для кофе был выставлен сервиз производства «Kahla». Это очень известная марка фарфоровой посуды на территории бывшей Восточной Германии. Во времена социализма фарфор этого завода был вполне доступным. Теперь цены на него стали весьма большими. Из сферы повседневного использования предметы с маркой этого изготовителя перешли в область торжеств и праздников.

Мы смогли осмотреть дом. Ванная комната отделана коричневым кафелем и такого же цвета сантехникой.

После разговора вся семья вышла нас провожать к калитке. Во дворе стоит автомобиль «BMW». Хозяева сказали, что постройка по соседству с домом — позднего времени. Мы очень радушно попрощались.

Приехали в деревню Воосмер (Woosmer). У нас назначена встреча, но приехали раньше времени. Поэтому пошли в пивную (Кнеipe). Во время ГДР в этом здании находился сельский магазин (Konsum). Теперь это частное заведение, в котором под одной крышей объединены магазин и пивная. Заведение очень аккуратное. Зал пивной огромных размеров. Красиво и стильно убран. Все отделано деревом. Мы купили пива и ждали назначенное время. Раньше мы никогда не позволяли себе пить пиво перед походом в чей-то дом. Это не этикетно и может вызвать неодобрение информантов. Теперь мы как-то расслабились. Многие местные жители не считают пиво алкогольным напитком и пьют его свободно в любое время.

После посещения местного увеселительного заведения пришли в дом Хайни Варнка (Heini Warnk). Информант 1933 г.р. У него большой серый дом. Он отличается от других домов в деревне и округе. Дом был построен в 1864 г. Позже его реконструировали и ремонтировали. Хайни Варнк владеет

столярным производством (Tischlerei). На доме висит большой рекламный щит, предлагающий окна и двери, мебель и проч. продукцию.

Сегодня утром хозяин был на охоте. А сейчас, в 16.00, уже ожидал нас. К нашему визиту была готова вся семья.

Дом Варнка хорошо отремонтирован и оборудован. Полы паркетные, паркет выложен квадратными щитами. Потолок обит деревянными квадратными плитками. Сразу видно, что хозяин хорошо разбирается в дереве и имеет к его обработке непосредственное отношение. Стены оклеены светлыми обоями. Полы устланы коврами. Во всем чувствуется достаток. В доме много рогов животных и прочих охотничьих трофеев.

Помещение для приема гостей просторное. Мы сидим в креслах вокруг длинного низкого журнального стола. На нем лежит бежевая салфетка из холста, обшитая широким кружевом. Сверху стоит подставка и бежевая ваза с живыми цветами. Беседа идет с хозяином. Жена и дочь присутствуют при разговоре, слушают.

На стенах висят резные деревянные тарелки. На стене висит небольшой бежевый ковер. Ковры в немецких домах на стенах встречаются редко. Много цветов. В гостиной, помимо батарей, есть печь, дающая хорошее тепло. В комнате стоит подставка с наклоненными бутылками. На полу лежит белая шкура. Под потолком висит люстра на восемь рожков.

Речь идет о сельских праздниках и семейной обрядности. Хозяева проводят разницу между сельским праздником (Dorffest) и праздником урожая (Erntefest). *Дорффест* в каждой деревне свой. Это либо день святого, которому посвящена была кирха, либо определенная дата, традиционно отмечаемая в деревне. А вот *эрнтефест* — это праздник, которым отмечают завершение сбора урожая. Он практически всегда приблизительно выпадает на одни и те же даты в разных деревнях в округе. Нам впервые рассказывают об этой разнице. Для всех остальных информантов эти праздники давно стали почти синонимами.

Никакого угощения нам в доме не предлагали. Семья очень богатая, но слишком экономная. Долгой беседы у нас не получилось.

К 17.00 мы приехали в село Альт Ябель (Alt Jabel) в дом пастора Туттаса. Здесь у нас назначена встреча с человеком, который хотел поговорить с нами на тему местных обычаев и преданий. Но мы опоздали на 15 минут. Человек нас не дождался и уехал. Мы думали, что он еще вернется. Решили подождать, покурили в пасторском саду. Информант не приехал. Обиделся. Мы решили отправиться домой. Все же нужно быть очень пунктуальными. Мы стараемся соблюдать строгие правила приличий, однако разъезды по деревням, дороги и встречи с разными людьми накладывают на нашу работу свой отпечаток. Не всегда можно прервать беседу с информантами и устре-

миться на новую встречу. В дальнейшем этот информант так и не захотел с нами встречаться. Будем более пунктуальными. Но немцы далеко не всегда пунктуальны сами. И это нас несколько расслабляет.

Из Альт Ябеля мы приехали в Лаупин к себе домой. Пекли блины и угощали Хайко Бекманна. Он завтра последний день работает в составе нашей экспедиции. После блинов Бекманн пригласил нас на пиво в пивную в Хоэнвоос (Hohenwoos). Мы приехали в это злачное заведение, о котором у нас остались странные воспоминания, но оно сегодня не работает. Тогда мы через лес в густейшем тумане доехали до деревни Тевсвоос (Tewswoods). В Тевсвоосе никакого тумана уже не было. Это еще раз натолкнуло нас на мысль, что в Хоэнвоосе что-то не «чисто». В пивной Тевсвооса было два посетителя и хозяйка, одетая просто неприлично и нарочито «косящая» под *пупмуттер*, держательницу борделя. Это уже вторая подобная кабатчица в здешних местах.

Фотодневник

F-10. В-1 Ной Ябель. Нойештрассе, 1. Дом семьи Альбрехт. Помещение сеней *diele* практически не перестроено.

F-10. В-2 Ной Ябель. Минна Хеннинг (99 лет) информантка экспедиции.

F-10. В-3 Ной Ябель. Дом и семья Минны Хеннинг в гостиной. Стоят: сыновья Пауль 1927 г.р. и Гюнтер 1929 г.р.; сидят: Минна и ее невестка Ами, жена Пауля. Пауль с семьей прожил всю жизнь в деревне Ной Ябель (эта территория — бывшая ГДР), Гюнтер же бежал в Западную Германию и до сих пор живет с семьей в Баден-Вюртемберге.

F-10. В-4 Ной Ябель. Улица Weg der Zukunft. Дом Минны Хеннинг со двора. На крыльце — Гюнтер Хеннинг.

F-10. В-5 Воосмер. Хайни Варнк, информант экспедиции, с женой у входа в дом.

Расшифровка записи беседы с Ингрид Альбрехт

М y l' n i k o v : Und sagen Sie bitte schön, Frau Ingrid Albrecht, als Sie hierher kamen, haben Sie noch hier die alte z.B. Traditionen gesehen, die Feste oder verschiedene solche... Was erinnern Sie?

I n g r i d : Na ja, wir haben sehr einfach gewohnt, bescheiden. Und so Erntefest, Erntedankfest eigentlich dann haben die Leute zu Abend, die sonst gearbeitet haben, und denn war ein Fest, Erntedankfest. Erntefest, dann waren auch, dann wurden die Wagen geschmückt und und dann gingen die durchs Dorf.

М y l' n i k o v : Waren diese Erntefeste jeden Jahr damals oder nicht jeden Jahr?

I n g r i d : Doch, jedes Jahr.

М y l' n i k o v : Jeden Jahr, ja.

I n g r i d : Jedes Jahr wurde das, aber dann kamen die LPG und es wurde so irgendwie... und nicht mehr so schön. Es waren früher Einzelbauernwagen, dann waren die Erntefeste schöner. Und als dann dies war, gingen manche Bauern gar nicht mehr hin.

М y l' n i k o v : Also, da waren nur schon Mitglieder LPG oder?

I n g r i d : Ja. Da waren... nein, 1959 bin ich gekommen, waren dann die LPG entstanden im... 1962. bitte?

М y l' n i k o v : 1961 oder 1962.

I n g r i d : Ja. Ja.

М y l' n i k o v : Ich glaube so.

I n g r i d : Und dann waren wir erst Typ 1. Denn hatten wir noch das Vieh, das hatten wir noch privat, die Kühe, die Schweine hatten wir noch privat. Aber den Acker nicht mehr. An dem mussten wir für unser Vieh mussten wir Naturalien besorgen. Gingen wir zu Kolchos arbeiten, dann hatten wir Getreide, kriegten wir so und soviel Getreide, eine Einheit Zentner voll. Und dann konnten wir unser Vieh füttern. Ja, dann in Kolchos nur für Naturalien gearbeitet, nicht für Geld. Geld machten wir dann von unserem Vieh noch, Typ 1. Und nachher wurde dann noch Typ 3. und dann kriegte jeder Mitglied, durfte nur eine Kuh halten.

М y l' n i k o v : Aber LPG jetzt nennt Genossenschaft, ja?

I n g r i d : Genossenschaft, ja.

М y l' n i k o v : Waren Sie auch Mitglied der Genossenschaft oder nicht?

I n g r i d : Ja. Ich war... mein Mann war der LPG-Vorsitzender, der hatte ja studiert. In Rostock. Ja.

М y l' n i k o v : Wann war er gestorben?

I n g r i d : Tja... 1983. Meine Schwiegermutter hat immer geschimpft, dass er LPG-Vorsitzender gemacht hat. Denn er hatte dadurch auch sehr viel Sorgen.

М y l' n i k o v : Nu ja, ja.

I n g r i d : Ja.

M y l' n i k o v : Und ja, also, wie ich verstand, diese Feste waren später am meisten Teil nur für Mitglieder LPG?

I n g r i d : Ja.

M y l' n i k o v : Und andere?

I n g r i d : Durften auch hin. Ja. Durften auch hin. Die haben ja auch teil in der Ernte manchmal die Rolle gespielt. Ne? Und mein Mann, der hatte dann so mehr erzählt.

M y l' n i k o v : Nun, leider es ist unmöglich.

I n g r i d : Er war eingewohnt hier. Jetzt hatte man schon ä... teilen können.

M y l' n i k o v : Vielleicht gibt es irgendeine Papiere von ihm geblieben, vielleicht sammelte er die Urkunden oder verschiedene Materialien, Geschichte von Alt Jabel? Nein?

I n g r i d : Urkunden, Urkunden hatte er, ja. Aber die wollen Sie nicht, ne? Die Urkunde des Dorfes hat er keine bekommen, nein.

M y l' n i k o v : Ach, so! So verschwindet die Erinnerung.

I n g r i d : Ja. Und ich denke mal, die Kolchosen hat den Männern doch auch ganz schön Schaden gemacht, die sind alle früher gestorben. Wir haben auch viel Ärger gehabt, sehr viel Ärger. Denn die Häusler dort, die hatten nur zwei Kühe gehabt früher und auch mitgefeiert. Aber nur durch die LPG, durch die Kolchose <...> den kleinen Leuten. Und dann hatte mein Mann ganz schön Ärger gehabt.

M y l' n i k o v : Ja, ich habe gehört, dass manche Mitglieder lebten sehr gut, und hatten Geld verdient und

I n g r i d : Ja, wenn vier Mitglieder waren, wenn in der Familie drei-vier Mitglieder waren, die bekamen ja viel Naturalien, und dann konnten sie ja viel Vieh füttern. Und die Milch kostete 1 Mark 80 [Pf] pro Liter. Und die holten 5000 Mark.

M y l' n i k o v : Nu ja, ja. Also, heute haben Sie zwei Kühe, ja?

I n g r i d : Heute haben wir gar keine mehr.

M y l' n i k o v : Ah, gar keine...

I n g r i d : Wir hatten eine arme Kuh, die Futter abfrisst. Und die bekam kein Kalb. Da brauchen wir gar nicht mehr melken.

{Die Aufnahme wird unterbrochen}

{Lärm von der Küche, es klingelt das Teegeschirr}

M y l' n i k o v : Sehr interessant.

I n g r i d : Hier haben wir noch Bilder zu Hause. Sie befassen sich mit den Wenden, mit den Slawen, ja?

{Запись прервана}

{Конец интервью}

Расшифровка записи беседы с Минной Хеннинг

- Мыл'ников : Frau Henning, ich möchte Sie von allen uns herzlich begrüßen.
Ами Хеннинг : Sie begrüßen dich ganz herzlich, hier!
Минна Хеннинг : Ja, ich verstehe jo nich...
Ами Хеннинг : Ich werde das immer erzählen.
Минна Хеннинг : Ach so! Ja! {lacht}
Ами Хеннинг : Ja!
Мыл'ников : Wir interessieren uns an alte Bräuche in Ihrem Dorf.
Ами Хеннинг : Sie möchten gerne wissen, was hier früher so für Bräuche waren, zu deiner Zeit, zu deiner Jugendzeit so, ne?
Paul Хеннинг : {сын Минны, муж Ами} So in den 20-er Jahren, ne?
Минна Хеннинг : Da war der Krieg. Ja.
Paul Хеннинг : Aber zwanziger Jahre noch nicht.
Минна Хеннинг : Da wuur de Seelandsfier.
Ами Хеннинг : Wa?
Минна Хеннинг : Sehlandsfier, da wurd immer Wett maakt.
Ами Хеннинг : Seelandsfeier war denn,
Paul Хеннинг : früher war das, vor dem ersten Weltkrieg
Минна Хеннинг : Für See für das Segeln west, det wer nicht lang west.
Ами Хеннинг : Hier?
Минна Хеннинг : Nee!
Paul Хеннинг : Tewswoods.
Минна Хеннинг : In der Nähe.
Paul Хеннинг : 1932?
Минна Хеннинг : Nee!
Ами Хеннинг : Dreißiger?
Минна Хеннинг : Ja und nachher so kommt der...
Paul Хеннинг : 1932–1933 wurde es vorbei, das weiß ich ja.
Ами Хеннинг : Na ja, und der Sehlandsfeier der war da, auf dem Hof?
Минна Хеннинг : Nee, der war da...
Paul Хеннинг : In Tewswoods.
Ами Хеннинг : Das war so ein Stück Land.
Минна Хеннинг : Ja, weer ein Stück Land, ja, und denn wüer moakt.
Мыл'ников : Und fragen Sie bitte schön, die Vorfahrer von Frau Henning wohnten auch hier? Oder kamen aus anderen Ländern?
Paul Хеннинг : Nee, nee.
Ами Хеннинг : Nee. Sie kamen von Tewswoods, und... Und ihre Mutter kommt von Loosen.
Paul Хеннинг : Die kommt von Loosen.

A m i H e n n i n g : Die waren immer in Tewswoods, dein Vater? Dein Vater, der war immer in Tewswoods.

M i n n a H e n n i n g : Nee, de stammt von Ol Jabel.

P a u l H e n n i n g : Von Alt Jabel.

M y l ' n i k o v : Alt Jabel.

M i n n a H e n n i n g : Von Alt Jabel stammt.

P a u l H e n n i n g : Alt Jabel, neben der Schule war das Haus. Es war die Schule in Alt Jabel und neben der Schule war das Haus.

M y l ' n i k o v : Sagen Sie bitte, wie hat man Weihnachten damals gefeiert?

A m i H e n n i n g : Wie habt ihr Weihnachten gefeiert? Zu deiner Kindheit so?

M i n n a H e n n i n g : Winachten?

A m i H e n n i n g : Ja.

M i n n a H e n n i n g : Tja... {lacht} Beschert und Tannenboom schmückt. Det weer reich geschmückt, tun wir alle uns an. Ja.

A m i H e n n i n g : Versteht gar nicht, ne?

P a u l H e n n i n g : Das war meistens alles selbst gemacht, zu der Zeit gab es auch kein elektrisches Licht, das war alles zu tun...

M i n n a H e n n i n g : Denn hab ik en Weihjung und Papppuppe, ja... Und dann wüerd sei owerupricht.

P a u l H e n n i n g : Also, es wurde jedes Jahr wieder neu angezogen, die Puppen, die sie hatten als Kinder, die wurden jedes Jahr wieder zu Weihnachten neu angezogen, also neues Kleid...

M y l ' n i k o v : Und Fasttag?

I v a n o v a : Faslam.

P a u l H e n n i n g : Faslam wurde hier auch immer gefeiert.

A m i H e n n i n g : Ja.

M y l ' n i k o v : Fastnacht.

A m i H e n n i n g : Faslam wurde auch immer gefeiert in Tewswoods, ne? Faslam!

M i n n a H e n n i n g : Ja, Faslam weer groß fiert. Zwei Daag. Ja.

M y l ' n i k o v : Wie hat man es gefeiert?

M i n n a H e n n i n g : Dei moast hauptsächlich Männer, die nicht füler werden... *spricht platt*.

A m i H e n n i n g : und nächsten Tag?

M i n n a H e n n i n g : Nächsten Tag kümmern oles. Ja. Dee weer de Kassis für de Domen.

A m i H e n n i n g : Für die Damen, aha, die müssten bezahlen. Und die Männer nicht?

P a u l H e n n i n g : Die Männer mussten bezahlen?!

M i n n a H e n n i n g :

A m i H e n n i n g : Da gab's so eine Versicherung, wo sie alle da waren, die Kuh hatten, ne? Und dann gab's extra ein Ball, Kuhball.

M y l ' n i k o v : Kuhball?

I v a n o v a : Und was war sonst so üblich?

P a u l H e n n i n g : Ja, so in Dorfgemeinschaft war es, waren sie versichert früher, gab's so 'ne Versicherung, also wenn eine Kuh gestorben ist und so wurde das immer eingezahlt. Und die haben dann auch jedes Jahr ein Ball gemacht.

I v a n o v a : {zu Paul Henning} Und hat Ihre Mutter Ihnen erzählt, was sie noch von ihren jungen Jahren so weiß?

P a u l H e n n i n g : Ja... Das hat sie auch so schon erzählt, dass sie wissen.

I v a n o v a : Und was war für Weihnachten üblich?

M i n n a H e n n i n g : Det hew'n wir ook fiert...

P a u l H e n n i n g : Was wurde gegessen?

M y l ' n i k o v : Ein Moment.

A m i H e n n i n g : Was habt ihr dann gegessen Abend?

M i n n a H e n n i n g : In Hus?

A m i H e n n i n g : Ja. Heiligabend.

M i n n a H e n n i n g : Heiligabend haben wir immer warm Geem eten.

A m i H e n n i n g : Was heißt Geem?

M i n n a H e n n i n g : Grünkohl und Isbein.

A m i H e n n i n g : Eisbein! {lacht}

P a u l H e n n i n g : Grünkohl.

A m i H e n n i n g : Wurde auch geschlachtet zu Weihnachten.

I v a n o v a : Und wie war das? War das ein Schlachtfest oder es wurde einfach für Weihnachten geschlachtet?

P a u l H e n n i n g : Ja, vor Weihnachten wurde immer ein Schwein geschlachtet, ja. Das war auch schon ein Schlachtfest. Ja, sicher, ein Schlachtfest.

I v a n o v a : Also, ein extra Fest.

P a u l H e n n i n g : Ja. Und Fleisch wurde dann zu Weihnachten eingepögelt dann schon und das hat alles nicht gegeben, das war nix, wurde alles geräuchert, dort auf dem großen Räucherhof war das ganze Dorf war hier geräuchert. In Tewswos.

G ü n t h e r H e n n i n g : Die haben Stroh gekriegt.

P a u l H e n n i n g : Die haben erst...

G ü n t h e r H e n n i n g : Nee, nee, dies war viel später.

P a u l H e n n i n g : Das war in den 30-er Jahren. Im alten Haus gewohnt, und dann wurde am Sonntag die gute Stube mit Stroh...

I v a n o v a : Wann war das, in den 30-er?

P a u l H e n n i n g : Ja, ja in den 30-er.

I v a n o v a : Wir möchten aber lieber hören, was vor den 30-er war.

G ü n t h e r H e n n i n g : Ja! {lacht}.

A m i H e n n i n g : Nee, sie versteht ja nicht. Was vor den 30-er Jahren so war? Na, seid ihr da zum Tanzen gegangen oder? Vor den 30-er Jahren.

M i n n a H e n n i n g : Vor den 30-er Jahren...?

A m i H e n n i n g : Na ja.

P a u l H e n n i n g : Ja.

A m i H e n n i n g : Als du in der Schule warst so, ne?

G ü n t h e r H e n n i n g : Da war der Krieg denn.

M i n n a H e n n i n g : So gewöhnlich... gewöhnlich gar nix. Hier war ja nix.

P a u l H e n n i n g : Und nach dem Krieg?

A m i H e n n i n g : Und nach dem Krieg? Nach dem Krieg?

G ü n t h e r H e n n i n g : Nach dem ersten Weltkrieg?

M i n n a H e n n i n g : Ja, nach dem Krieg... de groß Fier. *Spricht platt.*

A m i H e n n i n g : ...ihr Mann und ihr Bruder.

P a u l H e n n i n g : Und der Opa. Die haben hier gemeinsam gegründet in Neu Jabel.

A m i H e n n i n g : Die Schwiegermutter ist ganz jung gestorben. 35. Da war der Opa und die zwei jüngsten alleine. Ich sag' deine Schwiegermutter ist ja früh gestorben!

M i n n a H e n n i n g : Is früh storben. *Spricht platt.*

A m i H e n n i n g : Na ja, dann habt ihr drei gewirtschaftet hier. Drei Männer.

M i n n a H e n n i n g : Die drei.

M y l ' n i k o v : Und wie hat man Ostern gefeiert?

A m i H e n n i n g : Ostern war denn nix besonderes. Ostern habt ihr nicht extra gefeiert so?

M i n n a H e n n i n g : Nee...

A m i H e n n i n g : Kam der Osterhase.

G ü n t h e r H e n n i n g *lacht.*

M i n n a H e n n i n g : Ja. Der Osterhase war nachher... ja. Musik ja immer... ja...

G ü n t h e r H e n n i n g : Osterhase ist so was, ja...

M i n n a H e n n i n g : *spricht platt.*

M y l ' n i k o v : Und erinnert die Frau... erinnert die Frau... über die Sitten über Maibaum?

A m i H e n n i n g : Hat's den Maibaum gegeben zu der Zeit?

M i n n a H e n n i n g : Ja.

M y l ' n i k o v : Und wann?

M i n n a H e n n i n g : *spricht platt.*

A m i H e n n i n g : Wie du Kind warst schon?

M i n n a H e n n i n g : Ja, wie ich Kind war, ja.

M y l ' n i k o v : Ein Maibaum oder einige im Dorf?

A m i H e n n i n g : Nee, einer, einer und dann bei der Gastwirtschaft.
 G ü n t h e r H e n n i n g : Und noch die Lauben, ne?
 A m i H e n n i n g : War denn noch mehr Lauben so?
 M i n n a H e n n i n g : Nee.
 A m i H e n n i n g : Eine.
 M i n n a H e n n i n g : Eine. Die Gastwirtschaft.
 A m i H e n n i n g : Mit Birkengrün oder wie war die Laube?
 M i n n a H e n n i n g : Mit Birke, ja... *spricht platt*.
 M y l ' n i k o v : Wie lange stand der Maibaum, wie lange stand?
 A m i H e n n i n g : Wie lange hat der Maibaum gestanden, den ganzen Mai durch?
 M i n n a H e n n i n g : Nee, das long nich, drei Dage worden. Denn is de Laub wegräumen worden.
 A m i H e n n i n g : Nicht den ganzen Mai?
 G ü n t h e r H e n n i n g : Wenn 's trocken war, wenn das Grüne trocken war, dann wurd' sie weggemacht.
 M y l ' n i k o v : Und Pfingsten hat man gefeiert?
 A m i H e n n i n g : Und Pfingsten?
 M i n n a H e n n i n g : Det het mon ook grod moakt.
 A m i H e n n i n g : Mit Linden, ne? Mit Linden?!
 M i n n a H e n n i n g : Nee. Ook met Maigrün. *Spricht platt*. Hett ik ook as Kind moakt. Groden Boam, groden Twig.
 P a u l H e n n i n g : Da ging von seiner Tür, die Haustür und die Dielentüren meistens geschmückt mit Grün. Und dann sind die 'rumgezogen im Ort.
 M y l ' n i k o v : Das ist am Pfingsten?
 G ü n t h e r H e n n i n g : Ja. Pfingsten.
 M y l ' n i k o v : Und hat man solche Lauben gemacht?
 P a u l H e n n i n g : Nee, da, in Tewswos weiß ich nicht.
 G ü n t h e r H e n n i n g : Hier auch nicht. Ja, in Leussow und... da ist anders gewesen.
 A m i H e n n i n g : Das ist meist verschieden.
 P a u l H e n n i n g : Ja, ja.
 A m i H e n n i n g : Lauben habt ihr zu Pfingsten nicht gebaut? Lauben?!
 P a u l H e n n i n g : Nee, nicht so wie zum 1. Mai, nicht.
 M i n n a H e n n i n g : Nee, wir hem dei Loben moakt vor, is ja nicht zu Pinngsten, is zum 1. Mai.
 A m i H e n n i n g : Erst ist das zum Ersten Mai?
 M i n n a H e n n i n g : Ja.
 A m i H e n n i n g : Das wäre wohl so sein.
 M y l ' n i k o v : Ich möchte nur noch... in welchem Dorf war es?
 P a u l H e n n i n g : Tewswos.

M y l ' n i k o v : Tewswoos?
 P a u l H e n n i n g : Ja.
 A m i H e n n i n g : Das Haus steht da noch. Elternhaus.
 M y l ' n i k o v : Und hat man in diesem Dorf Johannistag gefeiert?
 A m i H e n n i n g : Johannisfeuer habt ihr auch gemacht oder?
 M y l ' n i k o v : Johannistag.
 A m i H e n n i n g : Johannis?!
 G ü n t h e r H e n n i n g : Johannistag, ist doch 22. Juni oder ?
 P a u l H e n n i n g : Nee, 24. Juni ist es.
 M y l ' n i k o v : Ja, ja.
 A m i H e n n i n g : Im Juni? Nee...
 P a u l H e n n i n g : Am 24. Juni.
 A m i H e n n i n g : Feuer oder sowas haben sie nicht gemacht.
 P a u l H e n n i n g : Die Sonnenwende ist das, ja?
 M y l ' n i k o v : Ja, ja, Sonnenwende.
 P a u l H e n n i n g : Die Sonnenwende.
 A m i H e n n i n g : Nee, dieses Fest ist sowas vor ´m Krieg. Da war die Schlacht bei Seedam. Da war der Sieg, das sie dann immer wieder gefeiert haben, ne?
 G ü n t h e r H e n n i n g : Und Sonnenwend?
 A m i H e n n i n g : Ne, erst zu der Martin-zeit. Kommen Sie ´rein! Setzen Sie sich doch!
 M y l ' n i k o v : Und erinnert Frau Henning etwas über Umkleidung zum Beispiel? Während diese Fest, an Weihnachten, an Ostern oder an andere? Umkleidung, ja. Solche verschiedene Masken und so...
 A m i H e n n i n g : Habt ihr euch verkleidet auch zum Maskenball oder?
 M i n n a H e n n i n g : Jo, Maskenball...
 A m i H e n n i n g : Oder Olljoorsmudder?
 M i n n a H e n n i n g : Olljoorsmudder dat is...
 P a u l H e n n i n g : Silvester.
 M i n n a H e n n i n g : Aber Maskenball heb m wi hett. Ja...
 A m i H e n n i n g : Und habt ihr da auch verkleidet?
 M i n n a H e n n i n g : Jo.
 A m i H e n n i n g : Du auch?
 M i n n a H e n n i n g : Ich auch. Ik hew ein Kostüm von Frau Vogt. In Oll Jabel.
Spricht platt.
 M y l ' n i k o v : Ist diese Tracht noch geblieben?
 A m i H e n n i n g : Bitte?
 M y l ' n i k o v : Diese Tracht ist noch geblieben?
 A m i H e n n i n g : Nee.
 M y l ' n i k o v : Nein?

A m i H e n n i n g : Da war sie aus der Schule gekommen.

P a u l H e n n i n g : Ja, so 1914–15 da.

M y l ' n i k o v : Ja, aber alles kann sein, manchmal... bewahrt man diese Sachen.

A m i H e n n i n g : Ja!

B e c k m a n n : Gab es die Leute, die sich zu Weihnachten oder zum Neujahr irgendwie verkleidet haben?

P a u l H e n n i n g : Ja, die gab's ja. Zu Silvester, ne? Ruklass. Julklass. Wir nicht. *{beide Brüder lachen}*.

A m i H e n n i n g : Zu Silvester haben sie sich denn verkleidet?

P a u l H e n n i n g : Zu Weihnachten und Neujahr. So, Julklass.

M i n n a H e n n i n g : Nee...

A m i H e n n i n g : Olljoorsmudder nich?

P a u l H e n n i n g : Olljoorsmudder?

M i n n a H e n n i n g : «Olljoorsmudder mit de Aschersack, gib mi poor Apel ap» — Wir hem secht und ümmer ein poor Apel kriegt.

A m i H e n n i n g : Ja, siehst du, das meine ich, ja.

M i n n a H e n n i n g : Ah, das war Fru, das war von Vater Tante, und nu Feste fiert, dat het die Jung' tan. Ja...

M y l ' n i k o v : Fragen Sie, und hat Frau Henning irgendwie solche Wort gehört «PES»? PES, das bedeutet «Hund» an wendische Sprache. Hat sie nicht gehört, nein?

A m i H e n n i n g : Die haben nur Plattdeutsch gesprochen hier.

M y l ' n i k o v : Aha...

A m i H e n n i n g : Gar kein Hochdeutsch.

M y l ' n i k o v : Fragen Sie doch! Hat sie das Wort «Pes»: p, e, s, pes gehört?

A m i H e n n i n g : Hast du hier mal das Wort «Pes» gehört?

M i n n a H e n n i n g : Bes?

B e c k m a n n : Fragen Sie einfach, wie hier Hund genannt wurde. Wie sie Hunde genannt hat.

M i n n a H e n n i n g : Hab i' nicht verstanden.

A m i H e n n i n g : «Hund» habt ihr immer gesagt zum Hund? War immer ein Hund?

M i n n a H e n n i n g : Ja, ein Hund.

A m i H e n n i n g : War immer ein Hund. *lacht*

M y l ' n i k o v : *lacht*

I v a n o v a : Und was war mit den Erntebräuchen?

M i n n a H e n n i n g : In dem Hus hetten wi' ein Hund.

A m i H e n n i n g : Erntefeste meint sie, Erntebräuche oder was? Erntefest wurde auch gefeiert, ne?

M i n n a H e n n i n g : Erntefeste?

A m i H e n n i n g : Ja!

M i n n a H e n n i n g : Kon ik mich gor nich so denk'n...
 P a u l H e n n i n g : Nee?
 A m i H e n n i n g : Wurde da eine Erntekrone gebunden?
 M i n n a H e n n i n g : Det ist Sperisk in Oll Jabel Erntekrone bund'n word'n.
 G ü n t h e r H e n n i n g : Es war die Erntekrone auf den großen Gütern und so weiter und die Erntekrone war für die Arbeiter... und denn ist Abschluß denn.
 P a u l H e n n i n g : ...wurde gemacht für den Herrn...
 G ü n t h e r H e n n i n g : ...es waren Sommerarbeiten und alles zusammen haben...nun waren die zu Ende...
 M i n n a H e n n i n g : *spricht platt*
 A m i H e n n i n g : Und dann war die Erntekrone drauf oder was?
 M i n n a H e n n i n g : Ich sech, bei de Erntekrone, det ko nich ja west.
Spricht platt.
 B e c k m a n n : Wie war das jetzt? hab ich nicht verstanden.
 A m i H e n n i n g : Das war das später mit der Erntekrone, das einer vom Häuslerende mit Kühen gefahren und hat die Erntekrone drum. Aber ist gar nicht bis hier langgekommen, ist schon eher umgedreht.
 P a u l H e n n i n g : Ja, und mit den Wagen, da war alles der Sandweg, und die gingen zu dem Haus, die waren auch sehr musikalisch, früher, der eine konnte Saxophon spielen, der andere Klavier und... so was haben wir denn auch früher gespielt und — ach! Unser Großvater hier auch — der war auch...
 G ü n t h e r H e n n i n g : ...so sag' ma' Musiksohn. Der konnte mal, die Birkenrinde was geschnitzt, hat der alles gespielt bloß.
 M i n n a H e n n i n g : Ja! *Spricht platt.*
 G ü n t h e r H e n n i n g : Ist er 1933 gestorben?
 P a u l H e n n i n g : Ja, das war ja nachher alles... später, das war wohl, das war ja... 1934. Oder so.
 A m i H e n n i n g : Das war 1934 oder so, später.
 M i n n a H e n n i n g : Jo!
 I v a n o v a : Und in den zwanziger feierte man nicht die Erntefeste?
 G ü n t h e r H e n n i n g : Nee... Glaube ich nicht...
 A m i H e n n i n g : So, in den zwanziger Jahren war hier Erntefest?
 M i n n a H e n n i n g : *spricht platt.*
 A m i H e n n i n g : Soll ich Ihnen etwas anbieten zu trinken?
 P a u l H e n n i n g : Möchten Sie gerne was trinken? Saft, Selters? Ja, wenn Sie möchten — gerne!
 B e c k m a n n : Ich würde Saft nehmen.
 P a u l H e n n i n g : Ja, sicher.
 M y l ' n i k o v : Und was erinnert Frau Henning über Eier, die man farbt? Verschiedene Zeichnisse auf die Eier oder...

A m i H e n n i n g : Zu Ostern?

M y l ' n i k o v : Ja, ja. Zu Ostern. Oder etwas anderes.

A m i H e n n i n g : Habt ihr Ostern auch die Eier gefärbt? Oder bemahlt?

M i n n a H e n n i n g : Ostern?.. Bemooht... nöö...

P a u l H e n n i n g : Oder ein Bier lieber?

M y l ' n i k o v : Im Wendland hat man damals die Eier auch nicht gefarbt. Jetzt macht man für Touristen, ja.

A m i H e n n i n g : Ja...

M y l ' n i k o v : Verschiedene Ornamenten und so weiter. Aber früher war es nicht.

P a u l H e n n i n g : Also, bei uns...

M y l ' n i k o v : auch nicht?

P a u l H e n n i n g : ...hier war es nicht. Hat man weder gefärbt noch angemalt und das alles...

A m i H e n n i n g : Das ist doch in der Lausitz doll mit den Eiern, ne? Mit den bunten Eiern.

M y l ' n i k o v : Da ist es, ja.

A m i H e n n i n g : Ja...

M y l ' n i k o v : Da ist es. Ja, ja...

A m i H e n n i n g : Die Sorben, die können dat so. Was wollen Sie denn trinken?

M y l ' n i k o v : Wahrscheinlich Saft.

A m i H e n n i n g : Ja.

M y l ' n i k o v : Aber nicht sauer. Süß, sauer kann ich nicht.

A m i H e n n i n g : Ja. Uhu...

M y l ' n i k o v : Und fragen Sie noch folgendes: welchen seiner Vorfahrer erinnert Frau Henning? Sehen Sie, also, wie lange sie diese Erinnerung, wie weit, wen sie, Vater und Großvater, zum Beispiel Urgroßvater und so weiter.

A m i H e n n i n g : Kannst du dich an deinen Großvater erinnern? An deinen Großvater?! Hast du den noch gekannt?!

M i n n a H e n n i n g : Nee. Der war früh storben...

A m i H e n n i n g : Urgroßvater auch nicht?

M i n n a H e n n i n g : Nee, nee... Der Großvater der kam von Tewswos und hat die Leussowerin zur Frau genommen und Haus in Belsch. Uns Großmudder ist früh storben...

P a u l H e n n i n g : Was wollen Sie trinken, Bier?

M y l ' n i k o v : Besser Saft.

G ü n t h e r H e n n i n g : Oder Schluck Wein? oder lieber reinen Saft? Reinsaft trinken?

M y l ' n i k o v : Ja, besser Reinsaft. Aber bitte schön, nicht sauer, süsser.

{Затись прервана}

Paul Henning : ...das grösste Fest hier.

Minna Henning : Das grösste Fest?..

Paul Henning : Ja. Wa, Faslam wär' ne?

Ami Henning : Wihnachten, ni' wa'?

Minna Henning : Erntefest war so...ja... Det is dat grösste.

Günther Henning : Erntedankfest?

Paul Henning : Ja. Nach dem ersten Weltkrieg erst. Vor dem ersten Weltkrieg denn ? Oder nur nach?

Minna Henning : Ja...Das neue war auch nach. Ja. Also, als ich zur Schol kam, der war noch ümmer auf dem Boden, es war Korn und Fleisch und wie Bones, mussten wi kleine Käken, äder so wat auch bringen, und ik hol den Buden... ja.

Paul Henning : Wo ist der hing'kommen?

Minna Henning : Det wer ook verköft. Denn wi hem nix ma' haft. Hei konnt nicht ohn krecht. Denn hei hett ok Landwirtschaft. Hat Recht und Land. *Spricht weiter mit dem Sohn Paul platt.*

Paul Henning : Dat wor wohl zu spät, weißt du, die wollen was von früher wissen. Und der Erntedankfest, der ist von 1930-er.

Minna Henning : Ja, oh. Ist ein Gesetzfest.

Paul Henning : Nee, Gesetzfest ist er nicht.

Günther Henning : Ne, nee, es war so 'n altgebener, alter Fest, aber musste auch hingbracht werden. Früher musste auch irgendwie bezahlt werden. Und früher so was hat es nicht gegeben. Also, hat jeder hingbracht, was er musste nach seinem Acker, und je grösser der Acker war, desto mehr musste sein Teil zum Beitrag sein. Und Geld hat es ja früher nicht gegeben, das war ja wenig, das Geld was bedeutete. Das war ja alles... minimal.

Beckmann : Hat Ihre Mutter noch selbst gewebt?

Paul Henning : Ja.

Günther Henning : Noch nach dem Krieg wurde hier noch gewebt.

Ami Henning : Und später noch.

Paul Henning : Ja. Hier wurde Webstuhl gestellt. Nachdem Opa gestorben ist, dann stand der Webstuhl hier und wurde noch gewebt.

{Запись прервана}

Paul : Das waren überwiegend junge Männer...

Günther : Ja.

Paul : Und wir mussten natürlich irgendwas zu trinken geben oder so was gab's...Und wenn sie eine Mark kriegten, haben sie sich auch sehr gefreut. Sie gingen 'rum von Haus zu Haus, sind dann nachher in Dorfklub gegangen...

Beckmann : Am letzten Tag des Jahres?

Günther : Ja, am letzten Tag des Jahres.

Beckmann : Was haben sie dann für Sprüche aufgesagt?

G ü n t h e r : Das haben sie auch. Ja, auch gesagt haben sie...

P a u l : Irgendsowas wie Olljoorsmudder... Also, ich kann das auch nicht mehr so sagen...

G ü n t h e r : Das war alles nach dem Krieg wieder?

P a u l : Nein!

G ü n t h e r : Das war vor dem Krieg alles?

P a u l : Das war ja alles vor dem Krieg. Das ist so in den 20-er Jahren, das ist so denn so gewesen. Aber genau was sie so aufgesagt haben, weiß ich auch gar nicht mehr.

B e c k m a n n : Wie nannten sie die? Olljoorsmutter oder wie?

P a u l : Olljoorsmudder. Olljoorsmudder.

B e c k m a n n : Am letzten Tag des Jahres war sie?

P a u l : Ja, ab Weihnachten geht es schon los.

B e c k m a n n : Und wir haben nämlich gehört, wie es zum Beispiel in Woosmer auch so... so was ähnliches zum Weihnachten gab, auch hier waren die Weißverkleideten mit den weißen Holzpferden sind sie ´rumgezogen. Das muss auch wiederum nach Polen hingegangen sein.

G ü n t h e r : Ja, ja.

B e c k m a n n : Aber hier ist es nicht so gewesen?

P a u l : Nee, nee. Neu Jabel ist erst 1819 entstanden, hier sind ja praktisch von allen Orten zusammengezogen und in der Nähe hergesiedelt.

M y l ´ n i k o v : 18...

P a u l : 1819 ist hier Neu Jabel erst gegründet worden. Früher war das alles Elbbruch, da wurde es hier erst gewirtschaftet, in der Ecke hier, so nun wurde es nur eine Gemeinschaftsfläche von Alt Jabel und Tewswos und so... Da haben die ihre Kühe gehütet, Bruch war das früher hier. Elbbruch war das hier vordem.

Also, aber so dass sie da ´rumgeritten sind, nicht. Das war da zur Fastnachtzeit so. Dann hat man so was gemacht. Fastnachtzeit ja.

I v a n o v a : Mit den hölzernen Pferden?

G ü n t h e r : Na, dann haben sie Musik angesagt, und haben nachmittags Kinder geheischt, so war das vordem und... sind denn nachmittags los und... Fastnacht und so sind die jungen Männer mit den Leitern hier gegangen so

M y l ´ n i k o v : Ja, bitte schön, fragen Sie, wie lange...

M i n n a : Schützenfest wäär ook west...

P a u l : Schützenfest, ja, Schützenfest.

M i n n a : *Spricht platt.*

P a u l : Jo, Schützenfest und Flohmarkt is long west. In Alt Jabel war Flohmarkt. Hier, in Neu Jabel, hier war so was überhaupt nicht. Hier so einziges gewesen, hier war immer früher vor den 20-er Jahren ein Gesangsverein. Wurde ´n großes Zelt aufgebaut und denn war ´n Sänger... waren denn mehrere Chöre ein-

mal von Lübtheen, von Dömitz haben hier alle gekrochen, Zelt aufgemacht und gesungen und... so was war denn früher mit Essen und Trinken...

M y l' n i k o v : Und mich interessiert, wie lange hat man hier die Leute ihren Volkstracht gebracht, ich meine nicht nur an Fest, aber in gewöhnliches Leben?

G ü n t h e r : Trachten?

M y l' n i k o v : Anzug, Volksanzug.

G ü n t h e r : Ja, Trachten oder so.

P a u l : Originaltrachten hat es bei uns gar nicht gegeben.

G ü n t h e r : Ja, aber wenig.

P a u l : Höchst zur Hochzeit.

G ü n t h e r : zu *Minna* Hat es früher so richtige Trachten gegeben? Richtige Trachten? Eine Kleidung, kennst du die Kleidung hier?

M i n n a : Nee, dat wäär hie nich.

G ü n t h e r : Nee, das war hier nicht so, ne? Ihr kennt die Kleidung schon nicht, ne? Alte Trachten und so, das wäär bei deiner Zeit schon nicht?

M i n n a : Nee.

G ü n t h e r : Nee, das hat nicht gegeben. Und zu Festen, zur Kirche sind sie alle im Schwarz gegangen.

M i n n a : *Spricht platt.*

G ü n t h e r : Also, hier war das immer so, früher wenn mehr Geld da war, hat mehr angehabt, sowas gab's doch ne?

I v a n o v a : Was hat Frau Minna Henning getragen damals, zu der Zeit?

P a u l : Wat hetn sie früher anträgt, als jung Dirns?

M i n n a : Ooh, as jung Dirn?

P a u l : Jo.

M i n n a : Ja, Rock und Blus. To Dans goan mit 'n Kleder.

P a u l : Jo. Aber lang Kleider oder...?

M i n n a : Tje, nich lang, ja... *Spricht platt.*

P a u l : Ja, waren sie in Schwarz oder in Weiß? Sind sie in swart oder in witt? Wie waren Sonntagskleider, Konfirmationskleider?

M i n n a : Swart.

P a u l : Swart, ja?

M i n n a : Ja. Swart. Nich lang. *{hustet}* *Spricht platt.*

I v a n o v a : Sonntagskleider?

P a u l : Ja, ja. Und die normalen Sonntagskleider?

M i n n a : Rock und Blus.

P a u l : Rock und Blus, ne?

I v a n o v a : Auch in Schwarz?

P a u l : Nee, ne? Waren die auch in Schwarz oder?

M i n n a : Nee, dat weer verschieden.

P a u l : Det weer verschieden, ne?

M i n n a : Oh, det weer verscheiden...

M y l ' n i k o v : Aber überhaupt dunkle Farben oder nicht?

M i n n a : Ook ganze Kleider... ja...

P a u l : Und habt ihr überwiegend dunkle Sachen getragen oder auch viel heller?

M i n n a : Nee, auch gonz bunt.

P a u l : Nicht so dunkle, ne? *Zu Minna* Aber deine Mutter hatte doch immer... die Mutter hatte immer dunkle Kleider angehabt. Deine Mutter hatte immer dunkle Kleider anhabt?

M i n n a : Uns Mudder?

P a u l : Ja.

M i n n a : Oh, ja, de het tümmer an brun, ja, auch grau.

P a u l : Ja, die hat immer gestickt genug. Ja, das war denn schon so 1900 und vordem schon. Dann trugen die alten Frauen nur Dunkel, lang und dunkel.

I v a n o v a : Leinen oder was?

P a u l : ja, ja. Leinen. Sind alle Tücher Linn west, ne? Sind alle Tücher Linn west?

M i n n a : Nee! Rock und Jacken weer mit Chester...

P a u l : Ja, ja.

{*Запись прервана*}

M y l ' n i k o v : *lacht* Wir hören auch gerne, aber wer fragt...

I v a n o v a : Also, die Verkleidungen waren nur zu Neujahr, also am letzten Tag des Jahres und zu Faslam?

P a u l : Ja, ja. Wo Männer sich verkleidet haben.

I v a n o v a : Frauen nicht?

P a u l : Frauen weniger. Also, ich hab' keine, also, zu unserer Zeit keine.

G ü n t h e r : Das haben nur die Männer gemacht. Also, die Frauen haben nichts getan früher. Es ging so meistens von Vereinen und die Vereine haben das meistens alleine gemacht.

B e c k m a n n : A ja, a ja. Haben die Männer am letzten Tag des Jahres irgendwelche Sprüche denn gesagt

P a u l : Ä... ja. Olljoorsmudder

B e c k m a n n : Wie lange wurde das gemacht?

P a u l : Bis vor dem Krieg 1939. Dann war alles vorbei.

G ü n t h e r : Dann war alles vorbei.

M y l ' n i k o v : Und die Knaben haben kurze Hosen getragen oder nicht?

P a u l : Kurze, die richtige kurze Hose, das Leibchen... *lacht*

M y l ' n i k o v : Nu ja, ja! Ich habe in Kindheit solche auch gebraucht.

P a u l : Ich habe mit 13 die erste lange Hose gekriegt, da war ich stolz drauf!

M y l ' n i k o v : Nu ja, ja. Heute vielleicht sind einige solche alte bei Ihnen geblieben im Haus, nein? Ich frage, wissen Sie, warum: weil manchmal schenkt

man uns etwas kleines für unseren Museum. Ich habe zu Anfang an nicht erklärt, dass wir sind... {Затись прервана}

G ü n t h e r : Das haben wir erstmal unser Haus 1957 gebaut...

M y l ' n i k o v : Also, Ihr Haus wurde im Jahre...

G ü n t h e r : Dies? 1921.

M y l ' n i k o v : ...1921 gebaut.

P a u l : Wurde es so angebaut. Und früher war das Haus nur dies hier {zeigt einige Räume} und dann war es dahinten gebrochen, war alles sauber und nachher...

G ü n t h e r : 1819 wurde Neu Jabel hier erst aufgebaut.

B e c k m a n n : Gibt's eigentlich die Fotos von alten Häusern von Neu Jabel?

M i n n a : *Spricht platt*

M y l ' n i k o v : Ein Moment, ein Moment!

M i n n a : *Spricht platt*

P a u l : Sie sagt gerade jetzt Weihnacht in Tewswoods, die müssten noch mehr wissen, wie sie.

M i n n a : Ja, dei die Groteltern, dei hetten lang left. Dei Großeltern, ik bün ja nu ook in 'en neinzig.

P a u l : Ja.

A m i : Ist ja nicht so alt, wie Heckzig!

P a u l : Ich bin nicht so alt wie Heckzig. Rehmes Eldena...

M i n n a : Du?

P a u l : Nee! Wie oll ist der? In den neinziger?

M i n n a : In den... ja. {hustet} Denn dei is so oll wie Heckzig.

A m I : Ja, aber Heckzig ist 1913 geboren.

P a u l : Heckzig ist 1913 oder 1912 erst geboren.

M i n n a : *hustet* Aber Lotte {Шарлотте Винке, соседка Хеннинггов, также информантка экспедиции} ist ook so oll.

P a u l : Ja, Lotte ist sowieso oll. Wie alt ist die?

M i n n a : Lotte?

P a u l : In den achziger?

M i n n a : Die ist auch so alt. Ja, ja.

M y l ' n i k o v : Bei Reimes waren wir schon.

{Затись прервана}

P a u l : Wie war es, wenn... wo man nicht waschen durfte? Es gab doch Tage um Weihnachten 'rum, denn durfte doch keine Wäsche gewaschen werden. Und aufhängen droossen.

M i n n a : Nee.

P a u l : Weißt du es noch? Wie is das früher west? Mit der Wäsche dort?

M i n n a : Ja, ja. Dorf nich wasch' warn.

P a u l : To welch Tid is dat west?

M i n n a : To Fest. Wihnacht un Nijoar.

P a u l : Wihnacht un Nijoar.

M i n n a : Doarf nich wasch' warn. Aber hüp Waschküche.

P a u l : Ja, ja! *{lacht}*

B e c k m a n n : Irgendwas mit den Sachen 'raushängen?

{идет разговор о новогодних запретах и приметах, запись очень тихая}

P a u l : Wie war das mit Sonntags, Wäsche aufhängen und sowas draußen?

M i n n a : Nee.

P a u l : Hat man auch nicht gemacht, ne?

M i n n a : Nee.

P a u l : Nee, nee, das hat nicht gegeben. Das weiß ich auch noch. Sonntags gab's nicht. Ne? Das gab's nicht, das weiß ich noch.

M i n n a : *Spricht etwas platt.*

P a u l : Ja, ja.

M i n n a : Un so oft west ook nich wascht, das müst ook nicht jeden Dag wäschen!

P a u l : Nee, nee!

G ü n t h e r : Ja, spezielle Bauernarbeit und sowas nicht.

P a u l : Ja. Und die Frauenarbeit im Winter?

M i n n a : Spinnen.

P a u l : Ja.

M i n n a : Spinnen und Weben.

P a u l : Und die von den Männern?

M i n n a : Kiepentünen. Un Besenbunnen. *{Lacht}* Ja, Richten.

G ü n t h e r : Ja, Kiepentünen und Besenbunden. Und denn... Es wurde ja alles selbst gemacht, noch bis in den dreißiger Jahren hier, selbst Brot gebacken und Kuchen gebacken. Und kucken Sie, hier in einem Meter ein Backofen steht und da wurde selbst Brot gebacken.

M i n n a : Dat weiß ik noch. *{качество и скорость записи не позволяет расшифровать далее}*

P a u l : Ich kann mich gut noch an dem Umgarnen erinnern...

M i n n a : Ja.

P a u l : ja, ich erinnere mich noch. Muss man mit 'nem Pferd, ne?

G ü n t h e r : ja, man muss mit 'm Pferd.

P a u l : Mit dem Großpferd. Ja. Umgarnen.

G ü n t h e r : Musste man draußen an dem Fegen hochgespannen und dann über Kammräder und denn durch Dreschflögel und... wurde das...

P a u l : Ja, ja. Ich kenne das als Umgarnen.

B e c k m a n n : Wie lange wurde das benutzt?

G ü n t h e r : Tja, das wurde benutzt bis nach dem Krieg noch. Der wurde noch nach dem Krieg, bis nach dem Krieg benutzt. Der wurde 'reingemauert vorne noch... äm...

P a u l : ...war ja noch große Natursteine vorne.

G ü n t h e r : Wa?

P a u l : Unten war ja der große Naturstein oben. Der vorne, der Stein *{перед домом Хеннинггов во дворе лежит огромный камень-валун}* der wurde nachher nach vorne eigentlich ... und hochgenommen *{вероятно, рассказывает далее о камне, но качество и скорость записи не позволяет расшифровать текст}*

P a u l : Der Opa, der hat immer Geschichten erzählt aus den alten Zeiten, mehr oder weniger so, Spuckgeschichten, den ganzen Weg er ging den Uhren nach, hatte eine Pause gemacht...

{Запись прервана}

{Конец интервью}

Расшифровка записи беседы с Хайни Варнком

M y l' n i k o v : Also, sagen Sie, ich will einige Frage stellen, die wir an allen Kollegen und allen Leuten, mit welchen wir hier sprechen, auch Ihnen stellen. Erstens, wie lange leben Sie und Ihre Vorfahren in diesem Dorf? Es ist auch wichtig für uns um zu verstehen.

W a r n k : Also, dieses Haus wurde gebaut 1864. Und an dem Tag, wo mein Großvater getauft wurde, war Richtfest. 1864, aber wie lange hin und zurück kommen das in Woosmer, das weiß ich nicht.

M y l' n i k o v : Und Ihr Vater kam aus anderem Dorf hier?

W a r n k : Nein. Mein Vater ist in diesem Haus geboren.

M y l' n i k o v : Ach so!

B e c k m a n n : Und Großvater?

W a r n k : Der Großvater stammte aus Polz. Das liegt auf der anderen Seite von Dömitz.

B e c k m a n n : Ah, ja.

M y l' n i k o v : In welchem Jahr sind Sie geboren?

W a r n k : [19]33.

M y l' n i k o v : Wissen Sie, warum fragen wir über diese Problemen: weil es ist interessant zu verstehen, ob Ihre Genealogie kommt in weitere-weitere Zeiten, ja? Und ob zum Beispiel, Ihre Ur-ur-urvorfahren an Wenden oder an Deutschen gehörten, das wissen Sie oder nicht?

W a r n k : Ich weiß wohl, dass es ein Wendendorf ist und dass die Germanisierung nachher kam und die Slawen, die alle wurden... also, die sind nicht viel nachgeblieben bei der Germanisierung, und mein Name — Warnk, Warncke, Warnecke — wo der herkommt: warm Ecke. Wo die Leute haben gewohnt, da wurde *gewarmt*. Ist anzunehmen, dass es so war.

M y l' n i k o v : Und jetzt zweite Frage: interessant, wissen Sie früher oder hat Ihr Vater oder Großvater, vielleicht wussten Sie Ihren Großvater?

W a r n k : Ja, ja.

M y l' n i k o v : Noch wussten, ja?

W a r n k : Ja, ja.

M y l' n i k o v : Vielleicht haben erzählt über einige Sitten, die hier existierten. Nu, zum Beispiel, wie hat man Weihnachten gefeiert, weiter, Faslam...

W a r n k : Faslam wurde ja groß gefeiert.

M y l' n i k o v : Ostern, Pfingsten, solche Feste.

W a r n k : Die Braut wurde ja früher ja mit dem Faslam, mit dem... also heute sagt man dazu Karneval, also Faslam braucht, der liegt den weiten Ursprung zurück, es war im 18. Jahrhundert, Faslam, die Knechte und Mädchen, die bei den Bauern geblieben waren, die brauchten, dass sie mal einmal sich so richtig auslassen konnten, ja, ne? So richtig auslassen und haben das gefeiert,

sind von Haus zu Haus gegangen, von Hof zu Hof, haben dann Eier und Speck gesammelt und...

I v a n o v a : Von jedem Hof?

W a r n k : Bitte?

I v a n o v a : Von jedem Hof?

W a r n k : Ja, ist dann schwer draußen gewohnt.

I v a n o v a : Hat es Ihnen Ihr Vater erzählt oder?

W a r n k : Also, so 'ne Geschichte kriegte ich überwiegend von meiner Großmutter. Die Großmutter, die war da gerne los. Konnte noch gerne erzählen und denn wurde dann vollkommen eingeschlafen, dieses Faslam. Na, ich bin 1933 geboren, ich war vor dem Krieg nicht mehr, dass Faslam gefeiert wurde, das liegt noch weiter zurück. Und wir haben es nach dem Krieg wieder ausgebrudelt und so sind wir los und feiern wir jetzt unseren Fest schon 46 Jahre.

I v a n o v a : Und dann gab es ...?

W a r n k : Ja. Von diesem Faslamsverein war ich 44 Jahre der Präsident. Und nun bin ich zurückgetreten.

I v a n o v a : Und wann lebte Ihre Großmutter?

W a r n k : Meine Großmutter ist 1876 geboren und bis... 1958 ist sie gestorben.

M y l ' n i k o v : In welcher Zeit feiert man Fest... Fastlam?

W a r n k : In der Zeit, also, vom 11. 11. wie das jetzt übernommen wurde auch so, und dann ist ja der Fastnachtdienstag, es war eigentlich der Fastnachttag.

M y l ' n i k o v : Wann, wann war der?

W a r n k : Der Fastnachtdienstag war nach dem Rosenmontag und dieser Rosenmontag, der richtet sich nach dem Sternbild. Also, mit dem aufgehenden Vollmond. Wenn der Vollmond an Ostern, hat auch mit dem Vollmond zu tun, und kann ja schon Jahr sein, denn 7 Wochen vor dem Ostermontag ist der Rosenmontag, hier ist er wieder. Und das kann sich ja verschieben um fast 4 Wochen, dieser aufgehende Mond.

I v a n o v a : Und wie lange dauert es?

W a r n k : Äm... Faslam ist ja vom 11.11 ist ja der Öffnung, November, und in der Adventzeit trägt man keinen Kaffee, und dann im Januar nach Dreieiligen gehen dann die Bilder los. Überall der Karneval bis in den Rhein los. So feiern sie das. Aber wir sind nur 1 oder 2 Wochen damit zufrieden.

I v a n o v a : Waren irgendwelche Verkleidungen üblich?

W a r n k : Bitte?

I v a n o v a : Verkleidungen?

W a r n k : Verkleidete? Äm... das machen wir heute noch, Abschlussstag, das ist unsere Tagesveranstaltung für die Vereinsmitglieder, dann machen wir 'nen sogenannten Kostümball, nur der ... muss seine Uniform tragen, alle anderen müssen sich kostümieren. Das war das erste, wie es nach dem Krieg losging, mit eben ausgelassener Haltung und dann mal wieder zur Ruhe gekommen sind, das

waren die sogenannten Maskenbälle. Und die Verkleideten waren drauf, das habe ich denn als... na ja, es kam zurück, wie der Krieg vorbei war. Und... habe ich...

M y l' n i k o v : Und welche Masken, sind es Tiere oder Menschen?

W a r n k : Die Zeit, wo wir uns mit Masken direkt verfassen konnten, das war ja gar nicht... wir hatten vor den Augen und und...gingen los und... Einmal war der Maskenball, da war ich der Rechtachuli (?), da hatte ich so 'nen Kopfstuhl und...

I v a n o v a : Was können Sie noch über Faslam erzählen?

W a r n k : Über den Faslam? Also, über diesen sogenannten Maskenball. Diese Male, dieser Turm nach dem Krieg, hat das wieder, die Menschheit war... war froh, weil der Krieg vorbei war, und dann kam natürlich auch dieses, Dorfsport und dann Verkleidung, und die Vereine, die haben dann den Maskenball gefeiert, und die Landwirtschaft, dann die LPG, bei den Jungen war der Dorfclub, dann der Jugendclub und auch die FDJ, vielleicht nach dem Krieg — wissen Sie, FDJ, was es heißt?

I v a n o v a : Freie Deutsche Jugend.

W a r n k : Freie Deutsche Jugend, richtig, ja. Wer hier gewohnt hat, hat das natürlich organisiert.

M y l' n i k o v : Und sagen Sie, an Ostern hat man die Eier gefarbt?

W a r n k : Ja.

M y l' n i k o v : Nur in eine Farbe oder auch in Zeichen?

W a r n k : Nee. Also, mit besonderen Zeichen, kenne ich das nicht. Nee. Wir waren froh, dass wir Eier hatten und sie essen konnten. Ich hatte auch damals, mit Kindheit — ich war 6 Jahre, wie der Krieg losging — da war auch alles verdammt knapp, und wir haben von 1938–39 noch gebaut, das Haus umgebaut, meine Eltern.

Das war für uns Kinder natürlich auch viel mit. Süßigkeiten und Eier, Ostern und Weihnachten haben wir gefeiert, aber das waren sogenannte kirchliche Feste.

M y l' n i k o v : Und sagen Sie bitte, Maibaum, hat man hier im Dorf gestellt?

W a r n k : Ja. Macht man noch immer.

M y l' n i k o v : Immer?

W a r n k : Ja. Also, das weiß ich, solange ich denken kann und auch weiter zurück, um den Maibaum wurde getanzt, so bei den Erntefesten die Erntekrone war. So war auch der Maibaum. Bloß der Maibaum ist nur eigentlich der Fest der Arbeiterschaft, die für so Lohn und Gerechtigkeit gekämpft hatte, ne? Und bei Erntefesten denn nachher wieder die Dankgeschichte war, Erntedank, da kommt die Erntekrone, Umzug und Feier. Man musste aber dann noch feiern.

M y l' n i k o v : Und war so Unterschied, weil zum Beispiel in Wendland waren diese Kronenbäume und Kreuzbäume, hier war bloß nur ein Baum, ja?

W a r n k : Ja.

M y l' n i k o v : Welcher Baum war das? Eiche oder Birke?

W a r n k : Birke. Birke.

M y l ' n i k o v : Und...

W a r n k : War aber bedingt, dass es die Birke war, dass sie der erste Baum war, der im Frühjahr grün wird. Wenn es ein Kirschbaum oder eine Eiche wäre, 's musste einer sein, der früh grün wird. Ne? Oder wir hatten Jahre gehabt, wo der Maibaum nicht grün war. Es war, wenn natürlich noch die Nachtfroste waren, denn konnte es sein...

M y l ' n i k o v : Und wie lange stand Maibaum?

W a r n k : Ja, wir... bis Pfingsten etwa.

M y l ' n i k o v : Nu ja...

W a r n k : Heute sind wir soweit, wir haben vor 15–20 Jahren, vielleicht 25 Jahren, einen Baum gepflanzt und der ist angewachsen, der steht unten, auf unserer Festwiese, und der wird auch jedes Jahr gern geschmückt, und so haben wir jedes Jahr unseren Maibaum wieder.

M y l ' n i k o v : Wo ist es? An dem Teich, nein?

W a r n k : Nee. Das ist hier, wo der Kindergarten.

M y l ' n i k o v : Und da ist der Hauptplatz, wo man sich sammelt und...

W a r n k : Ja, da ist der Festplatz, wo die Kinder noch Fußball, Kinderspielplatz für die Jugendfußballspiele und der Kindergarten spielen kann und...

M y l ' n i k o v : Und baut man zu dieser Zeit, zum Beispiel an Pfingsten, eine Laube?

W a r n k : Hier nicht. Hier wird viel gemacht, aber das ist nicht üblich in Woosmer. Es war auch eine ganz bedingte Sache, wie wir unseren Faslam feiern, war denn auch so von Aufgabe, dass wir dachten, nun müssen wir unsere Ruhe haben, und haben wir denn den... Pfingsten keine Laube gebaut.

B e c k m a n n : Wie war das früher, gab es früher so was?

W a r n k : Ich habe da nie was von gehört, hier im Ort, dass eine Laube hier irgendwann war. Ich weiß, dass in anderen Dörfern, so wie hier im Nachbarort Leussow es üblich war. Es ist verschieden, wie es die Jugend aufgreift. Und etwas daraus macht.

M y l ' n i k o v : Wie erklären Sie, oder wie konnten Sie erklären die Etymologie den Benennung Vielank? Was kann es bedeuten?

W a r n k : Also, sagt man, in Vielank, Vielanker sind dumme Leute. Sie haben den Bindebaum, wenn sie das Heu nach Hause gefahren sind, quer über dem Wagen gebunden. Wissen Sie, was ein Bindebaum ist? Wenn Sie Heu fahren, ist der Baum links gebunden und dann er 'runterfahren kann — und die Vielanker, die haben ihn quer gebunden. Und dann waren die Bäume im Wege, und dann ist die Rabe geflogen, dann die Krähe, und hat ihnen geschrien: «Vlank, vlank, vlank!», also: der Länge nach. Und daher bekamen die Vielanker ihren Namen. Das stimmt gar nicht! {lacht}. Also, wo Vielank nun herkommt... {качество и скорость записи не позволяет расшифровать далее}

{Запись прервана}

М ы л ь н и к о в : Так а чего вы не включили? Работает. Так Юля, работает.

И в а н о в а : Самое важное записано.

М ы л ь н и к о в : Ну так, самое важное... Все равно, надо включить.

W a r n k : Also, mit meinen Kleinen war das Gespräch...

B e c k m a n n : Als ewig, war die Kindergeneration als ewig schon nicht mehr so, ne?

W a r n k : Also, wenn ich angenommen...

B e c k m a n n : ja, das Problem ist, man muss es dann, es muss wirklich das Mut zu lernen, das hilft ja nicht, sondern muss ja auch verwendet werden. Da hilft den Hasen Pfeffer. Wenn es keiner spricht... bei mir geht's genauso, also ich kann's auch verstehen. Mein Vater, der hat zuhause auch nur Platt gesprochen, aber jetzt spricht er, mit mir spricht er nicht. Er spricht es auch sonst nicht mehr, aber er ist sozusagen abtrainiert worden. So... das ist schlecht.

W a r n k : Unsere Kinder haben platt gesprochen, aber hatten richtige Schwierigkeiten und denn ist aus... aber so wie richtig *meine* und *deine*, schreiben sie wieder *min* und *din*.

B e c k m a n n : Und so richtig ist das alles gar nicht.

F r a u W a r n k : Sprechen Sie, ich muss im Moment aufs Grundstück.

W a r n k : Ich habe ihnen auch viel geholfen, aber mit der Kindererzählung hatte ich nun Schwierigkeiten. {Lacht}

B e c k m a n n : ja, wir müssen heute nach Alt Jabel.

W a r n k : Ja.

B e c k m a n n : Es steht ja noch ein Stück weit weg. Zu Hülz.

W a r n k : Hülz, Hülz...

{Запись прервана}

W a r n k : ... ist auch immer wieder funktioniert. Weiß nicht, warum. Es ist irgendwie als Nutzhaus gesehen, Brennholz ja, aber als Bauholz ist nicht brauchbar, Stock...

М ы л ь н и к о в : Wie Bauholz ist es gut, ja?

W a r n k : Für Bau ist nicht so gut.

М ы л ь н и к о в : Nicht?

W a r n k : Ist Stock.

М ы л ь н и к о в : Nu ja. Und am meisten Teil so, aus Literatur, wenn ich nehme, doch deutscher Baum zählt man so: ist Eiche.

W a r n k : Das ist Eiche, ja. {Lacht} Das ja.

I v a n o v a : Und waren irgendwelche Bräuche verbunden mit der Eiche?

W a r n k : Mir ist das unbekannt.

I v a n o v a : Gibt es hier die uralten Eichen in der Gegend?

W a r n k : Die ist auch hier. Hier gibt es einen ganz alten Stump. In Niedersachsen, da ist ein sogenannter Heerweg, war schon der General Tivil, ist da mit seiner Koronu marschiert während des Dreißigjährigen Krieg und nachher ist

Napoleon da längs gekrümmt den Weg, ne? Und komischerweise sind auch die Amerikaner da ´reinmarschiert im 1945. Nennt sich heute immer noch Heerweg. Und hier wenn´s nachher so weit der Weg geht, ist ja der Heerweg nicht mehr, der heißt immer Postweg, weil da der Post ging.

{Затись прервана}

M y l´n i k o v : Sagen Sie bitte, waren Sie in Groß Raden Museum?

W a r n k : Nee.

M y l´n i k o v : Da sind diese Ausgrabungen von slawischen Siedlungen und die Häuser sind rekonstruiert. Interessant, da habe ich nicht gefragt...

F r a u W a r n k : Das ist da bei Sternberg...

M y l´n i k o v : Ja, Sternberg, als Sternberg. Aus welchen Bäumen waren diese Blockhäuser. Da hab´ ich es nicht gefragt. Das wissen Sie nicht, nein?

W a r n k : Aber ich kann mir vorstellen, dass die nicht aus Eiche waren, weil da in Groß Raden wuchs überwiegend der Nachwuchs auch im 14. Jahrhundert.

M y l´n i k o v : Vielleicht, Tannenbaum, das steht besser, ich glaube.

W a r n k : Tannenbaum? Ja, kann sein. Der hält sich gerade.

M y l´n i k o v : Die russische Blockhäuser am meisten Teil baute man aus Tannenbaum.

W a r n k : Aus Tanne.

F r a u W a r n k : Kann es nicht aus der Fichte sein?

W a r n k : Ja, Fichte. Wir haben die Fichte. Hier bei uns zuhause ist die Kiefer. Unsere Mecklenburger Heimat heißt: «Von den Kiefernwäldern bis zum Ostseestrand». Und heute wollen wir hier mal alles anpflanzen. Und man denkt, man kann die Natur umstürzen, es wurden einige Sorten eingeführt, wie der Ahorn, und werden anpflanzen, obwohl die da nicht ´reingehören. Die Kiefer ist hier zuhause. Umsonst heißt dann die mecklenburger Heimat so. Die Förster, die pflanzen immer das, was da nicht hingehört. Sie waren da drüben bloß in... in Klein Schmölen, oder hier, in Stickse, sind noch Güllen, die vom Wind mit Kiefern geschützt sind. Der Gross Schmölen gehört immer noch... als Wendland.

I v a n o v a : Ja?

W a r n k : Ja. In Groß Schmölen ist noch ein Ring, Bauernring.

B e c k m a n n : So, wir müssen ein bisschen nervlich und lassen Sie für Herrn Hüls.

W a r n k : Ja, der Herr ist eingebildet, müssen Sie hin. Der muss Ihnen noch mehr erzählen.

{Затись прервана}

{Конец интервью}

18 октября, среда

Из дневника Мыльникова

Наше пребывание в Ябельхайде близится к завершению и, как часто бывает, именно тогда вдруг обрушивается поток потенциальных информантов. Погода пока к нам милостива, с утра туманно, но тепло. Деревня *Лаутин*, беседуем с нашим ближайшим соседом, он работает в мастерской у Тутгаса: его зовут **Uvo Hamann**. Он родился здесь в 1951 г., но его родители из другой деревни. Вспоминает, как при праздновании Троицы сооружали из березы беседку, но крышей не покрывали. Беседки в разные годы возникали на разных площадках. Так длилось приблизительно до 1965 г. Сами изготавливают свиную колбасу, обещал показать копильню. Сообщение это любопытно как отражение общей тенденции по обеспечению семей продуктами собственного изготовления. Мне с крестьянским обоснованием этой тенденции приходилось сталкиваться в Мекленбурге еще в 1998 г. Разговор дал повод задуматься над сюжетом: *«деревенский дом как отражение не только народной философии (это очевидно), но и регионального самосознания»*. Вечером ко мне заглянул Хаман и принес для пробы образцы собственной продовольственной индустрии (салами, шпиг и Sauerfleisch). Мы славно поговорили.

Еще одна встреча в *Лаутине*, о которой мы ранее договаривались: семья **Lisa** и **Werner Mirow**. Лиза местная уроженка, Вернер — приезжий. Говорили об обрядах, которые теперь все более унифицируются; о ведьмах. Их рассказ подтвердил, что в 1960-х годах в ГДР сельские традиционные праздники пошли на убыль и, видимо, оказались заорганизованными: их проведение было возложено на LPG. Меня постоянно занимает этнический аспект нижненемецкого языка: сказали, что им пользуются люди старшего поколения, молодежь же воспринимает *платтдойч* как *разновидность английского (!)*. Запись беседы велась, но возникали технические помехи.

Еще один визит в *Eldena*: пастор **Karl-Martin Schabow** и его жена **Christel**. Встреча была важна с точки зрения поиска новых информантов. Сам пастор знает свою родословную с XVI в., возможно его предки вышли из Венгрии. Его жена — из местных, весьма решительная и активная. Она нам во многом помогла сориентироваться, пока мы ожидали пастора, который был занят по должности на погребении. В частности, мы коснулись народной медицины; Кристель подчеркнула, что распространенный ныне оккультизм никакого отношения к *Wissende*, по ее мнению, не имеет.

Из дневника Ивановой

С утра совершили поездку в крупное село Эльдена — 1,5 тысячи жителей, приход, старейшая церковь, построенная на остатках монастыря Эльдена Цистерцианского ордена (основание — XI в., как в Грайфсвальде). Знакомимся с пастором, осматриваем церковь, поднимаемся на башню колокольни. Здесь я делаю несколько удачных снимков и, разглядывая окрестности с башни, обнаруживаю совсем рядом соломенную крышу старого крестьянского дома, куда и направляюсь, спустившись снова на землю. Рядом с домом на улице Altonaer Straße работает на тракторе молодой человек. Увидев, что я высматриваю и фотографирую дом, он завязал разговор — оказалось, что это хозяин. По словам хозяина, дому больше 100 лет (т.е. XIX в.). Хорошо заметна тенденция начала XX в. использовать традиционный дом в качестве сарая, отодвигая его на задний план, выстраивая перед ним новый жилой дом современным фасадом на улицу. Молодой человек разрешил войти во двор и заглянуть внутрь дома. Старый крестьянский дом используется в хозяйственных целях — это склад, сарай и гараж. Дом сохранился в первоначальном виде с соломенной крышей и скрещенными коньками на фронтоне, однако ворота обращены внутрь двора — более позднее явление. *Диле* не перестраивалось; хорошо видна стена, отделявшая жилые помещения и кухню от сеней, остатки соломы, хранившейся над хлевами. Теперь это помещение используют как сарай и курятник. Несмотря на то что дом уже не жилой, он служит стильным элементом украшения двора, его оформляют цветами, венками из злаков, фигурками и т.д. Это типично для немецкого менталитета.

На дверях церкви мы прочли объявление о службах и прочую информацию и узнали, что у местного пастора фамилия тоже заканчивается на пресловутое — ow: Schabow. «Возможно, тоже славянская?», — подумали мы и решили непременно завязать с ним знакомство, поскольку это в любом случае необходимо для работы с населением в Эльдене, да и в соседних деревнях этого прихода. На кладбище тем временем копошились какие-то люди, они рекомендовали нам супругу пастора фрау Кристель Шабов. Она любезно показала нам церковь и вкрапления старых кирпичей в стене — все, что ныне осталось от средневекового монастыря Эльдена. Затем нас пригласили в помещение общинного дома, где (уже по традиции) предложили выпить кофе с пирогами из частной пекарни (это были сливовый Zwetschkuchen, яблочный Apfelkuchen, песочный Streuselkuchen и дрожжевой Butterkuchen). Кстати, у пасторши мы снова встретили Карин Видов — она прямо вездесуща. В полдень пришел сам пастор, Карл-Мартин Шабов. Наша беседа неспешно текла за чашкой ароматного кофе, в помещении приходского дома было уютно, атмосфера радушная и гостеприимная.

А речь шла о похоронной обрядности. Раньше, рассказывает пастор Шабов, говорили, что покойник должен находиться в доме три дня, в течение которых соседи и односельчане могли придти и попрощаться. Пастор объясняет это суеверным страхом сельчан, как бы не похоронить случайно еще живого, а за три дня это уж должно было выясниться. И если в русских деревнях все еще принято хоронить покойника не раньше третьего дня, то в Мекленбурге обычай этот уже давно забыт. Современные законы и церковь имеют на этот счет другое мнение.

Гроб несут обычно восемь человек. Во время прощания он стоит открытым на столе в *диле* крестьянского дома, но затем его заколачивают и в закрытом виде несут до кладбища. Всюду был известен обычай, подобный тому, о котором говорил Варнк в Воосмере: крестьянина несут свои, представители крестьянства, а *бюднера* — только *бюднеры*. В Эльдене сейчас имеется три кладбища. Нам показали на дворе приходского дома старый катафалк, в который раньше запрягали лошадей. Он уже давно не используется, и поскольку пастор никак не может избавиться от такой ненужной вещи, он охотно предложил его нам совершенно бесплатно, «за самовывоз» для музея. Но, кажется, ни один самолет не примет на борт старый катафалк. Жаль, но пришлось отказаться.

Госпожа Кристель Шабов рассказывает, что, оказывается, в таком крупном селе, как Эльдена (1,5 тысячи жителей) все еще распространен оккультизм. Под ним она понимает лечение болезней заговорами, одним словом, некие необычные или сверхъестественные способности человека. Говорит, что даже в группе ее прихожанок встречались женщины, которые могли заговаривать некоторые болезни.

Речь идет о таких болезнях, как экзема, рожистые воспаления, опоясывающий лишай, ветряная оспа, т. е. высыпания на коже, не в последнюю очередь связанные с нервными болезнями, перед лицом которых врачи часто оказываются бессильными. Тогда они обычно говорят больному: «О, вам следует поискать домашние средства» (Oh, Sie sollen sich dann Hausmittel suchen). Какое домашнее средство надо искать, в разговоре не называется, но все знают, что имеется в виду. Фрау пастор окрестила это «оккультизмом», потому что такие способности почему-то всегда скрывают. «Почему? Если вы творите добро, если помогаете и лечите, почему же вам не сказать это открыто? Если это скрывается, то значит: не разрешено» («Warum? Wenn ihr Gutes tut, wenn ihr heilt und helfst, warum sagt ihr das nicht offen? Wird es verborgen, so heißt es: nicht gestattet»), — считает Кристель Шабов. Тайно, при свечах и в темноте проходит процедура лечения. Сами женщины не охотно говорят об этом, они также не говорят, какие слова при этом произносят. Они всегда их так тихо нашептывают, и при этом на *платтдойч*, что «пациент» обычно ничего не в силах разобрать. Страх

перед разглашением, конечно, — считает фрау Шабов, — идет из глубины веков, с того времени, когда знахарок считали ведьмами и сжигали на кострах.

Фрау Шабов знает лично нескольких женщин в Эльдене, которые известны своими способностями заговаривать болезни. Многие из них приходят на собрания в приходской дом. Ведьмами, конечно, никто их не считает, и среди жителей хорошо известно, что они никому не причиняют вреда, а наоборот, снимают своими действиями боль и успокаивают зуд. Чтобы показать, что их знание не несет ничего злого, не связано с язычеством, они часто используют Библию, по крайней мере она хотя бы лежит на столе в том помещении, где проходит сеанс. Знахарки вынуждены свое знание, свои способности передать преемнику перед своей смертью. Говорят, иначе они будут очень тяжело и мучительно умирать. Как правило, женщина-знахарка ищет преемника среди мужчин, и наоборот, мужчина-знахарь передает свое умение женщине. Порядок всегда такой: всегда знание должно передаваться лицу противоположного пола, оно не всегда остается в одной семье, это не наследственная способность. Преемник должен быть как можно моложе. Все наши информанты особо выделяют одну знахарку из Альт Ябеля (Марта Тальг), однако фрау Шабов по имени ее не знает. Эта женщина умерла несколько лет назад.

В разговор включается Карин Видов и сообщает, что в ее родной деревне Брезегард тоже есть такие люди. Последняя женщина, которой было передано умение врачевать (тоже от мужчины), была ее мать. Она жива сейчас, ей около восьмидесяти, но она никогда не практиковала лечебную магию, да и не хочет этого делать. Людей она никогда не лечила, только однажды попробовала лечить домашний скот. По словам Карин, ее мать не собирается передавать знание другим лицам. Мама могла лечить бородавки, но она набожная христианка и прилежная прихожанка, а это «искусство» считает языческим, поэтому и не практикует. Ее муж, отец Карин, часто говорил: «Ты ведь единственная в деревне, кто это может». Но мама никогда не начинала даже. Зато она ужасно любит рассказывать об этом. Я заинтересовалась матерью Карин, поскольку она считается, что называется, посвященной, и мы договорились о встрече с ней в нашу следующую поездку в Брезегард.

Разговор наш плавно переходит к приметам и праздничным обычаям. Кто дольше всего спит в воскресенье на Троицу, того называют здесь *Pingstkaa* (от верхненемецкого *Pfingstkalb* — ‘теленочек Троицы’). Он получает такое шутовское прозвище, а также венок из липовых веток на голову, чтобы все знали, что он — соня.

Из дневника Новика

Сегодня мы приехали в город Эльдену (Eldena). Это значительный населенный пункт в этих местах. В Эльдене был монастырь и сложившийся вокруг него жилой комплекс, а потому город оказывал большое влияние на жизнь в округе. Возникнув в средневековье, Эльдена играла важную роль в общественной жизни Мекленбурга. Вокруг монастыря возникло большое поселение. В городе сохраняется величественная кирха. Она построена заново на месте сгоревшей в 1838 г. После пожара на камнях фундамента уничтоженной огнем церкви возвели новое сооружение из красного кирпича.

Сейчас вокруг кирхи идут строительные работы. Храмовое сооружение окружают дренажной трубой. Дренаж представляет собой желтую пластиковую трубу, обмотанную особой паклей. Трубу зарывают в землю. Работу ведет коллектив людей на добровольных началах. А потому работающие не горят на фронте работ, а много отдыхают, сидят, разговаривают, смеются. Для них эта работа в удовольствие и на развлечение.

Вокруг кирхи ухоженное кладбище. Мы попытались найти пастора. Навстречу нам вышла его жена. Она полностью в курсе всех дел мужа. Деловито взяла ключи от кирхи и пошла нам ее показывать. Открыла замок и пригласила осмотреть сооружение. Потом пригласила нас в церковный дом, относящийся к кирхе. В этом здании сделан отличный ремонт. Белые стены, деревянная мебель с синими сиденьями. Обустроен отличный туалет. Он выложен светло-бежевым кафелем. Пол туалетной комнаты облицован темно-серыми плитками. В туалете белый потолок, белая сантехника, синие двери, синие полотенца и красные ручки и полки. Все очень стильно. Белый, синий и красный цвета также не случайны в оформлении. Мост через реку в городе имеет балюстраду белого цвета с синими и красными стойками. Это традиционные цвета в этом регионе.

Жена пастора предложила нам кофе. К кофе подала различную выпечку. Пока мы беседовали, приехал сам пастор. Он повел нас в кирху, чтобы показать башню. Башня очень высокая. И забираться на нее надо по многочисленным деревянным лестницам, установленным практически вертикально. Поход на смотровую площадку башни был настоящим удивительным приключением. Приходилось карабкаться по отвесным лестницам, не очень надежно укрепленным. Каждая лестница вела к люку очередного этажа. Затем нужно было переходить к другой лестнице и таким образом продолжать путь. Люки установлены в целях безопасности не друг над другом. Но вид, открывающийся со смотровой площадки, целиком покрывает все затраченные усилия на подъем. Отсюда видно всю округу. Красные черепичные крыши Эльдены, ухоженные сельскохозяйственные угодья, леса в

легкой дымке. Прямо захватывает дух! Мы снимали с крыши на фотоаппарат и видеокамеру.

На башне установлены часы с колоколом. У часов огромный механизм. Металлические тросы идут через несколько этажей башни к противовесам и многочисленным металлическим деталям конструкции. Такая сложная нагрузка обеспечивает точную работу часов.

После посещения башни мы снова вернулись к беседе с пастором и его женой. Дочь их изучает русский язык. Была на летней языковой практике в Санкт-Петербурге. Ей очень нравится избранная специальность. То, что мы из Питера, исключительно радует принимающих нас людей.

После посещения кирхи и церковного дома мы имели возможность погулять по городу. Здесь много старых зданий. Несмотря на небольшое число жителей, в Эльдене много магазинов. Очень приятное место.

Семья Миров. Из Эльдены мы поехали в г. Людвигслуст. Здесь купили почтовые марки. Немного погуляли. В городе очень тепло. Прогулка была исключительно приятной. Затем отправились в Лаупин. Сегодня мы в 16.00 приглашены к семье Миров (Mirow). Это родители нашей хозяйки, у которой мы снимаем дом в Лаупине.

В «нашей» деревне нас очень любят. Все знают, зачем мы приехали и чем занимаемся. Какое-то время назад мы узнали, что местные недовольны тем, что мы ездим по округе и совсем не бываем у односельчан. Поэтому мы решили наверстать упущенное. Как всегда бывает, то, что рядом, оставляешь на последний день, а сам устремляешься в неизведанное далеко.

Когда мы подошли к дому семьи Миров, нас уже поджидали.

Хозяев зовут Лиза и Вернер Миров (Lisa und Werner Mirow). Они живут за счет сельского хозяйства. В последние годы им удалось прикупить большое количество земли. Как нам сказали, у Мирова сейчас около 1000 гектаров земли. Он ее не обрабатывает сам, а сдает в аренду. Настоящий сельский капиталист. Молодец, сумел заработать деньги и грамотно ими распорядиться. Землю можно было покупать не очень дорого, многие не знали после распада социалистической системы, что с ней делать. А Миров решил, что земля — это вечная ценность. Семья сумела очень хорошо устроиться в деревне. У них все есть. Именно Мирова мы видели несколько дней назад, когда он был с внучкой на пони. Тогда же он пригласил нас в гости.

Фрау Миров старательно приготовилась к приему гостей. Она приготовила огромное количество выпечки. *Кухены* были с творогом и фруктами, с консервированной клубникой и взбитыми сливками, с лимоном и безе. К столу был подан шоколадный торт и два разных больших кекса. Всю выпечку хозяйка всегда делает сама, никогда ее не покупает. К столу

подали кофе, взбитые сливки, сливки для кофе. Принимали нас за низким столом, покрытым скатертью фабричного производства. Скатерть сделана под домашний холст с кружевом по всему периметру. Фарфоровый сервиз был белого цвета с золотой проработкой. Угощение было столь обильным и красиво поданным, что мы получили истинное наслаждение.

Дом семьи весьма старый, но переделанный на новый манер. Коридор дома странным образом отделан под купе вагона. Гостиная, в которой нас принимали, имеет паркетный пол. Потолок оклеен белыми мокрыми обоями. На стенах простые светлые обои. В комнате стоит короткая и высокая «стенка». Есть диван и шесть кресел. В углу сохраняется большая печь. На ней стоит канделябр с пятью розовыми свечами.

Речь идет о трудовых занятиях и ремеслах в прошлом. Хозяйка рассказали, что еще их родители умели прясть и ткать. Это было очень важным занятием в семьях. Их родители, как и они сами, родились в Лаупине.

Затем хозяин проводил нас в пустующий дом (*зупа IV*). Его владельцы живут в городе и не собираются пока его ремонтировать. В этот дом мы ходили просто ради любопытства сами, а теперь пришли с господином Мировым. В пустующем доме масса старинных вещей, украсивших бы музейную экспозицию. Вещи валяются в паутине, но никому здесь и в голову не придет взять чужую собственность. По нашим российским меркам, если валяется и не нужно хозяевам, то не было бы особо зазорным это взять, тем более в общественных интересах. А здесь это явное нарушение закона. Мы спросили у Миров как у местного жителя, не могли бы мы взять эти старые вещи для нашего музея. Он категорически нам отказал — ведь у предметов крестьянского быта есть другой владелец, и только он вправе распоряжаться своими вещами. То, что они ему не нужны, и вполне возможно, что скоро их отправят на свалку, это другой вопрос. На первом плане стоит то, что это частная собственность, и распоряжаться вещами может только их владелец. Это совершенно иное отношение к чужой собственности. Естественно, нам больше и в голову не приходило получить эти вещи, которые могли бы стать прекрасным украшением европейских фондов Кунсткамеры. В доме был настоящий музей. Среди валявшейся утвари были корзины разных размеров, сельскохозяйственные орудия, орудия тканья, предметы для рукоделия, различная посуда.

Из дневника Ивановой

Во второй половине дня работаем в своей деревне Лаупин. В 16 часов назначен визит к семье Миров. Лиза и Вернер Миров — родители нашей хозяйки, живут они на центральной улице Людвигслюстер штрассе в большом, но современном кирпичном доме. В гостиной для нас снова накрыт

стол — кофе, чай и огромное количество тортов, пирогов и прочей выпечки. Хорошо, что мы успели пообедать и съесть что-нибудь несладкое, а то жизнь становится невыносимой — четвертую неделю едим одни сладости и пьем кофе!

В каждом доме я записываю все рецепты немецких хозяек. Вот и Лиза тоже охотно делится со мной рецептом своего фирменного сметанного пирога.

Schmandkuchen от Лизы Миров

Для теста: 150 г муки, 65 г сахара, 65 г маргарина, 1 яйцо, 1 пакетик разрыхлителя.

Для начинки: 0,5 л молока, 2 пакетика сливочного пудинга, 200 г сахара для приготовления пудинга, 3 упаковки сметаны (по 250 г), 2 банки консервированных мандаринов, желе для торта.

Приготовить тесто, смешав ингредиенты. Сварить пудинг и остудить. Добавить к массе сметану и распределить по тесту, поверх выложить мандарины и печь полчаса при 175° (печь с циркуляцией воздуха). Верх готового пирога полить разведенным желе для торта и оставить в форме остывать на день.

Картофель с соусом из яиц и петрушки

Сварить картофель, слить воду в кастрюлю, добавить немного масла и муки. Кипятить соус до загустения. Затем добавить рубленную кудрявую петрушку и сваренные вкрутую куриные яйца, разрезанные пополам. Соус подавать к картошке. Когда в доме ничего нет, а грядут гости — замечательное решение проблемы: по-крестьянски сытно и довольно оригинально.

Картофельные клецки

1,5 кг натертого хорошо разваренного картофеля, 6 яиц, щепотка тертого мускатного ореха, 1 ст. л. муки, 1 ч. л. соли. Все ингредиенты смешать до однородной массы, поставить на ночь в холодильник. На утро сформовать клецки круглой формы и варить в кипящей подсоленной воде 20–25 минут.

Дальше мы разговариваем о местных преданиях, и Лиза рассказывает следующую историю о том старом заброшенном доме (бывшая *гупа* IV): «Моя бабушка рассказывала всегда, что в старом доме однажды оставили в новогоднюю ночь на Olljohrsabend открытой входную дверь. А этого нельзя делать, всегда говорили у нас, иначе придет старуха Olljohrsnudder. И на следующий день в доме обнаружили огромную черную собаку, она сидела на печи. Тогда хлеб пекли сами. И каждый раз, когда здесь затворяли тесто, нужно было кинуть собаке хороший кусок дрожжевого теста. Пес оставался в доме до следующего нового года, и тогда наконец пропал. Это старуха Olljohrsnudder послала собаку в дом. Все, что рассказывают — суеверия. Но это правда, это рассказала мне бабушка!».

Во время святок (*die Zwölften*) нельзя было стирать белье, вешать его на улице, запрещали также чистить хлева и выбрасывать на улицу навоз;

нельзя было подметать и выносить вон из дома мусор. Объяснение простое: «это приносит несчастье». Лиза вспоминает, что и копать в саду в это время было запрещено, одним словом — все работы на улице.

Вернер более стеснителен, чем жена. Он, конечно, что-то рассказывает тихо Бекманну, но, когда к нему приближается наш профессор с диктофоном, сразу тушует, замолкает и, когда мы просим рассказать «еще разок эту интересную историю», робко молчит и не решается начать. Но вот наконец он начал рассказывать о знахарях: «Раньше всюду были знахари. Я сам лично не знал никого, но слышал о том. В Лаупине не было своих целителей, но вот в Альт Ябеле была одна женщина, которая могла лечить заговорами. Она умерла несколько лет назад. Говорили еще о женщинах, которые срезали клочок волос с затылка больного, подносили его к пламени свечи и потом могли сказать, чем болен этот человек. И если кто-то плохо себя чувствовал, но не знал от чего, то обращались обычно к таким женщинам. Они назывались *Wahrsagerinnen*, но обычно их знали поименно, и между собой их называли просто по имени». Фрау Лиза Миров добавляет, что она их называет *Heilpraktiker*. Был один такой в деревне *Kuhstorf*.

Рассказывают о детских страшилках, скажем, здесь был известен такой образ — *Huleman*, или «черный человек», им пугают обычно маленьких детей, если они непослушные или не хотят утомониться и лечь спать.

Дом семьи Миров раньше тоже имел внутренний двор *diele*, который здесь называют *Tenne*. Лиза и Вернер еще держат домашнюю птицу — уток, куриц, а также кошку и двух лошадей-пони. Земли у Мировых 2,5 га вместе с лесом. Я спрашиваю, не слишком ли дорого содержать нынче лошадь, и Вернер заверяет, что в деревне это недорого. Раньше у них были коровы, было много молока, и из него делали, как полагается, сливки, сметану, творог и масло.

Когда наша беседа подходит к концу, мы тепло прощаемся с гостеприимным домом Мировых, фотографируем стариков на память (и для коллекции) и отправляемся домой. Сегодня нам недалеко, через дорогу, и машина не нужна...

Фотодневник

F-10. В-6 Эльдена. Церковь Цистерцианского ордена. Окно.

F-10. В-7 Эльдена. Церковь Цистерцианского ордена. Чугунная деталь стены.

F-10. В-8 Эльдена. Церковь Цистерцианского ордена. Кирпичный орнамент строения. Алтарная часть.

F-10. В-9 Эльдена. Церковь Цистерцианского ордена и кладбище. Церковь была построена в XII в., восстановлена после пожара 1839 г. На стене

можно различить остатки старых стен монастырской церкви XII в., встроенные в здание новой церкви XIX в.

F-10. В-10 Эльдена. Подворье пастора. Деталь оформления общинного дома.

F-10. В-11–12 Эльдена. Виды с колокольни церкви на село и пахотные угодья.

F-10. В-13 Эльдена. Вид с колокольни церкви на деревенское кладбище.

F-10. В-14 Эльдена. Вид с колокольни церкви на село.

F-10. В-15 Эльдена. Старый крестьянский нижненемецкий дом на одном из дворов села по улице Альтонаэрштрассе.

F-10. В-16 Эльдена. Крестьянский двор. Боковая сторона сарая, обращенная внутрь двора.

F-10. В-17 Эльдена. Крестьянский двор.

F-10. В-18 Эльдена. Крестьянский двор. Так выглядят сени *dile* в старом крестьянском доме.

F-10. В-20 Эльдена. Крестьянский двор. Боковая сторона старого традиционного нижненемецкого дома, обращенная внутрь двора.

F-10. В-21 Брезегард. Дом-двор нижненемецкого типа. XVIII в. Видны следы перестройки: новые окна на боковой стороне, черепичная крыша. На поперечной балке ворот вырезанная надпись: PETER DIHN ANNO 1719 DEN 19 APRILIS. В настоящее время дом пустует.

F-10. В-22 Лаупин. Лиза и Вернер Милов, информанты экспедиции, перед входом в дом.

Расшифровка записи беседы с пастором Шабовым и его супругой Кристель Шабов

S c h a b o w : Wenn Sie sich nicht gemeldet hätten, dann hätte ich versucht in Hagenow... Da hat sich neulich eine junge Frau gemeldet, eine Frau Doktor — woher kam sie? Aus Würzburg, Düsseldorf? Ja, die hat mecklenburgisches Brauchtum, auch ein Buch geschrieben und die fragte nun mal, sie hatte nun noch mal nach Hagenow gewandert.

M y l ' n i k o v : Was hatten Sie über drei Tage gesagt?

C h r i s t e l S c h a b o w : Ja, drei Tage wurden diese toten Menschen im eigenen Hof aufbewahrt. Heute ist es ja nun, dass eine Bestattungsperson kommt und dann den Toten abholt. Früher war so, dass jedes Dorf eine Frau hatte, die dann den Toten gewaschen hat, fertig gemacht hat und der lag dann drei Tage lang im eigenen Haus. Man hat also eine... eine Tenne sagt man dazu, also man hatte die Wohnung, dann war so ein Raum, eine Einfahrt, mit einem großen Tor gestaltet, wo man Heu und Speisen hatte, und das war Tenne. Und hier hat man dann die Leiche aufbewahrt drei Tage, dann wurde die beerdigt.

S c h a b o w : Die Diele?

C h r i s t e l S c h a b o w : Die Diele, ja, wahrscheinlich. Eine Diele ist sowas hier {zeigt}. Aber es ist vergleichbar mit einer Diele.

M y l ' n i k o v : Es war nur hier, in dieser Gegend oder?

S c h a b o w : Überall, überall.

C h r i s t e l S c h a b o w : In Mecklenburg, in Mecklenburg.

M y l ' n i k o v : In Mecklenburg.

C h r i s t e l S c h a b o w : Ja, sicher.

S c h a b o w : Das war so: also, der Verstorbene, wenn man verstorben war, dann kam die Leichenfrau, und die hat dann ihn gewaschen und nachdem er gewaschen wurde, haben dann alle von ihm Abschied genommen. Die Verwandten, die Bekannten und dann die Freunde, kam er zum Sarg, und drei Tage lang und nach drei Tagen kam dann der Pastor, und der hat denn eine [Totenmesse] gemacht im Haus, und dann kam dieser Leichenwagen und der Leichenwagen hat dann den Verstorbenen abgeholt und bis zum Friedhof gefahren. Und in den dreißiger Jahren haben dann alle Dörfer ihren eigenen Friedhof bekommen, und dann kam auch der Leichenwagen in die Dörfer und hat dann die Leichen bis Friedhof gebracht. Und als ich hier vor 9 Jahren oder vor 10 Jahren anfang, da war noch Sitte, in einer Beerdigung in der... von der Kirche austragen, da stand der Leichenwagen vor der Tür, mit drei... mit zwei Pferden gespannt und dann war die Leiche noch von der Kirche mit Pferdewagen auf den Friedhof gebracht.

M y l ' n i k o v : Und das war nur in Mecklenburg? Oder in anderen Ländern auch?

C h r i s t e l S c h a b o w : In anderen Teilen auch, ne? In Brandenburg?

I v a n o v a : In Russland ist es genauso, wie hier, in Mecklenburg. Es gibt eine Leichenfrau, die immer die Leiche... die wäscht auch die Leiche, zieht sie an, und dann muss die Leiche drei Tage im eigenen Haus bleiben.

C h r i s t e l S c h a b o w : Ja, ja. Kann man Abschied nehmen.

I v a n o v a : Ja.

S c h a b o w : Da gibt es auch einen Hintergrund, weil man Angst hatte, dass man noch leben konnte. Eigentlich war das auch in anderen Gegenden, Sternburg und in der Nähe, man konnte auch etwas spüren, von Abschied zu nehmen und so, ne?

C h r i s t e l S c h a b o w : Eine Frage: kennt man in Russland noch die Klageweiber? Frauen, die klagen und schreien und... ja. Das gibt es noch.

I v a n o v a : In achtziger Jahren gab es genau, das kann ich mich erinnern, als ich 5 war.

B e c k m a n n : Kriegen sie dafür Gehalt oder?

C h r i s t e l S c h a b o w : Nein.

B e c k m a n n : Die machen es dann freiwillig.

C h r i s t e l S c h a b o w : Uhu. Um die Stimmung auch richtig so... ja, das alle anderen das entschieden hatten dort, können sie auch hingehen und weinen und heulen. Heute ist es ja nicht mehr an der Tagesordnung, heute... ich denke mal, dass... denn heute man weint nicht, das weint keiner mehr heute. Wenn da man in einer Situation, kann man durch Grenze ausschreiten und heulen, das kann gerne sein, das kann ich nämlich auch.

I v a n o v a : Ich war neulich bei einer Beerdigung auf dem Dorfe, da heulte nur die Witwe.

C h r i s t e l S c h a b o w : Ja. Das kann sein. In Israel macht man das immer noch. Denn die Witwe hat richtig geschrien und geheult. Und dann ist Schluß.

I v a n o v a : Aber nur die Witwe, keine Klageweiber.

C h r i s t e l S c h a b o w : Ja. Aber wie ist es, dass bei Ihnen die Leiche immer offen steht, so dass man Abschied nehmen kann.

I v a n o v a : Die Leiche wird bei uns auch bis zum Friedhof offen getragen.

S c h a b o w : Ah so, auch getragen.

I v a n o v a : Der Leichenzug ist so: erst kommt der Mensch, der den Kreuz trägt, dann kommt... kommen die vier Männer, die den Deckel tragen und dann die vier, die mit den Handtüchern den Sarg tragen.

C h r i s t e l S c h a b o w : Ah, ja.

{Запись прервана}

S c h a b o w : ...der Deckel war 'runter und haben dann da... haben dann geweint, für sie war das richtig und...

M y l' n i k o v : Sagen Sie bitte, und wer weinte? Es ist verständlich, dass die Verwandte und so, aber waren solche Leute, die speziell weinten? Im Dorf, nein?

C h r i s t e l S c h a b o w : Nein... Na, wer eine ganz enge Beziehung hatte zu dem Verstorbenen, der Vertraute weinte, aber nun...

B e c k m a n n : In Woosmer wurde uns erzählt, es gab dort die Sitte, acht Bauern trugen den verstorbenen Bauern auf den Friedhof, es ist heut' noch immer...

I v a n o v a : Wenn ein Bauer stirbt, dann tragen ihn nur die Bauern.

S c h a b o w : Ja, genau.

C h r i s t e l S c h a b o w : Ja, so ist es. Insofern welche vorhanden waren, heute gibt es nicht mehr.

S c h a b o w : Also, die Glaisiner legen noch Wert darauf, die Glaisiner legen noch Wert darauf. Die Glaisiner legen noch Wert darauf, dass wenn ein alter Bauer gestorben ist, dass ihn Bauern nur tragen, nicht die Büdner, sondern die Bauern. Die gibt es natürlich noch seltener, aber... Na, Eldena ist ja so mehr ein Industriedorf schon gewesen, ne? So, Alt Eldena, die hier um die Bahren gelegt und dahinten hinter der Brücke, da waren die Handwerker und Bäcker und Schuster und... und...

B e c k m a n n : Wie kommt das, dass Eldena so groß geworden ist?

C h r i s t e l S c h a b o w : Durch die LPG und Schifffahrt.

S c h a b o w : Durch die Schifffahrt. Eldena hat vielleicht... kein Stadtrecht bekommen, weil wir das nicht wollten, weil das vom... von... finanziell günstiger gewesen ist, also, Dorfrecht zu behalten. Und hier ist wenig Beziehung gewesen, wenig Beziehung zwischen Alt Eldena, zwischen den Bauern und zwischen dem Jenseits bis in die Gegenwart hinein, wenn sie ihre Feste gefeiert haben, haben sie immer getrennt gefeiert, haben getrennt gegessen und so...

M y l' n i k o v : Und können Sie uns einige...

{Затисъ прервана}

S c h a b o w : Die Tante Micke, die 95 Jahre alt ist, die meinte, dass ihr Grosvater ihr immer gesagt hat, dein Name kommt aus Ungarn, da liegt dein Geburtsort. Obwohl er natürlich auch sehr slawisch klingt, ne? Schabow mit -ow, Grabow oder so, was hier alles so slawisch ist, aber das können Sie mir nicht sagen, woher der Name kommt, ne? Sie können mir das nicht sagen, woher der Name kommt.

M y l' n i k o v : Wissen Sie, mir ist es gewiss schwer, aber ich glaube, es klingt mehr doch ungarisch, aber da muss nicht *sch* sondern *s* sein.

S c h a b o w : Schabow *sz, a, b, o, w*.

M y l' n i k o v : Sabow. Ja, ja, ja. Sabow. Solche Namen gibt's.

S c h a b o w : Ja.

M y l' n i k o v : In der Geschichte weiß ich und auch heute. Na ja. Aber ab welchen Jahr sind Sie überhaupt in Deutschland oder Ihre Vorfahrer?

S c h a b o w : Sechzehnhundert und noch was...

M y l' n i k o v : Ach so, ja. Also, da *s* kommt in *sch*.

S c h a b o w : Ja.

M y l' n i k o v : Ja, ja. Und in welche Gegend, war es hier, in Norddeutschland oder westliche Teile?

S c h a b o w : Ja. In Norddeutschland. Auch hier. Es kamen meine Großeltern und ihre Eltern her.

M y l' n i k o v : Aha, da kommt wirklich eine Slawinisierung, das ist auch nicht ausgeschlossen.

S c h a b o w : Man kann weiter zurückverfolgen, dass die Schabows aus einem Lehrgeschlecht kommen, also die sind bis sechzehnhundert und noch was immer nur Lehrer gewesen.

M y l' n i k o v : Sie kennen Ihre Genealogie bis 1600?

S c h a b o w : Ja, so etwa so zurück.

M y l' n i k o v : Sie kennen es im Kopf oder Sie haben ein Blatt? Tafel?

S c h a b o w : Also, ich hab's ich hab's bis 1800 und noch was, bis 1700 und noch was da habe ich, aber ich versuche doch mal das aufzuschreiben, und dann zurück das weiß ich nur von der Tante, dass sie da noch was weiß, aber die lebt noch und {lacht} gibt das noch nicht aus der Hand.

M y l' n i k o v : Aha, aber sie hat es?

S c h a b o w : Ja, ja.

M y l' n i k o v : Es ist sehr wichtig, weil doch wenn Sie solange kennen Ihre Vorfahrer, so kennen Sie auch sehr interessante Sagen wissen, ich meine diese Beziehungen, verschiedene Vermischungen, verschiedene, nu kann ich sagen, Migrationen, wo Ihre Vorfahren waren, in ständigen bestimmten Teilen oder mit einem Dorf verbunden und sehr viele Aspekten — es ist schwer zu verschlagen, das muss man nach Urkunden sehen, ja. Also, das ist wirklich interessant. Als der Herr, der an Kirche war, hat mit mir gesprochen, ich fragte, wie ist Name von Pfarrer, er sagte: Schabo. Nicht Schabow — Schabo. Und ich habe es im Moment ungarisch gehört. Ja, ja. Aber als ich es schriftlich sah, so kam ich zu anderer Meinung, es kann und so, und so sein. Ja.

S c h a b o w : Meine Frau ist eine geborene Türkow.

C h r i s t e l S c h a b o w : Und den Ort gibt es auch bei Teterow.

M y l' n i k o v : Ja, ja.

C h r i s t e l S c h a b o w : Da ist ein Dorf, das heißt Türkow, und so ist mein Mädchenname. Auf -ow.

M y l' n i k o v : Ja, ja.

S c h a b o w : Schabows gibt es auch dort.

M y l' n i k o v : Birkenbaumhahn. Birkenbaumhahn — Teterow. Teterev, es ist eine Vogel, ja, in slawische Sprache, also, Birkenbaumhahn.

S c h a b o w : Birkhahn.

M y l' n i k o v : Oder Birkhahn. Ja? Ja, ja. Oder Ribniz, Ribniz — ryba, das ist Fisch. Solche Beispiele ist sehr viele. Ja, sehr viele. Manchmal sind sie so mit Germanisierung bedeckt, man muss sie so einwenig putzen {lacht}, und da kommt wieder dieser slawische Substrat, manchmal rein deutsche, das ist klar.

S c h a b o w : Wie war das in Russland, so zu Unterbrechen und so? Hat man da...

{*Запись прервана*}

M y l' n i k o v : ...als Sie über Dörfer gesagt haben, muss es voll angeschrieben sein. Kann es vergessen?

S c h a b o w : Nee, nein!

M y l' n i k o v : {*lacht*}

S c h a b o w : Im Ostmecklenburg gab's vor allen Dingen die Gutsdörfer mit einem Zentrum, das war das Gutshaus und drum herum die Tagelöhnerkaten. Und im Westen Mecklenburgs, hier in Eldena-Umgebung gab's vor allem Bauerndörfer und grössere Bauerndörfer, die auch noch bereichert wurden mit Handwerker und kleinen Betrieben, ne? also, Industriedörfer wie dieses gab's in Ostmecklenburg kaum. Und das war natürlich das Besondere. Ich war 13 Jahre bei Waren in einem Gutsdorf Pastor, und da war es schon sehr interessant, ne? dass die Gutsdörfer, da hat der eine Gutsherr den anderen abgelöst, der eine Gutsherr hatte das Gegenwort und kam der nächste Gutsherr, der war eben der Parteisekretär oder wie der Staatsfunktionär und da ist das ablösefrei gegangen werden. Hier in Westmecklenburg doch ein ganz anderes Lebensgefühl auch war, ne? Die Dörfer gehören uns! Ne? Und wenn man so vor der Wende die Dörfer man bereist hat in Ostmecklenburg, da ging die Welt unter, da war alles kaputt, war kaputt, und im Westen Mecklenburgs — es kam mir hier vor, wie in einer anderen Welt, als ich hierher gezogen bin. Die Dörfer waren relativ gut, die Häuser gut geschützt, die Gärten gut geschützt. Die Leute hatten doch das Bewusstsein hier. Ne? Also, in Eldena war schon was besonderes, die haben vor 25 Jahren die Kirche allein renoviert. Ohne staatliche Mittel oder so, das waren die Bauern, die gesagt hatten: wir, das ist unsere Kirche, unsere Tradition. Während in Ostmecklenburg... tja... ganz anders war, ne? Das ist mir sehr aufgefallen.

M y l' n i k o v : Und woraus sind Sie nach diese Gegend gekommen?

S c h a b o w : Für eine Kirchgemeinde ist es gut, wenn sich der Pastor mal wechselt. Neues Gesetz, neue Menschen, ein anderer Pastor spricht... ein neuer Pastor spricht auch ganz andere an, und das ist schon ganz gut. Dreimal in seinem Leben sollte man gewechselt werden.

M y l' n i k o v : Aber Sie sagten, dass Sie konnten nicht vergleichen, also, kamen sie aus östliche Teil Mecklenburgs, ja?

S c h a b o w : Ja. Dorf Mecklenburg.

M y l' n i k o v : Nu gut, mehr habe ich keine Fragen, vielleicht werden wir jetzt...

S c h a b o w : Ich hätte jetzt noch...

{*Запись прервана*}

{*Конец интервью*}

Расшифровка записи беседы с Лизой и Вернером Мировыми

М y l' n i k o v : Also, erste Frage, die ich vielleicht sagen möchte, was wissen Sie über Ihre Vorfahren? Warum lachen Sie?

W e r n e r M i r o w : Ja... was soll ich nun... also, wie gesagt, der Großvater, der stammt aus... da habe ich schon gesagt. Und mehr weiß ich ja auch nicht.

М y l' n i k o v : Tiefer wissen Sie nicht?

W e r n e r M i r o w : Nee.

М y l' n i k o v : Und Sie leben hier von Ihrem Geburtstag oder kamen später? So wie in dieser Broschüre {Festzeitung «150 Jahre “Roden Söcken” oder auch Klein Krams Ausbau genannt». Computerdruck.} geschrieben ist, ja? Also, zuerst lebten Sie in dieser Ausbau, ja? {Klein Krams Ausbau}

W e r n e r M i r o w : Ja. In Klein Krams Ausbau. Oder man nennt es Roden Söcken. Stand hier drin da, nicht?

М y l' n i k o v : Und Sie sind Bauer, ja?

W e r n e r M i r o w : Ja, meine... Ja, kann man so sagen. Damals waren ja LPG-Bauer, ne? Und jetzt bin ich Rentner, ne?

М y l' n i k o v : Ja, ja. Aber vordem arbeiteten Sie in der LPG, ja?

W e r n e r M i r o w : Ja, LPG. Ach! War auch ganz gut.

М y l' n i k o v : Ja?

W e r n e r M i r o w : ja.

М y l' n i k o v : Mir ist es schwer zu sagen, ganz verschieden war es.

W e r n e r M i r o w : Ja... Ach, ne... Kann man ehrlich sein.

М y l' n i k o v : War das Ihr Enkel, der auf diese kleine Pferd fuhr?

L i s a M i r o w : Ja, das ist Enkel.

W e r n e r M i r o w : Ja. Johanna war das, Johanna Tuttas. {Die Tochter von Volker Tuttas, dem Wirt, bei dem die Myl'nikow-Expedition untergebracht war}

М y l' n i k o v : Ja, ja, ja. Und damals, als Sie hierher kamen aus dieser Ausbau, vielleicht können Sie erinnern, wie hat man hier verschiedene Feste gefeiert? Zum Beispiel, wir können von Anfang an nennen, z.B. Weihnacht, da Faslam, da Ostern, da Pfinstern, da vielleicht Johannistag und Erntefest.

W e r n e r M i r o w : Erntefest, ja.

М y l' n i k o v : Am meisten, ja?

L i s a M i r o w : Ja. Geburtstag wurde auch gefeiert. {hustet} So, Bekannte dann, ne?

М y l' n i k o v : Aber in diesem Jahr, hat Laupin Dorffest, diesen Erntefest nicht gefeiert?

L i s a M i r o w : Erntefest nicht, nein. Das war 500 Jahr-Feier, 500 Jahre... Und das wurde nun gefeiert, sonst ist das hier nicht so. Früher — ja, dann wurde ja immer, da wurde jedes Jahr Erntefest...

W e r n e r M i r o w : LPG haben hier ja auch noch... große Feier auch...

M y l' n i k o v : Und jetzt auch, ja?
 W e r n e r M i r o w : Nein. Jetzt! {*Lacht*} LPG gibt's hier nicht mehr.
 M y l' n i k o v : Aber jetzt gibt es Genossenschaften.
 W e r n e r M i r o w : Ja. Die haben noch einmal diese... Jagdtracht gekriegt,
 Essen und so. Und hier... «Jagdfest» kann man sagen, wenn hier Jagdtag...
 M y l' n i k o v : Jagdtag, ja?
 W e r n e r M i r o w : Der Jagdtag, also die Jäger, die dann hier also... Schweine jagen und Hirsche, die haben dann einmal ein...
 M y l' n i k o v : Wie feiern Sie diesen Fest?
 L i s a M i r o w : Hier haben Erntefeste...
 W e r n e r M i r o w : Nee! Jäger...
 L i s a M i r o w : Dann gibt es nur Abendbrot, nur Essen, in der Schule, — wissen Sie, wo die Schule war?
 M y l' n i k o v : Ja, ja.
 L i s a M i r o w : Ja. Und da ist so ein Fourraum, und da gibt es denn Abendbrot, macht Fritz Döscher {*der Töpfer aus der Gegend, ebenfalls ein Informant der Exkursion*}, der hat ja die Jagd — unsere Ziegelei, wo es Keramik gibt. Waren Sie schon da?
 B e c k m a n n : Ja.
 L i s a M i r o w : Ne? Da, in Hohenwoos. Der macht dort Keramik und der hat die Jagd für den Tag gemacht. Und der gibt man das Abendbrotessen, und dann wird es ein bisschen erzählt.
 M y l' n i k o v : Also, bei ihm ist...
 L i s a M i r o w : Nee, nee, hier in Laupin.
 M y l' n i k o v : Ah, in Laupin?
 L i s a M i r o w : In Laupin.
 M y l' n i k o v : Ach, in diesem Haus, wo früher die Schule war?
 L i s a M i r o w : Ja.
 M y l' n i k o v : Und was erzählt man? Wie jemand ein großen Schwein gefangen hat oder...
 L i s a M i r o w : Ja, wie viele... wie viele...
 W e r n e r M i r o w : Ja, das wird alles...
 M y l' n i k o v : Jagdmärchen, Jagdmärchen...? Wie man sagt, Jagdmärchen.
 L i s a M i r o w : Ja. So.
 W e r n e r M i r o w : Ja, da muss man ein bisschen Haltung haben, ne? Wie festgehalten worden über Hirsche... umgelegt sind, und Schweine, und Rehe, Füchse, dat wird alles...
 M y l' n i k o v : Nu ja. Wie sagen die Fischer: ich habe solches und solches Fisch gefangen {*es wird gelacht*}
 L i s a M i r o w : Ja, ja!
 M y l' n i k o v : Und ist es mit wie... irgendwelchen Musik verbunden?

L i s a M i r o w : Nee.
 W e r n e r M i r o w : Ja, manchmal.
 M y l ' n i k o v : Wurde es getanzt?
 L i s a M i r o w : Nein.
 M y l ' n i k o v : Sie nur sitzen am Tische und trinken ein Bier wahrscheinlich...
 L i s a M i r o w : Ja. Richtig, und Schnaps noch dazu, ne? Ja-a!
 M y l ' n i k o v : Das muss sein. Und wie oft sind diese Jägerfeste?
 W e r n e r M i r o w : Einmal im Jahr.
 M y l ' n i k o v : Einmal im... und wann?
 W e r n e r M i r o w : Oh, das ist unterschiedlich. Ja, das ist unterschiedlich...
 M y l ' n i k o v : Mit Johannistag ist nicht verbunden?
 W e r n e r M i r o w : Nein.
 M y l ' n i k o v : Und interessant, Johannistag: feiert man hier zum Beispiel zwischen jungen Leuten, macht man so Johanni Feuer, tanzt man in der Nacht, springt man über das Feuer?
 L i s a M i r o w : Hier nicht, in Laupin nicht.
 M y l ' n i k o v : War...
{Die Aufnahme wird unterbrochen}
 W e r n e r M i r o w : ...Überall. Sie können nicht mehr so feiern, wie wir früher.
 M y l ' n i k o v : Warum?
 L i s a M i r o w : Weiß ich nicht. Sie... machen sie das nicht, können sie das nicht mehr so. Wenn wir gefeiert haben, das ging es so... das hat immer so viel Spaß gemacht.
 W e r n e r M i r o w : Und Tanzen... Was ist das für ein Tanzen?! Für die ältere hier, die Jungen, die hopsen bei 'rum, ja... ne... Früher war dann mehr so Walzen, und Tango und...
 M y l ' n i k o v : Nu ja...
{Die Aufnahme wird unterbrochen}
 W e r n e r M i r o w : ...Aber...
{Die Aufnahme wird unterbrochen}
 M y l ' n i k o v : Tangos... Wahrscheinlich etwas mit Batterie...
{Die Aufnahme wird unterbrochen}
 B e c k m a n n : Womit wird das gemacht?
 W e r n e r M i r o w : Aus Holz.
{Die Aufnahme wird unterbrochen}
 L i s a : Habe ich so... so gehört. Und denn mussten sie jedes mal, wenn sie Brot gebacken haben- da wurde ja selbst Brot gebacken — denn kriegte der so 'n... so 'n Handvoll Teig. Der Hund. Und mehr nicht. Und nächstes Jahr Olljoor-sabend mussten sie die Tür wieder auflassen, und dann war der Hund weg. Hat

aber keiner gesehen, das ist nur so... so haben sie immer erzählt. Meine Oma hat es so erzählt.

M y l ' n i k o v : Was hat sie gesagt?

L i s a : Die soll die Tür... die hatten die Tür nicht zugemacht. Küchentür war das ja. Und denn saß am nächsten Morgen ein Hund auf dem Herd. Und — ich weiß es auch nicht, wie die dazu... gesagt haben — die haben nur erzählt, denn sollten die dem Hund jedes mal beim Backen so 'n Kugel Sauerteig abgeben.

M y l ' n i k o v : Es ist an Weihnacht?

L i s a : Nee, Neujahr.

M y l ' n i k o v : Neujahr, uhu...

L i s a : Neujahr. Und nächstes Jahr sollten sie die Tür wieder auffassen. Und denn wenn sie das gemacht hatten, war er wieder weg. Ob das eine Sage ist oder ob das wahr ist...

B e c k m a n n : Das hat Ihnen Ihre Mutter erzählt?

L i s a : Nee, meine Oma. Die Oma. Ja.

M y l ' n i k o v : Aus welchem Dorf war ihre Oma?

L i s a : Auch hier. Laupin.

M y l ' n i k o v : Auch hier? Also, Laupin.

L i s a : Und wo das nu war mit dem Hund, da ist von meinem Opa der Bruder hingeheiratet.

M y l ' n i k o v : Aha. Und interessant, hat Sie Ihre Oma verschiedene Märchen erzählt, als Sie kleine Mädchen waren?

L i s a : Nee, das hat sie nicht.

M y l ' n i k o v : Nein? Vielleicht hat sie gesungen etwas, um Sie schlafen?

L i s a : Sie hat auch viel gesponnen, so mit dem Spinnrad, das weiß ich noch.

B e c k m a n n : Hat sie noch selber gewebt?

L i s a : Ja... Das weiß ich noch.

W e r n e r : Meine Eltern auch noch.

L i s a : Meine Mutter auch noch.

B e c k m a n n : Wann hat sie aufgehört mit dem Spinnen?

W e r n e r : Wie?

B e c k m a n n : Wann hat sie aufgehört mit dem Spinnen und Weben? Hat sie selber auch gesponnen und gewebt?

W e r n e r : Ja.

L i s a : Ja, ich hab nur als Kind aus Landeweile nur mal hingegangen. Ich kann das nicht.

W e r n e r : Im Krieg auf jeden Fall. 1945... also auf jeden Fall. Nachher war es eingeschlafen.

M y l ' n i k o v : Bitte schön, Sie sagen auf jeden Fall während Krieg. Spinnen hat man gebraucht, ja?

W e r n e r : Ja.

M y l ' n i k o v : Nein, ich hörte Ihre Frau, ich habe nicht verstanden, was Sie jetzt geantwortet haben.

W e r n e r : Spinnen und Weben auch.

M y l ' n i k o v : Ah, ja, ja. Nu ja, also zu Hause für sich.

W e r n e r : Ja.

M y l ' n i k o v : Oder auch für Verkauf?

W e r n e r : Nee, nee.

M y l ' n i k o v : Für sich, ja? Ja, das, was man nennt «Haushandwerk».

W e r n e r : Ja. Richtig, richtig. Aber nachher ist es so... nach dem Krieg ist es so allmählich eingeschlafen.

M y l ' n i k o v : Nu ja, ja, das ist klar.

W e r n e r : Ich kenne das noch, ich kann mir das noch entsinnen, ne? aber unsere Jugend, die weiß es nicht mehr.

M y l ' n i k o v : Nu ja.

W e r n e r : Ich sehe auch kein Spinnrad mehr, wollen wir so ma' sagen, höchstens wenn ich mal eins sehe, wie wird es gemacht... Da kann ich nicht mehr.

M y l ' n i k o v : Frau Mirow, warum wollen Sie nicht an ewigen Zeiten an Tonband Ihren Erzählung lassen? {*Lacht*} Ja! Nein, ich scherze, wahrscheinlich haben Sie etwas über Bräuche erzählt, ja?

L i s a : Soviel kenne ich von den Bräuchen nicht. Nee, das kann ich nicht.

M y l ' n i k o v : Ja? A, das, was Sie über Ihre Oma erzählten, ist sehr interessant.

L i s a : Ja.

M y l ' n i k o v : Ja, ja. Ja, ja.

L i s a : Ja, das hat sie aber auch oft erzählt. Ja, das hat sie oft erzählt. Ja... Und denn durfte man auch nicht... Altjahrsabend, ne? Wenn man ausgefegt hat, nicht das 'rausbringen. Das bringt Unglück. Wenn man da zusammengefegt hat und so, das durfte nicht 'raus. Das durfte schon nicht 'raus vom Weihnachten bis Silvester.

B e c k m a n n : Zwölften.

L i s a : In den Zwölften. Ja. Dann durfte das nicht 'raus.

M y l ' n i k o v : Was dürfte nicht?

L i s a : Den Dreck, den man zusammenfegt, so in der Küche oder im Zimmer, der durfte nicht 'rausgebracht werden. Das bringt Unglück.

M y l ' n i k o v : Also, diese Schmutzerei muss man bewahren, ja?

L i s a : Ja, das wurden dann irgendwo... in Eimer oder irgendwo 'reingetan, ne? Und auch keine Wäsche aufhängen. Das durfte ich noch nicht machen, als meine... unsere Kinder, Efossita und Martina, wo die als Babys — da gab's noch keine DMB-s und da durfte ich nicht 'raushängen, das musste ich auf dem Boden hängen. Nee, das macht man nicht.

B e c k m a n n : Wie war es mit dem Ausmisten, zum Beispiel?

L i s a : Auch nicht. Das durfte und wurde auch nicht gemacht. Vom Weihnachten bis Neujahr. Im Kuhstall durfte man nicht ausmisten. Ja... Das musste man eine Woche vorher und nachher im Januar.

W e r n e r : Dat is alles...

B e c k m a n n : Ja, ja.

L i s a : Ja, das sollte auch nicht gemacht werden. Man durfte auch nicht Gräben graben, nicht im Garten arbeiten.

I v a n o v a : Und was sagt man? Warum?

L i s a : Das bringt Unglück.

M y l ' n i k o v : Und sagen Sie bitte, zum Beispiel, die Schwelle spielt irgendeine Rolle? Die Schwelle.

L i s a : Ja, nee, das weiß ich nicht.

M y l ' n i k o v : Zum Beispiel in Russland, wenn die Gäste kommen, man kann der Hand nicht geben bisher der Gast nicht über die Schwelle kommt.

L i s a : Ne, das weiß ich nicht.

M y l ' n i k o v : Früher war es nicht so, nein?

L i s a : Das hab' ich nu nicht kennen gelernt.

M y l ' n i k o v : Haben Sie nicht gehört. Nu ja...

{Die Aufnahme wird unterbrochen}

L i s a : ...sie hat es ja gemacht.

W e r n e r : Olljoorsmudder.

B e c k m a n n : Ach so!

L i s a : Sie hat es ja gemacht!

B e c k m a n n : Den Hund.

L i s a : Ja, mit dem Hund.

B e c k m a n n : Warum hat sie das, also waren die Leute, die... was was...

L i s a : Ja, man sollte die Türen zu haben und die haben es vergessen.

B e c k m a n n : Und das war sozusagen die Strafe, dass die das ganze Jahr...

L i s a : Ja, ja. So habe ich das, ja so hab' ich das gehört.

B e c k m a n n : Wie war es in den Dörfern, kam ja die Olljoorsmudder irgendwie verkleidet?

L i s a : Nee, das weiß ich nicht.

W e r n e r : Ja, da war sie bloß vom Hören so...

L i s a : Ne, aber so wird nicht gewesen sein.

{Die Aufnahme wird unterbrochen}

B e c k m a n n : {die Frage nach dem Brauch mit dem Sprockeinbock}

L i s a : Ja, Sprockeinbock, das war aber auch vor meiner Zeit, da, wo die Feste feiern, war nur die Laube, und an besonderen Festen, dann haben die, habe sich ein Mann — als Sprockeinbock wurde gesagt — hatte sich auch verkleidet, der musste auch viel gehen, Hände auf und denn wurde der auch eingesperrt, da wo

Sie schlafen {im Haus, wo sich die Expeditionsquartier befand, jetzt gehört das Haus und das Grundstück Martina Tuttas, geborene Mirow, Tochter von Lisa und Werner Mirow}, im Schweinestall, auch Stroh kam da 'rein und denn wurde der eingesperrt und da konnten die Leute sich den ankucken, mussten ein bisschen bezahlen, wenn sie 'reinkucken wollten. Und denn haben sie den nachher nachmittags 'rausgeholt, am Stock, mit 'ner Kette — so wie sie einen Bullen führten — so haben sie den geholt, und dahinten, wo Martina wohnt, wo kleiner Platz war, da wurde dieses große Fest gefeiert. Und dies ist Sprockeinbock. Da wurden Tänze gemacht, die Jugendlichen und auch die Jungverheirateten.

B e c k m a n n : War das nur einmal oder war das {mehrmals im Jahr}?

L i s a : Das war nur einmal.

W e r n e r : Ja, aber die haben ja zum Fünfhundertjahrfeier damals auch noch gemacht.

L i s a : Ja, da haben die auch noch sowas ausgestopft.

W e r n e r : Haben die ausgestopft.

L i s a : Und haben die in der Schule war vorgestellt zum Ansehen, das war es...

B e c k m a n n : Das war was zu sehen, dass die alle verkleidet und...

L i s a : Ja. Ja.

B e c k m a n n : War einmalig.

L i s a : Ja, ja. Das war nur einmalig. Aber da wird heut noch viel von erzählt.

B e c k m a n n : Wann musste es gewesen sein, etwa?

L i s a : Wann musste es gewesen sein?.. 28.–27... So, ja. Und die Frauen waren alle in Trachten. Ja, das sollte hier schön gewesen sein. Aber sowas fängt an hier einzuschlafen.

M y l ' n i k o v : Aber wann beendete es alles?

L i s a : Bitte?

M y l ' n i k o v : Diese... nu, das, was Sie erzählten.

B e c k m a n n : Die Dorfkaktivitäten, wann ist das zu Ende gekommen?

L i s a : Ja! Tja... weiß ich nicht... Nach dem Krieg wohl?

W e r n e r : Da war ja alles niedergegangen, da war ja nichts mehr.

M y l ' n i k o v : Man hat uns gesagt, dass in fünfzigste Jahre war noch etwas.

L i s a : Ja, da war doch von den LPG aus, da haben die noch die Feste gefeiert in der Schule {in Laupin} und denn nachher hat auch die LPG darauf verzichtet.

M y l ' n i k o v : Man sagt, dass diese Stelle, wo wir jetzt wohnen, da ist eine kleine Plätzchen...

L i s a : Ja, da hinten?

M y l ' n i k o v : Ja, ja.

L i s a : Ja, da war das, da waren immer die Kühe vorher. Aber das war noch vor meiner Zeit. Ich weiß das nicht mehr.

M y l ' n i k o v : Ah, ja! Ah, so!

L i s a : Ja...

B e c k m a n n : Hat Ihnen Ihre Großmutter erzählt von dem... von dem... vom Früher?

L i s a : Ja, ja. Meine Mutter auch, mein Vater. Die haben auch immer mitgemacht.

B e c k m a n n : Wann wann... wann ist denn... wann sind Ihre Eltern denn geboren?

L i s a : Mein Vater ist 1890 und meine Mutter ist 1894 geboren.

B e c k m a n n : Ah, ja!

M y l ' n i k o v : Und Sie und Ihr Mann?

L i s a : Wir sind 1932 geboren.

M y l ' n i k o v : Beide?

L i s a : Beide, ja.

B e c k m a n n : Und die Großeltern, der Großvater, wann wurde der dann...?

L i s a : Das weiß ich nicht. Mein Großvater, den habe ich nicht mehr gekannt. Der ist... denn war ich ein Jahr, denn musste er 1933 gestorben sein, da war ich ein Jahr. Meine Oma, die ist ja erst 1963 gestorben und ist 1893 geboren. Die haben so immer viel erzählt so, ne? Ja!...

M y l ' n i k o v : Was liebte sie am meisten erzählen? Wahrscheinlich etwas hat sie wiederholt.

L i s a : Ja, immer mit dem Saubermachen! Das war die immer. Das braucht doch nicht sein. So wie du unter dem Sofa noch fegst, fegt doch keiner! Wenn du ein Fenster putzt, das war nicht gut genug! So wie ich das gemacht hab'. So, erst mit dem Tuch die Läden, und dann eingemacht, die Fensterläden ausgehängt und denn an der Erde und denn mit Bürste und Wassereimer — und so werden die Fenster geputzt! Waren denn die anderen Sitten, ne? Ja...

B e c k m a n n : Hat sie sonst so irgendwas erzählt, so wie z.B. früher die Stube wurde mit den Samen bestreut...?

L i s a : Ja! Ja, aber das kenne ich nicht. Das hat mein Vater erzählt. Mein Vater waren 11 Kinder. Und der ihr Vater, also mein Opa war Musiker, und der hat den also, und nebenan war — die haben da gewohnt, wo unsere Tochter wohnt jetzt. Da ist mein Vater groß gewohnt, hat dort gewohnt. Und hier nebenan war ja der Saal, der ging da ja, war so angebaut — und denn die Sachen, die sie hatten, waren auch nicht so gut, hatten auch nicht so gefällt — denn durften sie da nicht hin. Zum Tanzen, der Beginn der Tanz war, am Morgen mussten die gehen, sonst kamen sie gar nicht hin. Und denn hat der Opa mit der Geige gespielt in der Stube und denn haben sie da getanzt. Und denn war der Sand drin — sagte, und so warm, dass war alles im Staub in der Stube! Hat er auch gesagt.

M y l ' n i k o v : Wo lernte er, an Geige zu spielen?

L i s a : Das hat er sich alleine gelernt.

M y l ' n i k o v : Selbst?

L i s a : Ja.

M y l ' n i k o v : Aha...

L i s a : Ja... Und denn sind er und der eine Sohn und... ja, die beiden, die sind denn Musik machen gegangen, hinten an die Elbe, bei Neustadt...ä... Neuhaus. Da. Für drei Mark, jeder hat drei Mark. Und denn zu Fuß hin und zu Fuß zurück.

M y l ' n i k o v : Auf andere Seite Elbe, ja?

L i s a : An der Elbe.

M y l ' n i k o v : An diese Seite?

L i s a : Diese Seite. Aber dicht an Elbe.

M y l ' n i k o v : Und was spielten sie, wissen Sie nicht? Welche Musik?

L i s a : Nu ja... Blasmusik so, ne?

M y l ' n i k o v : Volksmusik?

L i s a : Ja! Ja...

M y l ' n i k o v : Sie erinnern nicht, vielleicht den Terz oder Melodie?

L i s a : Nie, das weiß ich nicht. Das war ja so, wie die Art die Schlag, so «Im grünen Wald» oder aus dem Zigeunerleben... So, die Art der Schlage, das war ja erst und das sind für uns auch noch die Häupten, ne? Wie der gespielt hat, das war ja allerlustig!

M y l ' n i k o v : Ja, ja... Ja, das ist interessant, sehen Sie mal, wir sprechen und Sie fingen an noch etwas doppeltes erinnern, sehr interessant.

L i s a : Ja, ja. Wenn man so weiter fragt...

M y l ' n i k o v : Dann kommt in Kopf, ja! *{beide lachen}*. Aus Tiefe, aus Tiefe, ja, ja!

B e c k m a n n : Hat denn Ihre Großmutter Ihnen auch erzählt, früher hat man sich anders geschmückt: mit Blumen oder auch nicht Blumen...

L i s a : Blumen hatten sie aber auch früher.

B e c k m a n n : Ja?

L i s a : Ja, Blumen hatten sie auch, aber nur am Fenster.

B e c k m a n n : Ja, ja, ja... Und und wie sagt man, Vorhänge und Gardinen... solche Sachen...

L i s a : Ja, ja, das hatten sie auch. Aber du... in der Küche, weiß ich noch, früher — das weiß ich noch — da waren nur die... die roten Mauersteine. Das weiß ich noch. Da war so oben ein kleines Loch in die Erde — wenn denn sich Sonnabends saubergemacht wurde, dann haben sie denn Wasser hingegossen — 'm Eimer. Und dann war es ein bisschen tiefer und dann lief es nach draußen hinaus. Das weiß ich aber noch.

W e r n e r : Das war ja, früher war damals, die Zeiten sind vorbei...

L i s a : Jetzt kann man nicht 'runterfahren, ne?

M y l ' n i k o v : Ja, ja.

B e c k m a n n : Und wann hat der Ort hier den Wasseranschluß bekommen?

L i s a : Haben wir noch da.

B e c k m a n n : Jeder hat sein eigenen Anschluß?

M y l ' n i k o v : Haben Sie eine Pumpe, ja?

L i s a : Ja, eine elektrische Sache.

M y l ' n i k o v : Aha.

L i s a : Da ist noch Kaffee drin.

M y l ' n i k o v : Nein, danke schön, nein.

B e c k m a n n : Haben Sie auch Trinkwasser?

W e r n e r : Ja.

{Die Aufnahme wird unterbrochen}

B e c k m a n n : Gab es jemanden, mit dem man den Kindern irgendwie Angst machen konnte? Schwarzer Mann oder so? Wenn du nicht aufräumst oder wenn du in den Wald gehst...

W e r n e r : Ja.

B e c k m a n n : Wie nannte man den?

W e r n e r : Wie man ihn nannte... Oh, dat kenn wi ook nich... «Nu kommt der Schwarze Mann» oder so...

B e c k m a n n : War das Schwarze Mann?

L i s a : Der Hulemann!

W e r n e r : Hulemann? Ach, der Hulemann war das! Ja...

M y l ' n i k o v : Und Erzählungen über Hexen zum Beispiel... Wahrscheinlich waren auch? Konnten bestimmte Steine mit diese böse Kräfte verbunden sein? Nein? Und sagen Sie bitte, Volksmedizin. Waren wahrscheinlich sogenannte Wissende, welche konnten Arznei treiben? Volksmedizin? Also, nicht offizielle Medizin, die Kranken in Klinik...

L i s a : Die Wahrsagerinnen oder so? Ja, das konnten früher manche...

M y l ' n i k o v : ...aber bloß einfacher Bauer verstand in... Heute ist es oder nicht?

L i s a : Es kommt auch vor...

M y l ' n i k o v : Kommt auch, ja?

L i s a : Doch! Die sind früher nach Hagenow...

{Die Aufnahme wird unterbrochen}

M y l ' n i k o v : Нахожусь в двух полях *{с одной стороны разговор ведут Бекманн и Вернер Миров, с другой — Иванова и Лиза Миров}*, не знаю, что будет с записью.

Ich komme auf Ihre Seite, sonst kann ich nichts verstehen...

L i s a : Nee!

M y l ' n i k o v : Also, bitte schön, es ist in Ordnung, jetzt dreht es.

L i s a : Aha! Ja, wir haben eben von Kuchen erzählt.

M y l ' n i k o v : Aha! Mecklenburger?

L i s a : Mecklenburger Kuchen. Das Heft ist von den Landfrauen, die singen hier immer im Chor. Die hatten... jede hat seine besten Rezepte hier gegeben und auch geschrieben und dann haben sie es zusammengefasst, und dann haben sie es als Bücher verkauft. Und das schmeckt sehr gut.

M y l ' n i k o v : Aber war Unterschied, zum Beispiel die Küche hier, in Griese Gegend und andere Teile, z.B. Ostmecklenburg?

L i s a : Ja... das ist wohl so...

M y l ' n i k o v : Kann man sagen?

L i s a : Ja, das glaube ich.

M y l ' n i k o v : Aber wie realisiert es?

L i s a : Hier ist ja nur Kartoffel. Wenn ´s keine Kartoffeln gibt, ist auch kein Mittag. So sind wir!

M y l ' n i k o v : Ihr?

L i s a : Ja. Wir müssen Kartoffel haben. Und die Jugend, die Jugend, so die Jungverheirateten, die brauchen nicht Kartoffel, die essen denn Pizza, Pommes oder so... Denn... essen Sie auch?

B e c k m a n n : Döner nicht vergessen!

L i s a : Ja!!! Genau!!! Sowas noch.

I v a n o v a : Nein, nein!

M y l ' n i k o v : Was nennen Sie...

L i s a : Nee? Essen Sie nicht?

I v a n o v a : Nee!

L i s a : Nein.

M y l ' n i k o v : Was nennen Sie Pommes?

L i s a : Kartoffel denn in so ´ne... so ´ne kleinen Streifen geschnitten, die werden denn gerostet.

I v a n o v a : Картофель фри.

L i s a : Mit Salz drauf und und...

M y l ' n i k o v : Я понимаю, я думаю: pommes...

I v a n o v a : Это Pommes frit из французского, пишется поммес, они так и называют.

L i s a : Kinder essen das auch sehr gerne, ne?

M y l ' n i k o v : Nu ja.

L i s a : Und auch so die kleinen, da kann man sich nicht mit dreckig machen. Ja, die essen denn Pommes und...

B e c k m a n n : < ... >

L i s a : Richtig! Ja, das gehört noch dazu. Ja. Wenn der Bäcker kommt, oh, da kannst du dich ma´ die Tischdeckchen machen. Stark Kartoffel und Fischsüppchen, das essen sie gerne.

B e c k m a n n : <...>

L i s a : Ja, das noch lieber, mit Tomatensoße.

M y l' n i k o v : Aber Sie sagen, dass heute auch die junge Leute brauchen nicht so viel Kartoffel wie früher?

L i s a : Nee.

M y l' n i k o v : Aber in östliche Teil Mecklenburg, wie ist es, wissen Sie?

L i s a : Weiß ich nicht...

M y l' n i k o v : Nein... Das, was Sie sagten über Kartoffel, es war früher? Alte Rezepte?

L i s a : Ja! Ja, ja. Aber die Alten — wir sind ja auch schon alt — wir essen das heute noch alle.

M y l' n i k o v : Nu ja.

L i s a : Wir essen heute alle Kartoffel. Obwohl die Jungen drin sind — die brauchen keine.

M y l' n i k o v : Zum Beispiel in Weißrussland ist Kartoffel, kann man sagen, ein Nationalessen, Nationalfutter. Und in Minsk, weiß nicht, wie jetzt, aber vor einigen Jahren- so 10–15 — war ein Restaurant «Hundert Speisen aus Kartoffel».

L i s a : Auch Kartoffel?

M y l' n i k o v : Nein, ja, ja. In Minsk, das ist Hauptstadt von Weißrussland. Ja.

L i s a : Von Urel ist keiner hier, ne? Urel, in Russland?

N o v i k : Ural.

L i s a : Ural, Ural. Da ist mein Bruder vermisst.

N o v i k : Das ist Gebirge.

M y l' n i k o v : Was ist Ihr Bruder?

L i s a : Mein Bruder ist da vermisst.

M y l' n i k o v : Ah, aha. Nu, Ural ist viel östlicher, es ist schon eine Grenze zwischen Europa und Asien. Nicht politische, gewiss, aber klimatische.

{Die Aufnahme wird unterbrochen}

I v a n o v a : Und das mit den abgeschnittenen Haaren, wie wurde es gemeint? Hält die Frau die Haare über 'ne Kerze und heilt?

W e r n e r : Ja, ja. Dann konnte sie sehen, was der einer hat, welche Krankheit.

I v a n o v a : Ah, welche Krankheit. Und nicht heilen?

W e r n e r : Nein! Nein, nein.

L i s a : Nein, nein. Nur die Krankheit.

W e r n e r : Richtig. Na ja, richtig, so ungefähr.

I v a n o v a : Und wie werden solche Leute genannt?

L i s a : Heilpraktiker.

W e r n e r : Nee, nee...

L i s a : Na, Wahrsagerinnen, nich?

W e r n e r : Kein' besonderen Namen.

L i s a : Ja.

W e r n e r : Ich war auch nicht da, ne? Ich weiss es bloss vom Hören, ne? Von mehreren.

I v a n o v a : War das früher?

L i s a : Ja, als Kinder. Als wir Kinder waren, denn wurde das immer so erzählt. Ja...

{Die Aufnahme wird unterbrochen}

L i s a : ...Von meinem Mann die Mutter und zwei Kinder hatten wir. Und Opa, mein Vater, der hatte noch ein kleines Zimmer, der war da immer. Und nachher haben wir das auch gebaut. Hatten die, erst hat Kühe, die haben denn den Schweinestall wo kam die ersten rein, und denn haben wir erst ausgebaut. Und wo wir alles fertig haben, ausgebaut, dann wurden die Kinder groß, dann sind sie in die Lehre gegangen, und denn sind sie nicht wiedergekommen und so haben wir alle Zimmer alleine.

B e c k m a n n : Und das Haus ist vom alten Zustand, wie es früher aussah...

{Die Aufnahme wird unterbrochen}

B e c k m a n n : ja, das war Schedler, etwas grösser als Pony so kleiner als Pferd *{речь идет о лошади внучки, которая учится ездить верхом}*.

W e r n e r : Ja, das ist so.

W e r n e r : Ja, aber ich kann Ihnen bloß so sagen, wenn man das so denkt, was kann ein Auto kosten oder Autounterhaltung, oder hier Heizung, Gas, oder Öl — dann zahlt man das 2000–2200 Mark. Und das ist bloß kleine Kasse. Ja. Geht nicht. *{Звон уроненной чашки}* Und wenn man so denkt, ist ein Pferd nur...

B e c k m a n n : Nochmal zum Pflügen zurück.

W e r n e r : Ja.

B e c k m a n n : Haben Sie immer den normalen Pflug benutzt oder gibt es ja noch eben ein Pflug so sägenartiges Ding, den sogennanten Hackenpflug, den sozusagen kein Schar hat, einfach nur Hacken, der aber steckt, auf leichteren Böden. Einfach nur aus Einholz. Hat man sowas verwendet?

W e r n e r : Verwendet ja, das hat man, aber die hier nicht, ich weiß das bloß vom Hören, aber das ist mehr auf dem schweren Boden. Hier haben sie einfachen Eggpflug. Den kann man mit zwei Hände...

B e c k m a n n : Und die, die mit dem Schar, die dann...

W e r n e r : Die, die... aber auch da noch ein Scharpflug extra, wo dann die drei Schare, ne? So klein... Und dann... denn Egge... also... und denn so 'ne Egge unten.

B e c k m a n n : Die Egge, hatten... hatten... Zähne aus Eisen oder aus Holz?

W e r n e r : Alles Eisen.

B e c k m a n n : Alles Eisen. Ah, ja. Aber früher gab das große Eggen, auch weiß ich hier, und waren Holzeggen, aber Eisenschare. Ne? Nach den also 1950-er Jahren, in den 50-er Jahren nachher, dann war es immer aus Eisen. Und nu is ja... *{lacht}*.

I v a n o v a : Hatten Sie auch Kühe gehabt?

W e r n e r : Wie?

I v a n o v a : Hatten Sie auch Kühe gehabt, früher?

W e r n e r : Kühe? Ja. Milchkühe.

I v a n o v a : Milchkühe?

W e r n e r : Ja, Milchkühe.

I v a n o v a : Was hatten Sie mit der Milch gemacht?

W e r n e r : Butter gemacht. Und ein Schwein. *{говорит что-то дальше. Запись очень тихая}*

L i s a : Von der Schule, da wohnt mein Bruder, wo der zur Zeit bei der Bahn ist. {...} In Laupin, ja.

M y l ' n i k o v : Фрай Мирова показывает несколько старых фотографий.

L i s a : Und dies war so 'ne Hochzeit.

M y l ' n i k o v : Свадьба...

I v a n o v a : Wann war das?

L i s a : Tja, wann? ...1932 ist er geboren... tja, 1930. Um 1930, so, ne?

M y l ' n i k o v : Кто-то из родственников. *{Фрай Миров предлагает кофе}*
Ja, danke schön, ich hab' noch ein wenig. Ja, ja.

L i s a : Hier war der 500-Jahrfeier gewesen. Sind um das Dorf 'rumgegangen.

W e r n e r : Das ist wo Martina wohnt, ne? Dat is... von vorne und oben.

{Die Aufnahme wird unterbrochen}

L i s a : Und wissen Sie, was da war, im ganzen Jahr? An dem Tag vorher wurde sie nach Hause geholt. Und da war nix. Keine Autos und nix, nur die Panzer vor der Straße lang, wurde gegen geschossen. Und denn sind die noch mit einer Freundin, und denn sind die Eltern von der Freundin zum Bahnhof gefahren zum Tauchplatz nach Hamburg, die kamen ohne die Mädels nach Hause, die sind nicht mitgekommen, war ja bloß so. Das wussten wir ja gar nicht. Und denn im Krankenhaus, in Ludwigslust gearbeitet. Wir haben nachgeforscht bei der Botschaft. «Ja, — haben die Dänen gesagt, — das sollten zwei deutsche Mädchen sein». Und denn war der Flug, so wollten sie mit, aber die sind nicht mitgekommen, denn der Flugzeug ist nicht geflogen. Dann wussten wir ja aber schon, dass sie da sind.

B e c k m a n n : Sie haben sie schon begraben.

L i s a : Ja. Und denn zuletzt sind die irgendwo untergebracht worden bei den Pastoren, aber ganz hinten auf dem Hof, dass nicht nach vorne konnten. Die haben immer den Pastor gesehen, die haben in die Mauer 'reingeschossen und alles. Sie haben unseren Tod schon gesehen. Und zwei Tage bloß, und dann sind die nach Moskau gekommen. Und da mussten die wieder umsteigen. Und da sind die in ein ganz nobles Hotel gekommen, sowas haben sie noch gar nicht gesehen. und da wurden die denn eine Nacht untergebracht. Die haben sich die Bette bestellt

und die waren hochgesprungen — so haben sie sich gefreut! Und denn nächsten Tag sind sie denn nach Hamburg geflogen.

B e c k m a n n : So hatten sie 6 Monate, sagen wir ja, Urlaub?

L i s a : Nee, das... Urlaub, Urlaub! Natürlich, nur Urlaub.

I v a n o v a : Sechs Monate?

L i s a : Nee, das waren nur vier Wochen, sechs Wochen, sechs Monate eben nicht. Das waren nur vier Wochen.

B e c k m a n n : Ja, eine Reise.

L i s a : Ja, aber da waren sie fix und fertig.

{Конец интервью}

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ИЗ ПРЕДЫСТОРИИ ЭКСПЕДИЦИИ: ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ	19
От замысла к реализации	21
Точки отсчета	26
ИЗ ПОЛЕВЫХ НАБЛЮДЕНИЙ ЧАСТЬ I. Правобережное Полабье	35

Научное издание

Мыльников Александр Сергеевич
Иванова-Бучатская Юлия Валерьевна
Новик Александр Александрович

**В лесах Северной Германии:
По следам исчезнувших славян**

**Полное собрание материалов
Первой Российско-германской этнологической экспедиции
в Северную Германию 2000 г.**

Том I

Редактор М. Банкович
Компьютерный макет Р. Морозовой

Подписано к печати 11.11.2009. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Уч.-изд. л. 38. Усл. печ. л. 36.
Тираж 300 экз. Заказ № 1384.

Издательство «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1.
main@nauka.nw.ru
www.naukaspb.spb.ru

Отпечатано в ООО «Издательство “Лема”»
199004. Санкт-Петербург. В.О. Средний пр., 24

Ябельхайде. В квартире экспедиции в д. Лаупин:
А. С. Мыльников, Ю. Иванова, А. Новик.

Ябельхайде. Лаупин. Старый дом-двор постройки 1651 г.

Ябельхайде. Хоэнвоос. Эрих и Ина Элерс.

Ябельхайде. Дом семьи Элерс в д. Хоэнвоос — традиционный нижненемецкий дом-двор.

Ябельхайде. Альт Ябель. Участники экспедиции в гостях у семьи Кламаннов. Ингрид Кламанн показывает старинное полотенце.

Ябельхайде. Деревня Гребс. Ханс-Ульрих Бёттхер на пасеке.

Ябельхайде. Гребс. Марга Бёттхер
в одном из своих народных
костюмов.

Ябельхайде. Гребс.
Марга Бёттхер и Ю. Иванова
в традиционной куртке
крестьянина из Гарца.

Ябельхайде. Старые мекленбургские дома-дворы в деревне Люббендорф.

А. С. Мыльников беседует с пастором К. Эллер в деревенской церкви села Мекленбург.

Ябельхайде. Брезегард у Эльдены. Фигуры-приглашения к Празднику урожая в селе.

Ябельхайде. Лоозен. Процессия тракторов во время Праздника урожая.

Ябельхайде. Кренцлинер Хютте.
Танцует народный ансамбль во время Праздника урожая.

Ябельхайде. Филанк.
Элли Гюнтер прощается
с участниками экспедиции.

Ябельхайде. Отреставрированный традиционный дом-двор в деревне Филанк.
Владелец дома Шрётер.

Ябельхайде. Эльдена. Диле в старом доме-дворе,
который ныне используется как сарай.

Ябельхайде. Село Эльдена. Вид с колокольни церкви.

Ябельхайде. Глайзин. Дом безземельного крестьянина-хойслера с поперечным диле.
Строительный материал – «клумп».

Ябельхайде. Глайзин. Супруги Марта и Вилли Феландт.

Ябельхайде. Хоэнвоос.
На ярмарке в гончарне Ф. Дёшера. Х. Бекманн, Ю. Иванова, В. Хеннинг.

Ябельхайде.
На ярмарке в селе Хоэнвоос. В хлебной печи выпекают до 80 буханок.

Ябельхайде. Хоэнвоос. Ярмарка в гончарне Ф. Дёшера. Старик-продавец рыбы.

Ябельхайде. Музей-этнопарк Гросс Раден. Языческий древнеполабский храм IX в.

Ябельхайде. Музей-этнопарк Гросс Раден. Хлебные печи древних славян до сих пор используют для изготовления хлеба.

Ябельхайде. Деревня Варлов. А. С. Мильников
беседует с жительницей села. На заднем плане — дом из рудного камня «клуб».

Ябельхайде. Ной Ябель.
Шарлотта Винке.

Ябельхайде.
Внутренний двор-дилье
в доме семьи Альбрехтов
в деревне Ной Ябель.

Ябельхайде. Ной Ябель. Старейший информант экспедиции Минна Хеннинг.

Ябельхайде. Лаупин. Нижненемецкий дом-двор
крупного крестьянина-землевладельца постройки 1654 г.

Ябельхайде. Лаупин. А. Новик с видеокамерой за работой.
На заднем плане — отреставрированный дом-двор мекленбургского типа.

Ябельхайде. Альт Ябель. Супруги Гертруд и Альфред Гроссманн.

Ябельхайде. Дёмитц.
В мастерской окружного
Союза женщин.

Ябельхайде. Фольцраде.
Помещичий дом, принадлежащий Хуго фон Шлихтегорль-Пентцу.

Ябельхайде. Воосмер. Модернизированный крестьянский дом-двор.
Вместо ворот *диле* на фасаде широкое окно.

Ябельхайде. Воосмер. Вечер нижненемецкого диалекта «Plattdeutschabend».

Ябельхайде. Брезегард у Эльдены.
Хильдегард Видов
с дочерью Карин Видов.

Ябельхайде. Дёмитц.
Женщина в краеведческом музее
за работой.

Ябельхайде. Дёмитц. Женщина за ткацким станком в краеведческом музее.

Г. Хагенов.
Руководитель краеведческого музея
Хенри Гавлик.

Г. Хагенов.
Краеведческий музей.
Экспозиция «Сапожная
мастерская».